КУЛЬТУРА И НАУКА

Бетанкур

Дмитрий КУЗНЕЦОВ

ВИП

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

Бетанкур

Дмитрий КУЗНЕЦОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга рассказывает о судьбе удивительного человека — Августина де Бетанкура (1758—1824), учёного, архитектора и инженера, организатора строительства и транспорта в Российской империи. Только перечень его изобретений может занять не одну страницу. Он жил в России в эпоху Александра I, когда создавались главные архитектурные ансамбли города на Неве.

Имя Бетанкура окружено многими загадками, причём совершенно неожиданными. Автор книги Дмитрий Кузнецов, используя подчас детективные методы расследования, попытался разгадать их и рассказать о том, что, казалось бы, навсегда осталось спрятанным в истории.

- Дмитрий Кузнецов
  -
  - ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЕНИКСА
  - ЭКЗЕРЦИРГАУЗ
  - ПРИЧИНЫ ОТЪЕЗДА С РОДИНЫ
  - ПОД ДЛАНЬЮ НАПОЛЕОНА
  - ЭРФУРТ
  - ПРИЕЗД В РОССИЮ
  - ПЕТЕРБУРГ
  - АБРАХАМ ЛУИ БРЕГЕ
  - КЛОПЫ
  - ПЕРВЫЕ ШАГИ В ПЕТЕРБУРГЕ
  - ПЕРВАЯ ЗИМА
  - КНЯЗЬ КУРАКИН
  - ХОСЕ-МАРИЯ ДЕ ЛАНЦ
  - КАРЛ III
  - СНОВА ХОСЕ-МАРИЯ ДЕ ЛАНЦ
  - ЗНАКОМСТВО ХОСЕ-МАРИЯ ДЕ ЛАНЦА С БЕТАНКУРОМ
  - ЯНВАРЬ 1809 ГОДА
  - КАНАРСКИЕ ОСТРОВА
  - ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ АВГУСТИНА
  - ЯНВАРСКАЯ НОЧЬ 1809 ГОДА
  - АЛЕКСАНДР I
  - М.М. СПЕРАНСКИЙ
  - ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА
  - ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ
  - СЛУЖБА
  - ТВЕРЬ

- ПРИНЦ ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ
- ПУТЕШЕСТВИЕ В ТВЕРЬ
- КАДИС
- АНДАЛУСИЯ
- МАДРИД
- МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМ И МОСКВОЙ
- ПОЛИТИКА
- ЖИЗНЬ В ТВЕРИ
- ТУЛА
- СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА
- РУДНИК АЛЬМАДЕН
- ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ О СОЗДАНИИ ИНСТИТУТА КОРПУСА ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ
- «АЭРОСТАТИЧЕСКИЙ ГЛОБУС»
- БОРЬБА
- СЕНОВЕР
- ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИЗ ФРАНЦИИ
- ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
- ПРОФЕССОР ДЖАКОМО ТРОМБАРА
- АРАНХУЭС
- ХУДОЖНИК ФРАНСИСКО ГОЙЯ
- ЕВРОПЕЙСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
- ГАСПАР МОНЖ
- ЖАН-РОДОЛЬФ ПЕРРОНЕ
- ЖИЗНЬ ВО ФРАНЦИИ
- НАУЧНАЯ РАБОТА БЕТАНКУРА И ИСТОРИЯ ТЕХНИКИ
- ДОРОГА В АНГЛИЮ
- ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЛОНДОНА
- ЗНАКОМСТВО БЕТАНКУРА С ТВОРЧЕСТВОМ КРИСТОФЕРА РЕНА
- ПРОМЫШЛЕННЫЙ ШПИОНАЖ
- ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР КОРОЛЕВСКОГО КАБИНЕТА МАШИН
- КАРЛ III
- ВЕК РЕВОЛЮЦИЙ
- ПАРИЖ
- ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
- «НАУКА НУЖНА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОКОРЯТЬ ПРИРОДУ»
- ОРДЕН СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
- ПОСОЛ ДЖОН КВИНСИ АДАМС
- ПЕРВЫЙ В МИРЕ ЗЕМЛЕЧЕРПАТЕЛЬНЫЙ ЭКСКАВАТОР

- КАМЕННООСТРОВСКИЙ МОСТ
- КАМЕНОТЁС САМСОН СУХАНОВ
- МОЛОЧНИЦА С РАЗБИТЫМ КУВШИНОМ
- СКУЛЬПТОР ИВАН ПЕТРОВИЧ МАРТОС
- МАДАМ БЕТАНКУР И МИССИС АДАМС
- ПЕРВЫЕ ДОНОСЫ
- СТОРОНЫ ЖИЗНИ
- БЕГСТВО ИЗ ПАРИЖА
- ДВОРЕЦ БУЭН-РЕТИРО
- КАРЛ IV
- ТЕЛЕГРАФ БРЕГЕ—БЕТАНКУРА
- ИНКВИЗИЦИЯ
- СТОЛИЦА ИСПАНИИ
- МАНУЭЛЬ ГОДОЙ
- ПОД СОЛНЦЕМ ИСПАНИИ
- ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ФИРМЫ «BREGEUT» ВЛОНДОНЕ
- КАРЛ IV И БЕТАНКУР
- СНОВА СВЯТАЯ ИНКВИЗИЦИЯ
- ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
- ДРАГА БЕТАНКУРА
- ТРАГИЧЕСКИЙ ГОД
- БАРТОЛОМЕ СУРЕДА
- НА БЕРЕГАХ ТЕМЗЫ
- В КРУГУ СЕМЬИ
- ЧАСЫ КОНСТРУКЦИИ БРЕГЕ
- ОТЪЕЗД ИЗ АНГЛИИ
- БОРЬБА ЗА ОПТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФ
- СВАДЬБА
- ПОЧЕМУ БЕТАНКУР НЕ ПРИЕХАЛ НА КУБУ
- ЖАРА В МАДРИДЕ
- В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО
- ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С НАПОЛЕОНОМ
- АДМИРАЛ МАРИАНО ЛУИС ДЕ УРКИХО
- ГЕНЕРАЛ ХОСЕ РАМОН ДЕ УРРУТИЯ ИДЕЛАСКАСАС
- АЛЕКСАНДР ФОН ГУМБОЛЬДТ
- СТРОИТЕЛЬСТВО ОПТИЧЕСКОГО ТЕЛЕГРАФА МАДРИД-КАДИС
- БОРЬБА С ИНКВИЗИЦИЕЙ
- МАДРИДСКАЯ ШКОЛА ДОРОГ, КАНАЛОВ И ПОРТОВ
- КОНФЛИКТ МЕЖДУ БЕТАНКУРОМ И ЛАНЦЕМ
- СИТУАЦИЯ ВОКРУГ КОРПУСА ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ИСПАНИИ
- ТРЕЩИНА МЕЖДУ ГОДОЕМ И БЕТАНКУРОМ
- РУССКИЙ ПОСЛАННИК

- БОЛЬШИЕ АНТИЛЬСКИЕ ОСТРОВА
- НОВЫЕ МЕТОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ
- БЕТАНКУР-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ
- ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В МАДРИДЕ
- ЗИМА 1812 ГОДА
- ОТСТАВКА СПЕРАНСКОГО
- МЕСТЬ БЕТАНКУРА ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ
- ВОЙНА
- РУССКИЙ ИСПАНЕЦ
- ССЫЛКА
- ТАЙНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ
- РУССКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА
- РАБОТЫ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ
- КУТУЗОВ
- БАГРАТИОН
- СМЕРТЬ ПРИНЦА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО
- ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ
- ФРАНЦ ДЕ ВОЛЛАН
- КОДЕКС ЧЕСТИ
- ИЗМЕНЕНИЯ
- МОДЕЛЬ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
- ПЕРВЫЙ ВЫПУСК
- УЧЕНИК БЕТАНКУРА СЕРГЕЙ СТРОГАНОВ
- ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
- АРХИТЕКТОР ТОМА ДЕ ТОМОН
- УЧЕНИК ТОМА ДЕ ТОМОНА И БЕТАНКУРА АНДРЕЙ ГОТМАН
- ОБРУСЕВШИЙ НЕМЕЦ
- НОВЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИНСТИТУТА
- ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРА I
- ГРАФ РУМЯНЦЕВ
- «МЫ ВСЕ ВЫШЛИ ИЗ БЕТАНКУРА»
- СВЕТСКИЙ ПЕТЕРБУРГ
- ВАЛЕРИЙ ГАЛЯМИН И ЕГОР АДАМ
- ПИСЬМО БРАТУ
- БЕЗ НАЗВАНИЯ
- БОРЬБА С ФАЛЬШИВЫМИ ДЕНЬГАМИ
- ВАСИЛИЙ КАРЛОВИЧ
- ВОДЯНОЙ ЗНАК БЕТАНКУРА
- ОРДЕН СВЯТОГО ВЛАДИМИРА ВТОРОЙ СТЕПЕНИ
- НОВАЯ ИНИЦИАТИВА БЕТАНКУРА
- ПРОВЕРКИ
- НОВЫЕ УЧЕБНЫЕ ПРОГРАММЫ
- БЛАГОДАРНОСТЬ

- ИЕЗУИТЫ
- КОМИТЕТ ДЛЯ СТРОЕНИЙ И ГИДРАВЛИЧЕСКИХ РАБОТ
- АРХИТЕКТОР МОДЮИ
- ПЕТЕРБУРГ ДО БЕТАНКУРА
- РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОРОДА
- АНИЧКОВ ДВОРЕЦ
- АРХИТЕКТОРЫ БЕТАНКУРА
- РЕФОРМЫ
- КЛАССИК РУССКОГО ВОДЕВИЛЯ
- МОЛОДОЙ СЕКРЕТАРЬ БЕТАНКУРА
- СТРОИТЕЛЬСТВО КОНЮШЕННОГО КОРПУСА
- ЗОЛОТОЙ ВЕК
- ТЕАТРАЛЬНАЯ УЛИЦА
- РЕШЕНИЕ БЕТАНКУРА
- ЗВЁЗДНЫЕ ГОДЫ КАРЛО РОССИ
- ПРОСЬБА БРЕГЕ
- ЗАМОРСКАЯ ЖИЗНЬ МОНФЕРРАНА
- ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ
- РАБОТА КОМИТЕТА ДЛЯ СТРОЕНИЙ И ГИДРАВЛИЧЕСКИХ РАБОТ
- ПЕРВЫЙ ПАРОВОЙ ЛЕСОПИЛЬНЫЙ ЗАВОД В РОССИИ
- ПЕРВЫЕ СТИМБОТЫ ЧАРЛЬЗА БЕРДА
- КАЗАНСКИЙ АРСЕНАЛ
- ЛИТОГРАФИЯ
- ФИНСКИЙ ЗОДЧИЙ
- ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ БАТЕНЬКОВ
- ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ
- НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
- СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА НА ВОЛГЕ
- НОВЫЕ ВЕЯНИЯ
- МАКАРЬЕВСКАЯ ЯРМАРКА
- ГОРОД НА ВОЛГЕ
- ПРОЕКТ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ
- ДОМ ЛОБАНОВОЙ-РОСТОВСКОЙ
- ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ИСААКИЕВСКИМ СОБОРОМ
- ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИНИАТЮРЫ
- ИМПЕРАТОРСКИЙ АРХИТЕКТОР
- СТРОИТЕЛЬСТВО ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА
- СЕРЬЁЗНЫЕ ТРУДНОСТИ
- ЖИЛОЙ ДОМ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА
- ЗАБЫТЫЙ АВТОР МАНЕЖА
- СНОВА НИЖНИЙ НОВГОРОД
- «ЛЯГУШАТА»

- НОВЫЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ПЕТЕРБУРГА
- КОНФЛИКТ БЕТАНКУРА С ПРОФЕССОРОМ МАЙОРОВЫМ
- ВЫГОДНЫЙ ЗАКАЗ
- ПАМЯТНИК МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ
- МОНЕТНЫЙ ДВОР В ВАРШАВЕ
- НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ ИЗ РОССИИ
- ОЧЕРЕДНАЯ ЗИМА
- ВМЕСТО БАЛА ФИЛАРМОНИЯ
- ВОСПИТАННИКИ БЕТАНКУРА ЛЬВОВ И СУТГОФ
- НОВЫЙ НАПЛАВНОЙ ИСААКИЕВСКИЙ МОСТ
- ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
- ТУРЕЦКОЕ МЫЛО
- РАБОТА ПОД РУКОВОДСТВОМ БЕТАНКУРА
- ХУЛИГАНСТВО ГВАРДЕЙСКИХ ОФИЦЕРОВ
- РУССКИЙ НАРОД
- ВЕСНА НА ВОЛГЕ
- КИТАЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ РЯДЫ
- ЗАКЛАДКА СПАССКОГО СОБОРА
- НИЖЕГОРОДСКИЕ КУПЦЫ
- ВОСПИТАННИК ЯЗЫКОВ
- ИСПАНСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ
- САДОВНИК
- НАПЛАВНАЯ ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ОКУ
- ТОРГОВЛЯ
- БОРЬБА ЗА ТРЕЗВОСТЬ
- ДОЖДЛИВЫЙ ИЮЛЬ
- НОВАЯ ТЕМА
- СМЕРТЬ ДЕ ВОЛЛАНА
- НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЖЕНИХ
- НОВОСТИ ИЗ МАДРИДА
- ОЖИДАНИЕ
- ЛЮБИМАЯ СЕСТРА РУССКОГО ИМПЕРАТОРА
- НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ
- БЛАГОУСТРОЙСТВО НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА
- ИВАНЫ, НЕ ПОМНЯЩИЕ РОДСТВА
- «ПЛАН БЕТАНКУРА»
- САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
- ПЕРВЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ
- ПОЕЗДКА НА ПИРОСКАФЕ
- ЦАРЬ КАНАЛОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- РЫБИНСК
- ПО ВОЛГЕ
- ГОРОД-КРЕПОСТЬ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ТОРГОВЫХ

ПУТЕЙ
- РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛАДОЖСКОГО КАНАЛА
- ВОДНЫЕ ПУТИ РОССИИ
- КОЛЛЕКЦИЯ МИНЕРАЛОВ
- МУЗЕЙ МОДЕЛЕЙ
- НАУЧНЫЕ СВЯЗИ С ФРАНЦИЕЙ
- АДОЛЬФ АНДРЕЕВИЧ РОЗЕНКАМПФ
- ОТЧИСЛЕННЫЙ КУРСАНТ
- ОСНОВОПОЛОЖНИК СРЕДНЕТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
- ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ МЕЛЬНИКОВ
- МОСКОВСКОЕ ШОССЕ
- РУССКИЕ МОРЯКИ НА КАНАРАХ
- ПЁТР ДАНИЛОВИЧ ГОТМАН
- СТРОИТЕЛЬСТВО СТОЛИЦЫ
- ОБВОДНЫЙ КАНАЛ
- ПЕРЕПИСКА БЕТАНКУРА И СВАДЬБА ДОЧЕРИ
- НИЖНИЙ НОВГОРОД. 1820 ГОД
- СПАСЕНИЕ СОБОРА
- ЯРМАРКА
- СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ НИЖНЕГО НОВГОРОДА
- ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
- ИНСПЕКЦИЯ РОССИЙСКИХ ДОРОГ
- ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ
- ТИФЛИС
- ОСЕНЬ
- ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ
- НАРАСТАЮЩЕЕ НАПРЯЖЕНИЕ
- ГИДРАВЛИЧЕСКАЯ СМЕСЬ И АНРИ ДЕ СЕН-СИМОН
- ВСТРЕЧА С ИМПЕРАТОРОМ
- НИЖНИЙ НОВГОРОД. 1821 ГОД
- ПОВОД
- КАНУН
- СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР
- ЛЮБОВНАЯ СТРАСТЬ
- ОТСТАВКИ
- НИЖНИЙ НОВГОРОД. 1822 ГОД
- В АПАРТАМЕНТАХ ЗИМНЕГО ДВОРЦА
- ИСПЫТАНИЕ СУДЬБОЙ
- ГЕРЦОГ АЛЕКСАНДР-ФРИДРИХ ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ
- ЦАРСТВУЮЩИЕ ОСОБЫ
- НОВЫЕ ОТСТАВКИ
- ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
- ПЕРВЫЙ В РОССИИ СИДЕРОМЕТР

- НАУЧНЫЕ РАБОТЫ
- «ЖУРНАЛ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ»
- НОВОВВЕДЕНИЯ
- ЛИЧНАЯ ПРОСЬБА МИЛОРАДОВИЧА
- БУМАЖНЫЙ МОСТИК
- ЛЮБИМЫЙ АРХИТЕКТОР РУССКОГО ЦАРЯ
- БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО
- ПОПУТЧИК
- НИЖНИЙ НОВГОРОД. 1823 ГОД
- ПАВОДОК
- АРХИТЕКТОР АНТОН ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ЛЕЕР
- СКОРБНАЯ ВЕСТЬ
- БОЛЕЗНЬ
- ПРИГЛАШЕНИЕ ГРАФА ГУДОВИЧА
- ИМЕНИЕ
- ПРИВОЛЖСКИЕ ПОМЕЩИКИ
- ПОПОЛНЕНИЕ В СТАНЕ ВЮРТЕМБЕРГСКИХ
- ПРОШЕНИЕ ОБ ОТСТАВКЕ
- ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА
- ПАНТЕЛЕЙМОНОВСКИЙ МОСТ
- ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС АРАКЧЕЕВА
- НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ
- ДОМ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ
- ЗАБВЕНИЕ
- ЛЮТЕРАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ
- ОТРЕЧЕНИЕ
- ПАМЯТЬ
- ЭПИЛОГ
- ПОСТСКРИПТУМ
- ХРОНИКА ЖИЗНИ АВГУСТИНА ДЕ БЕТАНКУРА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18

Дмитрий Кузнецов
БЕТАНКУР

«Вече», 2013

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЕНИКСА

Его имя вернул огонь. Оно словно вырвалось из жестокого пламени, как мифическая птица Феникс, обладающая способностью сжигать себя, а затем возрождаться.

Августин Бетанкур — вот имя человека, сыгравшего в истории России особую роль.

Впервые в современной России о нём широко заговорили в марте 2004 года, после пожара Центрального выставочного зала в Москве. Здание горело несколько часов. Языки пламени сначала охватили заднюю часть крыши, а затем стремительно стали распространяться по деревянным перекрытиям по периметру.

Пожарные долго не приезжали. Манеж гудел однообразным мощным гулом, вобрав в себя все неистовство огненной стихии. Собравшиеся прохожие пытались дозвониться по мобильным телефонам в пожарную охрану, как будто не понимая, что сотни людей уже опередили их. Потом возле угловой стены с грохотом сорвало две потолочные плахи, и из образовавшегося проёма с бешеным выхлопом вырвался огонь. Толпа отпрянула. Всё вокруг накалилось до предела. Казалось, ещё немного — и вспыхнет воздух, которым приходилось дышать. Наконец где-то вдалеке послышался вой пожарных и милицейских сирен, но ни те ни другие всё не появлялись. Огонь с сытым и мощным гулом ходил полным опоясом по крыше. Несколько листов шифера на чердаке раскрошились от пекла, их раскалённые куски разметало в разные стороны. Одному из зевак осколок угодил в голову. Истекающего кровью, его увезли на «скорой». Находиться возле огня стало опасно, однако народ не расходился, наоборот, толпа, словно притягиваемая магнитом, все росла и росла. Когда часть угловой стены уже сгорела, появились пожарные. Подступиться к зданию было невозможно: огонь охватил всю верхнюю часть Манежа и, длинными полотнищами разметавшись по ветру, с треском искрил. Как только первая струя пены обрушилась на перекрытия, сверху сорвалась подгоревшая с одного конца плаха, закачалась, помахивая огнем, за ней с треском рухнула другая. Прохожие, хотя и стояли далеко от того места, куда она упала, в панике подались назад. Началась давка. Одна пожилая женщина упала ничком на асфальт. Появившаяся милиция быстро оцепила площадь и рассеяла толпу. Только через несколько часов пожар был потушен.

Историческая справка

Манеж, или, как его называли раньше, Конногвардейский экзерциргауз, был построен в 1817 году по приказу царя Александра I «за Моховой площадью, у Троицких ворот». Место это долго и придирчиво выбирал сам генерал-губернатор Москвы граф Александр Петрович Тормасов. После печально знаменитого пожара Москвы 1812 года в центре древней столицы осталось много пустырей. Чтобы избежать стихийной застройки, Москву в спешном порядке решили реконструировать. В соответствии с планом экзерциргауз построили за восемь месяцев. Всеми инженерными работами при строительстве Манежа руководил начальник комитета для строений и гидравлических работ генерал-лейтенант Августин де Бетанкур, испанец по происхождению.

ЭКЗЕРЦИРГАУЗ

Бетанкур предложил уникальную и новую для того времени технологическую идею — деревянную конструкцию стропил, перекрывающих без промежуточных опор пролет в 44,86 метра. Проект Бетанкура без промедления был воплощен в жизнь, однако уже в конце июля 1818 года, с наступлением жары, две стропильные фермы дали трещину. Их починили, но через год произошло новое повреждение стропил. Случилось это потому, что в то время Бетанкур был занят подготовкой строительства Исаакиевского собора в Петербурге и ярмарки в Нижнем Новгороде — главными своими проектами, и поэтому поручил доработать проект Манежа французскому архитектору Огюсту Монферрану, а строительные работы возложил на генерал-майора Льва Львовича Карбонье, главного инспектора земляных и гидравлических работ в Москве.

Строительство Манежа необходимо было закончить к 30 ноября 1817 года, то есть к приезду Александра I в Москву. Излишняя поспешность повлияла на качество работ. Из-за *«недостатка брусьев достаточной длины»* стропильные конструкции дали осадку, грозившую разрушением кровли. Всю верхнюю часть здания пришлось разбирать и перестраивать. При проверке конструкций оказалось, что из 30 только *«22 стропила составлены по оригинальному прожекту господина генерал-лейтенанта Бетанкура»,* а остальные изготовлены из нескольких частей и лишены необходимой прочности.

О воровстве казенных денег Бетанкур не мог и подумать — поэтому он обвинил господина Карбонье в беспечности.

— Спроектированные вами стропила такой формы невозможно найти в Москве. Их можно было сделать только по специальному заказу, — оправдывался Карбонье.

— Так в чем же дело? Кто мешал вам заказать их в Замоскворечье на фабрике Витали! — кричал на подчиненного разгневанный Бетанкур; он был маленького роста, почти на полторы головы ниже Карбонье. — Я спрашиваю?!

— Мешали сроки, — сухо отвечал генерал-майор.

— Какие сроки?! — все больше и больше распалялся испанец. — А то, что конструкция уже через год может развалиться, — это вас не смутило? Вы ведь инженер!

— Но мы не могли не закончить Манеж к приезду Его Императорского Величества.

— Строить прежде всего нужно качественно, а уж потом думать о сроках. А если вы не можете построить качественно и в

срок — не беритесь! То, что вы устроили, — позор! Кровля Конногвардейского экзерциргауза через год развалилась! А через пять лет весь Манеж придет в негодность. Это вас не волнует! Главное — закончить строительство в срок. Как это по-русски.

— Что по-русски? — взволнованно переспросил Лев Львович.

— Mais, n'est pas rien de mot[1], — угрюмо ответил Бетанкур: как истинный испанец, он быстро вскипал, но так же быстро остывалРазговор шел по-французски. Бетанкур, прожив в России уже девять лет, по-русски так и не заговорил. Ему некогда было изучать столь трудный язык, к тому же Российская империя переживала золотой век русского дворянства, и в окружении Бетанкура, за редким исключением, все безукоризненно говорили по-французски. Августин де Бетанкур владел ещё двумя языками — родным испанским и английским. Его жена была англичанкой, и они, как правило, дома говорили по-английски, но, когда приходили гости, переходили на французский.

В 1824 году конструкцию Бетанкура в Манеже снова пришлось исправлять. Состоялся конкурс на декоративное убранство экзерциргауза. Свой проект, кроме архитекторов Томанского и Бове, по совету Бетанкура представил и Огюст Монферран. Его композиция с аллегорической фигурой богини победы Ники на фоне атрибутов воинской славы заняла первое место. Комиссия была в восторге от работы Монферрана, однако, как часто бывает в России, решение вынесла в пользу Осипа Бове, чей проект оказался более дешев и прост в исполнении.

Огромное здание Манежа, по занимаемой территории не уступающее площади Сан-Марко в Венеции, расположилось между Кремлем и Московским университетом и завершило таким образом новый, классицистический облик послепожарной Москвы. Экзерциргауз символизировал победу русского оружия над Наполеоном.

Главный архитектор Государственной комиссии для строений, знаменитый московский зодчий Осип Бове в 1825 году отделал Манеж лепными и штукатурными украшениями. С 1831 года здесь регулярно устраивались концерты и народные гулянья. Выступали Иоганн Штраус и Гектор Берлиоз. Однако строительные просчёты Карбонье постоянно давали о себе знать, а через сто десять лет легендарные фермы Бетанкура потребовали уже серьезного инженерного вмешательства. В 30-х годах XX столетия под них поставили подпорки, что сразу изменило исторический облик Манежа и резко ухудшило зрительное восприятие внутреннего пространства здания. Сделано это было не случайно — трехметровой длины балки ферм просели на метр. Не сломались, а именно просели, вытянулись: «хирургическое»

вмешательство стало неизбежным.

Интересный факт рассказал один архитектор, исследовавший Манеж в 70-х годах XX столетия. Оказывается, чтобы на века сохранить деревянные конструкции, Бетанкур предложил засыпать на чердак махорку слоем 1,5 метра и таким образом спасти перекрытия как от влаги, так и от грызунов и насекомых. Махорку растащили во время Великой Отечественной войны, однако ещё в начале 70-х годов прошлого века по всему чердаку ощущался сильный запах табака.

В 1957 году в Манеже открылся Центральный выставочный зал. Именно здесь Никита Сергеевич Хрущев назвал художников-авангардистов «пидарасами», ознаменовав таким способом рождение эпохи советского неофициального искусства.

В самом начале XXI века Манеж попал в «группу риска»: он оказался в списке архитектурных шедевров, которые московские власти намеревались подвергнуть капитальной реконструкции. Но кому должен был достаться этот лакомый кусок в самом центре столицы, где квадратный метр жилой площади стоил больше 10 тысяч евро? Манеж только полезной площади имел более 9 тысяч квадратных метров. Таким образом, речь шла как минимум о 100 миллионах евро. За реконструкцию Манежа стали бороться сразу несколько строительных и архитектурных компаний.

Готового проекта реконструкции Манежа пока не существовало. Московские архитекторы утверждали, что желательно сохранить деформированные и прогнувшиеся стропильные фермы, для чего необходимо построить дублирующие металлические конструкции. Дерзкие предложения по изменению исторического облика памятника насторожили московскую общественность: отдельные шустрые авторы проектов предлагали построить многоярусные подземные гаражи, с техническими помещениями, складами, гардеробами, туалетами и ресторанами, приспособив для этих целей даже некоторые экспозиционные площади. В торцах внутреннего пространства Манежа хотели устроить офисы, конференц-залы, кафе. Реставрация грозила превратиться в реконструкцию с изменением исторического облика бывшего Конногвардейского экзерциргауза.

Московские эксперты, профессионально занимающиеся охраной архитектурного наследия столицы, возражали против таких планов «реставрации», но их не слышали. Прибыли, которые сулил Манеж, были значительно выше нравственной планки любого чиновника. Тогда Манеж подожгли. Об этом вслух говорили почти все прохожие, оказавшиеся случайно на пожаре.

На следующий день после пожара газета «Известия»

попыталась выяснить, кому же было на руку уничтожение здания Манежа. Оказалось, многим. Практически всем, кто имел отношение к проекту его реконструкции. По данным газеты, пожар сыграл на руку инвесторам, которые попали в сложную ситуацию. Речь шла о солидной австрийской компании M.S.I. Vertriebs Gesellschaft. В октябре 2003 году она выиграла тендер на реконструкцию здания, однако, как потом выяснилось, проведенный правительством Москвы конкурс был незаконным. Между тем в проект предполагалось вложить государственные средства Австрии. Пожар помог австрийской компании, не потеряв лица, отойти в тень, но вряд ли она являлась поджигателем.

Московская мэрия также осталась в выигрыше — теперь никто уже не мог назвать работы в Манеже «разрушением памятника». Эксперты газеты «КоммерсантЪ» пришли к выводу, что причиной пожара стал некий *«искусственно созданный мощный тепловой удар или импульс»,* произведенный с помощью горючих жидкостей или пиротехнических средств. Скорее всего, чердак Манежа подожгли с помощью двух-трех полуторалитровых пластиковых бутылок с бензином и оставленной возле них горящей свечи. Бензин разъел пластик и вытек через пять—десять минут. Этого времени было достаточно, чтобы злоумышленник, оставивший огонь на чердаке, успел скрыться с места преступления. Однако прямых доказательств поджога найти не удалось — они оказались уничтожены огнем.

Официальная версия прокуратуры гласила, что пожар случился из-за неисправной электропроводки. Но сами пожарные в это не верят: огонь слишком быстро распространился по всему зданию. Независимые дознаватели утверждали, что если бы воспламенение произошло по этой причине, то огонь не мог бы распространиться с такой скоростью. Все собранные данные указывали на поджог.

Так или иначе, но 17 марта 2004 года прежняя история московского Манежа закончилась. От экзерциргауза остались только стены: знаменитые бетанкуровские фермы перестали существовать — они выгорели дотла. Имя Августина Бетанкура попало в средства массовой информации, и о нём заговорили. Однако почему о нём так долго молчали? Почему его имя на протяжении десятилетий было окутано тайной?

ПРИЧИНЫ ОТЪЕЗДА С РОДИНЫ

В 1808 году испанский инженер Августин Бетанкур (полное имя Августин Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделярия Бетанкур-и-Молина) жил в Париже. Его отъезд из Испании был вызван несколькими причинами:

первая — финансовые разногласия со всемогущим фаворитом жены короля и первым министром Королевства Испания Мануэлем Годоем;

вторая — страх перед надвигающейся гражданской войной и революцией;

третья — Святая инквизиция проявила повышенный интерес к инженерному творчеству Бетанкура, обвинив его в том, что оптический телеграф, построенный им вместе со своим другом швейцарским мастером Абрахамом Луи Бреге, связав Мадрид и Кадис (кодированный сигнал от столицы до Кадиса доходил за 50 секунд), является сатанинским устройством. «Посылать слова по воздуху на далёкие расстояния есть колдовство, идущее от дьявола». Авторов таких приспособлений следовало отправлять в тюрьму или на костер; четвертая — жена Бетанкура была англичанкой и англиканкой по вероисповедению, поэтому не очень уютно чувствовала себя в католической стране, к тому же находившейся в состоянии войны с её родиной.

Всё это вынудило Бетанкура спешно покинуть Испанию, где он занимал солидное и прочное положение — был директором Королевского кабинета машин в Мадриде и генеральным инспектором дорог и каналов Испании. Приложив огромные усилия, в 1807 году Бетанкур получил у короля Карла IV разрешение отправиться во Францию для пополнения Королевского кабинета машин новыми экспонатами, но на родину уже никогда не вернулся.

Историческая справка

Весной 1808 года в Испании началась народная война против французских захватчиков. Испанцы проявляли чудеса храбрости: астурийские крестьяне, вооружённые одними ножами, вырезали целые французские полки; сьерраморенский пастух со ржавым ружьём и каталонский ремесленник-рабочий с железным жгутом вылавливали каждого французского солдата, отбившегося от своей части. Английские газеты писали:

«Французский отряд вошел в деревню. Все жители ушли в горы. В одном из домов солдаты нашли молодую женщину с ребенком. В погребе продукты. Боясь, что пища может быть отравленной, офицер приказывает женщине отведать пищу. Испанка без колебаний подчиняется приказу. Тогда офицер, все же подозревая недоброе, требует, чтобы и ребёнок попробовал что-нибудь. Женщина кормит ребенка. Через час все умирают в страшных мучениях».

А чего стоила осада города Сарагосы, который держался несколько месяцев! Бои шли за каждый дом, за каждый чердак, сарай, конюшню. Каждая мельница или погреб превращались в крепость, которую нужно было брать штурмом. Когда заканчивались патроны, испанцы кололи французов ножами, били кулаками, кусались и дрались, пока держались на ногах. Ворвавшись в город, французы убивали всех без разбора, даже женщин и детей, но и женщины, и дети убивали французских солдат при любом удобном случае. Французы вырезали в Сарагосе 20 тысяч солдат испанского гарнизона и 32 тысячи мирных жителей.

В Европе народная война в Испании произвела ошеломляющее впечатление. Это было первое настоящее сопротивление Наполеону — начало его конца. Поэтому в стране, воюющей с его родиной, Бетанкур жить и работать не хотел, но он не мог вернуться и в Испанию. Оставался выбор: Англия или Россия? Великобритания была предпочтительнее — находилась ближе, да и жена была англичанкой. Однако в своё время находившийся в Англии в служебной командировке Бетанкур был выслан из страны по обвинению в промышленном шпионаже. Значит, оставалась только Россия. К тому же с 1802 по 1805 год в Испании находился русский посланник Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, хороший знакомый Бетанкура, который ещё в Мадриде предложил испанскому инженеру поступить на русскую службу. Тогда выгодное предложение российского дипломата Бетанкур отверг, но теперь, в Париже, он вспомнил о нём и через своего друга, члена Французской академии наук и главного часовщика Военно-морского флота Франции Абрахама Луиса Бреге связался с русским представителем во Франции.

ПОД ДЛАНЬЮ НАПОЛЕОНА

В сентябре 1808 года русско-французские отношения достигли апогея. Наполеон принимал русского царя Александра I в немецком городе Эрфурте. Мать Александра I, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, писала сыну: *«Александр, уклонитесь от этого свидания. Вы потеряете вашу империю и вашу семью. Остановитесь, ещё есть время. Послушайтесь голоса чести, просьб, молений вашей матери… Остановитесь, сын мой, мой друг!»* Вдовствующая императрица намекала на то, что Наполеон может заставить Александра I отречься от престола, как он и сделал с испанским королем Карлом IV.

Положение Испании весной 1808 года было катастрофическим: расстройство финансовой системы и государственной администрации, беспорядки во всех областях внутренней и внешней политики, мешавшие как торговле, так и сельскому хозяйству. Испанская буржуазия, объединившись с дворянством, выступила против общего врага — фаворита жены короля Мануэля Годоя. Ситуацию усугубляло ещё и то, что наследник испанского престола принц Фердинанд, политические симпатии к которому питал и Августин Бетанкур, находился в непримиримой вражде с правящей королевской фамилией. В это время в Испании была популярна идея женитьбы наследника на одной из родственниц Наполеона — племяннице императора. Таким образом Испания получала бы со стороны Франции поддержку для проведения конституционных реформ, оставаясь при этом самостоятельным государством. Но у Бонапарта были другие планы — он категорически отказал наследнику испанского престола в сватовстве к своей племяннице. В это же самое время французские войска постепенно стали проникать на испанскую территорию. К весне 1808 года в Испании было уже более 100 тысяч французов. Уверенный в своих силах, Наполеон начал действовать. Воспользовавшись новыми раздорами в семье испанских Бурбонов, он двинул войска на Мадрид. Армия под командованием маршала Мюрата осадила испанскую столицу. Король, его жена и Годой бежали, но уже в Аранхуэсе были схвачены возмущенным народом. Годой был сильно избит.

Наполеон приказал доставить королевскую семью во Францию, в город-крепость Байонна, расположенный между двумя красивыми реками — Нив и Адур. В начале XIX века Байонна была важным административным центром и портом, через неё проходили главные морские и сухопутные пути в Испанию.

В это же время наследник испанского престола провозгласил себя королем Фердинандом VII. Наполеон не признал нового короля и потребовал, чтобы все принцы испанского королевского рода явились к нему в Байонну.

Когда вся королевская семья была в сборе, Наполеон потребовал отречения. Собравшиеся хорошо знали, как поступил Бонапарт с герцогом Энгиенским и ни секунду не сомневались, что такая же участь, в случае отказа, ждет и их. Поэтому отречение от престола подписал не только бывший испанский король Карл IV, но и все принцы династии Бурбонов в Испании. Затем Карла IV с женой Марией Луизой сослали в Фонтенбло, а наследника, принца Фердинанда, — в Валансэ, в один из замков министра иностранных дел Франции Шарля Мориса Талейрана.

Вдовствующая русская императрица хорошо знала, что произошло с испанской королевской династией в Байонне, и очень тревожилась за сына. Она боялась, что в Германии Наполеон заставит Александра отречься от престола, а затем сошлет в один из французских замков. Однако Александра I не испугала встреча с Наполеоном, и он прибыл в Эрфурт. Бонапарт выехал навстречу русскому царю и ещё издали, заметив кортеж карет, спешился. Поравнявшись с Наполеоном, Александр I вышел из коляски. Два императора, словно старые друзья, обнялись и прослезились. По приказу Наполеона слуга подвел Александру коня, круп которого был покрыт чепраком из шкуры белого медведя, — подарок хозяина гостю.

Верхом на превосходных скакунах два императора въехали в город, где в течение двух недель вели сложные переговоры, после чего карта Европы стремительно стала перекраиваться. Воспользовавшись приездом Александра в Эрфурт, туда срочно отправился и Августин де Бетанкур.

ЭРФУРТ

Через своего посланника в Париже Александр I был осведомлен о возможной встрече в Эрфурте с прославленным испанским инженером. Российской империи давно требовались иностранные специалисты в области водно-транспортных коммуникаций и шоссейных дорог. Заполучить инженера такого уровня, как Бетанкур, для России было большой удачей. Несмотря на то что в Европе шла война и многие учёные с мировым именем искали работу за границей, далеко не всех приглашали в Россию. Однако Бетанкура в Санкт-Петербург звали уже не раз.

В начале XIX века начальником департамента водных коммуникаций был Николай Петрович Румянцев. Он много слышал о Бетанкуре от французских и английских коллег. Сын прославленного русского полководца и фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского, Николай Петрович в конце XVIII века окончил Лейпцигский университет и состоял на дипломатической службе. Сегодня его работу назвали бы промышленным шпионажем: он собирал сведения о последних достижениях науки и техники в области водных коммуникаций. Одной из важных задач того времени было создание замкнутой сети водных путей сообщения между Санкт-Петербургом и главной транспортной артерией страны — Волгой. Столь трудная инженерная задача требовала нестандартных технических решений. Для этого в Россию были приглашены несколько иностранных специалистов. Лестные отзывы Румянцева об испанском инженере сыграли свою роль, тем более что в это время Николай Петрович занимал пост министра иностранных дел. Бетанкур был принят Александром I в Эрфурте и зачислен на русскую службу в чине генерал-майора.

ПРИЕЗД В РОССИЮ

В ночь на 28 ноября 1808 года пятидесятилетний Августин Бетанкур прибыл в Санкт-Петербург. Первое, что его поразило, — дороги, вымощенные таким неровным булыжником, что были неудобны как для пешеходов, так и для седоков. Не доехав совсем немного до будки таможенников, возле которой горели смоляные факелы, но уже за императорским чугунным вензелем с двуглавым орлом, кучер Бетанкура, швед по происхождению, спрыгнув с козел, при первом же шаге по питерскому тротуару чуть не сломал себе ногу. Проходивший мимо экзекутор, младший таможенник, в зеленом мундире, обшитом бархатом по воротнику и обшлагам, поддержал его, но при этом сам поскользнулся и упал, разбив склянку с чернилами и сломав несколько гусиных перьев. После этого инцидента экипаж Бетанкура продержали на заставе безо всяких объяснений более четырех часов. Тогда испанец ещё не знал, что, по меткому выражению одного иностранца, «Россия — страна бессмысленных формальностей».

— Что собираетесь делать в Петербурге? — посмотрев документы и подорожную, полученную от русского посланника в Париже, наконец-то задал вопрос дежурный таможенник.

Бетанкур не понял вопроса и стал объяснять чиновнику по-французски, однако таможенник только развел руками и снова заговорил с испанцем по-русски. Не поняв друг друга, обе стороны принялись ждать, пока ещё через два часа не появился человек, говорящий по-французски и по-испански. Родная речь, хотя и с явно выраженным южноамериканским акцентом, очень обрадовала Бетанкура. Он понял, что, несмотря на шесть часов, проведенных на таможне, в этой стране не всё так плохо.

— Сколько времени вы собираетесь пробыть в Петербурге? — расспрашивал его таможенник, говорящий по-испански.

— Несколько месяцев.

— Не посланы ли вы французским правительством изучать наш социальный и политический строй?

— Нет.

— Чем намерены заниматься в Петербурге? — ставя отметку в подорожную, поинтересовался чиновник.

— Работать по ведомству водных коммуникаций, — спокойно и с достоинством проговорил Бетанкур.

— Неужели в России есть такое ведомство? — искренне удивился таможенник. — А чем оно занимается?

— Строит мосты, — не вдаваясь в лишние подробности,

пояснил Бетанкур.

— Нужное дело, — согласился таможенник и уладил последние формальности с документами и личными вещами иностранца, причем дорожный несессер испанца был тщательно обыскан и проверен на наличие двойного дна. Больше всего таможенника интересовала не контрабанда, а книги революционного содержания на французском языке. Бетанкур вез с собой несколько томов английского путешественника Уильяма Кокса, изданных в Женеве. Сначала сочинения этого автора вызвали повышенный интерес у чиновника, но, когда он получил в подарок две увесистые бутылки шамбертэна урожая прошлого века, интерес к книгам тут же иссяк. Однако два дорожных пистолета и часы работы Абрахама Бреге у Бетанкура все же отобрали. Только после этого таможенник отдал команду караульным пропустить экипаж.

— Имеете ли вы рекомендательные письма к кому-нибудь в Санкт-Петербурге? — задал последний вопрос чиновник таможенного ведомства.

— Нет, — уверенно ответил Бетанкур, хотя и имел несколько таких писем. Ещё во Франции русский посланник по-дружески предупредил его, что не нужно быть чересчур откровенным на таможне, а то новые русские знакомые могут попасть под подозрение тайной полиции за связь с французами — Россия стояла на пороге войны.

На вопрос Бетанкура, почему у него конфисковали пистолеты и часы, таможенник ответил, что их он сможет получить обратно, когда решит покинуть Санкт-Петербург и Россию. Но никакой бумаги, удостоверяющей изъятие, Бетанкур не получил. Таможенник, говоривший по-испански, куда-то пропал, а оставшийся не говорил ни по-испански, ни по-французски.

Черно-белый полосатый шлагбаум подняли, и экипаж въехал в город. Надо сказать, что в дороге Бетанкур расстался с двумя кожаными саквояжами с зимней одеждой, купленной в Париже специально для поездки в Россию. Между Копорьем и Петербургом не было ни одной почтовой станции, и, чтобы переночевать или пообедать, нужно было заезжать в частные дома. Крестьяне здесь не только пахали, но и поджидали «заплутавшие» экипажи, чтобы обворовывать их. Остановившись на ночлег на одном постоялом дворе, Бетанкур не досчитался в своем экипаже двух больших, туго набитых саквояжей. Как это произошло — не мог объяснить никто, даже кучер-швед, хорошо знавший эти места.

Бетанкур пересек таможенную заставу рано утром. Город ещё спал, но одинокие дрожки то и дело попадались навстречу.

Бетанкур заметил, что шапки всех встречных извозчиков походили на баскский национальный головной убор — шляпу с тонкими полями и плоским колпачком, расширяющимся кверху. А все всадники, и молодые, и старые, носили бороду. Кафтаны русских извозчиков были из синего, темно-зеленого или серого сукна, без воротника, ниспадающие широкими складками, перехваченные в поясе ярким шелковым или шерстяным кушаком. Поравнявшись с экипажем Бетанкура, они кричали: «Дорогу! Дай дорогу, Бога вашу мать!»

«Бога вашу мать» было первым русским выражением, которое запомнил Бетанкур. Потом, уже при строительстве Исаакиевского собора или московского экзерциргауза, он часто использовал его, давая выход своему испанскому темпераменту. А пока путь въехавшего в город экипажа лежал на Миллионную улицу, где для Бетанкура уже несколько дней назад были приготовлены комнаты в доме знаменитого масона армянского происхождения Петра Макаровича Маничарова.

Экипаж свернул к Михайловскому замку и медленно покатил по набережной Фонтанки. Ни Бетанкур, ни сам город ещё не знали, сколько они сделают друг для друга. Испанец с усталым равнодушием взирал на чуждую архитектуру, а город посыпал его мокрым снегом, сразу таявшим под копытами лошадей.

Поначалу архитектура города показалась Бетанкуру похожей на казарму — настолько всё было тихо и размеренно. Ближе к Невской першпективе стали попадаться скачущие галопом офицеры. За окном мелькнуло первое красивое женское личико. Бетанкур оживился и полез в карман за часами, но тут карета чуть не столкнулась с фельдъегерской коляской, и Бетанкур сильно ударился о дверную ручку экипажа. Боль, пронзившая правый локтевой нерв, была столь сильна, что он тут же забыл и про часы, и про женское личико.

Когда боль утихла, рыжий четырехугольный массив угрюмо выплыл навстречу Бетанкуру, но он не успел рассмотреть его. Тогда он ещё не знал, что это был Михайловский замок, где несколько лет назад убили русского царя Павла I. Внимание испанца больше привлек заурядный деревянный мост через Фонтанку: он не мог припомнить, когда в Европе встречал столь ветхое строение, да ещё в центре столичного города. Может быть, такой мост он видел в Бадахосе, родном городе Мануэля Годоя в испанской провинции Эстремадура? «Да нет, — подумал Бетанкур, — тот, пожалуй, был прочнее».

В доме Маничарова Бетанкура встретил управляющий — мсье Пиррон, обрусевший француз, отец которого когда-то отправился в Россию зарабатывать деньги и обучать дворянских детей

французской грамматике, да так и не вернулся на родину. Мсье Пиррон, потерявший отца в раннем возрасте, говорил на отвратительном французском языке, но при этом был любезен, ласков и обходителен. Он проводил Бетанкура сначала в верхние апартаменты, а потом в столовую. Пока кучер и прислуга распаковывали чемоданы, усталый Бетанкур принялся завтракать.

Сам Пётр Макарович Маничаров его не встречал, так как ещё не вернулся после очередной карточной игры у князя Юсупова.

Несмотря на ранний час, Бетанкуру подали фаршированную каштанами утку, горячие блины со сметаной и черной икрой. Августин очень удивился. Он не думал, что каштаны употребляют в пищу ещё где-нибудь, кроме Франции и Испании. После французской революции эти съедобные плоды вошли в моду и стали неотъемлемой частью парижской кухни, однако то, что их умеют великолепно готовить и в России, для него оказалось полной неожиданностью. Бетанкур обожал каштаны, он называл их черными трюфелями. Позднее управляющий объяснил Бетанкуру, что в Петербурге половина русской кухни — французская. В доме же армянина Маничарова всё старались делать на французский лад, но, так как сам мсье Пиррон во Франции никогда не был, не всегда получалось удачно.

Как только Бетанкур приступил к трапезе, дом Маничарова заходил ходуном: лакеи забегали, горничные засуетились, истопники принялись рьяно подбрасывать дрова в камины и печи, швейцар, бывший екатерининский драгун, вытянулся по-военному у парадных резных дверей, даже настенные механические часы из золоченой и патинированной бронзы сначала страшно зашипели, а потом громко и мелодично забили.

— А, гниды, — послышался снизу зычный голос хозяина, — стоит дом на полчаса оставить, как всё прахом пошло. Где Федька? Подать сюда шельмеца.

Откуда-то срочно привели заспанного седого мужика в ситцевом исподнем, помощника управляющего.

— Я тебя что просил? — закричал Маничаров, угрожающе застучав тростью по мраморному полу, на котором в шахматном порядке чередовались белые и черные клетки.

— Что? — заспанно, но не испуганно, сверкая ещё крепкими зубами, переспросил Фёдор.

— Свечку за здравие в церкви поставил?

— Поставил.

— Попу денег дал?

— Дал.

— Он Бога просил, чтобы я сегодня ночью в карты не проиграл?

— А я почём знаю? Наверное, просил, я при нём свечку не держал. Если бы вы мне столько денег дали, я бы до самого Бога сам дошёл и всё бы Ему про вас обсказал. Уж мы б с Ним столковались.

— Не богохульствуй, — скидывая с плеч и передавая швейцару шубу на собольем подкладе, процедил сквозь губу выпивший Маничаров. — Руки-ноги отнимутся! Язык отсохнет! Над Богом смеяться грешно.

— А над людьми? — поинтересовался Фёдор.

— А что над людьми? — закатил глаза Маничаров. — Люди — грязь. Только прикажи — бабы новых нарожают. Где Пиррон?

— Иностранца принимает, — пояснил помощник управляющего, пряча в штаны ладонь, когда-то помятую колесом мортиры и оттого всегда скрюченную.

— Какого иностранца? Родственника? Гнать всех дармоедов в шею. Чтобы духу их в моем доме не было.

Сорокалетний Маничаров, тяжело пыхтя, поднялся по широкой мраморной лестнице на второй этаж, шумно задев коленом кресло, обитое голубым гризетом, опрокинул его на пол и, скользя по инкрустированному паркету, прошел вдоль трельяжа. Слуга в ливрее, держа в одной руке канделябр с шестью свечами, распахнул перед ним дверь в столовую, где за овальным столом, накрытым белой скатертью, сидел Августин Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделярия Бетанкур-и-Молина.

— Августин, — подпрыгнув от восторга и радостно разведя руки в стороны, закричал Маничаров. — Я вас уже пятые сутки жду. Николай Петрович Румянцев справлялся о вас. Как вы? Как доехали?

На потолке пухлые купидоны, оседлавшие дельфинов, увидев такую трогательную встречу, затрубили в раковины и принялись весело кружить вдоль берегов озера, в центре которого возвышалась мраморная стела.

— С мелкими приключениями, — бодро встав из-за стола и дружески обняв хозяина, ответил Бетанкур.

— Что вы пьете? — удивился Маничаров. — Клюквенный морс? Какая гадость! Они вам даже пива не предложили? Шампанского! — повелительно крикнул он управляющему.

— Позвольте, но какое шампанское в столь ранний час? — смутился Бетанкур.

— Какой ранний? — удивился Манучаров. — У меня ещё вечер не кончился, да и вы, я вижу, после дороги не спали. Ты что стоишь? — накинулся он на Пиррона. — Не слышал, что я сказал. Шампанского!

Принесли шесть бутылок французского шампанского без

этикеток, явно доставленных в Россию контрабандным путем через Англию или Голландию.

— Сегодня во дворце князя Юсупова кастраты из Флоренции великолепно пели арии на слова аббата Метастазио, — проговорил Маничаров. — А вы любите музыку?

— Люблю, — недолго подумав, ответил Бетанкур.

— А какую? — стал допытываться Пётр Макарович, отпивая из хрустального бокала первый глоток шампанского.

— Барочную. Плейеля, Гайдна…

— В России барочную музыку почитают за дурной вкус. — И неожиданно признался: — А мне вот нравится, как играют кобзари.

— Кто такие кобзари? — полюбопытствовал Бетанкур.

— Украинцы, они играют на кобзе — щипковом инструменте, очень красивом.

— Вроде балалайки?

— Нет, скорее гуслей. А когда приедет ваша жена с детьми? — заботливо поинтересовался Маничаров. — Если не ошибаюсь, у вас их трое?

— Четверо, — ответил Бетанкур. — Каролина, Аделина, Матильда и четырёхлетний Альфонсо. Ожидаю, что в Петербурге они будут в марте.

— Тем же маршрутом, что и вы?

— Думаю, да. На голландском корабле до Ревеля, а там в почтовой карете через Копорье в Петербург.

— Девка нужна? — совсем неожиданно для Бетанкура поинтересовался Маничаров.

— Зачем? — удивился испанец.

— Как зачем? — не понял Пётр Макарович. — Пока жена не приехала — нужду справить. Только вчера из Пензы мне трех совсем молоденьких и ещё не испорченных прислали. Сам ещё не пробовал. Уступаю.

— Слышал, скоро царь у вас собирается крепостное право отменить, — поинтересовался Бетанкур.

— Собирается, — согласился Манучаров. — Сперанский даже реформу готовит, но ничего у них не выйдет.

— Почему?

— Потому что первый крепостник в России — православная церковь, а своих крестьян и землю она никому не отдаст.

— Ну, так отберут, как сделали во Франции, — предостерег Бетанкур.

— Вот когда отберут, тогда и отберут, а пока свою собственность попы даже царю отдавать не намерены… Ну, пора и спать, — посмотрев на часы и сильно зевнув, сказал Пётр

Макарович. — Сегодня вечером за ужином или за обедом потолкуем обо всем. А вы письмо от Бреге привезли?

— Должен был привезти, — осерчал Бетанкур, — но оно осталось в украденном саквояже.

ПЕТЕРБУРГ

Год назад Августин де Бетанкур уже приезжал в Петербург по приглашению князя Румянцева, чтобы познакомиться с городом и оценить свои перспективы. Первый визит в Россию испанский генерал назвал «tentar el vado»[2]. Внимательный читатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости» 19 ноября 1807 года мог прочесть следующее: *«Из Гродно, гишпанской службы генерал Петанкур, живет в трактире “Париж”».*

Однако почему в трактире, а не в гостинице? Дело в том, что в начале XIX века приличных гостиниц, не говоря уже о роскошных, в Петербурге не было — ни одной! Все дома в городе были небольшие, деревянные и только в самом центре несколько каменных. Тротуаров тоже не было, ходили по дощатым настилам. Приезжавшие в столицу из других городов останавливались, по старинному русскому обычаю, у родных или знакомых. Трактир, где поселился Бетанкур, находился на Малой Морской улице, названной так потому, что на этом месте прежде находились морские слободы, населенные людьми «морского дела», то есть матросами и мастеровыми, приписанными к Адмиралтейству. Все три окна меблированных комнат на втором этаже, которые занимал Бетанкур, выходили на Исаакиевскую площадь, а точнее, на одноименный собор, заложенный архитектором Ринальди в царствование Екатерины II, но потом варварски перестроенный архитектором Бренной по приказу русского царя Павла I, ненавидевшего всё, что сделала его «любимая» мать. Первая мысль, что пришла в голову Августину де Бетанкуру, когда он увидел собор, — его переделать. Уж слишком уродлив он показался испанскому инженеру — во всем, что касалось архитектуры и городского строительства, у него был безупречный вкус. Ещё в бытность в Королевской школе Святого Исидора, где он изучал арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию, Бетанкур параллельно учился в школе изящных искусств Святого Фернандо; там его учителями были дон Висенте Дурана и знаменитый испанский живописец Себастьян Маэлья. Несмотря на то что Франсиско Гойя был на двенадцать лет старше Бетанкура, в школе изящных искусств у них сложились дружеские отношения — в дальнейшем они даже заседали вместе в Мадриде в совете Королевской академии художеств.

Уже в первый приезд в Петербург у Бетанкура состоялась встреча с Александром I, длившаяся более двух часов. Она проходила в Каменноостровском дворце. Александр (ему только что исполнилось тридцать лет) очаровал Бетанкура. Царь говорил

на прекрасном французском, был приветлив до любезности и самое главное — всем своим видом показывал, что весьма ценит прежние заслуги Бетанкура.

Самым веским аргументом в пользу переезда испанца в Россию стало то, что здесь он получит колоссальные возможности для воплощения своих инженерных замыслов.

В 1807 году, после битвы под Прейсиш-Эйлау, мир оказался поделен надвое: Западная Европа отошла к Наполеону, Восточная Европа и Азия — к Александру I. Отправиться в Англию Бетанкур не мог: напомним, что несколько лет назад его выслали оттуда. Уплыть в Латинскую Америку — тоже: английская эскадра, крейсируя в Атлантике, разорвала пуповину, связывающую Испанию с колониями. Бетанкуру оставалась только Россия, а Александр I помог испанскому генералу сделать выбор, пообещав крупное вознаграждение.

Вот что писал Августин Бетанкур в письме старшему брату об этой встрече: *«Я оставил семью в Париже и прибыл сюда, чтобы прозондировать почву, и был прекрасно встречен императором, который мне сделал через посредника очень выгодное предложение, если я поступлю к нему на службу».*

В тот же день Бетанкур был приглашен на бал в Зимнем дворце, где танцевал и беседовал со вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, женой Павла I и матерью Александра. Русский царь хорошо понимал, что Бетанкур — знаковая фигура у себя на родине и присягал на верность испанскому королю, поэтому он не может быстро отказаться от своих обязанностей и сразу же переехать в Россию. Для улаживания дел необходимо время. И Александр I такое время Бетанкуру дал.

Ровно через двенадцать месяцев, в конце ноября 1808 года, Бетанкур снова прибыл в Петербург. Но теперь он остановился не в трактире, как раньше. Бетанкур имел при себе рекомендательное письмо своего друга Абрахама Луи Бреге к господину Маничарову, богатому армянину, с которым Бетанкур познакомился во Франции несколько месяцев назад.

Августина де Бетанкура подкупала непосредственность этого восточного человека: с одной стороны, щедрого и независимого, с другой — щепетильного и очень гостеприимного. Вот что писал о Маничарове хорошо знавший его будущий секретарь Бетанкура в Комитете для строений и гидравлических работ Филипп Филиппович Вигель: *«Отец г. Маничарова до того был богат, что сыновьям его нужно было много времени для расстройства оставленного им состояния, В старшем из них, любезном моем Петре Макаровиче, было много оригинального. Главною странностью его, среди завистливого, себялюбивого мира сего,*

почитать можно неистощимую доброту его сердца. Он любил всех людей, обожал всех женщин, наслаждался всеми безвредными для чести удовольствиями. В шумных, холостых обществах, кои предпочтительно посещал он, умел он быть пристоен и тихо-весел, ласков и учтив без приторности. Он был добрым товарищем всех любителей разгульной жизни, но не имел задушевных друзей, зато не имел ни единого врага. Его душевное спокойствие, слегка тревожимое желаниями, без труда удовлетворяемыми, сохранило ему молодость ума и, конечно, продлит его дни. Сколько поколений встретил он на пороге юности и проводил из неё, сам никогда её не покидая».

АБРАХАМ ЛУИ БРЕГЕ

Бетанкура и Маничарова связал их общий друг Абрахам Луи Бреге — знаменитый французский часовщик. Он родился в 1747 году в швейцарском городе Нёфшателе. В возрасте пятнадцати лет переехал во Францию, где прошел серьезное теоретическое и практическое обучение, после чего в 1775 году в Париже, на острове Сите, основал собственную фирму. Судьба сплела в одном человеке не только виртуозное техническое мастерство с тонким художественным чутьём, но и точный инженерный расчет с прагматизмом и умением налаживать деловые связи с нужными людьми. К таким людям можно отнести и испанского инженера Августина де Бетанкура — их деловые отношения переросли в многолетнюю дружбу.

Сначала Бетанкур и Бреге совместно приобрели мельницу вблизи Вандома, потом построили в Париже обувную фабрику, которую испанский инженер полностью механизировал своими новейшими изобретениями.

В середине 80-х годов, живя во Франции, Бетанкур, под влиянием Бреге, начал интересоваться передачей информации на расстояние. Приехав в Испанию в 1787 году, он, с помощью «лейденских банок», передал сигнал на 70 километров — от Мадрида в летнюю резиденцию испанских королей Аранхуэс, впервые применив для этой цели электрический разряд. В дальнейшем это позволило каталонскому врачу и ученому Франсиско Сальва-и-Камилло (1751—1828) развить теорию электроискрового телеграфа.

В начале 90-х годов Бетанкур, вместе с Абрахамом Луи Бреге, разработал систему оптического телеграфа, признанную Парижской академией наук лучшей из всех существующих. В комиссию по ознакомлению с телеграфом вошли такие знаменитые французские учёные, как Лагранж, Лаплас, Кулон, Прони, Шарль и Деламбр.

В годы французской революции Бреге поддерживал короля, и ему пришлось бежать в Швейцарию. Все его имущество во Франции было конфисковано, при этом часть собственности вместе с Бреге потерял и Бетанкур. Бреге возвратился в Париж только в 1795 году, где триумфально был избран в Парижскую академию наук. Затем ему было присвоено почетное звание «часовщик Военно-морского флота Франции» — его заслуги в этой области были несомненны.

Ещё в 80-х годах XVIII века Бреге впервые изготовил автоматические часы perpetuelle, усовершенствовав идею и доведя

её до практического применения. В 1783 году он изобрел гонг, что позволило существенно уменьшить толщину часов с репетиром. Вскоре последовали новые изобретения. В 1790 году были изготовлены часы, получившие название «парашют», — с противоударным устройством, сделавшим их менее хрупкими и более надежными. Часы Бреге, как правило, оснащались оригинальными механизмами и постоянно совершенствовались. В 1783 году Бреге разработал новый тип циферблатов и часовых стрелок. Он отказался от цифр для обозначения минут, заменив их выпуклыми точками или короткими черточками. До сегодняшнего дня форма стрелки, предложенная Бреге и получившая название «луна», или «яблоко», — самая популярная во всевозможных часах.

Среди множества изобретений мастера особенно нужно отметить такие, как спираль Бреге, рубиновый цилиндр и «вечный календарь». Он же создал первые каретные часы, проданные им Наполеону Бонапарту. По ним можно было определять время в темноте, на ощупь.

Бреге знали и высоко ценили при всех королевских дворах Европы, его часы пользовались спросом у дипломатической, научной, военной и финансовой элиты многих государств. Укреплению репутации в значительной мере способствовали личные связи Бреге с царствующими особами. Он выполнял по специальным заказам модели для многих выдающихся личностей, например для русского императора Александра I, султана Османской империи и принца-регента Англии.

В начале XIX века карманные часы Бреге служили доказательством принадлежности к высшему обществу. Поэтому не случайно русский таможенник, увидев часы знаменитого француза в кармане Бетанкура, тут же конфисковал их. Наверное, Августин де Бетанкур рассчитывал, что, став русским генералом, сможет забрать свои вещи из таможни, но, забегая вперед, скажем, что, даже став министром Российской империи, он так и не смог вернуть их из санкт-петербургского таможенного департамента. Пришлось ему через несколько лет купить у Бреге ещё одни часы, за 1600 франков.

КЛОПЫ

Маничаров, будучи известным масоном, состоял в многолетней переписке с другими членами ордена вольных каменщиков, видя в том философско-этическое и социально-психологическое объединение людей, приверженцев христианской веры в символическом облике. Он искренне полагал, что современные религии, такие, например, как лютеранство, иудаизм, католицизм и православие, разъединяют государства и народы, а для объединения нужен руководящий центр, во главе которого должен стать Великий Архитектор Вселенной.

После недолгой дискуссии с Петром Макаровичем о пользе масонства Августин де Бетанкур отправился спать, но сон испанца продолжался недолго. С таким количеством клопов ему ещё никогда в жизни не приходилось иметь дела. В Испании тоже водятся los chinches[3], но чтобы их было так много, — такого бывший испанский, а теперь уже русский генерал не мог представить даже в самом страшном сне. Сначала он возмутился, но ему быстро объяснили, что в Петербурге нет ни одного достойного дома, в котором поздней осенью не было бы клопов. Клопы — составная и неотъемлемая часть российской столицы.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ПЕТЕРБУРГЕ

На следующий день после обеда Бетанкур написал письмо действительному тайному советнику Николаю Петровичу Румянцеву, с 1801 года занимавшему пост главного директора Департамента водяных коммуникаций и экспедиций устройства дорог. С 1802 года Румянцев вынужден был совмещать эту должность с постом министра коммерции, а в 1807-м Александр I, вдобавок к первым двум должностям, назначил его ещё и министром иностранных дел Российской империи. Неудивительно, что, написав письмо Румянцеву, Бетанкур прождал от него ответа несколько дней.

С Николаем Петровичем Румянцевым Бетанкур встречался несколько раз в Европе. Именно Румянцев ещё в самом начале XIX века посоветовал русскому посланнику в Париже Муравьеву-Апостолу обратить внимание на талантливого испанского инженера, но тогда Августин Бетанкур от заманчивого предложения отказался. В сентябре 1808 года Бетанкур снова встретился с Румянцевым, в Эрфурте, когда министр иностранных дел сопровождал Александра I. Там у Бетанкура состоялись две встречи с Румянцевым: министр объяснил инженеру, какая работа ожидает его в России.

Первое время в Петербурге Бетанкур ещё не знал, что главный директор Департамента водяных коммуникаций непосредственно не руководил работой подчиненных ему учреждений и даже не числился при них. Румянцев только использовал специалистов этих ведомств для проведения исследований и сбора данных, необходимых ему для разработки проектов строительства дорог. Даже жалованье главный директор получал не ежемесячно, а по особому указу. В действительности же делами Департамента водяных коммуникаций и экспедиций устройства дорог руководил министр внутренних дел, абсолютно ничего не смысливший в делах департамента. Скорее всего, именно поэтому Румянцев и пригласил Бетанкура в Россию. Русские и иностранные инженеры департамента были крайне недовольны этим назначением. Один из современников Бетанкура писал о нём следующее: «Я *Санкт-Петербурге появилось новое явление — знаменитый генерал Бетанкур, оставивший пост генерал-директора дорог в Испании. Его взяли на службу в Россию во время Эрфуртского конгресса. Это была чувствительная обида для членов департамента, для наших инженеров-генералов, которые блестяще знали своё дело, знали российские условия и особенности, а с ними никто не*

посоветовался. За неповоротливость и недееспособность генерал-директора наказали всех нас».

Чиновники департамента вообще не хотели встречаться с Бетанкуром, однако делать было нечего, и голландский инженер Франц де Воллан, проработавший в России уже более двадцати лет, принял Бетанкура в своем ведомстве на Английской набережной. Вот какую запись он оставил в воспоминаниях: *«По части механики и математики Бетанкур обладал, несомненно, выдающимся талантом. Я имел с ним четыре беседы, из которых понял, что, как гидротехник-теоретик, он обещал быть слабым практиком в наших российских условиях, но имел большие амбиции и претендовал на главную роль в департаменте, считая всех нас невеждами. Тем не менее было хорошо то, что он должен был стать нашим союзником в реорганизации департамента».*

За несколько дней Бетанкура представили генерал-лейтенанту Трузсону, генерал-майору Завалишину, генерал-майору Медеру, камер-юнкеру Саблукову и статскому советнику Вакселю. Все они были членами Департамента водяных коммуникаций и должны были ввести Бетанкура в курс дела. Со всеми у Бетанкура состоялись долгие и содержательные беседы. Испанец был искренне удивлен размахом водного строительства. Российская империя имела амбициозные планы — закольцевать всю европейскую часть России для торговли по водным коммуникациям.

В конце декабря, перед самым православным Рождеством, Бетанкур съехал из дома гостеприимного Маничарова и поселился в трактире «Париж», на Малой Морской, возле Исаакиевского собора.

ПЕРВАЯ ЗИМА

Декабрь 1808 года выдался морозный. Бетанкур впервые в жизни увидел так много снега: он на три четверти аршина покрыл всю землю. Лошади, умело попадая копытами в колеи, быстро и легко увлекали сани вперед, ловко лавируя между сугробами. Их морды, обсыпанные пушистым серебром, фырчали, обдавая холодный воздух теплым паром. Полозья почти бесшумно скользили по мягкому снегу. Однако на редких рытвинах и ухабах повозку кидало так, что зубы испанца скрежетали и щелкали и он два раза по дороге прикусил язык.

На набережной Мойки извозчику пришлось остановиться. Мужики в высоких шапках, хрустя валенками по снегу, толпились на набережной возле костра, перекрыв своими санями проезжую часть. Только после того, как они поочередно из горлышка допили бутылку водки, уступили дорогу генералу и, тяжело дыша, потащили дальше свои сани, груженные вязанками дров.

Бетанкуру было любопытно наблюдать за русскими мужиками: с одной стороны, рабская покорность своему барину, с другой — абсолютно наплевательское отношение к чужому.

Костры на улице в лютый мороз сначала позабавили испанца. «Неужели русские так глупы, что пытаются отапливать улицы», — с лукавой усмешкой подумал он. Но уже через несколько дней, переходя из одного департамента в другой, не раз про себя поблагодарил русских мужиков, которые в самые трескучие холода поддерживали на улицах огонь: всегда можно было остановиться и погреться.

Особенно тяжело было испанцу пережить первую зиму.

КНЯЗЬ КУРАКИН

Гудя промерзлым железом, швейцар в козьем тулупе мехом наружу отворил гремучие затворы ворот особняка князя Куракина и пропустил сани во двор. Высадив Бетанкура у парадного подъезда и громко щелкая концами вожжей, кучер направил экипаж к конюшне, рассчитывая, что лошадей там распрягут и накормят сеном.

Князь Алексей Борисович Куракин занимал должность министра внутренних дел, а в отсутствие князя Румянцева, посланного с дипломатической миссией в Париж, исполнял обязанности главного директора водяных коммуникаций. Первый разговор между Алексеем Борисовичем и Бетанкуром носил скорее светский, чем деловой характер.

— Как вы находите Россию? — приглашая испанца в кабинет, поинтересовался князь.

— Хорошая страна, только уж очень морозная, — зябко поёжившись и потирая ладони, ответил Бетанкур, как бы давая понять хозяину, что ещё не успел согреться.

Князь Алексей Борисович со своими подчиненными всегда был сдержанно сух, но Бетанкуру предложил рюмку водки для согрева. Испанец не отказался.

Вельможи закваски царствования Павла I, как правило, никогда не позволяли себе даже малейших шуток с нижестоящими. Но Августин де Бетанкур понравился князю Куракину. Алексей Борисович обладал умом, познаниями и способностями незаурядного государственного деятеля и легко угадывал талант и одаренность в других людях. Министр никогда не говорил монологами, чем злоупотребляли в то время многие высокопоставленные сановники. Князь терпеливо выслушивал любого собеседника, а затем уж соглашался или не соглашался с ним. В близком окружении министра хорошо знали, что Куракину можно противоречить и, если доводы аргументированы, он примет их. Поэтому не случайно канцелярия князя Куракина была заполнена лучшими людьми в приказном разряде: начальники столов и департаментов Министерства внутренних дел отличались в лучшую сторону от прочих российских чиновников. Но и работать им приходилось во много раз больше, чем другим.

Историческая справка

Россия в это время переживала не лучший период своей истории. По условиям Тильзитского договора она присоединилась к континентальной блокаде Великобритании — страны, с которой имела длительные и прочные торговые отношения. Российские купцы, помещики, даже самые мелкие лавочники несли непоправимые убытки.

Ещё совсем недавно столичные газеты называли Наполеона «последней тварью». И вот русский царь сначала в Тильзите, а затем в Эрфурте обнимается и целуется с этой «тварью». Как следствие, цены на внутреннем рынке империи выросли, а экономическое положение населения значительно ухудшилось. Разочарование в русском обществе нарастало с каждым днем. Складывающаяся внутриполитическая ситуация прибавляла работы Министерству внутренних дел. Недовольных политикой Александра I становилось всё больше.

— Наши газеты почти ежедневно освещают испанские события, — подойдя к клетке с попугаем, сказал князь Бетанкуру. — Но новости из Мадрида доходят с двухмесячным опозданием. — Князь достал из кармана камзола с вышитыми орденскими звездами лорнет, поднес к глазам и стал внимательно рассматривать птицу. — Может быть, у вас есть свежие вести о том, что происходит сейчас на Пиренейском полуострове?

— К сожалению, нет, — скромно ответил Бетанкур. — Я покинул Мадрид значительно раньше и последние полгода жил в Париже.

— Ах, Париж! Ах, Франция! — театрально-восторженно заговорил царский вельможа и неожиданно для гостя выпустил попугая из клетки.

Ярко-красная птица, громко хлопая крыльями, сначала с бешеной скоростью залетала по кабинету, но, сделав два полных круга, быстро успокоилась. Села на специально предназначенную для неё висячую жёрдочку между книжными шкафами и засунула голову за спину, так что её не стало видно.

— Ах, как мне нравилась эта милая, добрая страна — Франция! — тяжело и грустно вздыхая, заходил по кабинету Алексей Борисович и, вдруг резко остановившись, протянул на разжатой ладони птице несколько сухих пшеничных зерен.

Попугай с недоверием посмотрел на них и отвернулся.

— Но после 1789 года все пошло прахом, — продолжил князь. — Власть во Франции захватили подлецы и мерзавцы. Не

произойдет ли то же самое в Испании? — обратился он к Бетанкуру и, не дожидаясь ответа, сосредоточенно проговорил: — Я никогда не бывал в вашей стране, но она мне очень нравится. Испанцы, — министр внутренних дел сложил руки на животе, — честный и трудолюбивый народ. Вы со мной согласны?

— Конечно, согласен, — со сдержанным достоинством ответил Бетанкур. — Для меня Испания — не страна, а маленький континент. Вся её история — сплошная паэлья.

— Простите, — переспросил Куракин. — Какая паэлья?

— Паэлья — испанское блюдо, в состав которого входит практически всё: рис, мелко нарезанное мясо, рыба, креветки, мидии, лук, помидоры, щепотка шафрана, соль, перец, горох, острая колбаска чорисо, эстрагон или листья шалфея… При этом в каждой провинции Испании готовят свою паэлью. Поэтому, когда я слышу слово «испанец», для меня очень важно знать, откуда он: с севера или юга, из Кастилии, Арагона или Галисии.

— Неужели это так важно?! — задумался министр внутренних дел.

— Очень, — ответил Бетанкур. — Потому что вся история Испании — это большая паэлья. Сначала на Пиренейском полуострове жили иберийцы, потом греки, римляне, вестготы, арабы, евреи, цыгане… Испанцы перемешались так, что сегодня нет ни одного кастильца, в жилах которого не текла бы арабская кровь. Хотя все они тщательно скрывают это друг от друга.

— Все путешественники, прибывающие из Испании, обычно сообщают, что с самого начала инсуррекции большое внимание обратил на себя генерал Кастаньос. Это правда? — Князь неожиданно поменял тему разговора.

— Да, — согласился Бетанкур, — именно он возбудил всю Андалусию.

— И первым принял начальство над инсургентами. Мадрид очень высокого мнения об этом человеке. К тому же он принудил французского генерала Дюпона к Байленской капитуляции, — продолжил свои рассуждения Алексей Борисович.

— Совершенно верно, — подтвердил Бетанкур. — Дюпона называют «отважным генералом» за подвиг, совершенный в битве с австрийцами при Поццоло. Два года назад он спас от полного уничтожения корпус маршала Мортье под Кремсом, а в июне нынешнего войска под его командованием вошли в Кордову и полностью разграбили её. Мне больно об этом говорить, так как я очень хорошо знаю генерала Дюпона. Было время, когда мы часто встречались во Франции, а сегодня мой бывший друг и коллега Хосе-Мария де Ланц (с ним мы написали трактат о машинах и механизмах) является начальником департамента внутренних дел

и префектом именно в Кордове. Мне жаль этого человека. И хотя у меня всегда были с ним непростые отношения, я всё же в 1802 году пригласил его на должность профессора математики в путейскую школу Мадрида.

— Вы же её и организовали? — вполголоса поинтересовался князь.

— Да. Вы, наверное, знаете, по корням я француз и всегда считал Францию своей второй родиной. Я прожил там несколько лет, получив в Париже превосходное образование. Но мне сегодня стыдно и больно за то, что творят в Испании французы, — это позор для всей цивилизованной Европы.

— Вы поддерживаете инсургентов?

— Я знаю, Россия заключила с Францией Тильзитский мир, и сегодня она союзница Парижа в борьбе против Лондона. Но хотя официальный Петербург, особенно на страницах газет, на стороне Наполеона, общественное мнение российской столицы полностью на стороне инсургентов. Дело восставших правое, победа будет за ними, — закончил Бетанкур.

— Вы правы, — согласился министр внутренних дел. — Однако о политике можно говорить сколь угодно долго, а нам нужно перейти и к нашим делам.

Напомним: в отсутствие князя Николая Петровича Румянцева Департамент водяных коммуникаций подчинялся Министерству внутренних дел, возглавляемому Алексеем Борисовичем Куракиным. Он принадлежал к древнему аристократическому роду, который вел начало от великих литовских князей Гедиминовичей.

Своим взлетом по карьерной лестнице Алексей Борисович был обязан старшему брату Александру, имевшему счастье воспитываться вместе с цесаревичем Павлом Петровичем (будущим императором Павлом I). 4 декабря 1796 года, меньше чем через месяц после кончины императрицы Екатерины II, Алексей Борисович был назначен Павлом I генерал-прокурором. А немного позднее, по совместительству, занял пост главного директора Ассигнационного банка.

Будучи генерал-прокурором, он собрал «уложенную комиссию» — три книги законов уголовных, гражданских и казенных дел и восстановил при Сенате школу юнкеров из дворян для обучения их правоведению. В 1797 году А.Б. Куракину пожаловали чин действительного тайного советника и наградили орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Но, как известно из истории царствования Павла I, сегодняшний первый фаворит завтра легко мог оказаться в ссылке где-нибудь в Сибири. Князь Алексей Борисович Куракин, в

отличие от многих других придворных павловской эпохи, ещё легко отделался. 8 августа 1798 года его отстранили от должности генерал-прокурора, назначив сенатором, что означало большое понижение. А вскоре уволили уже со всех государственных постов. Царская немилость не обошла стороной и его старшего брата Александра, бывшего любимца Павла I. Он также был снят со всех занимаемых должностей.

После убийства Павла I в марте 1801 года в Михайловском замке в Петербурге уже в начале февраля 1802 года Алексей Борисович был призван Александром I на государственную службу. Куракин получил пост генерал-губернатора Малороссии. Он прослужил около шести лет и показал себя с самой лучшей стороны: за время правления провёл канал на реке Остре, с повышенным усердием заботился о народном образовании и здравоохранении.

Именно при Куракине начал карьеру Михаил Михайлович Сперанский. Сначала личный секретарь князя, он, по протекции начальника, пошел на повышение и был принят в Сенатскую канцелярию.

С 1804 года Алексей Борисович — постоянный член Непременного совета. Несколько раз ему даже доверяли исполнять обязанности председателя.

В 1807 году Куракин назначен министром внутренних дел. При этом, если ему позволяло время, он с большой охотой занимался вопросами образования и водными коммуникациями, хотя в последних разбирался слабо. Но работа эта почему-то ему всегда была интересна и очень нравилась. О транспортных задачах, стоящих перед Россией, он всегда рассуждал с государственной точки зрения.

— Знаете, откуда пошла земля русская? — глядя в глаза Бетанкуру, спросил он. А затем, прищурившись, неожиданно стряхнул правой рукой попугая с едва качающейся деревянной жёрдочки и стал с любопытством наблюдать, как птица опять залетала по кабинету. — Когда не было ещё Российского государства, на этой территории, на севере, жили славяне, а на юге — поляне. Между ними вятичи и кривичи… Как и сейчас, они не были похожи друг на друга. Даже язык у них тогда не был общим. Что же их объединило и заставило жить в одном государстве? Путь «из варяг в греки». Это случилось, когда ислам утвердил своё господство на Средиземном море. При таком соотношении военных и политических сил самым простым и безопасным путем из Европы на Ближний Восток оказался путь через Новгород и Киев. Вот что объединило два города! Путь «из варяг в греки» соединил воедино целую группу славянских

племен и превратил их в европейское государство. Одно из сильнейших! Наши предки не упустили свой шанс и использовали его с толком. Они построили мост между Западной Европой и Византией, давшей нам культуру, религию и первую письменность. У скандинавов мы взяли оружие и боевую выучку. Сегодня перед нами стоят ещё более важные задачи — объединить всю Россию водными путями.

Глаза Куракина сверкали от восторга, казалось, он говорит не перед маленьким испанцем в своем рабочем кабинете, а выступает с пламенной речью перед царем и высшими чинами. Однако, быстро поняв неуместность своего пафоса, он осекся и уже более спокойно обратился к Бетанкуру:

— Мы очень рассчитываем на вашу помощь. В России в ближайшее время будет создана система духовных училищ четырёх степеней — академии, семинарии, уездные училища и приходские школы. И Михаилу Михайловичу Сперанскому пришла в голову замечательная мысль — открыть в Царском Селе лицей и что-нибудь вроде Мадридской школы дорог и каналов, о ней мне рассказывал перед отъездом в Париж князь Румянцев. Если не ошибаюсь, вы её основатель и первый директор?

— Совершенно верно, — подтвердил Бетанкур. — Но почему эта идея пришла в голову именно Михаилу Михайловичу, если о создании Школы путей и дорог в России мы размышляли ещё год назад в переписке с князем Румянцевым?

Вопрос Бетанкура Алексей Борисович оставил без ответа. Подобрав полы камзола, князь глубоко опустился в кресло, обтянутое красным штофом. Взяв со стола черепаховую табакерку, украшенную бриллиантами и эмалью, и зажав одну ноздрю указательным пальцем, он глубоко вдохнул табачную пыль.

— В начале следующего года, — продолжил он, — мы планируем создать комиссию, в неё, помимо вас, войдет начальник Департамента водяных коммуникаций Франц де Воллан, генерал-майор Завалишин и другие персоны. Комиссия займётся подготовкой проекта указа о создании корпуса гидравликов и строителей при Департаменте инженерных кадров для путей сообщения. В дальнейшем мы планируем создать Институт Корпуса инженеров путей сообщения и назначить вас или де Воллана его первым директором. Но нам кажется, у вас больше опыта в вопросах образования, чем у Франца Павловича. Если вы подготовите грамотный и всеобъемлющий проект, то я сам буду ходатайствовать перед Его Императорским Величеством о высочайшем его благоволении назначить именно вас первым директором Института Корпуса инженеров путей сообщения.

ХОСЕ-МАРИЯ ДЕ ЛАНЦ

Бетанкур вернулся домой в приподнятом настроении. Известие о том, что он будет создавать Институт Корпуса инженеров путей сообщения в столице Российской империи, для него не стало неожиданностью. Ещё в переписке с Румянцевым они не раз затрагивали эту тему, но сегодня она приобрела реальные очертания. Бетанкур ещё раз убедился, что поступил правильно, когда привлек к созданию Мадридской школы дорог и каналов Хосе-Мария де Ланца: несмотря на сотрудничество с французами, тот оказался незаменим при написании учебных программ по высшей математике и механике. Именно благодаря его трудам в Испании впервые инженерам стали читать курс высшей математики в течение четырех семестров. Свои образовательные программы Бетанкур и Ланц позаимствовали у Парижской школы мостов и дорог и Парижской нормальной школы. Эти учебные планы Бетанкур и решил положить в основу российского инженерно-технического образования.

Нельзя сказать, что до появления Бетанкура в России не изучали высшую математику. Азы её начали преподавать ещё при Петре I в 1712 году в Школе морских навигаторов. Затем, после открытия в Санкт-Петербурге в 1773 году Горного училища, здесь читали некоторые разделы высшей математики. Но основа будущей системы математической подготовки инженерных кадров во всех технических институтах и университетах России XX столетия была заложена Августином де Бетанкуром, опиравшимся, в свою очередь, на совместные труды с Хосе-Мария де Ланцем, Хуаном де Пеньяльвером и Хосе Че. Особое внимание следует уделить Хосе-Мария де Ланцу — именно ему российское инженерное образование обязано многим.

Родился Хосе 26 марта 1764 года в Мексике, в городе-крепости Кампече, расположенном на западном побережье полуострова Юкатан, в семье выходцев из испанской провинции Наварра. Город-порт много лет был главной перевалочной базой, откуда грузы из Южной Мексики через Атлантический океан отправлялись в Испанию. Неудивительно, что морские пираты не раз нападали на Кампече. За сто пятьдесят лет город выдержал более десятка пиратских штурмов. Среди его врагов — такие громкие имена, как Фрэнсис Дрейк и Джон Хокингс, Генри Морган и Лорент Граф. Кампече был одним из немногих портов Мексики, имевших крепостную стену. Её построили после одного особенно опустошительного нападения, когда пираты завладели городом почти на полгода.

А Бетанкур родился на Канарских островах, в поместье Рамбла-де-Кастро, на северном побережье острова Тенерифе, также не раз за свою историю подвергавшегося набегам морских разбойников. В этом судьба двоих выдающихся учёных, в молодости живших в Королевстве Испания, но по разные стороны Атлантического океана, схожа: их связывала безграничная любовь к морю. О нём они могли говорить часами, когда в Мадриде или Париже за бутылкой хорошего красного вина предавались воспоминаниям.

Отец Хосе-Мария де Ланца был правительственным счетоводом в кассе королевских имений. Хосе мечтал стать морским офицером и в возрасте десяти лет прибыл в Испанию, где поступил в школу гардемаринов, подтвердив соответствующими бумагами своё благородное происхождение. С родителями, которых он оставил в Мексике, он уже больше никогда не встречался.

В 1778 году четырнадцатилетний Хосе был зачислен учеником в Королевскую семинарию в Вергаре. Это было педагогическое учебное заведение с трехлетним курсом обучения, основанное на месте иезуитского колледжа в 1769 году, во времена испанского короля Карла III. Он сыграл важную роль в жизни Хосе-Мария де Ланца и Августина де Бетанкура. Его правление пришлось на вторую половину XVIII века — с 1759 по 1788 год.

КАРЛ III

В начале жизни Карл не собирался владеть монаршими регалиями, но у его старшего брата Фердинанда VI не оказалось детей, так что после его смерти Карлу III пришлось взойти на престол. Он стал испанским королем в возрасте сорока трех лет. За два года до этого события Канарские острова, родина Бетанкура, вошли в состав Королевства Испания. Хотя в юности Карл III не собирался управлять империей, где никогда не заходит солнце, — от Филиппин до Чили, опыт государственной службы у него был. С восемнадцати лет он правил Неаполитанским королевством — составной частью Испании. В историю Европы Карл III вошел как великий реформатор и поклонник изящных искусств. Годы, проведенные в Италии, дали о себе знать. Он всегда помнил знаменитое изречение Евклида о том, что король должен знать три вещи: «уметь управлять людьми, делать всё по закону и помнить, что власть его будет не вечна».

Правление Карла III приближалось к идеальной политической модели, о которой говорил Евклид, но в этом была заслуга не только короля, но и талантливых министров-советников. Один из них — Хосе Моньино, больше известный в истории под именем графа Флоридабланки. Именно он сыграл определяющую роль и в судьбе Бетанкура. Убежденный монархист, считавший просвещенный абсолютизм наиболее приемлемой формой правления для Испании, он сделал очень многое для процветания своей страны. Первый министр двора в 1777—1792 годах, Флоридабланка всемерно способствовал усилению королевской власти.

В экономической политике он придерживался учения физиократов: содействовал развитию национальной промышленности, сельского хозяйства и торговли. По всей стране он собирал информацию о выдающихся молодых людях и всячески поддерживал их. Получив прошение от министра по делам Индий маркиза де ла Сонора с просьбой о выделении стипендии для способного молодого человека, по имени Августин де Бетанкур, выпускника монастырской школы Оротава на острове Тенерифе, Флоридабланка оказал ходатайству поддержку и сделал всё возможное, чтобы Бетанкур в 1778 году оказался в Мадриде и поступил в надлежащее учебное заведение. А в 1784-м именно Флоридабланка отправил Августина де Бетанкура во Францию, где тот получил первоклассное образование в Парижской политехнической школе.

Кроме Флоридабланки, у испанского короля были и другие советники, например Педро Родригес Кампоманес — историк, юрист, полиглот, знаток арабского и классических языков. С 1763 по 1788 год министр финансов. Он говорил, что «товары, произведенные в той или иной стране, суть наиболее верный барометр, показывающий степень упадка или прогресса в государстве».

Ещё один советник короля, выпускник университета Алкала де Энарес, Гаспар Мельчор де Ховельянос — человек ярких дарований, один из самых выдающихся испанских просветителей, поэт, историк, экономист и знаток юриспруденции. В середине 70-х годов XVIII века злые языки в Европе говорили, что авторитет этих министров настолько силен, что испанский король является «подставным лицом» своих советников. Но это было не так. Карл III был классическим просвещенным монархом, поднявшим Испанию на новый экономический и интеллектуальный уровень. Употребляя термин «просвещенный абсолютизм», Вольтер, вероятно, имел в виду именно такого короля, как Карл III, — проводившего политику широкого участия государства в развитии новых хозяйственных отношений, способствовавших формированию капиталистического уклада в стране.

Карл III постоянно подкреплял свои преобразования идеями известных философов, экономистов и за тридцать лет правления сделал очень многое для расцвета культуры и образования Испании. По существу, опираясь на новую налоговую систему и модернизировав её, он значительно оживил торговлю между метрополией и заокеанскими колониями. Для достижения этих целей испанскому королю пришлось отказаться от многих прежде незыблемых законов. Были отменены таможенные пошлины на импорт машинного оборудования и распущены цеховые корпорации, затруднявшие формирование рынка наемной рабочей силы. Подлинной революцией в торгово-экономических отношениях с колониями стало многократное увеличение числа портов. Если до правления Карла III их было всего два, то в 1760—1770-х годах — уже 33 (13 — в Испании и 20 — в Америке).

Результаты его деяний не замедлили сказаться: объем торговли вырос в несколько раз. Столь же успешно развивалась и испанская промышленность. При этом проведение реформ не повлекло за собой каких-либо серьезных конфликтов в испанском обществе. Они возникли лишь тогда, когда король и его советники посягнули на некоторые привилегии католической церкви — к тому времени едва ли не самой влиятельной силы в Испании и её заморских владениях.

Первые попытки короля обуздать инквизицию и заставить

клерикалов исправно платить налоги казне вызвали ответную реакцию: церковь обвинила Карла III во всех смертных грехах. Особенно в этом усердствовали иезуиты. Именно они первыми возгласили, что такому королю посильна лишь должность алькальда небольшого городка. Противостояние между королевским двором и церковью достигло кульминации в 1766 году, когда королю пришлось бежать из Мадрида и с семьей укрыться в загородной резиденции Аранхуэс.

В начале 1767 года последовал королевский декрет — о выдворении всех иезуитов из Испании. С 1771 года началось издание новых школьных и университетских учебников, отвечающих духу времени. Карл III полностью снял все запреты на распространение в Испании книг таких авторов, как Бэкон, Декарт, Локк, Кант, а также многих других видных европейских мыслителей и экономистов. Испанские медики наконец-то получили право на проведение необходимых экспериментов.

После изгнания из Испании десять тысяч иезуитов многие монастыри опустели. Их приспособили под специализированные или общеобразовательные учебные заведения.

СНОВА ХОСЕ-МАРИЯ ДЕ ЛАНЦ

Именно в такой бывший иезуитский монастырь в Вергаре, преобразованный в Королевскую семинарию, в 1778 году и попал Хосе-Мария де Ланц. К этому времени здесь, по личному приглашению испанского короля, уже год преподавал Жозеф-Луи Пруст — знаменитый французский химик, впоследствии член Парижской академии наук.

Обучение в семинарии состояло из двух этапов. Первый — изучение в течение трех лет предметов общекультурного цикла: латинский язык, грамматика, риторика, литература и математика. На втором этапе преподавали высшую математику, физику, химию, минералогию, горное дело и металлургию. К четырнадцати годам Хосе-Мария де Ланц имел уже хорошую гуманитарную подготовку, поэтому в Вергаре он приступил сразу ко второму этапу. По окончании семинарии ему была дана возможность выбрать специальность.

В 1781 году, с блеском сдав выпускные экзамены, он был зачислен в состав гардемаринов Королевского военно-морского флота в Кадисе. Но на этом его обучение не закончилось. В течение четырнадцати месяцев Хосе изучал морские предметы, необходимые для службы на фрегате. Его всегда влекла работа с навигационными приборами: градштоками, квадрантами, астролябиями, хронометром Арнольда, октантами и секстантами. С ними он мог возиться часами. Однако только после многочисленных экзаменов ему присвоили первый офицерский чин — мичман королевского флота.

В составе команды королевского фрегата «Сан-Фернандо» он не раз вступал в бой с противником. В это время североамериканские колонии вели ожесточенную войну за независимость.

Несмотря на протесты некоторых своих советников, например министра Аранда, Карл III решил поддержать главнокомандующего войсками североамериканских колонистов Джорджа Вашингтона и выступил против Англии. Однако, как показало будущее, Аранда оказался прав. Ещё в 1783 году он писал: *«Независимость английских колоний уже признана, что вызывает у меня и боль и боязнь… Эта федеральная республика родилась подобно пигмею и нуждалась в поддержке таких могущественных государств, как Испания и Франция,.. Однако настанет день у когда пигмей превратится в гиганта и даже в Колосса, устрашающего соседние земли. Он забудет об оказанных ему благодеяниях и проявит только стремление к расширению*

своей территории. Тогда первым шагом этой державы будет захват Флориды, чтобы контролировать Мексиканский залив. Затем она начнет осложнять наши отношения с Новой Испанией (Мексикой), стремясь завоевать эту огромную страну. И мы не сможем защитить её и противостоять новой могучей державе, находящейся на том же континенте и являющейся её соседом».

Все геополитические прогнозы Аранда сбылись: в 1819 году США вынудили Испанию продать ей за двадцать пять миллионов долларов Флориду, а к 1848 году захватили более половины Мексики. Аранда предвидел и неминуемый распад огромной Испанской империи и прежде всего отделение от метрополии колоний Нового Света. Он считал, что можно избежать этого, лишь создав на Американском континенте три королевства во главе с испанскими принцами, оставив за Испанией только два острова — Кубу и Пуэрто-Рико.

Аранда писал Флоридабланке, что удержать в своей власти целый континент, столь удаленный от Испании, невозможно: *«Может быть, это из области сновидений, но я думаю, что Португалия нас удовлетворила бы больше всего. Она одна для нас более значима, чем весь Американский континент, кроме островов».* Ему казалось, что Испания, овладев Португалией и сохранив за собой только Перу и Эквадор, могла бы значительно усилить свой вес в Европе и играть ведущую роль в Америке.

Флоридабланка в ответном письме (Аранда был тогда послом Испании во Франции), в частности, отметил: *«Реформирование Америки с помощью тех средств, о которых мечтает Ваше Превосходительство, скорее желаемое, чем осуществимое».*

Переписка показывает, что даже такой искушенный политик, как первый министр двора, не разделял многих опасений и надежд Аранда, связанных с будущим испанских владений в Новом Свете.

Обо всех этих политических перипетиях в то время Хосе-Мария де Ланц ничего не знал. Он просто храбро сражался с англичанами, а ветер и волны были главными героями его жизни. Не раз во время сильного шторма приходилось ему заходить в порты Канарских островов, в том числе и Пуэрто-де-ла-Оротава, откуда родом был Августин де Бетанкур. Четыре года Хосе прослужил на различных военных кораблях, пока не оказался на фрегате «Санта-Люсия». На нём он прибыл на Кубу. Здесь встретился с командующим военно-морскими силами Гаваны капитаном Франсиско де Борха, поставившим перед Ланцем первую научную задачу. Капитан направил Хосе в Мексику, на полуостров Юкатан, для изучения возможности использования волокон местного растения эннекена при изготовления

корабельного такелажа.

23 июля 1783 года Ланц отплыл из Гаваны в город Веракрус (Новая Испания). То были места его детства. Истории неизвестно, посетил ли он родной Кампече. Однако из документов видно, что он провел тщательное исследование такелажа из эннекена и сделал выводы, в каких агрегатах корабля его можно использовать, а в каких — нет, так как материал терял необходимую прочность.

1 января 1784 года Хосе-Мария де Ланц вернулся из Мексики в Гавану. Его научными работами заинтересовались в Академии гардемаринов, и, в частности, её руководитель Висенте Тофиньо, занимавшийся триангуляцией и составлением карт.

В сентябре 1784 года на фрегате «Санта-Люсия» Ланц отправился в плавание вдоль берегов Испании, нанося на атлас в сферической проекции уточнённые координаты береговой линии и новые портовые сооружения. Эту работу он закончил только к середине 1788 года. Её результаты полностью удовлетворили министерство, и Хосе-Мария получил очередное звание — лейтенант фрегата.

С 1789 года он служит под командованием капитана Мендоса-и-Риоса, крупнейшего астронома и математика Королевского военно-морского флота Испании. Составленные им астрономические таблицы высоко оценил даже Деламбр. В морском ведомстве капитан был известен как знаток корабельной науки. Перед ним и Ланцем Военно-морское министерство поставило задачу — собрать материал о развитии мореплавания в европейских странах. Члены комиссии во главе с капитаном Мендоса-и-Риосом и его помощником Хосе-Мария де Ланцем посетили Францию, Англию, Германию, Швецию, Данию, Польшу и Россию. Именно тогда Ланц впервые побывал в Санкт-Петербурге и потом не раз рассказывал Бетанкуру (они познакомились в Париже) об удивительном городе в дельте Невы.

В 1791 году комиссия вернулась в Мадрид; Ланц получил приказ отбыть в Париж для систематизации собранных материалов. Однако во Франции он занимался не только корабельным делом, но и повышал свою научную квалификацию по математике, астрономии и механике. В соавторстве с ближайшим другом Бетанкура, сеньором Че, Ланц пишет курс математического анализа «Элементы дифференциального и интегрального исчисления». Но не только научная работа увлекает двадцатисемилетнего молодого человека. Под влиянием французской революции он становится республиканцем. Лозунг «Свобода, равенство, братство» для него уже не пустой звук, а смысл жизни. Информация о политических симпатиях Ланца

достигает Мадрида, и он получает приказ — срочно вернуться в Испанию. Но не очень торопится его исполнять. Он уже пропитан революционной идеологией, к тому же в Париже у него любимая женщина, с которой он вступил в гражданский брак.

Ещё в бытность на флоте ему не раз, под огнем неприятеля или в шторм, приходилось карабкаться на мачту, с трудом удерживая равновесие на ненадежных выбленках, чтобы убрать или закрепить парус. Свист ветра и пуль, бурное море и раскачивающаяся под мачтами палуба никогда не пугали его. Так неужели он станет бояться начальства в Мадриде больше, чем смертельного ядра? Но страх остаться без денег оказался сильнее, чем неприятельская картечь, — пришлось подчиниться и вернуться в Испанию.

Прибыв в столицу, он отчитался о проделанной во Франции работе и обратился к морскому министру с прошением о командировании его обратно в Париж, однако получил мягкий, но категоричный отказ. Министр объяснил Ланцу, что дипломатические отношения между Францией и Испанией натянуты до предела и что вооруженный конфликт может начаться со дня на день, поэтому все морские офицеры лишены отпусков и отозваны из командировок. Прожив несколько недель в Испании, Ланц принял отчаянное решение: вместо выполнения предписания и прибытия к месту службы он, за собственный счет, уезжает в Париж.

В марте 1793 года все отношения между Францией и Испанией полностью оказались прерваны, начались военные действия.

Историческая справка

На протяжении всего XVIII века главным соперником испанцев были англичане. Только в первой половине столетия Великобритания воевала с Испанией несколько раз: в 1702—1713, в 1718—1720, в 1727—1729 и в 1739—1748 годах. В результате этих войн англичане овладели Гибралтаром и островом Менорка, укрепили свои позиции в Белизе (Центральная Америка). Союз с Францией, так называемый Семейный пакт, заключенный в 1761 году, казалось бы, гарантировал Испании более спокойное существование. Уверовав в это, Карл III даже вознамерился вернуть утраченные территории. Однако на сей раз король и его мудрые советники вместе с маршалами французского монарха Людовика XV явно

недооценили экономическую и военную мощь Великобритании.

Объявив ей войну в январе 1762 года, они терпели одно поражение за другим. Испания лишилась Гаваны и Манилы. Вскоре, правда, разум возобладал над жаждой реванша, и на основании Парижского мирного договора 1763 года потерянные столицы богатых колоний вновь оказались под испанским флагом, но зато пришлось уступить победившей стороне полуостров Флорида и некоторые испанские территории в Северной Америке. Через двадцать лет Флорида и Менорка опять перешли к Испании, однако Гибралтар, заветная мечта Карла III, и поныне остается английской колонией.

Другим камнем преткновения в отношениях Мадрида и Лондона стали Мальвинские острова. В многолетнем споре о том, кто их открыл, несомненное преимущество было на стороне испанцев. Случилось это во время кругосветного путешествия Фернандо Магеллана (1519—1521). Однако, номинально включив их в свои владения, испанцы на несколько десятилетий забыли о них, пока им не напомнили французы и англичане.

В 1764 году французский путешественник Луи Лнтуан де Бугенвиль заложил там новое поселение — Порт-Луи и объявил острова владением своего короля. Через два года Франция за немалую сумму признала права Испании на Мальвины, но это не остановило Великобританию, направившую туда военную экспедицию. Захватив один из островов и назвав его Фолкленд, англичане основали там порт Эдмонт и провозгласили себя собственниками всего архипелага. Естественно, Испания предприняла все необходимые меры (вплоть до военных) и в начале 1770-х годов восстановила своё право на острова, которые позже вновь были захвачены Великобританией (на этот раз у Аргентины).

Но в 1793 году ситуация резко изменилась. После казни Людовика XVI и прихода к власти якобинцев во главе с Робеспьером отношения между Францией и Испанией испортились окончательно. Началась война.

ЗНАКОМСТВО ХОСЕ-МАРИЯ ДЕ ЛАНЦА С БЕТАНКУРОМ

Хосе-Мария де Ланц жил во Франции с 1792 по 1802 год. В эти же годы в Париже часто бывал Бетанкур. Они познакомились в 1792 году в Высшей нормальной школе, так как оба считали себя учениками Лапласа. Однако у них были и другие, не менее знаменитые учителя: Монж, Лежандр, Ашетт, Лагранж, Прони, Боссюэ. В Париже Ланц занимался математикой, механикой, астрономией и географией. Не раз дружески Бетанкур встречался с Ланцем в мастерской часовщика Бреге. Ланц был пропитан духом французской революции, Бетанкур и Бреге — нет. Когда случилась революция, Абрахам Луи Бреге, находясь в Париже, даже не заметил такого исторического события. И в этом он был не одинок.

Сегодня многим кажется, что летом 1789 года весь Париж кипел. Ничего подобного. Когда разыгрывались её самые кровавые бои, лилась кровь аристократов, происходили важнейшие социально-общественные перемены, большинство парижан об этом ничего не знали. Их это не интересовало. Люди занимались своими делами: учились, преподавали, ходили в церковь, воспитывали детей, поливали цветочные клумбы, пекли хлеб, стирали бельё… И только из газет или расклеенных на круглых столбах афиш узнавали, что произошло в непосредственной близости от них.

Как ни странно, но революционный дух почти не коснулся молодых парижских буржуа. В кровавых расправах над французской аристократией ведущую роль играл пролетариат, но и он в конечном счёте для себя ничего не получил. Что касается испанских стипендиатов, то они вообще были далеки от политики. Тем более что и их сокурсники, французские студенты, оставались совершенно спокойными. Как Сорбонна, так и Политехническая школа во время революционных событий не прервали образовательного процесса. Французская молодежь подняла голову только после казни Робеспьера 28 июля 1794 года, когда закончился террор.

Летом 1796 года Ланц снова был приглашен на испанскую службу, техником экспедиции, направлявшейся в провинцию Гуантанамо, на юго-востоке Кубы. Однако перед самым отъездом ему пришлось отказаться от этого предприятия: домашний врач категорически запретил менять климат и совершать такое изнурительное путешествие — здоровье Ланца к этому времени

значительно ухудшилось.

В 1802 году де Ланц получил от Бетанкура официальное приглашение на должность профессора математики в только что созданную в Мадриде Школу дорог и каналов, где Бетанкур уже три года заведовал кафедрой математики.

Учитывая его заслуги перед отечеством, испанский король Карл IV присвоил в 1805 году Ланцу почетное звание военного комиссара. В том же году министр хозяйства Испанского королевства Каэтано Солер пригласил его возглавить Комиссию по науке и искусству. Целью её являлся сбор сведений о реальном состоянии промышленности и торговли Испании и колоний. Для сравнительного анализа в 1808 году Ланца командировали в Париж, где он познакомился с новейшими достижениями науки и техники на передовых французских мануфактурах.

В 1808 году он прислал в Испанию чертежи и описание новейшего станка для изготовления чулок. В том же году в Париже опубликовал написанный совместно с Бетанкуром знаменитый трактат о механизмах и машинах. По существу, развивая идеи Монжа, Хосе-Мария де Ланц и Августин де Бетанкур заложили основы новой технической науки — теории механизмов и машин (ТММ). В этом труде они доказали, что любая, даже самая сложная машина состоит из механизмов, приводимых в движение небольшим числом составных элементов. Их труд был высоко оценен в научных кругах Европы.

Однако в 1808 году пути де Ланца и Бетанкура разошлись. Хосе-Мария вернулся с оккупационными французским войсками в Испанию, где его близкий друг Хосе Мартинес Эрадо вошел в правительство нового испанского короля Хосе Бонапарта, родного брата Наполеона, получив пост министра внутренних дел. Имея такого покровителя, де Ланц легко получил пост директора департамента внутренних дел и префекта города Кордова. Но уже скоро поменял род деятельности.

Хосе Бонапарт создал в Мадриде Испанскую национальную академию наук и литературы, назначив её членом по математике и механике Хосе-Мария де Ланца. В состав академии вошли и другие близкие Августину люди — Бартоломе Суреда и Антонио Гутьеррес, также принимавшие участие в создании Мадридской школы дорог и каналов.

Живя в Петербурге, Бетанкур не раз думал о создании Института Корпуса инженеров путей сообщения в России. Опираясь на разработки своих земляков — испанцев, в своё время получивших инженерное образование во Франции, он собирался внедрить французские достижения в российской технической школе, адаптировав их к местным условиям.

Все образовательные программы Мадридской политехнической школы и, в том числе разработанные Хосе-Мария де Ланцем, Бетанкур привез с собой в Петербург.

ЯНВАРЬ 1809 ГОДА

Бетанкур уже давно собирался разобрать кожаный лакированный чемодан, где хранились учебные программы. Однако никак сделать этого не мог. Вернувшись от князя Куракина в трактир «Париж», он прошёл в залу. Скинув на руки полового енотовую шубу, отдав трость и заснеженный картуз, хотел было подняться к себе в комнаты, но его окликнули. Хозяин вручил Бетанкуру письмо, из которого торчала розовая ленточка, запечатанная красным сургучом. Сломав печать, Августин понял, что письмо с Канарских островов, от его сестры Марии дель Кармен, или, как он её ласково называл, Марикиты. Оно было отправлено ещё летом и шло до Петербурга почти полгода. Сначала попало в Мадрид, затем оказалось во Франции, где его жена, Анна Джордейн, не вскрывая конверта, вложила его в чистый лист бумаги и, запечатав сургучом, отправила в Россию. Сломав ещё две чёрные сургучные печати с фамильным гербом Бетанкуров, Августин вытащил из конверта несколько страниц тонкой бумаги.

Сестра писала, что на острове Тенерифе, на семьдесят шестом году жизни, умерла их мать. Об этом печальном событии он уже знал. Смерть наступила в январе 1808 года. Ему сообщил это ещё несколько месяцев назад старший брат Хосе. Однако сестра подробно, на нескольких страницах, рассказывала, как она умирала, как за ней ухаживали, как её похоронили на кладбище под старым развесистым платаном возле католической церкви Нуэстрасеньора-де-ла-Пэнья-де-Франсия, у подножия города Пуэрто-де-ла-Оротава, с чудесным видом на водную, бескрайнюю гладь Атлантического океана, который всегда внушал матери мистический трепет. Любовь к природе, горам и морю она передала своим детям, в том числе и Августину, родившемуся 1 февраля 1758 года на острове Тенерифе в городе Пуэрто-де-ла-Крус Канарского архипелага.

Ровно за год до этого события Канарские острова, известные в Европе со времен Плиния Старшего, при короле Карле III стали неотъемлемой частью испанской монархии.

КАНАРСКИЕ ОСТРОВА

Ещё в давние времена Канарские острова получили имя от латинского слова canis — так называли гигантских собак, которых мавры привезли на Европейский континент с архипелага. Сами острова были освоены задолго до возникновения античного мира — более пяти тысяч лет назад. В XI веке до Р.Х. они уже хорошо были знакомы финикийцам. Многие древние авторы упоминали Канары как некую мифическую или даже райскую землю, лежащую за Геркулесовыми столпами. В разные времена их считали то обителью праведных душ после телесной смерти, то обломками легендарной Атлантиды. На протяжении многих веков Канарские острова никого не интересовали, пока в XII веке их не стали осваивать арабы. Иногда, в поисках лишайника рочеллы, применявшегося при изготовлении пурпурной краски для тканей, в том числе королевских, на острова заходили португальские или генуэзские суда.

Французские мореплаватели посетили Канары в 1334 году, а в 1344 году папа Клемент VI (настоящее имя Пьер Роже де Бофор-Тюренн), возглавивший папскую курию в Авиньоне, подарил острова Королевству Кастилия и Леон, правил которым достойный отпрыск Бургундского двора Альфонсо XI Справедливый. Во времена французского короля Карла VI Безумного один из его баронов, Жан де Бетанкур, кроме войны и сельского хозяйства занимавшийся ещё и производством тканей, узнав, что в Атлантическом океане есть райский уголок, где добывают рочеллу, пожелал завоевать его. Чтобы снарядить экспедицию, он продал всё имущество (жена потом напрасно пыталась отсудить у него собственное приданое), ограбил английский торговый корабль (шла Столетняя война) и, оставив долгов на 1200 ливров, покинул Францию, предварительно заручившись благословлением на дальний поход папы римского Бенедикта XIII.

В портовом городе Ла-Рошель, на побережье Бискайского залива, Жан де Бетанкур набрал экипаж и 1 мая 1402 года вышел в открытое море, взяв курс на Канарский архипелаг. Его главной целью было освоение новых земель и налаживание производства, в котором остро нуждалась Европа.

Колонисты основали на юге крохотного островка Ла-Грасиоза форт под названием Рубикон и совершили несколько вылазок в глубь архипелага. Уже через месяц стало ясно, что, хотя аборигены весьма примитивны и не умеют плавать даже между собственными островами, шестидесяти человек с арбалетами и

мечами всё же недостаточно, чтобы завоевать хоть один из больших островов. Бетанкур решил вернуться в Европу и попросить помощи у кастильского короля. В его отсутствие подчинённые, которых он оставил управлять фортом вместо себя, поссорились. Один из них, стащив деньги, оружие и ценности, сел на шедший из Америки в Европу корабль и отправился восвояси. Остальные оставшиеся на архипелаге французы так боялись туземцев, что не смели даже носа высунуть за крепостную ограду. Когда Жан де Бетанкур вернулся с пополнением, он увидел печальную картину — народ в форте полностью одичал.

Добившийся в Толедо, у короля Генриха III, ленных прав на Канарские острова, Бетанкур стал законным хозяином архипелага и принялся энергично обживать вверенную ему территорию: крестить местное население, возводить католические церкви, строить оборонительные сооружения… Он обвенчал собственного племянника с дочерью местного царька. Переселил из своего имения в Нормандии на архипелаг ещё около 160 крестьян, а в 1417 году объявил себя Канарским королем. С экономической точки зрения завоевание архипелага не принесло ему материальных прибылей, на которые он первоначально рассчитывал: лишайник рочеллу в Европе перестали применять в качестве красителя, найдя ему более дешевую и качественную замену. Однако Жан де Бетанкур навсегда вошел в мировую историю.

После открытия Америки Христофором Колумбом в 1492 году Канарские острова стали важнейшим пунктом на пути из Европы в Новый Свет. Благодаря своему географическому положению они превратились в заветную цель многих государств и пиратских флотилий. В 1586 и 1596 годах марокканские войска захватывали остров Лансароте. В 1595 году сэр Фрэнсис Дрейк атаковал Лас-Пальмас. Через четыре года голландский флот до основания разрушил этот город. В 1657 году британские военно-морские силы под командованием адмирала Роберта Блэйка разгромили испанский флот в сражении у Тенерифе, а в 1797 году уже английский адмирал Нельсон пытался захватить Санта-Крус-де-Тенерифе. Однако, несмотря ни на что, Канарские острова оставались под управлением Испании.

Начиная с XVI века с Канар в Европу стали привозить экзотических желтых птичек, названных в честь архипелага канарейками. Маленький Августин в детстве тоже ловил их и втайне от родителей, как и другие его сверстники, продавал английским морякам. Чтобы торговля шла лучше, он выучил английский. Сначала несколько слов, а в двенадцать лет уже бойко болтал на языке Туманного Альбиона.

Прямые потомки французского завоевателя Жана де Бетанкура за 350 лет жизни на Канарских островах стали настоящими испанцами, но при этом не утратили своих французских корней. И хотя в детстве Августин де Бетанкур не говорил по-французски, всё французское не было ему чуждым. Породнившись с самыми знатными семьями Испании, Бетанкуры присоединили к своей фамилии нормандских баронов не менее звучные испанские фамилии и стали Бетанкур-Аламо-Альфаро-Кастро-и-Гальегос.

Прадед Августина де Бетанкура, дон Маркое, был бригадиром королевской армии, кавалером ордена Алькантара и губернатором провинции Каракас. Дед, дон Хосе Антонио, — полковник. Отец — подполковник от инфантерии, кавалер ордена Калатравы. Именно он дал сыну начальное образование, научив письму, счёту и основам наук.

Затем Августин с братьями и сестрами учился в городе Пуэрта-де-ла-Оротава, у частных учителей, математике, черчению, английскому и французскому языкам. Ещё в раннем детстве он проявил интерес к точным наукам, технике и искусству.

Августин был вторым ребенком в семье подполковника Августина де Бетанкура-и-Кастро и доньи Леонор де Молина-и-Брионес, дочери маркизов де Вильяфранка. В январе 1757 года родился его старший брат Хосе, будущий наследник имения Рамбла-де-Кастро. Сестра Мария появилась в один год с Августином, только он 1 февраля, а она 16 декабря 1758 года. Затем в семье родилось ещё несколько братьев и сестер: Пабло, Луис, Каталина Паола дель Кармельо и Мария дель Пилар и Маркое. Всего в семье было семеро детей. Семья Бетанкур была очень набожной, богобоязненной и благочестивой, поэтому неудивительно, что отец, на общественных началах, был избран казначеем братства Пресвятой Богородицы, к которому принадлежала и его жена донья Леонор, а также все её сестры.

Аристократическое семейство Бетанкур было не только одним из самых богатых на острове Тенерифе, но и самым верующим. Отец и мать дали детям прекрасное религиозное образование, часто впоследствии выручавшее Августина. Занимая высокие посты в королевской администрации, он не раз вел ожесточенные дебаты с католической церковью и её передовым отрядом — инквизицией, поражая противников прекрасным знанием Священного Писания.

Давая хорошее религиозное воспитание дома, отец Августина не забывал обучать детей и астрономии. Так, 3 июня 1769 года они всей семьей в телескоп наблюдали прохождение Венеры по

солнечному диску.

Канарские острова обладают географической уникальностью, связывая Америку с Европой. Отсюда уходили груженные европейскими товарами каравеллы, и сюда же они причаливали с золотом и драгоценностями Нового Света. При этом рядом с законной торговлей процветала контрабанда. В порту повсюду звучала иностранная речь.

Именно через Канарские острова в Испанию проникла «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел», выпущенная под редакцией уже тогда знаменитого французского философа-материалиста Дени Дидро. Атмосфера жизни на Канарских островах всегда была более либеральной, чем на материке, в католической Испании. Ещё в XVI веке жители островов получили значительные привилегии и были освобождены почти от всех налогов, а их в Испании было много, и уплата являлась истинным бедствием для народа.

За два столетия, несмотря на то что архипелаг то и дело переходил из рук в руки, благосостояние канарцев значительно выросло и могло бы быть ещё выше, если бы не ожесточенная конкурентная борьба между островами, нередко переходившая в вооруженные столкновения. Только испанский король Карл III положил конец междоусобице.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ АВГУСТИНА

Трое старших детей — Хосе, Августин и Мария — всегда держались вместе. В них жила поистине неутолимая жажда знаний. Они глотали одну книжку за другой, а отец только поддерживал страсть к образованию. Он нанял самых лучших учителей, какие только были на Канарах, обеспечил детей самыми лучшими книгами, специальной почтой присылаемыми из Кадиса. Однажды отец даже начал читать своим старшим детям главу о математике из «Энциклопедии», однако они ничего не поняли, так как ещё плохо знали французский.

Как и у всех детей мира, шалости стояли у них на первом месте, только были они очень практичными и целенаправленными. Например, им очень нравилось играть с тутовыми шелкопрядами, разводить шелковичных червей и ухаживать за ними. Они прочитали уйму книг об их удивительных свойствах: о том, как гусеницы вьют коконы из выделяемого ими вещества, загустевающего в виде тонко ссученной нити. Из пряжи они мотали шелковые клубки, а затем сами пытались сделать атлас или бархат. Уже в десятилетнем возрасте их интересовало текстильное дело, окраска волокон или шёлка. Хотя в то время это было неудивительно. Их сверстники уже в полную силу помогали родителям, работая наравне со взрослыми на банановых или тростниковых плантациях.

Маленький Августин очень любил что-нибудь мастерить собственными руками. Он постоянно строгал, пилил, склеивал. Потом начал учиться работать по металлу и осваивать слесарные и столярные инструменты. Став старше, овладел токарным станком.

На первый взгляд необычное для маленького аристократа увлечение вполне соответствовало духу времени. В XVIII веке даже европейские монархи увлекались токарным ремеслом и хвастались друг перед другом своими поделками. Так, будущий французский дофин Луи-Огюст в юности, кроме изучения военного дела, иностранных языков, точных наук и истории, брал уроки у профессионального столяра и плотника. А впоследствии, став королём Франции Людовиком XVI, любил работать на различных станках, в том числе и токарном.

После посещения Парижа графом и графиней Северными (так называли себя путешествовавшие инкогнито цесаревич Павел Петрович и великая княгиня Мария Фёдоровна) интерес к столярному делу вспыхнул и при русском дворе. Обстановка в жилых комнатах французского короля произвела на них

неизгладимое впечатление: на стенах развешаны чертежи каналов, прорытых по королевскому распоряжению; за стеклянными витринами шкафов коллекции географических карт и глобусов, многие из которых искусно сделаны самим Людовиком XVI. Рядом с рабочим кабинетом столярный зал, где, кроме токарного станка, ещё множество различных инструментов. В библиотеке, этажом выше, собраны все книги, изданные в его царствование. Дальше, в большой библиотеке, хранились издания и рукописи, принадлежавшие прежним королям, со времен Франциска I. В двух смежных кабинетах множество интересных книг, собранных самим Людовиком XVI. А среди этого великолепия предметы домашнего обихода — шкатулки и табакерки, сделанные руками короля из слоновой кости или редких пород дерева.

На несколько десятилетий токарная резьба стала излюбленным занятием в часы досуга при дворах Европы. Царь Пётр Великий, прусские короли, английский Георг III также занимались токарным ремеслом. Им увлекались не только мужчины, но и женщины. Например, великая княгиня Мария Фёдоровна, вернувшись из Франции, тоже занялась токарным искусством. Неудивительно, что на Канарских островах в 70-х годах XVIII века и юный Августин де Бетанкур достиг в нём больших успехов. Он не только виртуозно работал на токарном станке, но и постоянно совершенствовал его. Любой механизм, который он встречал в жизни, вызывал у него повышенный интерес и притягивал к себе, как магнит. Однажды на столе в рабочем кабинете члена общества братства Пресвятой Богородицы маркиза де Вильянуэва-дель-Прадо он увидел новые английские часы. Они страшно заинтересовали его: кроме часовой стрелки, по циферблату двигалась ещё и минутная. Такого на Канарах ещё никто не видел. Августину очень хотелось разобрать механизм и посмотреть, как он устроен. Он уже знал, что период вращения колес в зубчатой передаче зависит от отношения диаметров входящих в нее колес; что, подбирая колеса с разным количеством зубцов, нетрудно добиться, чтобы одно из них совершало оборот ровно за двенадцать часов. А если насадить на вал колеса стрелку, то она будет совершать полный оборот за то же время.

Но как подобрать колеса, делающие полный оборот за час? Этот вопрос не давал покоя Августину в течение нескольких дней, пока он не уговорил старшего брата Хосе украсть часы и разобрать их на берегу океана. Так они и поступили. Но почему вращается минутная стрелка — не поняли. Быстро и правильно собрать разобранный часовой механизм долго не получалось.

Пришлось провозиться несколько часов. Порой их охватывало отчаяние, и они были уже готовы вернуться домой и признаться во всем отцу, пока Августина не осенила внезапная мысль — и все части механизма вернулись на свои места. Под покровом звездной канарской ночи они влезли по приставной лестнице в рабочий кабинет маркиза и поставили часы на место. Только через несколько лет они узнали, в чем заключался секрет минутной стрелки.

В детстве, кроме изучения математики и иностранных языков, Хосе и Августин много рисовали, обнаружив склонность к изобразительному искусству. При этом Пепе (уменьшительное от Хосе) ещё превосходно писал стихи и прозу. В нём рано проснулось и окрепло ненасытное воображение: свои произведения он населял вымышленными героями, большинство из них были моряки или люди, имеющие отношение к океану. По мнению Хосе, люди, связанные с морской стихией и водным простором, чувствовали жизнь острее, чем остальные.

И хотя Пепе был старшим сыном в семье, верховодил всеми братьями и сестрами, а также соседскими ребятами Августин. Он был настоящим лидером. Без его ведома в детском коллективе не принималось ни одно решение.

Когда Августину исполнилось двадцать лет, он с сестрой Марией дель Кармен сконструировал прядильную машину для шелковых ниток с педальным приводом. Станок был двойного действия — приводил в движение две нити одновременно, из двух размещенных сбоку клубков волокон шелковичного кокона. Эта конструкция не была принципиально новым механизмом, однако значительно повысила производительность труда на ферме.

14 ноября 1776 года Августин вместе со старшим братом Хосе побывал в пещере, в миле от местечка Икод-де-лосвинос, на севере острова Тенерифе. Братья составили подробный план и дали полное описание полого, глубокого пространства под землей в горном массиве. Их смелый поступок местные жители, всегда обходившие стороной таинственную пещеру, где, по преданию, жил древний дух гуанчей — коренных обитателей Канарских островов, обсуждали потом несколько лет.

21 июля 1777 года Августина де Бетанкура зачислили кадетом в полк провинциальной милиции. Он пошел по стопам своего отца, к тому времени уже подполковника гражданского ополчения. 6 марта 1778 года Августину было присвоено звание младшего лейтенанта, а 12 мая — лейтенанта. Служба в провинциальной милиции не отнимала у него слишком много времени, но и не давала удовлетворения. Он стремился

продолжить обучение, и взор его был направлен в сторону Мадрида.

Двоюродный брат Августина, дон Эстанислао де Люго-и-Молина, был старше кузена всего на шесть лет, однако в столице Испанской империи занимал довольно высокий пост — директора Королевской школы Святого Исидора и члена Королевского высшего совета по делам Индий. Отец Августина написал ему письмо. Тот связался с советником короля сеньором Флоридабланкой и, получив положительный ответ, пригласил двух братьев Бетанкур на учебу в Мадрид. Тем более что с Канарских островов в поддержку братьев поступило ещё несколько рекомендаций, в том числе и от маркиза де ла Сонора, члена Королевского экономического общества острова Тенерифе.

В 1778 году Хосе де Бетанкур представил на обсуждение в этом обществе две свои работы: «Рассуждение о первичном веществе» и «Методы культивирования тутового дерева в соответствии с опытами, проведенными на острове Тенерифе». Одна из них, содержащая сорок страниц и разбитая на несколько параграфов, была посвящена флоре и фауне, а также проблемам минералогии на острове Тенерифе. Хосе убедительно доказал, что многие материалы, ранее считавшиеся отходами, можно и даже нужно использовать в производстве.

В 1779 году он представил на суд Королевского экономического общества ещё несколько работ по текстильному производству. Они содержали сведения не только о конкретных проблемах в производстве тутового шелкопряда, но и затрагивали проблему совершенствования экономического хозяйствования на острове.

В 1778 году Августин вместе со своей сестрой Марией дель Кармен также представил в Королевское экономическое общество Ла Лагуны доклад, содержащий описание окраски шелка в кармазиновый цвет.

Все работы получили самую высокую оценку правительства Канарских островов. Поэтому, когда нужно было поддержать Августина де Бетанкура и дать ему рекомендательные письма в Мадрид, руководство острова Тенерифе не только не возражало, но, наоборот, рекомендательные письма носили очень восторженный характер.

19 октября 1778 года на транзитном торговом судне «Сан-Диего», шедшем из Каракаса в Кадис, Августин де Бетанкур в сопровождении дона Бартоломе Эрнандеса (вскоре после возвращения из Мадрида его изберут председателем Королевского экономического общества острова Тенерифе) отправился на континент. Путь был неблизким. Плыли тридцать

три дня. Часто хлестал дождь. Два раза попадали в настоящий шторм. Августин ещё не знал, что его Канарская жизнь исчезла навсегда, как исчезает след за кормой, и он уже никогда не вернется на чудесный остров, где осталось его детство, и тёплые материнские руки никогда не обнимут и не приласкают его.

ЯНВАРСКАЯ НОЧЬ 1809 ГОДА

Сидя в тёмную зимнюю ночь в меблированных комнатах заснеженного трактира «Париж» в Санкт-Петербурге, Августин несколько раз перечитал письмо сестры; ему казалось, оно пахло печалью и свежестью Атлантического океана. Допив очередной бокал красного французского вина, которое ему принес половой, он заснул, не раздеваясь, прямо за столом, под бронзовым канделябром с пятью полностью догоревшими свечами.

АЛЕКСАНДР I

В конце декабря 1808 года русский царь Александр I был поглощён множеством проблем. На первом месте стояла война со Швецией, на втором — с Турцией, на третьем — польский вопрос. Союз с Францией после Тильзитского мира был очень непопулярен в России. Как простой народ, так и знатные сановники были недовольны дружбой Александра с Наполеоном.

Однако царь твердо придерживался избранного пути, заставляя покоряться своему желанию не только столичное общество, но и ближайших родственников, всегда имевших на него сильное влияние. Речь идет в первую очередь о вдовствующей императрице Марии Фёдоровне и родной сестре Александра великой княгине Екатерине Павловне.

Ещё до поездки в Эрфурт Александр I произвел в верхних эшелонах власти существенные изменения, назначив министром военных сухопутных сил Алексея Андреевича Аракчеева, а на должность главного советника государственных дел — Михаила Михайловича Сперанского, о котором однажды Аракчеев с завистью скажет: «Если бы у меня была треть ума Сперанского, я был бы величайшим человеком».

М.М. СПЕРАНСКИЙ

В Эрфурте Сперанский сопровождал Александра I, и ему довелось несколько раз встречаться с Наполеоном, который произвел на него неизгладимое впечатление. Бетанкур познакомился со Сперанским на балу, устроенном в честь приезда русского царя французскими дипломатами. Его представил посол Франции в России, герцог Виченцы Арман Огюстен де Коленкур, по-дружески шепнув испанцу, что Сперанского в современной России называют Вольтером в православно-богословской оболочке. И хотя Августин и Михаил Михайлович обменялись всего несколькими репликами, было видно, что они заинтересовались друг другом. Сперанский задал Бетанкуру два простых, но очень глубоких вопроса по математике и паровым механизмам. Но Бетанкур не успел на них ответить: к ним, держа сверкающий бокал игристого шампанского в левой руке, подошел бывший министр иностранных дел Франции Талейран и отвел Сперанского в сторону.

15 декабря 1808 года в Петербурге Бетанкур узнал, что Михаила Михайловича Сперанского назначили помощником министра юстиции и возложили на него ведение дел по составлению законов. Вскоре Сперанский предложил царю поистине революционные реформы, основанные на тезисе, что только воля народа должна быть единственным источником власти. План Сперанского подразумевал уравнение всех сословий перед законом, а также включал в себя новое устройство управления: крестьяне освобождались от крепостной зависимости и получали свободу без земли.

Государственное управление планировалось осуществлять посредством трёх родов учреждений — законодательных, исполнительных и судебных. Законодательное учреждение должно было быть представлено Государственной Думой, исполнительное — разного рода министерствами, ответственными перед Думой, судебное — Сенатом. При этом все перечисленные учреждения могли иметь только земский выборный характер. Деятельность всех трех высших учреждений, в свою очередь, должна была объединяться Государственным советом, состоящим из представителей аристократии и устроенным по примеру английского парламента. Аристократия, по мнению Сперанского, должна была стать главным блюстителем законов во всех звеньях управления.

Очень скоро деятельность Сперанского расширилась и охватила не только законотворчество, но и государственное

образование. Поэтому идею создания Института Корпуса инженеров путей сообщения, высказанную ещё несколько месяцев назад Николаем Петровичем Румянцевым, Сперанский горячо поддержал. Впоследствии он не раз обсуждал её с царем, доказывая, что первым руководителем лучше назначить Августина де Бетанкура, а не Франца де Воллана.

В отличие от царских сановников, полагавших, что наладить преподавание в учебном заведении, даже в техническом, не такая уж и сложная задача, Сперанский отлично знал, что она потребует высочайшей квалификации. И решить её в современной России под силу только одному человеку — Августину де Бетанкуру, уже создавшему в Мадриде Школу дорог и каналов.

Михаил Сперанский был профессионалом и ценил это качество в других людях. Поэтому при обсуждении создания в Санкт-Петербурге Института Корпуса инженеров путей сообщения он рекомендовал на пост руководителя только кандидатуру Бетанкура.

ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА

В Петербурге Августин узнал, что в Эрфурте Наполеон признал право России на захваченную ею в ходе Русско-шведской войны Финляндию, а Россия — право Франции на Испанию. Это известие опечалило его, но не надолго. Будучи математиком и изучая теорию вероятности по работам Блеза Паскаля и Пьера Ферма, а затем по трудам Лапласа и Пуассона, Бетанкур отлично понимал, что, как при игре в кости или карты, так и в войне, рано или поздно сработает закон больших чисел — побеждать постоянно невозможно. Пробьет час (хотя пока неизвестно когда и где, но он обязательно пробьёт), и Наполеона низвергнут.

При отъезде из Парижа в Эрфурт известный французский учёный Гаспар Монж (учитель и Бетанкура, и Наполеона) на всякий случай вручил Августину рекомендательное письмо к непобедимому императору, но Бетанкур им не воспользовался, посчитав, что встречи с русским царем в немецком городе ему будет вполне достаточно. Он почему-то уже в то время был уверен, что Наполеон — временщик и ему осталось вершить судьбу Франции и Европы совсем недолго. Однако новость о том, что Бонапарт собирается посвататься к одной из сестер русского царя, не на шутку встревожила его. Такой союз осложнил бы освободительную борьбу испанцев за независимость и привел к большим политическим изменениям на карте Европы.

С того дня, как Бонапарт объявил свою власть наследственной и возложил на голову императорскую корону, он стал отчетливо осознавать, что ему необходим преемник. Это стало особенно очевидно после гибели его молодого племянника, принца Шарля-Наполеона — в нём Бонапарт в это время видел своего преемника. Однако на быстрый развод со своей женой Жозефиной, которую он всё ещё продолжал любить и к которой был привязан, он решиться не мог. Он чувствовал, что Жозефина Богарне — его счастливая звезда, помогавшая ему выстоять в самые трудные времена. Именно она своими руками выткала ему императорский плащ, в который он был заботливо ею укутан.

После Тильзитского мира в борьбу за развод между супругами вступили слишком могущественные силы. Среди них был и герцог Отрантский, министр полиции Франции Жозеф Фуше, питавший к Жозефине неприязнь, основанную на жёстком расчёте и прагматизме. Фуше являлся самым последовательным сторонником второго брака императора, так как полагал, что только он может в дальнейшем принести спокойствие как Франции, так и Европе в целом. При таком развитии событий он,

Фуше, сохранит власть и накопленные капиталы, чтобы передать их детям. Сделать это будет возможно, только если в стране сохранится преемственность власти.

Министр полиции все просчитал и рискнул решиться на смелую интригу. Зная, что император, исходя из государственных интересов, хочет, но колеблется развестись с Жозефиной, он придумал многоходовой план. Через своих агентов Фуше распустил в народе слух, что Бонапарт разводится, и таким образом подготовил общественное мнение. Информация проникла во все уголки Франции, а затем быстро просочилась и через все европейские границы. Сенсационная новость уже через несколько дней достигла Петербурга, где все отлично понимали, что если Наполеон разведется, то будет искать невесту в одном из царствующих домов Европы. И скорее всего, его взор устремится в Россию, ведь у русского царя две незамужние сестры — Анна и Екатерина.

Первая ещё мала, ей едва исполнилось четырнадцать лет, а о второй французский писатель, философ и полномочный посланник сардинского короля Виктора-Эммануила при царском дворе в России Жозеф де Местр писал следующее: *«Ничто не сравнится с добротой и приветливостью Великой Княгини. Если бы я был живописец, я бы послал вам изображение её глаз (темно-голубых). Вы бы увидели, сколько доброты и ума заключила в них природа…»*

Екатерина Павловна восхищала не только сардинского посланника. В неё безотвтно были влюблены многие прославленные личности, и в том числе будущий герой 1812 года князь Багратион.

Сам царь Александр I был неравнодушен к своей сестре, которая была младше его на одиннадцать лет. При этом за безупречной чистотой линий её лица и фигуры угадывалась железная воля и решительный характер. Порой казалось, что она появилась на свет только с двумя целями — нравиться и царствовать.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ

В 1808 году Екатерине Павловне исполнилось двадцать лет, но по силе и складу своего характера она не соответствовала своему возрасту: образ её мыслей был глубоко зрелый и душевно стойкий. Она была прекрасно образованна и, что совсем удивительно, безупречно писала по-русски, что в те годы в России, где все женщины высшего общества писали только по-французски и практически не изучали письменного русского языка, было экстраординарным явлением.

Первым среди её женихов был австрийский император Франц I, овдовевший в 1807 году. Но, несмотря на возражения Александра I, указывавшего на недостатки Франца как жениха, великая княжна горячо отстаивала своё право выйти замуж за австрийского императора. Она писала брату: *«Вы говорите, что ему сорок лет, — беда невелика. Вы говорите, что это жалкий муж для меня, — согласна. Но мне кажется, что царствующие особы, по-моему, делятся на две категории — на людей порядочных, но ограниченных, на умных, но отвратительных. Сделать выбор, кажется, нетрудно: первые, конечно, предпочтительнее… Я прекрасно понимаю, что найду в нём не Адониса, а просто порядочного человека; этого достаточно для семейного счастья».*

Однако, как ни желала Екатерина Павловна этого брака, он не состоялся. В конечном итоге из-за внутриполитических интриг венскому двору самому пришлось отказаться от этого предложения.

На какое-то мгновение среди женихов Екатерины появились два немецких принца, и оба заики. Один — наследник баварского престола, другой — принц Генрих Прусский. Но они очень быстро были отвергнуты. Затем им на смену пришли два австрийских эрцгерцога — Фердинанд и Иоганн. Но и они не стали серьезными кандидатами в мужья русской княжны. Был отвергнут и Вильгельм Вюртембергский — сын старшего брата вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны.

Что же касается брака с Наполеоном, то ещё в Тильзите Талейран прозондировал почву, намекнув Александру I, что неплохо было бы закрепить политический союз Франции и России ещё и брачным. Поначалу русский царь обошёл щекотливый вопрос молчанием, не сказав французскому министру иностранных дел ни да ни нет. Но уже в Петербурге он встретил жесточайший отпор со стороны своей матери и сестры.

Вот что по этому поводу писала одна из фрейлин графиня Софья Шуазель-Гуфье: *«Александр был не прочь согласиться на этот брак, но встретил такую сильную оппозицию со стороны императрицы Марии Фёдоровны и самой молодой Великой Княжны, что должен был им уступить. Они обе были женщины с характером… Наполеону пришлось в первый раз со времени своего возвышения получить отказ. Это была для него первая измена фортуны».*

В «Записках» дочери обер-шталмейстера императрицы-матери находим следующую запись, где Екатерина Павловна заявляет старшему брату: *«Я скорее выйду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца».*

Сама мысль, что великая русская княжна может занять место Жозефины, пугала её. При этом французский посланник в Петербурге Луи Коленкур докладывал в Фонтенбло: *«Здесь все более повторяется слух о разводе в Париже. Приводят даже слова императора Александра и Великой Княжны Екатерины. Рассказывают, что, когда ей было высказано сожаление по поводу того, что придется её лишиться, она будто бы сказала, что когда дело идет о том, чтобы сделаться залогом вечного мира для своей родины и супругой величайшего человека, какой когда-либо существовал, не следует сожалеть об этом».*

Информация, которую получал Бонапарт из России от Коленкура, нравилась императору, но не соответствовала действительности. Александр уже был настроен решительно против этого брака, хотя ему ещё приходилось лавировать, чтобы окончательно не оскорбить Наполеона.

А тем временем во Франции, пустив слух о предстоящем разводе, министр полиции Жозеф Фуше предпринял решительный шаг. Он написал письмо Жозефине, в котором просил, чтобы она развелась с Наполеоном во имя Франции, а взамен жертвы обещал достойную денежную компенсацию. Получив и прочитав письмо, императрица пошла к мужу и, закатив скандал, потребовала объяснений. Бонапарт, застигнутый врасплох, не решился воспользоваться случаем, чтобы поговорить о разводе. Наоборот, он пообещал ей уволить Фуше. Однако, жестко поговорив с министром, оставил его на своем посту, а сам поспешно уехал в Италию, отложив проблему развода на неопределенное время. Вернувшись с Апеннинского полуострова, Наполеон почувствовал смутное желание покончить с этим делом. Настроение императора мгновенно было замечено и направлено в нужное русло: заклятые враги, Талейран и Жозеф Фуше, снова объединились.

Бонапарта оплели со всех сторон и стали понуждать к

разводу. Когда император приехал в Эрфурт, у него ещё не было полной уверенности в том, что он разведётся с Жозефиной. Но при этом он уже хотел, чтобы русский двор хранил для него руку одной из великих княжон на случай, если он всё-таки разведётся.

Слухи о будущей помолвке Екатерины Павловны с французским императором, переходя из одной великосветской гостиной в другую, обрастали самыми невероятными подробностями и выдумками. Каждый истолковывал самый незначительный факт в поведении членов императорской семьи в любую желаемую ему сторону. Так, французский посол, собирая слухи и сплетни, даже не удосуживался их осмыслить и выдавал желаемое за действительное. Он писал в своей книжечке-дневнике: *«Великая княжна Екатерина выходит за императора, ибо она учится танцевать французскую кадриль»*. Опытный царедворец Коленкур сообщал в Париж то, что хотели слышать от него в Тюильри Наполеон, Фуше и Талейран.

Тем временем в Петербурге готовилась почва для отказа французскому императору. В столицу приехали два возможных претендента на руку великой княжны. Первый, принц Пётр-Фридрих-Георг Ольденбургский, приходился Екатерине Павловне двоюродным братом, а его мать — родной сестрой вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. По отцу принц принадлежал к младшей ветви Гольштейн-Готторпского дома, к которому имел самое прямое отношение убиенный русский царь Пётр III, муж Екатерины Великой.

Вторым претендентом на руку великой княжны был Леопольд Саксен-Кобургский, также родственник русского императорского дома: его сестра Юлия была замужем за цесаревичем Константином, родным братом Александра I. Восемнадцатилетний принц Леопольд был красив, хорошо образован, но абсолютно беден. Восьмой ребенок в семье, он практически не получил никакого наследства от своего отца герцога Франца, умершего незадолго до создания Рейнского союза, куда должно было войти и его крохотное герцогство.

Перед Екатериной Павловной стоял трудный выбор: на ком из двух женихов остановиться? У каждого из них были свои преимущества и недостатки. Екатерина по неизвестным до конца историкам причинам остановила свой выбор на принце Георге Ольденбургском. Вот что сообщил об этом решении посол Франции в России маркиз де Коленкур: *«Принц мал ростом, некрасив, худ, весь в прыщах и говорит невнятно».*

А вот что об этом событии написала фрейлина Роксандра Эдлинг: *«Этот брак всех удивил. По родству он противоречил уставам церкви, так как они были между собой двоюродные.*

Наружность герцога не представляла собой ничего привлекательного, он был честный человек в полном смысле слова. Екатерина Павловна имела благоразумие удовольствоваться им и по природной своей живости вскоре привязалась к мужу со всем пылом страсти».

Однако едкая характеристика современников не совсем соответствовала действительности. Принц Георг учился в одном из старейших университетов Европы — Лейпцигском и с блеском его закончил. В обществе он был известен как тонкий знаток древних языков и немецкой литературы. Особенно увлекался Шиллером, да и сам писал довольно хорошие стихи, профессионально играл на флейте и слыл страстным поклонником барочной музыки. Принц не любил шумных балов и предпочитал проводить вечера за книгой, а не за игрой в бильярд или карты.

Обручение Екатерины Павловны с Георгом Ольденбургским было назначено на начало января 1809 года. На празднества по этому поводу из небольшого городка Мемель, у самой границы Российской империи, приехал прусский король с королевой. Берлин в это время был оккупирован французами, и королевский двор Пруссии ютился на берегу Балтийского моря в частных квартирах. Брошенное своим королем немецкое население было вынуждено содержать за свой счёт более двухсот тысяч солдат наполеоновской армии и Рейнского союза. Чтобы сделать маленький щелчок Наполеону, Александр I принял прусского короля в Петербурге со всеми подобающими Его Величеству почестями. На всех частных и общественных домах столицы горели вензеля прусской королевской семьи. Таким образом русский царь хотел хоть как-нибудь возместить утрату тех признаний, от коих немецкая королевская чета уже успела отвыкнуть.

В Зимний дворец, на один из балов по случаю обручения Екатерины Павловны и принца Ольденбургского, был приглашен и Августин де Бетанкур. Ещё в канун Рождества Александр I решил, что этих двух людей нужно обязательно познакомить.

После официального объявления великой княжны и принца женихом и невестой Петербург занялся обсуждением их приданого. Всех интересовало, что Александр I даст за свою сестру. Оказалось, принц получил вместе с рукой первой красавицы империи солидное состояние на сумму в 2 миллиона 600 тысяч французских франков. Кроме того, ему ежегодно выплачивалось ещё 200 тысяч рублей, а его супруге —100 тысяч. Царь также распорядился, чтобы молодоженам предоставили один из меблированных дворцов в центре столицы.

Свадьба состоялась 18 апреля 1809 года, после чего Георг Ольденбургский получил в России сразу несколько назначений. Он стал губернатором трёх самых лучших и доходных губерний — Тверской, Ярославской и Новгородской. Ему также было поручено управлять всеми путями сообщений Российской империи. Таким образом, он стал прямым начальником генерал-майора Августина де Бетанкура, служившего по этому ведомству.

СЛУЖБА

В Испании Бетанкур был генерал-лейтенантом, но в России на государственную службу всех иностранцев принимали на один чин ниже.

Георг Ольденбургский создал комиссию для подготовки указа об организации корпуса гидравликов и строителей при департаменте подготовки инженерных кадров. В неё, помимо прочих, вошли де Воллан и Бетанкур. Работа над проектом указа потребовала титанических усилий. Параллельно проводилось гидрографическое описание всех районов России. Европейская часть была разделена на отдельные округа, в зависимости от важности рек и портов. Изучалась возможность соединения Дона с Волгой, Белого моря с Каспийским, а также сообщения между Тобольском и Волгой через водораздел Уральских гор.

С мая по август 1809 года принц Ольденбургский с супругой жили в Павловске. Поэтому всем его ближайшим сотрудникам также пришлось переехать из Петербурга за город и снять на лето в Павловске дачи. Ещё в конце апреля в Петербург из Парижа, через Ревель, прибыла семья Бетанкура: жена Анна Джордейн и четверо детей — Каролина, Аделина, Матильда и самый маленький — Альфонсо, которому ещё не исполнилось и пяти лет. Они тоже поселились в Павловске. Сразу по приезде Анну возмутили условия подписанного мужем контракта — всего лишь какие-то жалкие двадцать четыре тысячи рублей в год ассигнациями! Дело в том, что в связи с торговой блокадой Англии курс на ассигнации быстро падал, а на серебро поднимался. Бетанкур только за первый год службы должен был потерять две трети своего реального заработка. Анна заставила супруга пересмотреть условия контракта, что он незамедлительно и сделал.

Георг Ольденбургский, понимая сложность ситуации, не стал возражать, и Бетанкуру повысили жалованье до шестидесяти тысяч рублей ассигнациями, что по тем временам было очень крупной суммой: далеко не все генералы-инженеры, проработавшие в России по сорок лет, могли мечтать о таком вознаграждении. Однако и не все генералы были вхожи к русскому царю, а Бетанкур не раз получал приглашения или был зван на обед к Александру I — царь был рад видеть испанца в любое удобное для него время.

В середине августа 1809 года Георг Ольденбургский с супругой решил отправиться в Тверь по воде. Во-первых, он хотел посмотреть состояние некоторых речных систем —

Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской. А во-вторых, он задумал сделать Тверь, расположенную между Москвой и Петербургом, третьим по значению городом Российской империи.

ТВЕРЬ

Первое упоминание о Твери, небольшой крепости на западной границе Суздальского княжества при впадении реки Тьмаки в Волгу, относится к 1164 году. По преданию, название города происходит от старославянского слова «твердь», что означало «крепость». Тверской кремль был построен в 1182 году владимиро-суздальским князем Всеволодом III, однако во время татаро-монгольского нашествия княжество прекратило своё существование. Но, как ни странно, город Тверь пострадал меньше других и уже к середине XIII века стал новым центром Северо-Восточной Руси. Рассвет Тверского княжества пришелся на времена князя Михаила Ярославича (1271—1318), тогда его столица стала крупнейшим центром русской культуры.

Однако в XV веке неудачный военно-политический альянс тверских правителей с Великим княжеством Литовским и Новгородской республикой против Московского княжества привел к трагическим событиям. В 1485 году войска Ивана III после трехдневной осады взяли город штурмом. Тверской князь Михаил бежал в Литву, а могущественное княжество-государство прекратило своё существование. Беды Твери на этом не закончились. В 1569 году во время похода Ивана Грозного на Новгород город разграбили опричники, а в Смутное время Тверь сожгли поляки. Возрождение города началось только в XVIII веке, после основания Петербурга, когда он стал важным торговым центром между двумя столицами.

ПРИНЦ ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ

В 1809 году немецкий принц Пётр-Фридрих-Георг Ольденбургский решил возродить Тверь и вернуть городу былое могущество. Став тверским губернатором, он задумал перенести туда Главное управление путей сообщения и все столичные департаменты, связанные с ним. *Для* начала он распорядился отреставрировать Путевой дворец, где собирался жить с женой и своим двором. Раньше в этом здании в стиле классицизма с элементами барокко (архитектор Матвей Казаков) останавливались царские особы по дороге из Петербурга в Москву. Дворец, построенный сорок три года назад, нуждался в капитальном ремонте. Перестройкой было поручено заняться тридцатитрехлетнему архитектору итальянского происхождения Карло Росси, приехавшему в Тверь из Москвы. Было решено также вымостить камнем все центральные улицы, что по тем временам для России было в диковинку.

Вместе с принцем и его женой из Петербурга в Тверь отправились вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и Августин де Бетанкур. Всем было интересно посмотреть, что собой представляет главная речная система России, включавшая и Мариинский канал — самое грандиозное речное сооружение современной Европы, названное в честь жены Павла I Марии Фёдоровны.

Произошло это следующим образом. Во время строительства канала, соединившего реки Вытегру и Ковжу, средства были позаимствованы из пожертвований на содержание сиротских домов, попечительницей которых была императрица. Этого оказалось достаточно, чтобы назвать её именем весь водный путь, созданный потом и кровью десятков тысяч безымянных тружеников, имена которых уже никогда не вспомнит история. Работали эти люди по 14—15 часов в сутки, в скотских условиях, за нищенскую плату. Умирали сотнями, иногда тысячами за сезон, а он длился с 1 марта по 1 ноября. На это время помещики отдавали своих крепостных крестьян внаем — по 60—70 рублей за восемь месяцев. И если инспектор не держал подрядчика «за руки», то рабочих обеспечивали нищенским питанием.

Однако эта сторона дела не смущала принца Ольденбургского, поставившего перед Бетанкуром и де Волланом амбициозные задачи — полностью закольцевать европейскую часть России водными путями, чтобы английские и голландские товары из Петербурга можно было легко доставить в любую точку России, а оттуда беспрепятственно вывозить то, что нужно

английскому и голландскому потребителю. Несмотря на войну со Швецией и Турцией, а также на шаткий мир с Наполеоном, то и дело угрожавший войной, грандиозная работа началась…

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТВЕРЬ

12 августа 1809 года генерал де Воллан прибыл в устье Невы, в город Шлиссельбург, чтобы там встретить принца, Екатерину Павловну и августейшую мать, сопровождавшую своих детей до Твери. Де Воллан очень настороженно относился к тому, что у Георга Ольденбургского и Августина де Бетанкура складывались хорошие деловые отношения. Он ревновал принца к испанцу, считая, что у него, человека, отдавшего России двадцать пять лет безупречной службы, больше прав, чем у этого «выскочки-канарца», не проработавшего в России ещё и года. Но делать было нечего — де Воллану пришлось встречать в Шлиссельбурге с почестями и Бетанкура.

14 августа все отправились на яхте по Ладожскому каналу. День выдался безоблачный, ясный. Северный воздух наполнил прозрачным светом всю корабельную палубу. Водная рябь, залитая солнцем, искрилась за кормой. Узкий длинный корпус с широким развалом бортов в носовой оконечности обеспечивал судну хорошую мореходность, оно шло с такой скоростью, что в такелаже свистел ветер, а вода, с шумом вырываясь из-под киля, оставляла за ним белоснежный бурун. Иногда палуба накренялась так, что по ней боязно было ходить, поэтому Мария Фёдоровна, в отличие от неугомонной Екатерины Павловны, все время оставалась в капитанской каюте.

Рангоутное дерево то и дело поскрипывало от попутного ветра. Юго-западный бриз колыхал на корме императорский штандарт с четырьмя двуглавыми орлами и брейд-вымпел вдовствующей императрицы на одной из мачт. Яхта шла с несвойственной для наполненного водой искусственного рва скоростью, то и дело обгоняя торговые суда или лавируя между ними. За сто семнадцать километров пути их встретилось более полутысячи. Однако капитан, стоя на юте, не сбавлял скорости. Иногда борта царской яхты чуть не задевали встречные баржи и лодки. Но рулевой всегда очень ловко задавал паруснику нужную траекторию, и суда мирно расходились.

Бетанкур смотрел на канал как на бесценную географическую находку. Такого мощного гидротехнического сооружения он ещё никогда не видел. Де Воллан неутомимо рассказывал, как его начали строить ещё при Петре I, в 1719 году. Один из участков Вышневолоцкого водного пути, соединяющего Волгу с Балтийским морем, проходил через Ладожское озеро и был самым опасным — частые штормовые ветры на Ладоге становились причиной гибели сотен торговых судов с грузом.

Поэтому Пётр I издал указ, где, среди прочего, сетовал, «какой великий убыток на вся годы чинится на Ладожском озере от худых судов и что одним сим летом с тысячу судов пропало…». Было принято решение о строительстве обходного пути, соединяющего реку Волхов с Невою.

По проекту канал планировали построить без шлюзов, глубиной 2,1 метра ниже уровня Ладожского озера. На строительстве были заняты семь тысяч крестьян и восемнадцать тысяч солдат регулярной армии. Услышав такие цифры из уст де Воллана, Бетанкур невольно вздрогнул, мысленно представив условия их жизни.

Осуществить первоначальный замысел Петру I не удалось: канал имел глубину меньше метра. Поэтому многие строители (среди них были немцы и голландцы) подверглись суровым наказаниям. В итоге у Шлиссельбурга и Новой Ладоги пришлось сооружать шлюзы. Именно за них генерал-лейтенант Фёдор Иванович Герард (он тоже был в составе экспедиции) получил сильнейший нагоняй от принца: Георг Ольденбургский остался очень недоволен ветхостью шлюзов, не ремонтировавшихся десятки лет. Управляющий водяными коммуникациями Российской империи хотел показать всем, какое значение для него имеют гидравлические сооружения и что именно им в ближайшее время он уделит повышенное внимание.

16 августа великокняжеская яхта продолжила путь по реке Свирь, вошла в Свирский канал, и там члены экспедиции смогли оценить всю сложность работ по проходке через скалистую возвышенность. Это была заслуга де Воллана: он лично руководил строительством Свирского канала. Бетанкур не смог сдержать восхищения. Принц также остался доволен увиденным, наговорил много лестных слов о голландце, а тот тут же предложил продолжить осмотр канала и отправиться в устье реки Свирь. Для этого члены экспедиции сошли с яхты и пересели на лошадей. Неожиданно для всех принц вздыбил коня, тот громко заржал и с места понесся в галоп. Свита стремительно последовала за ним.

Бетанкур оказался прекрасным наездником, а вот генералы Герард и де Воллан — плохими. За четыре станции до Вытегры де Воллан с приступом жуткой боли в желчных протоках пересел в курьерскую карету и почти полумертвым приехал в Вытегру, где застал принца и Бетанкура за обеденным столом в весьма приподнятом настроении. Главный директор путей сообщения поручил де Воллана заботам своего личного врача и дал генерал-лейтенанту несколько часов, чтобы тот пришел в себя. Только после этого все отправились к Мариинскому каналу.

Осмотрев двадцать шесть камерных шлюзов с дамбами и бечевыми путями, принц остался доволен состоянием и размахом гидротехнической конструкции. Шлюзовые механизмы работали безупречно и выдерживали полную водную нагрузку. Но принц все равно приказал Бетанкуру сделать несколько контрольных проверок шлюзовых систем. Для этого чиновники канала нагрузили водой однокамерный и четырёхкамерный шлюзы на двадцать четыре часа. Не дожидаясь результатов, де Воллан и Бетанкур проверили пропускную способность двухкамерного Михайловского шлюза. За один световой день, с пяти часов утра до семи часов вечера, по нему прошли сорок палубных судов с грузом от шестидесяти до ста двадцати тонн. Докладывая принцу о результатах, Бетанкур очень высоко оценил работу де Воллана, которому ещё в Петербурге злые языки успели нашептать, что испанец очень дурно отзывался о его шлюзах и уверял царя, что они не смогут выдержать полной водной нагрузки. Кто был источником сплетен — сегодня выяснить невозможно: де Воллану о них сообщил главный «писарь» принца Ольденбургского Лубянский, посеяв в 1809 году между Бетанкуром и де Волланом на какое-то время скрытую вражду, к счастью, продлившуюся недолго. Сплотила работа. Уже на Мариинском канале они в полной мере оценили профессиональные способности и человеческие качества друг друга.

У Бетанкура был большой опыт гидротехнических работ. Ещё в 1783 году испанское правительство, по просьбе государственного секретаря графа Флоридабланки, поручило ему исследовать состояние Имперского судоходного канала в Арагоне. Вскоре он представил правительству полный проект ремонтных работ. Строительство канала началось ещё в 1523 году, а закончилось только при Карле III. За два с половиной столетия в канал были вложены огромные средства, а результат оказался плачевным — стенки пропускного сооружения оказались очень слабыми. Последнее наводнение и выход из берегов реки Эбро вызвали обрушение и прорыв вод. Сложилась угрожающая ситуация для судоходства в регионе, особенно в районе плотины Бокаль. Торговля в провинциях могла вообще замереть: водные, а не шоссейные пути в XVIII веке играли главную роль в перевозке товаров и грузов внутри страны. Бетанкур тщательно изучил все недостатки проекта и строительства канала и изложил их в записке, переданной правительству для дальнейшего рассмотрения.

Строительство гидротехнических сооружений в начале XIX века для России было так же важно, как и для Испании. Страна при Александре I благоустраивалась: возводились новые города,

строились фабрики и мануфактуры, осваивались необжитые земли, закладывались промышленные предприятия и крестьянские хозяйства. Требовались новые, современные транспортные решения. Необходимо было наладить быстрый и своевременный подвоз продовольственных товаров, строительных материалов и сырья для городов и промышленных центров. Привлекательность водного транспорта заключалась в дешевизне перевозки значительных объемов массовых грузов на большие расстояния. В основном водным путём транспортировали зерно, соль, чугун, железо, лес. Явное преимущество водного транспорта перед гужевым заставило правительство обратить особое внимание на совершенствование водных путей.

В центре событий оказались Августин де Бетанкур и Франц де Воллан. Однако Бетанкур считал, что нельзя делать ставку только на водный транспорт. Задача должна решаться комплексно: водные сооружения нужно обязательно связать с системой шоссейных и сухопутных дорог. Их необходимо срочно развивать по всей России, иначе страна никогда не догонит Европу. Бетанкур был убеждён, что именно транспорт должен стать кровеносной системой России XIX столетия. Принц согласился с Бетанкуром и попросил его подготовить докладную записку, которую он в ближайшее время постарается представить царю. Через несколько дней Бетанкур и де Воллан проследовали дальше, на Тихвинский канал, а Георг Ольденбургский, отложив свою инспекцию до следующего года, отправился в Тверь, предварительно оставив письменное распоряжение, чтобы генералы осмотрели всю трассу канала, проверили его надежность и работоспособность, а затем вернулись в Тверь по водной системе Вышнего Волочка.

За пять дней Бетанкур и де Воллан осмотрели двенадцать мест незавершенных работ. Больше всего их поразили вопиющие злоупотребления и взяточничество на всех ступенях государственной администрации. Вот что они написали в докладной записке на имя принца Ольденбургского: *«Здесь могли за взятку пропустить всего 40—50 лодок, задерживая пропуск 500—600 судов, что способствовало в наживе крупным спекулянтам, которые умело повышали или понижали цены на продукты и топливо».*

Что касается всех инженерных сооружений водной системы, связывавшей столицу Российской империи с Волгой (а в Санкт-Петербурге в это время вместе с адмиралтейством находился ещё и сорокатысячный воинский гарнизон), то де Воллан и Бетанкур пришли к выводу, что состояние исследованных коммуникаций крайне неудовлетворительно. Финансисты, ссылаясь на

последствия военных действий со шведами, турками и французами, часто не докладывали императору о срочной необходимости серьезных ремонтных работ на каналах, не понимая, что из-за плохого качества системы вся армия в любой момент может остаться без продовольствия и боеприпасов.

Далее в докладной записке Бетанкура и де Воллана говорилось: *«…администрация здешних областей совершенно устранилась от надзора за работами на системе и не принимала никаких мер в борьбе с казнокрадством и искусственными задержками в проводке судов».* Комиссия внимательно осмотрела бечевые пути, где лошади, по брюхо утопая в болотной жиже, тянули гружёные барки. Таких мест оказалось не так уж и мало. Бетанкур также отметил удручающее состояние некоторых мостов и подъездных дорог к ним. Отдельными мостами он даже запретил пользоваться.

Ещё не доплыв по реке Волхов шести километров до озера Ильмень, Бетанкур с палубы яхты неожиданно увидел ярко горящие на солнце купола собора Святой Софии в новгородском Детинце. Ему вдруг вспомнилось, как в 1778 году он, покинув родной дом, прибыл на Пиренейский полуостров, в город Кадис, белоснежные дома которого показались ещё задолго до входа корабля в гавань.

КАДИС

Город располагался на мысе, шагнувшем узкой полоской земли далеко в море. Такой шумной и многолюдной гавани Августину ещё не приходилось видеть никогда в жизни. Казалось, все военные и торговые корабли Европы и Америки собрались в тот день на его пристанях. Повсюду было многолюдно: шла бойкая торговля, рыбаки разгружали улов, военные моряки волочились за женщинами или сидели в тавернах и кафе. Вдоль прямых, вымощенных мрамором улиц тянулись магазины и лавки. Августин обратил внимание, что стены всех трех- и четырехэтажных домов очень массивные. Сначала он не понял — для чего? Однако ему объяснили, что город в любую минуту может превратиться в неприступную крепость. При постройке домов архитекторы понимали, что жилища, стоящие на берегу океана, рано или поздно подвергнутся артиллерийскому обстрелу вражеской эскадры, как это уже произошло в 1596 году, когда англичане практически полностью сожгли большую часть центра Кадиса.

Гостеприимные жители города, где Августин остановился на два дня, поразили его. Мужчины носили куртки с пестрой арабеской и короткие панталоны со множеством металлических пуговиц, а женщины, постоянно заворачиваясь в длинные шелковые мантильи, надетые поверх высокого гребня, — пейнеты, то и дело прятали под ними свои лица. Бетанкуру показалось, что жителей Кадиса по-настоящему интересовало не так уж и многое — солнце, женщины, вино, апельсины и гитара. Всем остальным, в том числе и торговлей, им приходилось заниматься через силу. В каждом доме, куда он заходил, ему обязательно предлагали угощение — холодную воду с azucarillo[4]. Иногда её заменяли лимонадом.

Но больше всего в Кадисе его восхитили девушки! С такими красивыми и раскованными испанками ему ещё никогда не приходилось встречаться. Все молодые особы, из самых разных социальных слоев, обладали каким-то легким и врожденным аристократизмом. А уж если они встречались на улице, то останавливались не меньше чем на три часа. Такова была природа андалузских женщин. Речь их переполнялась внутренним весельем, даже если они болтали о пустяках. При этом никто из них, как правило, не умел даже читать или писать. Но глаза их, с бархатными длинными ресницами, говорили любому мужчине больше, чем все книги мира!

Бетанкуру было грустно расставаться с Кадисом, но нужно

было ехать в Мадрид. Наняв опытного погонщика, ранним утром он отправился в Севилью.

АНДАЛУСИЯ

Два мула (на одном из них красовался высокий букет из разноцветной шерсти) тащили поклажу. Августин, сидя верхом на лошади, в гриву которой была вплетена шелковая лента, и держа в правой руке мушкет, ехал рядом. Сначала ему казалось, что по дороге он увидит апельсиновые и оливковые рощи. Однако пейзаж южной Андалусии оказался совершенно иным. Он напоминал скорее Аравийскую пустыню, чем сады Эдема. Лишь изредка по пути встречались горные ручьи, сбегавшие по каменистым расщелинам скал. Красота этих диких мест скорее была не живописная, а величавая, как и андалузские народные песни. Они всегда начинались с грустных нот, но обязательно заканчивались безудержным весельем.

Иногда по дороге встречались одинокие, полуразвалившиеся домики, производившие на Августина печальное впечатление. Сначала ему даже казалось, что он приехал в чужую страну, где все почему-то говорят на его родном языке, — настолько Андалусия ландшафтом, климатом, привычками и нравами людей отличалась от его любимых Канарских островов. Основная масса испанцев жила на континенте бедно, но широко. Все считали себя hidalgos, и никто не хотел работать. Поэтому и дорога из Кадиса в Мадрид была опасна. В пути можно было встретить разбойников или контрабандистов, причем и те и другие могли доставить путешественникам кучу неприятностей.

А одинокие постоялые дворы, где должен был останавливаться Бетанкур, ничуть не изменились со времен странствования его любимых героев — Дон Кихота и Санчо Пансы. Всё то же большое помещение, вроде сарая, с толстыми колоннами. Вместо стульев — каменные скамьи, вделанные в стены. Посередине — громадный камин, густой и едкий дым из него выходит в отверстие, проделанное прямо в коническом потолке.

В одном из таких постоялых дворов, совсем близко от Севильи, Бетанкур пригласил молодую женщину, работницу сигаретной фабрики, отобедать с ним. Сеньора, решительно защёлкнув веер, с радостью согласилась, но уже через мгновение откуда-то появился озлобленный кабальеро в черном плаще и, высокомерно заявив, что это его невеста, бросился на соблазнителя с кулаками. (Слово la paciencia[5] в конце 70-х годов XVIII века в испанском языке уже существовало, но не имело никакого смысла.) Августин быстрым движением руки выхватил из ножен плоский клинок, ещё секунда — и кулаки обидчика

разжались бы, так как Августин отрубил бы ему кисти.

Лейтенант Канарской провинциальной милиции виртуозно владел многими видами холодного оружия, особенно хорошо он дрался клинком. Этому его обучил сам дон Педро Арнаис-и-Сорьенто — один из лучших фехтовальщиков острова Тенерифе. Но неожиданно вмешался погонщик мулов, нанятый Бетанкуром в Кадисе. Выяснилось, что пьяный контрабандист не имел никакого отношения к молодой особе, а был мужем троюродной сестры погонщика мулов. Громко щёлкнув кнутом по каменному полу, он угрожающе направил широкий ремень, сделанный из толстой сыромятной кожи, в сторону обидчика. Потасовка не состоялась.

Бетанкур, не спеша отобедав с дамой и выпив с ней изрядное количество вина, забрался на мула и отправился дальше в Севилью, где остановился в доме дальнего родственника по материнской линии.

— Почему в Андалусии так много контрабандистов? — спросил он хозяина дома за завтраком.

— Из-за неправильной политики королевского двора, — ответил тот. — В Андалусии, как и во всей Испании, нет фабрик, все они сосредоточены в Каталонии. Там производят мануфактуру для всех остальных испанских провинций. Доставка их на мулах и ослах во все уголки страны обходится очень дорого. Иностранные товары такого же качества значительно дешевле, но за них правительство берёт большую пошлину. За счёт этого Барселона богатеет, а мы должны платить за её процветание втридорога. Но политическая важность Барселоны такова, что сегодня трудно уменьшить привозной тариф. Отсюда и ненависть к каталонцам. Каждый андалусец смотрит на контрабанду как на самое праведное дело.

В Севилье Бетанкур впервые увидел корриду — бой быков. Имена не только тореадоров, но и всех пикадоров и даже бандерильеро он запомнил надолго, а corrida de toros полюбил на всю жизнь. Никакая театральная постановка не может передать той страсти, какую испанцы испытывают перед началом корриды. Глава города — коррехидор машет платком, и тут же раздаётся звук трубы. Ворота распахиваются — и бык из тёмного стойла попадает на ярко освещенную арену. Ничего не понимая, он трясёт головой, осматривается. Толпа ревет. Бык, взметнув песок под ногами, бросается на одного из пикадоров, сидящего на лошади с завязанными глазами. Chulos, размахивая красным и розовым капами, дразнят быка, провоцируя его на новые атаки. Пикадор становится всегда так, чтобы бык был справа: когда бык бросается на лошадь и нагибает голову для удара, пикадор

должен остановить его упором копья в затылок и быстро отъехать в левую сторону. В Севилье одного пикадора вместе с лошадью на глазах ревущей толпы бык поднял на рога и бросил навзничь. Только выскочившие на песчаную арену несколько chulos, размахивая красными капами, отвлекли быка и спасли жизнь пикадору — бык, в дикой ярости, наверняка бы его растоптал.

Восторженные севильцы закричали: «Bravo, bravo, toro». Бык с налитыми кровью глазами в гордом одиночестве забегал по пустой арене, пока не появился, в атласной куртке с золотым и серебряным шитьём, бандерильеро, державший в руках дротики с загнутыми остриями, обёрнутые в цветную разрезанную бумагу. Метко воткнув их в уже окровавленную шею быка и едва увернувшись от удара острых рогов, он мелкими шажками отбежал в сторону. Бык яростно замычал от боли, но тут на арену стали выбегать все новые и новые бандерильеро и, становясь в угрожающие позы, с поднятыми вверх руками, перед самыми рогами быка, принялись втыкать в его загривок все новые и новые бандерильи. Затем, с большим достоинством, на арену вышел последний бандерильеро и глубоко вонзил в шею животного дротик, обвитый фейерверком, с фитилем из тлеющего трута. Через несколько секунд фейерверк разгорелся и затрещал так, что бык яростно замотал головой и стал бешено бросаться из стороны в сторону. Дикий страх охватил животное, но со стороны зрителей он не нашел никакого сострадания: только улюлюканье и хохот. «Fuego, fuego», — кричали окружающие Августина люди. В этот момент Бетанкур понял, что коррида — это не просто красочное зрелищное представление, а модель трагического существования самого человека, постоянно живущего на волосок от собственной гибели, — в нём всегда таится неизжитая тяга к насилию, жажда смертоубийственной схватки.

Когда ярость животного достигла кульминации, звук трубы вызвал на арену тореадора; он вышел на сцену медленным, вальяжным шагом, на ходу оценивая состояние и поведение быка. На левом плече у него висел красный боевой плащ, в правой руке зажата короткая острая шпага, ею он отдал честь коррехидору и главам городского правления Севильи.

Когда началась главная схватка, с арены исчезли все — chulos, пикадоры, бандерильеро… Остались только бык и матадор — между ними смерть ещё окончательно не выбрала победителя. Животное, задыхаясь от бешенства, бросилось на врага, пытаясь нанести ему мощный удар, но тореадор ловко увернулся от остро заточенных рогов. Игра продолжалась несколько минут, пока матадор одним движением руки не сбросил красный плащ, демонстрируя публике великолепный андалусийский костюм из

разноцветного атласа и бархата, прошитого золотыми и серебряными нитями. Каждое его движение было исполнено решительности и хладнокровия. Малейший промах — и его жизнь могла оборваться. Именно он лучше всех собравшихся представлял, какую опасность таило в себе разъярённое животное. К тому же он должен был убить быка не просто так, а по строго определенным правилам. Иначе победу признали бы позорной.

Матадор должен был нанести смертельный удар только в то место, где заканчивалась шея и начинался спинной хребет. При этом удар должен быть обязательно сверху вниз. Сделать такое даже опытному тореадору всегда очень непросто. Бетанкур, сидевший в первых рядах на теневой стороне амфитеатра, заметил, что шпага матадора была недлинна, но достаточно широка, толстая и острая с обеих сторон.

Какое-то время бык и матадор стояли как вкопанные и смотрели друг на друга. Всё это походило на странный поединок между человеком и природой. Затем бык, грозно тряся головой, словно что-то почувствовав, заскреб копытом землю и неожиданно, заходя с боку, устремился на матадора. Но тот почти незаметным движением корпуса уклонился от мощного удара, способного легко снести целый деревянный забор. И через мгновение нанес быку смертельный удар в загривок. Семь тысяч зрителей вскочили с мест и словно окаменели. Они ожидали, что схватка продлится ещё несколько минут и тореадор ещё не готов для смертельного удара. Однако бык застыл на месте, ноги его задрожали, но ещё не подогнулись, с шеи на песок засочилась темная, густая кровь. Бык стоял неподвижно около минуты, а затем упал замертво. После чего дикий, необузданный энтузиазм овладел зрителями, словно каждый из них только что сам избежал смертельной угрозы и чудом остался жив.

После увиденной в Севилье корриды несколько лет Бетанкур не мог попасть на зрелище, так ему понравившееся. Карл III презирал людей, участвующих в корриде, и в 1778 издал специальный указ, запрещающий убивать быков во время представления. Но в Андалусии этот указ, по каким-то неведомым причинам, в силу вошел не сразу, и Августин смог увидеть великолепное зрелище.

Бетанкур прожил в Севилье три дня. Его очаровал этот город со своими маленькими и узкими улочками, где низкие балконы чуть ли не соприкасались друг с другом, где жил ещё дух великого художника Бартоломё Эстебана Мурильо и где испанская культура плавно перетекала в мавританскую и наоборот. В каждом дворе была естественная крыша из винограда

и обязательно маленький фонтанчик. Днем город был пуст: окна и балконы закрыты ставнями, словно все куда-то уехали. Однако с приходом темноты всё оживало. Улицы наполнялись звуками, повсюду слышался гитарный звон и песни, дворы освещались лампами, а струи фонтанов таинственно журчали при лунном свете. В каждом раскрытом окне сияли сразу несколько пар прекрасных женских глаз. Только в Севилье можно было встретить особый тип андалузской женщины — morenas. Их называли так за цвет кожи — бронзовый от загара. Они составляли аристократию города. Бетанкур влюбился не в одну из них, а сразу в весь город.

В Севилье он познакомился с творчеством Мурильо, о его картинах он много слышал, но никогда не видел. Живопись художника, особенно религиозная, произвела на него огромное впечатление. Никто ещё, по мнению Бетанкура, не выражал так проникновенно религиозный экстаз, как это сделал Мурильо. Его работы были в соборах Святого Леандра и Святого Исидора. Бетанкур посетил несколько монастырей, в том числе и капуцинов, где насладился произведениями художника. Среди них он обнаружил «Пречистую Деву во славе», «Святого Антония с Младенцем-Спасителем», «Святого Франциска в экстазе»…

Религиозная живопись Мурильо поразила его. Она была страстной, пламенной, замирающей в религиозном восторге мистических видений и одновременно не враждебной светскому миру, нежной и любящей во всех своих проявлениях. Бетанкур был потрясен: откуда у севильского художника, никогда не бывавшего в Италии, столько мастерства и таланта?

Монахи капуцинского монастыря рассказали Бетанкуру, что до двадцати четырех лет Мурильо был беден, как церковная крыса, и писал на маленьких дощечках образа Божией Матери, которые потом дюжинами отправлялись в испанские колонии и сбывались там мексиканским индейцам, которых католические священники обращали в новую веру. Но когда Мурильо впервые увидел портрет, писанный кистью Веласкеса, судьба его круто изменилась. Он понял, что живописи нужно много и серьезно учиться. Накопив денег и получив из монастыря рекомендательное письмо, он отправился в Мадрид, где поступил в ученики к знаменитому испанскому живописцу, также выходцу из Севильи — Диего Родригесу де Сильва-и-Веласкес. В Севилье Бетанкур ещё не знал, какое влияние в будущем окажут на его творчество два этих великих мастера.

МАДРИД

В Мадриде Августин встретился с родственником по материнской линии, Эстанислао де Луго и Молина, директором Королевского учебного заведения Сан-Исидор и членом Королевского высшего совета по делам Индий. Поэтому неудивительно, что, имея рекомендательные письма от родителей, Августин тут же получил стипендию от Индийской компании и уже 7 января 1779 года приступил к занятиям в школе Сан-Исидор, где на первом курсе преподавали арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию. Через полгода он с блеском выдержал экзамен по всем предметам перед комиссией. Возглавлял её известный испанский математик дон Висенте Дуран-и-Сакристан. Сдать экзамен этому человеку, да ещё и с блеском, было делом чрезвычайно трудным, однако Августин выдержал испытание.

Через год в программу вошли такие предметы, как математический анализ, теория кривых и механика. Экзамены по ним он сдал 9 июля 1780 года. Комиссию возглавлял известный мадридский профессор, уважаемый дон Антонио Россель.

Следующий учебный год был посвящен физике. Она давалась Августину легко: ещё на острове Тенерифе он получил превосходное естественно-научное и гуманитарное образование. В Мадриде оставалось только систематизировать знания.

Однако всего этого Бетанкуру показалось мало. Одновременно с учебой в школе Сан-Исидор он поступил в Академию изящных искусств Сан-Фернандо, где учился с 1779 по 1783 год. Председателем попечительского совета академии в то время был государственный секретарь Испании Хосе Моньино-и-Редондо, граф Флоридабланка, уже тогда заметивший выдающиеся достижения Бетанкура в инженерных науках и изящных искусствах.

В Академии Сан-Фернандо Бетанкур посещает классы рисования, изучает анатомию. После нескольких месяцев многочасовых занятий в залах академии и приобретения навыков рисования гипсовых фигур и ваз он приступил к работе с натуры. Вот что Августин написал о своей жизни 16 августа 1780 года из Мадрида в Пуэрто-де-ла-Оротава отцу:

«Padre y senor, любимый всем моим сердцем! Месяц назад я отправил Вам и всем домочадцам письма через Кадис. Восемь дней тому назад я вновь отправил письма также через Кадис, а это письмо я посылаю через Ла-Корунью — в надежде на то, что оттуда оно дойдет до Тенерифе… О своих делах я Вам уже писал и

повторяю вновь: 10-го числа прошедшего месяца у меня были экзамены по механике, которые содержали более 200 вопросов и которые я достаточно благополучно выдержал… Писал я также и о том, что был приглашен преподавателями Дворянского учебного заведения на экзамены по арифметике, алгебре и геометрии, которые проходили в присутствии первого министра Роды и на которые я пошел с большим удовольствием.

Я писал Вам и о том, что по завершении экзаменов я преподнес сеньору Гальвесу вместе с экземпляром экзаменационных работ свой рисунок Девы Марии и тот, чрезвычайно любезно поблагодарив меня, сказал, что хорошо осведомлен о моих успехах и что приложит все усилия для того, чтобы я смог продолжить свою деятельность в заморских колониях, куда он намерен отправить меня сразу же, как закончится война.

Когда Королевский двор вернется из Эскориала (это произойдет в середине декабря), я тотчас попытаюсь обратиться к сеньору Гальвесу с вопросом о том, какого рода деятельность мне уготована — для того чтобы я мог провести оставшееся время с наибольшей пользой…

С новым архитектором церкви на Канарах, который сегодня выезжает из Мадрида, я посылаю Вам несколько экземпляров своих экзаменационных работ (я не отправил их почтой, так как каждая состоит из 6 листов) и несколько рисунков, среди которых две головы — за них я получил премию; одна голова — старика, другая, на затененной бумаге, — женщины. Фигура человека в полный рост — первая, которую я нарисовал, и это может извинить меня за те огрехи, которые я допустил. В следующем месяце я вновь буду посещать класс рисунка в Академии, а в октябре стану проводить физические опыты в Сан-Исидор».

В другом письме, датированном 20 августа 1781 года, он сообщает отцу следующее: *«Мое главное занятие сейчас — изучение французского языка (учителю я каждый месяц плачу 8 песо). Я уже понимаю по-французски всё и стремлюсь к тому, чтобы и меня понимали. Я представил свои рисунки в Академию Сан-Фернандо, они, вместе с некоторыми работами других учеников, были выставлены на обозрение публики в течение 15 дней. Мой учитель Маэлья сказал мне, что ему стоило большого труда убедить многих сомневавшихся: это рисовал именно я. Извините меня за то, что я говорю так о самом себе, но я искренен и знаю, что Господь ко мне сейчас, как никогда, благосклонен».*

Имя живописца и рисовальщика Мариано Сальвадора Маэлья во второй половине XVIII века в Испании было легендарным. После возвращения из Италии, где он учился у великих мастеров, в Мадриде Маэлья — один из самых знаменитых и

востребованных художников при дворе Карла III. Впоследствии, сделав блестящую академическую карьеру, он станет директором Академии изящных искусств, а в 1799 году, в один год с Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентесом, получит звание первого живописца короля.

Маэлья был незаурядным художником, его работы отличались безупречным мастерством и многозначностью. Сегодня их можно увидеть в Прадо и лучших музеях мира. Его живописная манера сложилась под влиянием работавшего в Испании неаполитанского фрескиста Луки Джордано, а по духу была близка искусству рококо. Шедеврами Маэлья по праву считаются фресковые росписи в церкви дворца Ла Гранха де Сан Ильдефонсо, капелле Прадо, внутреннем дворе собора в Толедо (совместно с Ф. Байеу), в Касита дель Принсипе в Эскориале. Работая над картонами в Королевской шпалерной мастерской в Мадриде, он руководил молодыми художниками, особенно отличая Бетанкура. Маэлья пророчил юноше блестящее будущее, если только тот бросит инженерные науки и полностью посвятит себя рисованию. Может быть, так всё и случилось бы, если бы Августин не был близко знаком с Франсиско Гойя. Видя воочию, как он работает, Бетанкур понимал, что никогда в жизни не сможет достичь таких высот мастерства. Он не чувствовал в себе внутренней силы, способной поднять его на такую высоту. Несмотря на то что Гойя получил первую премию Академии изящных искусств Сан-Фернандо в 1780 году, а Бетанкур точно такую же в 1784-м, Августин осознавал, что между ними огромная пропасть, а быть вторым не хотел. С ранней молодости он смутно чувствовал, что будущее цивилизации за развитием не живописи и изобразительного искусства, а техники. Поэтому задача научного прогресса человечества для него была важнее, чем карьера придворного живописца.

В это время он уже заинтересовался и увлёкся воздухоплаванием.

МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМ И МОСКВОЙ

В конце августа 1809 года Августин де Бетанкур прибыл в Тверь, где тремя днями ранее в своей резиденции в Путевом дворце уже обосновался принц Георг Ольденбургский — генерал-губернатор Тверской, Ярославской и Новгородской губерний, а также главный директор Ведомства путей сообщения Российской империи. Великая княгиня Екатерина Павловна ещё в Петербурге с нетерпением ждала окончания перестройки дворца, где ей предстояло жить с супругом. Александр I не жалел на реконструкцию средств, стараясь устроить всё так, чтобы сестра не испытывала неудобств и жила в довольстве и роскоши, точно так же, как она привыкла в Павловске. Для перестройки дворца был приглашён московский архитектор итальянского происхождения Карло Росси.

Росси родился 18 декабря 1775 года в Неаполе. В 80-х годах XVIII столетия его семья — мать Гертруда Росси и отчим Шарль Ле-Пик, знаменитые балетные танцовщики, — приехали в Россию. С раннего детства Карло учился строительному делу у знаменитого архитектора, тоже итальянца, Винченцо Бренны. В 1795-м он поступил в Адмиралтейскую коллегию архитектуры чертёжником, а в 1796-м стал помощником Бренны на строительстве Михайловского замка в Санкт-Петербурге. В 1801 году Росси получает чин архитектурного помощника 10-го класса, а в 1802-м — стипендию и уезжает на два года в Италию для завершения образования.

С 1806 года служит художником на фарфоровом и стеклянном заводе, откуда в августе 1808 года командируется в Москву, в Экспедицию Кремлёвского строения, где в 1809 году получает предписание отправиться в Тверь для перестройки Путевого дворца. Реконструкция этой дворцово-парковой усадьбы стала первой самостоятельной архитектурной работой Росси. Он так был увлечен заказом, что за три месяца полностью воссоздал внешний и внутренний декор дворца. Зеркальщики, паркетчики, обойщики, позолотчики, штукатуры, резчики по дереву и камню работали с утра до вечера с большим вдохновением — все ломалось и возводилось заново.

Строительство было закончена буквально за день до приезда принца, причём вся перепланировка была выполнена на высочайшем уровне. Успех поразил всех. Никто не ожидал, что в Твери за такой короткий срок будет выстроен, по сути, новый великолепный дворец, сравнимый с лучшими творениями Москвы и Санкт-Петербурга. Дворец так понравился заказчикам, что они

упросили Росси остаться в Твери для отделки парадных помещений резиденции и участия в проекте превращения Твери в третью столицу Российской империи.

Вот тогда Росси, хотя и был на восемнадцать лет моложе Бетанкура, сблизился с испанцем, в это время вместе с де Волланом занимавшимся спасением Твери от наводнений. Дело в том, что город стоял на пересечении нескольких рек и раз в несколько лет талые воды обязательно затапливали его. По проекту принца Ольденбургского предполагалась реконструкция всей центральной части города: расширение улиц, снесение ветхих и старых зданий, закладка скверов, устройство фонтанов… Требовалось раз и навсегда защитить город от наводнений.

Бетанкур и де Воллан обследовали окрестности Твери, произвели необходимые нивелировки и представили проекты, гарантировавшие незатопляемость города в том месте, где Волга сливалась с реками Тверца и Тьмака. По предложению Бетанкура решили перенести устье Тьмаки за город, а дамбы построить так, чтобы они служили одновременно и городскими бульварами, как это часто делалось в Голландии или Северной Германии. Перенос устья Тьмаки позволил бы регулировать уровень местных вод и держать ситуацию под контролем.

Живя в Твери, Бетанкур почти каждый день встречался с Карло Росси. Оба были одаренными, творческими личностями и понимали, что такая удача выпадает в жизни не часто: им представилась возможность построить не один дворец, а целый город. Спланировать и выстроить его так, как они хотели. И пусть он пока не столица, но кто знает, что будет через десять—пятнадцать лет? Сегодня Тверь стремится стать третьим городом Российской империи, обойти Киев и Нижний Новгород, а завтра сможет легко оказаться и на первом месте.

Долгими осенними вечерами Росси засиживался в кабинете Августина Августовича за обсуждением грандиозных проектов преобразования Твери. Иногда к разговору присоединялся художник Орест Кипренский, живший в то время в Твери и бывший в близких отношениях с Росси. Живописец, который никогда не расставался с рисовальными принадлежностями, устраивался где-нибудь в укромном уголке и, участвуя в беседе, набрасывал портреты присутствующих. Сходство рисунка с оригиналом поражало окружающих. Тогда Бетанкур ещё не знал, что художник в это время писал портрет Екатерины Павловны, в которую был безответно влюблен и которой в процессе многочасового позирования пересказывал беседы Бетанкура и Росси. Но это были не сплетни, а детали грандиозных планов по преобразованию города. Всё это очень льстило великой княгине,

видевшей себя уже в роли Петра I. Недаром уже к концу 1809 года Тверь в обеих столицах в шутку стали называть «малым Версалем».

Когда в Тверь пожаловал император, Екатерина Павловна первая поделилась с ним планами преобразования города и получила от брата одобрение на продолжение работ. В тот момент княгиня ещё не думала, что в министре финансов встретит серьёзного противника. Однако сестра Александра I не стала вступать с ним в конфронтацию: у неё появились другие заботы.

ПОЛИТИКА

В сентябре 1809 года по Фридрихсгамскому мирному договору к России была присоединена Финляндия, а до этого события, весной, в Стокгольме шведские военные свергли короля Густава IV Адольфа. Одна из придворных партий, тяготевшая к России, тайно направила в Петербург делегацию, чтобы прозондировать почву для выдвижения на шведский престол Георга Фридриха Ольденбургского, имевшего для того все формальные основания. Он был родственником шведского короля Адольфа-Фридриха (дяди Екатерины II) и внуком его младшего брата. Прибывшая из Стокгольма депутация поставила условие: в случае воцарения Георга Ольденбургского Россия обязуется вернуть Швеции Финляндию.

Осенью 1809 года вопрос этот очень тщательно обсуждался при русском дворе. Однако коронация принца Ольденбургского на шведский престол всё же не состоялась — его занял Жан-Батист-Жюль Бернадот, маршал Наполеона. Его 21 августа 1810 года риксдаг изберет кронпринцем Швеции, а затем, в 1818 году, он официально вступит на престол под именем шведского короля Карла XIV Юхана.

Но дождливой осенью 1809 года Екатерина Павловна ещё ничего этого не знала, тайно надеясь, что маятник везения качнется в её сторону.

ЖИЗНЬ В ТВЕРИ

В Твери генерал-лейтенант Бетанкур (этот чин ему был пожалован 30 августа 1809 года) жил на Воздвиженской улице, напротив церкви Пресвятой Богородицы, в деревянном одноэтажном доме серо-зеленого цвета, без колонн и мезонина. Дом состоял из девяти комнат, четыре из них выходили в сад с беседкой, за ней был двор с конюшней и сараем. Неуютная, огромная зала в четыре окна смотрела на улицу. Вид она имела мрачный, его усугубляли огромные стенные зеркала в чёрных рамах и множество ненужных стульев, обтянутых потускневшим от старости шёлком. Голландский изразцовый камин больше походил на комнатную печь с широким открытым дымоходом, чем на изящное произведение искусства. К зале примыкала столовая, меньше и темнее, чем гостиная, с двумя боковыми окнами, выходящими в узкий черный проезд с улицы во двор.

В двух других комнатах Бетанкур устроил рабочий кабинет и библиотеку. В низких тяжелых дубовых шкафах стояли книги на французском, испанском и английском языках. Были среди них несколько и на латыни. Заграничные издания по большей части в хороших переплётах, с кожаными корешками и углами, но встречались и непереплетенные — это были не книги, а справочники.

Бетанкур вставал ежедневно в пять часов утра, мылся казанским яичным мылом и чистил зубы специальным голландским табаком. После завтрака, обязательно состоявшего из крепко заваренного кофе и бутербродов с черной астраханской икрой, приступал к работе. Второй завтрак ему подавали в рабочий кабинет; он состоял из икры, ветчины, гусиной печени, зраз с кашей или жаркого по-гусарски. Иногда ко всему этому прилагались сочни с сыром или со сметаной.

По телосложению Бетанкур был хрупким, весьма невысокого роста, однако поесть любил и среди друзей во Франции и Испании слыл гурманом и тонким знатоком различных изысканных вин и напитков.

Обед подавали с двух до трех часов дня в специальном зале, где собирались все генералы Департамента водяных коммуникаций, в тот момент находившиеся в Твери. Часто приходилось обедать и ужинать в обществе принца Ольденбургского, тогда на стол ставили не меньше ста блюд. Если Бетанкур задерживался в Путевом дворце допоздна, это всё равно не меняло его распорядка — вставал он с первыми петухами. Работа для него никогда не была в тягость. В свои

пятьдесят с небольшим лет ему хотелось работать как никогда раньше. Россия предоставила ему колоссальные творческие возможности, и он хотел их полностью реализовать.

«Что было бы с Франческо Бартоломео Растрелли, если бы его отец остался в Италии и не приехал в Россию? — рассуждал про себя Бетанкур. — Кто бы заказал ему в Европе построить Зимний дворец в Петербурге, Большой дворец в Петергофе, Смольный собор на Неве? Да никто! Случилось так, что из-за Мануэля Годоя и Марии-Луизы, проклятой инквизиции и Наполеона я должен был покинуть родину. Но там, где есть хоть один испанец, уже начинается Испания. Я должен сделать всё не только для этой страны, но и для самого себя, чтобы состояться как инженер, как педагог, как человек, способный преодолеть любые препятствия и довести главное дело жизни до конца».

Размышления Бетанкура прервал генерал-лейтенант де Волан, вручив ему указ царя, предписывавший срочно отправляться в Тулу на оружейный завод.

Кроме большой работы по спасению города от наводнений, Бетанкур в Твери занялся ещё и проектированием механической землечерпалки — первого в мире экскаватора. Однако делать было нечего — всю работу на несколько недель пришлось отложить. Бетанкур срочно отправился в Москву, где получил разъяснения о предстоящей работе в Туле.

ТУЛА

В то время Тула была губернским городом и важным торгово-промышленным центром России, расположенным в ста восьмидесяти пяти километрах от Москвы. Ещё в конце XVI века здесь поселились профессиональные русские оружейники, тогда их называли «самопальными мастерами». Они были обязаны поставлять в казну «пищали», за что им даровались особые права. Со временем число оружейников постепенно росло, и они стали образовывать отдельные общины и цеха.

В 1632 году голландский купец Андреас Виниус, получив от царя Михаила Фёдоровича жалованную грамоту, основал близ Тулы железоделательный завод для изготовления ядер и пушек. Вскоре рядом вырос другой оружейный завод. Выписали из-за границы литейщиков, молотобойцев, оружейников и других мастеров, числом шестьсот человек. За право построить заводы голландцы обязались обучать заводскому делу коренных русских мастеровых, среди них были и тульские оружейники.

В 1700 году тульских оружейников насчитывалось уже более тысячи человек. Мастера изготовляли оружие у себя дома и в небольших подсобных помещениях, организованных отдельными цехами. Помимо оружия туляки изготовляли самовары и скобяные изделия, пользовавшиеся огромным спросом по всей России.

В 1695 году русский кузнец Никита Демидов Онуфриев основал частный оружейный завод, а в 1705 году в Туле устроили первый «Казенный оружейный двор», где собрали около восьмисот самых лучших оружейных мастеров. В 1712 году Пётр I именным указом основал казённую оружейную фабрику — основу будущего знаменитого тульского оружейного завода, куда направлялся Августин де Бетанкур, чтобы наладить там производство гладкоствольных ружей.

Осмотрев производство, Бетанкур остался очень недоволен увиденным. После многих лет жизни в Англии он хорошо знал, как в Лондоне производят оружие и какая роль отводится новым технологиям и паровым машинам. Несколько лет назад он уже попытался внедрить современную технику на оружейном производстве в Сеговии, но ему это не позволили.

В России в 1809 году всё было наоборот — страна нуждалась в его знаниях и опыте. Бетанкур внимательно изучил оружейное производство в Твери и понял, что мастера обладали удивительным умением и навыками, но современные технологии, давно и повсеместно внедрённые во Франции и Англии, здесь

отсутствовали. На заводе использовали до сих пор водяной двигатель, построенный несколько десятков лет тому назад, в то время как Европа уже давно перешла на пар.

Бетанкуру была поручена реконструкция завода. Для этого по его проекту в Петербурге, на заводе Бреда, была изготовлена мощная паровая машина и сделаны станки для чистовой обработки ружейных стволов. В 1814 году обновленный по проекту Бетанкура завод выпустил первую продукцию — она качественно отличалась от той, что делали раньше. Полученные в Англии знания о паровых двигателях очень пригодились ему в России. Ещё в 1793 году он был послан испанским правительством в Лондон с деликатной миссией — изучить новейшие паровые и гидравлические двигатели. Там он много и подолгу беседовал с именитыми учёными и механиками, такими как Синклер, Бриннел, Модели… Последний был создателем каретки для токарного станка, она в своё время произвела настоящую революцию в индустриальном мире. Его английский друг Джон Рэнни предложил заменить в мельницах деревянные колеса на стальные, а Джозеф Брам изобрел строгальный станок для древесины и гидравлический пресс. В конце XVIII века в Англии не существовало инженерных школ — обучение шло прямо на производстве. В Лондоне Бетанкур осознал, насколько он расширил свой научный кругозор.

В России всё было наоборот, но именно в России у Бетанкура появились неограниченные возможности воплотить свои планы и замыслы в жизнь.

СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА

После Тулы Бетанкур возвратился в Тверь и какое-то время разрывался между Тверью и Санкт-Петербургом — его семья продолжала жить в столице. Жена, Анна Джордейн, готова была переехать к нему в Тверь с детьми, но Августин не хотел: его временный дом на Волге не был для этого приспособлен. Да и в Петербурге у него возникало всё больше и больше дел.

Тревожил Бетанкура и испанский вопрос. Из редких английских газет он узнавал о том, что происходит на родине. А события там разворачивались следующим образом: победы Наполеона в Австрии и Венский мир не обескуражили испанцев. Севильская хунта, реорганизовав армию, разбитую при Альмонасиде, увеличила её до пятидесяти тысяч человек и, вручив начальство над нею генералу Аризаге, приказала ему идти на Мадрид.

18 ноября произошло сражение при Оканье, в котором испанцы потеряли двадцать тысяч человек убитыми и ранеными, а также лишились пятидесяти единиц орудий. Месяцем раньше (18 октября) герцог дель Парке был разбит при Тамамесе, а в ноябре он же был вторично разбит при Альбадетормесе. Испанские войска очистили Кастилию до Сьерра-Морены.

В Твери, казалось, всё это никого, кроме Бетанкура, не интересовало. Люди ходили по деревянным мостовым медленнее, чем петербуржцы по Невскому проспекту. Торопиться было некуда. В первые дни пребывания на Волге такая манера провинциальной жизни сильно раздражала Бетанкура — он привык к темпу таких городов, как Париж, Мадрид или Лондон. Но через неделю он привык к размеренному ритму и даже убедился, что если время замедлить, как это произошло в Твери, то можно больше успеть.

Осенью 1809 года в Твери, совместно с принцем Ольденбургским, он задумал создание полноценной системы водных и сухопутных коммуникаций для соединения западной части России с Европой. Это неминуемо привело бы к подъему промышленного производства во всех уголках империи и созданию новой вертикали товарно-денежных отношений, а также ускорило бы отмену крепостного права: его явными противниками были принц Георг Ольденбургский и рыцарь ордена Калатравы Августин де Бетанкур. Бетанкур глубоко не вдавался в социально-экономическую основу крепостничества, но считал, что в основе его лежит дармовой труд. По его мнению, каждая необходимая обществу работа должна хорошо

оплачиваться, а любой человек к другому должен относиться с уважением, видя в нём личность.

В России Бетанкура поражало, что люди, называющие себя христианами и ходящие каждый божий день в церковь, относились к крепостным, особенно если сдавали их внаём на строительство каналов, хуже, чем к скоту. Мужики работали в нечеловеческих условиях. В Испании с таким отношением к человеку он столкнулся только однажды. Произошло это в 1783 году на руднике Альмаден, одном из крупнейших в мире месторождений ртути, находившемся в Новой Кастилии, в провинции Сьюдад-Реал, у северного подножия Сьерра-Морены.

РУДНИК АЛЬМАДЕН

Месторождение это было известно ещё в эпоху Римской империи, когда ртуть использовали в косметике. Римские красавицы несколько лет наводили на лице румянец раствором ртути, пока не выяснилось, какую разрушительную силу имеет она для здоровья человека. В X веке рудник разрабатывали для получения киноварной краски. Но звёздный час для рудника Альмаден наступил после открытия Колумбом Америки. Оттуда нескончаемым потоком потекли в Европу драгоценные металлы. Мимо этого не могли пройти иезуиты.

В Португалии и Испании до середины XVIII века иезуиты занимали высшие должности, стояли во главе промышленных и торговых предприятий и фактически владели целой страной в Южной Америке (по течению рек Парана, Парагвай и Уругвай). В заморских испано-португальских владениях иезуиты держали десятки тысяч рабов и принуждали их обрабатывать землю и пасти скот.

К XVIII веку иезуиты захватили в свои руки почти всю торговлю в Южной Америке. Через кортесы они добились привилегией и нигде во владениях Испании не платили алькабалы — 10% налога, при этом легко, разными путями, устраняли конкурентов. Уже к середине XVIII века иезуиты имели доход, превышавший миллион песет (в то время песета равнялась приблизительно пяти франкам). Правда, доход этот они тщательно скрывали. Такого богатства орден достиг самыми разными торговыми и промышленными махинациями. Так, в Мексике он владел лучшими сахарорафинадными заводами и очень доходными серебряными рудниками.

Для того чтобы из руды электролитическим способом извлечь серебро, нужна была амальгама — жидкие или твердые сплавы ртути с другими металлами. А ртуть в Испании добывали в шахтах Альмадена. С каждым годом потребность в ней росла. Через Кадис её отправляли в Южную Америку, а из Мексики и других колоний в Европу возвращалось чистое серебро. Иезуиты через подставных лиц полностью контролировали добычу и отправку киновари и мелкозернистого кварца в Южную Америку. Но добыча этих минералов сопровождалась повышенными трудностями. Работать в шахте приходилось в нечеловеческих условиях.

В основном использовали труд заключенных, приговорённых к смерти или многолетней каторге, хотя на меньших глубинах работали и местные жители, которым некуда было деться. Ведь

надо было кормить семьи! В отличие от каторжников, они работали не более шести часов и каждый день поднимались на поверхность. А шахтеры годами не видели белого света. Средняя продолжительность их жизни на руднике составляла шесть-семь лет.

Глубина шахты на отдельных участках достигала четырехсот метров, а длина туннелей составляла десятки километров. В то время рудник давал 80% мировой добычи ртути.

После того как испанский король Карл III изгнал иезуитов из страны, на прощание монахи подожгли ртутные штольни. Конечно, в таких условиях продолжать добычу амальгамы было невозможно, но и потушить пожар (он продолжался несколько месяцев) никто не мог. Правительство приняло неординарное решение — затопить шахту. Пожар потушили, но ещё несколько лет никто не знал, как откачать воду с глубины четыреста метров. Королевская казна каждый год несла ощутимый урон, и Флоридабланка обратился к талантливому выпускнику школы Сан-Исидор господину де Бетанкуру с просьбой осушить рудник в Альмадене. Недолго поразмышляв, двадцатипятилетний Августин согласился и вскоре отправился в путь, по дороге заехав в Толедо.

Из дневника Бетанкура от 24 июня 1783 года: *«При въезде на мост, ведущий в этот старинный город, чуть ниже по течению реки я увидел остатки парового насоса. Хотя трубы были ржавыми, с трещинами и изломами, я смог заключить: изобретатель намеревался с помощью трубы диаметром в шесть дюймов и насоса, который приводила в действие сама река, поднять воду не менее чем на 70 вар.*

Мне сказали, что маркиз де Эскилаче поддерживал идею изобретателя и что вода при испытаниях насоса была поднята более чем на 50 вар, но, когда министр попал в немилость, работы были остановлены, и сегодня только с большим трудом можно догадаться, для чего служили эти руины. Отобедал я в новой гостинице, а затем осмотрел алькасар и кафедральный собор».

Можно только гадать, какое впечатление на Бетанкура произвел Эль Греко — художник, в то время, в отличие от Веласкеса или Мурильо, ещё совсем незнаменитый в Испании. Но учитель живописи в Академии изящных искусств Сан-Фернандо Мариано Сальвадор Маэлья всегда говорил Августину, что на Эль Греко нужно обратить особое внимание: только в его работах есть ощущение драматизма жизни, соединённое с величием божественного мира. Только Эль Греко может передать сокровенность личных переживаний так, чтобы наполнить зрителя новым пониманием мира, где столько же божественного, сколько и дьявольского. Не случайно каждая фигура на его

полотнах полна скрытого беспокойства и напряжения. В Толедо Августин лично убедился, что его учитель не ошибался в оценке Эль Греко.

Бетанкур долго стоял перед главным алтарем церкви Сан-Доминго эль-Антигуо и внимательно всматривался в картину «Вознесение Марии». Некоторые работы мастера он уже видел в Эскориале, но в Толедо Эль Греко ему понравился больше: индивидуальность художника была выражена намного сильнее, чем раньше. Августин ещё не видел, чтобы профессиональный живописец так легко отказывался от изображения глубины пространства, от законов перспективы. Эль Греко, в противоположность большинству своих современников, не погружал святых в земную, плоскую реальность, а стремился, дав им плоть, искажать земные события, приближая их к видениям. Поэтому, в отличие от Веласкеса, которого современники называли «художником истины», Эль Греко считался «великим деформатором» — он переносил телесное в сферу бесплотной мистики. Бетанкур впервые увидел, с каким пренебрежением художник относился к анатомии, но при этом все человеческие фигуры обладали какой-то волнующей выразительностью и жизненностью.

Ранним утром, размышляя о творчестве Эль Греко и бросив прощальный взгляд на Толедо, Бетанкур двинулся дальше. Путь его лежал вдоль русла реки Тахо в город Сьюдад-Реал. Проехав две лиги по горной местности, он остановился на постоялом дворе, заказал себе еду, но, кроме двух куриных яиц и кувшина молока, ему ничего не дали. Пообедать довелось только в Мансанеке, и то дичью, которую он сам подстрелил по пути. Вот как он описал в дневнике этот день: *«Первые две лиги — это поля, засеянные пшеницей и ячменем, вся земля вокруг кажется безлюдной, лишь изредка мы видели с дороги какой-нибудь домишко; третья лига (она начинается у мавританской башни) — это горы, которые длинным полукругом тянутся с востока на запад, за этими горами и находится принадлежащий Толедской церковной школе для благородных девиц постоялый двор Святого Ионы».*

Миновав Сьюдад-Реал, он через несколько дней благополучно достиг живописного местечка Альмаден. Поселившись в одном из самых лучших домов шахтерского поселка, он тут уже приступил к работе. Результаты исследования он представил в виде записки объёмом свыше семидесяти страниц, иллюстрированной цветными рисунками автора. Она содержала описание технического оборудования рудника, а также технологии добычи здесь кварцитов. К каждой главе прилагались рекомендации по улучшению работы. Описывались насосы, с помощью которых

могла бы из забоев удаляться вода. Приводились конкретные экономические выкладки, например какое количество людей требуется для той или иной работы и сколько нужно отпустить средств, чтобы её выполнить. Особый интерес у правительства Испании вызвала третья часть записки — заключительная, где автор изложил свои наблюдения, сопроводив их критическими замечаниями. Бетанкур указал, какие усовершенствования необходимо внести в технологию добычи ртути и какое оборудование наиболее эффективно и экономично. В записке было и предложение по обогащению добываемой руды.

Эта работа потребовала много времени. Поэтому на шахте Альмадена он провел почти четыре месяца — с начала июля до конца октября 1783 года.

Скоро, применив рекомендации Бетанкура, удалось откачать воду из забоев на глубине до четырехсот метров — и шахта возобновила работу.

Правительство Испании было удовлетворено работой Бетанкура и предоставило ему стипендию для изучения горного дела в Париже, чтобы он потом смог использовать полученные знания в южноамериканских колониях, где испанцы добывали серебро и золото.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ О СОЗДАНИИ ИНСТИТУТА КОРПУСА ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

В Твери, на одном из рабочих заседаний в Путевом дворце, Бетанкур узнал от принца Ольденбургского, что на основании разработанного им и де Волланом «Предложения о надежных мерах для учреждения по всей России удобных сообщений на суше и на воде» 20 ноября (2 декабря по григорианскому календарю) Александр I подписал Высочайший манифест о преобразовании Департамента водяных коммуникаций в Главное управление водяных и сухопутных сообщений, а также об организации Корпуса инженеров путей сообщения и Института Корпуса инженеров путей сообщения.

В Корпусе инженеров путей сообщения было предусмотрено 193 должности: 3 генерал-инспектора, 10 начальников округов путей сообщения, 15 управляющих директоров, 20 директоров-производителей работ, 30 инженеров I класса, 45 инженеров II класса и 70 инженеров III класса. Корпус создавался для строительства и ремонта «путей сообщения», а Институт — для подготовки инженеров для корпуса.

Работой по созданию нового департамента руководил принц Ольденбургский, причём все решения он принимал только по согласованию с генерал-лейтенантами Бетанкуром и де Волланом. Желающих занять вакантные новые должности было много, в том числе и представителей высшей аристократии — князей, графов, баронов и других титулованных особ. Они надеялись при «малом дворе» сделать ещё один шаг вверх по карьерной лестнице.

В Совете нового департамента главным был де Воллан, вторым по значимости генерал Трузсон, а третьим (его в Совет включили временно) генерал-майор Завалишин.

К началу 1810 года удалось подобрать руководителей для десяти округов. Бетанкур старался найти опытных инженеров-генералов, но их не хватало, и он был вынужден в пяти округах рекомендовать корпусных полковников. Для Корпуса инженеров путей сообщения де Воллан и Бетанкур смогли согласовать с принцем только 92 кандидатуры — оставалось ещё около 90 незаполненных вакансий. В стране катастрофически не хватало инженеров-путейцев.

Ещё до подписания царем Высочайшего манифеста 15

сентября 1809 года инспектором Института Корпуса инженеров путей сообщения был назначен Августин де Бетанкур. В особом указе Александр I отмечал: *«Я удостоверен, что генерал-лейтенант Бетанкур по известным его знаниям и ревности к службе, приняв на себя звание, особенно будет полезен в прочном сего заведения устроении».*

Русский царь был очень доволен работой Бетанкура и полностью на него полагался. Свою же задачу Августин понимал так: *«… снабдить Россию инженерами, которые прямо по выходе из заведения могли бы быть назначены к производству всех работ в Империи».*

Для этого учебные программы должны были сочетать глубокие теоретические знания, прежде всего физики и математики, с практическими навыками инженерного дела. Бетанкур ввел одновременную общенаучную (фундаментальную), общеинженерную и специальную подготовку, что было неслыханно для того времени.

Основы этой программы выдержали проверку временем и стали образцом для других высших технических заведений России, открывавшихся в XIX веке. Новаторская организация преподавания рождала инженеров нового поколения, способных проектировать и создавать самые различные объекты без последующего доучивания и переквалификации.

К 20 ноября 1809 года у Бетанкура были готовы почти все учебные планы и программы, но впереди ждала огромная по своему масштабу дальнейшая работа. Сначала нужно было освоить территорию, отведенную под строительство института. Она располагалась на пересечении двух главных транспортных артерий Петербурга — Обуховского проспекта, переходящего в Царскосельскую дорогу, и реки Фонтанки: по ней город снабжался продовольствием, дровами, фуражом и строительными материалами.

Отложив работу в Твери, Бетанкур уехал в столицу, где в Каменноостровском дворце встретился с Александром I и проговорил с ним несколько часов — всё это время французский посланник Коленкур терпеливо ждал царской аудиенции. Было решено, что казна выделит необходимую сумму для приобретения Юсуповского дворца и прилегающей к нему территории, общей площадью более двадцати тысяч квадратных саженей. Потом дворец нужно было спешно переоборудовать под учебный корпус. Инспектору Института Корпуса инженеров путей сообщения Величайшим соизволением указывалось вместе с семьёй проживать в нём. Бетанкур получил право по своему выбору приглашать иностранных преподавателей в любом количестве и

на любой срок без предварительного согласования с кем бы то ни было, учебные программы — формировать с учётом мнения Учёного собрания Института, но при непосредственном наблюдении инспектора. Тогда же в Каменноостровском дворце было решено создать институтскую библиотеку, учебный кабинет и мастерские, где учащиеся могли на практике знакомиться с различными техническими моделями и инженерными инструментами. Во Франции закупили их образцы, и уже в первой половине 1810 года они были доставлены в Петербург. Кроме того, царь распорядился, чтобы европейские послы искали и приглашали в Россию лучших преподавателей по инженерным специальностям.

Дворец князя Юсупова на Фонтанке, у Обухова моста, был куплен за сущую безделицу — триста тысяч рублей ассигнациями. Вот что писал по этому поводу будущий помощник Бетанкура Филипп Филиппович Вигель: *«Продавец построил его на славу, по образцу отелей Сен-Жерменского предместья, между двором и садом, с тою только разницей, что на пространстве, ими занимаемом, можно было бы построить три или четыре парижских отеля. Все ученики были своекоштные, и не только ни один из них не имел жительства в институте, ни даже права заглядывать в сад, ему принадлежащий. Всем пользовались заведующие им иностранцы. Он состоял под управлением особого директора, над которым были ещё принц Ольденбургский, в виде попечителя или покровителя, и генерал Бетанкур, под названием главного начальника института. Занимаясь разными проектами и планами, сперва потешал он ими императора; но тут, по учреждении института, коего был он настоящим основателем, можно сказать, приобрел он оседлость.*

Здание института со всеми его принадлежностями было как бы отдельное царство, в котором господствовал он самовластно…

Образование института было довольно странное. Воспитанники носили шляпу с пером и офицерский мундир с шитьём, только без эполетов, а произведенные в офицеры, — прапорщики, подпоручики, надев эполеты, продолжали оставаться в институте до поручичьего чина, В нём сперва было четыре только профессора, или преподавателя наук. Ими ссудил нас Наполеон, прислав Александру четырех лучших учеников Политехнической школы: Базена, Потье, Фабра и Дестрема.

Это было, как изволите видеть, совершенно французское училище. Самые первые ученики, коими оно наполнилось, были все молодые графы да князья, также и сыновья французских, немецких и английских ремесленников, садовников, машинистов, портных и тому подобных; одним словом, все то, что управляющим

пришельцам казалось цветом петербургского общества».

Как видим, при организации института Бетанкур использовал всё самое лучшее и передовое в системе высшего технического образования в Европе. В первую очередь он опирался на учебно-методические разработки своих учителей — видных французских учёных и инженеров Гаспара Монжа и Ж.-Р. Перроне, а также на собственный опыт, полученный при создании Школы каналов и дорог в Мадриде.

По Высочайшему манифесту в институте были открыты несколько профессорских должностей: по чистой математике, по прикладной и строительной математике, по рисованию и архитектуре, по гидрографии рек и статистике. Остальные дисциплины, в том числе высшую математику, начертательную геометрию и умозрительную механику, планировалось вводить постепенно, на протяжении всего периода обучения, рассчитанного на четыре года.

Но неожиданно Бетанкур столкнулся с непростой задачей: оказалось, что в стране отсутствовал, говоря современным языком, общеобразовательный стандарт — не было единой системы подготовки абитуриентов. Тем не менее инспектор быстро сориентировался и предложил рациональный вариант — введение подготовительного курса, так называемой «четвертой бригады». Это позволило повысить уровень абитуриентов и с самого начала обеспечить связь теоретического обучения с практикой: чертёжными работами, работой в мастерских и за пределами Института. Всё это было внове для России и обеспечивало высокую профессиональную подготовку специалистов.

9 сентября 1810 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» в рубрике «ВНУТРЕННІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ» опубликовала материал следующего содержания: *«В Российской империи учреждается Институт корпуса инженеров путей сообщения, который должен занять высокое положение в сфере отечественного образования. Назначенный инспектор должен соответствовать чину генерал-лейтенанта, а директор не ниже генерал-майора. Профессора должны иметь чин не ниже майора, смотритель мастерских и эконом чин капитана. Воспитанникам же присваивается чин прапорщиков. Таким образом, мундир института будет воинским. Число воспитанников не должно превышать восьмидесяти. Минимальный возраст абитуриента — 15 лет от роду. Учащийся должен быть здорового телосложения, а также уметь писать и говорить свободно как на русском, так и французском языке.*

Первые два года воспитанники будут обучаться арифметике,

алгебре до уравнений третьей степени, в том числе прогрессиям, логарифмам, геометрии, плоской тригонометрии, съемке на плане местных положений и нивелированию, рисовальному искусству и архитектуре. Кроме того, воспитанники, выдержавшие испытания в науках, в течение сего двухлетия преподаваемых, будут во время летней рабочей поры посылаться на практику в ближайший округ.

На третьем и четвертом году обучения вводится стереометрия, плотничные работы, резка и кладка камней, а также будут изучаться механика и гидравлика. Учащиеся будут ознакомлены с правилами производства работы, составлением проектов и смет при публичных строениях. На заключительном курсе они будут подробно ознакомлены со всей системой каналов и рек Российской империи не только уже существующей, но и построенной в ближайшем будущем. По прошествии первых двух лет воспитанники подвергнутся испытанию в чистой математике, а по истечении четырех лет — в прочих науках. Если воспитанник способен пройти курс раньше, то он вправе требовать назначить для него испытания раньше назначенного срока. Кроме словесно предлагаемых при испытании вопросов по всем частям преподаваемого учения, каждый из воспитанников обязан представить сочинение в доказательство своих знаний, а также чертежи, удостоверив под присягой, что они составлены им без всякого постороннего содействия. Кто из учащихся покажет отличные способности, то может получить направление в чужие края для усовершенствования познаний своих. Если же воспитанник при испытании окажется способным, то его примут в корпус и произведут в инженеры 3-го класса или поручики. Если же по прошествии трех лет воспитанник не выкажет должных знаний, то он будет отчислен из института. Также он может быть отчислен из учебного заведения и за дурное поведение.

В мастерских учащиеся будут изучать нужное производство, дабы впоследствии они смогли производить его самостоятельно, либо надзирать, либо исправлять его. Так как полный курс обучения включает в себя четыре года, то рекомендуется каждый год принимать по 20 воспитанников. Однако среди них найдется немало и таких, которые уже знают начальные предметы и смогут сразу же обучаться на старших курсах. Исходя из этого, уже в этом, 1810 году можно принять на обучение около 30 воспитанников. При этом учащиеся, имеющие наиболее глубокие знания, будут приниматься в первую очередь.

Желающие быть принятыми в институт имеют право до 1 октября сего года обратиться к директору института генерал-майору Сеноверу с заявлением. Институт находится в доме прежде бывшем князя Юсупова, на Фонтанке, в Санкт-Петербурге.

Список желающих вступить в институт будет представлен господином Сеновером ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ 15 октября 1810 г., а курс преподавания в институте начнется 1 ноября сего года».

Первые экзамены прошли в октябре. Из шестидесяти двух кандидатов вступительные испытания выдержали немногие: только десять человек были знакомы с основами тригонометрии и умели логарифмировать, двадцать абитуриентов вообще имели смутное представление даже об арифметике. С большим трудом удалось отобрать тридцать человек. Позднее к ним присоединились ещё десять. С учетом сданных экзаменов их разделили на две бригады. По расписанию занятия по математике начинались в 9 утра и заканчивались в 15 часов. После «сиесты» (Бетанкур хотел, чтобы она была в институте и студенты немного после обеда могли отдохнуть) занятия продолжались с 18.00 до 20.00. Как правило, это были классы по черчению.

1 ноября 1810 года в институте прошел торжественный молебен, а 3 ноября кадеты приступили к занятиям. Первые двадцать лет все предметы велись только на французском языке. А значит, и все учебники, пособия и справочники по инженерным специальностям много лет в России издавались по-французски. Бетанкур пригласил в институт самых выдающихся российских учёных и архитекторов, а также молодых французских и испанских инженеров. С первых дней основания институт стал одним из самых авторитетных и престижных учебных заведений Петербурга. Выдающиеся учёные, академики и профессора почитали за честь преподавать в нём.

Первоначально институт считался гражданским высшим учебным заведением, хотя его воспитанники имели воинские звания и носили военную форму, но в расписании никаких военных дисциплин не было и в помине. Среди первых воспитанников были молодые люди, получившие домашнее образование, выпускники университетов, гимназий, Академии художеств, а также лица, учившиеся за границей и уже состоявшие на государственной службе.

И всё же дела у Бетанкура складывались не так удачно, как ему бы хотелось. Уже в первый год жизни в России он нажил немало врагов и завистников: его доверительные отношения с царём многих раздражали. Одним из таких людей был его коллега — генерал-лейтенант де Воллан, очень ревниво относившийся к научным и карьерным успехам испанца и всё время распускавший слухи, что Бетанкур всего лишь ловкий царедворец. Де Воллан был любимцем Екатерины Павловны и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и в письмах и при

встречах не упускал возможности больно уколоть Бетанкура.

Но испанца под своё покровительство взял Александр I. Это, конечно, помогало Августину, но всё равно полностью не спасало от частых и сильных укусов всевозможных противников, к борьбе с которыми он уже давно привык. Таких на его пути было немало и в Испании. Например, художник Антонио Карнисеро, утверждавший, что Бетанкур не только не способен рисовать — он и карандаш-то в руках держать не умеет. А философ и инженер Хосе де Клавихо приписал себе первенство в запуске первого воздушного шара в Испании.

«АЭРОСТАТИЧЕСКИЙ ГЛОБУС»

История эта началась ещё во Франции летом 1783 года, когда первые в истории воздухоплаватели братья Жозеф-Мишель и Жак-Этьенн Монгольфье сделали шар из холста, оклеенного цветной бумагой, наполнили его водородом и подняли в воздух на Марсовом поле в Париже 27 августа. Шар продержался 45 минут и опустился на землю в двадцати верстах от столицы. 19 сентября того же года братья Монгольфье запустили точно такой же шар в Версале, а в корзину посадили овцу, петуха и гуся. В воздухе шар прорвался, но ничего страшного не произошло: баллон плавно спустился на землю и животные нисколько не пострадали.

21 ноября 1783 года в воздух впервые поднялись люди — французы Пилатр де Розье и маркиз д'Арланд. Приземление прошло вполне удачно. Но об этом событии в Мадриде друг Бетанкура испанский банкир граф Франсиско Кабаррус ещё ничего не знал. Ему доложили только о первых двух полётах. Банкир загорелся идеей построить точно такой же воздушный шар в Кастилии. Но в своём желании он оказался не одинок. Одновременно воздушные шары начали делать в Венеции и Лондоне.

Кабаррус списался с Бетанкуром, работавшим в то время в Альмадене, и, как только тот вернулся из провинции Сыодад-Реал, поручил ему постройку аэростата, предоставив неограниченные финансовые возможности. Получив письмо банкира, Бетанкур загорелся: воздухоплавание давно привлекало его. В специально переоборудованной мастерской, недалеко от школы изящных искусств Сан-Фернандо, закипела работа. За три недели воздушный шар был готов. Запуск назначили на 29 ноября. Аэростат имел семь футов в диаметре и был сделан из лакированной тафты — плотной тонкой полотняной ткани из очень туго скрученных нитей.

«Аэростатический глобус» Августина де Бетанкура был запущен из парка загородного дома инфанта дона Габриэля *«в присутствии короля, принцев, инфантов, грандов, министров и других персон королевской свиты, с особым удовольствием наблюдавших за его подъемом и исчезновением через две минуты за тучами, за кое время сам король приподнял шляпу. Потом его нашли на расстоянии за восемь лиг».*

Однако в историю Испании в роли первого воздухоплавателя вошёл близкий друг Бетанкура, также выходец с Канарских островов, поэт, философ, физик и химик Хосе де Виейра-и-Клавихо. Свой воздушный шар он запустил 15 декабря из садов

маркиза де Санта-Крус в Мадриде. К запуску готовился несколько лет, даже прошёл курс химии в Париже у такого видного ученого, как Лавуазье. Знаменитый испанский художник Антонио Карнисеро, чьи работы есть в музее Прадо, запечатлел на своём полотне запуск воздушного шара в Аранхуэсе. Но сегодня некоторые историки склоняются к тому, что на картине изображён не воздушный шар Клавихо, а «аэростатический глобус» Бетанкура, запущенный из парка загородного дома инфанта дона Габриэля.

Вопрос этот до сих пор остается открытым, так как для истории Августин де Бетанкур не оставил никаких бумаг по воздухоплаванию. Правда, 5 августа 1792 года газета «Diario de Madrid» признала первенство Бетанкура в запуске воздушного шара в Испании, однако это уже не имело значения — до сих пор Хосе де Виейра-и-Клавихо считается основоположником воздухоплавания за Пиренеями. Почему так произошло? Об этом можно только гадать. Скорее всего, потому, что после первого успешного запуска шара в присутствии короля Бетанкур воздухоплаванием больше никогда не занимался. Напомним: после возвращения с рудника Альмаден он почти сразу уехал на стажировку во Францию. От заманчивого предложения министра дона Флоридабланки отказаться было невозможно — все расходы испанское правительство брало на себя. Уже весной 1784 года вместе со своим братом Хосе и ещё несколькими талантливыми соотечественниками он оказался в Парижской политехнической школе. А Хосе де Виейра-и-Клавихо продолжил изыскания в области воздухоплавания и ещё не раз радовал мадридскую публику запуском различных воздушных шаров и аэростатов.

БОРЬБА

Жизнь Бетанкура никогда не была чёткой, сплошной, без сбоев и пробелов, прямой линией. В Петербурге, как и в Мадриде, приходилось то и дело вступать в борьбу: кто-то завидовал ему, кто-то не понимал, кто-то ничего не хотел делать под его руководством, а кто-то просто не переносил его страстный характер, считая испанца высокомерным. Бетанкур понимал, что живет во враждебном мире русского чиновничества, однако все равно плохо владел мудрым языком молчания и, если его задевали, всегда давал отпор. Он рассуждал логично: «Все враги всё равно не вымрут, а если вымрут, то появятся другие. Следовательно, лучше бороться с теми, кого знаешь, чем заводить новых». А завести новых врагов в России было проще простого. Обогнал экипаж знатного вельможи — и ты уже его враг до гробовой доски. Бетанкур однажды летом обогнал самого военного министра Аракчеева, при этом проехал так близко, что только чудо спасло от захлестывания постромками. Иначе не избежать бы столкновения и опрокидывания коляски. Другому такое лихачество не сошло бы с рук и стоило карьеры, но Аракчеев знал, что Бетанкур любимец императора, и только погрозил испанцу пальцем. Хотя обиду затаил надолго.

Бетанкур не терпел насмешек, а в России, да и в Испании над ним часто подтрунивали: в его облике не было ничего военного, но он обожал носить военную форму, особенно когда дослужился до генеральского чина. У него было присущее испанцам умение хорошо носить форменную одежду, но из-за невысокого роста его эполеты часто казались окружающим громадными. Ещё неизвестно, как сложилась бы его судьба в России, если бы страной в то время де-факто не управлял Михаил Михайлович Сперанский, всячески поддерживавший Бетанкура во всех начинаниях. 1810 год можно с уверенностью назвать апогеем полного доверия Государя своему статссекретарю. В руках Сперанского сосредоточилась огромная власть, он занимал множество самых различных должностей во многих сферах внутренней политики — начиная от поста государственного секретаря и кончая должностью канцлера университета города Або (Турку).

Оказывая исключительную милость одному человеку, Государь не мог не навлечь на него немилость всех окружающих вельмож. А так как Сперанский, в свою очередь, благоволил Бетанкуру, то эта немилость автоматически переносилась и на испанца, по природе своей бойца. В России он не искал друзей,

ни перед кем не заискивал, даже перед царем. Бетанкур просто хотел передать весь свой талант и знания людям, которых уже считал соотечественниками, а Россию — второй родиной.

В первые дни пребывания в Санкт-Петербурге он даже подумывал выучить русский язык, но потом от затеи отказался: во-первых, это потребовало бы слишком много времени, а всё окружение и так хорошо говорило по-французски, во-вторых, и это самое главное, Александр I порекомендовал ему не заниматься русским языком. Из многочисленных разговоров с ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ Бетанкур быстро усвоил, что Государь русских людей не любит, презирает их, считая практически всех восточными варварами, которых нужно облагораживать, и прежде всего европейским образованием. Своих мыслей широкому кругу он не поверял, а высказывал их только очень близким и доверенным людям; среди них, как ни странно, оказался и Бетанкур. Современный русский порядок представлялся царю совершенной политической бессмыслицей, которую не стоило поправлять, а нужно было просто устранить, заменив новым, построенным на правилах логики. Александру казалось, что, когда он рассуждал о европейском или российском правопорядке, Бетанкур очень хорошо понимал его. Так оно и было. При этом Августин Августович, будучи человеком прагматичным (не для себя, для дела), всегда уходил от царя с каким-нибудь готовым проектом или решением.

Первое время Бетанкуру было нелегко понять особенности российского этикета, представлявшего собой странную смесь старых, допетровских обычаев с европейскими традициями. В ходу было угодничество, изысканная вежливость и любезничанье с дамами. Например, Марии Фёдоровне и Екатерине Павловне, преклонив колено, Бетанкур целовал ручку, а императору Александру I после беседы, в знак благодарности, — правое плечо.

Русский царь, подобно королю Людовику XIV, ценил в подданных благовоспитанность и светскость. Однажды в театре Бетанкур чуть не допустил досадную оплошность. Он не знал, что в России в присутствии императора на спектакле нельзя аплодировать прежде его. Он уже хотел было начать рукоплескать, получив огромное удовольствие от исполнения заезжими итальянцами музыки Россини, как седовласый артиллерийский генерал, с рачьими глазами, сидевший рядом с ним во втором ряду партера, остановил Бетанкура. Только благодаря счастливой случайности испанец избежал конфуза. На первой аудиенции в Зимнем дворце, в начале 1809 года, он несколько раз повернулся к Александру I спиной, что, по

русскому этикету, также строго воспрещалось.

Все эти тонкости Бетанкуру приходилось постигать несколько месяцев. Строжайшим образом запрещалось возражать и говорить «нет» царским особам. Особенно трудно было соблюдать это правило по отношению к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ принцу Ольденбургскому. Ведь с главным директором водяных коммуникаций Бетанкуру приходилось встречаться почти каждый день, особенно в Твери, и решать важные инженерно-строительные задачи, требовавшие тщательной проработки и согласований. Часто Августин Августович не соглашался с принцем, но при этом ни разу не произнес слова «нет». Он добивался цели, приводя генерал-губернатору веские и решительные аргументы, объясняя, что если сделать так, как предлагает принц, то через какое-то время государство будет терпеть убытки. Целесообразнее принять другое решение. Принц, как правило, немного поспорив, всегда соглашался с генерал-лейтенантом.

Бетанкур уже в первые дни пребывания в России заметил, что при встрече верноподданных с монархом священная дрожь пробегала по их телу, а на глазах проступали слезы умиления. В Испании отношение к королю было совсем иным, поэтому Августин никогда не подражал русским. Он держался с царем по-европейски строго, как и подобает дворянину старинной франко-испанской фамилии. И такая манера поведения Александру нравилась. Русскому царю порой было приятнее общаться с Бетанкуром, чем с некоторыми верноподданными, большинство из них при нём боялись даже рот раскрыть.

Бетанкур также отметил, что в России благородное происхождение играет роль, но далеко не первостепенную, как, например, в Испании. Самая главная вещь в России — это чин. Дворянское звание помогало получить его, но ни один человек не занимал выдающегося положения благодаря одному лишь рождению. В России только царь мог кого угодно возвысить или понизить. Только от него зависела судьба любого верноподданного. Даже служить нужно было «Отечеству и Государю». В любой момент собственность — имение, крестьяне, земля — могла превратиться из частной в казенную, и все это знали, поэтому боялись. Царь был единственным и полноправным хозяином земли русской.

И хотя сам Александр I считал, что это неправильно и нужно быть более просвещённым монархом, например европейского типа, реформы, задуманные Сперанским, шли очень медленно. Принцип сословной иерархии в России оставался незыблем: зависимость нижестоящего от вышестоящего определяла нормы

поведения любого чиновника. Не был исключением и Корпус инженеров путей сообщения. Непременной обязанностью служащих оставались визиты к начальству в праздники и высокоторжественные дни — обязательно с подарками. Кто не соблюдал неписаные правила, мог легко подвергнуться административному взысканию. Бетанкур, будучи католиком, формально уклонялся от многих мероприятий. Например, в православную Пасху ему не нужно было с визитом объезжать всех начальников, хотя к нему многие его подчиненные все равно приезжали. С каждым из них он трижды целовался, произнося по-русски «Христос воскресе!». «Воистину воскресе!» — отвечали ему. Визитеры низшего ранга даже не входили в дом, а вручали подарки с записочкой дворецкому. Знаки нижайшей покорности часто коробили Бетанкура, но он ничего не мог сделать: пресмыкательство перед вышестоящим чиновником очень глубоко въелось в сердце российского человека.

Вспоминая французскую революцию и глядя на русских, никого из них он не смог бы назвать гражданином — все они лебезили перед начальством. Не был исключением даже Сперанский — он пытался держаться независимо, не ущемляя своего достоинства, но в присутствии царя нередко вёл себя подобострастно. Бетанкур достаточно быстро понял правила игры российского общества и, пользуясь тем, что он иностранец, не стал по ним играть, что дало ему преимущество обыгрывать при русском дворе многих соперников, даже из числа иностранцев, полностью принявших российский придворный этикет.

В Институте Корпуса инженеров путей сообщения тоже был свой этикет. Например, ни один воспитанник или преподаватель не имел права жениться без разрешения инспектора. На имя Бетанкура подавали рапорт, и только после его письменного разрешения в церкви можно было проводить обручальный обряд. Без такой бумаги ни одна церковь не могла обвенчать новобрачных. Но за приличную взятку, если новобрачные хотели, можно было повенчаться в любом близлежащем храме, хотя последствия такого шага могли быть самые печальные. Руководство учебного заведения имело полное право очень строго наказать врачующегося. Правда, такими пустяками, как правило, Бетанкур никогда не занимался.

СЕНОВЕР

Всю административную работу в институте Августин Августович поручил директору — своему близкому другу французу Сеноверу, специалисту по архитектуре и начертательной геометрии: с 1774 по 1791 год он служил в Королевском инженерном корпусе Франции. Как и Бетанкур, Сеновер был учеником знаменитого французского математика и механика Гаспара Монжа, основателя Политехнической школы в Париже и создателя высшего технического образования во Франции.

Вот что писал о нём в «Воспоминаниях» Филипп Филиппович Вигель: *«Старый француз Сеновер, который, вступив в нашу службу, официально наречен Степаном Игнатьевичем, был директором института. Он был умен, как демон, в которого, конечно, некогда веровал он более, чем в Христа; так надобно думать, ибо, принадлежа к одной из благороднейших фамилий в Лангедоке и находясь в королевской службе капитаном, сделался он бешеным революционером и санкюлотом. Этого бы никак нельзя было подозревать, смотря на его спокойный вид, внимая его беспрестанным шуточкам, иногда довольно смелым, но никогда не переходящим за пределы благопристойности. Как во всех любезниках школы вольтеровской, нечестие и безбожие были в нём щеголеваты; но он тогда не хвастался ими. Он был бледен как смерть, худ лицом, но полон телом; страждущие от подагры ноги его ещё более изнемогали от тяжести его туловища: он с трудом мог ходить. Я находил его не столько приятным, как забавным, и во время веселых с ним разговоров мне всегда приходил на мысль Скаррон и все повествуемое о нём. Об якобинстве его я бы умолчал и слышанное мною о том охотно счел бы клеветою, если б он сам, увлечённый воспоминаниями о прошедшем, как об удальстве своей молодости, не рассказывал мне иногда о тесной дружбе своей с Маратом. Мне любопытно было слушать о роскошном, раздушенном и эпикурейском житье этого ужасного человека во внутренних комнатах его и как, выходя с Сенов ером, переодевались они в запачканные, оборванные блузы, чтобы на улице более угодить простому народу и заслужить имя друзей его.*

Когда Шарлотта Корде [убийца Марата] лишила его друга и терроризм начал пожирать сам себя, Сеноверу удалось бежать из Франции. Как потом из Англии попал он в Россию, этого я не знаю; известно только, что в продолжение нескольких лет торговал он в Петербурге выписываемым французским табаком. Играя изрядно на скрипке, был иногда приглашаем на вечеринки к достаточным

молодым меломанам, между прочим, к одному г. Маничарову. По приезде из-за границы в собственном доме последнего остановился Бетанкур, ни с кем ещё не знакомый; первыми знакомыми его были хозяин дома и через него Сеновер. Старики полюбились друг другу, может быть, самою противоположностью характеров; оба были веселого нрава, но один весь так и кипел, а в другом страсти совершенно погасли.

Когда нужно было избрать директора для Института путей сообщения, Бетанкур предложил Сеновера. Как это возможно? Королевской службы капитана, которого к нам можно принять не более как поручиком! Бетанкур объявил, что достойнее его не знает и что без него и сам он не примет главного начальства. Что было делать? Определили Сеновера исправляющим должность директора, а через шесть месяцев утвердили в сем звании с чином генерал-майора. Нарушение форм в России было как будто торжеством, услаждением для Бетанкура».

Однако с Вигелем здесь можно не согласиться. Бетанкур ценил людей не по эполетам и орденам, а по реальным делам и знаниям. Сеновер для занятия должности директора подходил более других.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИЗ ФРАНЦИИ

Идея создания Института Корпуса инженеров путей сообщения носилась в воздухе давно, ещё при Екатерине II и Павле I, но осуществить её смогли только при Александре I. Почему? Потому что в то время только выпускники Парижской школы мостов и дорог могли создать в России полноценное техническое учебное заведение с полным курсом высшей математики и инженерных наук. Александр I понимал: назначь он на должность инспектора Института любого другого, например де Воллана, он не получил бы нужного результата. Поэтому и в подборе профессорско-преподавательского состава Августин Августович получил от царя карт-бланш.

Уже в 1810 году из Парижа в Санкт-Петербург приехали талантливые французские инженеры и преподаватели: Пьер Доминик Базен, Александр Фабр, Морис Дестрем и Шарль Потье. Все они вошли в историю русского инженерного образования.

Пьер Доминик Базен родился 13 января 1786 года в городе Сэ (Sey), в Мозельском департаменте. Образование получил в Париже, окончив курс Политехнической школы и инженерного училища. Работать инженером начал в Италии и Южной Франции, где обратил на себя внимание самого Наполеона, рекомендовавшего его Александру I в то время, когда Россия и Франция находились в «добрых» отношениях и были союзниками. Впоследствии Пётр Петрович Базен занял пост директора Института Корпуса инженеров путей сообщения.

Александр Фабр был воспитанником Парижской политехнической школы и выпускником Парижской школы мостов и дорог. Высочайшим указом от 18 июля 1810 года он был принят на русскую службу, на должность профессора прикладной математики, в чине подполковника, с жалованьем в два раза больше того, что платили ему во Франции. Осенью того же года по рекомендации Бетанкура Фабр стал совмещать преподавательскую деятельность с производственной: занялся постройкой мостов и набережных в Северной столице, а также очисткой рек и каналов для пригодности «оных» под судоходство.

Морис Гугович Дестрем — выпускник Политехнической школы во Франции, в Санкт-Петербурге читал курс механики. Впоследствии возглавил комиссию проектов и смет в Главном управлении путей сообщения, был первым редактором «Журнала путей сообщения», совместно с Бетанкуром являлся автором проекта Военно-Грузинской дороги и принимал участие в строительстве шоссейной магистрали Петербург — Москва.

И наконец, Карл Иванович Потье — инженер, профессор, впоследствии директор Института Корпуса инженеров путей сообщения. Воспитанник Политехнической школы и Школы мостов и дорог в Париже. В Санкт-Петербурге читал лекции по математике и начертательной геометрии. Подготовил и издал первый в России учебник начертательной геометрии.

Все четверо приехавших в Санкт-Петербург французов были очень ласково приняты Бетанкуром и определены на самые лучшие должности с высокими окладами. И не только потому, что все они, как и сам Бетанкур, были выпускниками лучших французских инженерных школ и учились у самых выдающихся преподавателей с мировыми именами, таких как Гаспар Монж, Жан Родольф Перроне, Пьер-Симон Лаплас. Бетанкур понимал, что в России этим людям нужно создать самые благоприятные условия, только тогда можно ожидать от них полной отдачи и надеяться, что через несколько лет страна обогатится собственными инженерами и без посторонней помощи сможет воспроизводить национальные кадры. Именно они создали в России техническую инженерную школу, в недалеком будущем позволившую стране выйти на передовые рубежи науки и техники и несколько десятилетий удерживать ведущие позиции в мире. Благодаря им была создана лучшая в мире система высшего технического образования, в будущем позволившая русским первыми запустить в космос искусственный спутник Земли, а затем и первого человека. Именно воспитанники Бетанкура, Базена, Потье, Фабра и Дестрема стали первыми национальными кадрами, которые модернизировали Россию и поставили её на путь промышленного развития.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Несмотря на подарок Наполеона — прибытие французских инженеров в Петербург, отношения между Францией и Россией в 1810 году накалялись с каждым днем, и первыми это на себе почувствовали дипломаты. В декабре 1810 года по решению Государственного совета было издано «Положение о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Чёрного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе». И хотя свод правил вводился только на один год, его приняли с большим ликованием во всех торговых и промышленных кругах — ведь внешняя торговля России во многом зависела от Англии.

Ратифицированный Александром I документ не на шутку разгневал Наполеона, так как позволял России де-факто уклоняться от поддержки континентальной блокады, которую она совместно с Францией и другими европейскими странами по мирному договору в Тильзите должна была осуществлять по отношению к Великобритании.

Выпуск «Положения» был вызван тем, что в 1810 году Наполеон стал активно расширять пределы свой империи: была уничтожена самостоятельность Голландского королевства, присоединены к Франции ганзейские города и всё побережье Немецкого моря между нижними частями Эймса и Эльбы. Но самое главное — в числе пострадавших оказался близкий родственник Александра I герцог Ольденбургский. Это побудило русского императора подписать декларацию, а по сути, формальный протест против существующих трактатов.

Французы протест не приняли, и Александр I посчитал целесообразным довести его через своих дипломатов до всех европейских царствующих дворов. В стане противников Наполеона началось сильное брожение. Все поняли: между «тильзитскими друзьями» образовалась глубокая трещина. Иностранные дипломаты подталкивали Наполеона к войне с Россией. Например, австрийский министр иностранных дел граф Меттерних даже не скрывал опасений насчет возможного соглашения России с Францией, в ущерб интересам Англии и Пруссии.

Ещё в конце 1809 года Наполеон через своих посланников в Петербурге стал нажимать на Александра I, чтобы за него выдали замуж младшую дочь Павла I великую княжну Анну. Но и здесь французский император получил мягкий, но категоричный отказ: мол, княжна Анна ещё молода и вдовствующая императрица не может согласиться на такой неравный брак. Прямо Александр не

отказал Наполеону, но попросил подождать два года, пока великая княжна подрастёт.

Вся Европа отлично понимала, что Бонапарту после развода с Жозефиной срочно нужен династический брак, а проволочка равноценна отказу. К тому же, как бы издеваясь над чувствами Бонапарта, Александр I признался французскому послу в России Коленкуру: «Не имея возможности отдать за императора, в качестве гаранта нашей дружбы, одну из моих сестер, я воспитаю моих братьев в духе союзничества и соблюдения общих интересов двух государств».

Предвидя уже заранее неблагоприятный для себя исход событий, Наполеон предложил свою руку дочери австрийского императора Франца, эрцгерцогине Марии-Луизе. В Вене лестное предложение Парижа было встречено с радостью: император Франц панически боялся сближения Франции с Россией и всячески через своих дипломатов влиял на Марию Фёдоровну, чтобы она ни в коем случае не выдавала дочерей за французского императора. В то же время сами австрийские дипломаты в Фонтенбло подготавливали почву для будущего австро-французского союза, направленного против России.

Наполеон отказался ратифицировать конвенцию о Польше, подписанную его послом в Петербурге, предложив новую редакцию, во многом ущемляющую интересы России. «Ещё три года — и я буду владыкой Вселенной», — хвастался Бонапарт перед приближёнными во время очередной охоты в лесах Германии.

Вероятность нового столкновения с Францией побудила Александра активизировать военные действия на Балканах. Русская армия перешла в наступление, но оно не привело к успеху: Оттоманская Порта держалась крепко. В битвах за Дунай русские лишились почти половины личного состава. Неудачи продолжались до 7 апреля 1811 года, пока армию не возглавил Михаил Илларионович Кутузов, сразу же одержавший несколько очень важных стратегических побед.

ПРОФЕССОР ДЖАКОМО ТРОМБАРА

Внешнеполитические проблемы сильно отвлекали Александра I от положения в стране. Поэтому Бетанкуру часто приходилось общаться не с самим царём, проявлявшим интерес к мельчайшим подробностям жизни Института Корпуса инженеров путей сообщения, а с его статс-секретарем Михаилом Михайловичем Сперанским. Дело в том, что непосредственный начальник Бетанкура принц Георг-Фридрих Ольденбургский в это время был в Твери и многие вопросы приходилось решать через его голову. По рекомендации Сперанского Бетанкур пригласил в институт для чтения курса лекций по архитектуре Джакомо Тромбара, профессора Академии художеств.

Августину Августовичу очень нравился этот итальянский профессор, и он очень быстро с ним сблизился. Впервые о нём Бетанкур услышал ещё в Твери, от художника Ореста Кипренского, предложившего генерал-лейтенанту пригласить итальянца на Волгу как лучшего архитектора садово-паркового хозяйства России. Однако Тромбара приехать в Тверь отказался: он никогда не расставался с женой, бывшей австрийской танцовщицей, а в последнее время она плохо себя чувствовала и не покидала Петербург, боясь остаться без своего домашнего врача.

Джакомо Тромбара приехал в Россию одновременно с Джакомо Кваренги, но такого архитектурного наследия, как Кваренги, после себя не оставил. Его имя связано в первую очередь со строительством и украшением усадьбы Архангельское под Москвой, церковью Святой Троицы в Тамбовской губернии и перестройкой императорских конюшен в Петербурге. В истории Института Корпуса инженеров путей сообщения он оставил заметный след. Впервые в России он стал учить воспитанников не только архитектуре, но и тому, какие сооружения нужно строить вдоль шоссейных дорог и водных коммуникаций, превращая всю транспортную систему в единый архитектурно-строительный комплекс.

К сожалению, профессор Тромбара скончался в 1811 году, но ещё в 1810-м он пригласил Бетанкура принять участие в реконструкции фонтанов в Екатерининском парке. Несмотря на занятость, тот с живостью согласился внести вклад в коренную перестройку гидравлической системы Царского Села, пришедшей к тому времени в очень ветхое состояние.

АРАНХУЭС

Бетанкур любил Царское Село, отдалённо напоминавшее ему Аранхуэс: пруды, фонтаны, цветники, статуи античных богов и героев. И та и другая загородные резиденции строились как национальный ответ Версалю. Именно в Аранхуэсе Бетанкур встретился с государственным секретарем Испании графом Флоридабланкой, предложившим ему в начале 1784 года отправиться в Париж для изучения горной архитектуры. Несмотря на зиму, разговор их состоялся в бывшей летней резиденции испанских королей, в мавританской гостиной.

— Вам нужно будет отправиться в Париж, — устало, отрываясь от кипы документов и глядя на Бетанкура исподлобья, произнес граф Флоридабланка. — С вами поедет ещё несколько человек. Кто именно? Об этом вам сообщат позднее. Мне понравилась ваша записка об Альмадене, но у меня к вам вопрос. Сколько раз в этом шахтерском местечке вы посетили церковь?

Бетанкур задумался.

— Я вам отвечу, — продолжал государственный секретарь. — Вы посетили церковь всего два раза за всё время вашего пребывания в Альмадене. — Граф Флоридабланка очень внимательно посмотрел в недоуменные глаза Августина. — Вы хотите спросить, откуда я это знаю? Отвечу. От дона Хосе Рамона де Хиля, представителя Святой инквизиции. Из Альмадена пришел донос; в нём говорится, что вы занимались какими-то дьявольскими механизмами и не ходили в церковь.

— Да, — попытался оправдаться Бетанкур, — но создание механизмов — моя прямая обязанность. Без них невозможно откачать воду.

— Я вас не упрекаю, — спокойным голосом сказал государственный секретарь и медленно приблизился к окну. — Но вы же знаете, что в нашей стране ещё совсем недавно людей сжигали на костре за то, что они ставили под сомнение только саму мысль о влиянии колокольного звона на количество и качество урожая. Так неужели вы думаете, люди могут поверить, что человек, не связанный с дьяволом, может откачать воду из шахты глубиной более трехсот метров?

Двадцатишестилетний Бетанкур смотрел на государственного секретаря без страха, но и без понимания.

— Я просто хочу вас предостеречь на будущее, — дружески об няв за плечо молодого человека, сказал граф Флоридабланка. — С каждым вашим личным или общественным успехом количество ваших врагов будет расти в геометрической

прогрессии. Поэтому нужно стараться жить по правилам: в церковь ходить чаще, а деву шек выбирать не из семей священников, а из каких-нибудь других, менее значимых местных фамилий. И мой вам совет, — понизив голос до шёпота, сказал государственный секретарь, — чаще хо дите в католическую церковь, но будьте от неё как можно дальше. Пользы в жизни вам от неё никакой не будет, а вот вред она может причинить значительный. Вы со мной не согласны? — глядя прямо в глаза посетителю, спросил дон Флоридабланка.

Бетанкур остался безучастен к произнесённой фразе, поэтому его аудиенция у государственного секретаря быстро закончилась. Выйдя в дворцовый парк, он столкнулся с художником Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентесом, который довольно холодно пожал ему руку. Было видно, что живописец чем-то раздосадован. Из разговора выяснилось, что, после того как Франсиско Гойя нарисовал портрет Хосе Моньино-и-Редондо графа Флоридабланка, он ждал от него протекции, но государственный секретарь остался к судьбе художника равнодушен, хотя работа живописца ему понравилась и он даже очень щедро заплатил за неё. Тогда Гойя ещё не знал, что в мире, который зовётся высшим или избранным, нет места страстям и порывам. Личная жизнь в свете не должна совпадать с тем, что нравится тебе: на первом месте всегда стоят рационализм и прагматизм.

ХУДОЖНИК ФРАНСИСКО ГОЙЯ

В мире богатства и власти всё выстроено по жёсткой схеме: одно неправильное движение — и ты никто. Осознав это, через два года после встречи с Бетанкуром в Аранхуэсе Гойя станет личным живописцем короля. Но за измену себе нужно платить — именно через два года художника разобьет временный паралич и у него начнёт развиваться глухота.

А пока Бетанкур и Гойя влюблены в одну и ту же драматическую актрису, на её спектаклях они часто встречаются в Мадриде. Оба ненавидят пьесы популярного в то время испанского драматурга Рамона Франсиско де ла Круса, но с завидной регулярностью посещают театр, где играет их возлюбленная.

Из Аранхуэса в Мадрид Гойя и Бетанкур возвращались вместе, но до города так и не доехали. На одном из постоялых дворов они так увлеклись маринованными рябчиками и красным вином, что в конце концов ни тот ни другой не смог вскарабкаться в седло. Сколько они выпили — никто не знает: пили не бутылками, а copas — небольшими стаканчиками. Пришлось заночевать на постоялом дворе вместе с бродячими актёрами, которых они также щедро угостили терпким вином, сильно пахнущим кожей от мешка, где оно хранилось несколько месяцев. За это музыканты играли им на двух гитарах и тамбурине до самого утра, а женщины, по всей видимости их жены и дочери, ловко щёлкая кастаньетами, сплясали несколько зажигательных народных танцев.

Хозяин венты утверждал, что именно в его заведении когда-то останавливался Дон Кихот и проткнул шпагой несколько кожаных мешков. Хозяин их зашил и пользуется ими до сих пор, потому вино имеет такой особенный привкус.

Утром Франсиско Гойя долго искал свой шейный шёлковый цветной платок, а Августин де Бетанкур — несколько пуговиц от своих черных панталон. Вернулись попутчики в Мадрид только под вечер следующего дня. Зимой 1784 года Августин ещё несколько раз встречался с Франсиско, пока в конце марта не уехал в Париж изучать геометрию и горную архитектуру.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Испания всё ещё оставалась страной, отрезанной от Европы, не доступной её влиянию, чуждой её идеям, движениям, интересам… По сведениям некоторых историков, до правления Карла III всё светское европейское влияние на Испанию ограничивалось пошивом нескольких видов одежды. Например, Филипп V ввёл новый французский кафтан, который, правда, не вышел за пределы придворных покоев Кастилии. Даже итальянская живопись не оказала существенного влияния на испанскую. Поэтому посылка пенсионеров в Парижскую техническую школу стала своего рода прорывом из замкнутости испанской жизни, в данном случае в сфере образования.

В 1784 году ещё никто не догадывался, что один из воспитанников, посланных Флоридабланкой в Париж, через несколько лет создаст первую высшую техническую школу сначала в Испании, а затем в далёкой России. Планы Флоридабланки были гораздо скромнее — он намеревался подготовить несколько хороших инженеров для работы в Новой Испании. Но Бетанкур не был бы самим собой, если бы в Париже замкнулся на изучении только одного предмета. Его снова увлекла математика — царица наук. Он понимал, что только с её помощью можно создавать более совершенные технические механизмы. Она всегда вдохновляла и завораживала: с одной стороны, чистый вымысел, предмет, вообще не существующий в природе, с другой — абсолютная реальность, без которой невозможно человеческое существование. Величины и пространственные формы на какое-то время снова стали предметом его повседневной деятельности.

В то время в Париже научная жизнь била ключом. В Академии наук и технических школах работали прославленные учёные: Лаплас, Лавуазье, Монж… Позднее к ним присоединился Лагранж: после смерти прусского короля Фридриха II он покинул Берлин и перебрался в столицу Франции.

В науке царила атмосфера свободы! Всё было пропитано духом Дидро и Д'Аламбера, знаменитого математика и философа, скончавшегося за полгода до приезда Бетанкура в Париж.

До конца XVIII века инженерное образование в Европе развивалось по трем основным направлениям: 1) военное (строительство оборонительных и фортификационных сооружений); 2) путейское (строительство дорог, мостов, каналов

и портовых сооружений); 3) горное (создание рудников и шахт, добыча и обработка полезных ископаемых, металлургия). По всем трём направлениям подготовка инженеров осуществлялась на основе индивидуального обучения, очень дорогостоящего и в конечном счёте малоэффективного. Затраты на обучение одного инженера достигали 35% от стоимости выполненных им впоследствии работ. Поэтому стремительное развитие капитализма во Франции потребовало изменения системы образования, а именно увеличения числа инженеров, без снижения их качества. Лучшие умы Франции, такие учёные, как Жан-Родольф Перроне и Гаспар Монж, взялись за решение проблемы. Они-то и стали первыми учителями Бетанкура.

ГАСПАР МОНЖ

Гаспар Монж родился 10 мая 1746 года в маленьком провинциальном городке с прозаическим названием Бон, в Бургундии. Начальное образование получил в городском училище. Уже в шестнадцать лет, используя метод прямой горизонтальной проекции, Монж составил замечательный по точности чертёж родного города. Необходимые для составления плана приборы для измерения углов и начертания линий он изобрёл сам. Поступив в Мезьерскую школу военных инженеров, скоро стал лучшим учеником. Ещё в годы учёбы получил должность репетитора математики и начал самостоятельно зарабатывать.

В историю науки Монж вошёл как создатель начертательной геометрии. Однако упорное нежелание военного руководства Франции делиться научными достижениями с другими странами заставило Монжа на несколько лет засекретить полученные результаты. Другим крупным трудом Монжа стали исследования по теории поверхности, изложенные в ряде записок, представленных им в Парижскую академию наук.

В 1768 году Монж получает звание профессора математики, а с 1771 года возглавляет кафедру физики в Мезьерской школе военных инженеров. В 1780 году он занял место преподавателя гидравлики в Лувре с обязательством по полгода жить в Париже и Мезьере. Но в 1783 году Монжа избирают членом Парижской академии наук, и он навсегда оставляет старинный город Мезьер, на северо-востоке Франции, вблизи бельгийской границы.

Немного позднее в Париж приедет Бетанкур и станет одним из любимых учеников Монжа. Августин познакомится с основами начертательной геометрии, в частности с оригинальным, впервые применённым Монжем обратным методом использования пространственных отображений при доказательстве теорем планиметрии, когда исследуемая плоская фигура рассматривается как проекция некоторой пространственной.

Монж первый в истории техники введёт курс по основам машин и их элементам. Именно он выдвинет очень смелую по тем временам гипотезу: для любой машины главной характеристикой является движение; существенным звеном в машине является передача и преобразование движения; машину можно разложить на элементарные узлы, служащие для преобразования одних специальных видов движения в другие.

Конечно, размышления о структуре машин можно найти и у других выдающихся учёных, например у знаменитого

швейцарского математика Леонарда Эйлера, долгое время жившего в Санкт-Петербурге. Однако все прежние расчёты в этой области производились методом статики простых механизмов. Монж к этой научной проблеме подошёл с другой стороны. Исходя из того что в основе любой сложной машины лежат простые механизмы, он сформулировал принцип передачи механической энергии через элементарные составляющие машин. Именно такой подход через несколько лет и помог Бетанкуру совместно с Хосе-Мария де Ланцем создать новую науку — теорию механизмов и машин (ТММ).

ЖАН-РОДОЛЬФ ПЕРРОНЕ

Вторым главным учителем Бетанкура был Жан-Родольф Перонне, сын швейцарского гвардейца, родившийся в 1708 году. Архитектурную практику Жан-Родольф прошёл в мастерских самых лучших градостроителей Парижа. Он участвовал в постройке большого кольцевого коллектора на правом берегу Сены, а также в работах по укреплению набережных рек и городских дорог. Перроне построил во Франции огромное количество мостов и надводных сооружений.

В 1747 году он возглавил Королевское бюро проектировщиков, куда вошел отдел по созданию карт и планов Французского королевства. По заказу военного министра он придумал новую конструкцию понтонных переправ для армейских нужд, занимался строительством шоссейных дорог. С 1763 года Перроне — главный инженер королевства, через два года — член Французской академии наук.

Во Франции он построил и отремонтировал свыше двух с половиной тысяч километров шоссейных дорог, включая строительство мостов и понтонных переправ. В 1772 году за особые заслуги Перроне избрали иностранным членом Королевской Шведской академии наук.

Когда Бетанкур жил в Париже, Перроне возглавлял Школу мостов и дорог; с системой обучения в ней испанец очень основательно познакомился.

После нескольких месяцев пребывания в школе Бетанкур написал трактат, содержащий новые идеи в области механики. В этой работе, представленной испанскому послу во Франции графу Педро Пабло Абарка де Болеа де Аранде, Бетанкур предложил основать в Мадриде новую инженерную школу, по образцу французской, для подготовки инженеров-гидравликов, или «инженеров дорог и каналов». Целью проекта было также создание «корпорации инженеров мостов и мощёных дорог». В своём трактате Бетанкур подробно объяснял, почему выпускники школы уже в ближайшем будущем смогут возглавить строительство всех гражданских технических сооружений в Испании. Проект недвусмысленно был направлен против засилья военных инженеров и архитекторов, не имеющих специальных знаний в гидравлике.

ЖИЗНЬ ВО ФРАНЦИИ

Предложение Бетанкура понравилось испанскому посланнику во Франции, и в июле 1785 года он отправил Августина в Мадрид с рекомендательным письмом к дону Флоридабланке. Карл III поддержал идею Бетанкура и согласился на реализацию проекта. Августину поручили сразу несколько заданий: пройти вместе с группой пенсионеров испанского правительства обучение в Школе мостов и дорог для получения звания инженера-гидравлика; приобрести в этой школе или других научно-технических центрах лучшую специализацию в области механики; составить коллекцию моделей машин, используемых при публичных работах или на промышленных предприятиях.

Ко всем полученным поручениям Бетанкур отнесся с большой ответственностью. В этот период жизни, впрочем, как и всегда, он был полон энтузиазма, любознательности и честолюбия. При этом Бетанкур никогда не забывал и о культурной жизни Парижа. Неудивительно, что он одним из первых посмотрел премьерный спектакль Пьера-Огюстена де Бомарше «Женитьба Фигаро». Пьеса по цензурным соображениям на протяжении нескольких лет была запрещена французским королем Людовиком XVI, и только в конце апреля 1784 года состоялась её премьера. Кроме того, в Латинском квартале Бетанкур не раз посещал кафе «Le Procope», где познакомился с передовыми деятелями Франции, в том числе Маратом и его близким другом Сеновером, будущим первым директором Института Корпуса инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге.

В испанском посольстве в Париже граф Аранда представил Бетанкура Бенджамину Франклину и Томасу Джефферсону — посланникам США во Франции. Эту встречу Августин Августович ещё не раз вспомнит в Петербурге, когда его жена Анна познакомится с Луизой — женой посла США в России Джона Квинси Адамса, будущего шестого президента Соединенных Штатов. Но об этом речь впереди.

Свою первую поездку во Францию Бетанкур совершил вместе со своим соотечественником с Канарских островов маркизом де Вильянуэва дель Прадо. Оба получили королевскую стипендию в размере 12 тысяч реалов в год. Однако, как уже было сказано, в июле 1785 года Бетанкур был вынужден ненадолго вернуться в Мадрид. Второе пребывание Бетанкура во Франции было уже долгим: с сентября 1785 года по июль 1791-го. Для открытия в Мадриде Школы каналов и дорог во Францию были командированы его соотечественники: Хуан Лопес де Пеньалвер,

Тома де Вери, Хоакин де Абаитуа Барриентос, Хуан де Мата Молеро, Хосе Бетанкур-и-Кастро (старший брат Августина), Хуан де Фуэнте и создатель макетов Антонио Альварес. Вся эта испанская колония вскоре прибыла в Париж, представлявший в 1785 году ужасное зрелище.

По распоряжению короля Франции Людовика XVI было решено переоборудовать столичные катакомбы — полые, изрезанные лабиринты общей протяженностью около трехсот километров. История катакомб такова: в начале XIII века Париж стал стремительно развиваться, город рос и требовал всё больше строительных материалов, их начали добывать из каменных месторождений. Так возникли знаменитые парижские пещеры, ещё до недавнего времени внушавшие страх многим жителям французской столицы. 17 декабря 1774 года на улице д'Анфер квартал длиной более трехсот метров, вместе с домами, людьми, лошадьми и экипажами, рухнул в тридцатиметровую пропасть.

Одновременно с ростом населения Парижа быстро росла и потребность в кладбищах. Чтобы освободить места для новых могил, останки усопших стали переносить с мест погребения в специальные «скелетные дома», где их помещали в полнейшем беспорядке. Однажды во время наводнения 1780 года трупы были вымыты из «скелетного дома», и в районе улицы Де ля Линжери потоками воды их разбросало по городу; распространился ужасный смрад и зловоние. По распоряжению Людовика XVI все останки были собраны и свезены в подземелья Парижа, а на железных дверях, ведущих в туннель, король приказал выбить надпись: «Остановись! Здесь царство мертвых». Таким образом, к 1785 году решили убить сразу двух зайцев: заполнить пустоты в катакомбах, чтобы они не обваливались, и использовать их вместо кладбищ, в черте города уже переполненных.

Трупы из всех бывших захоронений поспешно свозили в катакомбы и укладывали в туннелях ровными штабелями. В общей сложности в бывших каменоломнях разместили около пяти миллионов человеческих останков, сотни из них при перевозке оказались на городских улицах: дети во дворах играли вместо мячей черепами, а взрослые украшали человеческими костями цветочные газоны и клумбы.

Всё увиденное повергло испанцев в мистический ужас: им казалось, что злой рок — предвестник недоброго — уже незримо навис над Парижем и предвещает ему что-то зловещее. Дух будущей революции уже на сакральном, метафизическом уровне просочился в каждую городскую щель и таинственно витал над каждым кварталом.

Но Бетанкуру и его товарищам было не до политических

размышлений. Занятия в технической школе Понт-е-Шоссе отнимали очень много времени. Основной упор делался на изучении механики и гидравлики.

Перед пенсионерами-испанцами была поставлена задача — создать коллекцию моделей машин, полезных для публичных работ в промышленности. Задание преследовало две цели: во-первых, подготовку инфраструктуры будущего преподавания в Мадриде, во-вторых, собственное обучение в процессе создания коллекции.

Полномочия, возложенные на Бетанкура, официально подтверждались письмом от 11 октября 1786 года, направленным государственным секретарем графом Флоридабланкой испанскому посланнику во Франции дону Педро Пабло Абарка де Болеа де Аранде. В Париже Бетанкур увидел, насколько Испания в развитии науки и техники отставала от Франции. Пропасть была колоссальная. Но это не испугало его. Бетанкур всегда мыслил смело, решительно и по-государственному. Он уже видел, как этот разрыв можно и нужно преодолеть.

Об этом, минуя испанского посланника в Париже графа де Аранде, он сообщал напрямую государственному секретарю Флоридабланку.

В это время у Бетанкура завязались дружеские отношения с новым преподавателем Гаспаром Франсуа де Прони. Несмотря на молодость (он был старше Бетанкура всего на три года), Прони преподавал в Парижской школе мостов и дорог уже несколько лет. Впоследствии он станет её директором и автором знаменитого сборника десятичных логарифмических и тригонометрических таблиц, в создании которых самое активное участие приняли такие выдающиеся математики Франции, как Адриан Лежандр и Лазар Карно. С последним Бетанкур также был хорошо знаком. В своё время его заинтересовала книга Карно «Опыт о машинах». В ней автор основательно разбирал конструктивные особенности самых современных передаточных узлов и механизмов. Бетанкур несколько раз встречался с Лазаром Карно и обсуждал его книгу.

В отличие от Бетанкура, Прони и Карно были педантичными, замкнутыми французами; они вели правильный и очень размеренный образ жизни. Испанец же, наоборот, никогда не сидел на месте. Старался участвовать во всех проектах, если для этого открывалась хоть малейшая возможность. Например, удобный случай представился Бетанкуру весной 1788 года. Вместе со старшим братом Хосе он посетил полуостров Бретань, где познакомился с работой французских портов и судовым такелажем. Поездка состоялась с 13 марта по 7 апреля.

Вот что Августин де Бетанкур написал об этом путешествии в одном из писем в Испанию: *«Сегодня осмотрели паровые молоты; чтобы их бронза не расплавилась, они не должны производить более 50—5 2 ударов в секунду. На фунт пороха приходится три четверти селитры, 8 адарм угля и 8 серы. Диаметр колес в Алаве, которые приводят механизмы в движение, равен 20 фунтам, они делают один оборот в 22 секунды, здесь установлено 20 подобных механизмов. В Анжер мы прибыли утром в 10 с четвертью, побывали в кафедральном соборе, в Академии и в крепости и выехали из города полдвенадцатого. В 2 часа мы оказались в Бретани, в 6 проехали Мендон. В 9 выехали на Эгресвильскую дорогу и без четверти и оказались в Нанте, в гостинице "Дюшбаль". В Вербное воскресенье взяли на себя роль паломников. Слушали мессу. Побывали на открытии нового театра, наслаждались концертом духовной музыки, деньги от которого пошли в пользу бедняков…*

На следующий день мы осмотрели знаменитую мельницу и другие механизмы мсье Монсе; на мельнице зерно, прежде чем превратиться в муку, должно проделать путь в две лиги. В половине 11 мы сели в лодку и спустя час были на острове Андрэ. Там мы осмотрели механизм — вернее, тройной механизм, — позволяющий чистить орудия. Это паровой насос, с помощью которого промывают стволы (до 36-го калибра) и запальные отверстия. Из мастерских мы вышли в час, сели в лодку и отправились обедать в деревенскую гостиницу, которая расположилась на берегу реки; из неё мы вышли в 3 часа. Уже собрались снова сесть в лодку, но вдруг пошел дождь, затем — сильный град, началась гроза, поднялся ветер, и мы были вынуждены укрыться всё в той же гостинице. На следующий день, 17 числа, в 6.20 мы выехали из Нанта и прибыли в Ла-Рош в 2 часа, миновали реку и в 3 выехали на дорогу, ведущую на Ванн, куда прибыли в 7.20 — по дороге мы не увидели ничего примечательного, о чём стоило бы упомянуть. Из Ванна мы выехали 18 марта в 6 и полпервого оказались в Лориане. Наиболее примечательное, что мы увидели, — это мастерские с подъёмными механизмами, лебёдка, с помощью которой можно доставить груз на судно, и другая — для разгрузки, весы для взвешивания орудий и новая башня: 24 фута в диаметре, 15 футов высотой, мачта 25 футов, на ней морской вымпел и громоотвод. В 2 часа 27-го числа мы выехали из Аориана и остановились на ночлег в Роспордане, откуда выехали в 5.45. В час дня мы осмотрели пороховые мастерские, что находятся неподалеку от Кимпера, в них производят по 15 квинталей пороха в день; затем вновь продолжали путь ив 6 часов прибыли в Аандермуа; самое примечательное там — городская стена и

дорога, которую недавно проложили вдоль реки, текущей в Брест. На следующее утро в половине шестого мы вновь продолжили путь и в 7 оказались в порту, который находится рядом с Брестом. Там мы осмотрели все механизмы, какие только смогли увидеть — как открытые для взоров публики, так и скрытые от них».

Это письмо явно доказывает, что Бетанкур во Франции занимался не только совершенствованием своих технических познаний, но и промышленным шпионажем в пользу Испании. Косвенное подтверждение тому можно найти и в другом его письме, написанном немного позже в Париже и отправленном родителям на Канарские острова. *«Министр иностранных дел дал мне письмо, в котором говорится, что я могу тратить на поездки, макеты, книги, карты и т.п. столько денег, сколько посчитаю нужным, и сказал моему брату, что мне будет дан чин пехотного капитана, как только я сам того пожелаю, и что я могу тратить на свои поездки министерские деньги».*

Кроме того, стипендия Бетанкура составляла 1500 реалов в месяц. Для сравнения — деревенский батрак в Галисии в то время за свой труд получал 2 реала в день. Но денег Августину всё равно не хватало: он постоянно вкладывал их в собственные проекты. Например, совместно с Абрахамом Луи Бреге построил вблизи Вандома сначала мельницу, а затем обувную фабрику, причём полностью механизировал её своими новейшими изобретениями. Общий долг в бюджете Бетанкура за 1788 год составлял примерно 50 тысяч реалов.

Тем временем политическая ситуация во Франции складывалась непростая. По Парижу прокатилась волна грабежей и чудовищных убийств. Началось массовое расхищение лесов и нарушение правил охоты. В апреле 1788 года именно в том месте, где находилась обувная фабрика Бетанкура, на деньги герцога Орлеанского вспыхнуло «народное восстание». Правительство послало туда войска из Версаля. Пролилась человеческая кровь. Однако ситуация с каждым днём становилась всё менее управляемой. Обувную фабрику Бреге и Бетанкура пришлось закрыть, и владельцы её понесли ощутимые убытки. Начался передел собственности.

Несколько раз какие-то люди посягали на имущество Бреге и Бетанкура, но первые попытки оказались безрезультатными. Компаньоны хотя и с большим трудом, но всё же отстояли своё предприятие.

В августе 1788 года Людовик XVI разрешил созыв Генеральных штатов, согласившись поставить во главе министерства финансов популярного у буржуазии финансового магната, банкира Жака Неккера, часто ссужавшего деньгами

французское правительство. Ещё в июне 1776 года он был назначен советником департамента финансов, а через год уже возглавил весь департамент. Не производя существенных перемен, Неккер сумел, с помощью кредитов, покрывать расходы американской войны, пока наконец дальнейшие займы для казны оказались невозможными. Тогда, вернувшись к реформам Трюго и бережливости, он восстановил против себя двор и привилегированные сословия. Покинув Францию, Неккер обосновался в Швейцарии, пока летом 1788 года его снова не пригласили в большую политику. Это на какое-то время позволило стабилизировать политическую ситуацию в Париже, и обувная фабрика Бетанкура—Бреге снова заработала в полную силу, хотя и ненадолго.

Для повышения качества своего образования Бетанкур планировал посетить Италию и Голландию, но потом решил, что у него ещё много работы в Париже и не следует переключаться на путешествия. Он делал чертежи, которые могли быть полезны испанским гидравликам, строил и приобретал модели, приборы и инструменты для будущего Королевского кабинета машин в Мадриде.

НАУЧНАЯ РАБОТА БЕТАНКУРА И ИСТОРИЯ ТЕХНИКИ

С 1787 года Бетанкур начал серьезно заниматься паровыми машинами. Эксперименты по исследованию движущей силы водяного пара выполнил в 1787—1788 годах, но первые результаты опубликовал в материалах Парижской академии наук только в 1790 году. Для этих экспериментов испанец создал техническую конструкцию, главной частью которой был холодильник из меди, снабжённый термометром и ртутным манометром для определения давления пара. Затем Бетанкур влил в сосуд дистиллированную воду и, охладив её до 0° С, начал нагревать таким образом, чтобы температура жидкости поднималась на один градус в минуту. Эксперимент позволил эмпирически доказать, что температура пара равна температуре воды в момент парообразования и что давление воздуха и водяного пара влияют аналогичным образом на температуру, соответствующую определенному давлению.

Для получения этих результатов Бетанкур в своих расчётах использовал метод математического интерполирования, который впервые на практике применил его учитель и друг Гаспар Франсуа де Прони. Таким образом Бетанкур сделал практический вывод об эффективности работы паровых машин в разное время года и при различных атмосферных и температурных условиях. «Записка о силе расширения водяного пара», изданная в Парижской академии наук в конце 1790 года, стала классической работой в области термодинамики.

В результате опытов Бетанкур вывел зависимость между давлением водяных паров и температурой, которую сформулировал в уравнении. С помощью этого уравнения стало возможным измерять также высоту гор по температуре кипения воды и наносить градуировку на термометр.

У читателя может возникнуть справедливый вопрос: почему после этого эксперимента историки науки не поставили Бетанкура в один ряд с такими французскими учёными, как Эдм Мариотт, Жак Александр Шарль, Жозеф Луи Гей-Люссак, как англичанин Роберт Бойль или итальянец Амадео Авогадро? Все они были отцами-основателями термодинамики. Произошло это потому же, почему Бетанкур не остался в истории пионером испанского воздухоплавания. В 1783 году он первым в Испании поднял в небо воздушный шар, но потом сразу же перестал заниматься этим. Примерно то же самое произошло и с

термодинамикой — наукой о наиболее общих свойствах макроскопических систем, находящихся в состоянии термодинамического равновесия, и о переходе между этими состояниями.

Получив уникальные результаты, в дальнейшем ставшие основой целого научного направления в метрологии, он отошёл от термодинамики, вернувшись к любимым машинам и механизмам. И в этом не было ничего удивительного. Западная Европа в конце XVIII века переживала время бурного промышленного переворота: мануфактурный способ производства уступал место более производительному — машинному. Деятельность Бетанкура была в центре научно-технической революции, проходившей в три этапа.

Первый — изобретение машин-орудий, то есть технологических средств, заменявших не только саму силу человека, но и его умение, квалификацию. Такие механизмы в Западной Европе стали появляться повсюду, в различных областях производства, но прежде всего в текстильной промышленности. Ко второму этапу можно отнести изобретение универсального двигателя — паровой машины. А к третьему — производство машин при помощи машин, то есть рождение машиностроения.

Самых высоких темпов производство машин в XVIII веке достигло в Англии. Именно здесь появились текстильные машины, работавшие на паре. Однако процесс этот тормозили. Дело в том, что принятые в Англии законы существенно ограничили вырубку леса — древесный уголь пришлось заменить каменным углем, а он, как правило, залегал под водяными пластами.

Английскому механику на угольной шахте в Корнуолле Томасу Севери пришла в голову мысль — использовать энергию пара в технике. В 1698 году он получил английский патент на паровой камерный нагнетательно-всасывающий насос: хотя он и имел небольшую подачу, но всё же мог поднимать воду на некоторую высоту. В нём рабочий цилиндр был отделён от котла для быстрой конденсации пара и снаружи обливался холодной водой. В 1707 году один из насосов Севери был выписан Петром I и установлен в Летнем саду Петербурга для подачи воды в фонтаны.

В 1712 году Томас Ньюкомен вместе с лудильщиком Джоном Коули усовершенствовал насос: двигатель присоединили к устройству для выкачивания жидкости, что позволило эксплуатировать пароатмосферную машину многие годы в различных районах Англии для откачки воды из шахт. Но в

машине Томаса Ньюкомена пар давил не непосредственно на поверхность воды, а на поршень в цилиндре. Значительные потери теплоты и большой расход топлива потребовали модернизации конструкции — её осуществил в 1663 году выдающийся шотландский инженер Джеймс Уатт.

В том же году к нему обратился один из профессоров физики университета Глазго с просьбой отремонтировать действующий макет паровой машины Ньюкомена, никогда нормально так и не работавший. Модель была оснащена двухдюймовым цилиндром и имела рабочий ход поршня в шесть дюймов. Уатт заменил металлический цилиндр на деревянный, смазанный льняным маслом и высушенный в печи. Затем, уменьшив количество поднимаемой за один цикл воды в макете, запустил механизм — и тот заработал. Кроме того, Уатт внёс в конструкцию многочисленные изменения.

Первым усовершенствованием, запатентованным Уаттом в 1769 году, была изолированная камера для конденсации, а в 1782 году он изобрёл машину двойного действия. Благодаря этому, а также другим мелким усовершенствованиям удалось повысить производительность паровой машины Ньюкомена в четыре и более раза. Самой машиной стало легче управлять. Паровой двигатель Уатта применяли на заводах и фабриках в качестве привода, что привело к резкому повышению производительности труда в Англии.

В 1785 году Уатт запатентовал новую топку котла, и в том же году машину Уатта установили в Лондоне на одном из пивоваренных заводов для размалывания солода. Машина заменила работу двадцати четырех лошадей. Понимая, что значит для страны это изобретение, правительство Англии засекретило его: вывоз макета, а также чертежей за рубеж строго воспрещался. И не напрасно! Интерес у ближайших соседей англичан — французов к механизму был повышенный.

Ещё в 1782 году талантливые конструкторы и механики братья Перье установили в живописном местечке Шайо первые насосы для водоснабжения Парижа. «Прелюбопытные машины» поднимали воду на сто десять футов над меженным уровнем Сены «простым паром от кипящей воды». С одной стороны, это означало революцию, с другой — двадцать тысяч парижских водоносов могли в любой момент лишиться работы, если таких машин появилось бы в Париже немногим более десятка.

Сначала Абрахам Луи Бреге познакомил Бетанкура со старшим братом Жаком-Константином Перье, а тот, в свою очередь, представил испанца своему младшему брату Опост-Шарлю. Оба были совладельцами механического завода (atelier

mecanique) в Шайо и планировали расширить дело, однако нуждались в модернизации насосов. У братьев был патент на использование парового двигателя Ньюкомена, но они хотели заполучить и данные о машине Джеймса Уатта. Они и познакомились с Бетанкуром с той целью, чтобы отправить его в Англию. Братья разумно полагали, что паровой двигатель Уатта англичане в первую очередь скрывают от французов, голландцев и немцев. Испанец же у них вызовет наименьшее подозрение. А кроме того, испанец прекрасно разбирался во всех тонкостях механики и машиностроения и довольно сносно говорил по-английски, что было немаловажно для такого «деликатного путешествия».

Чтобы Бетанкур подтянул свой английский, братья Перье познакомили его с девятнадцатилетней англичанкой Анной Джордейн, жившей в Париже на улице Сент-Оноре, недалеко от квартала, где обитал и Бетанкур. Девушка была рада пообщаться с умным и образованным испанцем, поговорить с ним на родном языке. До отъезда в Лондон Бетанкур почти каждый день встречался с Анной Джордейн Киггер, говорил с ней по-английски и щедро угощал девушку в самых лучших кафе Парижа пирожными и лимонадом.

На Туманный Альбион Бетанкур отправился со своим соотечественником Хосе Луго, прекрасно говорившим по-английски и в случае необходимости всегда готовым помочь.

ДОРОГА В АНГЛИЮ

Ранним утром 11 ноября 1788 года Августин де Бетанкур и Хосе Луго выехали из Парижа в Гавр в дилижансе; кроме них, было ещё шесть пассажиров. Крупный багаж разместили на крыше. Торговые лавки ещё не открылись, и безлюдные улицы Парижа были безмолвны. Ехали по брусчатке, и кованые копыта лошадей гулко стучали в утреннем прохладном воздухе. Дорога казалась вымершей, а дома покинутыми. Попутчики, ещё полностью не проснувшись, дрожа от холода, кутались в пледы. Один из них, кюре, в длинной сутане, даже похрапывал. Пол экипажа был устлан соломой, и в ней тонули ноги. На выбоинах кузов стонал и глухо потрескивал, но возница не сбавлял скорости: кнут его без устали хлопал и хлестко впивался в круп то одной, то другой лошади. В экипаже также ехали две молоденькие монашки, всё время перебиравшие длинные чётки и шептавшие «Pater noster» и «Ave Maria». Луго хотел было пококетничать с ними, но Бетанкур осадил его. В Руане экипаж остановился, чтобы в очередной раз поменять лошадей. На почтовой станции Бетанкур случайно узнал, что в речном порту стоит торговое судно, которое завтра утром уйдёт из города сначала в Дувр, а затем в Лондон. На шхуне есть свободные каюты, и капитан с удовольствием возьмет с собой двух испанских путешественников.

В руанском порту два крепких молодых носильщика, один в кожаном фартуке, другой в соломенной шляпе, серьезно поссорились из-за багажа Бетанкура и принялись лупить друг друга. Хосе Луго попробовал вмешаться, но тут же получил сильный удар в лицо. Увидев собственную кровь, хлеставшую из носа, он чуть было не лишился чувств. Только жандармы смогли разнять дерущихся и отвести их в участок. После этого случая испанцев в порту никто обслуживать не захотел. Наконец какие-то английские матросы, по всей видимости по распоряжению капитана, подхватили их багаж и отнесли его на борт. Вскоре подняли якорь и, поймав в паруса сильный поток холодного северо-западного ветра, взяли курс на Дувр.

Бетанкур, выйдя из каюты на палубу, рассмотрел английских матросов: все они носили огромные бакенбарды, на головах — маленькие матросские шапочки, одежда у всех была свободная, шея открыта, вид их внушал испанцам полное доверие. Казалось, никакой шторм не страшен этим людям, а любое препятствие преодолимо. У капитана было обветренное красное лицо, обрамлённое густыми чёрными бакенбардами, переходящими в

усы, — казалось, они растут от уха до уха.

Бетанкур попробовал заговорить с ним, но моряк ответил на таком грубом и отрывистом сленге, что Августин ничего не понял. Но Бетанкур всё же выяснил, что судно возвращалось в Англию с Канарских островов. Эта новость так обрадовала испанцев, что они купили у капитана столько вина, сколько смогли выпить за два дня.

Ранним утром парусник вошёл в Темзу и скоро бросил якорь. Лондонский порт тогда представлял собой лес мачт: торговые и военные суда стояли так близко друг к Другу, что казалось, их борта соприкасаются. Был прилив, и вода в Темзе стояла высоко. Сквозь паруса пришвартованных судов Бетанкур разглядел Тауэр: в утреннем тумане он походил на таинственное сооружение, вырубленное из стального листа.

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЛОНДОНА

Английский таможенный досмотр оказался пустой формальностью: багаж почти не осматривали, служащий задал несколько вопросов, испанцы заплатили пошлину за въезд в страну и, спустившись в шлюпку, направились в город. Поменяв у ростовщиков луидоры на фунты, наняли экипаж и поехали в гостиницу «Шпора», на Хай-стрит в Саутуорке.

Первую неделю в Лондоне Пепе пришлось тщательно пудрить лицо — тёмный синяк под левым глазом предательски сообщал о происшествии в Руане.

Гостиница, где остановились испанцы, была вся в красных коврах, а кровати в номерах обязательно с пологами.

Многие богатые лондонцы одевались la mode de Paris, а простые горожане кто во что горазд. Служанки ходили в лайковых перчатках и с корзиночками в руках, покрытыми разноцветными салфетками. Их лодыжки, как правило, были перевиты черными лентами изящных туфель. Торговки рыбой щеголяли в шляпах со страусиными перьями. Изредка встречались шотландцы в килтах с бахромой и шапочках из леопарда.

Это был роскошный и высокомерный город. Лондонские магазины, в отличие от французских, не говоря уже об испанских, поражали великолепием и обилием товаров.

В первый день Бетанкур не бросился осматривать паровой насос на пивоваренной фабрике, а отправился с Луго бродить по городу. Лондон кишел двухколёсными кебами и частными каретами: повсюду слышались крики извозчиков и щёлканье кнутов. На улицах несмолкаемо звенела конская упряжь, мостовые содрогались от глухого стука копыт. Лошади, вскидывая головы, всхрапывали, и Бетанкуру казалось, что все лондонские извозчики, словно венецианские гондольеры, хорошо знают друг друга. На площади стояли шарманщики, у рынка Ковент-Гарден пели слепые музыканты, орали разносчики.

На рынке, стоя у прилавков, мясники в полосатых фартуках зазывали прохожих купить «наисвежайший» товар. Кругом громоздились тушки вальдшнепов, бекасов, фазанов и куропаток. Грузчик рыбы, покрытый серебряной чешуей, подтаскивал ящики со своим товаром. Это был город жизнерадостного, крикливого простонародья. Число жителей Лондона достигало без малого одного миллиона человек.

Днём испанцы осмотрели Сити. Особенно им понравилась улица Чипсайд: вдоль неё тянулись пятиэтажные деревянные дома, выкрашенные в чёрный и белый цвета. Каждый следующий

этаж выступал над нижним, что придавало зданиям сходство с галеонами — большими многопалубными парусными судами XVI—XVIII веков, перевозившими товары между Европой и американскими колониями.

Проголодавшись, Бетанкур и Луго зашли в рыбную таверну и заказали обед — заливных угрей, жареную камбалу и фруктовый пудинг. Попробовали чеширский сыр и выпили по две пинты эля — он им понравился больше, чем английское пиво. Вечером Бетанкур был в Королевском театре Дрюри-Лейн: давали один из премьерных спектаклей Ричарда Шеридана «Школа злословия».

Назавтра Бетанкур, через разносчиков, разослал рекомендательные письма от братьев Перье и Луи Бреге к их английским друзьям и знакомым с просьбой помочь в осмотре паровых машин в Лондоне и Бирмингеме. В ожидании ответа весь день они вновь провели в прогулках по городу. Осмотрели Вестминстерское аббатство, Сент-Джеймский дворец, Тауэр… Самое сильное впечатление на Бетанкура произвел собор Святого Павла, расположенный на холме Ладгейт и построенный по проекту знаменитого английского архитектора Кристофера Рена.

ЗНАКОМСТВО БЕТАНКУРА С ТВОРЧЕСТВОМ КРИСТОФЕРА РЕНА

Строительство собора началось в 1675 году, а закончилось только в 1708 году. В общей сложности собор строили тридцать три года, и он являлся творением одного человека, по воле провидения современника английского короля Карла II. Официальной датой открытия собора считается 20 октября 1708 года — день рождения архитектора. В этот день Кристоферу Рену исполнилось семьдесят шесть лет.

В ходе работы архитектору пришлось трижды полностью изменять проект. Первоначальный план предполагал строительство большой церкви на фундаменте храма, сгоревшего во время сильнейшего пожара 1666 года, когда почти полностью была уничтожена вся центральная часть английской столицы. Но это предложение было сразу отклонено королём. Ему хотелось, чтобы на этом месте возвели более грандиозное сооружение, чем предлагал Кристофер Рен. Второй проект предусматривал строительство церкви, имеющей в плане вид греческого креста. Однако и этому замыслу не суждено было осуществиться: король посчитал его слишком смелым. Третий проект Рена предполагал строительство огромного храма с куполом и двумя башнями-звонницами. Он был утверждён, и в июне 1675 года начались строительные работы, но вскоре Карл II вновь истребовал проект и приказал внести в него изменения, назвав их *декоративными.* Таким декоративным изменением стал пристроенный к основному сооружению купол собора Святого Павла, сформировавший современный образ собора — одной из самых важных достопримечательностей Лондона. Купол во многом повторяет свод, в виде полушария, базилики Святого Петра в Риме, построенной знаменитым итальянским зодчим Джованни Лоренцо Бернини.

Строительство собора Святого Петра началось в 1656 году, а закончилось в 1667-м. К этому времени у Бернини был уже колоссальный опыт строительства.

За год до Великого пожара 1666 года Кристофер Рен специально для встречи с Бернини съездил в Париж… Уже через четыре дня после лондонского пожара Рен представил королю подробный план восстановления Сити. Но смелое предложение архитектора было отклонено: слишком уж много противников оказалось у проекта, который противоречил их личным интересам. Хотя прими король тогда план Рена — и сегодня

Лондон был бы абсолютно другим городом.

И всё-таки, несмотря ни на что, Кристоферу Рену, главному инспектору Его Величества по строительным работам, доверили восстановить собор Святого Павла, больше пятидесяти церквей, тридцать шесть гильдий, таможни, Темпл-Бара, много частных и казённых зданий, а также возвести Монумент — колонну дорического ордера в память о пожаре 1666 года, уничтожившем тринадцать тысяч двести домов старого Сити. Прототипом Монумента явно послужила знаменитая триумфальная колонна Траяна в Риме.

Помимо этого, Рен спроектировал Гринвичский госпиталь — Королевский военно-морской инвалидный дом на южном берегу Темзы, учреждённый по инициативе английской королевы Марии II в 1694 году после одного из сражений во время Девятилетней войны, для призрения ветеранов британского флота.

Познакомившись с основными работами архитектора, Бетанкур не мог не восхититься его гением. На площади перед собором Святого Павла испанцам рассказали, как Рен по три-четыре раза в неделю, с риском для жизни, поднимался в корзине на вершину купола только для того, чтобы проверить качество строительных и отделочных работ. При этом он никогда не гнался за деньгами, получая всего двести фунтов в год. Сумма Бетанкуру показалась просто ничтожной! Но то, что мастер оставил после себя, нельзя выразить ни в каком денежном эквиваленте. Этот человек прожил жизнь не напрасно.

Войдя в собор, Бетанкур увидел под самым куполом три галереи: галерею Шёпота, наружную Каменную и Золотую. Чтобы подняться на Каменную галерею, ему пришлось преодолеть двести пятьдесят две ступеньки по довольно широкой винтовой лестнице. Ещё двести пятьдесят две ступеньки вели к расположенному под куполом шару, куда тоже, получив специальное разрешение, ему удалось проникнуть. Под ним оказалось все пространство собора; внизу медленно и бесшумно двигались маленькие фигурки людей.

Купол был украшен фресками на сюжеты из жизни и деяний апостола Павла. С Золотой галереи, маленькой и узкой, продуваемой всеми, какие только есть на свете, ветрами, можно было хорошо рассмотреть Лондон и ближайшие окрестности. А в галерее Шёпота испанцев поразил акустический эффект. Стоило тихо прошептать несколько слов — и они были слышны на противоположном конце галереи.

Бетанкур и Луго также посетили усыпальницу, где была могила Кристофера Рена, и прочитали на его надгробии эпитафию: «Lector, si monumentum requires, circumspice»[6].

Эти слова Бетанкур сделал девизом собственной жизни. Например, Исаакиевский собор в Петербурге — живая память о Бетанкуре.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ШПИОНАЖ

Когда испанцы получили ответы на все рекомендательные письма, Бетанкур встретился с физиками, увлечёнными электричеством. Этот новый, ещё не известный науке феномен натолкнул его на мысль о создании устройства для передачи сигнала на расстояние. Впоследствии он проведёт несколько опытов, но ему не хватило инструментария для получения мощного и устойчивого электрического импульса. Но идея создания связи на основе электричества надолго засела в его голове.

Главной целью поездки в Англию всё же оставалась теплотехника, а точнее, посещение фабрики Уатта и Болтона, где строились паровые машины. Благодаря рекомендательным письмам Бетанкуру удалось пробраться туда, но встретили его там высокомерно-холодно, сразу дав понять, что если бы он был не испанцем, а, например, подданным Королевств Франция или Голландия, то с ним здесь не стали бы даже разговаривать. Англичане в то время считали, что Испания в науке и технике настолько отсталая страна, что не представляет для них никакой угрозы.

Они рассказали испанцу, как в 1784 году Джеймс Уатт провёл в свою контору трубы из котельной и пустил по ним горячий пар. Так пар был впервые использован для центрального отопления. Но саму паровую машину Бетанкуру не показали. Тогда Августин, подкупив одного из служащих, посетил мельницу, где и была установлена одна из последних моделей Уатта. Паровая машина оказалась закрыта кирпичным ограждением. Но Бетанкуру всё же удалось разглядеть, что она лишена цепей, при помощи которых шток поршня парового цилиндра и шток поршня насоса крепятся к балансиру. Проанализировав увиденное, Бетанкур сделал вывод, что поршень рабочего цилиндра действует с одинаковым усилием в обе стороны, следовательно, эта модель имеет двойное действие.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР КОРОЛЕВСКОГО КАБИНЕТА МАШИН

10 декабря 1788 года Бетанкур и Ауго возвратились во Францию. Ещё задолго до отъезда в Лондон Бетанкур узнал, что в Испании готовится указ за подписью короля Карла III о назначении его директором Королевского кабинета машин. По возвращении из Англии граф Педро Пабло Абарка де Болеа де Аранда в испанском посольстве в Париже вручил указ Бетанкуру. Таким образом, наш герой стал первым директором Королевского кабинета машин в Мадриде, а самого кабинета, по сути, ещё не существовало. Он был только на бумаге. Но у Бетанкура появились все полномочия и финансы для его создания.

Первым делом он отправил в Мадрид несколько моделей и механизмов, которые Антонио Альварес уже сделал в Париже.

По полученным в Лондоне и Бирмингеме наблюдениям Бетанкур сконструировал паровую машину двойного действия и построил её действующую модель, что, в свою очередь, заставило его заняться исследованиями водяного пара, для чего он сконструировал специальный прибор. По результатам своих опытов через год он сделал доклад во Французской академии наук.

Модель парового механизма, построенная Бетанкуром в Париже, оказалась настолько хороша, что братья Перье установили её на своей фабрике в Гро-Кайу. Это была первая паровая машина во Франции, предназначенная для привода технологического оборудования. Подробное её описание можно найти во втором томе трудов французского ученого Гаспара Франсуа де Прони, напечатанных в конце XVIII века под общим названием «Гидравлическая архитектура».

КАРЛ III

1789 год начался для Бетанкура неспокойно. Ещё в канун Рождества он узнал, что 14 декабря в Мадриде от неизлечимой болезни скончался глубоко любимый им король Карл III. Вся жизнь Августина де Бетанкура проходила в его правление, и он даже не мог представить, что кто-то другой, кроме Карла III, способен управлять страной. В годы его правления (1759—1788) Испания полностью оправилась от материального и нравственного упадка, в котором находилась в начале XVIII века. Карл III привлёк к управлению государством умных и талантливых людей; среди них такие просвещённые министры, как Аранда, Флоридабланка, Кампоманес…

В стране были осуществлены коренные преобразования. Король отменил наиболее обременительные налоги, ввёл свободу хлебной торговли, улучшил дороги, восстановил флот, а в пустынной местности Сьерра-Морена основал поселения немецких колонистов. Карл III запретил ношение оружия в городах, издал законы против нищенства и бродяжничества.

До восшествия его на престол Мадрид был одним из самых грязных городов Европы, без уличного освещения и городских коммунальных служб. Король провёл водопровод, предписал во всех городах мостить улицы камнем и освещать фонарями.

На службу привлёк самых лучших испанских архитекторов. Своё правление он начал с грандиозных градостроительных реформ. Известный итальянский архитектор Франческо Сабатини воздвиг величественный монумент Пуэрто-де-Алькала, здание Королевской таможни, оружейный завод в Толедо, достроил верхние этажи Королевского дворца в Мадриде. Самым интересным и плодовитым зодчим при Карле III был придворный архитектор Хуан де Вильянуэва — автор проекта музея Прадо. До вторжения Наполеона в Испанию именно в этом здании в течение нескольких лет находился Королевский кабинет машин. Его в 1788 году, ещё живя во Франции, возглавил Августин де Бетанкур.

Хуан де Вильянуэва разбил напротив Прадо Королевский ботанический сад, построил астрономическую обсерваторию, реконструировал Пласа Майор в Мадриде, спроектировал здание Академии истории и церкви Кабальеро де Грасиа. Принимал активное участие в реставрации отдельных частей Эскориала, например, в королевском парке построил Домик принца и Домик инфанта. Хуан де Вильянуэва — автор Касита дель Принсипе в Эль-Пардо. Поэтому не случайно Карла III впоследствии народ

удостоил титула самого лучшего мэра Мадрида.

Карл III основал много элементарных училищ, коллегий, военных школ, семинарий. В университетском преподавании, по его указу, были осуществлены важнейшие реформы. В стране учреждены экономические общества и различные академии, учёные, и все образованные люди активно привлекались на государственную службу. Среди них в первую очередь следует упомянуть Кампоманеса и Ховельянеса.

Население Испании за время правления Карла III увеличилось на 4 миллиона человек, а государственные доходы выросли втрое.

ВЕК РЕВОЛЮЦИЙ

При новом короле судьба Бетанкура становилась всё более неопределённой: во многом она зависела от расположения государственного секретаря Флоридабланки и испанского посланника во Франции графа де Аранда. А их положение при новом дворе было ещё более шатким, чем у Бетанкура.

В сложившейся ситуации Августин де Бетанкур принял единственно правильное решение: он продлил своё пребывание в Париже до 1791 года. За это время, без ведома короля, он оформил гражданский брак с Анной Джордейн и продолжил работу по созданию Королевского кабинета машин.

А во Франции, особенно в провинции, то здесь, то там вспыхивали народные волнения, горели замки и дворцы, усадьбы и загородные дома. В начале 1789 года угроза социального взрыва стала ощущаться не только в провинции, но и в самом Париже. Из рук в руки передавали стихотворение, начинавшееся словами: «Восстаньте, тени Равальяка». То есть граждане Франции призывали восстать из прошлого убийцу короля Генриха IV. Даже непосвящённым было ясно, что эта фраза означала призыв к насильственному устранению короля Людовика XVI. Люди сначала шёпотом, а затем всё громче и громче начали произносить слово «революция».

В 1775 году Франция уже прошла через кровавое крестьянское восстание, вошедшее в историю Европы под названием «мучной войны». Королю потребовались огромные силы, чтобы подавить его, но отдельные мятежи продолжались ещё долго.

В начале 1789 года очаги неспокойствия вспыхнули сначала на севере, затем на юге, потом охватили и некоторые западные провинции. При этом крестьяне оказались не одиноки. За ними стояли идейные вдохновители. В своём знаменитом романе «Эмиль» Жан-Жак Руссо писал: «Мы приближаемся к состоянию кризиса и к веку революций. Я считаю невозможным, чтобы великие европейские монархи продержались бы долго».

Бетанкур жил в то время, когда в Западной Европе сопоставление законов природы и законов, созданных человеком, было одной из отличительных черт передовой общественной мысли: рождались идеи о «естественных законах» и «естественном праве», о пагубности ухода человека от природы и её законов. В основе мировоззрения лежала механистическая картина мира. Мода на всё механическое зашла так далеко, что Декарт и Ламетри начали рассматривать человека как живую биомашину.

Высшая ступень живых организмов на Земле с антропологической точки зрения в данной системе координат представляла собой скорее результат, чем начало. По мнению философов, человек включался в общую картину мира как некий абстрактный, усредненный субъект, наблюдающий за объективным ходом событий и явлений, но не влияющий на них.

В итоге мир представал механическим целым, а Вселенная — собранием механизмов. Механистическая картина мира несла печать определенного стиля научного мышления, тяготевшего к формальной логике, метафизическому методу и натурализму.

В экономике основным средством производства становилась не земля, как раньше, а производственные силы и отношения, основанные уже не на мануфактурной, а на фабричной и заводской форме собственности. К 1789 году устаревшие феодальные законы вошли в противоречие с зародившимися капиталистическими отношениями, и разрешить их могла только революция.

ПАРИЖ

До женитьбы Августин де Бетанкур жил по соседству со своим братом Хосе, в обычном буржуазном доме, каких построили в Париже великое множество в 70-х годах XVIII столетия. Чтобы попасть в его квартиру, нужно было пройти через ворота слегка закругленной формы, располагавшиеся между двумя торговыми лавками: одна — кондитерская, другая — овощная. За воротами помещался маленький, плохо продуваемый ветром дворик; в одном из углов его был вырыт колодец. Слева каменная лестница с железными коваными перилами. Описывая полукруг, она вела на каменную площадку, выходившую двумя окнами во двор. Только с неё и можно было войти в квартиру Бетанкура, которую он снимал за 320 франков в месяц.

Нечастые гости обычно не стучали кулаком в дверь, которую им открывал слуга, и не дёргали за шёлковый шнурок для звонка, а громко били железным прутом о металлическую ручку, от чего все жильцы доходного дома вздрагивали. Рядом с дверью в стене было проделано окно, через него проникал неяркий свет в кухню.

Квартал в то время был неспокоен, и Бетанкуру пришлось несколько дней подряд спать с заряженным пистолетом под подушкой. Но, слава Богу, всё обошлось! Да и на его повседневной работе события никак не отразились.

После заключения «свободного союза» с Анной Джордейн они стали жить вместе и переехали в большую квартиру возле парка, неподалёку от Парижской школы мостов и дорог.

Получив в начале года дополнительное финансирование, Бетанкур приступил к созданию Королевского кабинета машин. Вот что по этому поводу он писал 6 марта 1789 года из Парижа отцу на Канарские острова: *«Сейчас королевский двор возложил на меня обязанность собрать коллекцию физических приборов. У себя дома продолжаю создавать коллекцию гидравлических механизмов, о чём я Вам уже писал; мне даны помощники: четыре столяра, семь слесарей и три чертёжника, два-три раза в день я проверяю их работу и своей рукой вношу изменения в каждый чертёж. С этой весьма однообразной работой меня примиряет то, что мне никто ни в чём не противоречит и что создаётся лучший в Европе Кабинет машин».*

В этом же письме он послал и записку матери, в ней говорилось: *«Сейчас, кроме тех дел, о которых я уже написал отцу, занят созданием ткацкого станка, который позволит одному человеку соткать в день 100 вар превосходного атласа. Я уже много придумал для этого и надеюсь, что через неделю*

ткацкий станок будет полностью готов. С ближайшей почтой я сообщу Вам о результатах. Как Вы видите, у меня множество дел: паровые машины, ткацкий станок, создание коллекции физических приборов, и к тому же я должен постоянно писать письма сеньорам, состоящим при королевском дворе».

В этот же день, 6 марта 1789 года, он написал письмо и своему брату Хосе, находившемуся в Кадисе. Бетанкур сообщал ему: *«Моя паровая машина, после моей поездки в Лондон, претерпела значительные изменения. Без каких-либо изменений осталась только четвёртая часть механизма; сама паровая машина, хотя внешне она осталась такой же, какой и была, стала вдвое мощнее. Мсье Перье видел мои чертежи и остался настолько удовлетворён, что вскоре обновленная машина будет испытана. Напиши мне, что думают о паровых машинах в морском ведомстве».*

Текст письма показывает, что уже в 1789 году Бетанкур размышлял о судне, которое можно было бы привести в движение с помощью паровой машины. Впервые такое судно будет построено в Америке Робертом Фултоном в 1807 году. В конце XVIII века ни в Испании, ни во всей Западной Европе в использование силы пара для движения морских транспортных средств никто ещё не верил. Августин де Бетанкур и здесь на несколько лет обогнал время.

В архиве испанского посольства в Париже сохранилась следующая запись от 29 ноября 1789 года: *«Все работы, которые делает Бетанкур, безупречны, и точность и умеренность, с которой он ведет свои счета, не оставляет желать лучшего. Хотя он мог бы включить в них стоимость как своего жилья, так и пенсионеров, так как большая часть их жилья занята моделями и машинам. Однако он учитывает в счетах Его Величества лишь часть, соответствующую мастерским, а всё остальное оплачивает из собственных средств. Каждое изменение, внесённое в приобретённые машины, планы и прочее, он засчитывает лишь как простую работу по копированию. Что же касается строительства и покупок, то этим он обязан только своему умению».*

Эта запись лишний раз подтверждает, что Бетанкур, какой бы ни занимал пост, всегда был безупречно честен с государственными деньгами. Ни одна копейка или песета из государственной казны не прилипла к его рукам, хотя через него проходили десятки, если не сотни миллионов рублей и реалов. Испанский историк техники Антонио Рюме де Армас, автор книги «Политическое завещание графа Флоридабланка», подсчитал, что на создание Королевского кабинета машин, включая закупку

готовых экспонатов, стоимость материалов и работ, разъезды и путешествия, а также выплаты на содержание стажёров и отправку коллекции в Мадрид, казна отпустила Бетанкуру 720 тысяч реалов, или 180 тысяч ливров.

Из этих расчетов видно, что испанское правительство не жалело денег. А Бетанкур иногда так увлекался при закупке деталей машин и механизмов, что влезал в непредвиденные долги. Но испанский посол во Франции граф де Аранда неизменно защищал его. *«…долг,* — писал он, — *произошел оттого, что он* (Бетанкур. *— Д.К.) создал себе место среди учёных и инженеров, приглашая их и радушно принимая за свой счёт; любой другой потребовал бы такую сумму всего за каких-нибудь два или три из добытых им секрета, так что мы должны быть очень довольны, что приобрели их за такую цену».*

Конечно, здесь, в дипломатической переписке, испанский посол даже не косвенно, а прямо признается, что Августин де Бетанкур занимался промышленным шпионажем и ему отпускались деньги не только на создание Королевского кабинета машин, но и для сбора информации о промышленности Франции и Англии.

Тем временем во Франции политическая обстановка обострялась с каждым месяцем. Приближение революции уже давно сказывалось на всех сторонах жизни Парижа. Король, боясь революционной ситуации, принимал суровые меры. Они прежде всего коснулись деятелей искусства, в первую очередь литераторов и художников. Не обошли стороной и театр: по личному указанию Людовика XVI была запрещена трагедия Мари-Жозефа Шенье, созданная на материале французской истории времен Карла IX. Трагедия была посвящена «Свободному человеку Свободной Нации». В ней изобличалось коварство короля, стремившегося уничтожить гугенотов, используя религиозный фанатизм толпы. Обойдя все запреты, с большим трудом пьеса появилась на сцене «Комеди Франсез», и Бетанкур, как тонкий знаток театрального искусства, был на одном из премьерных спектаклей.

Однако, несмотря на отдельные всплески, культурная жизнь в 1787—1789 гг., по сравнению с первыми годами жизни Бетанкура в Париже, значительно померкла. Академия художеств полностью потеряла независимость и подчинилась королевской опеке. Были упразднены Школа покровительствуемых учеников, Школа Академии святого Луки, и, самое главное, запретили популярные публичные выставки художников, не принадлежавших к академии.

Эти события задели Бетанкура за живое — у него к тому

времени сложились дружеские отношения с двумя французскими живописцами — Жаном Оноре Фрагонаром и Жаном-Батистом Грёзом. Немного позднее Бетанкур узнал, что его друг Фрагонар очень болезненно переживал этот период, к тому же у художника умерла восемнадцатилетняя дочь, и он, бросив Париж, уехал в свой родной Грасс. Больше они уже никогда не встречались.

Что касается Французской академии наук, то там дела обстояли иначе — жизнь била ключом.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Это научное учреждение было основано в 1635 году по распоряжению кардинала Ришелье прежде всего для изучения изящной словесности. Но в 1666 году, по предложению государственного министра Жана-Батиста Кольбера, для защиты и поддержки французских учёных в рамках академии Людовик XIV открыл Академию естественных наук. Она состояла из пяти отделений физико-математических наук, шести отделений химических и естественных наук и отделения применения науки в промышленности.

В течение многих лет академия ежегодно присуждала премии за лучшие научные работы; победителей награждали медалями, распределяли стипендии молодым учёным, иногда, за отдельные выдающиеся заслуги в области естественных наук, они пополняли ряды академии.

В 1790 году за доклад «О расширяющей силе водяного пара» Бетанкур получил в Академии наук поощрительную премию. Премия в том году досталось не только ему. Многие учёные и инженеры в разных областях науки в то время совершали большие и малые открытия. Однако внедрить их в производство было сложно. Крупные предприятия уже существовали в Лангедоке, в Севеннах работали суконные мануфактуры, в Нормандии — фабрики шерстяных и хлопчатобумажных материй, в долине Луары, в Туре, Руане, Лионе — фабрики шёлковых изделий, в Арденнах — металлургические заводы, в Артуа — каменноугольные копи, в Бордо — сахарные заводы и кораблестроительные верфи. Все они нуждались в нововведениях и переходе от кустарного производства к работе с помощью паровых машин и механизмов.

Но цеховая регламентация, устаревшие законы, многочисленные таможенные барьеры, не только внешние, но и внутренние, сдерживали промышленное развитие Франции. Король, боясь потерять финансовые рычаги правления, не позволял крупным предприятиям господствовать в промышленности. Власти поощряли цеховых и мелких производителей, работающих на дому. Такие мастера находились в зависимости от скупщиков-торговцев или владельцев мануфактур, получая от них сырой материал и им же сбывая продукцию. Такая форма собственности была не страшна господствующему классу.

«НАУКА НУЖНА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОКОРЯТЬ ПРИРОДУ»

Как только весной 1789 года Бреге и Бетанкур решили немного расширить своё обувное производство, им тут же из Версаля дали понять, что этого делать не следует. Поэтому неудивительно, что после революции 14 июля 1789 года среди её вождей оказалось так много друзей и знакомых Абрахама Луи Бреге. Однако, несмотря на протекционистские меры, Франция после революции не стала лидером европейской промышленности. Её товары не выдерживали конкуренции не только с английскими, но даже с итальянскими, швейцарскими и австрийскими. Паровые машины, как и раньше, применялись только на водокачках и в угольных шахтах компании «Анзен», где их было установлено двенадцать. В бумагопрядении, например, паровая машина во Франции впервые была запущена только в 1812 году.

В народе насаждалось мнение, что «богатство не может быть титулом: торговля иссушает душу постоянной страстью к наживе, поэтому у коммерсанта нет ни веры, ни отечества, а только забота о прибыли». Бетанкур не разделял этой точки зрения: он всегда считал, что экономика — такая же творческая наука, как математика или физика. И хотя Испания была более отсталой, чем Франция, у себя на родине Бетанкур никогда не видел, чтобы крестьянки не имели бы ни одной пары чулок или башмаков, а крестьяне из-за отсутствия деревянной или иной обуви ходили бы босиком.

А во Франции в любой неурожайный год от голода умирали сотни тысяч человек. Несправедливое распределение доходов всегда возмущало Бетанкура; он искренне верил, что с развитием науки и техники произойдёт не только облегчение тяжёлого физического труда, но и обязательно повысится материальное благополучие всего населения планеты. Однако до этого было ещё далеко.

В это время Франция была крестьянской страной. К концу XVIII века доля городского населения составляла всего 12%, а в Англии — 23%, в Нидерландах — 37%, в Италии — 17%, в Португалии — 16%. Даже в сельскохозяйственной Испании она была больше, чем во Франции, и составляла 13%.

При Людовике XVI сельское хозяйство оставалось основой экономики и находилось в крайне отсталом положении. Около трети годных к обработке земель не возделывались и были

покрыты песком или вереском. Орудия и способы обработки земли были весьма примитивными: в большей части Франции преобладало трехполье, однако кое-где сохранялось двухполье. Урожайность была значительно ниже, чем в Англии. Только в редких случаях крестьянин являлся землевладельцем. Как правило, он арендовал надел у сеньора, выплачивая за это весьма высокий ценз и хлебный оброк — шампар.

Французская революция покончила с устаревшими формами промышленности и землепользования, освободив энергию предпринимателей и народных масс. Но буржуазия ещё долго испытывала потребность в объединяющем начале — органах, где можно было обсуждать вопросы экономической политики государства и таким образом оказывать давление на правительство. В конечном итоге такими органами стали промышленные и торговые палаты. Многие вопросы, обсуждавшиеся в них, касались научно-технического прогресса.

Вот что писал по этому поводу знаменитый французский химик Шапталь: *«Раньше открытия учёных оставались мёртвым грузом в их письменном столе или же в записках академий, а фабриканту, казалось, и в голову не приходило, что их применение может ему пригодиться в делах… Нынче же между ними сложилось в высшей степени интенсивное взаимодействие: мануфактурщик спрашивает совета у учёного… и, поддерживая друг друга, они вместе идут по пути совершенствования промышленности»*.

Итак, философский принцип Фрэнсиса Бэкона: *«Наука нужна для того, чтобы покорять Природу и ставить её силы на службу человека»* — был положен в основу буржуазного общества. Такое взаимодействие науки с производством не могло не сказаться и на развитии высшей технической школы во Франции.

ОРДЕН СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Живя в Париже, Бетанкур пристрастился к французской литературе и часто, уже в Петербурге, поражал собеседников глубоким знанием Корнеля, Расина, Боссюэ, Лафонтена, Вольтера или Руссо. Литература всегда была предметом его особого интереса; он не только был начитан, но и часто наизусть цитировал многих авторов. Это поднимало его в глазах Александра I, тоже считавшего себя знатоком французской литературы. Поэтому русский царь любил приглашать Бетанкура не только на рабочие встречи, но и на светские.

В 1810—1811 годах это случалось очень часто. Один такой приём, устроенный в честь дипломатического корпуса, прошёл летом 1811 года в Петергофе. На балу в Большом Петергофском дворце генерал Бетанкур получил из рук царя орден Святого Александра Невского — золотой крест с лучами, покрытыми красной эмалью, между ними, под императорской короной, золотые двуглавые орлы с венками в лапах. В центре креста Бетанкур разглядел изящное конное изображение Александра Невского, в боевом облачении синего цвета, в красном плаще. Вокруг центрального медальона на красном поле золотыми буквами девиз ордена «За труды и Отечество». Эта награда в России являлась высокой и довольно редкой, поэтому все присутствующие тут же устремились к Бетанкуру с поздравлениями. Среди них и посол Соединённых Штатов Америки Джон Квинси Адаме с супругой.

ПОСОЛ ДЖОН КВИНСИ АДАМС

С этим посланником Августин де Бетанкур встречался уже не раз. Первая встреча состоялась год назад у Аааваля, французского эмигранта, потерявшего во время революции всё своё состояние, но удачно женившегося на русской княгине Козицкой, принадлежавшей к одной из самых богатых семей России, и таким образом с лихвой вернувшего утраченное богатство. Господин Лаваль, в прошлом принц де Лаваль-Монморанси, был тонким знатоком литературы и изящных искусств. Чета Бетанкур любила бывать у него в гостях — там собиралось образованное общество Петербурга.

В последний раз господин Лаваль хвастался перед Адамсом и Бетанкуром своими новыми приобретениями — картиной «Рисская зарисовка» итальянского живописца Джованни Гверчино и футляром, расписанным фламандским художником Давидом Тенирсом-младшим, за него он выложил неслыханную по тем временам сумму — четыреста дукатов.

Постепенно Бетанкур и друг Лаваля — американский посланник Адаме сблизились. Этому прежде всего поспособствовали их супруги — обе, несмотря на домашнюю занятость и светский образ жизни, чувствовали себя в России весьма одиноко. При встрече с Адамсами жена Бетанкура любила повторять шутку: познакомившись с Бетанкуром во Франции, Томас Джефферсон стал президентом Соединенных Штатов. Поэтому, с легкой руки Августина, по возвращении домой Джон Квинси Адаме также обязательно станет президентом.

Истории неизвестно, вспоминал ли Джон Квинси Адаме 4 марта 1825 года заснеженный Петербург и Анну Джордейн, когда, положив правую руку на Библию, давал присягу, вступая в должность американского президента. Однако доподлинно известно, что Джон Квинси Адаме, бывший посланник Америки в России, стал шестым президентом Соединенных Штатов.

А пока, в 1811 году, жены Августина де Бетанкура и Джона Адамса дружат и часто ездят друг к другу в гости. Госпожа Адаме никому не поверяла душевных тайн, кроме мадам Бетанкур, а та, в свою очередь, в свете держалась так, будто знала обо всём намного больше, чем все остальные.

Весной 1812 года Джон Квинси Адаме оставил в своём дневнике следующую запись:

«20 мая. Мы получили печатные приглашения от генерала Бетанкура присутствовать при аттестации студентов Института путей и сообщений, иными словами, Школы

инженеров, сегодня и завтра с 10 до 14 часов, а между 10 и 11 утра я пришёл с мистером Смитом.

Экзамен касался в первую очередь математических дисциплин — арифметики, алгебры, теории количественных отношений и прогрессий с построением логарифмов при использовании таблиц, элементарной геометрии, планиметрии, таблиц синусов и объяснения принципа действия необходимых средств.

Пришедшим студентам было, как мне показалось, от 14 до 19—20 лет, а экзамен был настоящим и достаточно суровым. Задачи, предложенные для решения, были для них совершенно неожиданными. Ряд их, требовавших долгого и с ложного решения, предлагались присутствовавшими гостями, а не собственными преподавателями. Они подключились к решению с готовностью и усердием — при весьма небольшой помощи своих учителей, при этом достигалась наибольшая точность. Я говорю "приблизительно", потому что большая часть экзаменационных вопросов была вне моей компетенции, и потому я не мог следить за скоростью решений, которая удавалась им.

21 мая. Этим утром я был в Школе инженеров на второй день экзаменов. Экзаменовали старших — 19—20 лет. Думаю, они готовились к окончанию Школы. Их спрашивали по широкому кругу вопросов — от вычисления конусов до бесконечных рядов чисел. В основном все отвечали быстро и уверенно, хотя встречались и ошибки, вызванные, видимо, смущением от необычной обстановки.

Главными экзаменаторами были четыре французских офицера, приглашенные в школу, а теперь собиравшиеся вернуться во Францию. Всем заведением управлял генерал Бетанкур, испанский офицер, всего три года проведший на русской службе. Экзаменовались четыре или пять молодых людей. К двум часам дня экзамен был окончен. Г-н Безерра был единственным французским посланником, который сидел рядом со мной. В его распоряжении было не более получаса. Экзаменовали их хорошо. К рисункам прилагались фамилии профессоров и экзаменуемого. Среди профессоров — Тома де Томон, которому принадлежали все эскизы.

Великолепное здание, где находилась школа, и прилегавший к нему большой и элегантный парк были приобретены князем Юсуповым. Просторный зал, где проходил экзамен, предназначался для библиотеки, но книг пока не было. Вдоль стен размещались книжные шкафы, а в восьми—десяти футах выше находилась галерея, к которой примыкали учебные помещения, иногда высотой в два этажа, в алфавитном порядке и по отраслям науки. Почти все шкафы были пустыми, на дверях, ведущих в зал, были лишь изображения книг. Зал, таким образом, служил своеобразной эмблемой обучения. Впрочем, для этого учебного заведения не

требовалось слишком много книг, так как упор делался исключительно на математику.

Впрочем, князь Юсупов, владелец дома, располагал великолепной библиотекой, которую, полагаю, он здесь и разместил. Всё сохранилось в первозданном виде. Расходы на содержание школы были немалыми, тем более что занятия вели иностранцы. Среди девяти или десяти профессоров, проводивших экзамен, только один мне показался похожим на русского: он постоянно вмешивался в ход решения, иногда пытаясь помочь и тем, кто в этом не нуждался, а иногда и смущая их вместо того, чтобы просто помочь. Генерал Бетанкур при этом высказывал взглядами и жестами своё неудовольствие и, наконец, потребовал, чтобы молодым людям не мешали делать своё дело».

ПЕРВЫЙ В МИРЕ ЗЕМЛЕЧЕРПАТЕЛЬНЫЙ ЭКСКАВАТОР

В 1811 году Бетанкур, как всегда, много работает. По заказу Адмиралтейства он создает первый в мире землечерпательный экскаватор. В основу был положен механизм ковшовой драги, созданной ещё в XVII веке немецким инженером Мейером и представлявшей собой транспортер с черпаками, — таким образом процесс черпания стал непрерывным. Бетанкур только заменил в ней тяговую силу на паровую. По его проекту на Ижорском заводе изготовили паровую машину мощностью пятнадцать лошадиных сил с двумя валами и установили её на барже. Производительность экскаватора превзошла все ожидания, превысив показатели самых лучших европейских дноуглубительных машин в пятьдесят раз.

В августе 1812 года землечерпательный снаряд Бетанкура был доставлен в Кронштадтский порт, где без капитального ремонта проработал около восьми лет. Ковши бесперебойно черпали со дна песок и глину и опрокидывали их в лодки, отвозившие груз на берег. Таким образом была полностью очищена и углублена акватория Кронштадтского порта, а также прочищены реки и каналы острова Котлин. Немного позднее на Ижорском заводе была создана ещё одна паровая землечерпалка по проекту Бетанкура — её использовали для углубления реки Ижоры.

КАМЕННООСТРОВСКИЙ МОСТ

В 1811 году Бетанкур приступает к проектированию Каменноостровского моста через Малую Невку, соединившего Каменноостровский проспект с Каменным островом. Раньше на этом месте находилась наплавная переправа, построенная по проекту архитектора А.Ф. Виста ещё в 1760 году, но к 10-м годам XIX века она совершенно устарела. Бетанкур сконструировал деревянный семипролетный арочный мост, за ним в народе на долгое время закрепилось название — Бетанкуровский. Этот мост оказался единственным выдержавшим знаменитое наводнение в Санкт-Петербурге в ноябре 1824 года. Все остальные мосты в столице в тот злополучный день были разрушены или смыты водой.

Строительство моста велось под руководством инженеров А.Д. Готмана и С.О. Пантелеева и было завершено в 1813 году. Мост стал достижением отечественной инженерной мысли того времени и послужил образцом для строительства аналогичных мостов. Речные устои моста были сварными, а береговые — каменными, из розового гранита, на свайном основании. Их установил известный «камнетёсных дел мастер» Самсон Суханов, попавший на строительство моста по рекомендации профессора Института Корпуса инженеров путей сообщения и главного архитектора Санкт-Петербургской биржи Жана Тома де Томона, бежавшего в своё время из Парижа от террора якобинцев и поселившегося сначала в Вене, а затем в Петербурге.

КАМЕНОТЁС САМСОН СУХАНОВ

Первая встреча Бетанкура с Самсоном Сухановым случилась весной 1812 года и произвела на испанца удручающее впечатление. Перед ним стоял человек высокого роста; лицо его обезображивал глубокий узкий шрам от верхней части лба до шеи, он прорезал всю левую щеку, делая её одутловатой. И хотя толстый красный рубец давно затянулся, борода на нём не росла. Наружность мастера напомнила Бетанкуру забытые картинки детства: береговая охрана Канарских островов привозила на Тенерифе пойманных в Атлантическом океане карибских или марокканских пиратов, их внешний вид очень походил на облик «камнетёсных дел мастера»

Суханова. Не хватало одного — золотой или серебряной серьги в ухе. Но, познакомившись с этим человеком ближе и оценив его незаурядный талант, Бетанкур нежно полюбил русского самородка и в дальнейшем использовал его во многих самых важных архитектурных проектах.

Родился Самсон Суханов вблизи деревни Завотежицы Евдской волости Вологодской губернии в 1768 году. Рано покинув родной дом, примкнул к поморам, ходившим за рыбой к острову Грумант. Сейчас это место известно как архипелаг Шпицберген. После короткой, но кровавой схватки с белым медведем у Самсона навеки было изуродовано лицо — шрам не скрывала даже густая борода. Больше в море с поморами он никогда не выходил. Работал на берегу: строил водяные мельницы, шил сапоги, валил лес, точил веретёна, ложки, трудился на Якорном заводе в Архангельске. От бурлаков (с ними ходил по Волге) услышал о диковинном городе — Петербурге.

Когда Самсону было около тридцати лет, решил отправиться в столицу. Примкнув подручным к купеческому обозу, оказался на берегах Невы. В это время требовались каменотёсы на строительстве Михайловского замка, и, хотя у Самсона не было никаких навыков в этом деле, его приняли: он очень быстро освоился, научившись виртуозно владеть молотом и зубилом. Старые мастера посоветовали ему вникнуть в тайну камня, понять его и только тогда приступать к работе. «Иначе толку не будет!» — говорили они. Пропустив наставления учителей через сердце, Самсон научился разговаривать с камнем, и камень сам подсказывал, где нужно зубилом прицелиться и как потом по нему молотом ударить. Подрядчики скоро заметили, что камни, обтёсанные Самсоном Сухановым, отличаются от остальных, и стали давать ему более сложные задания.

После постройки Михайловского замка Самсон Суханов сколотил собственную артель — стал работать не на подрядчика, а сам заключал договоры с заказчиками. К нему в артель потянулись самые лучшие мастера-каменотёсы не только из Петербурга, но и со всей России. Самсон Суханов освоил грамоту, азы арифметики, геометрии, научился читать архитектурные чертежи. Первым крупным самостоятельным подрядом стал Казанский собор: его артель должна была возвести колоннады, обращенные к Невскому проспекту, а также изготовить пятьдесят шесть монолитных гранитных колонн внутри собора. Кроме того, изготовить пьедесталы для скульптур и каменные полы по всему периметру собора.

В то время работу мастеровых, в отличие от труда архитекторов, отмечали редко, а Самсона Суханова за строительство Казанского собора наградили золотой медалью.

Потом пришёл черёд Стрелки Васильевского острова. Артель Самсона Суханова вела земляные и каменные работы: перед зданием Биржи насыпали целую площадь, искусственно расширив её и отодвинув Неву на сто двадцать три метра, воплотив таким образом в жизнь замысел Тома де Томона — создание уникального архитектурного ансамбля Стрелки Васильевского острова. Одновременно с устройством на Стрелке гранитной стенки по рисункам Ивана Прокофьева Суханов высек скульптуру бога Нептуна, с трезубцем в руках, на колеснице, украсившую центральный фасад только что построенной Биржи. На противоположной стороне здания мастер создал скульптурную композицию — богиня Навигация с Меркурием и двумя реками. Артель Самсона Суханова возвела на Стрелке Васильевского острова ростральные колонны высотой тридцать два метра. Из пудожского камня выбил резец мастера несколько аллегорических фигур, изображавших русские реки — Неву, Волгу, Волхов и Днепр. Предание гласит, что знаменитые шары на стрелке Суханов вырубил из гранита на глаз, не используя никаких измерительных приборов.

Затем артель работала на строительстве Горного института (архитектор Андрей Воронихин). Суханов принимал участие в создании скульптурных композиций в Адмиралтействе.

Пригласив на стройку Каменноостровского моста артель Самсона Суханова, Бетанкур не прогадал.

МОЛОЧНИЦА С РАЗБИТЫМ КУВШИНОМ

Параллельно со всеми своими многочисленными работами Августин де Бетанкур продолжал заниматься реконструкцией Таицкого водопровода для Царского Села и Павловска. Она окончательно будет завершена только к 1819 году.

В конце 1810 года, благодаря совместной работе Бетанкура с талантливым русским скульптором Павлом Соколовым, в литейной мастерской Академии художеств отливают бронзовую скульптуру «Молочница с разбитым кувшином». Почему именно молочница? Да потому, что это знаменитая героиня одной из басен Жана Лафонтена, любимого поэта Августина де Бетанкура и Александра I.

Об этой бронзовой статуе через несколько лет Александр Пушкин, вспоминая в 1830 году в Болдино Царскосельский лицей, напишет:

Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила. Дева печально сидит, праздный держа черепок. Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой, Дева, над вечной струёй, вечно печальна сидит.

Знал ли великий русский поэт, что памятник «юной деве» был установлен в Екатерининском парке в 1816 году стараниями Бетанкура: тот сам выполнил все гидравлические работы, чтобы из горлышка разбитого кувшина тонкой струйкой сочилась прозрачная вода, напоминая о хрупкости человеческого бытия и призрачности воздушных замков. Не зря Пушкин кувшин называет урной — сосудом для сбора и захоронения праха умерших. Разбитый кувшин символизирует смерть, а струя воды — бессмертие. Бетанкур всегда считал, что именно вода хранит в себе тайну вечности. Неслучайно из единственного родника в Екатерининском парке он сделал архитектурную композицию в виде грота, но, к сожалению, в середине XIX века он был уничтожен. А фонтан «Молочница с разбитым кувшином» уцелел.

Во время Второй мировой войны скульптуру спрятали, закопав глубоко в землю, где она пролежала более трех лет. Захватчики искали её, чтобы отправить на переплавку, но так и не нашли. По иронии судьбы именно в Царском Селе, на Павловском шоссе, в замке Самойловой, недалеко от того места, где было зарыто бронзовое изваяние, располагался штаб 250-й дивизии испанских добровольцев, вошедших в историю Второй мировой войны под названием *División Azul* (Голубая дивизия).

Сегодня бронзовый оригинал статуи Павла Соколова

«Молочница с разбитым кувшином» (её авторская гипсовая модель хранится в Государственном Русском музее) помещён в фонды музея-заповедника, а в Екатерининском парке установлена копия.

В дальнейшем Павел Соколов участвовал в создании Египетского, Банковского и Львиного мостов в Санкт-Петербурге: их строил инженер Вильгельм фон Треттер, много лет проработавший под руководством Бетанкура.

СКУЛЬПТОР ИВАН ПЕТРОВИЧ МАРТОС

В 1811 году в особняке графа Николая Петровича Румянцева на Английской набережной Бетанкур познакомился со знаменитым русским скульптором, профессором Академии художеств Иваном Петровичем Мартосом и сразу заказал ему гипсовый бюст Александра I. Этот бюст долго будет украшать его рабочий кабинет в Институте Корпуса инженеров путей сообщения.

Уже из первой беседы выяснилось, что Иван Петрович учился в Италии рисунку у немецкого живописца Антона Рафаэля Менгса, придворного художника испанского короля Карла III. Менгс был близок с учителем Бетанкура художником Мариано Сальвадором Маэлья. Между Бетанкуром и Мартосом тоже возникла дружба, и они пронесли её через многие годы. Оба были творческими людьми, да и познакомил их общий любимец — граф Николай Петрович Румянцев; с ним они не раз будут играть в карты и ездить под Гатчину на псовую охоту.

Иван Петрович Мартос ещё до того, как стал ректором Академии художеств в Петербурге, неоднократно посещал Бетанкура, жившего с семьёй в Юсуповском дворце на Фонтанке. Мартос очень не любил говорить по-русски, несмотря на то что родился в Малороссии и с шести лет учился в Петербурге. По национальности он был грек, и говорить по-русски ему всегда было в тягость. Поэтому он сходился быстрее с французами и англичанами, чем с соотечественниками. В семье Бетанкура, где обычно говорили по-английски, а при посторонних по-французски, Мартос чувствовал себя уютно. К тому же ему очень нравились дети Августина Августовича, особенно младший Альфонсо — ему он обычно приносил подарки. Ребёнок обожал, когда Иван Петрович приходил в гости.

В Институте Корпуса инженеров путей сообщения была прекрасная русская баня, которую Бетанкур усовершенствовал своими руками. Горячий сухой пар там всегда был отменный, и по субботам Мартос специально приезжал со своим веником к Бетанкуру, чтобы вместе попариться. Температура в парилке порой достигала 100°С. Бетанкур и Мартос никогда никому не доверяли своих веников, а парились сами, в конце процедуры обливая друг друга холодной водой. А после бани обязательно пили мадеру и курили кальян с ароматным ширазским табаком.

МАДАМ БЕТАНКУР И МИССИС АДАМС

По субботам днём в апартаментах Анны Джордейн почти всегда находился кто-нибудь из посторонних. Часто у неё в гостях бывала жена американского посланника в России миссис Луиза Кэтрин. Иногда её сопровождала свояченица, к чарам которой был неравнодушен сам император Александр I. Луиза Кэтрин находилась на восьмом месяце беременности, и мадам Бетанкур, мать четверых детей, консультировала её, стараясь дать полезные советы. Даже начавшаяся в 1812 году англо-американская война никак не отразилась на отношениях двух женщин, очень любивших посплетничать. Одной из главных тем была дороговизна в Петербурге.

Семьям Бетанкура и американского посланника для нормальной жизни постоянно не хватало денег. И не просто не хватало, а не хватало катастрофически! Более дорогого города, чем Петербург, они ещё никогда не встречали. Северная столица могла разорить кого угодно, что уж говорить о скромном американском посланнике, получавшем от своей страны содержание девять тысяч долларов в год, в переводе на русские деньги приблизительно сорок тысяч рублей. При этом американскому посланнику постоянно требовалось устраивать приёмы и званые обеды. Это было немыслимо! К примеру, французский посол в России маркиз де Коленкур располагал суммой в двадцать пять раз большей, чем Джон Квинси Адамс. Экономя на всём, американский дипломат не мог, в отличие от своих европейских коллег, устраивать пышные приёмы, не говоря уже о музыке и фейерверках. Он также испытывал большие затруднения, когда в гости приглашали его самого.

В высшем свете Петербурга было принято каждый раз появляться в новом наряде. А что мог позволить себе скромный посланник, если сам президент Соединенных Штатов Америки в то время зарабатывал двадцать пять тысяч долларов в год?

Второй излюбленной темой бесед мадам Бетанкур и миссис Адаме были взаимоотношения Екатерины Павловны, жены принца Ольденбургского, с грузинским князем Багратионом. Как известно, принц Ольденбургский в это время занимал пост главного директора путей сообщения Российской империи и являлся прямым начальником генерал-лейтенанта Августина де Бетанкура. А Луиза Кэтрин была близка с женой Александра I — царствующей императрицей Елизаветой Алексеевной, не

ладившей со вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной и её дочерью Екатериной Павловной. Именно Елизавета Алексеевна распускала по Петербургу слухи о взаимоотношениях между сестрой императора и грузинским князем.

Ещё весной 1809 года, когда Александр I узнал, что и после замужества Екатерины Павловны её роман с Багратионом, вернувшимся из Финляндии, продолжается и ведется интенсивная переписка, он отправил строптивого генерала в Молдавскую армию под начало князя Прозоровского. Но и тогда интимная переписка не прекратилась, а только сделалась ещё более тайной. Хотя что можно было скрыть от петербургского света? Все знали, что жена Багратиона, урождённая графиня Екатерина Павловна Скавронская, внучатая племянница князя Потемкина, под предлогом лечения в 1805 году бросила мужа и уехала за границу.

Пётр Иванович сильно переживал разлуку с женой, но в 1807 году влюбился в другую Екатерину Павловну — родную сестру императора Александра I.

В Европе княгиня Багратион пользовалась большим успехом, приобрела известность в придворных кругах разных стран, родила дочь (как полагают, от австрийского канцлера князя Меттерниха). После смерти Петра Ивановича княгиня вторично ненадолго вышла замуж за англичанина, а после вернула себе фамилию Багратион. В Россию она уже не вернулась. Князь Багратион тем не менее любил жену. Незадолго до гибели он заказал художнику Волкову два портрета — свой и жены.

Но в 1811 году в Петербурге все обсуждали роман Багратиона с великой княгиней, хотя и не все в него верили. С 1810 года Багратион полностью утратил доверие Государя. Камер-фурьерские журналы уже не отмечали застолий царской семьи с его участием. Сам Бетанкур познакомился с Багратионом летом 1809 года в Павловске, где он часто навещал великую княгиню Екатерину Павловну. Генерал произвёл на Августина Августовича неприятное впечатление, прежде всего своей заносчивостью и надменностью. К тому же Бетанкур узнал, что Багратион находится в недружеских отношениях с графом Николаем Петровичем Румянцевым: между ними произошёл серьёзный конфликт из-за несогласованных действий в войне с турками в Валахии и Бессарабии.

Встреч с Петром Ивановичем Багратионом Бетанкур всегда избегал, и любая дурная весть о нём доставляла удовольствие Августину Августовичу. Что-то было в этом грузинском князе такое, что раздражало испанца: то ли темперамент, то ли хвастовство, то ли высокомерие… Бетанкуру он был неприятен.

Однако то, что Багратион был в тесной переписке с женой принца Ольденбургского, не могло не касаться его. Любую информацию, полученную от Луизы Кэтрин его женой, Бетанкур тщательно обдумывал и анализировал. К пятидесяти трём годам он уже был тёртым царедворцем и знал, что тот, кто владеет информацией, владеет ситуацией.

А ситуация в это время при русском дворе для Бетанкура была не самая лучшая.

ПЕРВЫЕ ДОНОСЫ

Несколько военных и гражданских генералов написали царю на Бетанкура жалобу, что он неправильно формирует учебный процесс в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. Слава Богу, она попала к Михаилу Михайловичу Сперанскому, который не дал ей ходу. Однако генерал-лейтенант Франс де Воллан то и дело в письмах жаловался вдовствующей императрице Марии Фёдоровне на Бетанкура, а она, в свою очередь, эту информацию доносила до ушей своего старшего сына. К тому же Бетанкур знал, что вдовствующая императрица очень благосклонно относится к генералу Багратиону и, как правило, всегда поддерживает его. Всё это, находясь при дворе, постоянно нужно было учитывать и держать нос по ветру, что Бетанкур и делал.

Он отлично понимал, что ни одно крупное дело в России провернуть невозможно, если на то не будет высочайшей милости Его Императорского Величества. А милость эта была ежесекундно подвержена разностороннему воздействию множества людей, находящихся при дворе русского императора, поэтому со всеми ими нужно было считаться, находить общий язык, чего добиться было почти невозможно — любой прямой контакт с царём уже раздражал этих людей. При этом, кто был в хороших отношениях со Сперанским, попадал в немилость к великой княгине Екатерине Павловне или военному министру Алексею Андреевичу Аракчееву. И таких примеров можно привести сколько угодно.

Однако долгое время Бетанкур очень искусно лавировал между русскими Сциллой и Харибдой. В России многие выступали не только против высшего технического образования, видя в нём зачатки атеизма, но и против всеобщего образования, полагая, что русское простонародье, обучившись грамоте, утратит христианское смирение и страх перед начальством. Бетанкур же всегда считал, что только просвещение народных масс может способствовать отмене крепостного права. Свою точку зрения он изложил однажды Александру I, но император отнёсся к ней весьма скептически — больше на эту тему с царём Бетанкур никогда не заговаривал.

СТОРОНЫ ЖИЗНИ

В XVIII веке Московская Русь, переименованная в Российскую империю, копировала всё европейское: одежду, причёски, военный строй, балы, театр, науки, архитектуру и т.п. За сто лет русская элита полностью сменила внешнее обличье. Но основа европейской жизни — права сословий и такие понятия, как «парламент», «конституция» и «республика», — изначально были вынесены за скобки. А Сперанский мечтал сделать эти понятия важной частью общественных отношений.

Александр I колебался. В стране с почти поголовно неграмотным населением любое движение к свободе было чревато взрывом. Вот и историк Карамзин, ближайший друг великой княгини Екатерины Павловны, написавший по её заказу «Записку о древней и новой России», подлил масла в огонь, выступив против либерализма. «Дать России конституцию, — говорил Карамзин, — в модном смысле есть нарядить какого-нибудь важного человека в гаерское (шутовское) платье. Россия не Англия, даже не Царство Польское. Самодержавие есть душа, жизнь её».

Будучи умным человеком и ловким царедворцем, Бетанкур быстро усвоил правило: в свете больше молчать, а на работе больше делать. Даже когда знатные русские вельможи спрашивали его, верит ли он в предсказания астрологов, он таинственно закатывал глаза и отвечал, что больше верит в Бога, чем в предсказания. Хотя католическую церковь посещал редко, ссылаясь на то, что жена англиканка, а одному, без супруги, ходить в церковь не хочется. Однако на все большие церковные праздники, такие как Рождество, Пасха, он обязательно посещал с детьми католический собор. Бетанкур постоянно испытывал чувство вины перед своими детьми, считая, что уделяет им очень мало внимания. Вспоминая своё детство на Канарских островах, он думал об отце, ежедневно по нескольку часов обязательно проводившем с детьми: он читал книги, решал математические задачи, учил, как пользоваться астролябией, через домашний телескоп смотрел на звёзды…

Изредка ходил с детьми Августин де Бетанкур гулять в Летний сад. Иногда после прогулки они заходили в Гостиный двор и покупали массу совсем ненужных вещей. Но не вещи интересовали детей, а их приобретение. Сам торг с продавцами доставлял всем неслыханную радость.

В 1811 году старшей дочери Каролине исполнился двадцать один год, Аделине — двадцать, Матильде — одиннадцать и,

наконец, Альфонсо — шесть. Несмотря на большую разницу в возрасте между первым и последним ребёнком, семья была очень дружной. Каролина и Альфонсо были не просто брат и сестра, а хорошие и добрые друзья, очень внимательно относившиеся друг к другу.

Кроме этих детей, Анна родила Бетанкуру ещё четверых, но все они умерли в младенчестве, поэтому к выжившим Августин испытывал повышенную отцовскую любовь. И хотя он безмерно любил всех своих дочерей и сына, но всё же выделял среди них старшую дочь Каролину: её, в силу сложившихся обстоятельств, в годовалом возрасте он оставил с матерью на произвол судьбы в революционном Париже.

БЕГСТВО ИЗ ПАРИЖА

Когда 28 июля 1791 года Бетанкур покинул Париж, вернувшись по приказу министра в Испанию, во Франции ему пришлось оставить жену с новорождённым ребёнком. Так как брак с Анной Джордейн был гражданский и по испанским законам недействительный, он не мог взять её с собой. Тем более что заключил он этот союз в парижском революционном муниципалитете без ведома не только испанского короля, но и католической церкви. Такой «греховный» поступок для карьеры официального представителя испанской короны во Франции мог иметь самые пагубные последствия.

Прожив без Бетанкура ещё какое-то время в Париже, мадам Джордейн вдруг поняла, что снова беременна. При этом представители революционной толпы украли у неё все деньги, оставленные ей Августином. Ближайшего товарища мужа, часовщика Абрахама Луи Бреге, в Париже в тот момент также не оказалось. Он уехал в Швейцарию. Занять денег было не у кого. Пришлось распродавать последние вещи. Одна, беременная, с годовалым ребёнком на руках, почти без денег, отправилась она через Ламанш в Англию, где родители встретили свою двадцатидвухлетнюю дочь без «особого восторга».

Впоследствии об этом периоде жизни ни она, ни Бетанкур не любили вспоминать. Более двух лет им пришлось провести в разлуке, и Анна Джордейн уже подумывала, что испанский гранд к ней никогда не вернётся.

ДВОРЕЦ БУЭН-РЕТИРО

Вместе с коллегами Бетанкур перевёз из Парижа собранные за три года макеты, а также машины и механизмы. Это позволило ему открыть в Мадриде выставку, на основе которой впервые в мировой истории науки и техники был создан музей инженерно-технических достижений. Большая часть коллекции была посвящена механизации строительных и дорожных работ, а также гидравлике. Один из товарищей Бетанкура, коллега по французской стажировке Лопес де Пеньяльвер, составил каталог собрания, насчитывающий 271 модель и 327 чертежей; значительная часть из них была выполнена Бетанкуром.

На выставке были представлены машины и механизмы, применяемые в широком диапазоне: от металлургии до ткацкого производства, включая машиностроение. Кроме того, в коллекции насчитывалось несколько моделей, изобретённых самим Бетанкуром. Это были машины для очистки портов от водорослей, пять типов насосов (в том числе три — приводимых в движение паром), модель паровой машины, землечерпалка для очистки портов с паровым приводом, ткацкий станок для производства лент, станки для обработки кожи, чертежи проектов машины типа экскаватора для производства дорожных работ. При этом в коллекцию также вошла библиотека манускриптов и книг, привезённых из Парижа. В дальнейшем Королевский кабинет будет пополняться чертежами и моделями уже испанского производства.

Заместителями директора Кабинета машин по специальному указу короля были назначены Хуан де ла Фуенте и Лопес де Пеньяльвер, а их помощником Томас Берг. Жалованье директора Кабинета машин составило двадцать четыре тысячи реалов в год, а сам Бетанкур получил звание интенданта.

К 1792 году Кабинет машин был полностью сформирован и открыт для широкой публики во дворце Буэн-Ретиро (Благое уединение). Это был не дошедший до наших дней королевский дворец близ Мадрида, построенный в начале XVII века герцогом Оливаресом; его портрет кисти Веласкеса сегодня можно увидеть в залах испанской живописи Эрмитажа. Герцог Оливарес какое-то время являлся фаворитом короля Филиппа IV. После смерти герцога дворец Буэн-Ретиро перешёл в казну и стал местом весеннего пребывания королевской семьи. Дворец разрушили французы в 1808 году во время наступления на Мадрид.

На открытие Кабинета машин в столицу приехал старший брат Бетанкура Хосе. Августин решил пригласить и Франсиско

Хосе де Гойя-и-Лусьентеса, но ему сообщили, что художник скверно себя чувствует, полностью потерял слух и скоро год, как он не берётся за кисть. Это известие опечалило Бетанкура, но, помня, какой характер был у Гойи и в светлую пору жизни, не стал испытывать судьбу.

Через какое-то время Августину стали выплачивать надбавку к основному жалованью — двадцать тысяч реалов. Часть личных средств снова стала уходить на приобретение моделей машин и механизмов, которые он постоянно заказывал то в Париже, то в Лондоне. Размышляя, Бетанкур пришёл к выводу, что большинство учёных-инженеров видят в них средство передачи усилия, тогда как они передают движение. «Поэтому машину, — рассуждал он, — нужно изучать не в состоянии покоя — статики, а в состоянии движения — динамики». Августин разложил все отдельные составляющие машины на элементарные механизмы и вывел принцип преобразования движения.

КАРЛ IV

Начало 90-х годов XVIII века было для Испании непростым временем. 14 декабря 1788 года престол достался сорокалетнему Карлу IV, второму сыну Карла III и его жены Марии Эмилии Саксонской. Почему второму? Старший брат Карла IV страдал тяжёлой формой эпилепсии. По материнской линии новый король унаследовал крупное телосложение и огромную физическую силу. Он даже чем-то напоминал своего родственника — короля Польши Августа II Сильного. В юности он любил борьбу с физически крепкими людьми; их искали специально по всей Испании. Однако внешность короля совсем не соответствовала его внутреннему содержанию. Это был человек добрый, доверчивый, с мягким и податливым характером, чем в корне отличался от своей жены Марии Луизы Пармской, приходившейся ему двоюродной сестрой по материнской линии. Она была полной противоположностью супругу — грубая и порочная, не терпящая никаких возражений, даже от самого короля.

Время от времени Карл IV пытался проявить остатки характера, но это скорее были редкие вспышки отчаяния, чем целенаправленная тактика. Да и вспышки эти, как правило, ни к каким результатам не приводили. Ещё в правление Карла III Мария Луиза вмешивалась в государственные дела. Так, она постоянно сталкивала между собой двух королевских министров — Флоридабланку и Аранда. Оба были покровителями Бетанкура, но из-за постоянных интриг Марии Луизы в конце концов стали враждовать.

После того как Карл IV занял королевский престол, его любимое занятие — охота — так и осталось на первом месте. Государственное управление практически полностью сосредоточилось в руках Марии Луизы. Сначала премьер-министром был назначен Флоридабланка, затем его сменил Аранда, которого в свою очередь отодвинул Мануэль Годой. Постепенно все преобразования, осуществлённые во времена правления Карла III, стали уходить в прошлое.

Мария Луиза, напуганная революцией во Франции, обратила взор в сторону инквизиции, и та сразу расцвела пышным цветом. Первым главным инквизитором в царствование Карла IV стал дон Агостино Рубин де Севальос, епископ Хаэна, умерший в 1792 году. К этому времени, особенно после изгнания иезуитов, образование в Испании полностью вышло из-под их тоталитарного контроля, и идеи просвещения на Пиренейском полуострове быстро набирали силу. В некоторых университетах

они сделались первостепенными, отодвинув теологические факультеты на задворки учебного процесса. Просвещение распространялось по университетским аудиториям. Королевский кабинет машин стал одним из эпицентров нового мышления, демонстрируя, чего может достичь научно-технический прогресс.

При этом абсолютная монархия осознавала, что развитие науки и образования, разрушая религиозное мышление народа, в конечном счёте сметёт и её. Поэтому процесс этот требовалось замедлить, взяв под контроль: идеи революционной Франции всё активнее проникали в Испанию. В Мадриде и Барселоне с жадностью читали книги, наполненные духом свободы, в них обсуждались права человека и отмена сословий. Вольнодумные идеи быстро распространялись и по испанским провинциям.

Мария Луиза от имени короля поручила главному инквизитору запретить и арестовать все французские книги, листки и журналы революционного содержания и рекомендовать всем военным и гражданским подданным тщательно наблюдать за ввозом «ереси» в Испанию. Кроме того, правительство упразднило кафедры естественного и международного права в университетах и других учебных заведениях.

Исполнить эту миссию выпало покровителю Бетанкура первому министру и государственному секретарю графу Флоридабланке. И хотя в душе он был противником таких мер, приказ короля безропотно выполнил, тем самым окончательно погубив себя в глазах не только испанской университетской профессуры, но и всего народа. Однако все усилия власти не только не предотвратили народного недовольства, а, наоборот, сделались его катализатором. Инструкции, данные правительством инквизиторам, привели к тому, что комиссары Святого трибунала начали повсеместно вмешиваться в систему образования, например, производить выемку книг из университетских библиотек. Людям было приказано доносить друг на друга. Только за 1792 год на Бетанкура в Святую инквизицию поступило несколько жалоб. В основном его обвиняли в сатанизме — ведь он мог передавать информацию на расстояние.

Дело в том, что в один из приездов из Парижа в Мадрид, в 1787 году, Бетанкур на глазах изумлённой публики установил связь между столицей и загородной летней королевской резиденцией в Аранхуэсе. Это был прообраз первого телеграфа. Сначала для этой цели Бетанкур хотел использовать электричество, но ему не хватило технических средств. Он остановился на световом сигнале: тот был устойчив и не требовал дополнительного оборудования.

ТЕЛЕГРАФ БРЕГЕ—БЕТАНКУРА

В 1790 году Бетанкур, уже вместе с Бреге, предложил новую конструкцию телеграфа, суть её заключалась в следующем: «Механизм для передачи сигналов состоял из вертикальной мачты, на вершине которой вращалась стрела, приводимая в движение лебедкой. При этом одновременно получала вращение система двух окуляров подзорных труб, направленных на две соседние станции. Линза каждого окуляра пересекалась диаметральной чертой. Шкив, приводящий стрелу во вращение, имел нанесённые на нём деления, находившиеся на равных расстояниях друг от друга. Каждое деление обозначалось буквой или цифрой. Наблюдатель при помощи окуляра следил, чтобы его черта была строго параллельна его стреле.

Сигнал длился 6—8 секунд. Таким образом, депеша передавалась в среднем за полчаса. Расстояние между двумя соседними мачтами равнялось 10—12 км. Для установления возможной непараллельности стрел была применена подвеска стрелы на шарнире Гука. Авторы проекта показали, в частности, что если вращение одной из осей будет равномерным, то вращение другой оси будет неравномерным, и вывели зависимость соответствующих угловых скоростей от углов, образуемых осями шарнира».

Опыт проводился в присутствии испанского короля и свиты, а затем о его положительном результате узнали другие европейские учёные, например такие как Гумбольдт и Араго.

Через два с половиной года после этих опытов в Святую инквизицию пришло сразу несколько доносов. Суть их была такой: только дьявол может передавать информацию на многокилометровые расстояния, поэтому неудивительно, что сегодня сатана скрывается под личиной Бетанкура. В то время доносов Бетанкур не боялся: при мадридском дворе у него ещё были сильные покровители, несмотря на то что 28 февраля 1792 года граф Флоридабланка был вынужден подать в отставку. Но Бетанкур уже чувствовал, что с каждым днём кольцо инквизиции вокруг него сжимается.

ИНКВИЗИЦИЯ

Сначала оговорёнными в ереси оказались студенты университетов Вальядолида и Саламанки — после повсеместного запрета естественного и международного права они продолжили изучать его самостоятельно. А после того как инквизиция арестовала посла Испании в Риме, главнокомандующего каталонской армией, многих профессоров и даже ректоров некоторых университетов, Бетанкур не на шутку испугался. Он стал искать возможности как можно скорее покинуть Испанию. Тем более, что его жена с двумя детьми находилась в Англии, и он стремился найти любые способы выехать туда.

Однако отношения между Испанией и Англией в то время были непростые, постоянно балансируя на грани войны и мира из-за разногласий по отношению к американским колониям. Первый президент США Джордж Вашингтон по этому поводу писал: *«Когда бы между европейцами ни возникал конфликт, если мы мудро и должным образом воспользуемся преимуществами, дарованными нам географией, мы сможем, действуя осмотрительно, извлечь выгоду из их безумств».*

Однако извлечь выгоду на этот раз США не удалось — военный конфликт между Испанией и Англией в самом начале 90-х годов XVIII века удалось разрешить дипломатическим путём.

Живя в Мадриде, Бетанкур сообщал родителям на Канарские острова следующее: *«Отец и сеньор, любимый все моим сердцем! По копии королевского указа, которую я послал Вам, — его позавчера мне передал министр иностранных дел — Вы увидите, что только милости короля я обязан сорока четырьмя тысячами реалов ежегодного жалованья, и это позволит мне продолжить поездки туда, куда я посчитаю нужным поехать.*

Считаю излишним напоминать Вам: всё, что у меня есть, принадлежит и будет принадлежать Вам; я буду пользоваться этими деньгами только в том случае, если Вы не будете нуждаться в них.

Я только что вернулся из Аранхуэса, сейчас восемь вечера, и, поняв, что ещё успеваю к сегодняшней почте, я и решил написать Вам о королевской милости, но чувствую, что не успею написать домочадцам, и прошу Вас передать им новости о милости короля и моём желании и т.д., а я напишу лично им в ближайшую почту.

Пепе уже написал Вам о том, что он удостоился благосклонности нашего монарха, и вот вчера король пожелал мне всего доброго и пожал мне руку, а я его руку поцеловал.

Времени для письма у меня больше нет. Остаюсь Вашим,

истинно любящим Вас сыном.

Августин».

В тот же конверт он вложил и письмо к матери: *«Пусть говорят, что затмение всегда предвещает мрачные события, когда в день лунного затмения — 25-й день этого месяца — мне вручили предыдущий Указ, который мне отправил герцог Алькудиа. В тот же день и час Эстанислао был назначен директором Королевского кабинета научных исследований с годовым жалованьем 57 тысяч реалов и получил Крест Карла III, а дон Хосе Клавихо стал вторым директором Кабинета естественных наук, и ему увеличили жалованье на 8 тысяч реалов, так что в один и тот же день королевскими почестями были осыпаны сразу три земляка, три друга и три директора. Возблагодарим Господа за столько милостей, которые он нам оказал.*

Соблаговолите принять в дар мое жалованье и разделить его с другими домашними вместе с тысячью приветов от Вашего сына, который всей душой любит Вас».

СТОЛИЦА ИСПАНИИ

По возвращении из Франции в Испанию в 1791 году Бетанкур жил во дворце Буэнретиро, а его брат Хосе — в центре Мадрида, совсем рядом с площадью Пуэрто дель Соль, где сходятся все главные улицы города. В конце XVIII века каждый житель Мадрида хоть раз в день обязательно оказывался на этой площади. С раннего утра здесь постоянно толпился народ, особенно мужчины, таинственно завернувшиеся в широкие чёрные плащи, зимой и летом составлявшие необходимую принадлежность их костюма. Тут можно было услышать самые последние новости. Напротив дома casa de correos всегда собирались военные и чиновники. Там была кофейня, где братья Бетанкур обычно встречались, чтобы выпить пару чашек espumas, посыпанного корицей, или подровнять в цирюльне эспаньолки. В любой лавке, кафе или цирюльне обязательно завязывался разговор о политике.

С площади Пуэрто дель Соль братья часто ходили гулять на бульвар Прадо, по обеим сторонам обсаженный широкими каштанами. То и дело встречали знакомых, здоровались, останавливались, подолгу беседовали, а затем, через несколько шагов, снова останавливались, здоровались и продолжали беседу на ту же самую тему, что и минуту назад, но только уже совсем с другими людьми.

Дамы высшего света проезжали по бульвару в колясках или легких каретах. Испанская аристократия, в отличие от русской, никогда не считала для себя зазорным сливаться с толпой. В России же это случалось только по большим народным или религиозным праздникам. А на Прадо последний нищий мог запросто попросить у директора Королевского кабинета машин прикурить, и Бетанкур, остановившись, доставал из кармана прибор для получения огня, терпеливо ожидая, когда «важный сеньор» закурит. И пока «господин» не делал полной грудью сладкую затяжку и не раскуривал свою sigarrillo, Бетанкур не трогался с места.

Представить себе такую картину в конце XVIII века в России немыслимо! Чтобы гвардейский офицер дал прикурить какому-нибудь мужику в лаптях или мастеровому? Даже в самом страшном сне в России такое не могло никому присниться! А в Мадриде, на улице, в 90-х годах XVIII века все сословия были равны, различались только по одежде, да и то незначительно. Женщины носили дорогие кружевные и шёлковые мантильи; сквозь них просвечивали крепкие, как морские канаты, могучие

чёрные косы. Более современные молодые девушки уже стали носить мантильи поверх шали, но таких в Мадриде было ещё немного. Руки всех дам постоянно были заняты щёлкающим веером — им все испанки владели превосходно. Казалось, он никогда не покидал их рук. С помощью веера они кланялись, приветствовали, делали знаки друг другу и, наконец, флиртовали с мужчинами.

Под руку по бульвару могли прогуливаться только муж с женой или сестра с братом. Для остальных такая фривольность считалась недопустимой. В массе своей мадридцы представляли собой армию чиновников или людей торгового звания. Производства в столице практически не было: весь товар завозили из провинций или из-за границы.

Летом воздух в городе, расположенном на высоте более 600 метров над уровнем моря, был всегда прозрачен и сух, но при этом основная масса его населения умирала от болезней легких. В столице бытовала пословица «Aire de Madrid mata, y no apaga un candil».[7] И конечно же, жизнь в Мадриде оживала только к вечеру — днём у всех испанцев, будь то высший класс или низший, была siesta. В России Бетанкуру очень нравилось, что всем чиновникам после обеда тоже полагался полуденный сон.

После долгой жизни за границей Бетанкур вдруг увидел испанцев другими глазами: это был самый воспитанный народ в Европе, какой до сих пор ему приходилось встречать. Даже низшие слои общества не составляли исключения. Просто образование этих людей было не книжное, а сформировалось на основе обычаев, нравов и преданий. Сегодня мы назвали бы его историческим. Это было воспитание всей натуры человека, а не только одной его головы. Бетанкур стал замечать, что, в отличие от Франции, испанская литература живет не только в книгах, а постоянно передается из уст в уста. Отсюда и способность народа к импровизации, к расширению границ родного языка, любовь к своим литературным героям и истории.

Летом 1792 года Мансанарес практически весь высох, и от него остался маленький ручеёк. Палящее солнце и сухая песчаная почва истребили в Мадриде почти всякую растительность. Несмотря на испепеляющую жару и прочное желание Бетанкура быть вне политики, это оказалось невозможным. Все только о ней и говорили. С кем бы он ни заговаривал на улице, слово el gobierno («правительство») было если не первым, то обязательно вторым. И чем больше свирепствовала инквизиция, тем слово el gobierno звучало громче и громче. Казалось, что, кроме политики, в Мадриде не о чём разговаривать.

Известно, что Испания не всегда была католической Европой,

а составной частью Мавритании, поэтому её нельзя судить с общеевропейской точки зрения. В конце XVIII века Испания находилась в судорожных конвульсиях: она хотела оторваться от своего прошлого и в то же время сохранить все старые заветные традиции. Испанская администрация не имела никаких законов, кроме капризов и личных финансовых интересов Марии Луизы. Положение ещё более осложнилось, когда в ноябре 1791 года фаворит королевы Мануэль Годой окончательно вышел из-за кулис на авансцену испанской истории. На личности этого человека мы остановимся, так как он сыграл не самую последнюю роль в том, что Бетанкур навсегда покинул свою родину.

МАНУЭЛЬ ГОДОЙ

Мануэль Годой, позднее маркиз Альварес де Фариа, герцог Эль-Алькудия, родился 12 мая 1767 года в бедной дворянской семье, имевшей меленькое поместье в провинции Бадахос, составной части Эстремадуры. С 1784 года служил в гвардии. В 1785 году красивой внешностью обратил на себя внимание супруги испанского инфанта и стал её любовником, одновременно добившись расположения её супруга, который в 1788 году принял испанскую корону и вошёл в историю под именем Карла IV. От него Годой сначала получил чин генерал-адъютанта лейб-гвардии, а затем, в 1792 году, и назначение на пост министра иностранных дел. После падения кабинета графа Аранда, второго после Флоридабланки покровителя Бетанкура, Годою достался портфель первого министра испанского правительства.

Во время французской революции Годой прикладывает все силы, чтобы спасти от гильотины семью короля Людовика XVI, но это ему не удаётся. 7 марта 1793 года приговор революционного трибунала привели в исполнение.

С началом революционных войн Франции за независимость монархические страны — Англия, Россия и Австрия — потребовали от Испании объединиться и выступить вместе с ними единым фронтом. Однако решительным и последовательным действиям Годой предпочел «флюгерную дипломатию». Он стал лавировать и тем самым настроил против себя как потенциальных противников, так и союзников. Не дожидаясь, какое решение примет Испания, Франция сама объявила ей войну. Годой, больше боясь своего союзника Англию, чем северного соседа, стал искать мира. В результате Базельского договора, заключённого им в 1795 году, Испания лишилась Санто-Доминго — юго-восточной части острова Гаити. За этот мирный договор он получил свой знаменитый титул — «князь мира».

С этого времени Годой стал проводить политику сближения с Францией, что, в свою очередь, ввергло Испанию в разорительную войну против Великобритании — главного экономического партнера Испании. Кроме того, эта война полностью нарушила морское сообщение Мадрида с заморскими колониями, что не замедлило негативно сказаться на экономическом положении всей страны.

Но такая внешняя и внутренняя политика первого министра королевства не только не отразилась на его личном состоянии, а, наоборот, увеличила его. Уже к 1797 году он стал одним из

богатейших людей страны, а общая стоимость его имущества превысила годовой бюджет всей Испании. Такое стремительное обогащение не могло пройти незамеченным. Противники Годоя активизировали свою деятельность и, подогрев всенародную ненависть к первому министру, в мае 1798 года отправили его в отставку. Возглавить правительство ему удалось снова только в 1801 году.

21 марта, получив от Наполеона ряд заманчивых обещаний и изрядную сумму денег, Мануэль Годой подписал Аранхуэсский договор: по нему Испания за создание марионеточного Этрусского королевства во главе с зятем Карла IV уступила Франции Луизиану и объявила войну Португалии. Сам Годой указом испанского короля был назначен главнокомандующим и во главе шестидесятитысячной армии выступил в поход против Португалии. После трёхмесячных военных действий Лиссабон был вынужден заключить невыгодный для него Бадахосский мирный договор, согласно которому Португалия обязалась закрыть все свои порты для английского военного и торгового флота, а также уступить Франции часть Гвианы.

4 декабря 1804 года под нажимом Наполеона Испания объявила войну Великобритании и в результате в Трафальгарском сражении 20 октября 1805 года потеряла почти весь свой военно-морской флот, что, в свою очередь, незамедлительно привело к утрате силовых рычагов управления в южноамериканских колониях. Опасаясь за свою дальнейшую судьбу, Годой начал тайные, сепаратные переговоры с Англией и в октябре 1806 года призвал испанский народ уже к войне против Франции, на стороне которой в этот момент находилась и Россия.

Вскоре, после ряда побед Наполеона и полного разгрома Пруссии, Годой вновь переметнулся на сторону французов. *17* октября 1807 года в Фонтенбло Испания заключила с Францией договор о разделе Португалии между двумя странами. По соглашению с Наполеоном в рамках этого договора Годою была обещана южная часть Португалии — для создания там личного княжества. Под предлогом войны с Португалией французы ввели войска в Испанию. Получив из Парижа деньги, Годой позволил французским вооружённым силам занять наиболее важные в стратегическом отношении военные крепости.

Во время народного восстания, вспыхнувшего 17—18 марта 1808 года в Мадриде, Годою удалось бежать. Однако Карл IV, под давлением общественного мнения, пообещал предать первого министра суду. 19 марта Годой был арестован и заключён в тюрьму, а его имущество конфисковано. После вступления французских войск 23 марта 1808 года в Мадрид по приказу

Наполеона Годоя выслали во Францию, в Байонну, где он содействовал отречению Карла IV от престола. Затем вместе с королевской семьёй какое-то время жил в Риме.

В 1830 году он переезжает в Париж, где получает незначительную пенсию от французского двора. В 1847 году ему возвращают часть имущества и титулов, с разрешением вернуться в Испанию. Но всё это будет значительно позже…

А пока, в 1792 году, Августин де Бетанкур полностью поглощён работой по созданию Королевского кабинета машин и даже не замечает, что происходит в стране.

ПОД СОЛНЦЕМ ИСПАНИИ

Вот как описал конец XVIII века испанский писатель и публицист Leon de Arroyal: *«Современная Испания словно маленький слабый ребёнок: без населения, без индустриального производства, без духа патриотизма и к тому же без нормального правительства; вокруг бесплодные поля без обработки. Испания похожа на девушку без образования и знаний, на вульгарное животное. Дворянство одето в парадную одежду, но не имеет даже первоначальных знаний. Сегодня в Испании больше церквей, чем жилых домов, больше священников, чем мирян, больше алтарей, чем кухонь…»*

В довершение всех бед в начале 90-х годов XVIII века в стране выдалось два неурожайных года. В городах, особенно в Севилье и Хересе, свирепствовала холера и жёлтая лихорадка.

Положение населения в сельской местности с каждый годом становилось всё тяжелее. 60% всей обрабатываемой земли принадлежало крупным землевладельцам, церковным и светским организациям, включая военных. Крупными земельными собственниками были также городские советы. Таким образом, большая часть крестьянства не имела своей земли, а брала её в аренду. 70 крестьян из 100 продолжали жить в условиях феодального производства. Им приходилось платить аренду, всевозможные налоги и обязательную церковную десятину. Каждая крестьянская семья едва сводила концы с концами.

У значительной части населения не было денег на покупку промышленных товаров, необходимых для производительного труда. Церковь тормозила развитие банковского капитала — выдача денег под процент всегда считалась большим грехом. Внутренние таможни, приносившие личную прибыль Мануэлю Годою, сдерживали развитие страны.

Бетанкур понимал, что без решения социальных проблем промышленная революция потерпит крах, но, несмотря на то что он был не просто инженером, а философом техники, в политику старался не ввязываться, уделяя больше внимания непосредственно работе. Хотя, как истинный испанец, о политике поговорить любил. В 1792 году Бетанкур не раз посещал Сеговию, где на одном из оружейных заводов внедрил образцы новых машин и механизмов, модели и чертежи которых находились в его Кабинете машин.

Живя в Мадриде, Бетанкур постоянно мечтал поехать на Канарские острова, но сделать этого так и не смог. В 1792 году его горячо любимый старший брат Хосе покинул Мадрид и через

Кадис отправился в Ла-Оротаву, где из-за слабого здоровья отца вынужден был принять хозяйство. В XVIII веке в Испании, как правило, большое наследство не делилось, а переходило к старшему сыну, и тот всегда к своей фамилии обязательно прибавлял слово «Кастро». Таким образом, Хосе де Бетанкур Кастро-и-Молино ещё до смерти отца, последовавшей 18 февраля 1795 года, принял на себя управление имением семьи Бетанкур на острове Тенерифе.

В письме брату Хосе от 28 августа 1793 года Августин писал:

«Дорогой Пепе! С большой радостью, равной нетерпению получить письмо от тебя, я получил твоё письмо, которое ты написал 27 июня в Ла-Лагуне; на днях сюда приехал Пабло и сказал мне, что к его отъезду с острова тебя там ещё не было. И вот теперь ты рядом с нашими любимыми родителями, сестрами и нашей тётушкой; с каким удовольствием и сердечностью ты вспоминал о них в Лондоне, Париже и Мадриде. Теперь ты можешь наслаждаться их обществом, ловить рыбу в Ла-Рамбле и поедать виноград и персики. Если к этому добавить, что рядом с тобой тот, кто может взять на себя твои мелкие неприятности и увеличить твои радости, то, без сомнения, ты сейчас — один из самых счастливых на свете людей…

Буду тебе очень признателен, если ты пришлешь четыре бочонка вина: два сухого виноградного и два полусладкого — в Лондон, нашему другу Кологану, он сохранит их для меня, если меня в Лондоне ещё не будет…»

Письмо заканчивалось словами: *«…все остальные просят меня передать тебе, домочадцам и твоим друзьям наилучшие пожелания. Любящий тебя всем сердцем Августин».*

В письме ещё не выражена та страсть, с какой Бетанкур рвался из Испании в Англию, где в Лондоне, с двумя детьми, ждала его Анна Джордейн. Связь с женой из-за тяжёлого военного положения в Европе была очень ненадёжная — через часовщика Бреге, в то время находившегося в вынужденной эмиграции в Швейцарии. По каналам одной из масонских лож Бетанкур регулярно пересылал в Лондон деньги, но для семейного счастья этого явно было недостаточно, тем более что в Испании свой брак ему постоянно приходилось скрывать. Наконец в ноябре 1793 года он получил королевское разрешение выехать в Англию, но с тем условием, чтобы его вояж не носил официального характера и не был бы оформлен как государственный пенсион.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ФИРМЫ «BREGEUT» ВЛОНДОНЕ

Бетанкур тут же списался со своим другом Бреге, жившим на западе Швейцарии, в местечке Локаль, во франкоязычном кантоне Нёвшатель. Спасаясь от якобинского террора, часовщик бежал на историческую родину, а помог ему в этом старый знакомый — «друг народа» Марат. Он сам добыл для него паспорт и все необходимые бумаги, без которых пересечь французско-швейцарскую границу было невозможно. Сделал такой жест доброй воли Жан-Поль Марат за деньги или безвозмездно — сегодня уже не выяснить. Однако факт остается фактом: Бреге спасся от кровавого террора, избежал гильотины и несколько месяцев прожил в тихой Швейцарии, где и получил письмо от своего испанского друга с просьбой отправить его в Лондон представителем фирмы Бреге.

Не рассуждая, Абрахам Луи тут же согласился и перевел некоторую сумму на счёт Бетанкура в один из английских банков, чтобы тот употребил её по своему разумению и с пользой для общего дела. Так в Лондоне возник первый филиал часовых дел мастера Абрахама Луи Бреге.

Ещё в Испании Бетанкур договорился с Годоем, к тому времени слывшим либералом и покровителем наук, что за ним в Мадриде сохранится жалованье и должность директора Королевского кабинета машин. При этом Бетанкур пообещал министру, что в Англии, под крышей торгового дома «Bregeut», он будет выполнять секретную миссию — собирать сведения военно-индустриального характера.

КАРЛ IV И БЕТАНКУР

В это время между Годоем и Бетанкуром были ещё тёплые отношения. Мануэль Годой принял на себя обязанности руководителя Академии художеств в Мадриде, а одним из членов её попечительского совета был Августин де Бетанкур. Пользуясь своим положением, он выставил там несколько своих изобретений — серию моделей из дерева и ниток для объяснения математических законов и теорем. Кроме того, учёный совет академии избрал Бетанкура членом комиссии по выработке рекомендаций, касающихся учебного процесса. Таким образом, Августин оказался в одном учебном заведении с Мануэлем Годоем, Франсиско Гойя, Мариано Маэлья и Франсиско Байеу. Именно в ученом совете академии между Годоем и Бетанкуром завязались деловые отношения.

По рекомендации Годоя Карл IV не раз посещал Кабинет машин. Королю нравилось, как Бетанкур объяснял работу того или иного механизма. Порой Карл IV даже пытался разобраться в тонкостях какой-нибудь хитроумной машины и понять её внутреннюю структуру. Но особенно короля привлекали деревянные модели: в них он знал толк и даже консультировал самого Бетанкура. Каждый раз беседа заканчивалась тем, что Бетанкур рисовал королю чертежи необходимых деталей и механизмов, и по ним уже во дворце, в столярной мастерской, Карл IV сам вытачивал нужные части изделия. Испанский король очень гордился своим незаурядным талантом работать руками и считал себя непревзойдённым мастером столярного дела, искренне полагая, что в этом значительно обогнал своего несчастного кузена — французского короля Людовика XVI: его выдающимися способностями в обработке дерева ещё совсем недавно так восторгалась вся Европа. Иногда в Кабинете машин король снимал парадный камзол с орденами, вешал его на спинку кресла и, засучив рукава, принимался вместе с Бетанкуром налаживать какое-нибудь устройство.

Обычно при встрече с монархом Бетанкур пытался внушить ему идею создания телеграфа — ведь с его помощью можно легко отдавать приказы по армии на всей территории страны. Телеграф позволил бы рассылать шифрованные депеши, управлять войсками на расстоянии, полностью заменив рассыльных офицеров, которые во время боевых действий с противником в любой момент могли быть захвачены в плен или сражены картечью неприятеля. Телеграфная связь сделала бы управление армией более рациональной, к тому же она не требовала больших

финансовых затрат. Однако Карл IV не торопился с принятием решения.

СНОВА СВЯТАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

До отъезда в Великобританию у Бетанкура случилась ещё одна неприятность, связанная с инквизицией. В Гранаде вышло второе издание книги «Математические элементы» профессора Бенито Байльса, весьма известного в научных и педагогических кругах Мадрида. Во многих школах Испании по его учебникам изучали математику. Инквизиция возбудила против него процесс по подозрению в атеизме и материализме. Дело в том, что, излагая идеи Лагранжа, он использовал математические обозначения, бывшие в употреблении только в революционной Франции. Этого оказалось достаточно, чтобы отправить почтенного профессора в тюрьму. Кроме того, дон Бенито в одной из книг подробно описал теорию Коперника и дал ей оценку.

Понимал ли досточтимый профессор, что он делает и кому своим сочинением в Испании бросает вызов? Конечно, понимал, но он уже был в почтенном возрасте и вдобавок разбит параличом: он не мог самостоятельно, без посторонней помощи передвигаться даже по собственному кабинету. И, публикуя свои сочинения в Гранаде, полагал, что его в таком физическом состоянии не тронут. Но ошибся. Профессора схватили и отправили в секретную тюрьму вместе с одной из племянниц, позволив той ухаживать за стариком.

Обстоятельный отзыв о десятитомном труде «Математические элементы» для Святого трибунала, по поручению комиссии Академии художеств, должен был написать Августин де Бетанкур. Уклониться он не мог, но и не знал, как писать. Оправдать дона Бенито — значит поставить под удар себя и всех своих коллег, учившихся в Париже во время французской революции у Лагранжа. Дать ответ, угодный Святому трибуналу, — значит, поставить крест на себе как европейском учёном. Бетанкур оказался в замешательстве, сознавая, что выбор Святой инквизиции пал на него не случайно.

Святые отцы уже давно подозревали его в атеизме. Монахи заметили, что в течение двух лет директор Королевского кабинета машин не исполнял таинств исповеди и пасхального причащения. Нашлись те, кто захотел сделать из Бетанкура лжефилософа и врага католической церкви. Слава Богу, они не знали, что Бетанкур состоит в гражданском браке с англичанкой и что у нее от него двое детей. Если бы инквизиция знала об этом, то у директора Королевского кабинета машин были бы очень большие неприятности.

Его отзыв о трудах профессора Бенито Байльса был лишь

пробным камнем и проверкой его благонадёжности. Перед тем как писать его, Бетанкур долго размышлял, пока выход из сложившейся ситуации не подсказал ему один из друзей, предложивший провести сравнительный анализ первого издания «Математических элементов» со вторым. Если за первый вариант книги инквизиция профессора не тронула, то нужно доказать, что второе издание не очень отличается от первого. Если оба издания во многом совпадают, а разночтения несущественны, то это означает, что несколько лет назад инквизиция одобрила выпуск в свет еретической книги. Ведь второе издание — всего лишь жалкая реминисценция первого.

Однако ещё до оглашения свидетельских показаний профессор Байльс признал свою вину и раскаялся в том, что на какой-то момент усомнился в бытии Божьем и в бессмертии человеческой души, но при этом никогда не был ни атеистом, ни материалистом. Он просто одинокий человек, кроме своих племянниц, на всём белом свете никого не имеющий. Учёный был готов всенародно отречься от любой ереси, и особенно от той, в которой его подозревали. Таким образом, рецензия на книгу, написанная Бетанкуром, вообще отошла на второй план.

Дон Бенито публично попросил у Святого трибунала отпущения грехов и получения епитимьи, обещая исполнить её, насколько ему позволит здоровье. Раскаяние больного профессора математики вместе с рецензией Бетанкура обсудили на заседании Святого трибунала и постановили выпустить дона Бенито из секретной тюрьмы и перевести под домашний арест. Также трибунал потребовал, чтобы все судебные издержки по ведению дела профессор Байльс компенсировал из собственных средств. В первую очередь это касалось тюремного питания. Кроме того, инквизиция предписала дону Бенито исповедоваться три раза в год: в Рождество, на Пасху и в Троицын день — у специально назначенного священника.

Общаясь с представителями Святой инквизиции, Бетанкур понимал, что в любой момент он или кто-то из его ближайшего окружения может легко оказаться на месте профессора Бенито Байльса. Поэтому после отъезда старшего брата Хосе на Канарские острова он сделал всё возможное, чтобы поскорей уехать в Лондон.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Лондонский туман — одно из наиболее впечатляющих творений Господа Бога. За два ярда уже ничего не видно. Как в таком густом, промозглом ноябрьском тумане ориентировался кучер, везший Бетанкура в Темпл, — неизвестно. Однако ни он, ни другие встречные экипажи не сталкивались друг с другом. И хотя ни людей, ни повозок не было видно, со всех сторон доносились леденящие душу вопли, которые, если вслушаться, оказывались самой отборной английской бранью. Бетанкур, давно не говоривший по-английски, получал от неё истинное наслаждение.

Кучер подвез Августина к трёхэтажному дому с узорчатыми чугунными воротами и въехал во двор. Бетанкур проворно выскочил из коляски и дёрнул висящий возле входа шнурок. В узком окне из-за горшков с геранью выглянуло чьё-то заспанное лицо. Августин сразу же узнал его по маленькому красному носику — это была Анна Джордейн. Массивная дверь слабо скрипнула и открылась: на пороге стояла горничная, за её спиной по деревянной лестнице, застланной ярко-красным ковром, с ребенком на руках, стремительно спускалась Анна. Рядом, крепко держась за юбку, не поспевая за матерью, семенила маленькая девочка — старшая дочь Бетанкура Каролина — ей ещё не исполнилось и трёх лет. Не понимая, что происходит, с плачем, она бежала за матерью, боясь отстать. Оттолкнув служанку, Бетанкур устремился навстречу жене. Не успев сбежать с лестницы, Анна и Августин кинулись в объятия на ступеньках и едва удержали равновесие. Ещё немного — и они свалились бы на пол. Наверное, ни до того, ни после они уже никогда так долго и страстно не целовались.

В этом поцелуе было всё — и жаркое солнце Испании, и три года разлуки, и скитания Анны по родственникам после того, как строгие, пуританские родители выставили её из дома на улицу с двумя детьми. Этот поцелуй заключал в себе и горечь утраты, и счастье приобретения, и скитание по родственникам и знакомым, пока одна из двоюродных тёток по линии матери не сжалилась и не приютила её с детьми у себя. Только через год после отъезда Бетанкура из Парижа Анна начала регулярно получать из Швейцарии деньги, пересылаемые ей по просьбе Августина Абрахамом Луи Бреге.

Встречала Анна мужа уже в своей квартире: съехав от тётки, она снимала её неподалёку от площади Ковент-Гарден последние полгода. У девочек были две няньки, на них Бетанкур, как

истинный испанец, тут же обратил внимание. Одна была ещё совсем юная креолка со жгучими чёрными волосами. Другая — классическая чопорная англичанка. Бетанкур перевёл взгляд на Анну. Лицо жены цвело здоровьем, губы — свежестью, глаза сверкали искренней радостью, весь её облик был переполнен жизнью. Она сияла от счастья — и вдруг потеряла сознание. Няньки привели её в чувство с помощью нюхательной соли.

Однако обморок жены не омрачил Бетанкура, он подал Каролине два пальца, девочка крепко уцепилась, и они прошли в гостиную, где он в камине кочергой размешал пылающие угли.

Все сразу поняли — в доме появился хозяин. Анна бросила победоносный взгляд на служанок: наверное, ещё совсем недавно они сомневались, что у неё есть «законный» муж.

Три дня Бетанкур никуда не выходил из дома. По утрам он долго лежал на мягких подушках в пуховой постели, наслаждаясь жизнью и бездельем. Ему было так хорошо, как никогда! Трёхлетняя Каролина ползала по нему, смеясь забиралась на живот и с восторгом прыгала на упругом отцовском прессе. Анна молча лежала рядом в кружевном ночном чепчике и ласково гладила мужа по плечу, заботливо поправляя на его голове белый бумажный колпак, увенчанный кисточкой, от резких движений детской ножки то и дело сползавший набок.

В один из вечеров они пошли по магазинам и модным лавкам — о них Анна уже давно мечтала. Купили несколько кисейных платьев, ожерелье из светлого сердолика, бирюзовые серьги, белую кашемировую шаль, привезённую из Индии. Бетанкур хотел было подарить Анне ещё и бриллиантовое ожерелье, но она отказалась, объяснив, что в Англии сердолик считается любовным талисманом, а носить бриллианты ей пока некуда. За несколько лет разлуки Анна отвыкла от мужа и в первые дни в его присутствии испытывала некую болезненную робость, при этом постоянно помня, что характер Бетанкура — пистолет с порохом. Поэтому два этих предмета из огнестрельного арсенала она всегда старалась держать по отдельности.

Идя рядом с мужем по Кинг-стрит, Анна вынашивала десятки маленьких планов по благоустройству совместной жизни. А Бетанкур думал, что жизнь — сплошная финансовая проблема, которую нужно решать каждый день. Гуляя, они незаметно вышли к Темзе. В то время она была главной «улицей» английской столицы. Набережной от Вестминстера до моста Блэкфрайарз ещё не существовало, и некоторые людные улицы упирались прямо в Темзу, заканчиваясь спускающимися к воде ступеньками. Русло можно было разглядеть, только подойдя к нему вплотную. Ещё недавно из тридцати семи тысяч человек, работающих на реке,

одиннадцать тысяч были либо ворами, либо скупщиками краденого, поэтому торговые представители Вест-Индской компании были счастливы, если в их пакгаузы попадала хотя бы половина привезённого товара.

Однако в 90-х годах XVIII века в Лондоне появилась речная полиция, в состав её вошли бывалые моряки и лодочники, знавшие все отмели на Темзе и подноготную её обитателей. На деньги Вест-Индской компании были построены быстроходные лодки с длинными вёслами, и вооружённые люди с мушкетами и абордажными саблями быстро навели порядок на реке. Однако разбои полностью не прекратились. В темноте на чету Бетанкур напали, но Августин не растерялся. Вытащив пистолет, он выстрелил в ближайшего грабителя. Послышались крики и удаляющиеся шаги. Августин и Анна поспешили от реки и, сев в экипаж, отправились домой.

Англия оказалась удивительной страной. Например, согласно традиции человек, приговорённый к смертной казни, должен был заплатить некоторую сумму палачу и его подручным. Конечно, многим перед казнью деньги выдавали из казны, но расплачиваться за проделанную работу осужденный должен был сам. Таким образом король и правительство как бы снимали с себя обязанность держать палача на государственной службе.

О случившемся на берегу Темзы Бетанкур рассказал в полиции, но его выслушали там без особого энтузиазма. Записали показания и попросили расписаться. На этом история и закончилась.

ДРАГА БЕТАНКУРА

Через неделю Бетанкур приступил к обязанностям представителя торгового дома «Bregeut». Семья переехала в новую квартиру, на втором этаже того же дома, где находилось торговое представительство. Немного позже в Лондон из Франции по настоятельному приглашению Бетанкура прибыл его соотечественник, дон Бартоломе де Суреда-Мисероль. Талантливый молодой человек был уроженцем острова Майорка. Суреда обладал огромным творческим напором и был влюблён и в механику, и в Бетанкура, который всеми силами старался выбить для него пенсион от испанского правительства. Когда это не удалось, Бетанкур пригласил Суреду в Англию за свой собственный счёт. И не пожалел.

Бартоломе де Суреда сопровождал Бетанкура в бесконечных походах по фабрикам и мануфактурам, где в мастерских и цехах они проводили по многу часов, досконально изучая производство. Хотя Британия в это время переживала индустриальную революцию, в стране не существовало никаких инженерных школ — всё строилось на индивидуальном ученичестве. Поэтому посещение предприятий было важной задачей Бетанкура.

Благодаря своему очень приличному английскому Августин быстро вошёл в круг видных английских учёных и механиков, таких как Бриннель, Модели, Синклер, и изобретателей — Брама, Мэрдок, Рэнни. Все они были, с одной стороны, талантливыми инженерами, а с другой — хозяевами своих производств. И были кровно заинтересованы в качестве и конкурентоспособности своих изделий. При этом они боялись конкуренции с Францией и охотно делились промышленными секретами с подданным Его Королевского Величества Испании.

Мэрдок подробно рассказал Бетанкуру, как он добился абсолютной точности в работе паровых машин. Джон Рэнни похвастался, как ему пришла в голову смелая идея заменить в водяных мельницах деревянные колеса на стальные. Джозеф Брама показал новый строгальный станок для древесины и гидравлический пресс. Больше всего Бетанкура восхитило изобретение Генри Модели — каретка для токарного станка: с её помощью можно было нарезать резьбу болтов и фрезеровать зубчатые колёса.

После многолетней работы в Королевском кабинете машин в Мадриде, где Бетанкуру в основном приходилось иметь дело с макетами и чертежами, живая работа вдохновила его, намного расширив научный кругозор. В Лондоне Бетанкур занялся

проектированием паровых машин и механической трансмиссией для очистки дна рек и каналов. На одну из барж он установил мощную паровую машину, приводящую в действие механический ковш. Так появилась первая драга. Конечно, и до изобретения Бетанкура сначала в Венеции, а затем в Великобритании, благодаря английским инженерам Савари и Гриншоу, уже применялись подобные механизмы, основанные на замкнутой цепи, в пазах которой размещалось сразу несколько ковшей, однако все эти сложные системы приводились в движение только с помощью ручного привода.

Драга Бетанкура была огромным шагом вперёд по пути технического прогресса. Он добился взаимодействия паровой машины с механическим приводом. Сразу несколько ковшей непрерывно углубляли дно фарватера канала или реки, выбрасывая песок или рыхлый грунт в специальные лодки, отвозившие отработанный груз на берег. За этот проект от Общества поощрения искусства, промышленности и торговли Бетанкур получил премию, затем два специальных приза от Королевского сельскохозяйственного общества в Лондоне, избравшего его своим почётным членом. Однако построить настоящую драгу в Англии испанскому инженеру так и не удалось. Плавучая землечерпательная машина осталась только в виде макета.

Позднее Бетанкур сделал несколько попыток запустить проект во Франции, затем в Испании, но нигде его смелый замысел не смог воплотиться. Осуществит он его только через шестнадцать лет в далёкой России! Но тогда в Англии об этом он даже не мог и помыслить. Землечерпалка, работавшая в пятьдесят раз эффективнее своих аналогов (она могла углублять дно канала до 7,5 метра), оказалась в Европе никому не нужной игрушкой.

ТРАГИЧЕСКИЙ ГОД

В 1795 году Бетанкур пережил сразу две трагедии. На Канарских островах, в возрасте семидесяти пяти лет, умер отец, а потом дочь, которой не исполнилось ещё и года. В один из дней девочку охватил жар. Срочно послали за доктором. Пришёл опытный, пожилой, очень рассудительный врач. Уже через два дня наступило заметное улучшение. Осмотрев ребёнка ещё раз, доктор заключил, что девочка окончательно спасена. Однако вечером ребёнок начал задыхаться и корчиться от страшных приступов удушья. Родители снова послали за доктором, но, когда он пришёл, всё уже было кончено. Ребёнок умер, а лицо Бетанкура превратилось в маску беспредельной скорби, пока острая душевная боль, обнажив ярость, не сорвала её. Анна ещё никогда в жизни не видела, чтобы взгляд мужа пылал такой неукротимой ненавистью. Он был готов спустить врача с лестницы, но жена опередила его. Зная вспыльчивый характер мужа, она бросилась ему на шею, зарыдав. Таким образом жизнь врача, по всей видимости, была спасена.

Несколько часов Бетанкур не отходил от трупика ребёнка: то садился на стул рядом с детской кроваткой, то бегал по комнате, то ложился на кушетку и успокоился только тогда, когда, выпив две пинты красного вина, заснул прямо за столом, с бутылкой в руках.

Когда он проснулся, девочку из комнаты с наглухо задёрнутыми шторами уже унесли. Несколько дней Августин не находил себе места, пока вместе с Бартоломе Суреда не уехал из Лондона в Бирмингем. Только работа помогла ему справиться с горем. Более чуткого и отзывчивого человека, чем Суреда, Бетанкур никогда не встречал.

БАРТОЛОМЕ СУРЕДА

В одном из писем Бетанкур напишет: *«Были известны до моего последнего отъезда из Испании таланты рисовальщика и архитектора, которыми обладал уже упомянутый мной Суреда. Я предложил ему поехать вместе со мной в Лондон, пообещав ему оплатить из моего жалованья все его расходы. <…> Его прилежание было столь высоко, что после немногих уроков у известного рисовальщика (которые оплатил я, по сто реалов за каждый) он почти сравнялся со своим учителем. Потом он научился прекрасно гравировать, по одному новому методу. <…> Вскоре я смог привлечь его на одно из главных производств Англии, приобщил его к плавке, различным операциям с железом и конструированию машин. В это же время он имел возможность ознакомиться с производством losa Inglesa — английских плит, и он занимался этим, пока не овладел в совершенстве».*

В Лондоне Суреда овладел и двумя новыми способами гравирования тона в офорте — акватинта и акватипия. Суть первого сводилась к тому, что на печатную форму перед травлением наносилась кислотоупорная смола — канифольная, асфальтовая или пудра или порошок другого происхождения, они при нагревании печатной формы плавились и образовывали на поверхности доски покрытие. Таким образом сквозь мельчайшие расстояния между частицами металл протравливался на разную глубину. Такая технология позволяла при печати создавать на оттисках различные тональные плоскости, состоящие из множества точек; при этом размер гранул смоляного порошка или пыли (её дисперсность) сказывалась на фактурных и тональных характеристиках, что и было основной целью этого вспомогательного вида гравюры на металле. Акватинтные пятна позволяли достигать чрезвычайно сильных эффектов в самом широком диапазоне, зависящем от величины, формы и разрежённости протравленных углублений.

Акватипия — техническая разновидность гравюрной печати, основанная на применении обезжиренной (водяной) краски. В оттиске акватипия часто напоминала акварельный рисунок. В конце XVIII века в Испании эти новые технологии были абсолютно неизвестными. Бетанкур познакомился с ними впервые в мастерской художника Жана Оноре Фрагонара во Франции, а затем в Англии попросил Суреду обратить на них внимание.

В 1797 году, вернувшись из Лондона в Мадрид, по просьбе Бетанкура Бартоломе Суреда обучил новым европейским технологиям гравировки по металлу Франсиско Гойю. Уже через

год великий испанский художник создаст свою знаменитую серию офортов «Капричос». Не находившая в Европе до самого конца XVIII столетия применения акватинта благодаря гению Франсиско Гойи переживет самую настоящую революцию. Неожиданно все увидят, что с её помощью можно добиться новых выразительных возможностей офорта.

Гойя дал толчок новому, по-настоящему творческому пониманию широты цветовых возможностей акватинты. Мастер использовал сочетание основных рисующих качеств травленого штриха и сухой иглы с лаконичными, разной насыщенности плоскостями. Значительно позднее художник обратился ещё несколько раз к этой технике. Помимо знаменитых «Капричос», в ней у него будет создана серия офортов «Деспаратес» (1814—1819)? «Тавромахия» (1815), «Бедствия войны» (1810—1820) и другие работы. Так благодаря ученику Бетанкура Бартоломе Суреде Франсиско Гойя стал блестящим офортистом. Художник детально разработал систему новых приёмов: их выразительность строилась на гармонии лаконичных глубоких штрихов и больших локальных однородных пятен акватинты. Испанский живописец был одним из первых, кто начал применять строгую, но живую и экспрессивную линию и глубокие по тону, структурно насыщенные протравленные плоскости, когда формирование объёма не входило в задачи штриха, а лишь контурно поддерживало большие, тонально активные «заливки».

В благодарность за помощь Франсиско Гойя в 1804 году написал великолепный портрет Бартоломе Суреды. Сегодня он — один из шедевров Национальной художественной галереи в Вашингтоне. В том же музее находится и портрет жены Суреды Терезы Шапрон, молодой француженки. Её портрет Гойя начал писать в 1804 году, а закончил только в 1806-м.

Впоследствии Бартоломе Суреда станет директором Королевской фарфоровой фабрики в Буэн-Ретиро, потом Королевского суконного производства в Гвадалахаре, затем — завода керамики в Монклоа. В год смерти Бетанкура он получит должность директора знаменитого Королевского завода по изготовлению хрусталя в Ла-Гранха-де-Сан-Ильдефонсо в Сеговии.

А пока Августин де Бетанкур и Бартоломе Суреда в Лондоне и после трудового дня пьют портер в одном из пабов на берегу полноводной Темзы, наблюдая с открытой террасы, как мальчишка-посыльный, перегнувшись через парапет моста, мечтательно смотрит на воду, вместо того чтобы доставить адресату срочное послание. Пикирующие чайки ему нравятся больше, чем работа разносчика.

НА БЕРЕГАХ ТЕМЗЫ

За два года в Лондоне Бетанкур так и не смог привыкнуть к тому, что в городе так много коршунов; они камнем падали вниз и легко вырывали из рук прохожего бутерброд или сдобную булку. Вот и сейчас на открытой террасе паба птица утащила со стола дона Суреды недоеденный ростбиф. Но это не расстроило друзей, а только рассмешило. Они снова заказали по две большие кружки густого, тёмно-шоколадного цвета пива с лёгким рубиновым оттенком и высокой кремовой шапкой. Ни Бартоломе Суреде, ни Августину де Бетанкуру не нравилась английская кухня. Они даже шутили, что поварами в аду служат именно англичане, поэтому украденного птицами ростбифа им жалко не было. А вот пивом и особенно шотландским виски они восхищались всегда. В этом, как и в технике, англичанам не было равных.

Только перед самым отъездом Бетанкура из Лондона в 1796 году в городе появились специальные люди, отлавливавшие и отстреливавшие коршунов, а заодно и ворон, таким образом навсегда покончив с птичьим воровством.

Нередко за кружкой пива Бетанкур и Суреда обсуждали части мельницы для измельчения кремния или набрасывали план нового сооружения между шлюзом и железным мостом в Кольбрук-Дейле, в графстве Шропшир.

Но больше всего Бетанкура в Англии занимал оптический телеграф. Его друг Бреге и французский инженер Клод Шапп уже добились в этом направлении успехов. Они установили телеграфную связь между Парижем и Лиллем. Английское правительство, узнав об этом, было не на шутку встревожено, понимая, какую роль изобретение уже в самом ближайшем будущем может сыграть для координации армейских соединений во время войны. Парламент тут же принял решение о покупке французского патента для телеграфной линии между Лондоном и Дилом.

В каждом письме к Бетанкуру Бреге очень подробно описывал совместные с Шаппом опыты в оптической телеграфии. В ответных письмах Бетанкур старался указать на дефекты и недостатки. На основе эмпирических данных, полученных Бреге, Бетанкур сделал математические расчеты и пришёл к выводам, способным значительно улучшить связь. Через несколько недель ему стало ясно, как телеграф сделать значительно проще, дешевле и надёжнее.

Сначала Бетанкур планировал создать электрический

телеграф, но максимальная сила тока, на какую он мог рассчитывать, была слишком слаба и не могла обеспечить передачу информации на требуемое расстояние. От этой идеи ему пришлось отказаться. Однако он продолжал следить за публикациями английских коллег, работавших в этом направлении.

Ещё в 1794 году в одной из заводских лабораторий Бетанкур случайно познакомился с кубинским промышленником: тот уже знал, что если отказаться от силы животных, заменив их машинным паром, то можно извлечь очень крупную выгоду. Недолго думая, промышленник предложил Бетанкуру заняться паровым приводом мельниц для производства сахара на Кубе. Сумма, обещанная Бетанкуру от сделки, не дала учёному времени на долгое размышление. Августин согласился сразу, но нужно было уладить некоторые дела сначала в Англии, а потом в Испании. Бетанкур довольно быстро сконструировал паровую машину и разместил заказы на изготовление её деталей: их впоследствии нужно было отправить на Кубу.

10 декабря 1794 года он писал об этом заказе своему другу Бреге следующее:

«В этой работе я имел возможность получить информацию о всех недостатках, которые испытывают машины этих типов, работающие в Англии, во Франции и в Испании. Я постарался избежать их и закончил изобретением машины, состоящей из нескольких цилиндров, которая: 1. Обслуживается на три негра менее, чем на самой современной из работающих сегодня. 2. Стоит дешевле. 3. Не требует особенного надзора. 4. Нет никакой опасности во время её работы, и поэтому избегаются те несчастья, которые так часто случаются на обычных машинах. 5. *При той же мощности можно получить от неё двойную работу».*

В конце письма Бетанкур сообщал, что, когда будут готовы все детали машины, он собирается с семьёй отбыть на Кубу, где после его приезда многие сахарозаводчики откажутся от устаревших механизмов и заменят их новыми. Бетанкуру казалось, что на острове, опираясь на поддержку крупных промышленников, он сможет воплотить в жизнь все свои идеи.

В Лондоне он установил тесные связи с представителем Королевского консульства и коммерции Кубы. Кроме паровых машин для производства сахара, Бетанкуру было предложено заняться на Кубе устройством дорог и проведением каналов. Все эти вопросы были обсуждены с хунтой острова. Оставалось получить только королевское разрешение из Испании, позволившее ему вместе с семьёй отправиться в Латинскую Америку на шесть лет. По договору Бетанкур должен был

передать кубинцам несколько своих машин, сохранив руководство над ними. За это хунта обязалась выплачивать ему четыре тысячи песо ежегодно.

Однако прошение Бетанкура о переезде его из Лондона на Кубу, отправленное в Мадрид, при дворе Карла IV не одобрили. Там думали об отправке его в Мексику вместе с Хосе-Мария де Ланцем и Бартоломе Суредой.

Кубинские промышленники познакомили Бетанкура с некоторыми английскими художественными галереями и благотворительными обществами, где Августин открыл для себя два новых имени — Уильяма Хогарта (1697—1764) и сэра Джошуа Рейнольдса (1723—1792). По инициативе последнего в Лондоне устраивались публичные художественные выставки. Ему молва приписала знаменитое изречение: «Истинный характер человека можно определить по тому, как он развлекается».

В творчестве Рейнольдса Бетанкура заинтересовали портреты: выразительные и изящные, они отличались умелым подбором аксессуаров и смелой, очень сочной манерой письма. Некоторые знатоки утверждали, что художник добивался почти полного сходства с оригиналом. Что касается Уильяма Хогарта, то в его живопись Августин де Бетанкур был просто влюблён. Он даже хотел купить одну из его работ, но она оказалась ему не по карману.

Кубинцы показали Бетанкуру, как при правильном подходе к искусству можно извлекать из него приличный доход. С середины XVIII века почти в любой английской лавочке или книжном магазине можно было купить гравюры Хогарта. Массовое производство их приносило куда больше прибыли, чем одна картина самого известного художника. Бетанкуру очень понравилась эта идея, и он решил в будущем опробовать её в Испании.

В КРУГУ СЕМЬИ

Каждую свободную минуту Бетанкур пытался уделять детям, особенно Каролине — ей шёл уже седьмой год. Девочка была не по годам смышлёная и очень любила рисовать. Когда её спрашивали, кем она хочет стать в будущем, она всегда отвечала — художником. Отец научил её держать карандаш, а затем пользоваться акварельными красками. Он поощрял все её начинания: к этому времени она уже немного понимала по-испански, но даже с отцом предпочитала общаться только на английском или, в исключительных случаях, на французском.

Зимними холодными вечерами семья собиралась возле камина, и одна из горничных, открыв толстую, в зелёном сафьяновом переплёте книгу сказок Джеффри Чосера, читала вслух. Иногда молодая служанка принималась за трагедию Джона Драйдена «Завоевание Гранады», а Бетанкур, сидя в чиппендейловском кресле, делал долгие, содержательные пояснения.

Однажды, гуляя с дочерью в Вестминстерском аббатстве, Бетанкур натолкнулся на работы итальянского скульптора Пьетро Торриджиано, чьи творения ещё в 1778 году в Севилье привлекли его внимание. В одном из монастырей он увидел две терракотовые статуи — святого Жерома и Мадонны с Младенцем. Монахи рассказали ему, что скульптор, прибывший к ним из Флоренции, был обвинен в ереси и в 1528 году умер в одной из севильских тюрем. После него в Испании осталось несколько работ, две из них в их монастыре.

Английский период был самым значительным в жизни Пьетро Торриджиано, и Вестминстерское аббатство владело самыми значительными произведениями скульптора — это гробницы короля Генриха VII и его жены Елизаветы Йоркской, созданные в 1512—1518 годах. Эти мраморные и бронзовые изваяния считались первыми памятниками итальянского Возрождения в Англии.

Немного позднее Бетанкур узнал, что именно Пьетро Торриджиано ударом кулака сломал нос молодому Микеланджело Буонарроти, когда тот на уроке рисования, копируя фрески Мазаччо во флорентийской церкви Санта Мария дель Кармине, стал издеваться над работой художника.

Большое впечатление на Бетанкура произвел и Вестминстер-Холл — шедевр инженерной мысли, парадная гостиная Британского королевства. Более изысканного потолка он никогда не видел. Деревянные перекрытия были возведены знаменитым

королевским плотником Хью Эрландом. Ещё в первое посещение Бетанкур обнаружил, что потолок и крыша Вестминстер-Холла сильно пострадали от жука-точильщика. Поэтому через двадцать лет, возводя деревянные перекрытия в Конногвардейском экзерциргаузе в Москве, он засыплет пол чердака махоркой, чтобы спасти перекрытия от сырости и насекомых.

Осматривая с дочкой Вестминстер-Холл, Бетанкур чувствовал, что всё вокруг дышит историей. Именно здесь в 1653 году лордом-протектором был провозглашён Оливер Кромвель, а в 1795-м постыдным оправданием закончился нашумевший восьмилетний процесс над первым губернатором Индии Уорреном Гастингсом, привлечённым к суду за совершённые им жестокости по отношению к местному населению. Однако суд приговорил генерала только к уплате судебных издержек в сумме шестидесяти семи тысяч фунтов стерлингов. Вся Англия, и Бетанкур в том числе, внимательно следили за этим процессом.

Гуляя с семьёй по Сент-Джеймскому парку, Бетанкур не раз спорил с женой о справедливости судебного приговора. Анна была на стороне генерала, а Августин — ярым его оппонентом. Он считал, что англичане грабят и эксплуатируют население Индии. Когда Анна приводила в пример Мексику, откуда испанцы вывезли огромные богатства, а кое-где истребили коренное население, Бетанкур злился на неё и говорил, что она ничего не понимает в политике: южноамериканские земли — не колонии, а часть Испанской империи.

Летом в Сент-Джеймском парке Бетанкур и Суреда научились играть в крокет, а зимой кататься на коньках, пришедших в Лондон ещё в XVII из Голландии. Испанцы ловко скользили днём по каналам вместе с англичанами, а те отваживались кататься даже ночью, держа в руках факелы. Бетанкур научил кататься на коньках и старшую дочь Каролину, позднее не раз восхищавшую своим умением петербургскую публику, гадавшую, где дочь испанского вельможи так превосходно научилась этому.

На одной из лондонских ярмарок, а точнее, в Мейфэре Бетанкур купил ей сразу трёх котят. После этого, где бы Каролина ни жила с отцом, она обязательно заводила трёх кошек. Привычка эта сохранилась у неё на всю жизнь.

Иногда с четырёх до пяти часов дня Бетанкур гулял с ней в Грин-парке; у них была там любимая дорожка — Аллея королевы, названная в честь королевы Каролины, жены Георга II, обожавшей лондонские парки и придумавшей озеро Серпентайн в Гайд-парке. Вот по нему семилетняя, беззаботная Каролина Бетанкур каталась на лодке с отцом, весело смеясь и стуча о борта пухлыми ножками, одетыми в розовые туфельки.

Но всё-таки больше всего в Лондоне Каролине нравился Сент-Джеймский парк — там на многочисленных каналах гнездились утки. Аллея птичьих клеток приводила маленькую девочку в восторг. В эти часы Августин де Бетанкур был поистине счастлив. Он даже не ожидал, что может быть таким любящим и заботливым отцом. Когда он был наедине с дочерью, всё остальное отходило на задний план, становилось второстепенным, хотя и ненадолго.

В Королевском сельскохозяйственном обществе Бетанкур случайно узнал, что одна из главных достопримечательностей Сент-Джеймского парка, любимые птицы его дочери — пеликаны, была подарена русским посланником Карлу II и вела свою родословную из Астрахани в низовьях могучей русской реки Волги. Бетанкур не знал, где находится этот город, и ему показали его на голландском медном глобусе, вращающемся на круглой деревянной подставке; на одном из клиньев стояло клеймо знаменитой амстердамской мастерской Яна Виллема Блау.

На улицах Лондона отец и дочь часто встречали шотландского волынщика или итальянского шарманщика, на плече у него сидела пугливая обезьянка в красной юбочке. Бетанкур специально покупал у бродячего музыканта орешки, и Каролина заботливо кормила узконосую мартышку с упругими и длинными ногами.

Однажды ранним майским утром к дому Августина де Бетанкур подъехала четырёхместная раззолоченная карета, запряжённая великолепными лошадьми, выбранными накануне Бетанкуром. Рядом с кучером сидел, скрестив руки на груди, ливрейный лакей, в треуголке, сюртуке и белых бриджах. Анна Джордейн стала внимательно разглядывать его в лорнет. Слуга, демонстрируя свою независимость, вложил в рот короткую глиняную трубку и закурил.

Бетанкур специально нанял на целый день карету, чтобы с женой, Каролиной и одной из служанок съездить в гости к родителям Анны. Такой шикарный выезд произвел неизгладимое впечатление на его тестя и тёщу — они просто не знали, как вести себя при таком важном испанском зяте.

ЧАСЫ КОНСТРУКЦИИ БРЕГЕ

В Англии Бетанкур уделял много времени продвижению часов фирмы Бреге. Часто приходилось встречаться с именитыми заказчиками и подолгу беседовать, объясняя преимущества одной серии перед другой. У него было врождённое умение выгодно продавать любой товар, но он всегда должен был быть уверен, что товар первоклассный.

Часы Бреге в то время были лучшими в мире и доступными по цене. Продавались они по подписке: покупатели первоначально вносили только четверть оговорённой суммы, после чего фирма приступала к выполнению заказа. Объединённые в партии по 10—13 штук часы обычно продавались по 600 франков в серебряном и по 800 — в золотом корпусе. В Англии их охотно приобретали не только члены королевской фамилии, но и сотрудники дипломатических миссий, военные, научная и финансовая элита. Чтобы часы не подделывали, Бреге изобрёл знаменитую «секретную подпись», видимую только при определённом освещении; её наносили на циферблат остриём алмазной иглы на специальном станке-пантографе.

В основном часы, продаваемые Бетанкуром в Англии, относились к серии souscription и оснащались цилиндровым ходом конструкции Бреге, делавшим их уникальными: во-первых, в качестве рабочего элемента применялся рубиновый цилиндр, а во-вторых, этот цилиндр был вынесен за опорную цапфу, что обеспечивало высокую точность и надёжность механизма. Также очень популярны в Англии были репетиры с секундной стрелкой, с дуплексным или цилиндрическим ходом. На продажу таких часов 14 апреля 1796 года некоему господину Байи у Бетанкура ушёл целый день. Но что было делать: работу представителем фирмы Бреге в Лондоне Августин воспринимал как серьёзную и почётную обязанность, возложенную на него другом. К тому же труды приносили весьма ощутимый доход, далеко не лишний в семейном бюджете.

Правда, конкурировать с английскими часовых дел мастерами было очень непросто. Ведь именно Англия в ту пору была законодательницей мод. После того как в 1658 году голландский физик Кристиан Гюйгенс изобрёл маятниковый механизм, многие старались создать регулятор хода, не зависящий от внешних воздействий. Первыми успеха добились англичане. Архитектор и астроном Роберт Гук, один из основателей теории сопротивления материалов, создал первый регулятор, основанный на взаимодействии баланса и спирали.

Англия, «владычица морей», остро нуждалась в приборе для определения координат корабля в открытом море, а для этого требовались точные часы. На призыв английского правительства найти метод точного измерения географической долготы, создав прибор измерения времени, чья точность хода не зависит от внешних факторов и имеет минимальную погрешность, откликнулось множество учёных и мастеров со всей Европы. Изобрести первый морской хронометр удалось английскому плотнику Джону Гаррисону. В 1761 году его часовой механизм за пять месяцев работы дал погрешность только в пятьдесят четыре секунды.

В XVIII веке Англия прославилась не только качеством и красотой часов, но и великими изобретениями. В 1777 году Грэм Томас Мьюдж создал первые в мире часы с вечным календарём. Появился и первый хронометр, чья погрешность хода составляла всего три секунды в сутки. Каминные и карманные часы, изготовленные английскими мастерами, считались лучшими в Европе до конца XVIII века, пока в Лондон не приехал Бетанкур, представитель фирмы Бреге.

Англичане быстро поняли, что французы, а именно Абрахам Луи Бреге, делают часы значительно лучше, чем соотечественники, и стали заказывать их у Бетанкура, тем более что и цена была значительно ниже, чем у англичан: во Франции часовое производство поддерживалось государством и не облагалось налогом. К тому же сам Бреге в 1795 году вернулся из Швейцарии в Париж, где впоследствии стал действительным членом Парижской академии наук и получил почётное звание «часовщик Военно-морского флота».

В ноябре того же года во Франции была принята новая конституция, по которой верховная власть в стране перешла к Директории. Заключив в 1796 году мирный договор с Францией, Испания автоматически оказалась в состоянии войны с Англией. Испанский посол был вынужден покинуть Лондон и возвратиться в Мадрид. Все подданные испанской короны, жившие в Великобритании, в одночасье стали нежелательными персонами на берегах Туманного Альбиона. Власти Английского королевства попытались обвинить Бетанкура в промышленном шпионаже и выдворить из страны. Не дожидаясь, когда это произойдёт официально, Августин отправился в Мадрид, тем более что уже в августе 1796 года он получил королевский указ, разрешавший командировку на Кубу.

ОТЪЕЗД ИЗ АНГЛИИ

За несколько дней Бетанкур поспешно разместил на английских заводах последние заказы на оборудование, необходимое ему для работы на Карибских островах. Получив требуемые приборы и инструменты на сумму 326 фунтов стерлингов, он упаковал их в шесть ящиков. Самая большая сложность заключалась в том, что ему и Суреде английское правительство не хотело выдавать документы на выезд. Пришлось употребить все связи, чтобы добиться этого.

10 октября вместе с верным товарищем и помощником Бартоломе Суредой он прибыл в Дувр, благополучно пересёк Ламанш и, достигнув Парижа, 14 октября, после многолетней разлуки, с огромной радостью обнял Абрахама Луи Бреге. Дальнейший путь Бетанкура лежал в Бильбао, оттуда первым кораблём он намеревался отплыть в Гавану. Там его уже ждал организатор экспедиции и ответственный за её исполнение богатый кубинский землевладелец, граф Санта Крус де Мопокс. Но Бреге уговорил Бетанкура ненадолго задержаться во Франции, чтобы закончить работу с оптическим телеграфом.

БОРЬБА ЗА ОПТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Бреге и Бетанкур считали, что их телеграф значительно лучше, чем представленный французскому правительству Шаппом. К началу ноября 1796 года они закончили отчёт, с которым 13 ноября ознакомили некоторых представителей Директории, подкрепив математические выводы чертежами и конкретными разработками. Однако правительство Франции уже официально приняло телеграф Шаппа, выдав ему лицензию на строительство. В 1794 году была запущена первая линия оптического телеграфа между Парижем и Лиллем, длиной в 225 километров. Вскоре Шапп планировал построить ещё двадцать две станции и набрать и обучить персонал для работы на так называемых семафорах. Годом ранее Клод Шапп получил звание телеграфного инженера, а в 1794-м правительство назначило его директором французской телеграфной линии. И тут неожиданно для всех Бреге и Бетанкур предложили совершенно иную, более совершенную модель телеграфа.

Членам Директории было о чём задуматься. В конце концов было решено создать комиссию в составе депутатов Национальной ассамблеи и членов Национального института. После долгих дебатов комиссия рекомендовала построить линию связи по проекту Бреге—Бетанкура и экспериментально опробовать её. Декрет о строительстве оптического телеграфа 16 ноября 1796 года подписал член Директории Французской республики, государственный и военный деятель, инженер и учёный Лазар Карно после эксперимента, проведённого в присутствии Гаспара де Прони и полностью подтвердившего преимущества нового типа передачи сообщений на расстояние.

Шапп, узнав об этом, был испуган. Он боялся, что его лишат лицензии и финансирования. Поэтому он тут же начал против конкурентов смертельную борьбу. Терять ему было нечего. Французский инженер обвинил врагов в плагиате и как только мог раскритиковал Бетанкура. 9 января 1797 года Бреге и Бетанкур опубликовали статью под названием «Ответ на замечания, сделанные гражданином Шаппом по поводу телеграфа, предложенного Директории гражданами Бреге и Бетанкуром». Начавшуюся войну между конкурирующими проектами выиграл Шапп: финансовые круги, уже выделившие деньги на постройку его оптического телеграфа, не были заинтересованы в перераспределении финансовых потоков и в поддержке проекта Бреге—Бетанкура. После непродолжительных дебатов на страницах газет, а также в стенах Академии наук дело

пустили на самотёк, а затем и вообще отправили в архив.

Ничего не добившись, Бетанкур отказался от продвижения оптического телеграфа во Франции и спешно отправился в Испанию, откуда намеревался отплыть на Кубу.

СВАДЬБА

11 февраля 1797 года он приехал в Мадрид, где в первую очередь занялся оформлением законного брака со своей гражданской женой Анной Джордейн. Несмотря на препятствия, чинимые католической церковью, ему удалось добиться заключения брачного договора достаточно быстро — помогли друзья при королевском дворе.

Бракосочетание состоялось в Мадриде, в церкви Богоматери.

На свадьбе присутствовало четыре свидетеля — дон Эстанислао де Люго-и-Молина, директор королевской школы Сан-Исидро, дон Хосе Клавихо-и-Фахардо, директор Кабинета натуральной истории, и два сотрудника Королевского кабинета машин, дон Хуан де Пеньяльвер и дон Бартоломе де Суреда. Они под присягой подтвердили, что Бетанкур «всегда был свободен от любовных обязательств, связанных с помолвкой, и не имел канонических препятствий, могущих затруднить выбор его состояния».

Итак, Августина де Бетанкура уже ничто не задерживало в Европе — он был полностью готов как можно скорее отправиться на Большие Антильские острова. Ещё за несколько дней до бракосочетания, 1 апреля 1797 года, Бетанкур подал прошение о выдаче паспортов для поездки на Кубу. Но, как всегда, вмешался Его Величество Случай.

ПОЧЕМУ БЕТАНКУР НЕ ПРИЕХАЛ НА КУБУ

Ещё в октябре 1796 года вместе со своими коллегами Хосе-Мария де Ланцем и Бартоломе Суредой Бетанкур должен был встретиться на побережье Атлантического океана в городе Ла-Корунья с графом де Мопоксом, генеральным субинспектором войск на Кубе, финансировавшим поездку всех испанских инженеров, кроме Хосе-Мария де Ланца, в Латинскую Америку. Мексиканского математика на Большие Антильские острова пригласил сам Мануэль Годой, пообещав ему жалованье в тысячу песет в год и оплату расходов до Ла-Коруньи. Однако у испанского посла во Франции, чтобы исполнить волю фаворита королевы, не оказалось достаточно средств. Когда же деньги были изысканы, Ланц заболел чахоткой и с большим трудом смог добраться только до Мадрида.

Мопокс планировал выполнить основную часть работ на Кубе до марта — потом на острове начинался сезон дождей и дороги делались непроезжими. Прождав инженеров около месяца, граф написал раздражённое письмо Годою и отбыл ни с чем в Гавану.

Однако Бетанкур не отказался от намерения отправиться на Большие Антильские острова, тем более что члены кубинской Хунты, заручившись поддержкой губернатора дона Луиса де-лас-Касас, послали письмо Карлу IV с лестным отзывом о Бетанкуре, где, в частности, говорилось, что они готовы «принять под своё попечение те предметы его познаний, которые хунта хотела бы видеть под его управлением, а именно дороги, каналы и другие общественные сооружения». Также хунта просила милостью Божьей Его Величество короля Испании благоволения на эксклюзивную привилегию для Бетанкура сроком на шесть лет — чтобы по окончании работ на острове он оставил там свои машины и механизмы.

В своём же личном письме королю губернатор острова Куба писал: *«В прибытии де Бетанкура на сей остров хунта консульства имеет в виду также другой предмет главнейшего значения: приложить силу машинного пара там, где силой буйволов перемалывают тростник для изготовления сахара».*

Первый министр королевства Мануэль Годой был весьма заинтересован в поездке Бетанкура на Кубу: он имел обширные коммерческие связи с островом, прежде всего в торговле сахаром. Его личный интерес состоял в увеличении производства сахара и его поставок на европейский рынок. Зная об этом, Бетанкур

воспользовался ситуацией и заставил Бартоломе Суреду, на попечении которого на Балеарских островах жили родители, три сестры и брат, написать прошение Годою с просьбой о зачислении его на службу в Королевский кабинет машин с выделением жалованья в шесть тысяч реалов в год. Получив ходатайство, Годой тут же распорядился выплачивать деньги семье Суреды в отсутствие кормильца.

Так как пребывание Бетанкура на Кубе исчислялось несколькими годами, он взял с собой жену и дочерей, а специальным королевским указом добился, чтобы место директора Кабинета машин в его отсутствие оставалось за ним.

Уже по дороге в Ла-Корунью Августин Бетанкур узнал, что порт заблокирован английской военно-морской эскадрой, но он решил не отказываться от путешествия, тем более что капитан почтовой бригантины «Инфант» Хуан де Бусто заверил его, что они смогут прорваться. Бетанкур приказал грузить на судно математические инструменты и оборудование, а также личные вещи для многолетней работы и жизни на острове.

8 июня 1797 года бригантина взяла курс на Кубу. Однако пошла не строго на запад, а, выйдя из порта в два часа ночи, под покровом темноты попыталась проскользнуть на юг и пройти несколько сот миль вдоль португальского берега, чтобы уже затем взять курс на Гавану. Но англичан перехитрить не удалось. Те довольно быстро разгадали не очень хитроумный манёвр противника. Заметив в утренней дымке лёгкое и быстроходное испанское судно со смешанным парусным вооружением, они послали ему вдогонку фрегат «Бостон». Это был трёхмачтовый корабль с вооружением, состоящим из сорока двух пушек и четырех гаубиц, — самый быстроходный у англичан. Судьба испанского судна была предрешена!

Через несколько часов фрегат догнал злополучную почтовую бригантину и накрыл её всей мощью палубной батареи. Капитану «Инфанта» ничего не оставалось, как отдать приказ: «Сбросить дипломатическую почту за борт. Повесить на фок-мачте белый флаг». Так английской короне досталось всё оборудование и инструментарий, чертежи и материалы, которые Августин де Бетанкур собирал на протяжении пятнадцати лет. У путешественников не отобрали только личные вещи — на всю семью всего лишь два саквояжа. Больше всего Бетанкуру было жаль библиотеку, где хранились труды по математике и механике на французском, английском и испанском языках.

15 июня поверенный в делах Испании в Португалии сообщил в Мадрид о пленении англичанами почтового судна «Инфант» и конвоировании его в португальский порт Санта-Мария-де-Белен.

В тот же день Бетанкур написал письмо Мануэлю Годою с просьбой дать совет: возвращаться назад в Кастилию или ждать дальнейших указаний? При этом Бетанкур не забыл упомянуть, что ни у него, ни у его спутников нет никаких средств к существованию. Прочитав послание, «князь мира» тут же ответил: Бетанкуру с семьёй и всеми сопровождающими срочно возвращаться в Мадрид.

Уже в начале июля он принял директора Королевского кабинета машин в своём дворце. После длительной беседы первый министр королевства распорядился: составить список математических инструментов и оборудования, которые нужно приобрести, чтобы восстановить реквизированное англичанами, а также оценить личный ущерб Бетанкура и возместить его.

Однако для того, чтобы воссоздать оборудование, Бетанкуру нужно было отправиться в Париж. Поэтому 8 июля 1797 года он подал прошение Годою позволить ему выехать в командировку во Францию. К нему Августин приложил список инструментов, оборудования и чертежей, которые он хотел приобрести на берегах Сены, пользуясь своими широкими связями. Предстоящие расходы должны были составить примерно 23—24 тысячи реалов.

Перед отъездом в Вест-Индию Бетанкур распродал всю свою мебель, и её пришлось затем с большим трудом восстанавливать. Своё имущество, захваченное англичанами, он оценил в сто тысяч реалов. После доклада первого министра испанскому королю Бетанкуру разрешили уехать в Париж и закупить требуемое оборудование: Карл IV всегда симпатизировал испанскому инженеру.

ЖАРА В МАДРИДЕ

Остаток июля и почти весь август 1797 года Бетанкур с семьёй провёл в Мадриде, напоминавшем раскалённую сковородку, на которой без оливкового масла жарились слухи, неразбериха и ненависть. Испанские мужчины всегда носили за поясом навахи — затаившуюся смерть. Однако до лета нынешнего года их костяные рукоятки никогда не выглядели так угрожающе. Именно в это время испанцы начали навахой резать хлеб, крошить табак, помогать себе при еде.

Из истории Франции Бетанкур уже знал, на что способен остервеневший народ. И если всё это стало возможно во Франции, на родине Просвещения, то бунт или революция в Испании, где люди повинуются прежде всего не велениям рассудка, а побуждению сердца, грозили смертельной опасностью не только правящей элите, но и всем остальным. Одна только мысль о том, как распорядится чернь доставшейся ей властью, приводила Бетанкура в замешательство. Он видел, что недовольство народа растёт с каждым днём, а виной всему была политика Мануэля Годоя.

В 1797 году в Испании прошла перепись населения — оно составило 11,5 миллиона человек, тогда как в начале века равнялось приблизительно восьми миллионам. Наиболее быстро число жителей росло после 1770 года. Прирост происходил в основном за счёт периферийных регионов. При этом самых впечатляющих показателей добилась Каталония. Двойное увеличение численности населения придало этой области исключительный для Испании XVIII века экономический динамизм. В регионе стремительно развивалась хлопчатобумажная промышленность. На некоторых мануфактурах трудилось до восьмисот работников. Более восьмидесяти тысяч человек было вовлечено в промышленное производство. Уровень жизни в Каталонии стал значительно выше, чем в остальной Испании. В пригородах Барселоны было трудно найти сельскохозяйственных рабочих и домашнюю прислугу даже за высокую плату.

Поэтому неудивительно, что именно в Каталонии начали расти национальное самосознание и сепаратизм, в свою очередь повысившие градус и так уже раскалённого политического климата. В Мадриде каждый чувствовал, что в обществе творится что-то неладное. Нервы у всех были натянуты до предела, и Бетанкур не являлся исключением.

По дороге в Буэн-Ретиро на одной из улиц Мадрида молодой

махо с лицом светло-оливкового цвета и золотой серёжкой в левом ухе сунул между спиц кареты Бетанкура толстую сучковатую палку — колесо сильно накренилось, а подрессорная пружина, со свистом отскочив, только чудом не убила одного из продавцов кастаньет. До Кабинета машин Бетанкуру пришлось добираться пешком. В этот день он узнал, что английский адмирал Нельсон пытался захватить его родной город Санта-Крус-де-Тенерифе, но потерпел поражение и в бою потерял правую руку. В этом же бою погибли двое школьных товарищей Бетанкура и дальний родственник со стороны матери.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО

9 сентября 1797 года Бетанкур прибыл в Париж. Это время в историю Франции вошло под названием Исполнительной Директории (1795—1799). Одним из пяти её членов был Лазар Карно, инженер и учёный, близкий знакомый Августина. Именно он год назад предложил назначить Бонапарта командующим Итальянской армией. За пять дней до появления Бетанкура в Париже случился переворот 18 фрюктидора (4 сентября). После него Карно обвинили в роялизме, и он был вынужден бежать в Швейцарию, откуда затем перебрался в Южную Германию.

Бреге с иронией поведал Бетанкуру, как Карно вместе с Наполеоном разрабатывал план итальянского похода, а потом, отправив Бонапарта в Геную, не поделил власть с Баррасом, Жан-Франсуа Ревбелем и Луи Мария де ля Ларевельер-Лепо. С двумя последними членами Директории Бетанкур также был хорошо знаком и был о них весьма невысокого мнения.

Используя связи Бреге, Бетанкур начал поиск конфискованных английской эскадрой в Атлантическом океане машин и механизмов, а также восстановлением чертежей и схем. Однако переписка с Британским адмиралтейством (её Бетанкур вёл через одного морского лорда, члена комитета снабжения) не дала результатов. Об этом он подробно писал Мануэлю Годою, объясняя, почему никак не может восстановить изъятое англичанами имущество.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С НАПОЛЕОНОМ

В середине ноября испанский посол во Франции получил приказ выделить жалованье Августину де Бетанкуру и изыскать денежные средства на приобретение необходимых приборов и механизмов, в коих нуждается господин де Бетанкур для поездки на Кубу.

В Париже Бетанкур снова возвращается к совместной с Бреге работе по усовершенствованию оптического телеграфа. А Наполеон в это время создает знаменитый Институт по изучению Египта и назначает его президентом Гаспара Монжа.

Бетанкур, живя в Париже неподалёку от своего учителя и основоположника начертательной геометрии, постоянно встречается с ним. Проблема Египта совсем его не интересует, но ему хочется быть в центре политических событий во Франции. Тем более что его хороший знакомый Жан Батист Жозеф Фурье, заведующий кафедрой математического анализа в Политехнической школе Парижа, получил должность секретаря Института Египта.

Специальным указом Директория передала в распоряжение Наполеона инженеров, деятелей науки и культуры, среди них было много знакомых и близких друзей Бетанкура. Под командованием молодого генерала Бонапарта оказалось 167 специалистов: инженеры по мостам и дорогам, судостроители, механики, географы, геометры, архитекторы, астрономы, минерологи, ботаники, физики и химики, а также художники, печатники, врачи и композиторы. Кроме того, к комиссии по Египту прикрепили ещё несколько студентов Политехнической и Горной школ.

Весь Париж принялся изучать историю Древнего Египта. Тема быстро стала модной в светских салонах. За несколько месяцев до отправки французских солдат в Александрию на берегах Сены о Стране фараонов не говорил только ленивый. Член Национальной академии, главнокомандующий войсками Наполеон Бонапарт, ещё не вступив в войну ни с англичанами, ни с мамелюками, стал самой популярной фигурой во Франции.

Бетанкур познакомился с ним в начале 1798 года в Парижской обсерватории. Наполеона заинтересовало изобретение Бетанкура—Бреге — оптический телеграф. Внимание к новинке проявили и испанский посол во Франции маркиз дел-Кампо и крупный испанский банкир граф Кабаррус.

АДМИРАЛ МАРИАНО ЛУИС ДЕ УРКИХО

Маркиз дел-Кампо и граф Кабаррус отправили в Мадрид восторженные донесения об оптическом телеграфе Бетанкура—Бреге, описав в подробностях его простоту и быстродействие, а также возможность применения в гражданских и военных целях. Мануэль Годой, получив сообщение посла из Парижа, очень благосклонно отнесся к нему. Однако в мае 1798 года под давлением оппозиции первому министру пришлось уйти в отставку.

На этом посту Годоя сменил его протеже адмирал Мариано Луис де Уркихо, который, к сожалению, продержался недолго: сторонник либеральных взглядов, один из переводчиков Вольтера на испанский язык, он искренне считал, что в конце XVIII века католические идеи уже смешны. За что и попал в тайный розыск Священного трибунала. Только благодаря высокому покровительству графа Аранда, государственного секретаря Карла IV, ему удалось избежать застенков инквизиции. Но на него всё равно наложили епитимью, и он должен был тайно исполнять её.

Цепкий и острый ум нового премьер-министра моментально оценил возможности нового телеграфа для военных целей, и, приступив к своим обязанностям летом 1798 года, Уркихо тут же вызвал из Парижа в Мадрид Бетанкура. Не последнюю роль в этом сыграло и то, что Мариано Луис де Уркихо, как и Бетанкур, был ставленником Флоридабланки и Аранда. А с 1795 по 1796 год, в должности секретаря посольства Испании, Уркихо служил в Лондоне, где на берегах Темзы встречался с Бетанкуром; они вели вольнодумные разговоры и пили портер… По приказу первого министра королевского двора Испании Августин де Бетанкур покинул гостеприимные набережные Сены и отправился на берега Мансанареса. Предстояло построить оптический телеграф, который бы соединил испанскую столицу с портовым городом Кадисом. И хотя экономика страны после Годоя находилась в глубоком кризисе, Уркихо нашёл для проекта полтора миллиона реалов. Строительство решено было начать в январе 1799 года, а закончить через двадцать месяцев.

ГЕНЕРАЛ ХОСЕ РАМОН ДЕ УРРУТИЯ ИДЕЛАСКАСАС

Перед началом работ Бетанкур навестил своего старого знакомого — художника Франсиско Гойю. После возвращения из Парижа, перед самым Рождеством, он заказал у портного для жены два новых шёлковых платья, украшенные модным рисунком: одно — букетами цветов, другое — арабесками. В тон к ним он хотел купить два веера, но не нашёл ни одного подходящего и решил попросить Франсиско расписать веер с ручкой из слоновой кости, чтобы подарить жене, — она ещё только училась обращаться с этим непременным атрибутом повседневной испанской жизни.

Бетанкур застал художника за работой над портретом генерала Хосе Рамона де Уррутия и де Лас Касас, несколько лет прослужившего в русской армии во времена правления Екатерины Великой. Генерал принимал участие в турецкой войне и хорошо знал русского полководца Суворова — о нём через несколько месяцев заговорит вся Европа: по настоянию англичан и австрийцев он будет отозван из ссылки и поставлен во главе армии союзников Второй антифранцузской коалиции. О подвигах Суворова напишут все испанские газеты. Бетанкуру же хотелось познакомиться с генералом Уррутией: тот, как оказалось, очень хорошо знал его отца — подполковника от инфантерии Августина де Бетанкура-и-Кастро, так как в 70-х годах несколько лет провёл на Канарских островах, занимаясь фортификационными укреплениями прибрежных крепостей.

Наблюдая за работой художника, Бетанкур заметил, что Уррутия позировал только с императорским Военным орденом Святого Георгия 4-й степени, полученным при русском дворе, хотя у него за долгие годы службы накопилось и много других наград. Генерал объяснил, что русская награда для него самая дорогая и он носит её постоянно.

История генерала Уррутия очень примечательна. 25 апреля 1787 году король Карл III издал указ, согласно которому группа испанских офицеров (среди них Хосе де Уррутия) должна была отправиться в поездку по европейским странам для изучения инженерных войск и фортификационных сооружений. Предстояло посетить Францию, Голландию, Швецию, Пруссию, Австрию и Россию.

Хосе Рамон де Уррутия и де Лас Касас (1739—1803) родился в местечке Касас-де-Мелья в окрестностях города Бильбао. Следуя

семейной традиции (его отец был полковником Королевской Валлонской гвардии), в 1755 году Хосе поступил на военную службу. После окончания Барселонской военной академии лейтенанта Уррутию отправили в Мексику, где он приобрел глубокие знания и навыки топографа. Созданные им в те годы карты северо-западных районов вице-королевства Новой Испании помогли освоению тихоокеанского побережья Калифорнии. Оригиналы карт сохранились до наших дней и находятся сегодня в библиотеке Британского музея.

После службы на Канарских островах Уррутия преподавал математику в Королевской военной академии в Авиле. В1779 году, во время англо-испанской войны, принимал участие в блокаде Гибралтара, а в 1782 году командовал гренадёрским полком во время экспедиции на Менорку. (По Парижскому мирному договору 1763 года, положившему конец Семилетней войне, остров принадлежал английской короне.)

Звёздным часом в судьбе генерала стало пребывание в России. В августе 1787 года началась Русско-турецкая война, и Уррутия, будучи в Петербурге, обратился к российским властям с просьбой направить его добровольцем в действующую армию. Летом 1788 года «бригадир испанской службы Уррутия, волонтёр при армии», прибыл в расположение русских войск, осаждавших турецкую крепость Очаков, где и познакомился с генерал-аншефом Суворовым. У русских был шанс взять крепость с минимальными потерями, но командующий войсками генерал-фельдмаршал князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический сделал всё возможное, чтобы ни один лист из лаврового венка победителя не достался Суворову. Поэтому вместо быстрого и продуманного штурма была выбрана тактика затяжной осады, в конечном итоге себя не оправдавшая, хотя победа и досталась русским.

Очаковская крепость была реконструирована французскими военными инженерами по последнему слову науки и техники и безусловно входила в десятку лучших европейских фортификационных сооружений того времени. Поэтому для её штурма русские войска провели серьёзные осадные работы, и опыт испанского инженера оказался весьма полезен. Русская армия, численностью более восьмидесяти тысяч человек, ожидала добровольной сдачи запертого в крепости двадцатитысячного гарнизона, но турки упорно сопротивлялись.

6 декабря 1788 года, в метель и двадцатитрехградусный мороз, русские шестью колоннами атаковали крепость. В авангарде штурмующих был и испанский военный инженер Хосе де Уррутия. Трофеи составили 310 орудий и 180 знамен. В плен

взято около четырех тысяч турок. Потери русских убитыми и ранеными, по одним данным, составили 147 офицеров и 2720 нижних чинов, по другим — более 4800 человек.

14 апреля 1789 года Екатерина II подписала указ о награждении иностранных офицеров, участвовавших в штурме, императорским Военным орденом Святого Георгия 4-й степени. Кроме Уррутии, были названы ещё трое испанских офицеров: майор Таранко, капитаны Парада и Пуле. Все они стали георгиевскими кавалерами «за отличную храбрость, оказанную при атаке крепости Очаков». После Очакова Уррутия участвовал во взятии турецких крепостей Бендеры и Аккерман.

Во время одного из полевых сражений в Бессарабии испанскому бригадиру, командовавшему отрядом русских гренадёр, удалось успешно отразить атаку турецкой кавалерии. Наградой отважному офицеру стала золотая шпага «За храбрость»; её светлейший князь Таврический торжественно вручил ему перед строем. Русское командование не раз обращало внимание на выдающиеся способности испанского офицера. Ему предложили генеральскую должность в русской армии, но он отказался, посчитав, что не может нарушить данную в юности присягу на верность испанскому королю.

После возвращения на родину Хосе де Уррутия участвовал в военных действиях в Марокко и в походе против революционной Франции. В 1795 году он получил чин генерал-капитана и стал членом королевского Военного совета. По его инициативе началась реформа инженерных войск, в частности был создан первый в испанской армии сапёрный полк.

Через год после того, как Гойя окончил портрет Хосе де Уррутии, Карл IV наградил прославленного офицера Командорским крестом ордена Калатравы — одной из самых престижных наград Испании. Но в истории мировой живописи, как и в истории XVIII века, Хосе де Уррутия навсегда остался просто георгиевским кавалером. Вот как высоко ценил испанский генерал русскую боевую награду, напоминавшую ему о трёхлетней службе в русской армии! Сегодня портрет генерала можно увидеть в одном из залов музея Прадо.

В 1799 году Бетанкур не раз встречался с этим прославленным человеком — его к нему влекло не праздное любопытство: Бетанкур получил первое приглашение отправиться на работу в Россию. И хотя он твердо решил не принимать его (в Испании для него открывались самые радужные перспективы), ему всё же хотелось узнать как можно больше о далёкой и загадочной стране.

АЛЕКСАНДР ФОН ГУМБОЛЬДТ

В начале января 1799 года мастерские Королевского кабинета машин были срочно переоборудованы под изготовление деталей для телеграфа. За год отсутствия Бетанкура в Мадриде многие помещения в Буэн-Ретиро были заняты, и их спешно пришлось освобождать. Для этого 2 января Бетанкуру даже пришлось подписать у короля специальный указ, так как необходимо было первым делом освободить так называемые «комнаты инфанта дона Антонио», где Бетанкур планировал поселиться с семьей и таким образом полностью посвятить себя работе.

В отдельных помещениях устанавливали кузнечные горны. В больших количествах закупали железо, свинец и бронзу. В помощь Бетанкуру был направлен главный придворный архитектор Хуан де Вильянуэва, автор здания Музея естественной истории Прадо. Он должен был обеспечивать контроль производства и отвечать за финансы.

В это время первый министр королевства Мариано Луис де Уркихо (ему год назад исполнилось тридцать лет) поставил перед страной главную задачу — развивать промышленность не только в Каталонии, но и по всей стране, что сразу же вызвало недовольство в промышленных кругах Барселоны.

Уркихо поддерживал развитие искусств и ремёсел по всей Испании, а также уделял большое внимание образованию, науке и технике. Именно благодаря его стараниям удалось осуществить знаменитую экспедицию в Южную Америку под руководством барона Александра фон Гумбольдта.

На приёме у саксонского посланника в Мадриде Филиппа Барона фон Форелля Бетанкур встретился с Гумбольдтом — ещё год назад в Парижской обсерватории тот произвёл на него самое благоприятное впечатление. Директория планировала включить Александра фон Гумбольдта в египетскую экспедицию Наполеона, но из-за поражения французского флота при Абукире сношения между Францией и Александрией прекратились. Путешествие пришлось отменить.

Гумбольдт отправился в Испанию, где через Мариано Луиса де Уркихо получил у короля Карла IV в Аранхуэсе паспорт и разрешение пользоваться астрономическими и геодезическими инструментами, снимать планы, определять высоты, собирать естественные минералы, если те покажутся ему интересными. Со стороны подозрительного испанского правительства, ревниво оберегавшего свои владения от постороннего взгляда, такое доверие, да ещё в тревожное, смутное время, было поистине

удивительно. «Никогда путешественник не получал такой неограниченной свободы действий, — скажет по этому поводу Гумбольдт, — никогда испанское правительство не оказывало такого доверия иностранцу». Это стало возможным только благодаря либеральному правлению Мариано Луиса де Уркихо, но оно, увы, продлилось недолго.

Бетанкур знал, что главной целью путешествия Гумбольдта в Америку было изучение климата и строения земного шара, анализ воздуха, физиология растений и животных и, наконец, общие отношения органических существ в неодушевленной природе. Все эти вопросы, как ученого, не могли не интересовать и Бетанкура, хотя в то время он полностью сосредоточился на создании оптического телеграфа.

СТРОИТЕЛЬСТВО ОПТИЧЕСКОГО ТЕЛЕГРАФА МАДРИД-КАДИС

11 января 1799 года собственный корреспондент французской газеты «La chronica universal» в Мадриде писал: *«Дон Августин де Бетанкур, столь широко известный во Франции и в Англии своими талантами в механике, недавно возвратился в испанскую столицу. Несколько лет тому назад г-н Бетанкур был назначен на должность главного директора Машинного зала. Во дворце Буэн-Ретиро, где находится вышеупомянутый зал, ему были отведены уютные апартаменты. Однако, вернувшись из-за границы, дон Августин обнаружил свои комнаты в полном беспорядке, так как в его отсутствие их использовали в иных целях. На вопрос короля о том, хорошо ли ему в Буэн-Ретиро, дон Августин отвечал: "Судя по всему, со мною совсем перестали считаться. Вашими благими намерениями пренебрегли. Я не знаю, где мне теперь жить". "Не отчаивайся, — молвил монарх, — я подыщу тебе такие апартаменты, которые придутся тебе по вкусу"*[8]*. На следующий день Карл IV посетил Буен-Ретиро и выделил г-ну Бетанкуру комнаты. "Я лично позабочусь о том, чтобы они пребывали в целости и сохранности," — пообещал он».*

Живя с семьей в Буэн-Ретиро, Бетанкур почти каждый день выезжал на трассу будущего телеграфа, где трудился, не обращая внимания даже на церковные праздники. Несмотря на то что бюджет на строительство был срезан более чем на 25%, работу завершили на месяц раньше срока, а сама постройка обошлась казне в 968 тысяч реалов. Таким образом, удалось сэкономить 132 тысячи реалов, хотя первоначально проект предусматривал затраты 1,5 миллиона реалов.

В августе 1800 года линия заработала. На ней было задействовано семьдесят телеграфных аппаратов, установленных на расстоянии 10—12 километров друг от друга. Впоследствии сам Наполеон, посетив Испанию, восхищался изобретением Бетанкура и ставил своим академикам в вину, что они выбрали телеграф Шаппа, а не устройство Бреге—Бетанкура.

Сигнал из Мадрида в Кадис поступал за сорок секунд. Линия просуществовала до 1808 года, пока не началась война с французами и телеграф не был полностью разрушен.

Вскоре у Бетанкура появилось новое предложение — соединить ряд испанских городов такой же связью. Королевский Кабинет машин брался за изготовление устройств и механизмов, однако смелым планам Бетанкура не суждено было воплотиться в

жизнь.

БОРЬБА С ИНКВИЗИЦИЕЙ

29 августа 1799 года в крепости Балансе, на реке Рона, фактически в плену у французов, скончался папа Пий VI. Это событие послужило благоприятным предлогом для министра Уркихо ослабить зависимость Испании от Ватикана. 5 сентября 1799 года испанский король подписал декрет, возвращавший епископам права, узурпированные римской курией вопреки канонам. Декрет освобождал испанский народ от ежегодной траты многих миллионов на получение брачных льгот в близких степенях родства и других булл и бреве.

Смелый политический шаг Уркихо должен был привести к ослаблению инквизиции, по его мнению, противодействовавшей государственному благу и благополучию народа. Министр желал полностью упразднить инквизицию, а её имущество передать благотворительным и общественным учреждениям. Он подготовил декрет и представил его на подпись королю. Карл IV не подписал его, согласившись тем не менее ограничить власть Святого трибунала и привести её в соответствие с нормами римского права, то есть запретить трибуналу арестовывать кого бы то ни было без королевского соизволения и разрешить узникам после судебного допроса получать все документы их процесса и свидетельских показаний, как это делается в других судах.

11 октября 1799 года Уркихо издал указ (и король подписал его) о свободе и независимости всех книг, бумаг и вещей иностранных консулов, живущих в приморских портах и торговых городах в испанских владениях. Указ был издан по случаю опрометчивого обыска, произведённого комиссарами инквизиции Аликанте в доме Леонгарда Стука, у покойного голландского консула, а в Барселоне — у французского консула.

Также государственный секретарь Уркихо с помощью своего друга адмирала Масарредо реформировал испанский флот. Он первый в Европе на государственном уровне составил проект уничтожения рабства.

Естественно, такая политика ущемляла интересы многих богатых и влиятельных людей, и в первую очередь испанской инквизиции. Вскоре первый министр королевства был арестован и заключён в глубокий и сырой каземат знаменитой крепости в Памплоне, где, лишённый книг и света, провёл несколько лет. Бетанкур отлично понимал, что такая же судьба может ожидать и его — Святая инквизиция давно поглядывала в его сторону, посчитав оптический телеграф исчадьем ада.

Простые подозрения, то есть не доказанные ничем обвинения в ереси, основанные на косвенных уликах, догадках и предположениях, служили достаточным основанием для ареста. Против людей выдвигали пустячные подозрения, они задерживались и иногда по нескольку лет томились в тюремных камерах. По сути, любой донос служил для инквизиции доказательством виновности обвиняемого: церковь рассматривала каждого верующего как потенциального еретика, которого дьявол пытается совратить с пути истинного. Донос считался чуть ли не мистическим актом провидения, а сам доносчик выступал в роли оракула, глаголющего истину. Поэтому целью следствия была не проверка тайного навета, а добыча признания обвиняемого в «преступлении», чистосердечное раскаяние и, в конце концов, примирение с католической церковью, которая поможет ему изгнать дьявола.

У Бетанкура было много завистников, они с удовольствием отправили бы его в тюрьму. Положение спас Мануэль Годой: в начале 1801 года он вновь занял главенствующее положение в правительстве, получив «скромную» должность генералиссимуса испанских войск.

МАДРИДСКАЯ ШКОЛА ДОРОГ, КАНАЛОВ И ПОРТОВ

Гениальный Уркихо ещё в 1799 году успел подписать декрет о создании Испанского Корпуса инженеров дорог и каналов, проект которого ещё десять лет назад Бетанкур передал государственному секретарю и своему покровителю графу Флоридабланке через испанского посланника во Франции графа Аранда. Когда же Педро Пабло Абарка де Болео де Аранда стал премьер-министром, то вернулся к проекту, хотя осуществить его так и не смог.

Только при Мариано Луисе де Уркихо стало окончательно ясно, что дальнейшее развитие страны без современных путей сообщения и без грамотных отечественных инженеров невозможно. Дальновидному Уркихо в последний год уходящего века удалось убедить королевский двор в необходимости создания корпуса. В его штат вошли пятнадцать инженеров: три комиссара инспекции, восемь их заместителей в должности адъютантов и четыре архитектора. Первым комиссаром корпуса был назначен Бетанкур. В состав корпуса также вошли три инженера-космографа, одновременно являвшиеся профессорами астрономической обсерватории.

Важным обстоятельством стало и то, что в 1801 году Бетанкур был назначен генеральным инспектором дорог и каналов всей Испании. Это означало, что путейское ведомство полностью переходило под его контроль. Бетанкур занял при правительстве Испании, в то время возглавляемом Педро Севальосом Герра, супругом доньи Марии-Хосеф Альварес де Фария, приходившейся двоюродной сестрой Мануэлю Годою, довольно высокое положение.

Таким образом, в 1799 году карьера Бетанкура пошла вверх. Сначала он получил чин интенданта провинции, в 1802 году — министерского советника, в 1803 — интенданта армии, что по табели о рангах соответствовало гражданскому чину губернатора провинции или военному — полевого маршала. К жалованью директора Королевского кабинета машин (44 тысячи реалов в год), в знак особой монаршей милости, был добавлен ещё пенсион в 12 тысяч реалов. И наконец, в 1801 году в семье Бетанкур появился ещё один ребенок — дочка Матильда.

Анна Джордейн, много лет страдавшая от неопределенности в браке, наконец-то почувствовала свою значимость. Она стала заказывать дорогим портным Мадрида шёлковые платья, не

жалела денег на роскошный экипаж и выезжать из дома старалась почти каждый день. Это стало предметом зависти молодой жены Бартоломе Суреды — с ней Анна была близка на протяжении нескольких лет, однако новое положение мужа при королевском дворе отдалило женщин друг от друга.

Коньком в пристрастиях Анны стала обувь — всевозможные туфли из мягкой кожи, бархата или атласа, украшенные вышивкой, закрывающие ногу не выше щиколотки. Она покупала их каждую неделю, и не по одной паре.

Изменившийся социальный статус, высокое положение в обществе повлияли на характер Анны Джордейн — он резко испортился. Со многими, с кем она поддерживала многолетние дружеские отношения, связи были оборваны. Даже два веера, расписанные для неё Гойей, ей не понравились. Она решила купить себе другие.

Но Бетанкур ничего этого не замечал. Он полностью был поглощён работой. Через полтора года после назначения на пост генерального инспектора дорог и каналов он написал обширную записку под названием «Замечания относительно состояния дорог и каналов в Испании, причин отсталости и дефектов и способы преодоления их в будущем». 28 апреля 1803 года он вручил её в Аранхуэсе первому министру королевства дону Педро Севальосу Герра. Особое внимание в ней уделялось сухопутным путям, построенным в 1799—1802 годы, а также давались обстоятельные рекомендации по дорожному строительству. Запиской заинтересовался сам Мануэль Годой: некоторые страницы он перечитал по нескольку раз.

Выводы, сделанные Бетанкуром, оказались убийственными для правительства: сметы на строительство почти всех дорог были значительно завышены, большая часть денег расходовалась не по назначению, мосты строились не там, где было необходимо, а там, где подрядчик мог больше заработать. Все новые дороги признавались недолговечными.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ БЕТАНКУРОМ И ЛАНЦЕМ

В 1801 году Бетанкур посетил Мурсию: там в городе Лорка авария на плотине привела к большим человеческим жертвам только потому, что своевременно не была произведена реконструкция плотины на реке Сангонера. Всё это Бетанкур отметил в докладе правительству и заключил, что подобного не случилось бы, если бы в стране были грамотные инженеры путей сообщения. Нужно было как можно скорее создать свою, испанскую школу дорожных и водных коммуникаций. И правительство пошло на это.

В начале существования школы Корпуса инженеров дорог и каналов (1802—1808) преподавание в ней вели Августин де Бетанкур, Хуан Лопес де Пеньяльвер, Хосе Чэ и Хосе-Мария де Ланц. Обучение длилось два года. Первый приём состоялся 26 октября 1802 года. Экзамен сдавали одиннадцать человек. Выдержали только семь. При этом лишь пять были зачислены. Занятия начались в ноябре и проходили в помещениях Королевского кабинета машин. Для учебного процесса катастрофически не хватало литературы. Бетанкур и Пеньяльвер срочно перевели с французского на испанский «Начертательную геометрию» Гаспара Монжа и «Трактат по элементарной механике» Луи-Бенжамена Франкёра.

В 1803 году обе книги появились в свободной продаже, хотя на каждой из них стояла надпись: «Переведена на испанский язык для использования в Учебном заведении Генеральной инспекции путей сообщения». Второй приём состоялся в 1803 году по изменённым правилам: набор в школу Корпуса инженеров дорог, каналов и портов проводился для абитуриентов не моложе двадцати лет. Что касается экзаменов, то они сдавались по тем же предметам, что и раньше. Вступительные испытания продолжались две недели. Решение о зачислении в корпус принимал сам Бетанкур после дополнительного собеседования, и только в исключительных случаях, если он отсутствовал, этим мог заниматься Хуан Лопес де Пеньяльвер.

Занятия начинались с 1 по 20 ноября и заканчивались 31 июля. Только начало первого семестра пятого приема было перенесено на 1 января 1807 года в связи с командировкой Ланца во Францию.

Первоначальный план обучения, рассчитанный на два курса, был составлен Бетанкуром. На первой ступени читались такие

предметы, как механика, гидравлика, математика, начертательная геометрия, земляные работы, стереометрия, черчение. На второй — наука о материалах, построение машин, мосты, реки, строительство дорог и каналов, сведения о навигации и эксплуатации. Также в плане каждого весеннего семестра была предусмотрена практика по получаемой специальности.

В 1804 году Хосе-Мария де Ланц предложил внести в программу дополнения. По предоставлению Генеральной инспекции путей сообщения 11 апреля того же года они были утверждены Карлом IV. Однако с новшествами категорически не согласился Бетанкур.

Дело заключалось в следующем. Ещё во Франции Ланц изучал педагогику и был знаком с методикой преподавания отдельных дисциплин в Парижской нормальной школе. Из-за недостатка у студентов знаний по математике в школе Корпуса инженеров дорог, каналов и портов Ланц решил читать эту дисциплину не только на первом курсе, как раньше, но и на втором. Для этого он пригласил двух профессоров по своему выбору. Поведение старого друга затронуло самолюбие Бетанкура: он не имел ничего против чтения математики на втором курсе, но был обижен тем, что Ланц не согласовал с ним, директором школы, кандидатуры преподавателей. Конфликт разгорелся быстро и довольно скоро, покинув стены Буэн-Ретиро, перешёл в кабинеты высоких чиновников в королевском дворце.

Ланц считал, что Бетанкур, как механик и гидравлик, не может в полной мере оценить глубину и талант математика. Это заявление вывело Бетанкура из себя. Он в грубой форме ответил, что директор школы Корпуса инженеров дорог, каналов и портов может оценить любого преподавателя куда лучше, чем рядовой профессор. Досталось от Бетанкура и Пеньяльверу — его Ланц пытался привлечь на свою сторону.

Однако через несколько недель инцидент между Бетанкуром и Ланцем был исчерпан. Бетанкур не допустил в школу новых преподавателей, выбранных Ланцем, но согласился принять на работу в качестве профессоров математики трёх недавних выпускников школы. Ими стали Антонио Гутьеррес, Хоакин Монастерио и Хосе Азас. Первый из них был старшим и самым талантливым выпускником школы. Бетанкур знал его с тех пор, когда тот ещё учился в Королевском учебном заведении Святого Исидора и уже тогда обнаружил незаурядные способности в математике и физике. Затем Антонио в составе группы студентов, под руководством Бетанкура, стажировался во Франции. Он даже посещал занятия в Политехническом институте в Париже. После

окончания Мадридской школы Корпуса инженеров дорог, каналов и портов был назначен ассистентом кафедры математики, а в 1805 году, в отсутствие Ланца, даже заведовал кафедрой.

Гутьеррес был протеже Бетанкура, Монастерио и Азас — Хосе-Мария де Ланца. В школе Корпуса инженеров дорог, каналов и портов образовались две группы, постоянно конфликтовавшие между собой. Бетанкур настаивал, чтобы на первом курсе математику преподавал не Хосе Азас, а Антонио Гутьеррес. А Хосе-Мария де Ланц стоял на своём и, будучи заведующим кафедрой математики, не позволял Антонио Гутьерресу вести занятия на первом курсе.

Из числа учащихся первого выпуска Бетанкур оставил на преподавательской работе в школе Корпуса инженеров дорог, каналов и портов Рафаэля Бауса, двоюродного брата Бартоломе Суреды, также уроженца Балеарских островов.

Историческая справка

В 1801 году родной брат Наполеона Люсьен, находившийся в Мадриде в качестве официального посланника Франции, подписал соглашение с Карлом IV о войне с Португалией. Испанцы должны были начать военные действия с помощью пятнадцати тысяч французских солдат, прибывших на Пиренейский полуостров. В историю эта война вошла под названием Апельсиновой. Дело в том у что, одержав ряд незначительных побед, испано-французская армия начала украшать свои кокарды ветками апельсиновых деревьев с белыми цветами. Это растение, имеющее сладкие плоды и сегодня хорошо известное каждому, в Португалию оно попало из Китая только в XV веке, однако успешно прижилось на Пиренейском полуострове и даже стало одним из его символов.

Несмотря на успешные военные действия Испании, курс песеты стремительно снижался. Жизнь дорожала. При этом южные провинции, и в первую очередь Андалусию, охватила эпидемия желтой лихорадки. Эту болезнь испанцы завезли в Европу из Южной Америки в конце XVI века.

Газеты в Мадриде постоянно писали, что испанский флот несёт ощутимые потери по обе стороны Пиренейского полуострова, как в Атлантике, так и в Средиземном море. Поэтому неудивительно, что

заключённый 25 марта 1802 года в Амьене мирный договор между Францией, Испанией, Батавской республикой (название нидерландской Республики Соединенных провинций во время её завоевания Францией между 1795 и 1806 годами) с одной стороны и Англией — с другой обрадовал Бетанкура. Это позволило испанскому правительству высвободить некоторые финансы и направить их на расширение школы Корпуса инженеров дорог, каналов и портов.

СИТУАЦИЯ ВОКРУГ КОРПУСА ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ИСПАНИИ

Первый выпуск школы Бетанкура состоялся в 1804 году. Все выпускники были включены в состав Корпуса инженеров путей сообщения, получив соответствующие своим знаниям степени.

Через два года, 26 июля 1806 года, вышел королевский указ о том, что выпускники Корпуса инженеров путей сообщения после окончания школы будут получать звания адъюнктов первой, второй и третьей степеней с жалованьем девять тысяч реалов в год. Например, в должностные обязанности адъюнкта третьей степени входило поддержание участка дороги длиной в двадцать лиг в надлежащем состоянии.

Главной задачей Корпуса инженеров путей сообщения была подготовка такого количества специалистов, чтобы они уже в ближайшем будущем смогли контролировать все главные дороги Испании.

Адъюнкты третьей степени, хорошо зарекомендовавшие себя, переводились во вторую степень, с жалованьем двенадцать тысяч реалов. Адъюнктам второй степени уже доверяли строительство мостов, каналов, плотин, ведение геодезических измерений… Адъюнкты первой степени имели жалованье в пятнадцать тысяч реалов и могли проводить самостоятельно любые работы.

Однако политическая ситуация в Испании не могла не сказаться на работе Корпуса инженеров путей сообщения. Амьенский мир оказался недолговечным. Через год война разгорелась с новой силой. Карл IV вынужден был подчиниться союзническому договору с Францией и выступить на её стороне. При этом испанский король всячески доказывал Наполеону, что его страна не в состоянии поддержать французского императора военной силой. После долгих переговоров Бонапарт наконец согласился вместо военной помощи принять денежную компенсацию — ежемесячную выплату в размере 6 миллионов ливров.

Всё это не могло не отразиться на финансировании Корпуса инженеров путей сообщения — сметы строительных работ были урезаны в несколько раз. Только что наладивший работу корпус вместе со всей страной переживал большие финансовые трудности. Понимая, что денежные потоки королевства проходят через руки Мануэля Годоя, Бетанкур попытался улучшить с ним

отношения. И случай такой представился.

ТРЕЩИНА МЕЖДУ ГОДОЕМ И БЕТАНКУРОМ

На территории обширного поместья Сото-де-Рома, принадлежавшего королевскому фавориту, необходимо было провести гидравлические работы по укреплению берега реки Хениль. Бетанкур поручил ответственное задание одному из своих лучших учеников — Рафаэлю Баусе. Чтобы избежать будущих наводнений и обезопасить территорию усадьбы, Бауса выполнил земляные работы, построил мост через реку и был крайне удивлён, узнав, что управляющий имением написал Годою письмо, где обвинил его в завышении сметы строительных работ. Ведь смета расходов на укрепление береговой линии была составлена задолго до начала работ.

Бетанкур встал на сторону своего ученика, что привело в неописуемую ярость королевского фаворита. Всей Испании было хорошо известно, какую жадность испытывал этот человек к денежным знакам. Трещина, образовавшаяся между Годоем и Бетанкуром после этого случая, с каждым годом только увеличивалась.

Мануэль Годой, или Мануэлито (так ласково его называл король), передал работы в усадьбе Сото-де-Рома военным инженерам, с большим недоверием относившимся к выпускникам Мадридской школы дорог, каналов и портов.

История со скандалом плохо повлияла на репутацию всего Корпуса инженеров путей сообщения, а о выпускниках Мадридской школы дорог, каналов и портов при королевском дворе заговорили с явным пренебрежением.

«Дон Августин де Бетанкур и дон Мануэль Годой были диаметрально противоположными идиосинкразиями, — писал в своей книге Себастьян Падрон Акоста, — *Бетанкур, сдержанный, бесхитростный, чуждый мошенничеству, увлечённый только наукой; Годой, напротив, интриган и сладострастник, предатель не только своего короля, но и родины, заботящийся исключительно о собственном преуспеваниии и эфемерной славе, поэтому они должны были столкнуться между собой».*

В 1835 году граф Торено сообщил в своих записках о Мануэле Годое следующее: «Столь скоро протежировал он людей учёных и уважаемых, сколь унижал их». И это была чистая правда. Однако свободный дух Бетанкура никогда не позволял всесильному временщику унижать себя. Бетанкур вращался в высоких аристократических кругах и знал себе цену. По словам

исследователя науки и техники Дмитрия Никольского, *«он был близок с Карлосом Хосе Гутьерресом де лос Риос-и-Сармьенто, графом де Фернан Нуньесом и герцогом де Монтельяно, сыном знаменитого испанского дипломата, оказавшего неоценимую поддержку молодому учёному в годы его учебы во Франции. Дружил с французского периода с молодым Франсиско де Валенсия-и-Аранда, графом де Кае а Валенсия. Но особо тесная, интимная дружба связывала его с одним из первых грандов королевства, доном Педро Алькантара де Толедо-и-Сальм-Сальм, носящим титул герцога Инфантадо, — аристократом, входившим в число двенадцати самых знатных вельмож, ведших свой род от вестготских королей, имеющих привилегии надеть шляпу раньше, чем ответить королю, и говорить друг другу ты».*

Герцог Инфантадо в то время был приближённым наследного принца Фернандо, будущего короля Испании Фернандо VII (1814—1823), и разделял с ним кровную ненависть к Годою, любовнику его матери. Так что Бетанкур был в самом центре дворцовых интриг и легко мог оказаться не только в тюремном застенке, но и на эшафоте.

Одна из причин, по которой Бетанкур покинул Испанию, — это конфликт с Годоем. Через четырнадцать лет после смерти Бетанкура, в 1838 году, уже в эмиграции во Франции, Мануэль Годой в своих воспоминаниях напишет, что Августин де Бетанкур был *«прославленным инженером»,* сделавшим очень много полезного для своей родины.

РУССКИЙ ПОСЛАННИК

В 1804 году у Бетанкура родился сын, названный Альфонсо, а тремя годами раньше дочь Матильда. Анна Джордейн рожала с завидной регулярностью, но из всех детей выжили только четверо. Бетанкур обожал их всех, но всё-таки особенно дорога ему была Каролина — её он любил чуточку больше, чем остальных.

В 1805 году Бетанкур снова встретился с русским посланником Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом, и тот повторил ему сделанное ещё несколько лет назад предложение графа Румянцева о получении высокой должности в Санкт-Петербурге. Бетанкур снова отказался от заманчивой возможности на очень выгодных условиях поехать в Россию. Втайне он ещё надеялся, что сможет уехать на Кубу и там, подальше от королевского двора, переждать какое-то время, пока в Испании кончится смута.

БОЛЬШИЕ АНТИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

В письмах от кубинского сахарного промышленника Франсиско де Аранго-и-Парреньо (с ним Бетанкур находился в переписке несколько лет) он постоянно получал приглашения приехать на Антильские острова. Ещё в конце XVIII века по распоряжению Бетанкура из Кадиса в Гавану была отправлена паровая машина, предназначенная для перемалывания сахарного тростника. В это время в Вест-Индии с паровыми двигателями Джеймса Уатта никто ещё знаком не был. На сахарных заводах использовали только рабский труд и силу животных. Рабы на Кубе появились в ходе Семилетней войны, которую Уинстон Черчилль в своей классификации войн отнёс к «Первой мировой».

В 1762 году Гавану захватили англичане. И хотя английский гарнизон продержался всего одиннадцать месяцев, этого оказалось достаточно, чтобы остров начал жить по новым правилам. За это время из Африки было привезено большое количество рабов, увеличилась добыча и переработка сахара, товарооборот продуктов из сахарного тростника вырос в несколько раз. Кубинские промышленники, оторванные от метрополии, не только не разорились, а, наоборот, увеличили свои капиталы, так как Англия ввела режим свободной торговли.

По окончании Семилетней войны, согласно мирному договору, остров был возвращен испанской короне, но теперь она была вынуждена смягчить прежний жёсткий экономический режим на Кубе. Скотоводы и плантаторы получили большие привилегии по ведению внешней торговли.

После окончания Войны за независимость в США торговые отношения между Гаваной и Америкой многократно увеличились. При этом чем хуже складывались отношения между Великобританией и Испанией, тем интенсивнее развивалась торговля между Кубой и США. С 1793 по 1795 год испанцы полностью легализовали торговлю с США, что не могло не привести к резкому спросу на кубинский сахар, производство которого не поспевало за потребностями быстро растущего американского рынка. Кубинцы чувствовали, что им срочно нужно переоборудовать производство новейшими образцами науки и техники, хорошо зарекомендовавшими себя в Англии.

Для этой цели, по их мнению, лучше всего подходил Августин де Бетанкур; с ним в Лондоне и познакомился Франсиско де Аранго-и-Парреньо, игравший на Кубе ведущую роль в создании trapiches — сахарных заводов. Толчком к модернизации производства, как ни странно, стала и французская

революция. На острове Гаити (восточная часть его принадлежала Франции, и там трудилось более шестисот тысяч невольников) вспыхнуло восстание, вследствие чего было уничтожено большое количество кофейных плантаций и сахарных заводов. Произошедшие кровавые события существенно повлияли на стоимость товара. Цены на кофе и сахар на мировом рынке стремительно поползли вверх.

Свалившейся удачей кубинские сахарозаводчики захотели воспользоваться в полной мере, поэтому Августин де Бетанкур, способный наладить сахарную промышленность и вывести её на новый уровень, им был крайне необходим. Паровой двигатель, прибывший из Кадиса на Кубу по распоряжению Бетанкура ещё в 1796 году, был установлен в имении Сейбабо и запущен 11 января 1797 года. К сожалению, машина проработала всего несколько недель. Сломалась. Починить её никто так и не смог. В Вест-Индии отсутствовали квалифицированные механики. На Кубе с нетерпением ждали Бетанкура, Ланца и Суреду, но они, по уже известным нам причинам, так до острова и не добрались[9].

В 1805 году Бетанкур начал снова подумывать о поездке на Кубу. Прежде всего это было связано с его финансовым положением: Испания вошла в полосу гиперинфляции. Во Франции совместное предприятие с Бреге терпело убытки, и Бетанкуру пришлось отказаться от своей доли. Августин никогда не мечтал о богатстве, но ему постоянно не хватало денег. И хотя у него были возможности заработать, он всегда на первое место ставил науку, а уж затем выгоду.

Поездка на Кубу давала уникальную возможность — крупно заработать на сахарном производстве и стать пионером по внедрению паровых машин в Вест-Индии. К тому же сам Мануэль Годой был заинтересован в этом — он имел там личные финансовые интересы. Более того, сама королевская семья подумывала о том, чтобы оставить Мадрид и на какое-то время перебраться в Мексику, как это сделает впоследствии португальский король, переехав в Бразилию.

Однако военно-морское сражение 21 октября 1805 года на атлантическом побережье Испании, около города Кадис, у мыса Трафальгар, между английскими и франко-испанскими вооруженными силами внесло заметные изменения в жизнь не только королевской семьи, но и всех испанцев. В этой решающей морской битве Франция и Испания потеряли двадцать два корабля, а Великобритания — ни одного, правда, в сражении погиб легендарный командующий английским флотом адмирал Нельсон. Победа Великобритании закрепила морское превосходство Лондона, установленное в Атлантике и в

Средиземном море ещё в XVIII веке. Всем стало ясно, что из-за политики умиротворения Наполеона, проводимой Мануэлем Годоем («князем мира»), Испания окончательно потеряла Вест-Индию. И хотя де-юре это произойдёт на несколько лет позже, де-факто отделение Вест-Индии от Испании — неминуемо, как произошло, например, в 1776 году, когда Соединенные Штаты Америки объявили о своей независимости от Великобритании.

Ехать на Кубу не имело смысла. Испания потеряла военный флот и не могла контролировать и охранять торговые пути из метрополии в Новый Свет. Бетанкур снова вернулся к предложению русского посланника Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола.

НОВЫЕ МЕТОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ

В 1805 году Муравьев-Апостол был неожиданно отозван в Санкт-Петербург и снят со всех должностей. По некоторым данным, он впал в немилость у Александра I за разглашение «недостоверных сведений» о подготовке убийства Павла I. От поездки в Россию на какое-то время опять пришлось отказаться. 1806 год Бетанкур полностью посвятил преподавательской работе. Он переработал учебные планы по математике, плоскостной и сферической тригонометрии, коническим сечениям, дифференциальному и интегральному исчислению, а также основам теоретической и экспериментальной физики. Учебные планы, составленные Бетанкуром, являлись продолжением и обобщением работы, проделанной в Париже его учителями Гаспаром Монжем и Жаном Родольфом Перроне.

Заслуга Бетанкура заключалась не только в том, что он засеял французские семена в испанскую почву, — он теоретически переосмыслил учебные планы Политехнической школы в Париже (Ecole Polytechniqe), Парижской школы мостов и дорог (Ecole des Ponts et Chaussees) и Высшей нормальной школы (Ecole normale superieure). При этом базой для создания Мадридской школы, как уже было сказано, явился Королевский кабинет машин в Буэн-Ретиро. Это отличало учебный процесс в Испании от учебного опыта Франции — в Париже за учебной партой ещё не изучали паровые машины двойного действия.

БЕТАНКУР-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Ещё в 1799 году Бетанкур выкупил у государства ткацкую фабрику в Авиле и переоборудовал её машинами и станками собственного изобретения. Фабрика выпускала материю из набивного хлопка. Для Испании, особенно для центральной её части, производство было революционным: основные текстильные мануфактуры располагались в Каталонии, а само изготовление хлопчатобумажных тканей в Европе было открыто впервые только в 1772 году в Англии. Однако преподавательская работа отнимала у Бетанкура много времени и не позволяла ему заниматься бизнесом в полную силу, поэтому фабрика оказалась нерентабельной.

Кроме того, Бетанкуру приходилось часто бывать при королевском дворе и принимать участие во всякого рода увеселениях; к ним он относился, с одной стороны, с равнодушием, но с другой — отлично понимая, что это часть его повседневной работы. Именно благодаря частому пребыванию при дворе он смог добиться, чтобы казна вернула себе фабрику в Авиле, а ему возместила издержки, понесённые при модернизации производства. К этому времени долги фабрики достигли двух миллионов реалов. Несмотря на тяжелое финансовое положение самого монарха, он удовлетворил прошение Бетанкура и выкупил предприятие.

Но положение Бетанкура стало не намного легче. В испанской казне совсем не было денег на крупные инженерные проекты, интересовавшие учёного. Все деньги съедал непомерно раздутый военный бюджет и неоправданно высокие расходы на содержание королевского двора. Чтобы пополнить казну, без зазрения совести продавались чины, должности, звания и привилегии. При этом государство не имело флота, а войска находились в жалком состоянии. Чтобы угодить Наполеону, «князь мира» отправил один корпус, под начальством генерала Офарильи, в Тоскану, а другой, в количестве четырнадцати тысяч человек, под командованием маркиза Ла-Романа, — в Данию.

Таким образом, Испания лишилась лучших своих солдат, тогда как под предлогом войны с Португалией на Пиренейский полуостров вторгся двадцатичетырехтысячный французский контингент под командованием маршала Жюно.

После Трафальгарского сражения торговля с Вест-Индией почти полностью замерла. Фабрики и мануфактуры пришли в упадок. В это время Бетанкур принимает решение уехать в Париж, и, к его удивлению, Карл IV его с легкостью отпускает. Через

несколько лет из России он напишет старшему брату Хосе: *«…в эту эпоху от королевского двора отчуждалось всё индивидуальное, всё у что пользовалось хоть некоторым уважением. Мне предоставили разрешение на путешествие сразу же, как только я его попросил»,*

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В МАДРИДЕ

В мае 1807 года Бетанкур навсегда покинул Испанию. Через несколько недель после его отъезда в Мадриде начались народные волнения, которые привели к отставке Годоя. Под давлением королевы и для спасения Мануэлито Карл IV отрёкся от престола в пользу своего сына Фердинанда, но, как только дело было сделано, написал Наполеону письмо с отзывом своего отречения. Бонапарт воспользовался моментом и, пригласив в Байонну Карла IV и его сына, лишил того и другого короны, надев её на голову своему родному брату Иосифу, взошедшему на испанский престол под именем Хосе I.

Многие из друзей и коллег Бетанкура присягнули новому монарху. Среди них профессор Хосе-Мария де Ланц, а также освобождённый из тюрьмы Мариано Луис де Уркихо. Властитель дум — писатель, юрист, экономист и общественный деятель эпохи Просвещения Гаспар Мельчор де Ховельянос тоже встал на сторону французов. Этих людей простые испанцы стали презрительно называть Zosefinos или Afrancesados — офранцуженные. Бетанкур ни в коем случае не хотел принадлежать к когорте предателей. К тому же он не мог простить французам, что они сожгли и растащили его коллекцию в Королевском кабинете машин во дворце Буэн-Ретиро, а в Мадридской школе дорог, каналов и портов подожгли архив, практически полностью выгоревший.

2 мая 1808 года в Мадриде вспыхнуло народное восстание, которое французы потопили в крови. Сотни испанцев независимо от того, принимали они участие в мятеже или нет, были расстреляны. После этого события уже вся Испания взялась за оружие. Вот что позднее, в 1886 году, писал Эдуардо Эчегарай: *«…в голове Наполеона сверкнула идея пристегнуть нашу родину к своей триумфальной колеснице; его армии не замедлили войти в неё, и началась та ужасная борьба между испанцами и этим колоссом XIX века, продолжавшаяся шесть лет… Школа каналов, дорог и портов исчезла, потому что профессора и студенты, оставив карандаш и циркуль, поспешили взяться за шпаги, а строители, покинув свои орудия труда, схватились за ружья и принялись по воле божьей убивать французов. Школа уже не открылась, её останки были развеяны, Бетанкур покинул свою родину и перешёл на службу к русскому императору, Инспекция путей сообщения исчезла…»*

Бетанкуру ничего не оставалось, как покинуть сначала Испанию, а затем и её злейшего врага Францию, — путь его

лежал в Россию.

ЗИМА 1812 ГОДА

Новый, 1812 год Петербург встречал балами, катанием на тройках, концертами и маскарадами. Несмотря на политические трудности, в столице Российской империи было шумно и весело.

Государь хотел показать всей Европе, что Россия не унывает и Наполеона не боится. В Петербурге и Москве много говорили о комете (она была видна на небе несколько месяцев) и о возможности новой войны с Наполеоном, хотя в реальность её в высшем свете пока ещё никто не верил.

Январь выдался холодным, промозглым, часто шёл снег, городские дороги убирали плохо — Петербург утопал в высоких сугробах. Лошади стыли у подъездов, закуржавев от морозного инея. На льду Фонтанки, напротив Юсуповского дворца, Бетанкур приказал расчистить снег и устроить небольшой каток. Заказанные ещё несколько месяцев назад для всех детей коньки из Голландии прибыли в конце декабря. Однако Аделина и Матильда наотрез отказались учиться кататься.

А вот Августин Августович и Каролина с удовольствием по воскресеньям выходили на лед и катались пару часов до обеда, обучая стоять на узких стальных полозьях и маленького Альфонсо. Августин Августович и его старшая дочь освоили коньки ещё в Англии, в Сент-Джеймском парке, однако в Петербурге об этом никто не знал, поэтому служащие института, идущие по набережной Фонтанки, с недоумением гадали, откуда испанцы так лихо умеют кататься на коньках. Катание продолжалось до середины марта, пока однажды, во время оттепели, семилетний Альфонсо, один, без сопровождения гувернёра, не отправился на лёд и не провалился в полынью. Ребёнка чудом удалось спасти. Мокрого мальчика на набережную вытащил продавец сбитнем (потом Бетанкур щедро наградил его). Ребёнок пролежал в постели несколько недель с воспалением легких. В следующие зимы Бетанкур запретил детям кататься на льду Фонтанки, и в Юсуповском саду начали заливать искусственный каток.

В 20-х и 30-х годах XIX века катание на коньках стало одной из самых модных зимних забав в Петербурге. Кто знает, может, начало этой моде также положил Августин де Бетанкур?

ОТСТАВКА СПЕРАНСКОГО

В тот же день, когда Альфонсо провалился в полынью, 17 марта, в 8 часов вечера, между Александром I и Михаилом Михайловичем Сперанским состоялась роковая беседа, после которой государственный секретарь оказался в отставке. Из кабинета царя Сперанский вышел «почти в беспамятстве, вместо бумаг стал укладывать в портфель свою шляпу и наконец упал на стул, так что Кутузов побежал за водой. Через несколько секунд дверь из Государева кабинета отворилась, и Государь показался на пороге, видимо расстроенный: “Ещё раз прощайте, Михаил Михайлович”, — проговорил он и потом скрылся…».

Вечером Сперанского в его доме уже ждал министр полиции Балашов с предписанием немедленно покинуть столицу. Михаил Михайлович молча выслушал повеление императора, взглянул на дверь комнаты, где спала двенадцатилетняя дочь, собрал часть имевшихся дома деловых бумаг, написал прощальную записку и вышел из своих апартаментов. Сперанский не мог и предположить, что возвратится в столицу только через девять лет, в марте 1821 года.

В разговорах с царём Бетанкур всегда поддерживал прогрессивные идеи Сперанского, понимая, что крепостное право будет тормозить дальнейшее развитие крупной машинной индустрии, а за ней он видел будущее процветание России. Да и вообще, от одной мысли, что в XIX веке людьми можно торговать, да ещё в Европе, Бетанкуру становилось не по себе. Хотя он и понимал, что многие влиятельные силы в России заинтересованы в сохранении status quo, и среди них русская православная церковь — главный крепостник и первый оплот самодержавия. Вступить в открытое противостояние с ней Александр I так и не решился, хотя Сперанский, сам выходец из церковных глубин, подталкивал царя к решительным действиям. Но Александр I боялся, понимая, что, посягнув на финансовые интересы такого сильного противника, как Русская православная церковь, сам может лишиться престола. Ставка была слишком высока — и он отступил.

Бетанкур внутренне переживал отставку Сперанского: он искренне уважал его и порой даже восхищался им. Но он отлично усвоил правила игры при русском дворе (они ничем не отличались от испанского) — опального и изгнанного чиновника тут же забывали.

МЕСТЬ БЕТАНКУРА ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ

9 апреля, после молебна в Казанском соборе, Александр I выехал в Вильну. В составе царской свиты был и Георг Ольденбургский с несколькими своими подчинёнными. В тот же день, после встречи с Бетанкуром, граф Румянцев вызвал французского посла Лористона и заверил его, что Государь остается верным союзником Наполеона, хотя скопление французских войск под Кенигсбергом тревожит русский двор.

Несмотря на то что в эти дни председатель Государственного совета граф Николай Петрович Румянцев был поглощён внешней политикой, он продолжал следить за успехами Института Корпуса инженеров путей сообщения, так как считал его своим детищем. С 1812 года в институте начали читать углублённый курс по изучению дифференциального исчисления (разложению в ряд логарифмических и тригонометрических функций, нахождению наибольшего и наименьшего значения функций одной переменной, приложению дифференциального исчисления к теории кривых линий), интегрирования различных функций, а также вычисления интегралов с помощью рядов.

Георг Ольденбургский на частые встречи Бетанкура с графом Румянцевым сначала смотрел как на нарушение субординации, но однажды за обедом на двенадцать персон в Каменноостровском дворце увидел, как сам Александр I подливает вино в бокал Бетанкура. После этого главный директор путей сообщений стал смотреть на всё связанное с его подчинённым сквозь пальцы, поняв, тот — «любимчик» Его Императорского Величества. Да и вообще, с каждым годом Бетанкур всё больше нравился принцу Георгу Ольденбургскому: он сам был талантлив и мог ценить одарённость в других.

Весной 1812 года, когда Александр I находился в Санкт-Петербурге, Бетанкур иногда обедал с ним по два раза в неделю. Государя интересовало не только строительство водных путей и развитие технического образования в России — он также с особым вниманием выслушивал удивительные рассказы Бетанкура о жизни испанского двора. Незаметно для всех Августин де Бетанкур стал оказывать влияние на императора в вопросах внешней политики, касающихся Испании и Португалии. Так, не без участия Бетанкура 8 июля 1812 года в Великих Луках был подписан секретный русско-испанский договор, по которому Россия признала кадисские кортесы и конституцию 1812 года.

Таким образом, Бетанкур по-своему отомстил испанской инквизиции: годом позже кортесы полностью упразднили её и приняли законы против религиозных орденов. Учредительное собрание Испании отменило ряд церковных налогов, а также конфисковало и продало значительную часть церковных земель. Подписание русско-испанского договора в Великих Луках имело важное политическое значение для укрепления международного положения кортесов.

ВОЙНА

Но все эти события были ничтожны в сравнении с теми, что происходили в Восточной Европе. 12 июня шестисоттысячная армия Наполеона перешла Неман и вторглась в пределы Российской империи. Ей противостояли три разрозненных русских соединения общей численностью двести тысяч человек. Причём одна треть находилась на юге и вела войну с Турцией. Для России настало трудное время, но, как оказалось, и блистательное.

Уже в первый месяц войны шестнадцать воспитанников Института Корпуса инженеров путей сообщения отправились в действующую армию. Перед Юсуповским дворцом их провожали преподаватели, Августин де Бетанкур с супругой и директор института генерал-майор Сеновер.

— Говорят, Бонапарт полный невежда и отъявленный грубиян? — обратился один из курсантов к директору, хорошо знавшему Наполеона, когда тот был ещё никому не известным офицером.

За генерал-майора ответил молодой поручик, будущий декабрист Сергей Муравьев-Апостол:

— Наполеон — настоящий капрал! Образование практически не коснулось его!

— А правда, что в столовой у профессора Базена висит портрет Бонапарта, вытканный на шёлковом платке? — обратился один из отъезжающих к Бетанкуру.

— Не знаю, — пожал плечами инспектор. — Профессор Базен ни разу не приглашал меня к себе на обед. Но Наполеон — сильный и коварный противник. Хотя ему и не сломить наших молодцов. Государь сказал: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моём». И мы, — Бетанкур окинул всех ликующим и торжественным взглядом, — в этом ему подмога.

— Ура! — бодро и весело закричали восторженные воспитанники института.

— Наполеон — это новый Тамерлан. Ему чужды высокие движения сердца и узы крови, — заметил Муравьёв-Апостол своему сокурснику барону Строганову.

— Это не Тамерлан, а Атилла, — не согласился курсант второго курса граф Сивере.

— Да какой он Атилла, — возмутился барон Строганов. — Просто Тушинский вор.

Со стороны Обуховского проспекта послышался полковой

марш духового оркестра.

— В седло! — прозвучала команда, и курсанты, застегнув зелёные куртки, на которых золотом блестели эполеты, стали гарцевать во дворе на длинных английских скакунах с короткими хвостами, уже снаряжённых в дальний поход.

Выехав на набережную Фонтанки и построившись по три справа, они последовали за конногвардейской артиллерийской ротой, направлявшейся к Москве для соединения со своим батальоном. Первую партию воспитанников Института Корпуса инженеров путей сообщения распределили по строительным работам в Новгороде, вторую — в Твери.

После прощания с учениками Бетанкур вернулся к себе домой, в Юсуповский дворец. В дверях его уже поджидал лакей с рюмкой охлажденной водки на подносе. В России Бетанкур пристрастился вместо аперитива выпивать перед обедом две маленькие рюмочки водки. Делал он это не каждый день, но по воскресеньям никогда не отказывал себе в этом удовольствии.

Младшая дочь Матильда (ей недавно исполнилось одиннадцать) сделала перед отцом формальный книксен. Старшие сидели на диване, обитом чёрной тиснёной кожей, и с увлечением читали.

Одна — Жака-Анри Бернардена де Сен-Пьера, а другая — Жан-Жака Руссо. Семилетний Альфонсо, обнажив детскую саблю, бегал по дому с криком: «Смерть Наполеону!» Увидев отца, он бросился к нему. «Папа, — прижался он к его ногам, — отпусти меня на войну. Ты меня ещё не знаешь! Я там всех французов перебью. А самого Наполеона проткну шпагой».

Августин ласково погладил сынишку по волосам и молча проследовал к дочерям, попросил поиграть на рояле и спеть романс Буальдьё «S'il est vrai, que d'etre heureux…»[10]. Аделина, раскрыв ноты, села за рояль, а Каролина приготовилась петь. Бетанкуру очень нравился глубокий, бархатный голос старшей дочери. Он мог наслаждаться им часами.

После второй рюмки водки Бетанкур, всегда подвижный, вдруг ощутил какую-то острую тоску и неожиданно впал в болезненно-угнетённое состояние — меланхолию. Он задумчиво посмотрел в окно на Юсуповский парк и увидел там пустую беседку. Кадеты часто собирались там, болтали, иногда летом, в праздники, устраивали танцы. За один день всё переменилось. Все самые лучшие, одарённые воспитанники ушли на войну. «Вернутся ли они?» — подумал Августин Августович. Ещё вчера братья Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы сидели в этой гостиной, и его жена потчевала их пирогами.

РУССКИЙ ИСПАНЕЦ

Августин де Бетанкур любил своих воспитанников, обходился с ними как со своими домашними, но двух братьев выделял особо. Их отец, Иван Матвеевич Муравьёв-Апостол, будучи русским посланником в Мадриде, сделал Бетанкуру последнее официальное предложение от князя Румянцева переехать в Россию. Добро, полученное от кого бы то ни было, Бетанкур никогда не забывал, почитая первой сердечной обязанностью вступиться за друга или благодетеля.

В последнее время он часто вспоминал Испанию, но душой и телом уже стал русским, полноценным гражданином России, в любую минуту готовым с оружием в руках умереть, защищая её.

ССЫЛКА

Сразу же после перехода наполеоновской армией приграничной реки Неман преподаватели Института Корпуса инженеров путей сообщения Базен, Дестрем, Потье и Фабр получили от французского посла предписание немедленно оставить русскую службу и возвратиться во Францию. Однако по решению принца Георга Ольденбургского им была предоставлена альтернатива — либо вступление в российское гражданство, либо ссылка. Все четверо выбрали второе. Сначала их вывезли в уездный город Ярославской губернии Пошехонь, но когда Наполеон подошёл к Москве и сжег её, отправили в Восточную Сибирь, в Иркутск. Вернулись они только через два с половиной года.

ТАЙНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

В это время за всеми подозрительными иностранцами, даже принявшими российское гражданство, было установлено негласное наблюдение. Подготовку к военному столкновению с Россией Наполеон предпринял ещё в 1810 году, однако в начале 1812 года французская разведка активизировалась по-настоящему. Наполеоновские разведслужбы накопили огромный опыт добывания военно-политической информации в Италии, Германии и Австрии. Ведомство находилось под личным контролем французского императора. «Всякий генерал, который действует не в пустыне, а в населённом крае и не будет достаточно осведомлён о противнике, — не знаток своего дела», — писал Бонапарт одному из своих маршалов.

Разведку Франции возглавляли два человека — министр иностранных дел Г.-Б. Маре и командующий Эльбским корпусом в Северной Германии маршал Л.-Н. Даву. К первому в Париж стекалась вся информация от французских дипломатов и агентов, ко второму — сведения о русской армии, её дислокации и перемещениях. Никто в окружении Наполеона не сомневался, что военная кампания 1812 года будет выиграна за три месяца, поэтому одновременно с московской кампанией готовился следующий удар — совместное, с русскими войсками, стремительное нападение на Индию.

14 апреля 1812 года руководитель французской разведки в герцогстве Варшавском барон Э. Биньон представил министру иностранных дел Франции пространную записку о главных задачах готовящейся гигантской экспедиции. Биньон считал, что русская армия, так же как и прусская, превратится в «послушный инструмент» и выступит вместе с французами в качестве вспомогательной силы. Ещё перед началом кампании французы напечатали фальшивку под названием «Завещание Петра Великого», куда по приказу Наполеона был вставлен кусок текста «о захвате Индии».

Французские агенты проникали в Россию под видом артистов, торговцев, священников, путешественников, гувернёров, врачей и преподавателей учебных заведений. Особенно много было среди них женщин, выдававших себя за жертв наполеоновского режима. Наиболее активно на французскую разведку работали также поляки, считавшие Россию своим врагом. Центром тайной войны стало французское посольство в Петербурге. Сюда стекались все сведения, собранные французской агентурой в самых отдаленных уголках России. На

соответствующие нужды, включая подкуп должностных лиц, МИД Франции получал ежегодно от трёх до пяти миллионов франков. Львиная доля этих денег направлялась в Петербург.

Однако даже такой гигантской по тем временам суммой русскую бюрократию «прошибить» не удалось. Российская коррупция сковывала работу французской разведки, и ей не мог помочь никакой опыт, полученный в Италии, Австрии или Германии. Вот что писал об этом один французский агент, безуспешно пытавшийся внедриться в ряды русской служивой бюрократии: *«Что можно сделать против целого корпуса взяточников. Да, я понимаю, что они люди пустые, ничтожные, необразованные, но они сильны единством. Одушевлены одним общим стремлением к грабежу и крепко сплотившиеся для защиты друг друга. Они в свои ряды никого не пускают, даже за большое вознаграждение».*

Деньги русские чиновники брали, даже охотно, но отдача при этом оказывалась мизерной, неудивительно, что французский посол А. Коленкур ничего не добился в России и был заменён Ж.-А. Лористоном, боевым генералом и резидентом номер один французской разведки в России. Зная, что Бетанкур часто бывает на обедах у русского царя, Лористон сделал несколько попыток сблизиться с ним, однако Августин Августович был настолько занят работой, что не счёл нужным даже ответить на его любезные приглашения. А отдельные сотрудники Института Корпуса инженеров путей сообщения шли на контакт с французскими дипломатами, очень интересовавшимися состоянием водных и сухопутных коммуникаций Российской империи. В первую очередь их занимал вопрос: с какой скоростью на том или ином участке водного пути перемещаются грузы?

РУССКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА

Российские контрразведчики тоже не дремали. Были составлены списки подозрительных иностранцев, проживающих в Петербурге. При этом за Бетанкуром слежки не было, так как Александр I полностью доверял ему. Но многие иностранные преподаватели Института Корпуса инженеров путей сообщения, оставшиеся в Петербурге, попали под негласный надзор полиции. Что касается западных регионов России, то там отношение к иностранцам было ещё более жёстким, чем в столице: чинили произвол, проводили необоснованные высылки, у подозрительных лиц, особенно у поляков, конфисковывали собственность. Иногда устраивались военно-полевые суды, и без малейших юридических доказательств преступления выносили подозреваемым смертный приговор.

Простые люди в каждом иноземце видели шпиона. Не обошли подозрения и Августина де Бетанкура. Дворяне среди простолюдинов старались не говорить по-французски, а те, кто плохо владел родным языком, не раз получали по шее. Были случаи и со смертельным исходом. Бетанкур, не говоривший по-русски, избежал такой участи. Его спасал генеральский мундир. Но летом—осенью 1812 года он всё же лишний раз старался не появляться на улице или в людных местах.

РАБОТЫ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

После того как французские профессора, не принявшие российское гражданство, оказались в ссылке, Бетанкур привлёк к преподавательской работе своего ученика, талантливого воспитанника третьего курса Фёдора Ивановича Рерберга и поручил ему вести занятия по начертательной геометрии. Впоследствии Рерберг станет сенатором и крупным инженером-строителем мостов на трассе Петербург—Москва, одним из директоров Строгановского училища технического рисования в Москве.

Летом 1812 года Бетанкур продолжил работу по реконструкции Таицкого водопровода, или, как его иногда называли, Баурова канала, — системы водоснабжения Царского Села. Вода поступала из Таицких ключей и шла самотёком по открытым и подземным каналам, прудам и гротам общей протяжённостью около пятнадцати километров. Летом суточная производительность водовода составляла более 2500 кубометров. Система снабжала водой фонтаны и пруды не только Царского Села, но и Софии и Павловска. Назначить руководителем всех строительных работ в Царском Селе Бетанкур порекомендовал своего ученика, воспитанника последнего курса Франца Канобио, блестяще справившегося с поставленной задачей. В декабре 1813 года он получил диплом об окончании Института Корпуса инженеров путей сообщения с чином поручика.

В 1812 году Бетанкур приступил к созданию уникальной «Царь-ванны», её планировали установить в Царском Селе, в Баболовском дворце, построенном в 1785 году для фаворита русской императрицы Екатерины II Григория Потёмкина. Дворец был одноэтажным и, кроме овальной залы, имел ещё несколько комнат, каждая из них выходила в парк. Во дворце требовалось поставить гранитную ванну высотой 196 сантиметров, диаметром 5 метров 33 сантиметра и глубиной 152 сантиметра. Таких массивных, цельных каменных сооружений в мире за последние две тысячи лет уже никто не изготовлял. Что-то подобное можно было найти только при раскопках в Египте!

Одна из петербургских масонских лож заказала Бетанкуру этот проект, и испанский инженер за него взялся. Для работы он привлёк лучшего российского каменотёса Самсона Суханова, согласившегося за шестнадцать тысяч рублей вырубить ванну. Работа заняла несколько лет. Сначала с большим трудом нашли подходящую глыбу красного гранита с вкраплениями Лабрадора зеленоватых тонов, весом более 160 тонн, и доставили её в

Царское

Село с одного финского острова. Затем приступили к вырубке… Только полировка «Царь-ванны» заняла около десяти лет (1818—1828). Чтобы забираться на сооружение и окунаться в ванну, установили металлическую лестницу с перилами, опирающуюся на чугунные колонны и снабжённую смотровыми площадками. Все детали подъёмной конструкции отливались по проекту Бетанкура на заводе Чарльза Берда, но уже без его наблюдения.

КУТУЗОВ

Вернувшись из Царского Села в Петербург, Бетанкур видел, как в воскресенье 11 августа народ приветствовал Кутузова, назначенного царём главнокомандующим русской армией. Путь полководца в Москву лежал через Обуховский мост, где его встретили и помахали ему рукой оставшиеся в столице преподаватели и курсанты Института Корпуса инженеров путей сообщения. Среди них был и Бетанкур. Позднее, на острове Святой Елены, о кампании 1812 года Наполеон скажет: «Нам предстояла новая Испания, но Испания без границ, без городов, без средств».

«Спаси нас! Побей супостата», — кричал народ вслед удаляющейся коляске полководца, которого всего лишь несколько дней назад перед своими генералами Бонапарт иронично назвал «старым северным лисом».

Отправив Кутузова в армию, сам император Александр I уже 12 августа прибыл в Або, где встретился с наследным шведским принцем и договорился с ним о неприкосновенности Финляндии, что позволило русским перебросить часть войск для усиления корпуса графа Витгенштейна, прикрывавшего дорогу на Петербург.

Новости были неутешительными. Как только Кутузов покинул Петербург, все узнали, что пал Смоленск. Путь на Москву был открыт. Это сообщение Бетанкур получил в Кронштадте, где налаживал землечерпалку, изготовленную по его чертежам на Ижорском заводе.

22 августа русский император возвратился в Петербург, а 30-го, в день своих именин, узнал, что четыре дня назад состоялось Бородинское сражение. О нём Кутузов доложил следующее: «Кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами». Александр I, понимая, что за этим стоит сдача Москвы, поддержал Кутузова и принял сообщение как победу. По Петербургу прокатилось ликование. Император присвоил Кутузову звание генерал-фельдмаршал и пожаловал сто тысяч рублей.

БАГРАТИОН

В Бородинском сражении был смертельно ранен генерал Багратион, что не могло не встревожить Августина де Бетанкура, хорошо знавшего, в каких отношениях находился генерал с родной сестрой Александра I Екатериной Павловной, женой его непосредственного начальника принца Георга Ольденбургского.

Бетанкур познакомился с Багратионом в 1809 году в Павловске за обедом на восемнадцать персон, и уже после первой встречи гордый испанец стал уклоняться от любой встречи с заносчивым князем, потомком древних грузинских царей, всем своим видом иллюстрировавшим слова французского короля Людовика XIV: «Человек для меня начинается с барона». В каждом жесте Багратиона сквозило, что он не только непременный член высочайшей свиты вдовствующей императрицы, но и близко приближенный ко всем членам царской семьи.

Жена Александра I Елизавета Алексеевна, находившаяся в постоянной конфронтации с Марией Фёдоровной и Екатериной Павловной, ненавидела Багратиона, называя его чернявым уродом. К Бетанкуру же Елизавета Алексеевна была благосклонна, часто на балах или за обедом беседовала с ним, что ставило его в сложное положение, так как Екатерина Павловна всегда очень ревниво относилась к этому. Бетанкур был по горло сыт интригами испанского двора, и влезать в тайны русского ему совсем не хотелось, но они сами вторгались в его жизнь.

Анна Джордейн узнала о связи Екатерины Павловны с Багратионом от жены американского посланника Джона Квинси Адамса. При этом в августе 1812 года Екатерина Павловна в Ярославле, куда для безопасности она переехала из Твери, родила своего второго сына Петра. Сам же молодой отец Георг Ольденбургский, являясь губернатором Тверской, Новгородской и Ярославской губерний, организовывал там ополчение и госпитали для раненых.

Узнав о смерти Петра Ивановича Багратиона, Екатерина Павловна сначала не на шутку встревожилась, а затем её охватил панический страх. Вот что она писала в письме от 13 сентября 1812 года старшему брату Александру: *«Пишу это письмо, чтобы сказать вам о предмете, который для меня мучителен и сам по себе, и из-за его щекотливости. В конце концов, признание моих ошибок и стечение обстоятельств могут снискать мне прощение и ваше согласие на мою просьбу. Вчера вечером умер Багратион; тот, кто доставил письмо, видел его мёртвым, а один из его*

адъютантов говорил, что он на краю смерти: значит, это верно. Вы помните о моих отношениях с ним и что я вам говорила, что у него в руках имеются документы, способные меня жестоко скомпрометировать, попав в чужие руки. Он мне клялся сто раз, что уничтожил их, но, зная его характер, я всегда сомневалась, что это правда. Для меня бесконечно важно (зачеркнуто: "да, пожалуй, и для вас тоже"), чтобы подобные документы не получили известность. Я прошу вас милостиво приказать опечатать его бумаги и доставить их вам, и позвольте мне их просмотреть и изъять то, что принадлежит мне. Они должны находиться или у князя Салагова или при нём самом. Дело не терпит отлагательств; ради Бога, пусть никто не заглядывает внутрь, потому что это меня скомпрометирует чрезвычайно…»

Несомненно, это были любовные письма. Что ещё могло «скомпрометировать чрезвычайно» великую княгиню в глазах её мужа? Ведь став женой принца Ольденбургского, Екатерина Павловна всё ещё находилась в любовной переписке с Багратионом. Александр I дал указание найти эти письма, но они так и не были обнаружены. По всей видимости, Пётр Иванович их всё-таки уничтожил.

СМЕРТЬ ПРИНЦА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО

В это время Бетанкур находился при Георге Ольденбургском в Твери и видел, что Екатерина Павловна очень напугана. Все приписывали такое состояние великой княгини недавним родам, и только несколько посвященных знали, что мучило её осенью 1812 года. Сам Георг Ольденбургский кое о чём догадывался, однако виду не подавал, оставаясь невозмутимым. Да и дел у него было невпроворот. Сгорело девять десятых Москвы. Многие не исключали, что Наполеон из сожжённого города двинется через Тверь и Новгород на Петербург, шли лихорадочные приготовления по укреплению военных плацдармов на этом направлении.

Ко многим строительным работам были привлечены воспитанники Института Корпуса инженеров путей сообщения. Водная система, связывающая Петербург с Тверью, получила исключительное стратегическое значение — по ней перемещалась значительная часть военных грузов. Кроме того, Тверь была ближайшим тылом, куда потоком хлынули тысячи раненых. В одном из госпиталей, посещая больных и тяжелораненых, принц Ольденбургский заразился тифом и 15 декабря 1812 года скоропостижно скончался. «Я потеряла с ним всё», — написала брату Екатерина Павловна.

А Августин де Бетанкур утратил своего начальника, которого очень уважал и который к нему также в конце концов стал испытывать дружеские чувства и симпатию.

ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ

Первое время Бетанкур боялся, что на освободившееся место главного директора путей сообщения Российской империи назначат Франца де Воллана и он начнёт вмешиваться в учебный процесс. Когда институт только зарождался, он уже претендовал на эту роль. Однако Александр I направил господину инженер-генералу де Воллану высочайший указ следующего содержания: *«Получив печальное известие о кончине ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Принца Георгия Гольштейн-Ольденбургского, Я возлагаю по-прежнему на вас управление всех дел по части путей сообщения; Институт же инженеров Путей Сообщения будет состоять под непосредственным Моим попечением»*.

Таким образом, Бетанкур, минуя главного директора путей сообщения, стал подчиняться непосредственно царю.

Де Воллан между тем развернул бурную деятельность. Одной из главных проблем была катастрофическая нехватка рабочих рук: большая часть мужского населения воевала. Де Воллан предложил использовать на дорожных работах военнопленных. К тому же они очень обременяли губернские власти, не знавшие, чем их занять.

ФРАНЦ ДЕ ВОЛЛАН

Новый главный директор путей сообщения решил обратить внимание императора на эту проблему и подал проект по использованию дармовой рабочей силы: предлагалось разделить пленных на роты по 100—120 человек, в каждую назначить по 10 русских солдат, 2 унтер-офицеров и чиновника Корпуса путей сообщения. На содержание пленных планировалось отпускать не более 30 копеек в день. Де Воллан рассчитал, что на постройке каждых 100 верст достаточно 9—10 рот военнопленных, то есть около 1000 человек.

Первой планировали построить дорогу Москва — Петербург, второй — Петербург — Рыбинск, затем Финляндский, Нарвский, Белорусский и Архангельский тракты. Первоначально предполагалось использовать труд 12 тысяч военнопленных, а для надзора за ними 1560 русских военнослужащих и чиновников. Бюджет должен был составить два с половиной миллиона рублей. Государь рассмотрел предложение и не одобрил.

Историческая справка

«Непобедимая» французская армия, отступая по абсолютно пустынной, выжженной Смоленской дороге, окончательно развалилась. Наполеон, воспользовавшись оплошностью генерала Чичагова и нерешительностью графа Витгенштейна, вырвался из окружения и переправился через Березину. Остатки Великой армии числом девять тысяч человек вместе с ним устремились к Вильне.

Те же, кто не успел прорваться с Наполеоном, остались в России. Мороз —30° С довершил работу за русских — тысячи трупов польских, прусских, саксонских и французских солдат (среди них встречались и испанцы) валялись вдоль дороги. Голодные и оборванные воины наполеоновской армии сдавались тысячами, почитая за счастье, что их берут в плен, а не бросают на дороге, там, где несколько месяцев назад они так беспощадно грабили, убивали и насиловали русское население. Они знали, что натворили, поэтому на снисхождение не рассчитывали. Однако, как ни странно, с ними поступили по-царски. Государь даже не подписал указ об отправке военнопленных на строительные работы. А в марте 1814

года всех пленных наполеоновских солдат вообще отпустили по домам.

КОДЕКС ЧЕСТИ

Несмотря на то что потери русской армии были огромные, все шестнадцать питомцев Института Корпуса инженеров путей сообщения (двенадцать из них были участниками самого крупного и ожесточённого сражения Отечественной войны — Бородинского) уже в конце ноября вернулись в Петербург. За Бородино воспитанник Института Сергей Муравьёв-Апостол получил чин поручика и золотую шпагу «За храбрость». Курсанты возвратились в Петербург повзрослевшими, закалёнными в боях и свыкшимися с опасностями.

Офицерская честь всегда высоко ценилась в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, но это достоинство имело и особенное, условное значение. Например, курсант, изменивший своему слову или обманувший товарища, не мог быть терпим в институте. Учащийся имел право делать долги, но ни в коем случае не мог быть должником ремесленников, купцов или трактирщиков. В тяжёлые времена воспитанники складывались, уплачивая долг товарища, а тот, в свою очередь, отдавал им деньги постепенно. Дружба и взаимовыручка среди курсантов были удивительные. В исключительных случаях (они были не такой большой редкостью) учащемуся, попавшему в трудное финансовое положение, безвозмездную денежную помощь оказывал Бетанкур из собственных средств.

Августин Августович зорко следил за поведением своих воспитанников, но в душе радовался, когда они кутили где-нибудь на Крестовском острове или в Красном кабачке, думая, что начальство про их выходки и проделки ничего не знает. Иногда прямо с ночного кутежа они являлись на занятия к девяти часам утра.

Пропускать лекции строго возбранялось. Курсанты любили чтение, театр и умную беседу. И руководство института это только поощряло.

ИЗМЕНЕНИЯ

За время отсутствия курсантов в Петербурге в институте произошли кое-какие изменения. В октябре умер крупный учёный в области математического анализа и вариационного исчисления профессор Василий Иванович Висковатов, в 1803 году избранный академиком Петербургской академии наук.

Бетанкур пригласил на освободившуюся должность профессора математики Петербургского педагогического института Дмитрия Семёновича Чижова, также впоследствии ставшего членом Петербургской академии наук.

Историческая справка

25 декабря 1812 года, в день Рождества Христова, манифестом было возвещено России о благополучном окончании Отечественной войны. При этом в особом манифесте Государь высказал намерение соорудить в Москве храм во имя Спасителя Христа, в ознаменование благодарности к Промыслу Божьему, спасшему Россию от грозившей гибели.

МОДЕЛЬ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Весь 1813 год Александр I провёл в Европе, воюя с Наполеоном, готовым уже уступить Варшавское герцогство, Голландию и ганзейские города, признать независимость Италии, отказаться от Рейнского союза и Испании, но требовал возвратить ему завоёванные англичанами французские колонии. На предложения Наполеона Александр I ответил отказом, что, в свою очередь, привело к Битве народов под Лейпцигом. Бонапарт был разбит и отступил за Рейн…

А в Петербурге после смерти принца Ольденбургского Бетанкур посетил его вдову великую княгиню Екатерину Павловну и едва узнал её. Что стало с прекрасной дамой, совсем недавно восхитительно блиставшей в Твери? К нему вышла, в чёрном шёлковом платье, нервная женщина, лицо её то и дело перекашивала судорога. От прежней Екатерины Павловны не осталось ничего.

Бетанкура она приняла холодно, выслушала его без особого интереса и быстро удалилась. Через неделю Бетанкур узнал, что Екатерина Павловна выехала вместе со старшим сыном, Александром, на «богемские воды» в Карлсбад, а младшего, Петра, оставила на попечение бабушки, вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны.

В письме к де Воллану от 20 февраля 1813 года Екатерина Павловна была более откровенна: *«…моё здоровье довольно сносно, за исключением слабости и почти ежедневных обмороков; меня заставляют брать ванны, но я не верю в их действие; путешествие более поможет мне, чем лечение».*

В Европе Екатерина Павловна побывала в рудниках Эрцберга, чтобы собрать образцы минералов для коллекции де Воллана, а также заказала модель железной дороги, чтобы познакомить с новинкой русских инженеров. Модель попала в только что открытый учебный музей Института Корпуса инженеров путей сообщения, созданный в 1813 году в «особом зале» Юсуповского дворца. Кроме неё, там находилось ещё несколько макетов, закупленных в Западной Европе, а также сделанных самим Бетанкуром или его учениками в мастерских института. На покупку и создание моделей, приборов и инструментов в первый год существования музея, несмотря на то что Россия продолжала разорительную войну с Наполеоном, казна выделила пять тысяч рублей. Сумма в течение нескольких лет оставалась неизменной и ежегодно предоставлялась институту для пополнения музейных экспонатов.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

Весной 1813 года состоялся первый выпуск инженеров путей сообщения. Как уже говорилось, двенадцать из них были участниками Бородинского сражения. Некоторые, в том числе Сергей Муравьёв-Апостол, по протекции Екатерины Павловны вернулись в армию и вместе с русскими войсками в 1814 году вступили в Париж.

В первом списке окончивших курс в разделе «А» стояли четыре фамилии: Андрей Готман, Семён Пантелеев, Фёдор Рерберг и Франц Канобио. Все они по различным причинам не служили в армии. По окончании института им присвоили чин поручика.

В разделе «В» были те, кто принимал участие в боевых действиях. Среди них получившие очередные воинские звания во время боевых действий. Поэтому многие из них «за отличие в действующей армии» из прапорщиков были произведены в поручики. В списке «В» числились барон Александр Строганов, граф Фердинанд Сивере, Александр Ламбсдорф, Александр Богданов, Фёдор Отт, Пётр Варенцов, Ренэ Готтардо Гонзаго, Сергей Муравьёв-Апостол, Александр Цегель, Сергей Лихардов, Иван Шабельский, Густав Гасфорт. Что касается воспитанников Сергея Строганова и Матвея Муравьёва-Апостола, то, уйдя из института в армию прапорщиками, в стены alma mater они не вернулись и среди выпускников 1813 года не значились.

Братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, ученики Бетанкура, станут декабристами: первый — одним из руководителей Южного тайного общества, другой — деятельным членом Союза благоденствия, позднее сотрудничавшим как с Северным, так и с Южным тайным обществом. Первый будет повешен 13 июля 1826 года, второй — приговорён к смертной казни, заменённой сначала каторгой, а потом ссылкой на вечное поселение.

Одним из любимых учеников Бетанкура был и Сергей Строганов — участник главных сражений Отечественной войны. Строганов защищал Смоленск, стоял насмерть на Бородинском поле, дрался с войсками Мюрата под селом Тарутином. Принимал участие в сражении за Малоярославец и у села Красное. В составе русской армии через всю Европу дошёл до Парижа. В 1825 году он организует в Москве первую в России рисовальную школу, бесплатную и открытую для всех талантливых детей, независимо от сословного происхождения, и на протяжении двадцати лет будет её бессменным

руководителем. Это художественное училище положит начало промышленному дизайну в России. Сегодня оно носит его имя и называется Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова.

УЧЕНИК БЕТАНКУРА СЕРГЕЙ СТРОГАНОВ

Сергей Григорьевич Строганов был старшим сыном барона Григория Александровича Строганова и Анны Сергеевны Строгановой, урождённой княжны Трубецкой. Получив великолепное домашнее воспитание, он с блеском выдержал экзамены и в пятнадцатилетнем возрасте поступил в Институт Корпуса инженеров путей сообщения. В годы учёбы он часто беседовал об искусстве с Бетанкуром, от него впервые и услышал имена Франсиско Гойи, Бартоломе Мурильо, Хосе де Рибера, Франсиско Сурбарана и Эль Греко. А о Диего Веласкесе (его Сергей Строганов уже знал по репродукциям) они могли говорить часами.

Воспитанники института общались с инспектором не только на лекциях и практических занятиях, но и приходили к нему в рабочий кабинет. Некоторых Батанкур иногда приглашал домой на семейный обед. В числе счастливчиков побывали братья Муравьевы-Апостолы, Фердинанд Сивере, Андрей Готман и, конечно же, Сергей Строганов.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Русская знать всегда была расточительной — устраивала дорогие увеселения и покупала роскошные экипажи. Во время войны всё изменилось. Многие пожертвовали большие деньги из личных средств на нужды армии. Однако в 1813 году нормальная жизнь начала потихоньку налаживаться. Снова на улицах города появились новенькие фаэтоны, кареты-купе, встречались даже многоместные экипажи-линейки. Дворяне считали ниже своего достоинства иметь выезд менее четвёрки лошадей: в городах на очень длинных постромках их запрягали цугом, за городом — по четыре в ряд.

Выезды Бетанкура в Царское Село также ничем не отличались от выездов haute nobles[11]. Его кучер Семён Игнатов, в квадратном бархатном картузе с подкладкой на вате, садился на удобное сиденье, обитое кожей. На передней лошади, в высоком казацком седле, уже поджидал двенадцатилетний мальчик — форейтор, одетый так же, как и кучер, в синий кафтан с шёлковыми пуговицами, доходящий до лодыжек. Одинаковые красные кушаки, туго затянутые вокруг пояса, делали обоих более важными. Среди простого люда в Институте Корпуса инженеров путей сообщения Семён Игнатов почитался весьма значительной фигурой.

Нельзя сказать, что Бетанкур любил быструю езду, однако с его кипучей энергией и постоянной занятостью ему было жаль времени, потраченного на дорогу. Поэтому он всегда поощрял, когда кучер, держа вожжи в широко расставленных руках в кожаных рукавицах, стегал лошадей и несся во весь дух, обгоняя подряд все попутные кареты и экипажи, крича: «Дорогу генералу, дорогу!». От такой бешеной езды страдал только один человек — chasseur[12]. Со своей кожаной подушки позади кареты только за 1813 год он слетал четыре раза. Добираться до Юсуповского дворца, где жил Бетанкур, ему приходилось обычно уже пешком. За быструю езду Бетанкур награждал кучера и форейтора, давая им деньги *на чай.* Кучер тратил их на водку, а форейтор — на квас. Но бывало, что все четверо — кучер, форейтор, ливрейный лакей и сам Бетанкур, в генеральском мундире, вытаскивали карету из грязного кювета.

Однажды после такого случая в конце августа 1813 года, сильно вымокнув под дождём, Бетанкур вернулся домой и узнал о смерти Тома де Томона, профессора архитектуры в Институте Корпуса инженеров путей сообщения и своего близкого друга.

АРХИТЕКТОР ТОМА ДЕ ТОМОН

Жан Франсуа Тома родился в Париже в семье мещанина в 1760 году. После окончания школы он стал одним из лучших учеников Королевской академии архитектуры в Париже, однако Большой Римской премии не удостоился, заняв на конкурсе лишь четвёртое место и пропустив вперед Жана-Шарля-Александра Моро, Пьера Франсуа Леонара Фонтена и Тома Фруадо. Соревнование на равных с такими мастерами уже говорит о многом. Не получив денег от Королевской академии художеств, Жан Франсуа на свой страх и риск отправился в Италию продолжать обучение.

На протяжении четырех лет, с 1785 года, он жил на Апеннинском полуострове и проявил себя как замечательный мастер архитектурного рисунка.

После французской революции ему пришлось сначала перебраться в Вену, затем он оказался в Польше, в имении князей Любомирских, одно время даже претендовавших на польскую корону. Чтобы восточноевропейская знать его лучше приняла, Жан Франсуа прибавил к фамилии частичку «де» и стал Тома де Томон.

В Венгрии он работал у герцога Миклоша Эстерхази, но те деньги, что ему платил венгерский магнат за работу по переустройству роскошного дворца и парка, позволяли к тому времени уже женатому Тома де Томону едва сводить концы с концами. В 1798 году Жан Франсуа покинул Венгрию и в январе 1799 года прибыл в Гамбург, где около двух месяцев провёл в ожидании русского паспорта. Из-за натянутых отношений между Петербургом и Парижем въезд для граждан Франции в Россию был почти закрыт, поэтому Тома де Томон решил схитрить и представился подданным Швейцарии.

Оказавшись в России, год он проработал в имении Самойлово, у князя Голицына, спроектировав и построив там церковь во имя Пречистой Богородицы. Только после этого Тома де Томон получил высочайшее дозволение отправиться в Петербург.

Столица произвела на Томона неизгладимое впечатление. Такого города он ещё никогда не видел. Петербург, построенный очень быстро, не знал западноевропейского архитектурного разнобоя: только барокко и классицизм господствовали в его облике. Вскоре Тома де Томону удалось принять участие в конкурсе проектов на постройку Казанского собора. Среди его конкурентов были такие архитекторы, как Чарльз Камерон,

Андрей Воронихин и Пьетро ди Готтардо Гонзаго. И хотя конкурс выиграл Воронихин, Тома де Томона заметили, а его знакомство с Воронихиным переросло в крепкую, многолетнюю дружбу. Конкурс показал, что «швейцарец» способен учитывать особенности русской архитектуры.

Через несколько недель Тома де Томону поручили проект триумфальных ворот у одной из застав Москвы. За короткое время архитектор разработал несколько вариантов. Павлу I понравились все, но, естественно, он был вынужден остановиться только на одном, на нём и начертал: «Быть по сему». Воплотить проект в жизнь помешало убийство царя в марте 1801 года.

За полгода до этого события, 18 августа 1800 года, Академия художеств в Санкт-Петербурге за серию графических работ присвоила Тома де Томону звание академика. Архитектор обратил на себя всеобщее внимание, но деятельность зодчего Тома де Томона в Петербурге началась только в 1802 году.

30 января 1802 года Александр I издал указ: *«Архитектора Томона, приняв в Российскую службу, повелеваю причислить в ведомство Кабинета и производить жалованья по две тысячи рублей в год».* Перед Томоном открылись широкие возможности для раскрытия его замечательного таланта. Он стал придворным архитектором и получил заказ на перестройку Большого театра в Петербурге — его открытие явилось значительным событием не только театральной, но и повседневной жизни столицы. Красота, удобство и техническое оснащение здания сделали Тома де Томона известным в России и в Европе.

Вот что писали об этом событии современники: *«Несколько месяцев тому назад газеты с похвалой говорили о новом театре… и дали описание этого сооружения, одного из самых замечательных среди ныне существующих по своей величине и великолепию… Подобного сооружения ещё нет во Франции, несмотря на двадцать театров, которыми Париж скорее загромождён, чем украшен…»*

Проектную и строительную работу, а также службу на стекольном заводе Томон сочетал с педагогической деятельностью. 5 мая 1802 года президент Академии художеств граф Александр Сергеевич Строганов предложил совету академии с формулировкой *«как человека по сей части совершенно знающего и способного»* зачислить Тома де Томона для преподавания в архитектурный класс.

С Бетанкуром Тома де Томона познакомил скульптор Мартос. При первой встрече, не подозревая, что Бетанкур не просто испанец, а уроженец Канарских островов, Тома де Томон, в компании преподавателей Академии художеств, сказал, что из всех вин, которые он когда-либо пробовал во Франции, Италии

или Венгрии, ему нравятся больше всего канарские. Бетанкуру весьма польстило это замечание — он специально подошёл к Тома де Томону, и они разговорились. Беседа закончилась тем, что Бетанкур предложил архитектору прочесть цикл лекций по перспективе в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. Так в 1810 году завязалась их дружба, к сожалению, продлившаяся всего три года…

Бетанкур тяжело переживал утрату друга. В тот вечер никто из домашних не осмелился его беспокоить. Он заперся в кабинете и долго не выходил. И только ближе к полуночи в свете догорающих свечей жена заметила, что его глаза, всегда горящие огнём, стали водянисто-мутными и потускнели. В них она прочла безысходную тоску.

Тома де Томон проработал в России тринадцать лет. Он строил в Одессе и Москве, но мировую известность ему принес великолепный ансамбль Стрелки Васильевского острова со зданием Биржи и ростральными колоннами в Петербурге. Тома де Томон обессмертил себя, превратив Петербург в один из красивейших городов мира — сегодня без Стрелки Васильевского острова город на Неве представить невозможно.

Этому проекту Томон отдал пять лет, насыщенных неустанными творческими поисками. Он подготовил несколько эскизов для совета Академии художеств. Но все они были отвергнуты. Только после пятого отклонения совет принял последний вариант. Он был показан императору, утвердившему его 26 февраля 1804 года.

В экспертный совет академии входили Андрей Воронихин и Андреян Захаров, главный архитектор Адмиралтейства. Их замечания и предложения предопределили успех проекта. Подготовительные работы на Стрелке Васильевского острова начались весной 1804 года, а торжественная закладка Биржи прошла в присутствии царя 23 июня 1805 года. Однако из-за постоянных войн с Наполеоном и Турцией строительство здания шло очень медленно и, казалось, измучило всех. Только 25 декабря 1811 года был объявлен высочайший указ о завершении строительных работ, а Тома де Томону пожалован орден Святого Владимира 4-й степени. При приёме здания Биржи обнаружились многочисленные недоделки, что затянуло открытие ещё на два года. В окончательном, полностью достроенном виде Биржу Тома де Томон так и не увидел…

Отпевали архитектора в католической церкви Святой Екатерины Александрийской на Невском проспекте, а похоронили на Смоленском лютеранском кладбище. На похороны пришла вся семья Бетанкура. Домашние очень любили француза и не раз

бывали у него в гостях в доме рядом с Академией художеств, на Васильевском острове. Позднее на могиле Тома де Томона, усилиями друзей, будет поставлен на высоком постаменте памятник из розового гранита в виде античного жертвенника.

УЧЕНИК ТОМА ДЕ ТОМОНА И БЕТАНКУРА АНДРЕЙ ГОТМАН

После смерти Тома де Томона Бетанкур мучительно думал, кем заменить в институте замечательного профессора архитектуры, пока его не осенила простая, но блестящая идея. Одним из любимых учеников Томона был Андрей Данилович Готман, поступивший вначале в Академию художеств, к нему в класс архитектуры. Но когда Тома де Томон стал преподавать в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, перешёл туда вместе с ним. Бетанкур всегда выделял способного юношу, а после смерти Тома де Томона полюбил ещё больше и стал относиться к нему чуть ли не по-отцовски, не скрывая ни перед кем своих симпатий.

Андрей Данилович Готман родился в 1790 году в семье потомков выходцев из Англии. В 1810 году в числе первых студентов он перешёл из Академии художеств в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, а сразу по его окончании, по распоряжению Бетанкура, остался преподавать архитектуру, заменив Тома де Томона. Уже в 1811 году Готман великолепно зарекомендовал себя при постройке Каменноостровского моста через Малую Невку, соединившего Петербургский и Каменный острова. Через несколько лет, когда Бетанкур возглавит Комитет для строений и гидравлических работ, он пригласит туда Готмана.

В дальнейшем, с 1834 по 1843 год, его ученик сам будет возглавлять этот комитет и сделает много полезного не только для Петербурга, но и для всей России. Андрей Данилович завершит строительство Адмиралтейства, начатое по проекту Захарова в 1806 году. Под руководством Готмана будут устроены Адмиралтейский бульвар, каменный канал под Исаакиевской площадью, гранитные пристани — Дворцовая и Петровская. Готман начнет курировать строительство Обводного канала и, по сути, определит дальнейшее развитие города во второй половине XIX века.

В 1837 году он будет привлечён к восстановлению Зимнего дворца после пожара. Под его руководством инженер-майор И.Ф. Буттац и инженер И. Редер разработают проект нового Аничкова моста, построенного в 1841 году через Фонтанку во всю ширину Невского проспекта, а скульптор П. Клодт украсит его четырьмя скульптурными группами «Укротители коней».

В 1844 году по проекту Готмана, при участии Е.А. Адама и

И.С. Завадовского, будет перестроен Синий мост перед Мариинским дворцом. Это один из уникальных мостов Петербурга: его длина составляет 40 метров, а ширина — 97,3 метра.

Готман будет активно работать и на строительстве Исаакиевского собора, Благовещенского моста, железной дороги Москва—Петербург. Его назначат куратором проекта Дмитрия Ивановича Журавского (выпускника Института инженеров путей сообщения 1840 года), осуществившего перестройку шпиля собора Петропавловской крепости, заменив деревянные конструкции металлическими. С 1839 по 1849 год под руководством Готмана будет сооружен Кремлёвский дворец в Москве.

С 1819 по 1823 год Готман построит здание Института Корпуса инженеров путей сообщения в соответствии с проектом, оставленным ему в наследство Тома де Томоном.

Именно Готман учредит ежегодные командировки профессоров института в Европу и США, что благотворно повлияет на уровень подготовки будущих инженеров. Так, конференция института в 1837 году командирует П.П. Мельникова и С.В. Кербедза в Англию, Францию, Германию, Бельгию и Австрию для изучения нового вида транспорта — железных дорог. А с 1839 по 1840 год П.П. Мельников и Н.О. Крафт изучали организацию железных дорог в США, что позволило им убедить научные, инженерные и финансовые круги России в выгодности и перспективности железнодорожного транспорта.

При А.Д. Готмане в 1837 году вошла в строй первая в России железная дорога общего пользования Санкт-Петербург — Царское Село. В 1842 году началось строительство первой в мире двухпутной железнодорожной магистрали Санкт-Петербург — Москва, куда были откомандированы по рекомендации Готмана Мельников, Крафт и другие инженеры, а также началось строительство (по проекту Кербедза) первого постоянного моста через Неву. В состав комитета по строительству моста вошёл и Готман.

Благодаря Андрею Даниловичу удалось ускорить издание литографированных курсов лекций по гидрографии, минералогии, геологии, всеобщей и русской истории, статистике, теоретической механике и др. Началось преподавание курса военных сообщений (с 1843 года).

Впервые в истории института Готман собрал коллектив профессоров (Остроградский, Буняковский, Чижов, Вранкен, Бутырский, Волков, Соболевский, Мельников, Кербедз, Евреинов,

Буттац, Добронравов, Янушевский, Ястржембский, Глухов и др.), поднявших техническое образование в России на европейский уровень. Вместе с помощником по учебной части Я.А. Севастьяновым Готман перевёл преподавание в Институте инженеров путей сообщения с французского языка на русский. В 1859 году царь пожалует Готману чин полного генерала. Последние годы Андрей Данилович будет жить в Саксонии и умрёт в Дрездене. Но это всё будет потом. А пока Андрей Готман только приступил к чтению лекций по архитектуре в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, который сам только что окончил.

ОБРУСЕВШИЙ НЕМЕЦ

Каждую неделю для преподавателей и курсантов, живших в институте, топили баню. Сначала парились генералы, затем рядовые преподаватели, а потом воспитанники. Но иногда бывало и так, что парились все вместе, особенно перед праздниками. Больше всех любили хлестаться мокрым веником Андрей Готман и Густав Гасфорт. Немец ложился на самую верхнюю полку и просил поддать пару. Размочив связку сухих длинных стеблей с берёзовыми листьями и задрав кверху длинные ноги, начинал бить по ним, приговаривая: «Кто сказал: то, что для русского хорошо, то немцу смерть?» Все с восхищением убеждались, что немцы могли выдерживать пар в бане наравне с русскими, а иногда даже и лучше их. Бетанкур тоже любил париться, порой проводя в бане по нескольку часов.

Гасфорт обожал своего учителя. В первый год учёбы Густав считался отъявленным театралом, но не потому, что любил сцену и часто посещал театр, а потому, что волочился за актрисами, предпочитая кордебалет. После одного спектакля у него произошла ссора из-за танцовщицы с поручиком Троицкого мушкетёрского полка. Дело чуть не кончилось дуэлью, но за офицера вступился сам генерал-губернатор Санкт-Петербурга Александр Дмитриевич Балашов, написавший Бетанкуру письмо с рекомендацией отчислить нерадивого воспитанника из института за недостойное поведение и лишить его воинского звания. Послание, написанное по-русски, Августину Августовичу перевели. Но Бетанкур никак не отреагировал на него. Он просто небрежно бросил письмо в один из ящиков стола.

Когда директор института старый француз Сеновер через некоторое время поинтересовался, как он собирается отозваться на запрос генерал-губернатора, Августин Августович ответил, что письмо, адресованное ему, он прочесть не смог, так как не знает языка, поэтому о содержании послания ему ничего не известно. Однако ж, если генерал-губернатор действительно хочет получить от него ответ, пусть повторит письмо на французском языке.

Когда Балашову передали ответ Бетанкура, генерал-губернатор не на шутку разгневался. Руки его задрожали от негодования: ярый славянофил терпеть не мог писать деловые или государственные бумаги на иностранных языках. Однако, быстро успокоившись, произнес: «Вот что значит испанец! Своих не сдаёт! Какой-нибудь наш генерал вмиг бы разжаловал и сослал в имение. А этот с характером! Ну его к черту!» Балашов, будучи опытным царедворцем, сразу понял, что у Гасфорта тоже есть

заступник — генерал-лейтенант Бетанкур, в свою очередь всем известный любимец Александра I, поэтому связываться с ним из-за какого-то поручика мушкетёрского полка, хотя и своего дальнего родственника, генерал-губернатор не рискнул. Таким образом Гасфорт продолжил учёбу в институте и навсегда остался благодарен учителю не только за образование, но и за спасение.

А фигура этого воспитанника заслуживает особого внимания. Густав-Кристоф фон Гасфорт был родом из вестфальских дворян, исповедовавших лютеранскую веру и с XVIII века проживавших в Царстве Польском. Он родился 1 апреля 1794 года, однако в российское подданство перешёл лишь в 1833-м. Первоначальное образование получил в высшем училище в Кенигсберге, но потом отправился в Петербург и поступил в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, где зарекомендовал себя как очень способный курсант. В июне 1812 года Гасфорта направляют в 1-ю западную армию под командование инженер-полковника О.И. Манфреди. Он участвует в укреплении Дриссенского лагеря, в фортификационных работах на Западной Двине. Сражается с французами под Смоленском. Вместе с подполковником Матушевичем строит переправу через Днепр. Работает на укреплении Бородинской позиции и принимает участие в Бородинском сражении. При отступлении русских войск к Москве строит дороги, переправы. 29 сентября 1812 года произведён в поручики. Гасфорт возводил мосты через реку Нарву, благодаря им русские войска смогли атаковать авангард французского маршала Мюрата. Участвовал в сражении под Малоярославцем. За кампанию 1812 года награжден орденом Святой Анны 4-й степени.

После окончания Института Корпуса инженеров путей сообщения снова принимал участие в боевых действиях русской армии в Европе. Был взят в плен, но освобождён новгородскими кирасирами. Одно время числился при корпусе прусского генерала Блюхера. Уже в Париже 18 марта 1814 года произведён в капитаны. Затем служил на Кавказе; принимал участие в польском походе 1831 года. В 1833 году находился в составе сухопутного вспомогательного корпуса генерал-адъютанта Киселёва, посланного в помощь турецкому султану против египетского вице-короля. 6 декабря 1840 года произведён в генерал-лейтенанты. В 1846 году способствовал усмирению большой Кабарды и изгнанию Шамиля, за что ему была пожалована украшенная бриллиантами табакерка с портретом Государя Императора. В 1848—1849 годах участник Венгерского похода, за что награждён золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость».

Однако поистине историческая миссия Гасфорта начинается с 1851 года, когда его назначают исполняющим обязанности генерал-губернатора Западной Сибири и командующим отдельным Сибирским корпусом. В 1853 году он произведён в генералы от инфантерии и утверждён в должности генерал-губернатора. За десять лет управления Западной Сибирью Гасфорт провёл многие административные реформы и присоединил к империи важные плодородные местности: Заилийскую долину, верховье реки Чу и северное предгорье Тянь-Шаня. Из них был образован Алатавский округ, где под руководством Гасфорта были возведены военные укрепления, среди них крепость Верная (современный казахский город Алма-Ата).

За время его правления из европейской части России в Западную Сибирь было переселено около восьмидесяти тысяч человек. Созданы казачьи станицы, положившие начало развитию торговли и промышленности в крае. Для улучшения быта самоедов и остяков образован новый военный округ — Березовский. Из Сибирско-Киргизской степи выделены две новые области: Сибирских киргизов и Семипалатинская, где, подобно Алатавскому округу, созданы новые станицы для охраны российских территорий от военной угрозы со стороны Китая и удобства сообщения с Заилийским краем.

Благодаря Гасфорту в 1858—1859 годах снаряжён торговый караван в Кашгар: под прикрытием вооружённого отряда «купцы» изучили военные укрепления в Центральной Азии. После анализа полученной информации в 1860 году была подготовлена особая экспедиция во главе с полковником Генерального штаба А.Э. Циммерманом: в ходе её после кровопролитного сражения были взяты крепости Пишпек и Токмак, одни из главных укреплений Кокандского ханства. Таким образом, иссык-кульским киргизам пришлось подчиниться России.

Гасфорт реформировал Сибирское казачье войско и подготовил преобразование Семиреченского казачьего войска. За годы его правления в крае было построено более двухсот церквей, во многих сёлах открыты приходские училища, а в восьми городах, впервые в этих местах, — женские школы. В Омске по инициативе жены генерал-губернатора основан сиротский приют «Надежда».

Именно в этом городе по личному ходатайству Гасфорта рядовой Сибирского линейного батальона Фёдор Михайлович Достоевский, после отбытия четырёхлетней каторги с последующей сдачей его в солдаты, был произведён в унтер-офицеры. Это событие позволило друзьям писателя начать

хлопоты в Петербурге и добиться для Достоевского нового чина — прапорщика, что значительно облегчило участь писателя в ссылке.

За время управления Западной Сибирью генерал-губернатор Гасфорт был награждён орденами Святого Александра Невского и Святого Владимира 1-й степени с мечами. В начале января 1861 года он вернулся в Санкт-Петербург и стал членом Государственного совета, однако болезнь глаз, приведшая к потере зрения, вынудила его в последние годы службы испросить увольнение.

Гасфорт был членом Академии наук, Вольного экономического и Географического общества, с 1859 года носил звание почётного президента парижского общества «Уничтожения невольничества и торга неграми в Африке» (Institut d'Afrique).

Скончался Гасфорт 5 мая 1874 года в Санкт-Петербурге и погребён на Волковом лютеранском кладбище. Знаменитый русский путешественник Семёнов-Тян-Шанский сказал о нём следующее: «Гасфорт принадлежал к числу просвещённых офицеров русской армии, имел полное научное военное образование, большую опытность и несомненные способности в военном деле, личную храбрость и безукоризненную честность». Бетанкур мог бы по праву гордиться своим учеником.

НОВЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИНСТИТУТА

С лета 1813 года в Институте Корпуса инженеров путей сообщения по приглашению Бетанкура начал преподавать механику действительный член Российской академии наук Семён Емельянович Гурьев — основоположник теории равновесия сводов. Гурьев был автором трудов по геометрии, математическому анализу и механике. Много лет он занимался планиметрией и пытался доказать пятый постулат Евклида, так называемую аксиому параллельности. Гурьев был автором нескольких учебных пособий, популярных в России почти до конца XIX века. В его работах особое внимание уделялось методике и методологии математики. Он организовал издание первого научного журнала Академии наук на русском языке; пробный экземпляр его, под названием «Умозрительные исследования», вышел в свет за три года до войны 1812 года.

С сентября 1813 по 1814 год по согласованию с Бетанкуром в Институте Корпуса инженеров путей сообщения курс гражданской и военной архитектуры начал читать французский инженер Глейз.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРА I

В марте 1814 года Бетанкур узнал, что английский фельдмаршал Веллингтон, получивший это звание после блестящей победы при Виттории, окончательно вытеснил французов из Испании и 28 февраля занял город Бордо. Немного позднее в Петербург пришла весть, что Париж взят союзными войсками, а Наполеон низвергнут. В середине июля 1814 года Александр I с триумфом прибыл в Санкт-Петербург. В Казанском соборе отслужили торжественный молебен.

На Невском проспекте Бетанкур и Сеновер из ликующей толпы видели, как император Александр и цесаревич Константин Павлович ехали верхом перед парадной каретой, в которой сидели императрица Мария Фёдоровна и великая княжна Анна Павловна. Торжественная церемония продолжалась всю первую половину дня, а вечером иллюминацию по личному распоряжению царя отменили.

11 июля в Розовом павильоне Павловска дали бал, где в толпе приглашённых можно было встретить Франца де Воллана и Августина де Бетанкура. Александр I лично обошёл всех гостей и за каждым столом поднял бокал шампанского.

1 августа 1814 года Бетанкур узнал неприятную новость. Александр I подписал указ — в нём говорилось: *«Снисходя на прошение государственного канцлера графа Румянцева, всемилостивейше увольняем его от дел, на него возложенных, с сохранением всех получаемых им ныне окладов».*

ГРАФ РУМЯНЦЕВ

Покровитель Бетанкура Николай Петрович Румянцев родился в 1754 году в семье выдающегося русского полководца Петра Александровича Румянцева-Задунайского. В юные годы учился в Лейденском университете, по окончании его посетил Париж, Женеву, Берлин, Рим, Венецию и, вернувшись в 1779 году в Россию, по желанию отца посвятил себя дипломатической службе. В 1801 году он становится членом Государственного совета, сенатором и получает назначение возглавить службы всех водных коммуникаций Российской империи. С 1802 года — министр коммерции. Эта должность была напрямую связана с водными коммуникациями: только через Петербург водным путем проходило до 45% всего товарооборота России.

Под руководством Румянцева началось изменение торгового законодательства, совершенствовался бюджет, улучшались водные пути, строились новые и приводились в порядок старые судоходные каналы. Румянцев снаряжал экспедиции, в том числе и первую российскую кругосветную под командованием Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна. Способствовал освоению восточных и северных регионов России.

Граф Румянцев стремился к развитию отечественного сельского хозяйства, промышленности, науки, мечтал об экономическом укреплении страны. Однако все его успехи на этом нелёгком поприще разбивались о незыблемость крепостного права. 1807 году он уже окончательно понял, что промышленное развитие страны и крепостное право — вещи несовместимые.

В 1808 году, как ярый сторонник русско-французского союза, Румянцев был назначен министром иностранных дел с сохранением прежних обязанностей. В 1810-м он становится председателем Государственного совета и фактическим главой правительства. Но начавшаяся война с Наполеоном предопределила отстранение Румянцева от дипломатических дел.

Бетанкур глубоко переживал состоявшуюся отставку графа Румянцева. Он очень высоко ценил личные и деловые качества этого человека и был глубоко благодарен ему за то, что он в своё время через мадридского посланника Муравьёва-Апостола пригласил его в Россию.

Но и в отставке Николай Петрович не остался без дел. Очень быстро граф приобрёл славу собирателя книг, рукописей, нумизматических, этнографических коллекций, послуживших основой Румянцевского музея — одного из культурных центров Москвы.

Румянцев возглавил группу историков и археографов в составе П.М. Строева, К.Ф. Калайдовича, Е.А. Болховитинова (митрополит Евгений), Н.Н. Бантыш-Каменского и некоторых других заинтересованных лиц: они выявляли источники по истории России как в своём отечестве, так и за рубежом.

В дальнейшем Бетанкур не раз встречался с этим выдающимся человеком в частном кругу и подолгу беседовал не только о российских дорогах, но и об искусстве, литературе, всемирной истории.

Когда графа Румянцева уволили с занимаемого поста, венский двор ликовал. Австрийцы понимали, что такого человека, который бы так твёрдо отстаивал интересы России в Европе, больше уже не будет, и не ошиблись.

10 августа 1814 года Александр I издал указ: *«Статс-секретарю тайному советнику графу Нессельроде повелено продолжить докладывать Его Величеству по всем делам иностранного департамента, как то исполнялось во все течение последней с французами войны».* Таким образом, Карл Роберт фон Нессельроде, протестант по вероисповеданию и немец по рождению, за всю свою жизнь не только не научившийся писать, но даже правильно говорить по-русски, возглавил дипломатическое ведомство Российской империи. Нессельроде всегда был ярым сторонником австрийской политики и смотрел на Меттерниха, министра иностранных дел Австрийской империи, снизу вверх. В этом альянсе Нессельроде сам себе отвел роль младшего брата.

С уходом с политического Олимпа такой крупной фигуры, как граф Румянцев, Россия понесла огромный ущерб, и Бетанкур, как умный человек, не мог этого не осознавать.

«МЫ ВСЕ ВЫШЛИ ИЗ БЕТАНКУРА»

В 1814 году в Петербурге возобновились проектные работы по строительству Обводного канала, участие в них приняли многие сотрудники Института Корпуса инженеров путей сообщения.

В этом же году в учебные программы института были введены два новых курса — гидрография и гидродинамика. По рекомендации Бетанкура на репетиторскую работу были оставлены два лучших выпускника 1814 года — Яков Александрович Севастьянов и Алексей Иванович Рокасовский.

В дальнейшем Яков Александрович Севастьянов станет профессором, а затем в чине генерал-майора займёт должность помощника директора института по учебной части. По его трудам «Начальные основания аналитической геометрии», «Основания начертательной геометрии», «Приложение начертательной геометрии к рисованию» и «Приложение начертательной геометрии к воздушной перспективе, проекции карт и гномики» будут учиться не только студенты Института инженеров путей сообщения, но и многих других российских технических вузов.

Что касается Алексея Ивановича Рокасовского, то «по успехам в науках» уже в четырнадцатилетнем возрасте он был произведён в прапорщики, а через год получил звание подпоручика. Заняв должность репетитора при генерал-лейтенанте Бетанкуре, он получил чин инженера 3-го класса и воинское звание поручика.

Через пять лет в чине капитана Рокасовский вместе с Бетанкуром будет строить в Нижнем Новгороде ярмарку. В 1842 году Алексей Иванович станет членом особой комиссии, учрежденной при Департаменте железных дорог Главного управления на время сооружения железной дороги Санкт-Петербург — Москва, а после вступления графа Клейнмихеля в должность главноуправляющего займёт место его заместителя с поручением управлять Департаментом искусственных дел.

В 1848 году Рокасовский будет назначен членом Комиссии по построению Исаакиевского собора, членом Центрального комитета по принятию мер к прекращению холеры. 11 апреля 1848 года он получит имперский орден Белого Орла с девизом «За веру, царя и закон». В этом же году Рокасовский станет сенатором и председателем Учебного комитета «для сосредоточения в нём направления умственного образования и наблюдения за его ходом по ведомству путей сообщения».

Умрет Рокасовский 1 мая 1850 года в Петербурге, оставаясь до самой смерти заместителем главноуправляющего путями сообщения и публичных зданий всей Российской империи.

Именно Рокасовский любил повторять: «Мы все вышли из Бетанкура».

СВЕТСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Летом 1814 года Петербург был просто наводнён превосходными театральными труппами. Среди них русская, французская, немецкая и итальянская оперы. Каждый день давали трагедии, комедии, водевили или драматические спектакли. В балете блистали европейские звёзды. Словом, в отношении изящества Петербург не уступал предвоенному Парижу! Анна Джордейн стала членом Музыкального собрания, в состав его входил сам Государь и многие представители августейших семей. В залах собрания часто устраивали концерты и блистательные балы, а иногда и маскарады, обожаемые старшими дочерьми Бетанкура — Каролиной и Аделиной.

Бетанкур не любил светских вечеров, но он ещё при испанском дворе отлично усвоил, что без «паркетной дипломатии» и общения в свете никакую науку не сделаешь — на её развитие нужны деньги.

Вся знать и богачи в Петербурге имели собственные шлюпки или катера, как правило, искусно украшенные. В хорошую погоду Нева была усеяна ими. Воздух оглашался русскими песнями, прекрасно исполняемыми удалыми гребцами. Каждый погожий летний вечер превращался в праздник для всего города, и толпы горожан расходились по барским дачам, где веселились любимцы фортуны.

Август 1814 года, когда Петербург праздновал победу над Наполеоном, был особенно богат на различного рода увеселения. Гусары на яликах прямо из бутылок пили донское вино, бывшее ничем не хуже шампанского.

По приглашению главного директора Императорских театров обер-камергера Александра Львовича Нарышкина семья Бетанкура наконец-то услышала знаменитый роговой оркестр, дававший представление на Крестовском острове. На лужайке были накрыты подковообразные столы, на них в изобилии стояли вазы со всевозможными фруктами и сладостями. Слуги в зелёных, расшитых золотом платьях и ботфортах предлагали любое угощение на выбор. В небольших стаканах подавали английский портер и местное сладкое пиво. Бетанкур дождался, когда принесут красное вино, и сразу выпил два фужера, за что получил порицание от жены с пожеланием не увлекаться спиртными напитками.

Знаменитый нарышкинский роговой оркестр произвёл на чету Бетанкур неизгладимое впечатление. Таких неповторимых, прозрачно-серебристых звуков они ещё никогда не слышали, хотя

роговые оркестры в то время в Петербурге были не редкость. Оркестр состоял из сорока инструментов: маленькие рога имели длину двадцать сантиметров, большие достигали трех метров, все они были слегка загнуты на конце. Музыканты, одетые в красные кафтаны и зелёные шаровары с золотым позументом, с большим умением дули в изогнутые трубы. При этом каждый инструмент издавал звук только одной высоты и тембра. В оркестре играли барские крепостные, от них требовалось точно отсчитать паузы и в нужный момент дунуть в рог. Если музыкант фальшивил во время концерта хоть один раз, его секли розгами, но публика об этом не знала и считала, что оркестр состоит из прекрасных исполнителей.

Нередко крепостной попадал в оркестр ещё в детстве, и за ним навсегда закреплялся один инструмент. Он должен был всю жизнь выдувать только одну ноту, таким образом превращаясь в «живую клавишу». Иногда музыканты даже теряли свои имена и отзывались на название ноты: До-диез или Си-бемоль.

Наконец под аккомпанемент роговой музыки собравшуюся на Крестовском острове публику начали смешить комедианты и жонглеры, особенно понравившиеся маленькому Альфонсо. К вечеру все расселись по лодкам и отправились восвояси. Рядом с яликом Бетанкура какое-то время плыла трескота — большая лодка с музыкантами, но довольно быстро отстала. Там, где река Мойка берет своё начало и пересекается с Фонтанкой, ялик Бетанкура чуть не столкнулся с прогулочной яхтой: на ней с дамами катались два его воспитанника, Валерий Галямин и Егор Адам, — выпускники Института Корпуса инженеров путей сообщения 1814 года.

ВАЛЕРИЙ ГАЛЯМИН И ЕГОР АДАМ

Молодые люди шумно и весело поприветствовали своего учителя. Настроение у всех было приподнятое.

В будущем Валерий Емельянович Галямин станет директором Императорского фарфорового завода и к его столетию в 1844 году создаст уникальный музей, пополненный предметами из кладовых Зимнего дворца: решение изготавливать любой заказ на фарфоровом заводе в двух экземплярах (один — для двора, другой — для музея) будет принято лишь при императоре Александре III.

Егор Андреевич Адам дослужится до чина генерал-майор по горному ведомству. Будет принимать участие в Русско-турецкой войне и наводить переправу через Дунай. В Петербурге он займётся постройкой и облицовкой гранитных набережных на Неве, в том числе и перед зданием Академии художеств. 17 января 1834 года Адама назначат главным строителем моста на Екатерининском канале, сегодня известного как Банковский благодаря находящемуся рядом зданию Ассигнационного банка. Славу мосту принесли угловые скульптуры грифонов работы Павла Соколова (с ним Бетанкур сотрудничал ещё в Царском Селе при устройстве фонтана «Молочница с разбитым кувшином»).

Вместе с Вильгельмом фон Треттером Адам примет участие в постройке Большого Конюшенного моста через Мойку. А с Андреем Готманом и Иваном Завадовским расширит Синий мост, входящий в ансамбль Исаакиевской площади и являющийся самым широким в Санкт-Петербурге. Иногда его называют «мостом-невидимкой»: из-за своей рекордной ширины он воспринимается как часть площади.

Вместе с Петром Базеном Адам построит Демидов мост через Екатерининский канал, а немного позже через тот же канал перекинет Ново-Никольский мост. Строительство Певческого моста через Мойку, соединившего Дворцовую площадь с капеллой, Егор Адам завершит в 1840 году. Будучи автором проекта, к работе он привлечёт архитектора Василия Стасова — автора одной из красивейших мостовых решеток города.

А в проектировании Мало-Конюшенного моста через Екатерининский канал (Трёхколенный мост) и Театрального — через Мойку, сооружённых в 1829—1830 годах по проекту Егора Адама (совместно с Вильгельмом фон Треттером), принимал участие и его учитель Августин Августович Бетанкур.

В течение нескольких лет Адам будет заведовать строительством и эксплуатацией всех мостов Санкт-Петербурга,

города, расположенного на тридцати трех островах.

Именно образование, полученное Адамом в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, позволило ему превратить Петербург в один из самых красивых городов мира.

Историческая справка

1 сентября 1814 года после очередного молебна в Казанском соборе Александр I покинул Санкт-Петербург и через Царское Село отправился в Австрию, на конгресс в Вене, для создания новой системы договорных отношений между европейскими государствами после французской революции и Наполеоновских войн. На повестке дня стоял также вопрос о пересмотре границ в Западной и Восточной Европе.

Конгресс санкционировал включение в состав нового Королевства Нидерланды территории Австрийских Нидерландов (современная Бельгия), а все остальные владения Австрии, утраченные в ходе Наполеоновских войн, снова возвращались под контроль Габсбургов. Речь шла об итальянских территориях Тоскана, Ломбардия, Венецианская область, Парма и Тироль. Пруссии досталась часть Саксонии, значительная территория Вестфалии и Рейнской области. Дания, бывшая союзница Франции, лишилась Норвегии, переданной Швеции. В Италии была восстановлена власть папы римского над Ватиканом и Папской областью. Бурбонам вернули Королевство Обеих Сицилии.

По результатам конгресса был образован Германский союз. Часть созданного Наполеоном герцогства Варшавского вошла с состав Российской империи под названием Царства Польского, таким образом, русский император Александр I стал одновременно и польским королём.

Эта историческая миссия полностью поглощала Александра I, он просто упивался ею, считая себя главным победителем Наполеона.

Пребывая летом 1814 года в Петербурге, царь ни разу, за исключением большого приёма в Павловске, не встретился с Бетанкуром. Мысли его были целиком заняты европейскими делами: там, по его мнению, он играл главную роль и по праву считал себя первым.

В результате работы конгресса сложилась Венская

система международных отношений, создан Священный союз европейских государств, имевший целью обеспечение незыблемости европейских монархий.

ПИСЬМО БРАТУ

В Европе полностью восстановилось почтовое сообщение. И 15 сентября 1814 года, после многолетнего перерыва, Бетанкур написал письмо своему брату Хосе на Канарские острова:

«Дорогой Пепе!

Я очень благодарен тебе за письмо, которое ты переслал мне с доном Ааурeано де Араусом, после стольких лет так радостно увидеть слова, написанные твоим почерком. Сколько событий произошло за это время! Сколько потерь мы понесли!.. Впрочем, оставим в стороне то, о чём все мы уже знаем, я расскажу тебе о своём положении здесь и начну с причин, которые меня сюда привели. С того самого времени, как возникла вражда между принцем Астурийским (нынешним королём Фердинандом VII) и Годоем, я подумал, что в Испании неизбежна революция и, чтобы не погибнуть со всем своим семейством, надо искать спасения и убежища в каком-нибудь иностранном государстве, и мне показалось, что Россия может быть самой подходящей для этого. Я видел, как надвигалась буря, а потом ещё и Наполеон запросил войск у Испании, и они были посланы под командованием маркиза де ла Романа. Я понял, что пора уезжать, любой здравомыслящий человек тогда пытался удалиться от двора. Я запросил разрешения на выезд и получил его. Семью я оставил в Париже и прибыл сюда, чтобы, как говорят, прозондировать почву. Император принял меня великолепно, через третьих лиц мне были сделаны очень заманчивые предложения, если я поступлю к нему на службу. Тем не менее я не принял их, но и не отказался; под предлогом, что мне необходимо обсудить это с семьёй, я вернулся в Париж. Приехав туда, я узнал об отречении Карла IVи прибытии Фердинанда VII в Байонну. Затем образовалась та знаменитая Хунта, которая лишила короны и его. Не желая служить королю-чужаку, я принял решение ехать сюда со всей своей семьёй: женой, тремя дочерьми и малолетним сыном. Все они и сейчас на моём попечении. Император и все члены его семьи приняли меня с таким почётом, какого я и не ожидал. Государь приглашал меня обедать с ним все дни, когда хотел (честь, которой удостоены очень немногие), он назначил мне жалованье в 25 тысяч рублей годовых (тогда рубль стоил 8 реалов в веллоновой монете), он присвоил мне звание генерал-майора, равнозначное тому, что я имел в Испании. Но самое благоприятное для меня — это то, что я подчиняюсь ему напрямую, без посредства какого-нибудь министра между нами. Таким образом, каждый раз, когда мне необходимо говорить с ним, я иду к нему, не прося разрешения у кого-либо, и обсуждаю с ним

порученные мне дела. И каждый раз он демонстрирует мне, что доволен тем, как я ему служу. Могу уверить тебя, что он обращается со мной не как с подданным, а как с другом, в подтверждение этого посылаю тебе три его записки из тех, что он писал мне, когда, по причине занятости другими делами, не мог принять меня. Ты обратишь внимание на то, что писаны они карандашом, у него такая привычка. Год с небольшим после начала моей службы он присвоил мне чин генерал-лейтенанта, затем наградил орденом Святого Александра Невского с лентой, после Святого Андрея Первозванного это самая высокая награда в России, а в прошлом году он прислал мне свой портрет, украшенный бриллиантами.

С моей стороны я служу ему со всем рвением во всех порученных мне делах. Я основал Военный институт (или Школу) для подготовки инженеров, и те, кто вышел из его стен, во время недавней войны трудились так, как никто от них не ожидал. (Могу похвастать тем, что нигде не учат математике лучше, чем в моём заведении.) Я спроектировал машину для очистки Кронштадтского порта, её чертежи ты видел, когда я работал над ней в Париже. Получилось настолько великолепно, что эта драга каждые две минуты достает одну кубическую вару грунта с глубины в 20 футов. Я построил несколько деревянных мостов. Последний из них в этом городе только что закончен, и его чертёж, сделанный мною пером, посылаю тебе с Араусом. Я полностью обновил литейное дело на оружейном заводе и сделал ещё немало дел, которые пришлось бы долго перечислять. Итак, здесь я в почёте и имею необходимое для жизни, но не более: здесь платят бумажными ассигнациями, а они потеряли вдвое с того момента, как я здесь, и моё жалованье сократилось наполовину. Тем не менее я счастлив тем, что имею здесь, что я избежал нищеты, которая опустошает Испанию, я удовлетворён тем, что способствовал так же, как лучшие испанцы, или ещё более, крушению чудовища Бонапарта.

Моя жена и дочери, познакомившись в Лондоне с твоим сыном, моим племянником Августином, не жалели похвал, говоря о его чудесном характере, живости и талантах, но при этом отметили, что, как им показалось, его учителя могли бы заставить его лучше использовать время для учёбы. Я попросил бы тебя о любезности прислать мне его на год-два сюда, ещё до возвращения на Тенерифе. Он будет жить у меня дома, а в моём институте за год узнает больше, чем в Англии за шесть лет. Араус сказал мне, что вернётся сюда в следующем году, это хорошая оказия: прислать Августина вместе с ним. Если согласишься, заранее прими благодарность моей жены и дочерей, они его очень любят.

Мне пришла в голову мысль: если Араус приедет с винами, почему бы тебе не прислать мне 15, 20 или более бочонков вина, взамен я отправлю тебе товары этой страны, для собственного пользования или на продажу. Можешь подумать об этом и располагать мною по своему усмотрению. Если не желаешь прислать большую партию, то прошу прислать мне один бочонок виндуэньо и один — мальвазии, на пробу…»

Далее Бетанкур писал, что его дочь Каролина нарисовала четыре букета цветов на белом плюше, для двух стульев, и подарила матери-императрице Марии Фёдоровне. Весь двор пришел в умиление и долго восхищался таким рукоделием. Сама же императрица осталась очень довольна изысканным подарком. В письмо была также вложена записка, датированная 25 февраля 1811 года и написанная по-французски рукой императора Александра I, следующего содержания:

«Сегодня вечером, Генерал, у меня много дел. И, не желая заставлять Вас ждать, я прошу Вас прийти завтра в восемь вечера.

Весь Ваш (подпись)».

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Летом 1813 года, когда торговые связи России и Англии постепенно стали восстанавливаться, в Лондоне побывала Анна Джордейн с двумя старшими дочерьми — Каролиной и Аделиной; они встретились в Сити с родным племянником Бетанкура Августином, сыном его старшего брата Хосе. Между сестрами и двоюродным братом завязалась тесная дружба. Через год, весной 1814 года, Лондон посетила великая княгиня Екатерина Павловна. Именно там, в Англии, был решён вопрос и о её втором замужестве. Её супругом должен был стать двоюродный брат, наследный принц Вильгельм Вюртембергский, прибывший в Лондон в составе свиты Александра I и короля Фридриха-Вильгельма III.

Ирония судьбы заключалась в том, что ещё в 1808 году князь Александр Куракин, занимавшийся в Европе подбором женихов для Екатерины Павловны, о племяннике вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны в своём послании в Петербург написал следующее: *«Принц Вильгельм имеет красивую наружность, очень умён и любезен, но сердца его не хвалят; он проходит такую школу, видит перед собой такие примеры жестокосердия, которые заставляют ожидать от него поведения, подобного отцовскому: он не отличается свежестью чувств, и нравы его всегда были нравами века. Его связь с девицей Абель, от которой, как говорят, у него двое детей, не есть единственная, которую за ним знают…»*

Однако в 1814 году о такой оценке принца Вильгельма Вюртембергского пришлось забыть. Из Европы Екатерина Павловна вела интенсивную переписку с Францем Павловичем де Волланом, главноуправляющим путями сообщения Российской империи: он ей в своих письмах сообщал о последних событиях, среди них значилось принятое решение о возвращении из сибирской ссылки французских инженеров Базена, Дестрема, Потье и Фабра.

А Бетанкуру в связи с этим де Воллан писал следующее: *«Милостивый Государь Августин Августович. Долгом поставляю уведомить Ваше Превосх., что как прибывшие сюда французские инженеры изъявили желание своё служить отныне всеавгустейшему Монарху нашему, оставя совершенно службу первого отечества, то я, не предвидя никакого препятствия удовлетворить столь похвальному желанию, командировал их к Ваш. Прев., где употребить их по вверенному вам, Милостивый Государь мой, Институту сообразно способностям и познаниям их, совершенно*

от вас зависеть будет. Между тем полагаю при первой возможности испросить об оставлении офицеров сих в российской службе Высочайшее разрешение. Что касается до жалованья их, то они будут оным довольствуемы по-прежнему от Главного управления».

Таким образом, французские преподаватели, приехавшие в Санкт-Петербург по личному указанию Наполеона, в декабре 1814 года полностью отказались от иностранной службы и дали, при сохранении французского подданства, присягу Государю Императору Александру Павловичу. Бетанкур был очень рад, что они вернулись в стены родного института, так как квалифицированных преподавателей катастрофически не хватало.

БОРЬБА С ФАЛЬШИВЫМИ ДЕНЬГАМИ

В 1814 году Бетанкур очень много времени уделял выпуску новых ассигнаций. Перед самой войной с Россией Наполеон наводнил её фальшивыми денежными знаками. Поэтому ещё в конце 1813 года министр финансов граф Дмитрий Александрович Гурьев представил Александру I доклад о необходимости денежной реформы, срочном снижении инфляционных процессов (ассигнационный рубль стоил двадцать копеек) и строительстве новой, современной ассигнационной фабрики. Требовалось заменить ассигнации образца 1802 года новыми купюрами, защищенными от подделок. Кроме того, Александр I одним ударом собирался решить и застарелую проблему голландского займа в 215 миллионов рублей, сделанного ещё его бабкой Екатериной II в конце своего правления. Да и Павел Петрович, отец Александра I, не гнушался часто включать печатный станок, что в конечном счёте привело к огромному внутреннему долгу перед казначейством.

Перед Бетанкуром была поставлена задача *«по изысканию всех способов, наиболее подходящих для того, чтобы, насколько это возможно, защитить бумажные деньги от попыток подделки»,* а для этого требовалось создать в Санкт-Петербурге Экспедицию заготовления государственных бумаг и начать выпуск новых, более защищенных купюр. Первым делом Августин Августович ознакомился с технологическими особенностями изготовления бумажных денег в России. Он обследовал все соответствующие фабричные заведения в Красном Селе, Ропше, Царском Селе, а также на территории Петропавловской крепости в Петербурге. В Красном и Царском Селе производилась бумага для изготовления ассигнаций, а в Петропавловской крепости размещались печатные станки, проводилась нумерация и штемпелевание денежных купюр.

Печатать бумажные деньги в России начали с 1769 года. В том же году в Санкт-Петербурге открылся и первый Ассигнационный банк, обменивавший бумажные купюры на золотые и серебряные монеты. Материал, употребляемый для бумажных денег, всегда отличался белизной, прочностью, тонкостью и мягкостью. Для изготовления специальной ассигнационной бумаги применялись прессы, привезённые из Голландии. До вмешательства в этот процесс Бетанкура в России использовался так называемый «черпальный» способ, то есть

изготовление бумаги было ручным, а не машинным. После тщательного исследования производства бумаги для печатания денег Бетанкур отметил в своём докладе на имя министра финансов графа Гурьева: *«Надо заново строить Учреждение, чтобы на одном и том же месте вырабатывалась ценная бумага и печатались бы ассигнации».*

До Бетанкура деньги в России всегда печатали иностранные мастера, приглашенные из-за границы. Фабрика ассигнаций, или, как её ещё называли, Бумажная мельница, работала в секретном режиме: правительство боялось, что не только деньги, но и саму бумагу могут разворовывать. Все работы проводились при «закрытых» дверях и под строгим наблюдением чиновников. Предложение Бетанкура — сосредоточить в одном центре производство бумаги и печатание ассигнаций — было с пониманием встречено министром финансов.

В 1815 году на левом берегу Фонтанки казна выкупила у бывших владельцев — купца Чеблокова и мещан Сакова, Егашевского и Родионова — участок земли общей площадью двадцать два гектара и поручила Бетанкуру вместе с инженером Вильгельмом фон Треттером разработать проект и построить фабрику для производства бумажных денег.

ВАСИЛИЙ КАРЛОВИЧ

Вильгельм фон Треттер, или, как ласково называли его в России, Василий Карлович, был выходцем из Германии и в Санкт-Петербурге оказался в 1814 году. Он приехал из Бадена, когда окончательно убедился, что в безденежной Европе, разорённой войной с Наполеоном, мосты и городские строения начнут строить не скоро. В 1815 году фон Треттер вместе с Бетанкуром приступил к созданию «нового заведения для делания ассигнаций». Работа настолько захватила его, что, размышляя над усовершенствованием печатного оборудования, он в 1816 году напечатал в России первую литографию.

В дальнейшем Бетанкур привлечёт его в Комитет для строений и гидравлических работ, который сам возглавит в 1816 году.

Вильгельм фон Треттер построит в Петербурге Исаакиевский мост (1819—1821), здание Кондукторской школы (1820). Он будет одним из авторов Большого, Малого Конюшенного и Театрального мостов. Спроектирует и построит, с выпускником Института Корпуса инженеров путей сообщения Василием Александровичем Христиановичем, Пантелеймоновский, Египетский, Почтамтский, Банковский и Львиный висячие мосты. Сегодня каждый из них — символ города на Неве.

ВОДЯНОЙ ЗНАК БЕТАНКУРА

На создание фабрики по изготовлению ассигнаций казна отпустила шестьсот тысяч рублей. В эту сумму вошли деньги и на проработку технологической части проекта, включая эксперименты по выбору волокнистого материала для изготовления бумаги и составление перечня оборудования, необходимого для осуществления всего производственного процесса.

4 марта 1816 года Александр I утвердил представленный план и смету. В своём письме Бетанкуру царь отметил: *«План и смету, составленные вами для устройства фабрики делания ассигнационных листов и прочих гербовых бумаг, я рассмотрел в подробности и, утверждая их во всей силе, повелеваю из особой моей к вам доверенности и уважения к отличным познаниям, провести оное устройство к окончанию и в полное действие под непосредственным вашим наблюдением и надзором».*

Первым и самым важным решением, принятым Бетанкуром и определившим будущее изготовление денежных билетов в России, было объединение бумажного и типографского производств. Раньше эти два производства были разделены территориально и административно. По проекту Бетанкура был сооружён комплекс зданий нового типа, где разместились бумажная фабрика, типография, различные производственные и ремонтные мастерские. Здесь же находились казармы для рабочих, помещения для магазина и караула, а также администрация и квартиры для чиновников и служащих.

При проектировании нового заведения Бетанкур, имевший к тому времени солидный опыт возведения гидротехнических сооружений в России и Испании, сумел не только использовать опыт аналогичных предприятий, но и разработать ряд процессов и механизмов, опередивших технический уровень своего времени. Так, для размола пеньки в однородную волокнистую массу он использовал «цилиндры» (рольные ящики). Они, по словам Бетанкура, были *«сконструированы с точностью, неизвестной до сего времени: работа их более быстра и более совершенна, а между тем изнашиваются они гораздо меньше».*

Бетанкур заказал по своим чертежам на заводе Берда в Санкт-Петербурге новые паровые машины, впервые в России использованные в бумагоделательном производстве: от паровой машины с помощью шкива и ременной передачи приводились во вращение не только роллы для измельчения бумажной массы, но и гидравлические прессы для обезвоживания бумаги. «Подобного

устройства, — хвастался Бетанкур, — не существовало ещё нигде». Вот что он писал по этому поводу: *«То, что на всех других фабриках требует большого количества лебёдок, рычагов, верёвок и занимает много места, здесь делается в одном небольшом помещении посредством гидравлических прессов, управление каждым требует только двух или трёх человек, работа у прессов производится быстро и без утомления».*

Одним из достижений Бетанкура явилась разработка ещё неизвестного в мировой практике способа формирования водяных знаков (филиграней). Благодаря Бетанкуру водяной знак стали получать путем штемпелевания его на сетке («на черпальные формы нашивали сетки, прессованные со штемпелей с медальонным характером гравюры»). Преимущество способа заключалось не только в сокращении времени и затрат труда на вышивание, но и в обеспечении идентичности водяных знаков, что сыграло большую роль в защите ассигнаций от подделки. В будущем этот способ получил дальнейшее развитие и высокое признание за рубежом.

В организации промышленного производства бумажных денег Бетанкур видел возможность предотвращения подделок. Он полагал, говоря об изготовлении бумаги, что *«такую бумагу можно выделывать только в крупном предприятии с громоздкими и шумными машинами, которые никак нельзя применить в тайном производстве».* Особую заботу Бетанкур проявлял об оснащении современным оборудованием не только бумагоделательного, но и типографского отделения. В своём отчете министру финансов он признавался, что предлагал *«в первом проекте по меньшей мере 50 станков для ежедневного печатания достаточного количества билетов».* И действительно, пятьдесят два станка были приобретены у содержателя типографии Министерства иностранных дел Плюшара.

ОРДЕН СВЯТОГО ВЛАДИМИРА ВТОРОЙ СТЕПЕНИ

Начиная с 1814 года Бетанкур начал внимательно следить за развитием печатного дела в других странах. *«Получив сведения о новом, приобретённом в Англии, непрерывно действующем станке»,* он, по собственному признанию, *«выписал один из таких станков и нашёл, что он может быть применён для поставленной цели с большим преимуществом». «Одна эта машина,* — писал он для обоснования сделанного выбора, — *обслуживаемая шестью подростками и двумя или тремя взрослыми, даёт продукцию, почти равную продукции 50 обыкновенных станков, обслуживаемых 100 людьми».*

Два английских станка были не только приобретены, но и послужили образцом для изготовления таких станков собственными силами. Кроме английских и сделанных по их моделям станков, в типографии имелось ещё десять немецких и тридцать один отечественный. В отчёте министру финансов графу Гурьеву Бетанкур, говоря об оснащении типографии, не без гордости упомянул, что им предусмотрены *«все машины, последовательная работа которых даёт законченные ассигнации, вплоть до подписей».*

Для похвальбы у Бетанкура были все основания. Благодаря его новейшей методике впервые исключалась подпись ассигнаций вручную. Машины, предназначенные для нумерации денежных знаков, были сконструированы им самим. Бетанкур писал, что *«механическая нумерация отныне будет столь же правильной, как и всё остальное в билете. Непрерывно действующий станок работал так, что билеты одновременно печатались и нумеровались».* Однако изобретение, хотя и сулило производственный эффект от совмещения двух операций, в конечном счёте правительством империи и лично министром финансов поддержано не было. В России чиновники, сами постоянно занимавшиеся воровством казённых средств, больше всего боялись, что этим могут заниматься и другие, и тогда деньги в полном объёме до них доходить не будут. Поэтому, чтобы исключить возможность хищения ассигнаций в типографии, печатание денежных купюр и их нумерация были искусственно разделены и производились в изолированных друг от друга помещениях.

Строительство производственного комплекса и монтаж технологического оборудования были закончены к началу 1818

года. 20 января Бетанкур представил отчёт о выполненных работах министру финансов. Заслуги Бетанкура были отмечены в указе Александра I — ему был пожалован орден Святого Владимира 2-й степени. Кроме того, щедрое вознаграждение получили все сотрудники, работавшие с ним.

НОВАЯ ИНИЦИАТИВА БЕТАНКУРА

Управляющим нового заведения по производству бумажных денег и других гербовых бумаг был назначен князь Александр Николаевич Хованский, 24 марта 1818 году принявший постройки и оборудование, созданные Бетанкуром. Первоначально заведение получило название «Департамент заготовления государственных бумаг», однако уже через четыре месяца его переименовали в «Экспедицию заготовления государственных бумаг». Ещё до официального открытия предприятия, 30 марта 1818 года, началась подготовка к выпуску новых ассигнаций. Прежде всего необходимо было представить общий вид ассигнаций с учётом изготовления пяти номиналов — 5,10, 25, 50 и 100 рублей.

На этом этапе вновь с инициативой выступил Бетанкур. Полученные им под руководством известного художника Маэльи в Академии изящных искусств Сан-Фернандо в Мадриде навыки пригодились и в Петербурге. Бетанкур представил на рассмотрение управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг князя Хованского рисунки — эскизы будущих купюр. Они выгодно отличались от предыдущих. При их оформлении Бетанкур использовал пришедший из Европы в Россию стиль позднего классицизма — ампир: строгость форм сочеталась с использованием различных эмблем, придающих торжественность и богатство оформлению. Впервые на билетах было помещено изображение государственного герба России — двуглавого орла с широко раскинутыми крыльями и атрибутами власти — императорской короной, скипетром, московским гербом, венком, молниями и факелом.

Однако специальная комиссия, состоявшая из директоров Ассигнационного банка, рассмотрев образцы, признала их «не совсем удачными». Она сочла неприемлемой «одинаковость формата купюр», «единообразие цифр в нумерах», «нерегулярность литер в прописях». По мнению комиссии, представленные образцы не представляли больших затруднений для их подделки.

Между тем князь Хованский в своём заключении написал: *«Не переменяя ничего в представленном от генерал-лейтенанта Бетанкура рисунке всех ассигнаций, отменить токмо предлагаемое им двойное тиснение…»* Поэтому было принято коллегиальное решение печатать на ассигнациях «сетку краскою серого цвета», а украшения, подписи, буквы в прописях и цифры в нумерах — красками разного цвета, с тем чтобы *«каждое достоинство*

ассигнационной бумаги имело свой отличительный знак». Такое «изобретение», по мнению управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг, было *«несравненно удобнее и гораздо меньше требует времени, нежели двойное тиснение, для глаза же приметнее, а для подделки почти невозможное: один человек не в состоянии взяться за это дело, так как, как бы он ни был искусен, ему окажется не под силу писать сетку пером, а ещё менее вырезывать оную».*

Александр I в 1815 году был в Европе и очень зорко следил за работой по созданию фабрики ассигнаций. Царь отлично понимал, что эта задача такой же государственной важности, как и свержение Наполеона, в конце февраля 1815 года покинувшего остров Эльба и высадившегося на юге Франции.

Историческая справка

Париж снова встретил своего императора восторженными криками толпы. Всех европейских королей до глубины души потрясло, что только одним своим присутствием Наполеон уничтожил владычество Бурбонов. Война между Францией и коалицией возобновилась. Однако битва в бельгийском местечке Ватерлоо положила ей конец: Наполеон сдался англичанам и под предводительством британского адмирала Джорджа Эльфинстона Кейта был отправлен на далёкий остров Святой Елены в Атлантическом океане. Таким образом, солдаты армии Его Величества короля Великобритании навеки отобрали славу у русских и до сих пор считаются главными победителями Наполеона Бонапарта.

После этого Пруссия, Англия и Австрия хотели полностью уничтожить Францию, разделив её на несколько частей. Однако приближённые Людовика XVIII убедили его написать письмо Александру I, в котором нужно объявить, что он слагает с себя корону, так как лучше лишиться престола, чем властвовать над Францией униженной и раздробленной. Получив письмо, Александр встал на защиту французского короля. Под настойчивым давлением русского царя Пруссия и Австрия отказались от своих требований, затем их примеру последовала и Англия. Единство Франции не только было спасено, но за ней остались и земли, приобретённые ещё во время войн при Людовике XIV.

По условиям второго Парижского мира, подписанного 8 ноября 1815 года, Франция понесла весьма умеренные территориальные потери и сохранила свои границы до 1790 года.

Из контрибуции в семьсот миллионов франков на долю России пришлось всего лишь сто миллионов. «Кто как воевал, тот так и получил», — прокомментирует впоследствии ситуацию министр иностранных дел Австрии Меттерних.

ПРОВЕРКИ

2 декабря 1815 года Александр прибыл в Петербург (он отсутствовал больше года) и начал наводить порядок. Во всех министерствах прошли финансовые проверки. Не обошли они стороной и Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Статссекретарь Пётр Степанович Молчанов, в течение нескольких лет распоряжавшийся важнейшими делами государства в отсутствие императора, был отправлен в отставку. С приездом царя началась кампания по искоренению злоупотреблений во всех ветвях государственной власти. Была назначена комиссия для проверки финансовой деятельности управляющего Военным министерством князя Алексея Ивановича Горчакова.

Она установила, что во время войны с Наполеоном, когда многие жертвовали последним, в провиантском департаменте производились огромные хищения. Обнаружили прямой сговор с купцами на поставку продовольствия для армии по завышенным ценам. Близкие к Горчакову чиновники (Самбурский, Приклонский и многие другие) были разжалованы, отданы под суд или отправлены на гауптвахту. Особым указом Государь запретил всем офицерам носить гражданское платье и приказал соблюдать уставную форму одежды. За малейшую провинность даже боевые и заслуженные офицеры строжайше карались.

Бетанкур сразу же почувствовал изменения в характере царя и какое-то время старался не попадаться ему на глаза, тем более что, кроме работы на фабрике ассигнаций, дел хватало и в Институте.

НОВЫЕ УЧЕБНЫЕ ПРОГРАММЫ

С возвращением из ссылки Базена, Дестрема, Потье и Фабра научная работа в институте оживилась. Дестрем и Потье получили чин подполковника. Это событие все шумно отметили. Но вскоре Фабр и Дестрем перевелись в Корпус инженеров путей сообщения, а Потье и Базен остались в институте на преподавательской работе. Карл Иванович Потье начал читать курс начертательной геометрии, а Пётр Петрович Базен — высшего анализа и механики.

Осенью 1815 года по настоянию Бетанкура в программу ввели специальную дисциплину — «Курс построений». (Нельзя сказать, что он был новым: раньше строительное искусство уже входило в курс математики.) Курс включал проектирование и строительство транспортных и гидротехнических сооружений. В него вошли такие разделы, как строительные материалы, строительная механика, производство строительных работ, шоссейные дороги, мосты, гидротехника. В дальнейшем эти разделы станут самостоятельными предметами учебного плана.

БЛАГОДАРНОСТЬ

В приказе главнокомандующего армиями генерал-фельдмаршала Барклая де Толли от 31 января 1815 года, в частности, говорилось:

«Быв личным свидетелем, с какою готовностью и усердием чиновники Корпуса путей сообщения, состоящие при армии, исполняли возлагаемые на них поручения в устроении переправ, наведении мостов, проложении и починке дорог и, вообще, что до обязанности их относилось, я приятным долгом поставлю объявить им благодарность».

Эти слова в полной мере относились и к воспитанникам Института Корпуса инженеров путей сообщения, принимавшим участие в войне 1812 года. Многие из курсантов были повышены в чине, награждены знаками отличия. Но никто из них при этом не задирал нос перед товарищами, в военных действиях не участвовавшими.

ИЕЗУИТЫ

Единственный сын Бетанкура Альфонсо гордился, что знаком с героями, — они иногда защищали его от одноклассников-лицеистов, с которыми ему приходилось не раз драться. В лицее был учреждён особый класс для преподавания римско-католического катехизиса, и Альфонсо, будучи католиком, посещал его. За это от одноклассников он и получил обидную кличку Иезуит. Тех, кто не был крещён в русскую православную веру, после занятий подкарауливали и избивали. Доставалось и Альфонсо, хотя он мог за себя постоять.

В конце декабря 1815 года Александр I издал высочайший указ о немедленной высылке всех иезуитов из Санкт-Петербурга и строжайшем воспрещении въезда им в обе столицы. Зимней холодной ночью иезуиты, снабжённые шубами и тёплыми сапогами, в кибитках были отправлены в резиденцию своих собратьев — Полоцк. Так что в Петербурге остался только единственный «иезуит» — одиннадцатилетний Альфонсо де Бетанкур, и ему всё время приходилось кулаками отстаивать свою независимость в лицее.

КОМИТЕТ ДЛЯ СТРОЕНИЙ И ГИДРАВЛИЧЕСКИХ РАБОТ

Все современники в один голос утверждали, что по возвращении в Петербург Александр I изменился в худшую сторону. Вот что об этом писал его флигель-адъютант, а в дальнейшем известный военный писатель Александр Иванович Михайловский-Данилевский: *«Образ мыслей его и жизни изменился до такой степени, что самые близкие люди, издавна его окружавшие, говорили мне, что по возвращении его из Парижа они с трудом могли его узнать. Отбросив прежнюю нерешительность и робость, он сделался самодеятелен, твёрд и предприимчив и не допускает никого брать над собой верх… Опыт убедил его, что употребляли во зло распоряжения его к добру; язвительная улыбка равнодушия явилась на устах, скрытность заступила место откровенности и любовь к уединенью сделалась господствующей его чертой; он обращает теперь врождённую ему проницательность преимущественно к тому, чтобы в других людях открывать пороки и слабости… Перестали доверять его ласкам… и простонародное слово "надувать" сделалось при дворе общим… Он употребляет теперь дипломатов и генералов не как советников своих, но как исполнителей своей воли; они боятся его, как слуги своего господина…»*

Присущие с юности Александру такие черты, как скрытность и двуличие, выдвинулись после европейского похода на первый план. Он стал циничен, груб, начал презирать ещё больше русский народ, спасший его трон от верной гибели. Кроме того, после Венского конгресса он чувствовал страшную усталость. И хотя Наполеона уже давно не было у власти, он продолжал завидовать этому человеку.

Любой разговор о либеральных реформах приводил его в бешенство, а любые революционные преобразования казались разрушительными и гибельными. Вокруг него роились уже не смелые реформаторы, как было в 1803 году, а исправные делопроизводители. К тому же в 1815 году Александр I увлекся мистицизмом и посвящал этому довольно много времени. Все государственные дела, включая и духовные, были доверены графу Аракчееву. Только через него министры, сенаторы и члены Государственного совета могли получить доступ к царю. При этом все, включая и самого Аракчеева, находились под негласным полицейским надзором.

Александр Павлович, напуганный революцией во Франции и

всегда помнящий, как закончили жизнь его отец Павел I и дед Пётр III, катастрофически боялся потерять трон. Проезжая мимо Михайловского замка, Александр I всегда закрывал глаза. Ему хотелось спрятаться от прошлого, а для этого изменить облик города… И такая возможность представилась.

Россия после победы над Наполеоном заняла господствующее положение в Европе — российская столица должна была соответствовать своему новому статусу. Александр I задумал превратить Петербург в парадный фасад империи: город должен был прославлять силу русского оружия и его мудрое правление. Александр I снова вспомнил о Бетанкуре, вызвал его к себе и после длительной беседы подписал именной указ об учреждении специального Комитета по строительству Петербурга и других городов Российской империи.

В постановлении, вручённом Бетанкуру, говорилось: *«Об учреждении Комитета для приведения в лучшее устройство всех строений и гидравлических работ в Санкт-Петербурге и прикосновенных к оному местах….Взяв, с одной стороны, во внимание правильность, красоту и приличие каждого здания в применении к целому городу, а с другой — выгодное расположение, прочность и безопасность, как собственно всякому строению принадлежащую, так и собственную; дабы всё оное могло быть удобнее соображаемо во всех правилах лучшей архитектуры и дабы столицу сию вознести по части строительной до той степени красоты и совершенства, которые по всем отношениям, соответствуя достоинству её, соединяли с тем вместе общую и частную пользу, признал я нужным для сего, а равно и для гидравлических производств, учредить особенный Комитет, которому состоять под председательством Вашим и в оном быть членами архитекторам Росси, Модюи, Стасову и Михайлову. К занятиям сего Комитета главнейшее следует:*

I. Поправление и постепенное введение надлежащего регуляторства в строениях всех частей города. Для сего необходимо нужно первоначально обозреть весь город в совокупности наблюдательным оком и обнять зрелым соображением.

II. Рассмотрение чертежей на все без изъятия здания…

III. Всё то, что относится не только к правильному и приличному наружному виду и к безопасному расположению на дворах, но и к самому внутреннему с надлежащею от огня осторожностью…

IV. Состояние общего обозрения нынешнего состояния гидравлических производств <…>

Институт путей сообщения доставит Комитету потребные

пособия в черновиках и инструментах для занятий сего нужных. Особенно к сим занятиям назначаю ведомства того Института подполковника Базена и Директора рисования и архитектуры Готмана».

В указе, подписанном царём, стоит фамилия Росси. Для того чтобы талантливый архитектор стал членом комитета, Бетанкуру пришлось изрядно потрудиться. Оказалось, что у Карло Росси в Петербурге немало врагов, и среди них влиятельный при русском дворе французский архитектор Антуан Франсуа Модюи, находившийся на русской службе с 1810 по 1827 год.

АРХИТЕКТОР МОДЮИ

В России его звали Антоном Антоновичем; он попал на русскую службу по рекомендации французского посланника в Петербурге Армана де Коленкура. В России Модюи повезло больше, чем его соотечественникам — преподавателям Института Корпуса инженеров путей сообщения Базену, Дестрему, Потье и Фабру. Во время войны с Наполеоном он путешествовал по Греции и Италии и в России отсутствовал.

Весной 1814 года он и французский зодчий Пьер Фонтен (один из архитекторов Триумфальной арки на площади Каррузель в Париже) встретился с Александром I в столице Франции и предложил русскому императору перестроить Петербург так, чтобы он выглядел настоящей европейской столицей. Именно Модюи в Париже внушил Александру мысль превратить Петербург в помпезный город. Пьер Франсуа Леонар Фонтен, один из основоположников стиля ампир, с воодушевлением поддержал эту смелую идею и прислал Александру I двенадцать томов альбома архитектурно-декоративных новшеств под общим названием «Здания и памятники Парижа при правлении Наполеона I».

Александру хотелось превзойти Бонапарта не только на полях сражений, но и в строительстве. Он внимательно познакомился со всеми архитектурными достопримечательностями, возведёнными в эпоху Наполеона. Императору очень понравилась французская столица — он увидел в ней современный город. Создавая в 1816 году Комитет для строений и гидравлических работ, царь включил туда Модюи, рассчитывая на его незаурядный градостроительный талант и архитектурную смелость. Однако такое решение не очень обрадовало Бетанкура.

Ещё при жизни Тома де Томона у «швейцарского» архитектора сложились довольно напряжённые отношения с Модюи, открыто выступившим против некоторых его проектов. По характеру Модюи был активным, напористым человеком, с очень тонким архитектурным видением и чутьём, но при этом не терпящим чужого мнения. Например, у Карло Росси и Антуана Модюи было абсолютно различное градостроительное мышление, и ни тот ни другой ни в чём не собирались друг другу уступать. Но организационный талант Бетанкура на какое-то время примирил их.

В Комитете для строений и гидравлических работ Бетанкур отвёл Модюи роль составителя генерального плана города и отдельных его частей. Зная, что Антон Антонович получил

первоклассное архитектурное образование в Париже, Бетанкур сделал так, что творчество Модюи стало той осью, вокруг которой вращались разрозненные звенья градостроительного плана города. Первоначальные замыслы Модюи охватывали как крупные территории главных столичных островов — Васильевского и Петербургского, так и более локальные, но значимые районы — Сенной площади, Коломны, площади у Аничкова дворца, Апраксина двора, Марсова поля. Модюи доказал Александру I, а затем и Бетанкуру, что парадный облик Петербурга должен соответствовать времени: крупномасштабность и ансамблевость призваны стать отличительными и обязательными чертами архитектурно-градостроительных проектов в стиле ампир.

ПЕТЕРБУРГ ДО БЕТАНКУРА

Что же представлял собой Петербург в середине 10-х годов XIX века? Девять десятых Северной столицы составляли деревянные постройки, по преимуществу расположенные вдоль набережной Невы. Только вблизи Зимнего дворца было несколько высоких домов. Все остальные каменные дома были двухэтажные или одноэтажные, с подвалами, где тоже жили люди. Только на Невском проспекте, между Мойкой и Фонтанкой, а также на двух Морских улицах и Миллионной деревянных домов вовсе не было. На всех же остальных улицах, если и были каменные дома, то вперемежку с деревянными. Части города, называемые Коломною, Московской, Рождественской, состояли почти исключительно из деревянных домов, а улицы здесь никогда не имели мостовых. Так называемое Козье болото в Коломне было настоящим болотом, непроходимым и смрадным, покрытым зелёной тиной. Такие же болота встречались и в районе Лиговки, на Новых местах и за Каретным рядом.

Ямская была настоящей деревней. Петербургская сторона с её лучшими улицами едва могла тягаться с плохим уездным городишком. Что уж говорить о Выборгской стороне или Песках! Даже из множества храмов только несколько были каменными — Казанский собор, Александро-Невская лавра и недавно достроенный Исаакиевский собор, представлявший собой бесформенную массу без намёка на архитектурный стиль. Дворцовую площадь окружали маленькие частные дома; среди них выделялся только дом Кушелева, бывший для Петербурга тем же, что и Пале-Рояль для Парижа, только в миниатюре. Повсюду теснились лавки, трактиры, маскарадные залы и театр, где играли немецкие актеры.

До Бетанкура тротуаров в Петербурге вовсе не существовало. Люди не имели представления о городской чистоте и гигиене. Большинство столичных улиц ранней весной и осенью становились непроходимыми. На некоторых почти всё лето стояли лужи. Рядом с Дворцовой площадью паслись коровы и разгуливали свиньи. Стаи собак бегали по городу в поисках пищи. Иногда ночью они даже нападали на прохожих. Кареты забрызгивали грязью встречные экипажи и сами утопали в грязи.

Вернувшись из Парижа в Петербург, Александр не мог не заметить удручающего контраста между двумя столицами. Он решил во что бы то ни стало изменить облик города.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОРОДА

3 мая 1816 года Александр I издал Высочайший указ о создании Комитета для строений и гидравлических работ. Одной из целей его деятельности была реконструкция Петербурга. Уже в первых строках говорилось о необходимости сосредоточить в комитете все утверждённые ранее планы развития города. Все основные положения указа были подготовлены членами Комитета во главе с Бетанкуром. Комитет разработал «Проект учреждения о каменных и деревянных строениях в Петербурге»: он предписывал руководствоваться чертежами, созданными ещё под началом Алексея Васильевича Квасова, составителя генерального плана Санкт-Петербурга (1763—1769). Эти документы стали директивными для всех архитекторов.

В обязанности комитета входила планировка и застройка города: прокладка новых улиц и «выравнивание» старых, перепланировка существующих и устройство новых площадей, размещение на них монументальных сооружений. Комитет утверждал проекты всех новых жилых и общественных зданий, разрабатывал для них «образцовые» проекты, осуществлял контроль за строительством не только в столице, но и во всей империи, а также наблюдал за возведением мостов, набережных и тротуаров. Большое значение комитет придавал городскому водоснабжению и канализации. В его компетенцию входило использование в городском строительстве наиболее технологичных материалов, а также вопросы противопожарной безопасности.

Согласно царскому указу Петербург предстояло довести *«до той степени красоты и совершенства, которые бы, по всем отношениям соответствуя достоинству, соединили с тем вместе общую и частную пользу…»*. Впервые в истории Петербурга застройка города стала осуществляться комплексно, с учётом не только единого архитектурного решения, но и всех видов инженерных коммуникаций. Вот почему комитет привлёк для работы не только архитекторов, но и инженеров.

Одновременно с комитетом была создана Комиссия проектов и смет, контролировавшая экономическую целесообразность всех проектов, начиная от постройки пристаней и причалов и заканчивая возведением храмов и выпуском паровых машин, станков и насосов. Без заключения комиссии комитет не имел права выдать разрешение ни на один более-менее значимый архитектурный проект не только в России, но и в Великом княжестве Польском или Финляндском. Комитет своими силами

обеспечивал экспертизу многих градостроительных и инженерно-гидравлических проектов. Каждый автор, подавая своё творение на экспертизу, отдавал себе отчет, что она будет серьёзной и профессиональной, поэтому уже на первоначальном этапе любой проект готовился очень тщательно.

По мнению Бетанкура, город следовало развивать на обоих берегах Невы — на Васильевском острове, Петербургской и Выборгской сторонах: компактное расселение экономически более выгодно. Это создавало условия для развития морской торговли. В западной части Васильевского острова он предлагал построить порт и поручил Модюи разработать его общую концепцию, а также устройство там торговых зон по типу существующих в Лондоне. Он намечал и создание системы каналов и гаваней. Дамбы вокруг островов предлагал устроить таким образом, чтобы они защищали от наводнений, что позволило бы заселить острова. Каналы, в свою очередь, могли бы служить транспортными коммуникациями и обеспечивать районы водой.

АНИЧКОВ ДВОРЕЦ

Весной 1816 года Карло Росси получил от Бетанкура предложение реконструировать усадьбу Аничкова дворца в контексте новой застройки главной магистрали города — Невского проспекта. Таким образом, с помощью Росси и Модюи Бетанкур начал реконструкцию Невского проспекта, придав ему современный вид, во многом сохранившийся до наших дней. Именно тогда площадь (современное название площадь Островского) обрела чёткие границы и ориентацию на ось Малой Садовой улицы и Манежной площади. Бетанкуру понравился план Росси, связавший «воздушный» павильон в глубине участка с композицией Аничкова дворца.

Новая классическая архитектура вдохнула жизнь в Невский проспект, придав ему монументальность, при этом внеся элемент пластической игры в его многоэтажную фронтальную застройку. Благодаря поддержке Бетанкура Карло Росси скоро стал первым придворным архитектором. Ему поручали самые ответственные заказы. Бетанкур полностью доверял его архитектурному вкусу и всегда поддерживал при обсуждении его проекты с главным заказчиком — царём.

АРХИТЕКТОРЫ БЕТАНКУРА

Кроме Бетанкура Карло Росси поддерживал член Комитета для строений и гидравлических работ архитектор Василий Петрович Стасов. В Санкт-Петербурге Стасов построил здание Академии наук на Васильевском острове, Ямской рынок на Разъезжей улице, Павловские казармы на Марсовом поле, Спасо-Преображенский и Троице-Измайловский соборы, Нарвские и Московские триумфальные ворота. Его постройки всегда отличались представительностью и торжественностью архитектурных форм. Под влиянием Бетанкура и Модюи Стасов развивал русский ампир, при этом постоянно добавляя в него любимые элементы дорического ордера.

Бетанкура со всеми архитекторами связывало полное единодушие, что и позволило построить в Санкт-Петербурге множество зданий, создать непревзойдённый парадный фасад города, неповторимый по красоте и ансамблевой согласованности, на многие столетия ставший его отличительной чертой.

РЕФОРМЫ

По возвращении Государя из Европы начались всевозможные реформы и перестановки в высшем управлении империи. С 1816 года всеми делами государства стал заведовать граф Алексей Андреевич Аракчеев. Только через него даже самые высокие сановники могли попасть на приём к царю. При этом никто не понимал, как расценивать новое назначение генерала Ермолова, считавшего Аракчеева «вреднейшим человеком в России» и в то же время получившего из его рук высокую должность командира Отдельного Грузинского корпуса с одновременным постом управляющего гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. Кроме того, Ермолову была поручена ещё и миссия чрезвычайного посла в Персии — одна из ключевых в русской дипломатии того времени.

В сфере образования также прошла череда реформ. Было создано Министерство народного просвещения, публично названное русским историком Николаем Михайловичем Карамзиным «министерством затмения». Новое ведомство руководствовалось мыслью, что между наукой о Боге и прочими дисциплинами существует тесная связь. Бетанкур в мистицизм не верил, но, зная, что Александр I после возвращения из Парижа увлекся тайными оккультными учениями, свою точку зрения вслух не высказывал, но всем своим видом давал понять, что в иррационализме истины нет, и своих воспитанников этой чепухе обучать не собирался. Да его об этом никто особенно и не просил. Основные силы нового министерства были направлены на духовные дела и народное просвещение. Институт Корпуса инженеров путей сообщения был слишком элитарным учебным заведением, и реформы там мог проводить только один человек — Бетанкур.

Учебники и пособия, которым Августин Августович уделял повышенное внимание, выходили без грифа Министерства просвещения. Например, книга Карла Ивановича Потье «Основания начертательной геометрии для употребления воспитанниками Института Корпуса инженеров путей сообщения», вышедшая в 1816 году сначала на французском, а затем в переводе Якова Александровича Севастьянова и на русском языке, прошла только Особую канцелярию Министерства полиции. Это ведомство контролировало всю печатную продукцию в России, включая учебники по математике и теоретической механике.

С 1816 года так называемый учёный комитет установил

полный контроль над учебной литературой во всех образовательных учреждениях России. При этом полиция очень рьяно наблюдала за книжными изданиями в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, особенно после того, как министром данного ведомства стал Сергей Кузьмич Вязмитинов. Неизвестно откуда, но по городу пополз слух, что Институт Корпуса инженеров путей сообщения является рассадником вольнодумства, безбожия, якобинского духа и материализма, а каждое издание по математике, физике, теоретической механике и даже по геодезии подрывает и разрушает веру в Божественное провидение. Но сами преподаватели и воспитанники института в ту пору об этом задумывались мало.

КЛАССИК РУССКОГО ВОДЕВИЛЯ

С 1816 по 1817 год в институте учился Алексей Николаевич Верстовский, будущий композитор и театральный деятель, классик русского водевиля, впоследствии управляющий конторой Дирекции императорских московских театров, автор шести опер (среди них знаменитая «Аскольдова могила») и более тридцати опер-водевилей, с большим успехом шедших на сценах всех императорских театров России. Тридцать пять лет в истории московских Императорских театров так и назвали — «эпоха Верстовского».

Посещая лекции Бетанкура, талантливый молодой человек одновременно брал частные уроки фортепьяно, скрипки, пения и музыкальной композиции. Бетанкуру очень нравился этот задорный, неугомонный курсант, так напоминавший ему дни его юности, когда, учась в Королевской школе Сан-Исидор, он сам одновременно посещал курсы в Мадридской академии изящных искусств Сан- Фернандо. Однако Верстовский не был столь одарён в естественных науках, как Бетанкур. Сочетание музыки со строительным делом не шло ему на пользу. После беседы по душам с Бетанкуром Верстовский оставил институт и полностью посвятил себя искусству.

Чутье и здесь не обмануло Бетанкура: совет старшего пошёл на пользу молодому человеку — тот сделал правильный выбор и состоялся как музыкант и театральный деятель. Верстовский создал в России новый жанр — музыкальную балладу — повествовательно-драматическое произведение для солиста с инструментальным сопровождением, написанное в свободной форме. К его лучшим произведениям в этом жанре можно отнести «Чёрную шаль» на стихи А.С. Пушкина и «Ночной смотр» на стихи В.А. Жуковского. Верстовский также автор знаменитых романсов «Слыхали ль вы за рощей глас ночной…» и «Старый муж, грозный муж» на стихи А.С. Пушкина.

МОЛОДОЙ СЕКРЕТАРЬ БЕТАНКУРА

На одном из великосветских приёмов в феврале 1816 года Бетанкур встретился с графом Ламбертом: он свёл с ним близкое знакомство ещё в Мадриде, когда тот служил в должности секретаря русского посольства. Августин Августович попросил графа порекомендовать ему какого-нибудь толкового молодого человека для работы с деловой перепиской в Экспедиции по заготовлению государственных бумаг: в обязанности входил перевод документов с русского на французский. Выбор Ламберта пал на девятнадцатилетнего Филиппа Филипповича Вигеля, в то время служившего в Министерстве финансов. Через несколько дней в Юсуповском дворце, в кабинете Бетанкура, граф Ламберт представил генералу молодого человека. После встречи Вигель оставил о Бетанкуре в дневнике следующую запись: poli comme un grand seigneur[13].

В марте 1816 года Филипп Филиппович приступил к работе, получив от нового начальника кипу бумаг: их срочно требовалось перевести на французский. Бетанкур отказывался подписывать документы, не понимая их смысла. Находчивый Вигель тут же внедрил в делопроизводство новую технологию: на перегнутом пополам листе, на одной половине страницы, Бетанкур подписывал французский текст, а на другой русский перевод подтверждал Вигель. Таким образом, требовалось сначала написать бумагу, перевести её, после исправлений снова переписать и занести под номером в особую тетрадь. Только по линии Экспедиции заготовления государственных бумаг через Бетанкура ежемесячно проходило около шестидесяти тысяч рублей; их нужно было правильно оформить и задокументировать.

С порученной работой Вигель справлялся отлично, но у него возникли конфликты с подчинёнными Бетанкура, например с инженером Вильгельмом фон Треттером, — Вигель считал его гнусным плутом. В своих воспоминаниях он напишет: *«Дотоле знал я только честных немцев; но видно, эта нация совсем переродилась, и Треттер был первым из тех бесчисленных примеров, которые, наконец, заставили меня переменить мнение насчёт его соотечественников… в первый раз мог я заметить разницу в расположении к нам немцев и французов: первые ненавидят нас, как возмужалых и непокорных учеников, которых надеялись они вечно держать в опеке; последние видят в нас победивших, но прежде того побеждённых ими великодушных противников».*

Когда был образован Комитет для строений и гидравлических работ, Вигель был принят на службу в должности секретаря управляющего. Одно из первых поручений, которые должен был выполнить комитет, — перестройка придворных конюшен.

СТРОИТЕЛЬСТВО КОНЮШЕННОГО КОРПУСА

Бетанкур поручил это задание Антону Модюи и тут же в ответ услышал, что выпускник Французской академии изящной архитектуры никогда не будет заниматься отхожими местами для лошадей и проектировать сливы конской мочи и вывозы навозных куч. Бетанкур был обескуражен и даже не знал, кому, после столь дерзкого ответа, передать эту работу, но тут свои услуги предложил Василий Петрович Стасов, любивший верховых лошадей и знавший в них толк.

Русский архитектор тщательно обследовал старое здание конюшен и согласовал с Бетанкуром новый проект. Работа началась в 1817 году и закончилась в 1823-м. При строительстве Конюшенного корпуса были найдены новые технические решения: по предложению Бетанкура построили чугунные колонны и перекрытия, а также организовали подачу воды для лошадей с помощью паровой машины. Не оставил Бетанкур без подряда и бригаду своего любимого каменотёса — Самсона Суханова. В водопойных залах были установлены гранитные чаши его работы.

По проекту Стасова южный фасад стал основным, а северный — дугообразный корпус с колоннадой из двадцати двух колонн — протянулся вдоль Екатерининского канала и реки Мойки. Кроме конюшен, на первом этаже нового здания разместились мастерские, а на втором — квартиры чиновников. После окончания всех строительных работ в 1823 году фасады, по предложению Стасова, окрасили в светлосерый цвет с белыми деталями. Любопытно, что именно в этой конюшне в своё время французский скульптор Этьен Морис Фальконе выбрал породистого скакуна для работы с натуры при создании Медного всадника. А примерно пятьдесят лет спустя уже Пётр Карлович Клодт, работая над скульптурной композицией на Аничковом мосту, выберет именно там двух породистых лошадей, увековеченных в камне сначала в Санкт-Петербурге, а затем в Неаполе.

Больше с конюшнями Бетанкур к Модюи не обращался — француз стал заниматься проектными изысканиями.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

В 1816 году рядом с Невским проспектом оставалось ещё много огородов, садов и пустырей. Антон Модюи разработал генеральный план центральной части города. Именно по его рисункам, одобренным Бетанкуром, перед Аничковым дворцом была устроена площадь со сквером, Александрийским театром и пробита улица вплоть до Чернышёва моста.

По проекту Модюи была открыта улица, ведущая от Городской думы к новой площади. Эта улица получила название Михайловской, по имени цесаревича Михаила Павловича: для него в глубине площади по замыслу Бетанкура планировался Михайловский дворец. Бетанкур долго думал, кому поручить строительство, пока окончательно не остановился на кандидатуре архитектора Карло Росси.

ТЕАТРАЛЬНАЯ УЛИЦА

После победы в Отечественной войне и возвращения русского императора Александра I из Парижа в Россию в Петербурге начался строительный бум. Русский царь решил превратить Северную столицу в образцовый европейский город с парадной застройкой. Здесь стали сооружать помпезные памятники воинской доблести и патриотизма.

Начали с расширения Невского проспекта, затем возвели ансамбль Дворцовой площади, параллельно проектируя Сенатскую и Михайловскую площади. Разбили Михайловский сад, приступили к строительству Александрийского театра, раньше называвшегося Малым и не имевшего никакой внешней архитектуры: это было низкое и безобразное здание, похожее на сарай.

Уже после смерти Бетанкура, в 1828 году, Карло Росси проложит от нового театра улицу — её первоначально назовут Театральной. Она будет состоять из пяти зданий, построенных по единому проекту с единым фасадом. У многих и сегодня создаётся впечатление, что на каждой стороне улицы — только по одному зданию. Строгость фасадов подчёркивает величественность и пышность здания Александрийского театра, названного так в честь Александра I. Сегодня уже неизвестно, кто подсказал Росси создать улицу, точно следуя античным канонам: ширина её равна высоте зданий, её образующих, — 22 метра, а длина ровно в десять раз больше ширины — 220 метров.

В 1923 году Театральную улицу переименовали и назвали в честь зодчего Росси. Сегодня она самая красивая в Санкт-Петербурге. Не случайно, видимо, Бетанкур отличал Карло Росси и поручал ему самые сложные и ответственные задания.

РЕШЕНИЕ БЕТАНКУРА

Комитет, руководимый Бетанкуром, входила разрабатывал предложения по планировке и застройке города: прокладке новых улиц и «выравниванию» старых, перепланировке существующих и организации новых площадей, размещению на них монументальных сооружений. С уверенностью можно сказать, что комитет руководил всеми градостроительными и архитектурно-строительными проектами, а это требовало широкой эрудиции. Ведь согласно царскому указу Петербург предстояло довести *«до той степени красоты и совершенства, которые бы, по всем отношениям соответствуя достоинству, соединили с тем вместе общую и частную пользу…»*.

На постоянную работу в Комитет для строений и гидравлических работ были приглашены лучшие зодчие. Среди них особо следует выделить Карло Росси. Ранее он служил на императорском фарфоровом заводе, проектируя и расписывая торшеры, вазы и люстры и получая за это всего 1200 рублей ассигнациями в год. Правда, работу на фарфоровом заводе он совмещал с должностью главного архитектора Павловска и одновременно занимался возобновлением отделки Эрмитажного театра. Из переписки великой княгини Екатерины Павловны со своим братом Александром I можно понять, что русский царь недолюбливал Росси за чрезмерную гордость и независимость. Об отношении царя к архитектору хорошо знали в свете, однако, несмотря на это, Бетанкур приглашает Карло Росси в Комитет для строений и гидравлических работ и доверяет ему самые ответственные участки города.

Именно благодаря этому сегодня Санкт-Петербург имеет тот неподражаемый облик, которым так гордятся его жители.

ЗВЁЗДНЫЕ ГОДЫ КАРЛО РОССИ

Росси реконструировал Дворцовую площадь, превратив её в одну из красивейших площадей мира, преобразил Сенатскую, заново воссоздал Суворовскую и Румянцевскую площади. Построил крупнейшие административные здания города: Главный штаб, Министерства иностранных дел и финансов со знаменитой Триумфальной аркой — величественным памятником Отечественной войны 1812 года. Росси построил Министерства народного просвещения, внутренних дел, спроектировал здания Сената и Синода. По его проекту было построено величественное здание Публичной библиотеки. Под руководством Бетанкура Росси создал ансамбль вокруг Михайловского дворца, спроектировав архитектурно единую застройку целых улиц и площадей общественными и жилыми зданиями. Кроме того, Росси возвел и много других сооружений, в том числе осуществил реконструкцию Невского проспекта.

Зная исключительную честность Карло Росси, Бетанкур доверил своему подчинённому контроль за всеми финансами их совместной деятельности. Росси распоряжался огромными денежными суммами, проходившими через комитет. Из архивных источников известно, что через его руки прошло более шестидесяти миллионов рублей. Но, в отличие от чиновников, разворовывавших государственную казну, ни Бетанкур, ни Карло Росси не положили в собственный карман ни копейки, хотя в начале петербургской карьеры в должности придворного архитектора Карло Росси получал лишь три тысячи рублей в год.

В 1817 году Александр I купил для своей матери — вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны — Елагин остров и решил построить там парадную летнюю резиденцию. Александр I обратился к Бетанкуру, и тот порекомендовал императору своего любимого архитектора Карло Росси, убедив, что сегодня в России с такой архитектурной задачей никто лучше не справится. Александр очень неохотно, но всё же согласился. Чтобы избежать лишних нападок на Росси со стороны коллег- архитекторов и для претворения задуманного в жизнь, Бетанкур создал специальную комиссию, и она назначила Росси главным архитектором Елагина острова.

Строительные работы велись с 1818 по 1824 год Бетанкур вникал в мельчайшие подробности проекта. Его композиционным стержнем являлось трёхэтажное здание Елагина дворца. Одной из самых сложных задач было естественным образом вписать его в панораму живописных набережных Большой и Средней Невки. По

многу часов сидя в кабинете Бетанкура, Росси убеждал его в правильности того или иного архитектурного решения и с благодарностью воспринимал все замечания и поправки к проекту.

Не завершив Елагин дворец, Росси получил от Бетанкура ещё один грандиозный план — проект дворца с парком для младшего брата Александра I Михаила Павловича. Вместе с Бетанкуром Росси предложил новую градостроительную идею и спроектировал реконструкцию не только Михайловского дворца, но и обширного, прилегающего к нему района между Невским проспектом, Фонтанкой, Садовой улицей и Чернышёвым переулком. Именно здесь впоследствии Росси соорудил свой знаменитый театральный ансамбль. Первые два варианта Михайловского дворца, предложенные Карло Росси комитету, комиссия во главе с Бетанкуром не одобрила. Однако Росси не отчаялся и представил третий: используя преимущества первых двух вариантов, он предложил принципиально новые архитектурно-планировочные идеи. Бетанкур заставил Росси по-новому сформировать парадный центр города. Почти все заказы, полученные Бетанкуром от царя, Росси воплотил в жизнь.

Зодчий создал ансамбль целого района: от Невского проспекта до Суворовской площади на левом берегу Невы. Сюда вошли Михайловская улица и площадь (сегодня это площадь Искусств), Михайловский дворец (Государственный Русский музей), Михайловский парк, набережная реки Мойки с павильоном зодчего Росси, Марсово поле и памятник скульптора Козловского русскому полководцу Александру Суворову. Чтобы Росси смог закончить архитектурно-строительную композицию, Бетанкур привлёк к проекту своих учеников — мостостроителей. Они создали красивые чугунные мосты: Пателеймоновский через Фонтанку, Инженерный, Садовый, Театральный, Конюшенный через Мойку, мосты через Лебяжью канавку.

Чтобы связать Инженерный замок с главными улицами города, Росси предложил Бетанкуру проект перспективы Садовой улицы, а также Манежной площади и Караванной улицы. Таким образом, на Итальянской улице появилась ещё одна площадь — Манежная, где Росси воздвиг монументальное здание Манежа. По предложению Модюи территорию между Манежем и служебными корпусами озеленили, придав пространству благоустроенный вид.

Петербург преображался на глазах. Именно благодаря советам Бетанкура в градостроительной практике Карло Росси функциональное и архитектурно-художественное разнообразие обрело синтетическое единство. По сохранившимся чертежам

Росси можно проследить его творческую эволюцию, совершенствование градостроительных замыслов. Зодчий осторожно нащупывал и находил контуры и объёмы каждой части города, пока они не сливались в стройную систему архитектурных ансамблей.

Но воплощать задуманное архитектор мог только после того, как строгая отборочная комиссия при Комитете для строений и гидравлических работ во главе с Бетанкуром одобрит его изыскания. У Августина Августовича была врождённая склонность к изящному, и с Карло Росси они были полными единомышленниками. Работать вместе им было легко и интересно. Один как бы заражал другого, и они начинали фонтанировать идеями.

В 1819 году Бетанкур, чутко улавливающий биение пульса развивающегося города, утвердил окончательный проект Манежной площади и отдал распоряжение начать строительство немедленно. По указанию Бетанкура строительную комиссию Манежной площади возглавил Росси, хотя первоначально Александр I хотел, чтобы этот пост занял Модюи. Однако Бетанкур настоял на своём решении. Помощниками Карло Росси стали архитекторы Ткачёв и Гальберг. Строительство Манежной площади закончилось в 1823 году.

В ансамбле центральных площадей Санкт-Петербурга— Дворцовой, Адмиралтейской, Исаакиевской и Сенатской — первое место принадлежит Дворцовой. Сегодня она одна из самых красивых в мире, но не всегда была такой. В начале XIX века площадь была хаотично застроена частными жилыми и общественными домами. Бетанкур распорядился снести всю восточную часть квартала и расчистить нужный для строительства участок. Конечно, перед этим казна за пять миллионов рублей выкупила у хозяев их частную собственность.

Александр I согласился с Бетанкуром, что из Дворцовой площади следует создать архитектурный символ города, а в центре увековечить в камне победу над Наполеоном. По существу, только из-за монумента и замышлялась реконструкция Дворцовой площади, и только ради этой затеи Александр I выделил такие сумасшедшие деньги на её переустройство. Архитектурно-строительная задача, поставленная перед Карло Росси, была непростая: все дома между Дворцовой площадью и Невским проспектом не сломали, поэтому необходимо было осуществлять реконструкцию с учётом уже построенных зданий. Это потребовало от зодчего огромного градостроительного такта и высокого архитектурного искусства.

Размах работ, осуществлявшихся по проектам Росси в

Петербурге, стал настолько велик, что пришлось преобразовывать организацию строительства. 15 марта 1820 года был издан указ о создании в строительной комиссии Кабинета четырех столов: «По перестройке Елагина дворца», «По постройке Михайловского дворца», «По устроению против Зимнего дворца правильной площади и каменным, кирпичным, гончарным и известковым заводам» и счётного стола. Все они оказались в подчинении Бетанкура.

Полная реконструкция Дворцовой площади началась в 1820 году. Здание Главного штаба и других военных учреждений было перестроено вчерне в 1823 году, а возведение корпусов Министерств иностранных дел и финансов на берегу реки Мойки завершено в 1824 году. Затем была воздвигнута система арок, соединивших обе части застройки площади. Только в 1829 году все работы были полностью закончены.

Возведение такого огромного сооружения и системы арок было сопряжено со многими техническими и инженерными трудностями. Некоторые высокопоставленные чиновники, и в том числе архитектор Модюи, сначала сомневались в успехе. Одни из них даже жаловались царю на авантюризм Бетанкура, считая, что пролёт арки Главного штаба длиной семнадцать метров — это полное безрассудство. Но Бетанкур, рассчитавший для Росси прочность и устойчивость сводов пролёта, был уверен в своей правоте. Однако противников проекта оказалось так много, что пришлось создать специальную комиссию, документально подтвердившую правильность инженерного расчёта Бетанкура.

Что же касается Карло Росси, то он безоговорочно доверял всем инженерным расчётам своего начальника и готов был воплотить в камне его любую затею. А Бетанкур иногда шутил, что готов быть даже простым каменотёсом, видя, какие прекрасные проекты предлагает ему русский архитектор итальянского происхождения. Августин Августович делал всё возможное, чтобы оградить Карло Росси от многочисленных врагов и злопыхателей. Он тщательно оберегал хрупкий талант архитектора от ненужных интриг и посягательств, хотя такие крупные фигуры в строительном мире, как Франц Руска или Антон Модюи, только и думали о том, как бы побольнее ужалить Карло Росси, то ли завидуя ему, то ли не принимая его одарённости.

По ходатайству Бетанкура в 1818 году Росси был награждён орденом Святой Анны 2-й степени, а в 1821-м — алмазными знаками к нему. Бетанкур сделал всё возможное, чтобы звезда великого русского архитектора Карло Росси в полную силу смогла засиять на небосклоне не только российской, но и

мировой архитектуры. Хотя по Табели о рангах (а это было самым главным в России) Росси так и остался всего лишь коллежским советником. После отставки Бетанкура Росси ещё дадут немного поработать, но в возрасте пятидесяти пяти лет его всё же отправят на пенсию. Без поддержки Бетанкура он стал никому не нужен.

ПРОСЬБА БРЕГЕ

Вторая звезда, зажжённая Бетанкуром, — Огюст де Монферран, прибывший летом 1816 года из Франции через Англию в Санкт-Петербург с рекомендательным письмом от Луи Бреге. Появление Монферрана в Северной столице совпало с открытием 15 июля 1816 года знаменитой Биржи на Стрелке Васильевского острова, построенной по проекту Тома де Томона, сокурсника французских архитекторов Персье и Фонтена по Королевской академии архитектуры в Париже. Волею судьбы именно эти зодчие являлись и учителями Огюста де Монферрана.

В первые дни в Петербурге он поселился в дешёвой комнате в доме Шмита на углу Апраксина переулка и набережной реки Фонтанки. Получив в ближайшем полицейском участке «билет на свободное в Санкт-Петербурге проживание», Монферран отправился к управляющему только что созданного Комитета для строений и гидравлических работ господину Бетанкуру, который сначала был обескуражен просьбой Бреге, так как не знал, что делать с вновь прибывшим французом.

Вот как описал эту встречу в своих «Записках» секретарь Бетанкура Филипп Филиппович Вигель: *«Не помню, в июне или в июле месяце этого года приехал из Парижа один человек, которого появление осталось вовсе не замеченным нашими главными архитекторами, но которого успехи сделались скоро постоянным предметом их досады и зависти. В одно утро нашёл я у Бетанкура белобрысого французика, лет тридцати, не более, разодетого по последней моде, который привёз ему рекомендательное письмо от друга его, часовщика Брегета. Когда он вышел, спросил я об нём, кто он таков? “Право, не знаю, — ответил Бетанкур, — какой-то рисовальщик, зовут его Монферран, Брегет просит меня, впрочем, не слишком убедительно, найти ему занятие, а на какую он может быть потребу?” Дня через три позвал он меня в комнату, которая была за кабинетом, и, указывая на большую вызолоченную раму, спросил, что я думаю о том, что она содержит в себе. “Да это просто чудо!” — воскликнул я. “Это работа маленького рисовальщика”, — сказал он мне. В огромном рисунке под стеклом собраны были все достопримечательные древности древнего Рима: Траянова колонна, конная статуя Марка Аврелия, триумфальная арка Септима Севера, обелиски, бронзовая волчица и проч., и так искусно сгруппированы, что составляли нечто целое, чрезвычайно приятное для глаз. Всему этому придавало цену совершенство отделки, которому подобного я никогда не видывал. “Не правда ли, — сказал мне Бетанкур, — что этого человека никак не должны*

мы выпускать из России?” — “Да как с этим быть?” — отвечал я. “Вот что мне пришло в голову, — сказал он, — мне хочется поместить его на фарфоровый завод, там будет он сочинять формы для ваз, с его вкусом это будет бесподобно; да сверх того может он рисовать и на самом фарфоре”».

Однако осуществить задуманное Бетанкур не смог. Он порекомендовал Монферрана министру финансов графу Гурьеву, в ведении которого находился фарфоровый завод. Но Монферран хотел за свою работу получать ассигнациями 3000 рублей в год, а ему предложили только 2500. Назначение не состоялось. Тогда Бетанкур определил его в свой комитет на должность старшего чертёжника. Среди его коллег оказались только что закончившие Петербургскую академию художеств начинающие архитекторы Александр Брюллов, Андрей Штакеншнейдер, Аполлон Щедрин, а немного позднее к ним присоединился и Константин Тон. Всех этих молодых людей, впоследствии прославленных русских градостроителей, Бетанкур успел зарядить своей неуёмной творческой энергией. Все они в начале творческой карьеры прошли школу Бетанкура.

21 декабря 1816 года Александр I по совету Бетанкура обратил внимание на талант Монферрана — и тот получил звание придворного архитектора и должность начальника чертёжной мастерской при Комитете для строений и гидравлических работ.

ЗАМОРСКАЯ ЖИЗНЬ МОНФЕРРАНА

Огюст Монферран родился 23 января 1786 года в небольшом городке Ферран на юге центральной части Франции. Графы Оверни, не сумевшие подчинить себе в тех местах церковные земли, отчаявшись добиться цели, основали рядом с Ферраном второй город — Монферран. Позднее молодой Огюст присоединил его название к своей фамилии. Многие в России считали, что он дворянского рода — ведь в его фамилии была частичка «де». Однако в действительности она переводилась как «Огюст из Монферрана».

Его отец был простой берейтор — специалист, объезжающий верховых лошадей и обучающий верховой езде, а дед по отцовской линии — инженер и строитель шоссейных мостов. Вполне возможно, что внук унаследовал любовь к строительству именно от него. Уже в юном возрасте Монферран потерял отца, а его мать вышла замуж вторично. Отчим полюбил мальчика, как собственного сына, и постарался дать ему превосходное воспитание. После получения начального художественного образования Монферран в 1806 году поступил в Императорскую специальную школу архитектуры (до переименования её Наполеоном I она называлась Королевской академией архитектуры). Здесь он получает фундаментальные знания по рисунку, перспективе, объёмному проектированию и градостроительству.

Молодому человеку посчастливилось учиться у таких прославленных французских архитекторов, как Шарль Персье и Пьер Фонтен — самых ярких представителей стиля ампир. К их наиболее известным проектам относятся генеральный план Парижа, реконструкция территории между Лувром и дворцом Тюильри с сооружением Триумфальной арки Каррузель. Они создавали роскошные интерьеры во дворцах в Сен-Клу, Фонтенбло, Мальмезоне, Версале и Лувре.

Однако в 1806 году Монферран не смог по-настоящему приступить к занятиям в Императорской специальной школе архитектуры: в самом начале учёбы он был призван в армию и отправлен в составе 9-го конноегерского полка на юг Италии, в Калабрию. Но и во время службы Монферран старается не тратить время зря. Между военными переходами и боевыми действиями он изучает искусство Италии, делая многочисленные зарисовки. После тяжёлого ранения Монферран возвращается во Францию и снова приступает к занятиям в школе архитектуры. Он участвует сначала в конкурсе на «проект дома для принцев», а

затем в «проекте биржи для коммерческого города», однако успехов не добивается.

В двадцать пять лет Огюст женится на молодой вдове Юлии Морне, урождённой Гокерель. В 1813 году Монферран заканчивает учёбу и снова надевает военную форму. В Версале он формирует роту солдат и в качестве командира отправляется в Саксонию. За смелость и храбрость в сражении при Ханау на реке Майн его награждают высшей наградой Франции — орденом Почётного легиона. За проявленное мужество перед строем гвардейского полка орден ему вручит сам маршал Луи-Александр Бертье в присутствии герцога де Вальми, также маршала Франции.

После краха империи Наполеона у большинства французских архитекторов не было никаких перспектив. Франция должна была выплачивать огромную контрибуцию. В таких условиях ни о каких новых строительных проектах не могло идти и речи. В лучшем случае достраивалось то, что было начато при Наполеоне. Даже такие знаменитые зодчие, как Персье и Фонтен, оказались невостребованными. Что уж говорить о молодых и ещё не успевших проявить себя архитекторах! Монферран нашёл работу архитектора-строителя в одной творческой мастерской, но она не приносила удовлетворения: приходилось воплощать в жизнь чужие идеи и замыслы, других перспектив на горизонте не было.

Однако благодаря своим учителям Персье и Фонтену в Париже, в Елисейском дворце, Монферран был представлен русскому царю Александру I и подарил ему, в дорогом сафьяновом переплёте, альбом с самыми лучшими своими проектами. Например, на одном рисунке был изображён общественный фонтан с восседающим на троне Александром I, в позе и воинских доспехах римского императора. На другом можно было увидеть дворец, напоминающий богатую итальянскую виллу эпохи Возрождения. На третьем — триумфальную арку, искусно украшенную барельефами с изображением эпизодов только что закончившейся войны, прославляющую победу русского оружия. Всего Монферран представил русскому царю восемь проектов, нарисованных акварелью. Каждый план сопровождался приблизительным перечнем расходов на материалы и оплату труда.

В письменном обращении к русскому царю молодой архитектор скромно пояснил, что в настоящее время он не надеется на осуществление своих замыслов, однако, как ему кажется, в недалёком будущем некоторые из них можно было бы реализовать где-нибудь в России. Александру понравились графические рисунки Монферрана, и он с благодарностью принял

альбом, тем самым давая понять, что не возражает против его приезда в Россию. С трудом собрав необходимую сумму денег и обновив гардероб, ровно через год Монферран оказался в Санкт-Петербурге.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Первое серьёзное задание, полученное Монферраном от Бетанкура, — проект лицея Ришелье в Одессе. Он должен был стать самым крупным учебным заведением на юге России. Ещё в 1811 году Николай Штиглиц, родной дядя известного барона Александра Штиглица, будущего основателя Центрального училища технического рисования и Музея прикладного искусства в Петербурге, пожертвовал на устройство лицея сто тысяч рублей. Однако из-за начавшейся войны с Наполеоном строительство было отложено. В 1816 году к нему вернулись, только, кроме лицея, было решено построить ещё и педагогический институт. На благое дело Николай Штиглиц пожертвовал ещё двести тысяч рублей.

Буквально за месяц группа чертёжников во главе с Монферраном подготовила несколько вариантов проекта, где, исходя из технического задания, полученного от Бетанкура, представила двухэтажное здание лицея, расположенное в глубине участка застройки и охватывающее боковыми служебными корпусами подъездной парадный двор, отделённый от проезжей части галереями и решёткой с выездными воротами. В одном из вариантов за главным зданием Монферран предлагал разбить парк.

После представления Бетанкуром окончательного проекта царю чертежи были утверждены лично Александром I и переданы помощнику директора лицея, чтобы «приступить по оным к первоначальным распоряжениям о постройке». Сам Монферран по этому поводу писал следующее: *«Лицей Ришелье будет расположен в середине открытого пространства, на возвышенном месте, в 300 саженях от моря и на таком же расстоянии от города, на оси главной улицы Одессы».* После утверждения проекта лицея Монферран продолжал работать над ним и вскоре представил Бетанкуру ещё двадцать шесть листов чертежей: план второго этажа, подвального этажа и кухни, план кровли с водостоками; двенадцать фасадов главных и служебных корпусов, четыре разреза и одиннадцать чертежей детальной проработки проекта. Осенью 1817 года Бетанкур передал директору Департамента народного просвещения В.Н. Попову двенадцать из двадцати шести листов чертежей *«для отсылки по принадлежности в Одессу к произведению их в действие».*

РАБОТА КОМИТЕТА ДЛЯ СТРОЕНИЙ И ГИДРАВЛИЧЕСКИХ РАБОТ

Комитет для строений и гидравлических работ под руководством Бетанкура очень быстро приобрёл общероссийское значение, так как вёл надзор за планировкой и застройкой не только столицы, но и других городов Российской империи — Москвы, Архангельска, Одессы, Киева, Нижнего Новгорода, Варшавы, Гельсингфорса и др. Без согласования с Комитетом градостроительных и архитектурных решений во всех крупных городах России не осуществлялся ни один проект на протяжении почти четверти века (после Бетанкура во главе комитета стояли Базен, Готман, Христианович). Важной задачей комитета оставалась и организация важнейших инженерно-гидротехнических и строительных работ в стране, а также оснащение их передовой техникой. Комитет проводил экспертизу многих градостроительных и инженерно-гидравлических проектов, что заставляло авторов предварительно более основательно прорабатывать свои решения.

Большое внимание комитет уделял санитарному состоянию и благоустройству Санкт-Петербурга. В 1816 году было утверждено подготовленное комитетом «Положение о тротуарах в столице с образцовыми чертежами».

ПЕРВЫЙ ПАРОВОЙ ЛЕСОПИЛЬНЫЙ ЗАВОД В РОССИИ

В 1816 году Бетанкур, делая заказы на строительство висячих мостов, сближается с директором и хозяином литейно-механического завода Чарльзом Бердом, шотландцем по происхождению, в своё время получившим образование на Корронском пушечном заводе. Ещё в 1815 году Бетанкур обратился к министру внутренних дел Осипу Петровичу Козодавлеву с письмом следующего содержания: *«Имею желание устроить пильную мельницу против Охты посредством паровой машины, для действия которой употреблены будут только 8 или 10 человек рабочих, а на отопление — то, что остается от пиления лесов. По сему и прошу Ваше превосходительство сообщить губернаторскому начальству, дабы дозволено мне было устроить по приложенному при сём плану таковую мельницу».*

Разрешение было получено, и в Петербурге, на Охте, по проекту Бетанкура был построен в 1816 году первый в России паровой лесопильный завод. Паровая машина и другое оборудование для него были изготовлены на заводе Берда. В 1820 году аналогичное лесопильное производство начато в Архангельске, а затем и в других городах России. Схема устройства паровых лесопильных заводов, предложенная Бетанкуром, применялась до XX века. До Бетанкура в России действовали лишь «пильные мельницы» с водяным приводом. По его же проекту в 1825—1827 годах только в Петербурге открылись ещё пять паровых лесопильных заводов.

ПЕРВЫЕ СТИМБОТЫ ЧАРЛЬЗА БЕРДА

В 1815 году Чарльз Берд создал на Неве собственное пароходство и долго был единственным хозяином парового сообщения, осуществляя регулярные пассажирские и грузовые рейсы между Петербургом и Кронштадтом, главным торговым портом страны. Конкуренция между парусными судами и пароходами продолжалась недолго — использование пара было намного выгоднее. Вскоре почти все перевозки оказались в руках Берда. Он построил несколько транспортных судов и на них буксировал товар из Кронштадта в Петербург и обратно, нажив стремительно фантастическое состояние. Однако финансовый успех пришёл к нему не сразу.

В 1813 году Александр I предоставил создателю первого парохода — американскому изобретателю Роберту Фултону монополию на эксплуатацию пароходных судов на линии Санкт-Петербург — Кронштадт, а также на других российских реках на пятнадцать лет. Но Фултон не смог воспользоваться договором, так как не выполнил основного условия — за три года не ввел в строй ни одного судна. Контракт был расторгнут и передан Чарльзу Берду.

Тогда русское слово «пароход» ещё не существовало и такие суда назывались на английский манер — «стимбот» или «пироскаф». Первое подобное судно, по имени «Елизавета», сделанное на заводе Чарльза Берда, было спущено на воду в 1815 году при большом стечении народа и в присутствии членов августейшей фамилии. Первый стимбот Берда представлял собой копию так называемой тихвинской деревянной лодки и имел длину 18,3 метра, ширину 4,57 метра и осадку 0,61 метра. В трюме была установлена балансирная паровая машина Джеймса Уатта мощностью четыре лошадиные силы и частотой вращения вала сорок оборотов в минуту. Машина приводила в действие бортовые колёса диаметром 2,4 метра и шириной 1,2 метра, имевшие по шесть лопастей. Паровой котёл с одной топкой отапливался дровами. Над палубой возвышалась кирпичная дымовая труба (это была ещё дань заблуждению, что трубы, по аналогии с печами, должны изготавливаться только из кирпича). Впоследствии трубу заменили на металлическую, высотой 7,62 метра, способную держать парус, используемый при попутном ветре. Скорость первого парохода достигала 5,8 узла (10,7 км/ч). Расстояние от Петербурга до Кронштадта в хорошую погоду преодолевалось за три часа пятнадцать минут, в плохую — за пять часов.

В 1816 году был спущен на воду второй стимбот, улучшенной конструкции и мощностью двигателя шестнадцать лошадиных сил. С начала навигации 1817 года регулярные пассажирские рейсы между Петербургом и Кронштадтом осуществлялись два раза в день. В дальнейшем Берд наладил регулярные рейсы не только между Петербургом и Кронштадтом, но и связал Северную столицу с Ревелем, Ригой и некоторыми другими городами. Впоследствии промышленная империя Чарльза Берда распространилась и на все остальные водные системы России. К примеру, обладание десятилетней привилегией давало ему право на монопольное строительство судов по всей Волге — главной речной торговой артерии страны. Никакое частное лицо без разрешения Берда не могло строить свои пароходы или делать их на заказ.

Протяжённость водных путей России превышала триста тридцать тысяч вёрст. Естественные водные коммуникации дополнялись искусственными каналами. На одной только Волге бурлаками работали до четырехсот тысяч человек, из них семь тысяч ежегодно погибало, а сколько становилось калеками или теряло здоровье — не подаётся подсчёту. Естественно, переход на паровое судоходство был прогрессивным явлением и приветствовался многими, в том числе Бетанкуром.

КАЗАНСКИЙ АРСЕНАЛ

К концу XVIII века в России сложилась система арсеналов, возникших из артиллерийских пушечных дворов и занимавшихся производством и снабжением армии оружием и боеприпасами. Старейшими из них были Петербургский и Московский арсеналы, основанные в 1724 году. С началом войны 1812 года быстро стал развиваться и Казанский арсенал: здесь чинили привозимые из армии повреждённые пушки, отливали новые, изготовляли лафеты и снарядные ящики. Казанский арсенал был третьим по значимости в России после Петербургского и Брянского (в него влился Московский арсенал).

3 сентября 1815 года в Казани разразился страшный пожар, уничтоживший полторы тысячи домов. Почти полностью сгорел и Пушечный двор Казанского арсенала. Удалось спасти только «олово, краски, парусину и жесть да денежную казну и письменные дела». Кое-какое уцелевшее казённое имущество перенесли в полевой артиллерийский двор — сараи на Арском поле, где его успешно разворовало местное население. В 1816 году Комитет для строений и гидравлических работ по указанию царя получил срочное задание на проектирование Казанского пушечно-литейного завода. Он должен был возводиться под руководством военного инженера Зуева. Бетанкур лично взялся за этот проект и очень быстро выполнил его.

ЛИТОГРАФИЯ

В том же году Бетанкуру показали новую технику, называвшуюся литографией. Изобрели её в самом конце XVIII века в Германии, а в Петербурге первым литографические листы начал печатать польский живописец и график Александр Орловский. Метод заключался в следующем: на отшлифованной плите из твёрдого однородного известняка тушью или специальным литографским карандашом, содержащим жир, наносили рисунок. Там, где на поверхность ложились штрихи или пятна краски, камень зажиривался и становился олеофильным, то есть впитывал жирные вещества и отталкивал воду. Сделанный таким образом рисунок протравливался слабым раствором азотной кислоты с добавленным в неё декстрином. Благодаря такой обработке поверхность камня, свободная от рисунка, становилась гидрофильной — способной принимать воду и отталкивать жир, а следовательно, и печатную краску. После этого рисунок смывали тинктурой — специальным составом, содержащим растворители. Затем камень увлажняли и прокатывали валиком с печатной краской. Краска приставала только к тем местам поверхности камня, где находился рисунок. Притиснув к камню бумагу, можно было получить оттиск.

Бетанкуру объяснили, что аналогичным образом можно использовать не только камень, но и цинк или даже стекло. В Институте Корпуса инженеров путей сообщения требовалось постоянно обновлять учебную литературу, прежде всего по физико-математическим наукам, поэтому Бетанкур распорядился, чтобы сотрудники освоили эту технику и приступили к изданию лекций ведущих профессоров литографическим способом.

ФИНСКИЙ ЗОДЧИЙ

В 1816 году Бетанкур впервые встретился с прусским архитектором Карлом Людвигом Энгелем, с 1815 года жившим в Петербурге. Тогда ещё никто не знал, что этот немец станет самым выдающимся финским зодчим.

Энгель родился в 1778 году в Берлине, где получил первоклассное образование в Академии художеств. С 1809 по 1814 год работал архитектором в Ревеле и хорошо зарекомендовал себя.

Неудивительно, что, когда Александру I пришла в голову идея застроить центральную часть Гельсингфорса современными каменными домами в неоклассическом стиле и возвести помпезный генерал-губернаторский дворец, выбор пал на Энгеля.

Столица Великого княжества Финляндского представляла собой маленький провинциальный городок с деревянными домами, и Александр I захотел продемонстрировать всей Европе, как он заботится о своем новом приобретении — Великом княжестве Финляндском. Царь назначил государственного советника Йохана Альбрехта Эренстрёма председателем комиссии по строительству Гельсингфорса и одновременно главным разработчиком генерального плана города. Эренстрём в свою очередь попросил императора, чтобы главным архитектором Гельсингфорса утвердили Карла Людвига Энгеля, которого он хорошо знал. Чтобы получить такую высокую должность, архитектор должен был обязательно пройти личное собеседование с Бетанкуром — оно состоялось в рабочем кабинете председателя Комитета для строений и гидравлических работ в Петербурге.

Бетанкур, ознакомившись с основными проектами Энгеля (некоторые уже были воплощены в жизнь в Эстонии), остался доволен. Он не стал возражать против его кандидатуры и рекомендовал прусского архитектора на высокую должность. Бетанкур сразу заметил, что в немце скрыт большой творческий потенциал и он сможет решать самые сложные архитектурные задачи. И Бетанкур не ошибся. Главная заслуга Энгеля состояла в том, что он сумел на изрезанной холмами и скалами местности создать цельный ансамбль.

Сегодня Сенатская площадь в Хельсинки — один из архитектурных шедевров Европы, наиболее полно выдержанных в рамках неоклассицизма. И произошло это потому, что все проекты, предложенные Эренстрёмом и Энгелем, проходили самую тщательную экспертизу в Комитете для строений и

гидравлических работ, а затем замечания, внесённые такими архитекторами, как Карло Росси или Антоном Модюи, обязательно учитывались. Неудивительно, что некоторые кварталы Гельсингфорса так напоминают Петербург — в них чувствуется влияние Северной столицы. Дело в том, что некоторые модули, разработанные любимым архитектором Бетанкура Карло Росси, использовались и при строительстве Гельсингфорса.

ГАВРИИЛ СТЕПАНОВИЧ БАТЕНЬКОВ

Осенью 1816 года, в возрасте двадцати трех лет, после успешной сдачи всех требуемых экзаменов, лично из рук Бетанкура диплом об окончании Института Корпуса инженеров путей сообщения получил бывший артиллерист Гавриил Степанович Батеньков — участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 годов. Офицер, побывавший во французском плену и получивший восемнадцать ран (из них десять были штыковыми). В марте 1817 года Батеньков вернулся в свой родной город Томск, чтобы возглавить инженерно-технические работы. Он быстро привёл в порядок улицы. Вместо полусгнивших деревянных мостовых построил гравийные шоссе. Спроектировал и обустроил ключи, снабжающие население питьевой водой. Укрепил набережную реки Ушайки. Возвёл деревянный мост через неё, прослуживший потом людям более ста лет.

Помимо служебных обязанностей, Батеньков принимал активное участие в устройстве масонской ложи «Великое Светило».

В 1819—1821 годах Гаврила Степанович — ближайший помощник Михаила Михайловича Сперанского по управлению Сибирью, позднее — член совета военных поселений при графе Алексее Андреевиче Аракчееве.

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

С 1816 года на всей европейской части России создаются военные поселения. Мысль эта пришла в голову Александра I ещё до начала войны 1812 года. Кто-то из приближённых подсунул ему статью французского генерала Сервана под названием «О пограничных силах государства». В сочинении предлагалось создать для крестьян такие условия, чтобы в мирное время, не отрывая от хозяйств и семейств, призвать их в солдаты. Таким образом, крестьяне, служа в армии, могли заниматься и сельским хозяйством. Для этого требовалось принять решение о создании военных поселений.

Одним из противников указа поначалу был граф Аракчеев. Он попытался доказать нерентабельность проекта, но Александр I перебил его следующими словами: «Поселения будут построены во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова». После такого «вердикта» военному министру ничего не оставалось делать, как подчиниться. Засучив рукава он принялся за работу: крестьян начали зачислять в военные батальоны, а детей мужского пола — в кантонисты, чтобы затем, когда подрастут, они также пополнили войска. Хлебопашцев вынудили взяться за ружьё, а солдат — за соху. Причём реформа, затрагивающая все слои населения, началась без предварительного обсуждения с государственными учреждениями. Перелом в жизни русского народа осуществлялся как бы втайне, в административном порядке.

Вскоре $^1/_3$ русской армии проживала в военных поселениях. Александр I полагал, что таким образом он сократит финансовую нагрузку на армию, но этого не произошло, напротив, сам русский народ от реформ терпел только лишения. Крестьяне готовы были отдать свои дома, имущество, только бы их оставили в покое. «Прибавь нам подать, требуй с каждого дома по сыну на службу, отбери у нас всё и выведи в степь: мы охотнее согласимся, у нас есть руки, мы и там примемся работать, и там будем жить счастливо, но не тронь нашей одежды, обычаев отцов наших, не делай всех нас солдатами», — обращались они к царю.

По существу, в России появился новый вид крепостного права, только более изощрённый, чем прежде. Крестьянин должен был так же пахать, сеять, а в свободное время заниматься военной службой. Неудивительно, что по России прокатилась волна крестьянских бунтов.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Однако всё это не очень смутило Александра I. В 1816 году он много путешествовал по России: Москва, Новгород, Тула, Калуга, Рославль, Чернигов, Киев, Житомир, Варшава…

В отличие от царя, русское передовое дворянство тяготилось таким положением вещей. Среди его лучших представителей был и Гавриил Степанович Батеньков. Ещё в Петербурге он свёл дружбу с братьями Бестужевыми; они и посоветовали ему получить диплом выпускника Института Корпуса инженеров путей сообщения. Они же познакомили Батенькова с будущими декабристами Кондратием Рылеевым, Вильгельмом Кюхельбекером и Павлом Пестелем. Неудивительно, что в ноябре 1825 года Батеньков вступит в Северное общество и примкнёт к его демократическому, самому радикальному крылу. Он будет участвовать в разработке плана восстания 14 декабря 1825 года, ратуя за физическое устранение будущего царя Николая I и за привлечение к восстанию народных масс. В случае успеха он планировал занять должность государственного секретаря во Временном правительстве…

На следствии Гавриил Степанович представил заявление о принадлежности к тайному обществу и признал полное своё согласие с его планами. Батеньков писал, что выступление 14 декабря было не мятежом, как его представляют, а первым в истории России опытом политической революции в глазах других просвещённых народов.

Из оставленных в живых, неказнённых декабристов Батеньков понёс самое суровое наказание: был приговорён к вечной каторге, но с 1827 по 1846 год содержался в одиночной камере сначала в Свартхольме (Финляндия), а затем в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где ему не разрешали ни с кем общаться, а из книг позволяли читать только Библию. В 1846 году Батенькова выпустили из тюрьмы и отправили в ссылку в Томск. После амнистии (1856) он жил в Калуге, где активно участвовал в подготовке реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Скончался он в 1863 году от воспаления лёгких.

До наших дней дошли его поэтические сочинения: «Таинство», «Песнь девы» и самое большое по объему поэтическое произведение — «Тюремная песнь». Сохранились и некоторые прозаические произведения: воспоминания о Сибири и переводы исторических сочинений французских авторов — «Старый

порядок и революция» А. де Токвиля и «История Византийской империи» Шарля Лебо.

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА НА ВОЛГЕ

Летом 1816 года, когда Бетанкур работал над проектом по воссозданию Казанского пушечно-литейного завода, на территории знаменитого торга у стен Свято-Троицкого Макарьевского Желтоводского монастыря 18 августа произошёл сильный пожар, полностью уничтоживший все ярмарочные постройки. А в ноябре 1816 года нижегородский губернатор С.А. Быховец подал правительству прошение о переводе ярмарки в Нижний Новгород, в центр губернии, где торговые ряды круглый год могла бы охранять полиция. Грабежи и воровство на Волге расцветали пышным цветом. Сухопутные и морские шайки наводнили губернию, и нижегородские гардкоуты с ними уже не справлялись. Крестьяне партиями бежали из военных поселений и становились грабителями. Пожары стали повсеместным явлением.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Идею нижегородского генерал-губернатора о создании ярмарки на новом месте неожиданно поддержал известный российский деятель граф Николай Петрович Румянцев, предложивший заново отстроить торговые ряды, но так, чтобы они соответствовали лучшим европейским стандартам, а в чём-то даже и превосходили их. Было решено построить новые павильоны почти на сто вёрст ближе к центру России, откуда поступала большая часть товаров. К тому же в крупном городе можно быстрее найти строительные материалы, опытных каменщиков, кузнецов и плотников.

Через несколько дней император Александр I принял решение о переводе Макарьевской ярмарки в Нижний Новгород. Возглавить строительство поручили генерал-лейтенанту Бетанкуру. Для определения будущего места ярмарки в Нижний Новгород прибыли инженеры И. Пуадебард и его помощник А. Диго. 1 февраля 1817 года они представили проект правительству с рекомендацией разместить ярмарочные корпуса на Стрелице — месте слияния Оки и Волги.

В начале XIX века отдельные участки земли здесь принадлежали Кунавинской слободе, Печёрскому монастырю, Успенской посадской церкви, а также дворянам Строгановым, Шаховским, Всеволожским и др. В этих местах были богатые покосы, и уступать их ни за какие деньги никто не собирался. На самом мысу Стрелицы с конца XVIII века стояли три пильные мельницы. Проект Пуадебарда—Диго предполагал возведение ярмарочного комплекса: планировалось построить вдоль берега Оки торговые одноэтажные корпуса в два или три ряда. Однако предложенный проект Комитетом для строений и гидравлических работ был отклонён и отправлен на доработку.

8 апреля того же года, уже в переработанном виде, инженеры представили его вновь: двадцать шесть корпусов лавок в два ряда располагались вдоль окского берега, а Мещерское озеро предполагалось соединить протокой с Волгой, чтобы грузы с судов доставлять лодками прямо к лавкам. Но и этот проект в комитете не приняли. Желая лучше понять ситуацию, летом 1817 года Бетанкур с группой инженеров сам отправился в Нижний Новгород. Специалисты требовались Августину Августовичу, чтобы окончательно определиться с местом будущей ярмарки: по замыслу авторов она должна была стать самым крупным торговым центром в России и решить проблему товарообмена внутри российского рынка. Место для ярмарки было выбрано так,

чтобы купцы из Петербурга, городов верхней Волги и Оки, а также из Понизовья Волги — Астрахани на своих судах в день святого Макария, 25 июля, могли встретиться в Нижнем Новгороде, а затем, до наступления холодов и замерзания рек, вернуться домой.

МАКАРЬЕВСКАЯ ЯРМАРКА

История ярмарки насчитывала несколько столетий. Годом её рождения считался 1627-й. В то время Россия только что вышла из Смутного времени, и ей было необходимо налаживать торговые связи. Ярмарка сразу стала приносить ощутимую прибыль монастырской казне — она располагалась у стен обители Святого Макария (Свято-Троицкого Макарьевского Желтоводского монастыря). В 1641 году ярмарка получила «Государев статус».

Уже в первые годы работы ярмарки монастырские власти добились от царя права на сбор таможенных пошлин. И хотя деньги поступали не в том объёме, на какой рассчитывали церковные иерархи, полученные средства позволили монахам возвести многочисленные каменные храмы, келейные и гостиничные корпуса, а также на двух изолированных крепостных территориях построить всевозможные вспомогательные службы.

В 1700 году, во время Русско-шведской войны, указом Петра I ярмарка перешла под государственное управление. Монастырю была обещана денежная компенсация, но выплачивалась она нерегулярно и далеко не в полном объёме. Монахи роптали, но ничего поделать со строптивым царём не могли. Содержание Макарьевской ярмарки полностью попало под эгиду государства.

Левый берег Волги, где располагалась ярмарка, почти каждый год страдал от паводка: вода сносила торговые ряды, и к лету их приходилось восстанавливать. При этом всегда возникали трудности с поставками крупных партий строительных материалов и наймом рабочей силы. Постоянно требовались плотники, каменщики, кузнецы, штукатуры и другие мастеровые, чтобы быстро, за месяц, восстановить разрушенное. Поэтому, учитывая неоднократные ходатайства нижегородских губернских властей, правительство решило всерьёз заняться этой проблемой.

По проекту архитектора Андреяна Дмитриевича Захарова с 1804 по 1809 год был возведён огромный каменный корпус гостиного двора. С 1809 года ярмарка, и раньше очень рентабельная, стала приносить казне баснословные прибыли. Даже в самый тяжелый год Отечественной войны, когда Россия оказалась в торговой блокаде, товарооборот Макарьевской ярмарки составил 40 030 300 рублей. Сумма по тем временам колоссальная! Поэтому пожар на ярмарке 18 августа 1816 года нанёс государственной казне значительный ущерб. Торговые ряды выгорели дотла: во время пожара ветер разметал пламя по всем строениям, по воздуху летали не только тесины, но и целые

горящие брёвна. После пожара Макарьевская ярмарка прекратила своё существование.

ГОРОД НА ВОЛГЕ

Нижний Новгород произвёл на Бетанкура приятное впечатление. Он не имел ничего общего с Кадисом, но торговая атмосфера напомнила Августину Августовичу испанский город на берегу Атлантического океана. Особенно когда около одного датского судна он встретил нескольких матросов из Андалусии.

Летом 1817 года по приказу нижегородского губернатора срочно стали возводить временные торговые постройки: купцы в конце июля, несмотря на прошлогодний пожар, прибывали на ярмарку как ни в чём не бывало. Весь рейд от Оки до Волги у Стрелицы был забит разного рода расшивами, коноводными судами и подчалками. На клотиках отдельных мачт виднелись флюгера с изображением Георгия Победоносца, а ширина некоторых парусов равнялась длине самого судна. В порту разгружали зерно, сибирское железо, скобяные изделия, скот… Торговые ряды тянулись на два километра. А вокруг теснилось огромное количество временных балаганов.

В своём отчёте Бетанкур так описал это место: *«Самая поразительная выгода сего местоположения состоит в том, что можно воспользоваться временем внутреннего судоходства и отправить товары в обе столицы с присовокуплением ещё возможности отправить их в том же году и за границу… Возвышая землю, назначенную под лавки гостиного двора, вместе с тем изрылись бы каналы, которые составят из сего места маленькую Венецию. Сии каналы долженствуют сообщаться с озёрами, которые соединятся с самою Волгою посредством шлюзов, кои доставят способы судам доставлять товары прямо к магазинам их хозяев».*

ПРОЕКТ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ

После проведения геодезических работ Бетанкур подготовил проект Нижегородской ярмарки. 3 ноября 1817 года он представил его Комитету министров, и тот, *«утвердив предположения по сему предмету генерал-лейтенанта Бетанкура, представил в единственное и независимое распоряжение его всю строительную часть означенной ярмарки с тем, чтобы… строения Нижегородского ярмарочного гостиного двора произведены были под личным его надзором».* Первоначальный проект Бетанкур предъявил в Комитет министров без предварительной сметы. Однако, несмотря на это, план получил одобрение.

Когда же подсчитали окончательную сумму, то получилось, что казне постройка обойдется в шесть миллионов рублей. Ярмарку планировали построить за четыре года, то есть в смету закладывали по полтора миллиона рублей в год. Начало строительства наметили на весну 1818 года. Несмотря на то что Огюст Монферран и без того был перегружен делами, разработать проект ярмарки Бетанкур поручил ему.

ДОМ ЛОБАНОВОЙ-РОСТОВСКОЙ

Немногим ранее по рекомендации графа Аракчеева князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, подписавший в своё время трактат о Тильзитском мире, был назначен министром юстиции. По этому случаю Александр I написал новому министру следующее: *«Удостоверен я в полной мере, что Вы оправдаете в строгом смысле название, присвоенное инструкцией генерал-прокурору: око императорское».* Сразу после этого родственница генерал-прокурора Клеопатра Ильинична Лобанова-Ростовская смогла приобрести в безвозмездное пользование участок земли в самом центре Петербурга, между Адмиралтейством и Исаакиевским собором.

Комитет Бетанкура получил заказ на постройку пятиэтажного здания, сочетавшего функции гостиного двора и жилого дома, рассчитанного примерно на две тысячи человек. Работу по этому проекту Бетанкур также поручил Монферрану, и тот сразу приступил к заданию: требовалось построить здание в форме треугольника, занимающее ответственное положение в архитектурном ансамбле Петербурга. По всем строительным канонам сооружение должно было получиться весьма внушительным, однако Монферран добился того, что оно не выглядело огромным. Архитектор разделил его на несколько корпусов внутренними дворами различной конфигурации. Особенно торжественными получились два фасада с многоколонными портиками большого ордера, поставленными под аркаду первого этажа.

По сторонам пологой каменной лестницы, ведущей к главному входу, на высоких гранитных постаментах были установлены мраморные фигуры львов итальянского скульптора Паоло Трискорни, снова, после длительного перерыва, вернувшегося в Петербург. Все работы с камнем выполняла бригада Самсона Суханова.

Находить общий язык с таким заказчиком, как княгиня Лобанова-Ростовская, оказалось чрезвычайно сложно. Когда проект был уже завершён, согласован и строительство началось, заказчица потребовала, чтобы в здании построили театр. Монферрану пришлось переделать часть проекта, а строителям разобрать кирпичную кладку. В конце концов, из-за отсутствия денег у заказчика, театр так и не был построен.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ИСААКИЕВСКИМ СОБОРОМ

Одновременно с работой над домом Лобановой-Ростовской Монферран приступил к проекту Исаакиевского собора, историю которого изучил досконально. Первоначально храм был заложен в 1710 году Петром I — как известно, он родился 30 мая 1672 года, в день поминовения святого Исаакия Далматского. Сначала церковь представляла собой одноэтажное здание с одноярусной колокольней. Именно здесь 19 февраля 1712 года Пётр I венчался с будущей царицей Екатериной I. Однако через пять лет храм разобрали и рядом с ним возвели новую каменную Исаакиевскую церковь, положив в основание равноконечный греческий крест, а на колокольне установили специально выписанные из Амстердама часы. Церковь строили десять лет, а просуществовала она совсем недолго. Сначала частые невские наводнения подточили её фундамент, а в 1735 году она сгорела.

Через несколько лет, обследовав её состояние, архитектор С.И. Чевакинский вынес категоричное заключение: церковь необходимо разобрать. Однако проект, предложенный зодчим, так и не воплотили в жизнь.

Только в царствование Екатерины II снова вернулись к Исаакиевскому собору. Новым архитектором был назначен Антонио Ринальди, спроектировавший православный храм в традициях древнерусской архитектуры — пятиглавая церковь с многоярусной колокольней. Здание предполагалось облицевать разноцветным мрамором. Закладка состоялась в 1768 году, однако при жизни императрицы постройка так и не была завершена.

Когда в 1796 году на престол взошёл сын Екатерины II Павел I, ненавидевший свою мать и всё, что она сделала. Он приказал придворному архитектору Венченцо Бренне достроить Исаакиевский собор с минимальными затратами, забрав при этом со строительной площадки все лучшие материалы, которые пошли на возведение Михайловского замка. В Таврическом дворце, построенном и подаренном царицей своему фавориту князю Потёмкину и по праву считающемся архитектурной жемчужиной петербургского интерьера, Павел I приказал разместить Конногвардейский полк, устроив в зимнем саду дворца конюшню.

Достроенный по приказу Павла Исаакиевский собор как будто специально получился уродливым. Бетанкур заметил это

ещё в свой первый приезд в Петербург в 1807 году: окна его апартаментов в трактире «Париж» выходили прямо на безобразное сооружение. Тогда Бетанкур ещё не знал историю многострадального храма — одноглавого, с укороченной наполовину колокольней и облицованного мрамором только в некоторых местах.

Александр I решил вернуться к неудавшемуся проекту и объявил сначала в 1809-м, а затем и в 1813 году конкурсы на перестройку собора. В них приняли участие самые выдающиеся архитекторы того времени, работающие в России: Джакомо Кваренги, Чарльз Камерон, Тома де Томон, Пьетро Гонзаго, Луиджи Руска, а также Андриан Захаров, Андрей Воронихин, Василий Стасов, братья Андрей и Александр Михайловы.

Однако ни один из предложенных проектов не прошёл экспертизу: по требованию заказчика храм должен был быть обязательно построен на старом, историческом фундаменте, а его алтарная часть полностью сохранена. Сделать это оказалось чрезвычайно сложно. Поэтому не случайно Александр I обратился за помощью именно к Бетанкуру, рассчитывая на его талант инженера и организатора.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИНИАТЮРЫ

Выбор Бетанкура после недолгих раздумий пал на Огюста Монферрана. В какой-то мере это объяснялось тем, что рядом со старым Исаакиевским собором Монферран уже возводил дом Лобановой-Ростовской и хорошо знал особенности местности. Когда у Монферрана возникли трудности с закладкой фундамента здания, он обратился к Бетанкуру, и тот, учитывая болотистый характер почвы и значительную нагрузку на основание будущей постройки, предложил архитектору установить сплошной фундамент, укреплённый забивкой свай. Недавняя реконструкция дома показала, что за два века не произошло никакой серьёзной деформации.

Опыт строительства особняка Лобановой-Ростовской был использован Бетанкуром и при возведении в этих же грунтах Исаакиевского собора. Именно под руководством Августина Августовича Монферрану удалось обеспечить прочность огромного здания при сохранении части старого фундамента и кладки.

Задолго до начала строительства, в один из рабочих дней, Бетанкур поручил Монферрану срочно представить двадцать четыре миниатюрных рисунка будущего собора. Монферран решил уклониться от задания, сославшись на то, что одно дело — нарисовать, а совсем другое — воплотить в жизнь. Архитектор поделился с Бетанкуром сомнениями: у него нет, мол, никакого опыта возведения не только такого грандиозного здания, но и намного меньшего размера. Но генерал-лейтенант заверил Монферрана, что поможет ему.

— У меня уже давно вызрел план, — глядя в глаза подчинённому, сказал Бетанкур, — духовно соединить Петербург с Римом и Лондоном.

И Августин Августович поведал молодому архитектору историю жизни Кристофера Рена, строителя собора Святого Павла в Лондоне. Рассказал о его встрече в Париже с Бернини, когда англичанин получил от создателя собора Святого Петра в Риме символическую эстафету. Бетанкур убедил Монферрана, что провидение именно на них возложило историческую миссию — духовно, на сакральном уровне соединить три города: Рим, Лондон и Санкт-Петербург.

Однако, зная характер Александра I и его склонность к самостоятельному выбору, Бетанкур попросил Монферрана сделать как можно больше самых разнообразных проектов Исаакиевского собора. И французский архитектор не заставил

себя ждать. Очень скоро Бетанкур получил альбом в кожаном переплёте с двадцатью четырьмя рисунками собора в самых различных стилях: древнегреческом, древнеримском, романском, готическом, византийском и даже восточном.

Вот как этот эпизод в биографии Бетанкура описал его помощник Филипп Филиппович Вигель: *«Не выходя из скромной роли своей, Монферран между тем тайком трудился над чем-то важным. На словах Государь просил Бетанкура поручить кому-нибудь составить проект перестройки Исаакиевского собора так, чтобы, сохраняя всё прежнее здание, разве с небольшою только прибавкою, дать вид более великолепный и благообразный сему великому памятнику. Бетанкуру пришло в голову для пробы занять этим Монферрана, выдав ему план церкви и все архитектурные книги из институтской библиотеки. Что же он сделал? Выбирая все лучшее, усердно принялся списывать находящиеся в них изображения Храмову приноравливая их к величине и пропорциям нашего Исаакиевского собора. Таким образом составил он разом двадцать четыре проекта, или, лучше сказать, начертил двадцать четыре прекраснейших миниатюрных рисунка и сделал из них в переплете красивый альбом. Тут все можно было найти: китайский, индийский, готический вкус, византийский стиль и стиль Возрождения и, разумеется, чисто греческую архитектуру древнейших и новейших памятников».*

Несколько месяцев Бетанкур не мог познакомить царя с рисунками — Александр I путешествовал по России. Как только Государь вернулся поздней осенью 1816 года в Царское Село, Бетанкур улучил момент и представил творения молодого французского архитектора Его Императорскому Величеству. Во время разговора с царём Бетанкур сделал акцент на том, что неплохо было бы на мистическом уровне объединить три столицы — Рим, Лондон и Санкт-Петербург в единое целое, построив в центре столицы собор, аналогичный соборам Святого Петра в Риме и Святого Павла в Лондоне. Идея царю пришлась по вкусу, но согласия он сразу вслух не высказал. Александр I забрал альбом для обсуждения проекта с ближайшими родственниками и Аракчеевым.

ИМПЕРАТОРСКИЙ АРХИТЕКТОР

На следующий день после приёма у Государя в Царском Селе председатель Комитета для строений и гидравлических работ вызвал своего помощника Филиппа Филипповича Вигеля и потребовал, чтобы тот подготовил указ об определении Монферрана императорским архитектором.

— Да вы что? — удивился Вигель. — Какой он архитектор? Отроду ничего не строил. Да вы и сами не раз говорили — его и чертёжником-то едва можно признать.

— Вы правы, — спокойно ответил Бетанкур, — но мои приказы вам лучше не обсуждать. Подготовьте указ по всем правилам и передайте мне.

Через несколько дней Государь подписал постановление о назначении Монферрана на должность императорского архитектора, после чего тот занялся перестройкой Исаакиевского собора. Главным требованием царя по-прежнему оставалось сохранение старой алтарной части. Задача оказалась очень непростой: при увеличении площади застройки требовалось связать между собой старые и новые фундаменты, а также разновременную кладку. Любому строителю хорошо известно, что при неравномерной осадке старых и новых частей в конструкциях неизбежно появляются трещины, которые обязательно приведут к деформации здания.

Монферрану пришлось сделать несколько проектов, и каждый из них предполагал использование в той или иной степени старых стен. Окончательный проект Александр I утвердил только в феврале 1818 года, после чего была создана специальная Комиссия по перестройке Исаакиевского собора во главе с председателем — графом Н.Н. Головиным. Членами её в разное время являлись министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын, министр внутренних дел О.П. Козодавлев, председатель Комитета для строений и гидравлических работ генерал-лейтенант Бетанкур, генерал-губернатор Санкт-Петербурга М.А. Милорадович, сенатор А.А. Столыпин, а также архитекторы А.П. Брюллов, Р.К. Вейгельт, В.А. Глинка, Н.Е. Ефимов, Д.В. Шебуев, А.И. Штакеншнейдер, К.А. Молдавский и др.

В последующие годы состав Комиссии неоднократно менялся, включая и председателя. Однако все, входящие в неё, всегда были выдающимися государственными деятелями России, чиновниками первого ранга: министрами, членами Правительствующего Сената или Государственного совета,

крупными инженерами или царскими сановниками. Император и члены его семьи присутствовали на всех наиболее важных этапах строительства.

СТРОИТЕЛЬСТВО ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА

Работы по перестройке Исаакиевского собора продолжались круглый год, даже зимой. С 1 января по 16 марта 1819 года только на забивке свай было занято 4245 человек. Для обеспечения бесперебойной работы Бетанкур приказал Монферрану устроить строительную площадку на обширной территории — от стен Адмиралтейства до Синего моста. На ней разместились подсобные временные строения: деревянные сараи, складские помещения, производственные мастерские, дома для рабочего люда…

В первую очередь Бетанкур и Монферран занялись фундаментом собора. Учитывая местные условия, они решили, что для постройки на болотистой почве такого сооружения, как Исаакиевский собор, необходим фундамент в виде сплошной плиты, равномерно распределяющий вес опорных столбов, стен и портиков на грунт. Применение другого фундамента, например с опорными поверхностями (такие были очень популярны при строительстве храмов в России), могло привести к неравномерной осадке отдельных частей здания и, как следствие, к его разрушению.

Когда под фундамент выкопали глубокий котлован, в нём начала скапливаться вода — её постоянно приходилось откачивать: она мешала вбивать чугунными бабами в почву пропитанные смолой сосновые сваи длиной более шести метров и диаметром около четверти метра. Сваи забивали на одинаковом расстоянии, равном их диаметру, пока они не переставали входить в почву. При этом земля между сваями уплотнялась так, что приобретала твёрдость камня. Затем только что вбитая свая обрезалась под один уровень со старыми. Промежутки между сваями плотно утрамбовывали древесным углём и замазывали известковым раствором, на него накладывали тщательно подогнанные друг к другу крупные строительные камни — буты. При такой конструкции основания собора старые и новые его части прочно связывались между собой.

Закладка фундамента такого колоссального сооружения заняла пять лет. На возведение только одного основания потребовалось более двухсот квалифицированных каменотёсов. И это при том, что работы велись *«ежедневно, не исключая и праздничных дней, кроме воскресных»*. Бетанкур помог Монферрану разработать проект для транспортировки монолитов. А *«катить*

гранитные колонны от пристани до места строения Исаакиевского собора» поручили любимцу Бетанкура — уже не каменотёсу, а подрядчику Самсону Суханову (в подчинении у него было более двухсот человек).

На строительстве Исаакиевского собора постоянно проходили практику воспитанники Института Корпуса инженеров путей сообщения. *«Сии занятия имели двоякую цель: во-первых, исследовать системы сооружений, употребление материалов и средств, принимаемые для доставления работам надлежащей прочности; во-вторых, познакомиться с приёмами, употребляемыми при производстве различного рода работ, например при поднятии значительных тяжестей, при составлении растворов и пр.».*

СЕРЬЁЗНЫЕ ТРУДНОСТИ

В 1820 году Монферран опубликовал гравированные чертежи строящегося Исаакиевского собора. Это послужило поводом для широкого обсуждения его проекта. Антон Модюи, страшно завидовавший успехам молодого соотечественника, обрушился на проект Исаакиевского собора с уничтожающей критикой. Он утверждал, что Монферран — слабый архитектор и абсолютно не сведущий в механике и строительном деле. Он не сможет связать старые и новые кладки здания на одном фундаменте, а увеличенный в размерах купол на барабане обязательно обрушится при такой опоре на разновременные столбы. Если бы на защиту Монферрана не встал генерал-лейтенант Бетанкур, то «незадачливого» архитектора точно бы отстранили от проекта.

Бетанкур верил в талант Монферрана, а в глубине души считал, что строительство Исаакиевского собора — это его собственное детище и он воплощает его в жизнь руками молодого талантливого архитектора, отобранного из дюжины не менее одарённых. Как гениальный скульптор видит в десятках мраморных глыб только одну — подходящую, так и Бетанкур безошибочно угадал талант архитектора, способного воплотить его замысел. По этому поводу Вигель писал: *«Великим мастером будет он, Бетанкур, а он* (Монферран. — Д.К.) *по возможности будет стараться облекать в формы гениальные его идеи».*

И всё-таки борьба с Модюи на несколько лет приостановила возведение Исаакиевского собора, хотя заготовка материалов для строительства продолжалась. Монферрану пришлось частично согласиться с доводами Модюи и признать, что конструкция купола на барабане, опирающегося на разновременные опорные столбы, имеет ряд конструктивных промахов. Модюи настроил почти всех архитекторов против «выскочки» Монферрана. Только Карло Росси не примкнул к большинству. Он продолжал поддерживать с Монферраном дружеские отношения, иногда прямо вставая на его защиту.

ЖИЛОЙ ДОМ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

Летом 1817 года состоялось бракосочетание великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I, с немецкой принцессой Шарлоттой. Новобрачные поселились в Аничковом дворце, где великий князь Николай Павлович будет жить до восшествия на престол; своей супруге он охарактеризовал его так: *«Если кто-то спросит, в каком уголке мира скрывается истинное счастье, сделай одолжение, пошли его в Аничковский рай».*

И это неудивительно! Ещё в самом начале 1817 года по распоряжению Бетанкура в этом дворце Карло Росси произвёл полную реконструкцию. В семнадцати помещениях парадного этажа заново расписали все плафоны и обновили некоторые интерьеры. Стены жилых комнат обтянули новыми дорогими тканями — атласом, штофом и бархатом, а приёмные отделали искусственным мрамором, затем также расписанным. Даже мебель, светильники, предметы декоративного убранства — всё изготовили по рисункам зодчего. В искусстве интерьера Росси был так же виртуозен, как и в архитектуре. К 1819 году была полностью закончена и реконструкция усадьбы Аничкова дворца. Ранее запущенная территория превратилась в парадный, хорошо озеленённый архитектурный комплекс, украсивший дворец со стороны Невского проспекта.

В отличие от большинства мастеров XVIII века Росси рассматривал усадьбу не как замкнутое в себе пространство, а как элемент городской структуры. Это не могло не понравиться будущему императору Николаю I, считавшему себя человеком передовых взглядов.

ЗАБЫТЫЙ АВТОР МАНЕЖА

В 1817 году император Александр I решил отметить пятилетие изгнания французских войск из России и построить в Москве Манеж (экзерциргауз). Ответственность за строительство была возложена на Бетанкура. Августин Августович мог передать этот заказ любому находившемуся в его подчинении архитектору. Но его выбор снова пал на Монферрана, что не могло не вызвать зависти и злобы со стороны коллег.

Одно время авторами Манежа считали только Бетанкура и московского архитектора Бове, выигравшего у Монферрана конкурс на декоративное (скульптурное) убранство фасада здания. Однако в действительности всю архитектурную часть Манежа спроектировал Монферран, а Бетанкур разработал проектное задание, создал оригинальную конструкцию перекрытий и осуществил общее руководство строительством. За шесть месяцев Манеж был отстроен и 30 ноября 1817 года, после парада войск в присутствии самого императора Александра I, торжественно открыт. Общие затраты на строительство составили 1 миллион 200 тысяч рублей.

Раньше на месте Манежа находились купеческие лавки; в них торговали дровами, сеном и мхом. После взятия Москвы Наполеоном и пожара, длившегося неделю, все торговые лавки полностью выгорели, и после войны территория стала хаотично застраиваться разными временными постройками. Вновь образованная Комиссия для строений города Москвы, возглавленная самим генерал-губернатором, решила построить на выгоревшей территории единый архитектурный ансамбль в классическом стиле. В число требуемых строений вошёл и экзерциргауз — крытое помещение для военных упражнений в холодную и ненастную погоду.

Бетанкур возвёл сооружение, равного которому долго не было в мире: единственная в своём роде конструкция стропил была рассчитана так, что здание шириной сорок пять метров перекрывалось без внутренних опор. Тридцать деревянных ферм опиралось на одни только наружные стены.

СНОВА НИЖНИЙ НОВГОРОД

Архитектор Иван Ефимович Ефимов, один из лучших выпускников Академии художеств 1815 года, поступивший на службу в Комитет для строений и гидравлических работ в 1817 году, впоследствии всю жизнь восхищался способностью Бетанкура принимать нестандартные решения и сочетать инженерную практику со строительным делом и архитектурой. Бетанкур тоже быстро оценил способности молодого выпускника Академии художеств, успевшего ещё в годы учёбы получить золотую медаль, а потом хорошо зарекомендовать себя среди архитекторов Комитета для строений и гидравлических работ.

В 1819 году Бетанкур доверил Ефимову построить в Нижнем Новгороде тюремный острог, а в 1820-м с большим удовольствием удовлетворил просьбу гражданского губернатора Нижнего Новгорода Александра Семёновича Крюкова о назначении Ефимова губернским архитектором. Благодаря Бетанкуру Ефимов оставил заметный след в истории архитектуры этого города. В дальнейшем, после смерти своего начальника генерал-лейтенанта Бетанкура, он вместе с Готманом разработает программу коренного градостроительного переустройства Нижнего Новгорода.

Ефимов, видя, как работает Бетанкур, не мог не заразиться его кипучей энергией и сам стал плодовитым архитектором. Ежегодно он создавал от пятидесяти до двухсот проектов, одновременно осуществляя контроль за возведением казённых зданий, храмов и частных строений по всем городам края. Иван Ефимович участвовал в строительстве храмов и казённых заведений не только в Нижнем Новгороде, но и в Санкт-Петербурге, Костроме, Ярославле, во многих других городах Российской империи. Разработал несколько типов доходных домов. Принимал участие в установке обелиска Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому в Нижнем Новгороде. В этом городе он построил и знаменитое здание Дворянского собрания.

«ЛЯГУШАТА»

В 1817 году произошла на первый взгляд незначительная, но очень горячо обсуждаемая реформа — изменения в форменной одежде учащихся Института Корпуса инженеров путей сообщения. Первоначально все воспитанники имели три вида одежды: повседневную, праздничную и парадную. Правила ношения регламентировались приказом с расписанием праздничных дней: к ним относились дни рождения царя и восшествия его на престол, религиозные праздники, дни рождения вдовствующей императрицы и всех великих князей и княгинь… В такие дни курсанты надевали праздничную форму — парадный мундир и шпагу. А повседневная представляла собой двубортный сюртук по цвету мундира.

Внешнему виду будущих выпускников Бетанкур уделял особое внимание. Ещё при приёме в институт, кроме специальных экзаменов по математике (арифметика, алгебра и геометрия), рисованию, русскому и французскому языкам, приёмная комиссия обязательно оценивала внешний «вид и осанку» абитуриента. Поэтому не случайно для молодёжи красота мундира играла первостепенную роль.

Что же касается формы для преподавателей института, то по объему золотого шитья она разделялась на четыре разряда: чиновникам VII и высших классов шитье полагалось на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. Экстраординарные профессора, адъюнкты и «состоящие в VIII классе» чины лишались шитья на клапанах. Чины IX и X классов сохраняли шитье только на воротнике, а XII — XIV классов имели лишь «золотом вышитый бортик» на воротнике. Студенты и служащие, не имевшие «офицерских званий», не имели на мундирах шитья. Пуговицы на их форме были «позолоченные гладкие».

В 1817 году произошли изменения: красный цвет выпушки мундира воспитанников Института Корпуса инженеров путей сообщения заменили на светло-зелёный. После этого их за глаза стали называть «лягушатами».

НОВЫЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ПЕТЕРБУРГА

В 1817 году институт окончил Александр Петрович Девятин, которому Бетанкур, вместе с Всеволодом Николаевичем Денисовым и Фёдором Ивановичем Рербергом, поручил составить подробный план Петербурга (1817—1820), ставший основным документом при планировке улиц, площадей и зданий в городе. В том же году под руководством Бетанкура началось строительство тротуаров на Вознесенском проспекте, а также на улицах Гороховой и Большой Морской. Чтобы сделать их современными, Бетанкур высказал мысль об «освещении газом здешней столицы». Но его смелую и новаторскую по тем временам идею не поддержали.

КОНФЛИКТ БЕТАНКУРА С ПРОФЕССОРОМ МАЙОРОВЫМ

Несмотря на громадную работу в Комитете для строений и гидравлических работ, Бетанкур продолжал выполнять полную педагогическую нагрузку в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, где не только руководил, но и регулярно вёл занятия.

В 1817 году в Петербурге вышли в свет лекции профессора Алексея Ивановича Майорова. Книга называлась «Высшая геометрия в пространстве»; в новом издании большое внимание уделялось применению геометрии в строительстве инженерных сооружений. Бетанкур высоко оценил лекции и рекомендовал как можно быстрее довести их не только до каждого курсанта, но и до некоторых сотрудников Комитета для строений и гидравлических работ: им также не мешало повысить строительную и инженерную квалификацию. При этом нужно учесть, что у профессора Майорова были сложные отношения с Бетанкуром.

После неожиданной смерти в 1812 году академика Висковатова, читавшего в институте курс чистой и прикладной математики, и высылки в Сибирь нескольких французских профессоров, в том числе Фабра и Потье, читать несколько курсов по высшей математике оказалось некому. Поэтому Бетанкур пригласил в институт математика Дмитрия Семёновича Чижова, а главноуправляющий путями сообщений Франц де Воллан, по своей инициативе, — Алексея Ивановича Майорова. Эта кандидатура сразу не понравилась Бетанкуру: он посчитал, что Майоров обо всём, что происходит в институте, будет докладывать де Воллану. Но с кандидатурой, рекомендованной главноуправляющим всеми путями сообщений Российской империи, инспектору Института Корпуса инженеров путей сообщения пришлось всё-таки согласиться.

По образованию Майоров был горным инженером. Однако в 1807 году, по настоянию графа Н.П. Румянцева, он покинул Горный корпус и перешёл на должность специалиста по теоретической гидравлике в Департамент водяных коммуникаций. Как оказалось, образование, полученное в Горном училище (с 1804 года оно стало называться Горным кадетским корпусом), не отвечало современным инженерным требованиям. Например, высшая математика там не соответствовала европейским стандартам. Поэтому граф Румянцев отправил одарённого молодого человека доучиваться во Францию, где в Париже Майоров сначала окончил Политехническую школу, а

затем Школу мостов и дорог.

В начале 1811 года он вернулся на родину. Главной мечтой молодого человека было открыть в России высшую инженерную школу и создать учебные программы для подготовки специалистов по гидравлике и гидротехнике. В противном случае, писал он, *«… мы вечно будем заимствовать от иностранцев просвещение, не достигнув оного никогда».* Майорова без преувеличения можно назвать русским патриотом.

По возвращении в Россию он с радостью узнал, что в Санкт-Петербурге уже открыт Институт Корпуса инженеров путей сообщения — единственное учебное заведение, соответствовавшее лучшим европейским стандартам высшего инженерного образования. Однако, когда его приняли по рекомендации де Воллана на работу в институт, его смутило, что, в отличие от Горного училища, здесь все без исключения предметы преподавались только на иностранных языках. Майоров сразу взялся за перевод с французского на русский знаменитого труда Шарля Боссю «Исследования о наивыгоднейшем построении плотин», настольной книги любого инженера-гидравлика того времени.

В ней впервые систематизировались такие понятия, как запруда, набережная, вал, насыпь, перемычка, отвод, а также многие другие технические термины, в России ещё не имевшие чёткого смыслового значения, особенно для чиновников, финансировавших проекты. Книга Шарля Боссю, имевшая во Франции огромное научное значение, сыграла большую роль и в становлении русской школы гидравликов. Впоследствии по ней училось не одно поколение гидротехников. Боссю был учителем Гаспара Монжа и Шарля Кулона. Прошло без малого три века, однако труды Боссю до сих пор не устарели, особенно в области трения воды о поверхность, просачивания и давления её на плотину.

Первый серьёзный конфликт между Бетанкуром и Майоровым произошёл осенью 1812 года, когда в институт вернулись воспитанники, принимавшие участие в военных действиях против наполеоновской армии. Алексей Иванович начал читать им по интенсивному учебному плану курсы по приложению математического анализа к геометрии, приложению алгебры к геометрии, а также курсы по основам механики и по дифференциальному и интегральному исчислению.

Однажды в перерыве между лекциями Майоров улучил момент и подал генерал-лейтенанту Бетанкуру рапорт с просьбой отправить его в действующую армию. Августин Августович пришёл в ярость. Он напрочь забыл французский язык и

заговорил с подполковником по-испански. Суть дела сводилась к следующему: в институте не хватало преподавателей, а один из ведущих профессоров в этот сложный момент решил покинуть вуз.

В рапорте, поданном Бетанкуру, в частности, говорилось: *«… при затруднении прикомандировать в армию с настоящим его чином подполковника он охотно пойдет простым волонтёром».* Рапорт был категорически отвергнут, и, как показалось Алексею Ивановичу, в грубой, оскорбительной для него форме. Майоров воспользовался хорошими отношениями с главноуправляющим путями сообщений господином де Волланом, который всегда был рад хоть чем-нибудь досадить Бетанкуру. Разрешение было получено, и, несмотря на категоричное возражение Бетанкура, подполковник Майоров отправился в заграничный поход, где проявил себя как храбрый офицер. Он дрался в Богемии, под Дрезденом, принял участие в Битве народов под Лейпцигом. Майоров взял с боем два неприятельских укрепления при крепости Юлих в Северной Рейн — Вестфалии. Командовал отделением шведских войск и прусским корпусом. Во время боевых действий был награждён орденами: Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 2-й степени, Святого Георгия 4-й степени, шведским Военным орденом Меча, учреждённым ещё в 1552 году самим Густавом Васой, и прусским орденом «За заслуги».

В 1814 году Алексей Иванович Майоров в чине инженер-полковника был переведён в свиту Его Императорского Величества Александра I. Однако и на военной службе Майоров не забросил научных занятий. Наоборот, он много и интенсивно работает. Майоров отсылает статьи в научные журналы и публикуется не только в России, но и за рубежом. В 1815 году его избирают в члены-корреспонденты Петербургской академии наук. Наконец, как уже говорилось, в 1817 году в свет вышел сборник лекций профессора Майорова «Высшая геометрия в пространстве», отмеченный похвалами как Академии наук, так и лично Бетанкуром. Но самое главное — Бетанкур поддержал идею перевести и напечатать сборник на русском языке. Своему другу скульптору Мартосу он признался:

— Русская наука только тогда сможет стать самостоятельной, когда не будет зависеть от нас, иностранцев. Моя задача — придать ей этот импульс. По русским слушателям я вижу — они далеко пойдут.

— Если сами себя не остановят, — заметил хитрый грек, давно и хорошо изучивший русский характер.

ВЫГОДНЫЙ ЗАКАЗ

В один из холодных декабрьских вечеров, попивая в Юсуповском дворце мальвазию, присланную Бетанкуру с Канарских островов его старшим братом Хосе ещё до его смерти, последовавшей в апреле 1816 года, Мартос и Бетанкур долго обсуждали, где лучше установить бронзовую скульптурную группу вождям народного ополчения в Смутное время — гражданину Минину и князю Пожарскому. Фамилии этих двух русских Бетанкур никак не мог запомнить, так же как и понять, что делали поляки в Москве в 1612 году. Иван Петрович Мартос пояснил, что после смерти русского царя Ивана Грозного в 1584 году его наследником стал сын — Фёдор Иоаннович, абсолютно не способный к делам правления, а младший сын царя, Дмитрий, пребывал ещё в младенчестве. После смерти Фёдора и убийства Дмитрия в стране началась смута, а по сути, гражданская война за власть: на авансцену вышли сразу несколько боярских родов, среди них самыми сильными оказались Юрьевы и Годуновы.

Бетанкура очень занимала русская истории, особенно такие запретные персоны, как Борис Годунов, Степан Разин или Емельян Пугачёв, но книг на французском о них не было. Поэтому рассказы ректора Академии художеств он слушал всегда с большим вниманием. В семье Бетанкура русской историей живо интересовались две старшие дочери, Каролина и Аделина; они тоже присутствовали при разговоре.

— Смутное время, — говорил Мартос, — это период с 1598 по 1613 год. Некоторые из бояр призвали на свою сторону поляков, другие — шведов, третьи — тех и других. Даже испанские на ёмники воевали за Юрьевых. Я уже не говорю о наёмниках из Германии, Франции или Швейцарии. В борьбе за власть, да ещё абсолютную, все методы хороши. Кроме того, в стране три года подряд выдались неурожайные, и более полумиллиона человек умерло от голода.

Лица Каролины и Аделины сделались мрачными.

— Некоторые помещики, не зная, чем кормить холопов, вы гоняли их из домов, — продолжил свой рассказ Мартос. — На до рогах начались грабежи и разбои. Отдельные шайки разрослись до нескольких сотен человек. Вот тут и появился цесаревич Дмитрий, настоящее имя которого было Гришка Отрепьев. Беглый монах выдал себя за убиенного сына Ивана Грозного. А польский король Сигизмунд признал права Лжедмитрия на русский престол и раз решил всем желающим присоединиться к «царевичу». Так сами русские привели в Москву иноземное

войско. Правда, основная часть этой армии состояла из запорожских казаков, с удовольствием принявших участие в разграблении России. За оказанную помощь Лжедмитрии обещал передать Польше Смоленск и Северные земли, включая Псков и Новгород. Московское боярство во главе с Богданом Вельским публично признало Лжедмитрия законным наследником, а рязанский архиепископ Игнатий, тут же ставший патриархом, признал в нём царя. Самозванец получил официальную поддержку Русской православной церкви, что, как и сегодня, очень важно в России. Однако не всё московское боярство видело в Лжедмитрии законного правителя. Сразу по прибытии его в Москву князь Василий Шуйский через посредников начал распространять слухи о его самозванстве. В ночь с 16 на 17 мая 1606 года боярская оппозиция подняла восстание, и Лжедмитрии был убит. Но приход к власти Василия Шуйского не принёс успокоения народу. Воспользовавшись слабостью России, с юго-востока на неё напала Ногайская орда. А в 1608 году крымские татары, когда польско-литовские войска захватили Тверь, Суздаль и осаждали Троицесергиев монастырь, полностью разорили центральную часть русских земель.

— А я слышала, была ещё какая-то Семибоярщина, — робко спросила Аделина Мартоса. — Что это такое?

— Была и Семибоярщина, — ответил ректор Академии художеств. — Летом 1610 года в Москве произошёл переворот. Был изгнан Василий Шуйский, и русские присягнули на верность польскому королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III и внуку шведского короля Юхана III, обещавшему принять православие. Однако обещание своё не сдержал.

— Почему? — удивилась Каролина.

— На то было много причин, — пояснил гость. — Основная — непримиримые противоречия между католицизмом и православием. Несколько русских городов «сели в осаду» и отказывались присягать на верность Владиславу. 17 марта 1611 года поляки, принявшие пьяный спор русских мужиков на рынке в Москве за начало восстания, устроили резню, убив только в Китай-городе около семи тысяч москвичей. В это время Россией управляли семь боярских родов: Мстиславские, Голицыны, Трубецкие, Шереметевы, Романовы и ещё два рода (фамилии их уже сейчас не припомню). Все они при этом между собой ожесточённо дрались за власть и доносили друг на друга полякам. Воспользовавшись ситуацией, крымские татары почти полностью разорили Рязанский край, а шведы присоединили к себе северные территории. Всем этим бедам положили конец два русских человека — нижегородский земской староста Кузьма

Минин и князь Дмитрий Пожарский. Они собрали и снарядили ополчение и двинулись на Ярославль, чтобы укрепиться в этом важном стратегическом военном пункте. В сентябре 1612 года произошло одно из самых кровавых событий Смутного времени: город Вологда был взят поляками и запорожцами, уничтожившими всё его население, включая монахов Спасо-Прилуцкого монастыря. Это событие вызвало такую ненависть русских, что в октябре 1612 года ополчение под предводительством князя Пожарского и Кузьмы Минина атаковало Москву и взяло город штурмом. Поляки укрылись в Кремле, где несколько недель сидели без пищи и воды, постепенно поедая друг друга, пока не сдались.

— Их казнили? — испуганно спросила Каролина.

— Нет, после подписания соответствующих документов их отпустили восвояси, — закончил своё повествование Иван Петрович. — А я, — скульптор засмеялся, — благодаря этому событию, получил очень выгодный заказ.

ПАМЯТНИК МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ

История памятника Минину и Пожарскому началась ещё в 1803 году, когда с предложением собрать деньги и установить его в Нижнем Новгороде выступили члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В 1812 году Россия планировала пышно отпраздновать двухсотлетний юбилей победы над поляками. Узнав об этом, скульптор Мартос решил участвовать в конкурсе. В 1807 году он опубликовал гравюру с первой моделью памятника, где гражданин Минин и князь Пожарский были представлены главными освободителями страны от иноземных захватчиков.

В 1808 году состоялся конкурс, и Мартос победил в нём. Проект показали Александру I, и царь одобрил его. Был издан императорский указ о подписке на сбор средств по всей России, а имена подписчиков напечатаны и обнародованы. Учитывая важность памятника для русской истории, решили установить его не в Нижнем Новгороде, а в Москве. Но из-за войны с Наполеоном проект пришлось временно отложить.

После победы в Отечественной войне 1812 года интерес к памятнику возрос: ведь он олицетворял собой силу русского оружия и был символом национальной славы. И Александр I сделал всё возможное, чтобы его установили как можно скорее. Отливку поручили литейному мастеру Академии художеств Василию Екимову. Для этого подготовили 1100 пудов меди и плавили её в течение десяти часов. 5 августа 1816 года монумент был готов. Отлитие такой огромной скульптурной композиции за один раз было выполнено впервые в мировой истории.

Сначала для пьедестала памятника планировали использовать сибирский мрамор. Однако комиссия пришла к выводу, что он может не выдержать такой нагрузки, поэтому мрамор решили заменить гранитом. Три огромных куска из цельной горной породы были вырублены в Финляндии, обработаны мастерами артели Самсона Суханова и водным путём отправлены в Москву.

Вопрос, где лучше установить монумент Минину и Пожарскому, обсуждался достаточно оживленно. Сначала предлагалось разместить его на площади около Тверских ворот, но потом решили, что такое величественное сооружение — гимн русской славе — должно стоять только на Красной площади, напротив входа в Верхние торговые ряды.

20 февраля 1818 года на Красной площади, перед парадным строем войск, при большом скоплении народа, в присутствии самого Александра I бронзовый памятник был торжественно открыт. Император отлично понимал, что именно эти два русских человека возвели боярский род Романовых на царский престол, и хотел отдать им должное.

Историческая справка

1 марта 1818 года Александр I выехал в Варшаву на открытие первого конституционного сейма Царства Польского. Свою речь в парламенте русский царь произнес сначала по-французски, а затем его государственный секретарь прочитал её в польском переводе.

Александр I пообещал полякам как можно быстрее принять новый основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, добавив при этом, что конституционные учреждения «не суть мечта опасная», а они «утверждают истинное благополучие народов».

Через несколько недель после этого события по Петербургу поползли слухи о скором освобождении крестьян, от чего, по словам Сперанского, во многих дворянских семьях сделались «припадки страха и уныния». Среди же простого населения быстро распространился слух, что царь даровал крестьянам вольную, но помещики и злые министры утаивают этот долгожданный указ от народа.

МОНЕТНЫЙ ДВОР В ВАРШАВЕ

Каролина и Аделина были очень удивлены опубликованной речью царя на польском сейме: по их мнению, завоёванная страна получала учреждения более свободные, чем те, что находились в стране-завоевательнице. Но Бетанкур тут же предостерёг дочерей, чтобы они не рассуждали о делах, их не касающихся, а занялись бы лучше вышивкой и рисованием.

Сам же Бетанкур после посещения Александром I Царства Польского получил указание — построить в Варшаве Монетный двор, для печатания ассигнаций и других ценных бумаг. До этого в Варшаве начиная с 1816 года чеканили только монеты. В золоте изготавливали 50 и 25 злотых, в серебре — 10, 5, 2 и 1 злотый, в биллоне — 10 и 5 грошей, а в меди — 3 и 1 грош. В Царстве Польском имела хождение традиционная денежная единица — злотый (равнялся 30 грошам). На золотых и серебряных монетах чеканили профиль Александра I.

По ходатайству Бетанкура на русскую службу были приняты несколько испанцев, первоклассных инженеров; среди них Рафаэль Бауса, Хоакин Виадо, Хоакин Эспехо Веласко, сеньор Нуассио. Немного позднее к замечательной компании присоединился Мигель Эспехо Веласко.

Рафаэлю Бауса (с ним Бетанкур был знаком ещё в Испании), прибывшему в Россию в 1816 году, поручили проектирование и строительство Варшавского монетного двора. Бауса, зная страсть Бетанкура к техническим новшествам, любил подтрунить над своим руководителем. Однажды в одной мексиканской газете (подшивку их он купил у татарина-старьёвщика на Английской набережной) он вычитал, что в Североамериканских Объединенных Областях хитроумный изобретатель создал паровую машину для бритья. Сделан механизм был весьма искусно и действовал с удивительной скоростью: машина сама точила бритву, колола и разводила мыло, а затем намыливала бороду бреющегося, а голова в это время помещалась между двумя кольцами. Машина была устроена так, что одновременно могла приводить в действие десять бритв. Изобретатель инструмента получил патент от правительства и уже был готов запустить серийное производство… Однако американские брадобреи подали против него петицию, чтобы власти запретили производство этих машин. Бауса тут же предложил Бетанкуру приобрести патент и установить несколько таких машин на Невском проспекте, чтобы начать своё дело. Бетанкур загорелся и даже хотел написать письмо Джону Квинси Адамсу, чтобы тот

подробнее узнал о хитроумном механизме, однако намерение так и не исполнил.

В другой раз Бауса рассказал, что в Вене изобрели машину для очистки дорог от снега. За четверть часа она счищала снега больше, чем две тысячи работников, хотя механизм приводился в действие не паром, а лошадьми. Бетанкур сразу же захотел приобрести такую машину: ведь она смогла бы расчищать снег на тротуарах Санкт-Петербурга, а во времена правления Александра I его убирали весьма посредственно. Но руки Бетанкура и до этого проекта так никогда и не дошли. Пришлось руководить строительством монетного двора в Варшаве.

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ ИЗ РОССИИ

В конце зимы 1818 года Бетанкур узнал, что в Мексике расстреляли генерала Франсиско Хавьера Мина, участника испанской революции 1808 года и одного из предводителей инсургентов во время войны за независимость в Южной Америке. Однако это событие в политической жизни Петербурга прошло почти незамеченным: Северную столицу занимала русская эскадра, готовящаяся сопровождать испанские войска, отплывающие из Кадиса в Мексику. Операция была призвана способствовать налаживанию российско-испанских отношений. После того как в 1805 году испанский флот почти полностью был уничтожен английской эскадрой в Трафальгарском сражении, Мадрид потерял контроль над заморскими владениями. А восстановить флот в разорённой войной стране было невозможно, и испанский король Фердинанд VII не раз обращался к Англии и Нидерландам с просьбой о продаже Испании торговых и военных судов. Но эти страны не были заинтересованы, чтобы к испанцам вернулось былое морское могущество, и делали всё возможное, чтобы Испания больше никогда не стала великой морской державой. Помощь неожиданно пришла из России.

После длительных переговоров с русским посланником в Мадриде Дмитрием Павловичем Татищевым было решено предоставить Испании шесть фрегатов и пять линейных кораблей. Авторитет русского посланника при дворе Фердинанда VII был очень велик. Один из европейских дипломатов писал по этому поводу своему министру иностранных дел следующее: *«Влияние русского посланника царствует здесь исключительно. Король спрашивается во всех существенных его делах, даже касающихся только Испании. Ни один министр не пользуется такой доверенностью, и если им приходится предложить Королю что-то особенное, они предварительно сносятся с Татищевым».*

Кроме того, Татищев слыл известным коллекционером живописи и, в каких бы европейских странах ни находился на дипломатической работе, обязательно пополнял своё собрание самыми изысканными произведениями старых мастеров. Так, из Мадрида в Россию он вывез картины, и по сей день являющиеся самыми значительными артефактами испанского искусства в Эрмитаже. К ним относятся полотно одного из ярчайших представителей маньеризма Луиса де Моралеса «Скорбящая Богоматерь» и «Портрет командора ордена Сант-Яго де

Компостела» Хуана де Пареха. Также благодаря Татищеву в Россию попала работа Хуана дель Кастильо «Ангел-хранитель» и ещё несколько первоклассных произведений неизвестных испанских художников.

В конце марта 1817 года Фердинанд VII пригласил Татищева к себе в королевский дворец и обсудил с ним вопрос восстановления военно-морского флота Испании с помощью России. Испанская корона была готова купить четыре линейных корабля с вооружением от 74 до 80 пушек, а также семь или восемь фрегатов. Понимая, что сделка вызовет бурю негодования у Франции, Англии и Нидерландов, переговоры решено было засекретить.

Обращение испанского монарха за помощью к России вызвало в Петербурге настоящий переполох. Согласно системе международных договоров, выработанных Венским конгрессом, Александр I должен был придерживаться правил коллективной безопасности европейских держав. А торговая сделка с Испанией выглядела как политический недружественный акт по отношению к ним.

По совету управляющего иностранной коллегией графа Нессельроде Александр I хотел запретить сделку, однако переговоры Татищева с испанской стороной зашли так далеко, что 11 августа 1817 года была подписана секретная конвенция о продаже военных кораблей. Экономическая выгода для России была очевидна: Испания обещала за суда заплатить 13,6 миллиона золотых рублей. Но сам дух предложенной конвенции противоречил принципам внешней политики России и мог иметь негативные последствия при товарообмене между Петербургом и Лондоном. Поэтому Александр I решил не держать конвенцию в секрете, а превратить её в простой «Акт о продаже», вычеркнув из международного договора несколько фраз о целевой помощи Испании для наведения порядка в её колониях. Поправки, внесённые русским царём в конвенцию, привели в ярость Фердинанда VII, однако ему ничего не оставалось, как согласиться с ними.

Итак, в апреле 1818 года «Акт о продаже» русских судов испанцам был подписан. В Петербурге решили новые суда не строить, а продать старые, спущенные на воду ещё в 1812—1813 годах. Подавляющая часть из них уже выработала свой ресурс больше чем наполовину. Среди отобранного «секонд-хенда» оказались семидесятичетырехпушечные линейные корабли «Дрезден», «Норд Адлер», «Нептунус», «Три Святителя» и «Любек», а также сорокачетырехпушечные фрегаты «Меркуриус», «Патрикий» и «Автроил». Берегов Испании эти суда достигли с

большим трудом. Из-за сильного ветра и штормов им пришлось по нескольку раз ремонтироваться, заходя в шведские и английские порты. Наконец из газет Бетанкур узнал, что эскадра благополучно прибыла в Кадис. Событие горячо обсуждали не только в семье инспектора Института Корпуса инженеров путей сообщения, но и во всём Петербурге.

Англичане распустили слух, что русские обманули испанцев: корабли построены из сосны и в условиях Атлантического океана не прослужат и года. В Кадисе испанцы обследовали суда и пришли к выводу, что два корабля из восьми серьезно повреждены и совершенно не годятся для дальнейшей эксплуатации. Фердинанд VII тут же потребовал исключить из стоимости контракта линкор «Три Святителя» и фрегат «Автроил». Русские после недолгого препирательства всё-таки заменили поврежденные корабли на три фрегата новейшей конструкции.

У всех прибывших в Испанию кораблей судьба сложилась по-разному, но самым известным из них стал фрегат «Патрикий», переименованный испанцами в «Королеву Марию-Изабеллу». Именно он отправился в составе конвоя, перевозившего из Кадиса к берегам Перу две тысячи испанских солдат. Капитан судна, оказавшись в окружении южноамериканских повстанцев, сдался без боя. Фрегат получил новое имя — «О'Хигенс» и стал флагманом Первой национальной эскадры Чили. Восемь лет спустя за сто десять тысяч песо его продали Аргентине. В июне 1826 года фрегат отправился в Буэнос-Айрес, но до места нового назначения так и не дошёл. Корабль, построенный в Санкт-Петербурге на Адмиралтейской верфи, попал в сильный шторм и затонул у знаменитого мыса Горн.

Испанцы же за приобретённые военные корабли полную сумму царской казне так и не выплатили. Из 13,6 миллиона золотых рублей они заплатили только 8,3 миллиона. Это послужило причиной первого охлаждения между двумя странами. В 1835 году дипломатические отношения между Петербургом и Мадридом были окончательно разорваны, и о долге пришлось забыть.

ОЧЕРЕДНАЯ ЗИМА

В отличие от лета зимой Петербург становился совершенно другим — не слышно было постоянного грохота колёс. Все экипажи — от изысканных, позолоченных княжеских карет до грубых, плохо отёсанных крестьянских санок — бесшумно скользили по снегу. Знатные горожане, и Бетанкур в их числе, носили дорогие собольи шубы. Старшая дочь Каролина сама следила, чтобы отец всегда был безукоризненно одет, а его форейтор и кучер выглядели так, как подобает генеральской прислуге. Каждый год в начале зимы Каролина дарила кучеру или новый длинный голубой кафтан (под него он поддевал теплую овчину), или красную, стёганную бархатом шапку. То же самое всегда доставалось и форейтору. Сами дочери Бетанкура ходили зимой в шалях и коротких жакетах, отороченных мехом.

Любимым зимним развлечением молодых петербуржцев того времени было катание с ледяных гор. Особенно любили это сын Бетанкура Альфонсо и младшая дочь Матильда. Гора представляла собой четырехугольную деревянную башню двадцатиметровой высоты с небольшой площадкой на самой вершине, подняться на которую можно было только по тщательно очищенным от наледи ступенькам. С противоположной стороны от лестницы располагался наклонный ледяной спуск: по нему на специальных, низких санях с огромной скоростью мчались вниз. Если Матильда и Альфонсо попадали на ледяную горку, то оттащить их от неё было невозможно. Все ждали, когда стемнеет и билеты на горку перестанут продавать.

Матильде было без малого семнадцать лет, а Каролине шёл уже двадцать шестой, и на неё давно заглядывались женихи. Но ей никто не нравился. Из мужчин она любила только своего отца и хотела, чтобы её будущий муж походил хоть чуточку на него, но среди её окружения такого человека не было. Однако Бог услышал её молитвы, и в конце января 1818 года в Петербург приехал инженер Хоакин Эспехо. С понижением в чине он перевёлся из Испании в Россию и был зачислен в Корпус инженеров путей сообщения с прикомандированием к инспектору Института генерал-лейтенанту Бетанкуру для дальнейших работ по устройству ярмарки в Нижнем Новгороде. Молодой человек Каролине понравился сразу. В нём было скрытое благородство, но самое важное — он боготворил своего покровителя генерал-лейтенанта Бетанкура. Эта черта, по мнению Каролины, была самой значимой для её будущего мужа — своего отца она просто обожала. Не могло быть и речи, чтобы кто-то из её близких

знакомых мог относиться к её отцу как-то иначе.

ВМЕСТО БАЛА ФИЛАРМОНИЯ

В тот день, когда Эспехо впервые появился в Юсуповском дворце, в семье Бетанкура произошло небольшое замешательство. Все особы женского пола одновременно вспомнили, что забыли приобрести билеты на бал-маскарад на Большой Морской улице. Срочно послали за билетами, но оказалось, что они уже давно распроданы. Младшая дочь Бетанкура Матильда так расстроилась, что не смогла сдержать слёз. Анна Джордейн обратилась с просьбой к директору Института Корпуса инженеров путей сообщения господину Сеноверу — он в Петербурге мог достать всё. И не ошиблась. На следующий день четыре билета по пять рублей за штуку лежали на рабочем столе Бетанкура. Но радость оказалась преждевременной.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Александр I высочайшим указом, по случаю кончины Его Величества короля Швеции и Норвегии Карла XIII, соизволил наложить при Высочайшем дворе траур на шесть недель. Чтобы не расстраивать дочерей и жену, Бетанкур решил вместо бала-маскарада отправиться в филармонический зал на большой вокальный и инструментальный концерт. В нём принимал участие слепой венгерский музыкант по фамилии Вейдингер, использующий никому не ведомый в Петербурге деревянный духовой инструмент в форме довольно большой палки, постепенно суживающейся к заострённому концу. Назывался этот музыкальный инструмент чакан, а изготовили его в Валахии. Об этом Бетанкуру поведал его ученик Алексей Фёдорович Львов, воспитанник последнего курса Института Корпуса инженеров путей сообщения, которого Августин Августович встретил в филармонии.

ВОСПИТАННИКИ БЕТАНКУРА ЛЬВОВ И СУТГОФ

Бетанкур давно знал, что кадет Львов увлекается музыкой, прекрасно играет на скрипке и слывет в институте ходячей музыкальной энциклопедией. В дальнейшем этот молодой человек войдёт в русскую историю как автор российского гимна с 1833 по 1917 год. «Боже, царя храни!», написанного на слова Василия Жуковского при участии Александра Пушкина.

После нескольких лет работы инженером путей сообщения в аракчеевских поселениях Львов возглавит один из лучших струнных квартетов России. С 1837 по 1861 год будет директором Придворной певческой капеллы, пригласит на должность капельмейстера Михаила Ивановича Глинку, первого русского оперного композитора и одного из основоположников русской классической музыки. Занимая видное административное положение при дворе Николая I, Львов полагал, что ему неприлично выступать с музыкальными концертами перед публикой. Однако он охотно музицировал в салонах и на благотворительных вечерах.

Очень скоро в высшем свете он станет известен как музыкант-виртуоз. Во время путешествий за границей он позволит себе выступать перед широкой аудиторией. В Европе у него завяжутся дружеские отношения с Феликсом Мендельсоном, Гаспаре Спонтини, Джакомо Мейербером и Робертом Шуманом. Они очень высоко оценят музыкальное мастерство русского друга. Свои теоретические мысли о скрипичной музыке Львов изложит в книге (к ней будет приложено «24 каприса»).

Вместе со Львовым в филармонии был и его лучший друг, также воспитанник Бетанкура, Александр Николаевич Сутгоф, восемнадцатилетний кадет, в дальнейшем генерал от инфантерии, директор Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, член Военного совета и инспектор военно-учебных заведений. Будучи много лет руководителем Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, Сутгоф, помимо основных военных и образовательных предметов, прививал молодым людям любовь к музыке. Он всячески поощрял юнкеров за посещение капеллы и филармонии, а также старался по мере сил и возможностей приглашать лучшие музыкальные коллективы во вверенное ему учебное заведение. И кто знает, может быть, это оказало определённое влияние на выпускника Школы гвардейских подпрапорщиков 1856 года Модеста

Петровича Мусоргского, впоследствии великого русского композитора, автора опер «Борис Годунов», «Хованщина» и цикла пьес для фортепьяно «Картинки с выставки».

НОВЫЙ НАПЛАВНОЙ ИСААКИЕВСКИЙ МОСТ

В марте 1818 года ректор Императорской академии художеств, статский советник Мартос, *«в воздание за труды, понесённые при успешном сооружении памятника гражданину Минину и князю Пожарскому,всемилостивейше пожалован в действительные статские советники с повелением выплачивать ему из суммы государственного казначейства пенсион в четыре тысячи рублей ежегодно, распространяя производства сего пенсиона по смерти и на его жену».*

Узнав об этой новости, Бетанкур тут же отправился в Академию художеств, чтобы поздравить друга. Путь его лежал по накатанному насту замёрзшей реки, но лёд в середине марта оказался не так крепок. Перед экипажем Бетанкура ехали сани с деревянным кузовком, обтянутым шпоном красного дерева. Неожиданно лёд затрещал, и одна из лошадей, испугавшись, оборвала постромки. Затем резко подалась вперёд и тут же провалилась под лёд, увлекая за собой повозку. Седокам чудом удалось выпрыгнуть из саней. Одноместный экипаж Бетанкура также чуть не попал в полынью, но, объехав её, продолжил путь с большой осторожностью: лёд прогибался под санями. То и дело раздавался хоть и не сильный, но всё же угрожающий треск.

На следующий день, придя в Комитет для строений и гидравлических работ, Бетанкур тут же приказал подчинённым написать обоснования по постройке нового наплавного Исаакиевского моста. Он, после недолгих согласований, был заложен в 1819 году и открыт 1821 году. Мост был полностью спроектирован и построен под руководством Бетанкура. Просуществовал он до апреля 1916 года, пока не сгорел от случайной искры, попавшей на него с проходящего по Неве буксира. Мост был построен так, чтобы со строительной площадки Исаакиевского собора Бетанкур мог попадать прямо в Императорскую академию художеств и, больше не рискуя жизнью, посещать своего друга Мартоса.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

В 1818 году имя Бетанкура постоянно мелькало на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» в разделе «Казённые известия»:

«Генерал-лейтенант Бетанкур вызывает желающих принять на себя в сём году нижеследующие работы: 1-е, береговую отделку из гранитного камня близ Исаакиевского моста; 2-е, каменную мостовую на Дворцовой площади; третий окончательный торг имеет быть 14-го числа сего февраля месяца. Торг производиться будет в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, что у Обухова моста, от 11 до 2 часов пополудни».

Подобные сообщения говорят о том, что Бетанкур не разделял свою работу руководителя Института Корпуса инженеров путей сообщения и председателя Комитета для строений и гидравлических работ. И хотя формально это были два разных государственных учреждения, для Бетанкура они составляли единое целое.

ТУРЕЦКОЕ МЫЛО

В апреле 1818 года Петербург неожиданно заговорил о смерти Наполеона. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» промелькнуло сообщение, что, по недостоверным источникам, на острове Святой Елены скоропостижно скончался бывший император Франции. Однако редакция снимала с себя все ручательства за достоверность предоставленной информации. Вскоре последовало опровержение, и весь Петербург переключился на разговоры о турецком мыле, прошедшем апробацию в медицинском совете при Министерстве духовных дел и народного просвещения. Мыло якобы не только омолаживало кожу, но и излечивало от всех наружных болезней, будь то прыщи или тяжёлые нарывы. Главное, что в новинке заинтересовало Анну Джордейн и её старших дочерей, — гарантия восстановления волосяного покрова на голове у мужчин старше пятидесяти лет. Увлекались мылом в Петербурге около двух лет, пока окончательно не разобрались, что к чему. А мадам Анна де Шарио, получившая эксклюзивное право и одобрение правительства на распространение мыла в Петербурге, а затем и по всей России, успела нажить очень приличный капитал.

На протяжении нескольких недель Анна Джордейн заставляла мужа мыть голову этим мылом; оно стоило очень больших денег и в Петербурге продавалось только в одном месте — в магазине дома Буланта, около площади у Зимнего дворца. Волосы у Бетанкура так и не выросли, а вот дом Буланта по распоряжению председателя Комитета для строений и гидравлических работ должны были снести, но он чудом уцелел. Позднее там располагалась мастерская английского художника Джорджа Доу, создателя знаменитой портретной галереи героев 1812 года Зимнего дворца.

РАБОТА ПОД РУКОВОДСТВОМ БЕТАНКУРА

В 1818 году по распоряжению Бетанкура Карло Росси начал перепланировку Царицына луга (Марсова поля). Бетанкур предложил Росси перенести с Царицына луга памятник Суворову (скульптор Михаил Козловский) на предмостовую часть площади, а Румянцевский обелиск — на площадь между Академией художеств и Кадетским корпусом. Таким образом Бетанкур композиционно связал плашкоутным мостом две площади — Петровскую и вновь возникшую Румянцевскую.

Немногим ранее архитектор Василий Петрович Стасов получил от Бетанкура разрешение на проектирование казарм лейб-гвардии Павловского полка с условием, чтобы они ни в коем случае не были унылыми и однообразными, как обычно строились подобные сооружения во всех столицах мира. Главный фасад здания, длиной сто пятьдесят пять метров, выходящий на Марсово поле, был изящно акцентирован тремя дорическими портиками. Казармы возводились на месте ломбарда, построенного в 1770-х годах по проекту архитектора Юрия Фельтена (Georg Friedrich Veldten), и примыкавших к нему домов князя Грузинского и князя Разумовского. Ещё в самом начале XIX века архитектор Луиджи Руска разработал проект перестройки ломбарда и смежных зданий. Василий Стасов по указанию Бетанкура учёл идеи того проекта. От бывшего ломбарда архитектор сохранил аркаду первого этажа. Через несколько недель после начала строительства Бетанкур, проезжая по набережной реки Мойки, чуть не попал под «артобстрел», учинённый офицерами лейб-гвардии Павловского полка, — для них его подчинённый архитектор Стасов и возводил новые казармы.

ХУЛИГАНСТВО ГВАРДЕЙСКИХ ОФИЦЕРОВ

Молодые люди, держа в руках бокалы и бутылки с шампанским, выкатили откуда-то маленькую пушку и, зарядив её, начали прицельно стрелять картечью по бегающим по тротуару крысам. Ноги лошадей, запряжённых в кабриолет Бетанкура, чудом не попали под каскад чугунных сферических пулек. «Россия — удивительная страна, — подумал Бетанкур, — в ней всё запрещено, но всё дозволено». На хулиганство гвардейских офицеров пожаловаться было некому — весь 1818 год Александр I в Петербурге отсутствовал, путешествуя по Российской империи.

РУССКИЙ НАРОД

Сначала император побывал в Полтаве и Харькове, затем отправился в Польшу. При въезде в Курск Александр I был неприятно поражён: огромная толпа народа прямо на центральной улице ждала его, стоя на коленях, и каждый из присутствующих протягивал ему прошение.

Для Бетанкура это была уже знакомая картина. Он не раз, особенно в Нижнем Новгороде, видел, как несчастные люди ещё за двадцать метров до него падали на колени, а затем ползли с каким-нибудь прошением, чтобы он передал его царю.

ВЕСНА НА ВОЛГЕ

Весной 1818 года Бетанкуру была предоставлена первая часть суммы на строительство Нижегородской ярмарки — царь специально выделил её из средств, первоначально предназначенных на ремонт Зимнего дворца. Александр I посчитал, что строительство ярмарки более важная государственная задача, чем реставрация царской резиденции. Из двух миллионов рублей, выделенных для этой цели, полтора были переведены на нужды ярмарки.

В марте 1818 года Бетанкур отправился в Нижний Новгород, чтобы наблюдать весенний паводок Оки и Волги, провести инженерные изыскания и определить риски возможных повреждений будущих ярмарочных строений. Бетанкур смотрел, как огромные льдины плыли по реке, и, стоя на пологом берегу, чувствовал, как от них веяло приятной свежестью.

22 мая он послал в Петербург письмо следующего содержания: *«По открытии из-под воды площади, на коей предположено устроение новой ярмарки, приступил я к назначению мест под все строения и к возвышению сего местоположения выше весенней прибыли воды».*

Однако после бесед с местными жителями и купцами Бетанкур пришёл к выводу, что паводок 1818 года совсем не показателен. Иногда Волга разливалась так, что обязательно должна была смыть все будущие строения. Бетанкур долго думал, как поступить. Строительный план был уже утверждён на высочайшем уровне. Но принимать его в таком виде было нельзя. Генерал-лейтенант, взяв на себя всю ответственность, приказал внести изменения, оказавшиеся весьма значительными. *«Перенёс я всё ближе к Кунавинской слободе, где поверхность земли гораздо возвышается»,* — написал он в Петербург в донесении, при этом умолчав, что существенным образом были ущемлены права частных землевладельцев: княгинь В.А. Шаховской и А.А. Голицыной, а также барона А.С. Строганова и столбовых дворян Всеволожских и Лазоревских.

Эти семьи имели значительное влияние в губернии и не хотели отдавать свою собственность за бесценок, даже и в государственную казну. Каждый из землевладельцев предъявил Бетанкуру денежные претензии, что значительно увеличивало и без того высокую стоимость ярмарки. Деньги же на такие непредвиденные расходы в бюджет строительства заложены не были. Однако, не считаясь с реальностью, Бетанкур на свой страх и риск, ещё до финансовых выплат, стал проводить геодезические

изыскания на новой территории и вместе с помощниками производить разметку каждого ярмарочного здания. Было *«при сём признано нужным обширные её площади несколько возвысить и уровнять, провести каналы, устроить слюзы»*.

На всё это понадобились дополнительные средства к тем полутора миллионам рублей, которые казна и так обязалась отпускать Бетанкуру каждый год. По замыслу испанца ярмарочный комплекс должен был представлять собой сорок восемь приблизительно одинаковых двухэтажных корпусов, на их первых этажах располагались бы торговые лавки, а на вторых — жилые помещения для арендаторов.

По заданию Бетанкура Монферран разработал проект административного здания с повышенной на этаж средней частью и двумя главными фасадами: один из них выходил на главную торговую площадь, а другой открывал перспективу главной улицы ярмарки — бульвара. В здании был предусмотрен двусветный колонный зал площадью триста пятьдесят квадратных метров для биржевых собраний купечества. В ходе работ к главному административному корпусу Монферран предложил пристроить ещё два административных здания с внутренними дворами. Первые этажи в них предназначались для почтовой конторы, маклеров, больницы, аптеки, кухни, нижних полицейских чинов и солдатской гауптвахты.

КИТАЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ РЯДЫ

Монферран создавал проект Нижегородской ярмарки так, чтобы перед административными зданиями находилась главная площадь, где происходили бы все самые значительные события ярмарки, например её открытие и закрытие. Каждый торговый корпус должен был состоять из двух рядов лавок, разделённых, в целях противопожарной безопасности, кирпичными стенами и объединённых по периметру навесами, поддерживаемыми стройными колоннами, отлитыми из чугуна. В конце запланированных сорока восьми торговых корпусов Монферран спроектировал ещё четыре поперечных корпуса Китайских рядов: каждый из них имел три башни, напоминающие пагоды, с декоративными фигурами китайцев, чинно восседающих на углах кровли нижнего яруса. По поручению Бетанкура это задание по рисункам Монферрана выполнил петербургский скульптор Павел Петрович Соколов.

ЗАКЛАДКА СПАССКОГО СОБОРА

Параллельно с Китайскими рядами Монферран приступил к проектированию Спасского собора — одного из самых значительных произведений эпохи классицизма в России. Из нескольких предложенных архитектором вариантов комиссия остановилась на самом простом — в основе его лежал греческий крест. Храм представлял собой пятиглавое сооружение в традиционном русском культовом стиле. По своим размерам собор был не столь велик, как Исаакиевский, но он так великолепно впишется в приволжский ландшафт, что будет производить на путешественников впечатление очень монументального сооружения.

Для того чтобы построить торговые ряды и расчистить площадку для собора, людям Бетанкура пришлось проделать огромную подготовительную работу: выровнять территорию, насыпать грунт, прорыть каналы и котлованы, забить изрядное количество деревянных свай… 1 августа 1818 года произошла официальная закладка храма, после чего приступили *«к каменной работе в фундаменте»*. Основной материал — камень — для Нижегородской ярмарки поставляли из двух каменоломен на берегах Оки и Волги. Известь добывали в *«двадцати верстах от работ на берегу Оки»*. По приказу Бетанкура в 1818 году построили два кирпичных завода; в каждом было по восемь печей. Таким образом, уже в 1818 году, наряду с закладкой храма, рабочие приступили к строительству главного административного корпуса и подсобных помещений.

НИЖЕГОРОДСКИЕ КУПЦЫ

Ещё в конце апреля 1818 года Бетанкур встретился в Нижнем Новгороде с местными купцами и был чрезвычайно удивлен. Он ожидал увидеть бородатых мужиков с мозолистыми руками, а встретил не только таких, но и других — внешний вид их говорил о том, что они умеют наслаждаться жизнью. Некоторые были причесаны по последней французской моде и одеты в дорогие костюмы a la mode de Paris. На одном было даже чёрное испанское платье с бархатным воротником и кружевами. Дети их были одеты как маленькие европейские крестьяне: мальчики — в клетчатые курточки и штанишки, девочки — в цветные платья с широкими белыми рукавами. Купцы произвели на Бетанкура хорошее впечатление, но потом он не раз видел, как эти же самые русские люди, гуляя по Нижнему Новгороду, безудержно напаивали дорогим французским шампанским лошадей и щедро одаривали деньгами официантов, запихивая им купюры прямо в рот.

ВОСПИТАННИК ЯЗЫКОВ

В начале марта 1818 года упал с лошади и сильно разбился воспитанник Павел Александрович Языков. Бетанкур сразу же приказал поместить молодого человека в больницу и оказать лучшие медицинские услуги за счёт Института Корпуса инженеров путей сообщения. Однако денег на полный курс лечения не хватило, и Бетанкур покрыл недостаток из своих личных средств. К каждому воспитаннику института он относился как к родному сыну. А тем более когда речь шла о Павле Александровиче — любимце всего последнего курса. Юноша быстро шёл на поправку. Ещё лёжа на больничной койке, по распоряжению Бетанкура он получал всю требуемую для занятий учебную литературу.

Когда же Павел Александрович Языков покинул больницу, он почти не отстал от своих сокурсников и к лету 1818 года вместе со всеми успешно сдал экзамены и был выпущен из Института Корпуса инженеров путей сообщения. Он даже одним из первых получил в подарок новое литографическое издание курса «Начальные основания дифференциального исчисления», составленное Петром Петровичем Базеном и впоследствии переведённое с французского на русский капитаном Валерианом Емельяновичем Галяминым.

Письмо, полученное в Нижнем Новгороде Бетанкуром от директора института Сеновера, очень обрадовало его. В нём, кроме текущих институтских дел, старый француз сообщал и об успехах Языкова (о его здоровье в своих письмах в Петербург Бетанкур не раз справлялся).

Впоследствии Павел Александрович Языков стал директором Императорского стеклянного завода, а позже директором зеркального, шпалерного и фарфорового заводов. Но самое главное — он был одним из основоположников мозаичного завода, который 1 ноября 1851 года своим указом создал Николай I. Русский царь подписал положение об утверждении Императорского мозаичного заведения. Оно разделялось на художественное отделение под управлением вице-президента Академии художеств Фёдора Петровича Толстого и техническое, переведённое на Императорский стеклянный завод, — его и возглавил Павел Александрович Языков.

С мозаикой Россия была знакома давно. Ещё в VIII—IX веках в Киевской Руси этот вид прикладного искусства достиг небывалых высот и одно время служил образцом для Византии и Запада. Однако со временем навыки мозаичной техники были утрачены, и

возродил их только в XVIII веке Михаил Ломоносов — его по праву называют «изобретателем мозаики в Российской империи». Именно он придумал ускоренный способ набора мозаики и усовершенствовал технику, освободив мозаичное искусство от застывших форм. В его мастерских изготавливались образцы смальты, имеющие множество оттенков по яркости и насыщенности. Ломоносов выработал новый, неповторимый русский мозаичный стиль. Одним из шедевров Ломоносова является мозаичное панно, запечатлевшее Петра I во время Полтавской битвы. Но после смерти великого мастера интерес к мозаичным произведениям угас. Возродился он в России благодаря строительству Исаакиевского собора.

Во время посещения Рима в 1842 году Монферрану пришла в голову идея заменить живописные образы в Исаакиевском соборе на мозаичные, более прочные. В 1847 году первая группа русских художников-мозаистов отправилась в Рим постигать мастерство, а затем, в начале 50-х годов XIX века, под руководством Языкова на Императорском мозаичном заводе были опробованы новые технологии и оборудована специальная мастерская шлифовки золочёных смальт для мозаичных образов в Исаакиевском соборе.

На заводе занимались также производством цветного стекла и обработкой эмали. Руководил всеми этими процессами ученик Бетанкура Павел Александрович Языков, выпускник 1818 года.

ИСПАНСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ

Царь разрешил Бетанкуру принимать на работу любого иностранного специалиста, если генерал-лейтенант сочтёт, что это нужно для дела. Как уже говорилось, в январе 1818 года в Россию прибыл штабс-капитан Хоакин Эспехо, зачисленный на русскую службу в чине поручика по Корпусу инженеров путей сообщения, с прикомандированием к инспектору института генерал-лейтенанту Бетанкуру для работ по устройству ярмарки в Нижнем Новгороде. Кроме Хоакина Эспехо, в Нижний Новгород прибыл и другой испанский инженер — подполковник Рафаэль Бауса, выпускник Мадридской школы дорог и каналов, — из-за него когда-то Бетанкур поссорился со всемогущим испанским временщиком Годоем.

Рафаэль Бауса стал главным разработчиком гидротехнических проектов, таких как тридцатикилометровый Пырский канал, а также сооружений для подвоза товаров в центральную часть Нижегородской ярмарки и отводов — подземных сводчатых галерей.

САДОВНИК

Для защиты ярмарочных строений от весенних паводков, заливавших всю территорию стрелки, было возведено искусственное основание высотой три с половиной метра. По широте замысла и планировочному масштабу такая гидротехническая система была соизмерима лишь с подобными сооружениями в загородных царских резиденциях в Петергофе и Царском Селе.

По замыслу Бетанкура на Нижегородской ярмарке впервые при строительстве таких объектов в России были устроены санитарно-технические помещения — построена первая в России подземная сводчатая канализация. Подобное в то время было лишь в Москве, где в 1816—1829 годах провели водоотводные подземные каналы для подачи чистой воды в город.

Чтобы ближайшим сотрудникам Бетанкура было удобно и нескучно жить в городе, по его проекту в 1818 году в Нижнем Новгороде быстро построили двухэтажный так называемый «инженерный дом». Сам же генерал-лейтенант летом жил в собственной усадьбе — он приобрёл её в самом начале строительства. Чаще и дольше остальных здесь обычно жили его старшая дочь Каролина и сын Альфонсо.

Бетанкур дал объявление в газету, что ему требуется садовник со знанием французского, английского или испанского языка. Тут же нашёлся один бывший французский военнопленный из Нанси, за умеренную плату согласившийся ухаживать за садом. Но уже через две недели стало ясно, что этот милый пожилой француз ничего в садово-парковом хозяйстве не смыслит. Августин Августович хотел было выставить афериста за дверь, но за него вступился Альфонсо — поджарый, веселый француз ему очень понравился. Пришлось нанять ещё одного садовника, правда, без знания иностранных языков, а француза сделать его помощником.

Однако к осени лжесадовника всё равно пришлось выгнать. Случилось это так. Рафаль Бауса сообщил Бетанкуру, что на ярмарке ящиками продаётся мадера по двести двадцать пять рублей. В каждом ящике сто бутылок.

— Значит, одна бутылка стоит два рубля двадцать пять копеек, — быстро сосчитал Бетанкур и тут же добавил: — Будем брать.

— Сколько? — засуетился Бауса.

— Три ящика, — скомандовал Бетанкур.

Каково же было удивление испанцев, когда к 20 августа, дню

закладки Спасского собора, в ящиках не осталось ни одной бутылки. Так быстро и так много португальского портвейна строители ярмарки выпить явно не могли. Подозрение тут же пало на бедного француза: он сам выпил немало бутылок, а остальные, наверное, продал или раздарил друзьям или подругам.

Подробности инцидента история умалчивает, однако потом этого француза не раз видели в Нижнем Новгороде и Ярославле, где он выдавал себя за чудом выжившего сына Людовика XVI — дофина Людовика Карла. На вопрос, что он делал во время французской революции, тот спокойно отвечал: «Жил в Америке, рубил дрова, валил лес, ломал каменный уголь и торговал хлебом». В Америке он никому не открывал истинного своего происхождения. Открылся же он только одному человеку — генерал-лейтенанту Бетанкуру, и тот со страху выгнал его со службы. Потом француз рассказывал простым, неграмотным, необразованным людям, что испанцы пожирают маленьких детей, а Бетанкур среди них — самый главный людоед.

Как ни странно, но этот слух очень быстро распространился по всему Нижнему Новгороду, где проживало восемнадцать тысяч человек, и его окрестностям. Крестьяне смотрели на Бетанкура как на зачумлённого, а он никак не мог понять, что происходит.

Когда он въезжал в открытом экипаже в какую-либо деревню в пойме реки, крестьяне тут же во всех домах прятали детей. А когда подполковник Бауса спросил у одной крестьянки, если ли у неё дети, то привёл бедную женщину в ужас. Баба бросилась в ноги Бетанкуру и стала умолять вместо ребёнка взять телёнка или нескольких поросят. Позднее Бетанкур узнал, откуда дует ветер. Нелепые бредни пленного француза нашли благодатную почву.

Несколько месяцев назад Бетанкур приступил к выравниванию строительных площадок, не заключив договора о покупке земель у владельцев. Суммы, которые хотели получить хозяева участков, никак не устраивали чиновников, поэтому торги в 1817 и 1818 годов зашли в тупик. К тому же сначала Бетанкур планировал купить только сорок одну десятину, и на это было выделено 1500 рублей. Однако земли принадлежали церкви в лице архиерейского дома Печёрского монастыря и Успенской посадской церкви, а они за свою собственность потребовали 9118 рублей 60 копеек. Они же поддержали и вымыслы пленного француза, почему нелепые слухи так быстро распространились и дошли до каждой крестьянской семьи.

После происшествия Бетанкур быстро выплатил церковнослужителям причитающую сумму, и инцидент был

исчерпан. Крестьяне, как по волшебству, тут же перестали бояться испанцев и прятать от них детей.

НАПЛАВНАЯ ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ОКУ

Кроме возведения многочисленных зданий, на Нижегородской ярмарке под руководством Бетанкура строились и инженерные сооружения — каналы и целая система мостов. Наибольший интерес вызывала наплавная переправа через Оку, длина её равнялась пятистам десяти метрам. Она стала самым длинным мостом в России того времени.

ТОРГОВЛЯ

На ярмарке, где ещё только должны были возводиться китайские павильоны, с начала июля уже шла бойкая торговля чаем: ящики и цибики громоздились вдоль торговых рядов, обтянутых рогожей. Купцы и приказчики подходили и пробовали товар. Например, некоторые пробуравливали совком первый попавшийся цибик, а затем клали в небольшой чайничек щепотку чая и заваривали его. Через пять минут стоимость цибика была определена.

Большой интерес у купцов вызывали и торговцы мехами. На досках лежали шкуры лосей, оленей, белых волков, светлых и дождливый июль

чёрных лисиц, бобров, песцов, и всё это покрывали ценнейшие соболя. Бесконечные аршины кусков превращались в курганы мехов — выбрать из них подходящий непосвящённому человеку было просто немыслимо. На стенах достроенных павильонов висели еноты, выхухоли, ильки, норки, куницы и горностаи. Многие торговцы считали для себя большой честью поднести дорогой подарок начальнику строительства, но Бетанкур от подношений всегда отказывался.

БОРЬБА ЗА ТРЕЗВОСТЬ

Почти каждую неделю на ярмарке случались пожары. Но пожарные команды, организованные по распоряжению Бетанкура, с огнём успешно справлялись. Хуже дела обстояли с питейными заведениями. Бетанкур запретил продавать рабочим водку, пиво и мёд выше установленных цен, а также приказал зорко следить, чтобы напитки не содержали вредных примесей, — это могло скверно отразиться на здоровье рабочих, а значит, и на качестве вверенного ему строительства.

Бетанкур сначала никак не мог понять, почему русские мужики так любят Божественную Литургию, особенно её окончание, но потом ему объяснили, что только после завершения этой церковной службы питейные заведения в России имели право начать розничную торговлю водкой.

ДОЖДЛИВЫЙ ИЮЛЬ

В 1818 году Бетанкуру исполнилось шестьдесят лет, однако он оставался таким же, как и раньше, — подвижным, как ртуть. Каждый день он пропадал на строительной площадке Нижегородской ярмарки. Даже в начале июля, когда три дня подряд шли проливные дожди, он продолжал руководить строительством.

Рухляки, из которых состояли Нижегородские горы, стали причиной многочисленных оползней. Под них-то во время одной из утренних поездок и попал экипаж Бетанкура. Генерал-лейтенанту пришлось выйти из коляски (она увязла чуть ли не на полколеса в светлой извести, перемешанной с глиной) и пройти несколько сот метров пешком, утопая в грязи.

На следующий день после поездки он почувствовал боль в ногах. Пришедший врач, внимательно осмотрев его, поставил диагноз: поражение околосуставных мягких тканей. Несколько дней дождливого июля 1818 года Бетанкур провёл в постели. Лечили его чернослив. А Каролина каждый день читала ему книгу Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Труд шотландского автора на протяжении нескольких десятилетий был запрещён в Испании инквизицией, и не один десяток профессоров как в Мадриде, так и во многих провинциях королевства подверглись суровому наказанию за его изучение. Бетанкур давно собирался познакомиться с этим трактатом, но в России у него катастрофически не хватало времени. Помог несчастный случай — внезапная болезнь.

Книгу эту Каролине для Бетанкура передал Хоакин Эспехо, потихоньку начавший ухаживать за дочерью начальника. Каролине тоже нравился скромный и уравновешенный испанец, страстный поклонник её отца, подолгу беседовавший с ним на любые темы. По нескольку часов в день они обсуждали экономическую теорию Адама Смита, утверждавшего, что именно стремление предпринимателя к достижению своих частных интересов является главной движущей силой экономического развития.

Бетанкур был с этим полностью согласен: он считал, что, увеличивая благосостояние каждого человека в отдельности, общество становится богаче в целом. А чтобы достичь этого, необходимо гарантировать основные экономические свободы: свободу выбора сферы деятельности, свободу конкуренции и свободу торговли. К тому же рост общественного разделения труда требовал новых подходов к экономическому развитию

любой страны.

Однако две страны — Испания и Россия — жили словно с закрытыми глазами и не хотели замечать очевидных фактов. Поэтому экономическая ситуация в обеих была во многом схожей и напоминала знаменитую картину Франсиско Гойи, написанную в 1791 году, — «Игра в жмурки». Дело в том, что как в России, так и в Испании теория Адама Смита вступала в противоречие с господствовавшими представлениями и традициями: основным источником дохода были не производительные силы и производственные отношения, а земля и природные ресурсы.

Бетанкур же видел будущую мощь России в том, что она через несколько десятилетий станет главным транспортным мостом между Европой и Азией, а Нижегородская ярмарка — ключевым звеном этой торговой системы. По мнению Бетанкура, крепостное право в России давно себя изжило и тормозило как производственные, так и торговые отношения, а в недалёком будущем могло вообще оставить страну аутсайдером мирового экономического развития. Книга Адама Смита только подтверждала идеи Бетанкура.

Хоакин Эспехо полностью соглашался со своим шефом и даже по некоторым вопросам высказывался значительно радикальнее самого Бетанкура. Каролине очень нравилось, когда отец и её будущий жених вели дискуссии на экономические темы. Обычно она никогда не перебивала их, хотя по многим вопросам имела и своё собственное суждение. Она также прочитала несколько глав из книги «Исследование о природе и причинах богатства народов» и самые интересные места переписала в дневник.

Бетанкур поправился достаточно быстро и уже через четыре дня был на ногах.

НОВАЯ ТЕМА

За работой лето 1818 года промелькнуло незаметно. В конце сентября все снова оказались в Петербурге, где Бетанкур от директора Института Корпуса инженеров путей сообщения Сеновера узнал, что 28 июля в Париже на семьдесят втором году жизни скончался их общий учитель французский математик Гаспар Монж.

С октября Бетанкур начал преподавательскую работу в институте. Среди студентов стали модными разговоры о том, что в мире скоро появятся паровые плуги и телеги. Крестьянам в поле делать будет нечего, и крепостное право отомрёт само собой, так как помещики в большинстве своём разорятся.

— Августин Августович, — обращались воспитанники к учителю, — вы верите в то, что в России скоро появятся самокатные паровые машины?

— Конечно, — отвечал Бетанкур.

— Но ведь у нас нет дорог, — говорили кадеты.

— Построим.

— А что будет с лошадьми? Ведь без лошадей никак нельзя!

— Их заменят паровые кареты, но это произойдет в России ещё не скоро.

— А почему?

— Потому что сначала такие кареты появятся в Англии, затем во Франции и Германии, а уж затем у нас.

— А почему мы не можем быть первыми? — спрашивали воспитанники.

— Дени Дидро сказал, и я с ним полностью согласен, — продолжал Бетанкур, — что технология в стране зависит от культурного развития общества. Не может в отсталом обществе быть высокая технология. А в России ещё очень много не только пережитков прошлого, но и просто бытового или религиозного суеверия. Народ верит в колдунов и леших. В этом году под Нижним Новгородом я столкнулся с тем, что люди поверили, будто испанцы повсеместно пожирают маленьких детей. И всё это происходит — подумать страшно! — в 1818 году. Это нужно в русском народе искоренять.

— А как?

— Способ только один — образование и воспитание. Только так из суеверного народа можно сделать просвещённую нацию. И вы мне в этом поможете. Тогда уже через несколько десятилетий у каждого будут паровые самоходные кареты. Да что кареты — мы заставим с помощью пара эти кареты летать по воздуху! —

воскликнул Бетанкур.

— Вы в этом уверены? — восхитился один из кадетов смелостью преподавателя. — А лошади тоже будут вместе с каретами летать по воздуху?

— Но с лошадьми-то зачем? — перебили его сокурсники. — Лошади никому не нужны будут.

— Трудно в это поверить! — не соглашался кадет, портупей-прапорщик 2-го класса.

— А зря, — закончил дебаты с воспитанниками Августин Августович. — Для этого в мире уже созданы все предпосылки. Даже в России скоро произойдут большие изменения.

Бетанкур уже знал, что Александр I поручил Аракчееву и адмиралу Мордвинову составить проект освобождения крестьян от крепостной зависимости. Согласно этому плану уничтожение крепостного состояния должно было осуществляться посредством покупки государством помещичьих крестьян и дворовых людей. На эти цели ежегодно планировалось выделять 5 миллионов рублей, и процесс должен был осуществляться поэтапно. При этом помещики, по мнению царя, могли получить двойную выгоду: во-первых, у них появлялся наличный капитал для развития новых хозяйственных отношений; во-вторых, они избавлялись от долгов, а ими было обременено подавляющее большинство русских землевладельцев.

Единственное, что беспокоило Бетанкура: останется ли прежним при таком политическом раскладе финансирование Нижегородской торговой ярмарки? Поговаривали, что из-за выкупа крестьян у помещиков могут быть заморожены и некоторые строительные объекты, в том числе Нижегородская ярмарка и Исаакиевский собор.

СМЕРТЬ ДЕ ВОЛЛАНА

30 ноября 1818 года после продолжительной болезни на шестьдесят седьмом году жизни скончался главный директор путей сообщения Российской империи *«почтенный, благородный де Воллан»*. Комиссия совета управления, разбирая бумаги, в дневнике усопшего нашла следующую запись: *«А меня, когда я умру, не на что будет и похоронить»*.

Сегодня в России трудно поверить, что это написал человек, через руки которого ежегодно проходили миллионы золотых рублей на строительство всех транспортных артерий Российского государства. Его супруга Мария Яковлевна де Воллан хоронила мужа на средства, взятые в долг у ведомства путей сообщения. Узнав об этом, Государь распорядился не взыскивать задолженность за похороны с вдовы генерала.

Из трёхсот бумаг, описанных в кабинете де Воллана, некоторые, в том числе проект по преобразованию ведомства путей сообщения и проект образования Экспедиции водных сообщений, попали на стол Бетанкура: его вместо де Воллана 12 апреля 1819 году именным указом Александра I назначили главным директором путей сообщения Российской империи. При этом у Бетанкура остались и все прежние должности — инспектора Института Корпуса инженеров путей сообщения, председателя Комитета для строений и гидравлических работ, члена Комиссии по строительству Исаакиевского собора, а также ответственного за ведение работ по созданию архитектурного ансамбля Нижегородской ярмарки.

У нового главы путейского ведомства появился и новый помощник — один из братьев Бестужевых, Александр Александрович, будущий декабрист, вошедший в русскую литературу под именем Бестужева-Марлинского. Впоследствии как писатель он будет в России какое-то время едва ли не популярнее самого Пушкина.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЖЕНИХ

Молодой человек, любимая фраза которого была «Без женщин не стоило бы жить на свете», тут же увлёкся дочерью Бетанкура Матильдой. Каждую неделю девушка получала от пылкого влюблённого как минимум два письма. Александр Александрович рассказывал ей обо всём. Матильда отвечала на письма редко, но всё-таки отвечала. Ей было приятно внимание обаятельного молодого человека с непонятными и таинственными литературными связями.

Бетанкур же относился к переписке неодобрительно. Ему не нравился «прохвост», воспитывавшийся в Горном кадетском корпусе и бесславно отчисленный оттуда за плохую успеваемость. Бетанкура не интересовало, что Бестужев в Горном корпусе написал и поставил для кукольного театра свою первую пьесу «Очарованный лес». После Горного корпуса Бестужев служил в лейб-гвардии Драгунском полку в Петергофе. Именно от знаменитого пруда Марли, где рыб для кормления созывали колокольчиком, и произошёл его литературный псевдоним — Марлинский.

Однако и в армии его карьера не сложилась. Всем женщинам Бестужев рассказывал одну и ту же историю о том, как его отец, военный артиллерист, в один из майских дней 1790 года в жестоком морском сражении со шведами у острова Сескар в Балтийском море был тяжело ранен. Вражеское ядро попало в борт корабля, и щепа раздробила отцу челюсть. После боя канониры, договорившись с капитаном не запаковывать бездыханное тело своего командира в рогожный куль, чтобы выбросить за борт, получили позволение довести его до берега и уже там предать земле по церковному обряду. Но по дороге Бестужев ожил. Его определили в одну семью, где несколько недель кормили через соломинку. Занимался этим сначала его денщик Фёдор, получивший за это вольную, а затем нарвская мещанка Прасковья Михайловна, ставшая матерью братьев Бестужевых. Александр уверял, что мать его была писаная красавица, — в неё просто не мог не влюбиться герой Русско-шведской войны.

Именно Бестужев рассказал Матильде историю про мадам Араужо, происшедшую в 1802 году. А заключалась она в следующем. Неожиданно во всех петербургских салонах того времени заговорили о новой красавице — жене состоятельного французского негоцианта месье Араужо, прибывшего в Россию для ведения торговых операций. Двадцатитрёхлетний великий

князь Константин Павлович, родной брат Александра I и прямой престолонаследник, увлёкся француженкой. Однако на все ухаживания великого князя надменная красавица отвечала холодным отказом. Константин Павлович упорно не снимал осаду несколько недель. Каждый день его адъютант отвозил мадам Араужо изысканный букет цветов с дорогим подарком. Но это не вызывало у француженки никаких ответных эмоций.

Двору было хорошо известно, что иногда великий князь терял самообладание, что приводило к взрывам ярости и безрассудной жестокости, напоминавшим всем повадки его безвременно почившего батюшки — русского царя Павла I. По негласным законам Российской империи любая верноподданная не только не могла отказать царю или великому князю в их «благосклонности», но вместе с родителями или мужем должна была считать её величайшим знаком внимания со стороны царской особы. Титул великого князя и наследника престола открывал все двери, и это знали даже самые строгие фрейлины при дворе Его Императорского Величества.

Однако француженка была из «свободной» Европы и не хотела понимать прелестей русской жизни. А напрасно! Флигель-адъютант великого князя генерал-лейтенант Баур придумал для своего патрона «хитроумный» план по завоеванию несговорчивой дамы. Было решено установить за ней слежку. Для этого подкупили несколько человек из прислуги и выяснили, что у молодой француженки есть любовник. В определенные дни утром она приезжала к своей подруге — молодой вдове баронессе Моренгейм, жившей на Невском проспекте в доме лютеранской Петропавловской церкви.

Здесь мадам Араужо отпускала свою карету, а через некоторое время за ней приезжал наёмный экипаж и увозил к любовнику. Возвращалась мадам Араужо к подруге только через несколько часов. Вечером, в определённое время, за ней снова приезжала карета. Француженка при всех трогательно прощалась с баронессой и отправлялась домой, где её ждал уставший после трудового дня муж, уверенный, что его благовоспитанная жена весь день провела в светских беседах с аристократической подругой.

Узнав о коварном поведении дамы сердца, Константин Павлович не на шутку разгневался. Француженка предпочла ему, великому князю, какого-то проходимца! Гнев его был ужасен, и прежде всего его ощутила великокняжеская прислуга. В одного рядом стоящего лакея, обутого в крепкие башмаки с серебряными пряжками, Константин Павлович запустил увесистым канделябром.

Однако генерал-лейтенант Баур нашёл выход. Он нанял точно такой же экипаж, какой заезжал к баронессе Моренгейм за мадам Араужо. 10 марта 1802 года крытая коляска подъехала в назначенное место и забрала француженку. Когда красавица поняла, что её везут не туда, было уже поздно. Экипаж пронёсся по Миллионной улице с бешеной скоростью и въехал во двор Мраморного дворца. Придворные лакеи вытащили сопротивляющуюся женщину из экипажа и на руках дотащили до апартаментов генерала Баура, где в одном из кресел у камина сидел, несмотря на ранний час, уже изрядно выпивший великий князь Константин Павлович. Он попытался овладеть госпожой Араужо, но та с силой оттолкнула его.

Когда же он предпринял вторую попытку, то француженка укусила князя. Закончилась потасовка тем, что бедную женщину в полуобморочном состоянии изнасиловали все: сначала великий князь, затем генерал Баур, а потом солдаты, стоящие на карауле, и лакеи. Прекратилась оргия только тогда, когда заметили, что женщина еле дышит и только иногда хрипит. Лакеи кое-как привели её в чувство и в той же коляске отправили к баронессе Моренгейм.

На следующий день к вечеру обесчещенная женщина скончалась. Слухи моментально поползли по столице, тем более что загадочная смерть и тайные похороны только усиливали подозрения. Не могли они миновать и ушей Александра I — после доклада министра он был крайне обескуражен поведением младшего брата. Требовалось срочно принять меры и наказать виновных. Но как это можно было сделать с прямым наследником российской короны? Огласка обязательно привела бы к политической нестабильности и отрицательно повлияла на имидж страны, а он и так был далёк от идеала в просвещённой Европе.

Александр I, очень любивший Константина, всё же был вынужден назначить комиссию и приступить к расследованию. Великий князь Константин был посажен под домашний арест, а всех остальных участников отправили в Петропавловскую крепость. Одновременно начались тайные переговоры с родственниками госпожи Араужо и её мужем, французским негоциантом. Господину объяснили, что покойную, которую он страстно любил, уже не воскресить. К тому же она была неверна супругу и постоянно ему изменяла. Приведённые доказательства полностью подтверждали верность представленной информации. Сумма, предложенная в качестве отступных семье потерпевшего, была тоже очень внушительной. Поразмыслив, французский негоциант согласился с предложением царского двора и уже через

несколько дней навсегда отбыл во Францию.

Открытого скандала удалось избежать. Но чтобы окончательно пресечь в столичном обществе нежелательные толки о личной жизни младшего брата, Александр I повелел 30 марта 1802 года напечатать особое объявление, из коего следовало, что преступление «оставлено в сомнении», а великий князь и наследник престола Константин Павлович никакого касательства к оному никогда не имел.

Вот какую историю со ссылкой на Бестужева дочь Бетанкура Матильда поведала всей семье за одним из воскресных чаепитий. Обычно Августин Августович, если был не согласен с собеседником, легко взрывался и тут же остывал, забывая о недавней вспышке. Но тут был особый случай. Выслушав рассказ дочери, Бетанкур на несколько секунд задумался, а потом только чуть возбуждённо сказал:

— Я эту историю слышал лет пятнадцать назад ещё в Мадриде. Только в ней под фамилией Араужо фигурировала не жена фран цузского торговца, а вдова португальского консула в Петербурге. Но не в этом суть! Ваш Александр Александрович — якобинец! Или глупец! При такой должности, как у него, нельзя рассказы вать такое о царской семье. — Бетанкур строго посмотрел на свою дочь и добавил: — О таких вещах может рассуждать только чернь! А моей дочери это не к лицу! Русский двор сделал для нас столько хорошего! Кто знает, что сегодня было бы с нами, останься мы в Мадриде!? А Константин Павлович — престолонаследник и, может, через несколько лет станет русским царём — помазанником Божьим, и нам всем будет за сегодняшний день очень стыдно.

Возбуждённая Матильда, без устали болтавшая за обеденным столом, вдруг поникла, покраснела от смущения и, полная чувства раскаяния от предосудительности поступка, расплакалась.

Августин Августович подошёл к дочери и нежно обнял её.

— Не плачь, девочка, — ласково сказал он. — Мы не имеем права обсуждать поступки царей. Мы имеем право только служить им! А твой Бестужев плохо кончит! И я прошу тебя, — тут Бетанкур пристально посмотрел в глаза дочери, — порвать с этим человеком навсегда всякие отношения.

Матильда, утирая слёзы, молча кивнула в ответ.

НОВОСТИ ИЗ МАДРИДА

В конце декабря 1818 года новостью для Санкт-Петербурга стало происшествие с доселе никому не известным кавалером Валлеем — испанским посланником при прусском королевском дворе. Он, отправившись из Мадрида к месту своего назначения, по дороге сломал руку: его карета на большой скорости опрокинулась. Сей несчастный случай принудил дипломата возвратиться назад и оставаться в Мадриде до полного выздоровления. Все крупные сановники царской России посчитали почему-то своим долгом справиться у Бетанкура о здоровье пострадавшего испанского посланника, а генерал-лейтенант о нём абсолютно ничего не знал.

ОЖИДАНИЕ

Самой крупной новостью конца декабря 1818 года было возвращение Александра I в Царское Село из Германии, а точнее, из города Ахен, где он подписал конвенцию о выводе из Франции всех союзных войск и сдаче французскому правительству военных крепостей, захваченных во время боевых действий. Франция выходила из-под опеки, куда попала после поражения наполеоновской армии. В Европе думали, что наступил мир, но этого не произошло. Политические противоречия между странами антинаполеоновской коалиции только ещё больше накалились.

Государь отсутствовал в столице чуть меньше года, и все ожидали, что по его возвращении в Петербург начнутся нескончаемые торжества. Все были готовы к тому, что двери многих особняков широко распахнутся, каждый вечер светская знать станет съезжаться в один из княжеских дворцов и вереница экипажей будет выстраиваться вдоль заснеженных петербургских улиц, всю ночь ожидая на морозе своих хозяев. В парадных залах и изысканных салонах шеи петербургских красавиц засверкают новыми бриллиантами, и они продемонстрируют всем новые бальные платья, сшитые лучшими французскими и английскими портными. Перед самым Новым годом Петербург застыл в ожидании, но оно так и не оправдалось.

ЛЮБИМАЯ СЕСТРА РУССКОГО ИМПЕРАТОРА

Из Штутгарта пришло печальное известие — 9 января 1819 года скончалась великая княгиня Екатерина Павловна, любимая сестра русского императора. Сразу после Нового года великая княгиня и королева Вюртембергская почувствовала сильное недомогание. Острая ревматическая лихорадка уложила её в постель. По всей видимости, она подхватила инфекцию во время одного из выездов, общаясь со своими подданными. На лице больной появилась ужасная сыпь. Придворные лекари попытались успокоить короля, убеждая его, что ничего страшного не происходит и все эти симптомы им хорошо и давно известны. Однако сыпь быстро распространялась по всему телу, и в конечном счёте оказалось, что у княжны прогрессирующая рожа.

С 6 по 7 января королева находилась в бреду, а 8-го воспаление распространилось на голову и поразило мозг. На следующий день ранним утром Екатерины Павловны не стало. По юлианскому календарю это произошло перед самым Рождеством. Александра I новость застала в Каменноостровском дворце, и он долго не мог поверить в то, что прочитал в письме, доставленном ему фельдъегерем из Вюртемберга.

НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

В это время Бетанкур с напряжением ожидал приглашения к царю, но оно так и не последовало. Знающие люди говорили, что аудиенцию у императора можно получить только через его любимца — графа Аракчеева, но Бетанкур не стал искать доступа к Государю через этого человека. Но хотя он не был допущен к Александру I, в начале апреля, после назначения главным директором путей сообщения, Бетанкура ввели в состав высшего органа исполнительной власти Российской империи — Комитета министров. Возглавлял его светлейший князь Пётр Васильевич Лопухин, будущий председатель Верховного уголовного суда по делу декабристов. Правда, здесь нужно оговориться, что все министры, или, как их тогда называли, главноуправляющие, были независимы друг от друга. Каждый отвечал только за своё ведомство и при необходимости единолично делал доклад императору. Комитет же министров не нёс никакой ответственности за деятельность отдельных министерств. В его компетенцию входило решение только самых важных межведомственных вопросов государственного управления, выходящих из ведения отдельного министерства.

БЛАГОУСТРОЙСТВО НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА

В начале 1819 года началось комплексное благоустройство Невского проспекта — главной магистрали города. По распоряжению Бетанкура оно было поручено профессору кафедры высшего анализа и механики Института Корпуса инженеров путей сообщения подполковнику Петру Петровичу Базену. Предвидя, что вскоре Невский проспект превратится в мощную транспортную артерию, Бетанкур приказал уничтожить широкую липовую аллею с многочисленными скамейками, с 1802 года протянувшуюся вдоль Невского от Мойки до Фонтанки. По новому проекту Базена липы вдоль проспекта планировалось посадить только в один ряд и исключительно по краю тротуара.

Кроме того, по согласованию с Бетанкуром Базен спроектировал оригинальные уличные фонари новейшей конструкции: в них специально обученные люди регулярно заливали конопляное или ламповое масло. По инициативе Бетанкура начиная с 1819 года на освещение города тратили примерно сто пятьдесят тысяч рублей в год. Зимой фонари зажигали в половине четвёртого пополудни, а тушили в половине восьмого, то есть горели они ровно четыре часа. После этого жизнь в столице для простого люда замирала, и только кареты с факелами проносились то в одну, то в другую сторону.

ИВАНЫ, НЕ ПОМНЯЩИЕ РОДСТВА

Ещё в начале жизни в Санкт-Петербурге Бетанкур часто задавал себе вопрос: почему в России так много строят из дерева? Ведь этот материал недолговечен. К тому же по всей стране истребляются огромные леса, каждый год случаются многочисленные пожары, выгорают целые городские кварталы или деревни. Ответ был бы очевиден, если бы в России, кроме древесины, не было других, более дешёвых и прочных материалов. Но нет. Весь Север страны изобиловал всякого рода горными пластами, годными для строительства, и доказательством тому служили каменоломни в Олонецкой, Тверской, Новгородской, Вологодской и Санкт-Петербургской губерниях.

Ответ на мучивший его вопрос Бетанкур нашёл не сразу. Оказалось, что, как во Франции до революции 1789 года простые люди, даже если обладали большими деньгами, не имели права иметь шикарный выезд или носить нарядное платье наподобие дворянского, так и в России в каменных домах имело право жить только привилегированное сословие. Обычные же люди не могли жить в домах дедов и прадедов и помнить о своём роде, чтить традицию. Эта была привилегия только дворянского сословия. Все остальные должны были начинать жизнь заново и самостоятельно отстраивать своё жилище. Для этого древесина была самым лучшим строительным материалом: в среднем дом, построенный из брёвен, жил не больше двух-трёх поколений. Таким образом, опыт веков, соединяющий родственными связями сразу несколько поколений, утрачивался, а Иванами, не помнящими родства, управлять всегда легче.

«ПЛАН БЕТАНКУРА»

Бетанкур сделал всё возможное, чтобы полностью отказаться от деревянного строительства хотя бы в центральной части столицы. Получить разрешение на постройку деревянного дома в центре Санкт-Петербурга стало практически невозможно. В 1819 году появился «План Бетанкура», составленный под его руководством старшим группы геодезистов Александром Петровичем Девятиным, выпускником Института Корпуса инженеров путей сообщения 1817 года.

План стал основой строительного развития Санкт-Петербурга на многие годы и включал в себя застройку центральных площадей: Адмиралтейской, Дворцовой, Исаакиевской и Сенатской, а также окончание работ на Елагином острове, принадлежавшем царской семье. Планировалось создать и композиционный центр Михайловской площади (ныне площадь Искусств) с Михайловским дворцом (ныне Русский музей), а также перестроить Михайловский манеж и Манежную площадь.

Под руководством Бетанкура вверенный ему комитет подготовил «Проект о каменном и деревянном строении» — в течение нескольких лет он был путеводной звездой при строительстве парадного фасада Северной столицы.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Новость, что 8 февраля 1819 года царь издал указ о создании Санкт-Петербургского университета на базе Педагогического института, для Бетанкура прошла бы почти незамеченной, если бы среди преподавателей института не был Константин Иванович Арсеньев, — его книгу «Начертание статистики Российского государства» читал весь интеллектуальный Петербург. Очень многие мысли автора совпадали с идеями Бетанкура. Прежде всего это касалось «вредных мест», где говорилось, что производительность труда свободных людей в несколько раз выше, чем крепостных. В книге прославлялась свобода промыслов и выражалось сожаление об отсутствии кодификации законов. И самое главное — порицалась тотальная подкупность судейских чиновников.

Книга была написана по-русски, но Каролина вечерами переводила её для отца на английский, тут же подолгу обсуждая с ним ту или иную главу, а иногда даже абзац. Вывод автор делал следующий: пока не будет наведён порядок в экономической и административной области, Россия останется отсталой, варварской страной. Августин Августович и сам не раз говорил об этом царю, но его предложения оставались без ответа. В книге Арсеньева Бетанкура крайне заинтересовала попытка подсчитать все природные ресурсы России и обосновать экономическое районирование страны. По тем временам это была свежая, новаторская идея.

Но вернёмся к указу о создании университета. Первоначально в нём было три факультета: историко-филологический, философско-юридический и физико-математический. Надо сказать, что университет был скорее не открыт, а восстановлен. Ещё в 1724 году русский царь Пётр I издал указ об «учинении» в Санкт-Петербурге Академии наук; при ней были созданы университет и гимназия. Предполагалось, что занятия здесь будут вести лучшие европейские преподаватели. Но затея с треском провалилась. Во всей России не нашлось людей, чтобы сесть за университетские парты: начальная подготовка была настолько слаба, что слушатели практически не знали ни латыни — основного языка науки того времени, ни других иностранных языков, на которых читали университетские лекции. Понимая всю бесполезность мероприятия, иностранные преподаватели вскоре разъехались по домам. Немного помогло делу учреждение

казённых стипендий для студентов — это позволило в 1753 году выпустить хотя бы девять человек.

По этому поводу великий русский учёный Михаил Ломоносов заметил: *«При Академии наук не токмо настоящего университета не бывало, но ещё ни образа, ни подобия университетского образования».*

В ноябре 1819 года в университет был объявлен приём. Прошение подали двадцать семь человек. Все, кроме одного, имевшего удовлетворительный гимназический аттестат, были подвергнуты экзаменам. Ознакомившись со вступительными вопросами на физико-математический факультет, Бетанкур заключил, что университет имеет все шансы на успех и не является конкурентом Институту Корпуса инженеров путей сообщения.

ПЕРВЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Многие в России того времени недоумевали, как могли человека, практически не знающего ни одного слова по-русски, поставить управляющим министерством. Но у Бетанкура были хорошие помощники — один из них Филипп Филиппович Вигель, безукоризненно справлявшийся с работой переводчика. Но бумаг было столько, что даже дюжина помощников не смогла бы осуществлять все переводы вовремя. Поэтому Бетанкур полностью положился на Вигеля и подписывал огромное количество документов, не читая их, а только доверяя своему секретарю. Что рано или поздно в России не могло не привести к злоупотреблениям.

Позднее Бетанкур стал подписывать бумаги на русском языке, приносимые ему не только Вигелем, но и другими сослуживцами, в том числе и немцем Фомой Яковлевичем Рандом, недоучившимся в Гёттингенском университете студентом, к тридцати годам, благодаря наглости и напористости, ставшим титулярным советником и занявшим пост главы особой малой канцелярии при де Воллане. Сначала Бетанкур хотел уволить пройдоху немца, но потом понял, что без этого проныры ему не обойтись. Только Ранд мог найти в самом безлюдном месте нужное количество крестьян для рытья канала или прокладки шоссейной дороги. Только Фома Яковлевич мог добыть нужный брус, когда его поблизости ни у кого не было.

— Я знаю, что Ранд отменный плут и мошенник, — говорил Бетанкур Вигелю. — Но надеюсь, что смогу выжать из него, как из лимона, сок, а затем отброшу.

Но всё случилось строго наоборот. Однако об этом в следующих главах.

Если к Вигелю Бетанкур относился по-отечески, то с Рандом был всегда показательно суров. Но Вигеля не терпела жена Бетанкура: секретарь генерал-лейтенанта в свой первый приход в дом начальника принял её за служанку. А вот Фому Яковлевича Анна Джордейн обожала. Ранд был ласков и обходителен с ней, высок и хорош собой. Он даже не угождал ей, а ставил себя так, что она сама пыталась угодить ему.

У Ранда была та неуловимая особенность, которая даётся некоторым мужчинам от природы: они могут покорять женские сердца одним только видом. Хотя Ранда нельзя было назвать красивым мужчиной, но многим женщинам такой тип крупного самца больше всего и нравится. Поэтому неудивительно, что Фома Яковлевич, благодаря протекции жены Бетанкура, не раз

добивался благосклонности начальника и подписывал у него различные бумаги на крупные денежные суммы, беря при этом на себя распределение подрядов на строительство дорог, мостов, каналов и шлюзов по всей европейской части Российской империи.

ПОЕЗДКА НА ПИРОСКАФЕ

Как и было запланировано, 14 мая 1819 года генерал-лейтенант Бетанкур со своими помощниками отправился в Нижний Новгород. Его приятель, судовладелец Берд, многим обязанный Бетанкуру (большое количество казённых заказов по ведомству путей сообщения получали именно его заводы), предложил министру свои услуги: проплыть по Неве от Гагаринской пристани до Шлиссельбурга на пироскафе — судне с паровой машиной.

Бетанкур с радостью принял предложение. Было решено отправиться в следующем составе: семья Бетанкура — жена, три дочери и сын Альфонсо (он намеревался сопровождать отца не только до Шлиссельбурга, но и до Нижнего Новгорода), всё семейство Берда, хозяйничавшее на пироскафе и угощавшее всех присутствующих вином и сладостями. Вместе с Бетанкуром до Нижнего Новгорода плыли обедневший армянин Маничаров, совсем недавно оставивший должность эконома при Институте Корпуса инженеров путей сообщения и перешедший в новое ведомство своего патрона; немец Рейф — воспитатель Альфонсо, молодой адъютант Варенцов, секретарь Бетанкура Фома Яковлевич Ранд и, наконец, Филипп Филиппович Вигель (к отплытию пироскафа, назначенному на семь утра, он умудрился опоздать более чем на полчаса).

Кроме этих пассажиров, на пироскафе оказался ещё и генерал-майор Александр Александрович Саблуков, намеревавшийся сойти по дороге во вверенном ему округе. Территория России тогда делилась на десять округов. Работой строителей в каждом из них руководил крупный инженер, отвечающий за состояние путей и отчитывающийся перед главным директором. Бетанкур постарался окружить себя талантливыми инженерами; среди них были Базен, Дестрем, Апухтин, Де Витте, Горголи, Цвиллинг, Бульмеринг и горный инженер Саблуков. Именно они строили шоссейные и грунтовые дороги по всей России, начиная от Архангельска на севере и заканчивая Военно-Грузинской дорогой на юге.

Отправившись по Неве на пироскафе, Маничаров уже с утра изрядно напился, но это никому не мешало, а, наоборот, даже забавляло. Экипажи, гружённые вещами, необходимыми для жизни в Нижнем Новгороде, следовали за пироскафом по суше. Народ, живший по берегам Невы, с диким воем выбегал из своих домов и заворожённо смотрел, как дымящееся судно без парусов и вёсел уверенно поднималось против течения. Несколько часов

все собравшиеся весело пили и ели, в том числе и рулевой. Веселье закончилось тем, что судно посадили на мель. Капитану потребовалось более двух часов, чтобы сдвинуть его с мёртвой точки. К счастью для всех присутствующих и прежде всего Берда, рулевому удалось это сделать.

Неудивительно, что пироскаф прибыл в Шлиссельбург, когда уже совсем стемнело. Встречал гостей на пристани полковник по инженерной части Иван Дмитриевич Попов, всех сразу пригласивший на ужин. Однако гости были уже сыты по горло. Бетанкур с семьёй устроились на ночлег у хозяина богатой ситцевой фабрики — тот был в дружеских отношениях с шотландцем Бердом.

На следующий день все собрались на пироскафе и, запустив два бортовых гребных колеса, отправились осматривать западный берег Ладожского озера, смело рассекая бурные волны на судне с новым, ещё никому не ведомым в этих краях изобретением — паровым двигателем. После обеда, устроенного инженер-полковником Поповым, Бетанкур трогательно простился с женой и дочерьми. Путь их лежал обратно в Петербург, вниз по течению Невы, а экспедиция Бетанкура, пересев на трешкоут, построенный в своё время специально для великой княгини Екатерины Павловны, отправилась по Ладожскому каналу — движение по нему в тот день было специально перекрыто.

ЦАРЬ КАНАЛОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Все служащие Ладожского канала были поглощены только одним желанием — угодить Бетанкуру, царю каналов Российской империи, обеспечив ему беспрепятственный проход. Для этого все без исключения суда были остановлены и выстроены по левому борту в один ряд до прохождения трешкоута главного директора путей сообщения. Однако, несмотря на все усилия, небольшое речное судно с ощетинившимися мачтами и уже без парусов с экспедицией Бетанкура на борту только в сумерках прибыло в деревню Шалдихи. На станции уже несколько часов её поджидали экипажи, отправленные из Петербурга.

Погода стояла прекрасная, дороги полностью высохли, что редкость в этих местах в середине мая. Ранним утром экипажи направились к уездному городу Новая Ладога, заложенному ещё в начале XVIII века Петром I при строительстве Петровского канала — стасемнадцатикилометрового водного пути вдоль берега Ладожского озера, соединяющего реки Волхов и Неву. Пообедав у хлебосольного городничего, Бетанкур со свитой отправились вверх по речкам Сясь и Тихвинка, сделав по дороге небольшую остановку ещё в одном уездном городе Новгородской губернии — Тихвине. Здесь главный директор путей сообщения осмотрел Тихвинскую ярмарку — одну из крупнейших в России того времени.

Настроение Бетанкура было подавленным: всю ночь ему пришлось спать на нижней палубе на соломе. Никто не знал, что генерал отправится в Тихвин по воде, — и ничего не было приготовлено. Тянувшие судно бечевой лошади то и дело срывались с крутых берегов, а долгие задержки приводили Бетанкура в бешенство — желтизна разливалась по его уже немолодому и измождённому лицу. Но Августин Августович никого не ругал, не орал и не матерился. После ужина и ночёвки в Тихвине генерал-лейтенант успокоился. Все подумали, что на него оказала влияние чудотворная Тихвинская икона Божьей Матери, под покровительством которой многие годы находился город.

19 мая отправились к Соминской пристани, расположенной в тихвинской водной системе, соединявшей Каспийское море с Балтийским. Пройти нужно было девяносто верст по каналу с тридцатью восемью шлюзами. Иногда баркам требовалось две недели, чтобы миновать эту не столько сложную, сколько

безобразно работающую инженерную систему. Поэтому Бетанкур решил отправиться по суше, вдоль канала. Хуже дороги он не видел за всю свою жизнь: болота, пески, кочки, древесные корни, ухабы, ямы и, наконец, полное исчезновение дороги, пока, через несколько десятков метров, она не появлялась снова. Бетанкур уже мысленно прикидывал, во сколько обойдётся казне приведение её в надлежащее состояние, — ведь с постройкой Нижегородской ярмарки она станет играть важную роль.

Однако мысли его прервала неожиданная поломка экипажа Фомы Яковлевича Ранда. Кучер, дыша, как вол в борозде, принялся чинить сломанный обод. А секретарь Бетанкура, пересев в экипаж к Маничарову, тут же предложившему гостю выпить, отправился дальше. Вознице же сломавшегося экипажа было приказано догнать остальных у ближайшего смотрителя шлюза, где Бетанкур со свитой намеревался обедать.

Кортеж главного директора путей сообщения сопровождал смотритель Тихвинской водной системы инженер-подполковник Иван Иванович Цвиллинг, обрусевший немец, получивший отличное образование в Риге и всю жизнь посвятивший устройству речных сообщений сначала в Курляндии, Семигалии и княжестве Литовском, а затем на Лепельском, Вышневолоцком, Мариинском и Новгородском каналах. Впоследствии, ближе познакомившись с Цвиллингом, Бетанкур высоко оценит талант инженера и привлечёт его к строительству Московской шоссейной дороги.

В Соминской пристани Бетанкура со свитой поджидали три судна, купленные за казённый счёт только для одной цели — доставить экспедицию в Нижний Новгород. Бетанкуру с сыном, двум адъютантам и учителю немецкого языка Рейфу досталось самое большое судно, Вигель и Ранд расположились на самом маленьком, а на третьем разместили экипажи, прислугу, кухню и необходимые для дальней дороги съестные припасы.

Вешние воды в конце мая ещё не спали, и вода стояла высокая. Суда на вёслах пошли вниз по Соминке и, довольно быстро достигнув её устья, вышли в речку Чагода — обрывистые берега незаметно сменились лиственным лесом. Ширина реки была метров пятьдесят, и Бетанкур с сыном с наслаждением осматривали дикую природу, понимая, что за всю историю человечества здесь никогда не ступала нога испанца. Кроме густого леса, в округе на многие километры не было ни одной деревни, хотя изредка встречались большие брошенные постоялые дворы с забитыми досками окнами. Наконец показалась деревня, где по приказу Бетанкура купили жирных гусей, кур, уток и даже одну индейку.

Каждое утро, ровно в девять часов, от второго судна отделялась лодка, и Вигель с Рандом отправлялись пить чай к своему начальнику. То же самое они проделывали в два часа пополудни, а около семи вечера причаливали к берегу, разводили костёр и ужинали. Пока еду готовили, Альфонсо со своим учителем успевали обязательно подстрелить какую-нибудь дичь в ближайшем лесу. Путешествие проходило весело. Кроме Маничарова, спиртным никто не злоупотреблял, хотя однажды Ранд изрядно напился, и его вытошнило. Но Бетанкур этого не видел.

На третий день пути по реке Чагоде экспедиция наконец-то достигла реки Мологи; в шести верстах от неё находилось имение инженер-генерал-майора Саблукова, сопровождавшего экспедицию Бетанкура от самого Петербурга. Предложение посетить генеральскую усадьбу все приняли с радостью. Особенно Ранд — ему не терпелось потискать крепостных девок в глубинке России. Однако то, что он увидел, сначала его очень огорчило: возле усадьбы находился огромный каменный винокуренный завод. Им руководил англичанин, и было несколько дорогих английских машин, доставленных в эту глушь прямо из Манчестера. Попробовав продукцию завода, Ранд и все остальные остались очень довольны. В ночь с 23 на 24 мая из реки Чагоды в реку Мологу вышли с песнями. Отменная водка генерала Саблукова досталась всем — и Бетанкуру, и гребцам.

Уже через сутки шли по Волге: по левому берегу тянулись необозримые зелёные равнины, засеянные поля и тучные пажити, по правому — отлогие или крутые холмы. Навстречу, против течения, нескончаемым потоком шли торговые суда: баркасы, тихвинки, расшивки… Издали, из-за раздутых парусов, они казались белоснежной стаей, окрылённой и летучей. Встречались и рыбацкие лодки, доверху наполненные осетром и стерлядью. По обеим берегам почти к самой воде прижимались деревни, в каждой в глаза бросалась церковь. Селения находились так близко друг к другу, что с борта на одной стороне реки их можно было видеть шесть или семь сразу.

По вечерам наблюдали, как народ выходил из домов и направлялся к берегу. Девушки в малиновых, алых, лазоревых сарафанах и серебряных фатах. С воды это казалось идиллией. Иногда Бетанкур видел, как девушки водили на берегу хоровод, и до него доносилось слабое пение. Неподалёку стояли парни в синих суконных армяках, подпоясанные цветными кушаками. На многих были шапки, обязательно набекрень. Особым шиком считалось, когда из-под них выбивался густой клок русых кудрей. На закате песни умолкали и берега быстро пустели.

РЫБИНСК

25 мая, на десятый день путешествия, Бетанкур прибыл в Рыбинск — отсюда начинался глубоководный путь до низовьев Волги. Выше города, например, в местечке Переборы, Волга иногда становилась настолько мелкой, что её летом можно было перейти вброд. Потому Рыбинск и стал крупным речным портом, где проходила перегрузка товаров и хлебных грузов, пришедших с низовьев Волги, на небольшие суда, — те уже легко могли перемещаться по Мариинской и Тихвинской водным системам, соединяющим Волгу с Балтикой.

Встречал Бетанкура в Рыбинске смотритель судоходства, надворный советник Николай Фёдорович Виноградов, едва ли не главный человек в городе. Занимал он один из самых богатых домов и жил на широкую ногу, что было видно невооружённым глазом, — тратил намного больше, чем зарабатывал. Бетанкур отказался от обеда у своего подчинённого Виноградова и отправился на встречу с бывшим любимцем Александра I, за что-то попавшим в немилость и отправленным в Рыбинск, — генерал-адъютантом Николаем Мартемьяновичем Синягиным. И пока свита Бетанкура трапезничала у смотрителя судоходства, сам Август Августович, всегда считавший себя человеком военным, с большим удовольствием принимал парад вверенного Синягину полка. После тёплых прощальных рукопожатий Бетанкур вернулся на судно и вечером снова был в пути.

ПО ВОЛГЕ

Города Романов и Борисоглебск, расположенные по разным берегам Волги, прошли ещё засветло. На левом берегу, называемом Романовской стороной, возвышалась Крестовоздвиженская церковь, на правом — знаменитый Воскресенский собор, расписанный ещё в XVII веке ярославскими мастерами. Кроме этих словно летящих по воздуху храмов, вдоль реки было ещё несколько православных церквей; между ними виднелись большие каменные дома, свидетельствовавшие о процветании этих двух небольших городков. Через три года Александр I указом от 30 мая 1822 года объединит их в один — Романово-Борисоглебск.

Утром следующего дня причалили к пристани Ярославля, где Бетанкура с великим почтением поджидал гражданский губернатор сорокадевятилетний Гавриил Герасимович Политковский, человек учёный, выпускник Московского университета. Больше всего в Ярославле его заботили больницы, и Бетанкуру пришлось посетить одну из них — самую большую. Дальше кортеж отправился в имение адъютанта Варенцова (как уже упоминалось, он входил в свиту Бетанкура, и к нему испанец был наиболее благосклонен). Вигель и Ранд за глаза Варенцова так и называли — «генеральский любимчик».

Варенцов имел вблизи Ярославля, на речке Туношне, собственный ножевой завод, и с ним Бетанкур хотел познакомиться. В это время завод переоборудовали — по указанию хозяина он должен был приступить к производству новой модели бритвенных ножей. Августин Августович во время осмотра вникал в мельчайшие детали производственного процесса, что привело мастеров и рабочих сначала в полное замешательство, а затем в полный восторг. Бетанкур остался доволен увиденным. Вечером на открытой веранде в усадьбе Варенцова был торжественный ужин в честь высокого столичного гостя, закончившийся небольшим фейерверком. На противоположный берег Волги компания попала только глубокой ночью.

На следующее утро экспедиция разделилась: Бетанкур, его сын с учителем и Варенцов сели в коляску и поехали в Нижний Новгород посуху, а Ранд, Вигель, Маничаров отправились туда по реке.

ГОРОД-КРЕПОСТЬ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

В первый же день приезда в Нижний Новгород Бетанкур развил бурную деятельность: собрал всех штаб- и обер-офицеров и познакомил их с новой стратегией развития ярмарки. Подполковнику Рафаэлю Баусе выдал новое техническое задание, а барону Андрею Карловичу Боде, не занимавшемуся производством, поручил сбор доходов от постройки и починки деревянных торговых лавок и сдачи их в аренду. Родная сестра барона Боде была замужем за испанским консулом Коломби и находилась в добрых отношениях с Анной Джордейн, что позволило её брату оставить службу по артиллерийской части и перейти в ведомство путей сообщения, возглавляемое Бетанкуром. Сам Боде был женат на дочери покойного лейб-медика барона Моренгейма и сестре известного дипломата Павла Осиповича Моренгейма — поверенного в делах России в Мадриде.

Фома Яковлевич Ранд тут же смекнул, что с земляком-немцем нужно срочно подружиться, и уже через неделю начал поставлять ему клиентов из приезжих купцов, желавших получить самые выгодно расположенные лавки в центральных рядах или в начале ярмарки. Деньги потекли в их карманы если не рекой, то заметным, достаточно глубоким ручейком: в 1819 году товарооборот ещё недостроенной ярмарки уже был огромный. Более того, Ранд давно заметил, что если работа главноуправляющим путей сообщения была Бетанкуру иногда в тягость, то Нижегородская ярмарка и Институт Корпуса инженеров путей сообщения, наоборот, — отдушиной. Ранд не преминул воспользоваться этой слабостью генерала и всё время потакал ему. Хорошие отношения сложились у Ранда и с двумя испанскими инженерами — Эспехо и Виадо (первый впоследствии женится на старшей дочери Бетанкура Каролине). Уже в самом начале знакомства с ними Ранд щедро тратил на них деньги, «заработанные» с бароном Боде.

Когда Эспехо и Виадо появились в России, то выглядели непривлекательно: одеты в поношенные фраки старого покроя, горохового или кирпичного цвета, на ногах неуместные кавалерийские сапоги с высокими голенищами — ботфорты, плохо, если не сказать, вульгарно сочетавшиеся с весьма затёртыми голубыми панталонами. Вид прибывших из Европы несчастных испанцев демонстрировал крайнюю нищету. Да и

инженерную науку они знали весьма посредственно, поэтому Бетанкур принял земляков на службу без всяких экзаменов. Ребята же они оказались хорошие, особенно поначалу — без особых претензий. Но на Нижегородской ярмарке это были совершенно другие люди — с иголочки одетые офицеры: Виадо — капитан, Эспехо — поручик. У обоих лихие скакуны и дорогие дрожки. Оба считали, что Нижний Новгород — Эльдорадо побогаче Мексики или Перу, где с помощью Ранда можно заработать куда больше золота, чем во всей Латинской Америке.

Именно Ранд указывал им, какие подряды заключать с теми или иными поставщиками, а Бетанкуру оставили только одну формальность — подпись на бумагах. При этом Августин Августович, зная, что Ранд жулик, безоговорочно доверял своим землякам, а тех Фома Яковлевич очень ловко использовал в своих целях. Главное везение Ранда было в том, что стараниями Бетанкура ещё в декабре 1818 года удалось сместить с занимаемого поста нижегородского генерал-губернатора Степана Антоновича Быховца — всем известного на Волге казнокрада и взяточника. Это позволило Ранду полностью изменить систему тендера на поставку партий кирпича, железа, белого камня, извести и всевозможного леса. Все прежние подрядчики, с которыми сотрудничала администрация бывшего генерал-губернатора, были безжалостно отвергнуты. На смену им пришли новые: крестьяне Балахнинского уезда Пантелей Григорьев и Пётр Савельев, предложившие поставлять на ярмарку кирпич по цене 7 рублей 50 копеек за тысячу штук и сажень бутового камня по 15 рублей.

Однако у них появились конкуренты — крестьяне села Вершилова Василий Фёдоров и Тихон Михайлов, предлагавшие тысячу кирпичей за 7 рублей 35 копеек, а белый камень за 14 рублей 35 копеек. Среди поставщиков началась самая настоящая конкуренция. Но продлилась она недолго — пока Фома Яковлевич Ранд не прибыл в Нижний Новгород, где на месте старого генерал-губернатора уже командовал новый — Александр Семенович Крюков, человек более уступчивый и более сговорчивый, чем прежний. Благодаря своему характеру и связям Крюков быстро получит сначала чин статского советника, а затем — следственный протокол за злоупотребления во вверенной ему губернии.

Однако всё это будет потом, а пока, в 1819 году, новый генерал-губернатор вёл себя тише воды ниже травы, во всём слушался главного директора путей сообщения и выполнял любое его распоряжение. Бетанкур так умело поставил себя с нижегородским губернатором, что тот не считал для себя

зазорным льстить даже секретарям генерал-лейтенанта. Некоторые иностранцы, попавшие в Нижний Новгород, считали генерал-губернатора чиновником, принадлежащим к свите министра путей сообщения.

Сильной стороной генерал-губернатора была его дочь, Надежда Александровна, выданная замуж за князя Черкасского. В молодую женщину была влюблена вся мужская половина Нижнего Новгорода, начиная от шестидесятиоднолетнего Бетанкура и заканчивая его четырнадцатилетним сыном Альфонсо. Надежда Александровна была наполовину англичанка, что ещё больше усиливало страсть Бетанкура к ней. Она прекрасно говорила, кроме французского языка, ещё и по-английски. Кто знает, может быть, именно эта страсть и не позволила Бетанкуру летом 1819 года взять с собой в Нижний Новгород жену и дочерей.

15 июля в присутствии Бетанкура и генерал-губернатора Крюкова барабанным боем, пушечным выстрелом и оглушительным звоном всех церковных колоколов торжественно открыли ярмарку, где купцов… не оказалось. Торговые ряды стояли пустые. Однако к 25 июля, в день святого Макария, на ярмарке, несмотря на то что она ещё строилась и была временной, было уже несколько тысяч человек, а к началу августа — более двухсот тысяч.

Маленький ярмарочный городок прямо кишел людьми. Но самое важное — оптовая продажа и вообще все крупные сделки — совершалось не на глазах у всех. За неимением достроенной биржи почти все значительные торговые операции проходили в частных домах. Чтобы построить дом на временной ярмарке, нужно было личное разрешение Бетанкура, и все купцы знали, что получить его можно через Фому Яковлевича Ранда. Нет, конечно, можно и через генерал-губернатора Крюкова, но через Ранда — дешевле и быстрее. Например, на ярмарке строго-настрого запрещалось разводить огонь, потому что почти все временные торговые строения были дощатые. Нельзя было растапливать в лавке даже обыкновенный самовар. А купец Колесов, занимавшийся оптовыми поставками китайского чая и плативший ежегодной пошлины более ста тысяч рублей ассигнациями, поговорив с Рандом, получил дозволение не только на постройку деревянного дома в центре ярмарки, но и на разведение огня рядом с ним.

Адъютант Варенцов и секретарь Вигель не раз докладывали начальнику о злоупотреблениях Ранда, но Бетанкур не принимал информацию во внимание. Он был вполне удовлетворён работой своего подчинённого. Не было случая, чтобы Ранд не выполнил

поручение Бетанкура, даже самое сложное, на «отлично» и точно в срок. К тому же начальника канцелярии обожал сын Бетанкура Альфонсо, получавший от Фомы Яковлевича этим летом бесконечные подарки, и прежде всего те, в которых ему отказывал отец. Альфонсо только стоило намекнуть Ранду о своём желании, и уже на следующий день оно исполнялось. Наверное, не было такой вещи в мире, какую нельзя было приобрести на Нижегородской ярмарке в 1819 году.

Хорошие отношения сложились у Ранда и с госпожой Ждановой, дочерью главного почтмейстера Нижнего Новгорода. В начале XIX века многие губернаторы в России, кроме официальных жён, имели ещё и полуофициальных подруг, о которых, естественно, всё окружение знало. Госпоже Ждановой в ту пору было немногим более тридцати. А подругой губернатора она стала в восемнадцать. С тех пор она сменила трёх или четырёх генерал-губернаторов, оставаясь верна не человеку, а месту. Влияние на Александра Семёновича Крюкова она имела значительное, получив его ещё в бытность того вице-губернатором. Этим не мог не воспользоваться Фома Яковлевич Ранд — он делал госпоже Ждановой дорогие подарки, учитывая её изысканный вкус: на протяжении многих лет она смогла развить его, общаясь с богатыми купцами и всегда разглядывая «безвозмездные дары» в маленький складной лорнет. (В то время в России это была ещё совсем диковинная вещь, и многие видели стёклышко в оправе впервые в жизни.)

Летом 1819 года Бетанкур занимался реконструкцией нижней части города: в мае Нижний Новгород пережил сильный пожар — сгорело девяносто четыре усадьбы и бесчисленное количество торговых лавок Нижнепосадского торга. Огонь испепелил всё на своём пути, начиная от Рождественской церкви и заканчивая каменным поясом кремля, построенным в 1515 году итальянским архитектором Пьетро Франческо. Для сгоревшего участка срочно требовался новый градостроительный план: разбить территорию на кварталы, определить границы сгоревших усадеб, составить их планы, установить места будущих государственных и частных строений, создать для каждой постройки свой план-фасад. Обычно для этого требовалось несколько месяцев, а то и лет. Бетанкур же сделал всё за один летний сезон. Ускорило работу над планом то, что Бетанкуру было больно наблюдать, как погорельцы целыми семьями, словно цыгане, скитались по чужим дворам, ища себе приют и пропитание.

Бетанкур разработал для прибрежной части Нижнего Новгорода регулярный план с точным определением привязок каменных и деревянных строений. Впоследствии этот план войдет

составной частью в генеральный план развития города 1823—1824 годов.

В то время в городе постоянно проживало чуть менее шестнадцати тысяч человек. Нетрудно подсчитать, что каждый житель летом должен был принять и обслужить примерно двенадцать с половиной приезжих. Для этого требовалось огромное количество гостиниц и постоялых дворов хорошего качества, иначе уважающие себя купцы из Китая или Персии в следующем сезоне не приедут на ярмарку.

Кроме того, так как в город привозили огромное количество грузов и товаров, постоянно требовались всё новые складские помещения и загоны для скота и лошадей. Всеми этими вопросами Бетанкур занимался лично. Особенно его интересовала соседняя с ярмаркой Кунавинская слобода, преображавшаяся на глазах: ещё совсем недавно запущенные улицы приводили в порядок, на месте старых лачуг строили большие двухэтажные дома. Вот что писали современники по этому поводу: *«Дома строятся в два этажа, деревянные, по планам, выдающимся из строительного комитета, и расположены со всеми удобствами для пристанища в них приезжающих на ярмарку».*

Однако в самый разгар ярмарки, с 1 по 6 августа, Бетанкур и его свита почти не работали: один роскошный обед сменялся другим. Разве можно было посетить князя Грузинского, а потом отказаться от приглашения генерал-губернатора Александра Семёновича Крюкова или богача-генерала Дмитрия Дмитриевича Шепелева? Или обидеть пензенских дворян Хрущёвых, приехавших на ярмарку по приглашению Вигеля специально, чтобы познакомиться с Бетанкуром? А о бесчисленных балах в дворянском собрании даже говорить не приходится! Генерал-губернатор и Бетанкур были просто обязаны появиться на них хоть на час, иначе обидели бы своим непочтением собравшихся — всегда чьих-то близких родственников. Кроме того, в разгар ярмарки пришлось посещать богоугодные заведения и сиротские приюты, не говоря уже о народной больнице.

Но больше всего Бетанкур любил ходить между простыми торговцами, прислушиваясь к их разговору, и хотя не понимал ни слова, но очень чутко улавливал дух русского народа, его смекалку и оборотливость. Любил Бетанкур наблюдать и за русскими мужиками, особенно когда те работали топором. Он заменял им и молоток, и долото, и даже пилу или струг. Толстые брёвна и легкие доски, стропила или балки — всё обрабатывалось топором. Бетанкуру нравилось смотреть, как мастер, поглощённый работой, тесал или обстругивал лесины, а затем

точными ударами топора вгонял гвозди. На стройке невозможно было увидеть мужика без топора в руках или за поясом. Как у испанского простолюдина наваха, так у русского мужика топор был инструментом на все случаи жизни. Некоторые с топором не расставались никогда, даже обтёсывали брёвна, словно держали игрушку в руках.

Что раздражало Бетанкура на ярмарке, так это обилие нищих, целый день стоявших на паперти и просивших милостыню Христа ради, а к вечеру напивавшихся в трактирах на рыночной площади и полночи голосивших совсем нежалостливо. Казалось, сами леший поют в городе. Альфонсо говорил отцу, что к этому месту страшно приблизиться, но Бетанкур успокаивал сына, хотя и самому генерал-лейтенанту от загробных звуков становилось не по себе.

Лето 1819 года в Нижнем Новгороде стояло переменчивое: жаркие безоблачные дни неожиданно сменялись сырыми и холодными. Поле, где стояли торговые ярмарочные ряды и постоянно находилось несколько десятков тысяч человек, от проливных дождей раскисало, а затем иссушалось знойным солнцем — это приводило к сильному испарению; зловредный, сырой запах ощущался на ярмарке повсюду. Многие сослуживцы Бетанкура не могли перенести такой климат и заболевали. А работа стояла…

В середине августа, когда на ярмарку из Астрахани привезли огромное количество дынь и арбузов, Бетанкур решил собираться в Петербург, но недоделок оставалось ещё очень много. Поэтому экспедиция смогла отправиться в столицу, только когда по Волге поплыл первый золотой осенний лист, — 1 сентября.

29 августа Бетанкур дал прощальный обед; были приглашены, помимо многочисленных гостей, как представители русской православной церкви, так и старообрядцы — купцы I гильдии, имевшие большое влияние на торговую жизнь в Нижнем Новгороде и всегда располагавшие «денежным фондом» для подкупа чиновников всех рангов. Был на прощальном обеде и купец Иван Степанович Пятов, пользовавшийся особым расположением Бетанкура. Иван Степанович торговал железом, имел прядильные и кирпичные заводы, пять каменных и один деревянный дом, а кроме того, два каменных корпуса лавок на Нижнем посаде. В 1818 году на собственные средства он построил Железный ряд на Гребнёвских песках под Нижегородской ярмаркой, взяв на себя часть инженерных и финансовых забот, за что Бетанкур был ему чрезвычайно благодарен.

В 1819 году пришла очередь Бетанкура расплатиться за благодеяние нижегородского купца. После пожара в нижней части

города сгорел и дом Пятова со всеми прилегающими постройками. На этом месте по личному проекту Бетанкура было выстроено новое двухэтажное здание в классическом стиле: главный фасад его украшали восемь ионических колонн, а на фризе красовался венок славы, олицетворяющий победу русского оружия над Наполеоном.

Перед самым отъездом Бетанкура, в ночь с 29 на 30 августа, какие-то шутники поменяли несколько вывесок на лавках, и оказалось, что на мясном ряду было написано «Булочная», на парикмахерской — «Аптека», а на трактире — «Гробовой мастер». Выходка очень позабавила Бетанкура. И хотя он не умел читать по-русски, по рисункам на вывесках было и так всё понятно.

Прощальный обед прошёл в самой дружеской обстановке. После работы в Нижнем Новгороде Бетанкур подготовил докладную записку царю, где просил императора за отличную работу и в виде исключения титулярному советнику Ранду, не имевшему университетского аттестата, присвоить чин коллежского асессора с сохранением прежней должности — правителя канцелярии.

Произошло это, несмотря на письмо, подписанное архитектором Иваном Ефимовичем Ефимовым, работавшим под руководством Бетанкура в Комитете для строений и гидравлических работ. В Нижнем Новгороде в 1819 году Ефимов строил острог. В своём письме он сообщал следующее: *«Большая часть кирпича, поставленная в прошлом и нынешнем годах, вовсе не годна для употребления в деле».* То же самое можно было сказать и о поставках белого камня, связного железа и строевого леса для подмости. Ефимов писал: *«Швы у кирпичей делаются более, нежели должно; сверх того, стрельчатые своды, о которых я неоднократно предупреждал каменного подрядчика, которые все между собой имеют общую связь, не производятся в одно время, через что теряется равновесие в осадке оных сводов, от чего оные не могут быть ни столь правильны, ни столь прочны, да и даже могут от неровной осадки оказаться трещины…»*

Однако все эти письма Бетанкуру в 1819 году остались без ответа.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛАДОЖСКОГО КАНАЛА

В это время генерал-лейтенанта больше занимало аварийное состояние Ладожского канала — через него Петербург снабжался продовольствием и товарами из трёх водных систем: Вышневолоцкой, Мариинской и Тихвинской; длина их была соответственно 1397, 1160 и 904 километра. Тем летом Бетанкур убедился, что Ладожский канал находится в самом плачевном состоянии. Ситуация требовала срочных мер, не то Петербург в один прекрасный день мог остаться без поставок продовольствия. Бетанкур срочно привлёк к составлению проекта реконструкции канала нескольких инженеров во главе с Петром Петровичем Базеном. И он создал уникальную теорию шлюзов со сберегательными бассейнами (на примере шлюзовой лестницы-транспортёра). Ею инженер воспользуется при сооружении жизненно важных для Петербурга Шлиссельбургских шлюзов (1824—1832).

Обсуждая проблему Ладожского канала, Бетанкур высказал мысль и о создании защитных сооружений от наводнений в Санкт-Петербурге. Идею эту поддержал не только Пётр Петрович Базен, но и некоторые генерал-инженеры, но в правительственных кругах того времени она не нашла сторонников.

ВОДНЫЕ ПУТИ РОССИИ

При поддержке Бетанкура началась реализация одного из самых крупных гидротехнических проектов первой трети XIX века — водного пути Москва — Волга, для соединения Петербургского порта с Москвой. Автором проекта стал выпускник Института Корпуса инженеров путей сообщения 1817 года Михаил Бугайский, впоследствии генерал-майор и начальник IV округа путей сообщения.

КОЛЛЕКЦИЯ МИНЕРАЛОВ

Осенью 1819 года Бетанкур снова окунулся в преподавательскую работу. С октября он вёл регулярные занятия в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. В это же время по его распоряжению приобретена коллекция минералов в количестве трёхсот образцов, в дополнение к коллекции, подаренной институту принцем Ольденбургским и содержавшей одну тысячу восемьсот сорок пять камней-самоцветов. Коллекция должна была способствовать изучению минералов и горных пород, что было предусмотрено учебным планом института. Коллекции минералов и моделей играли важную роль в учебном процессе и постоянно пополнялись при непосредственном участии Бетанкура.

МУЗЕЙ МОДЕЛЕЙ

В положении об институте в первый год его образования было записано: *«В особом зале хранимы будут модели всех важных в России и других землях сооружений, существующие или только предназначенные…»* Музей при Бетанкуре состоял из шести кабинетов: модельного и механического, строительно-рабочих инструментов, образцов строительных материалов, физического, геодезического, минералогического. В них проводились практические занятия. Коллекция непрерывно пополнялась моделями, макетами, чертежами, выполненными при строительстве мостов, каналов, зданий, сооружений; кроме того, студенты и мастера изготовляли модели в учебных мастерских института. Так в музей поступили четырнадцать моделей по начертательной геометрии, выполненных воспитанниками института под руководством Бетанкура. Как говорилось в аннотации, *«для ясного понимания чертежей, изображаемых профессором на доске».*

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ С ФРАНЦИЕЙ

Бетанкур через Базена, не утратившего научных связей с родиной, продолжал приглашать специалистов из Франции. Так в 1819 году в Петербурге появился Поль Жако, через четыре года получивший звание профессора и проработавший в Институте Корпуса инженеров путей сообщения около пятнадцати лет, читая уникальный курс по архитектуре.

В конце декабря 1819 года Бетанкуру очень хитроумным способом, задействовав все свои дворцовые связи, удалось за казённый счёт в качестве дипломатического курьера послать Петра Петровича Базена в Париж. На следующий учебный год из Франции для преподавательской работы в Санкт-Петербург прибыли выпускники Парижской политехнической школы: Габриэль Ламе и Бенуа Поль Эмиль Клапейрон. Первый преподавал математику и физику, второй — механику и химию. Оба прославили российскую науку, став членами-корреспондентами Академии наук в Санкт-Петербурге. А имя Клапейрона в дальнейшем французы внесут в список самых выдающихся учёных Франции.

В 1821 году по приглашению Бетанкура в Россию прибыл Антуан Рокур де Шарлевиль — профессор курса строительных материалов и химии. Благодаря его трудам в 1822 году вышел в свет «Трактат об искусстве изготовлять хорошие строительные растворы», на долгие годы ставший настольной книгой многих российских специалистов, работающих в этой области.

АДОЛЬФ АНДРЕЕВИЧ РОЗЕНКАМПФ

Особое место в истории высшего инженерно-технического образования в России занимает ученик Бетанкура, выпускник Института Корпуса инженеров путей сообщения Адольф Андреевич Розенкампф. После окончания курса в 1819 году он принял предложение Бетанкура и остался работать в Комитете для строений и гидравлических работ. Сначала под руководством Вильгельма фон Треттера Розенкампф занимался строительством петербургских мостов, но очень скоро переключился на проектирование мостов на Московском шоссе — оно должно было связать кратчайшим путём две столицы Российской империи. В дальнейшем Розенкампф участвовал в составлении проектов и смет для мостов и труб по Бронницкой дистанции.

Уже после смерти Бетанкура, в 1837 году, Розенкампф будет назначен директором Московского ремесленного учебного заведения. Оно никогда бы не вошло в историю российского инженерного образования, если бы не Адольф Андреевич, считавший, что *«вновь созданная школа не должна замирать в своем развитии».* Именно Розенкампф преобразовал Московское ремесленное учебное заведение в полномасштабную техническую школу, несмотря на то что для реализации проекта ему потребовалось более двадцати лет. Заложенные Розенкампфом в этом училище учебно-методические основы, полученные им в своё время от Бетанкура и его коллег, дали свои плоды.

Сегодня бывшее Московское ремесленное учебное заведение хорошо известно во всем мире как МВТУ имени Баумана, или Московский технический университет. Ученик Бетанкура Розенкампф хорошо понимал, что, для того чтобы подготовить современного специалиста, необходимо создать такие условия, при которых будущий инженер научился бы сочетать теоретические знания с практическими навыками. Как Бетанкур обучал учащихся в Королевском кабинете машин и механизмов в Мадриде, а затем в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, так и в Московском ремесленном учебном заведении Адольф Андреевич Розенкампф создал все условия, чтобы учащиеся осваивали теоретический курс на основе мощной лабораторной базы.

В 1848 году в учебном заведении открылась механическая мастерская, позднее преобразованная в опытный завод. Именно тогда начала складываться ставшая позднее знаменитой «русская система обучения ремёслам», сочетавшая теоретическую подготовку с практическим освоением фабричного производства.

Воспитанники Московского ремесленного учебного заведения последовательно проходили все этапы создания машины — от получения простейших деталей до сборки и испытаний. Это были изделия, разработанные и изготовленные в училище по заказам промышленности и отвечавшие самому высокому уровню развития техники. При этом сотрудники и студенты зарабатывали немалые средства. Их мастерская производила оборудование для многих промышленных предприятий России.

До 1848 года в империи существовало только одно машиностроительное предприятие, выпускавшее паровые машины, — завод Берда в Санкт-Петербурге. Поэтому когда в 1849 году в Московском ремесленном учебном заведении изготовили три первые паровые машины, они сразу же были проданы на крупнейшие отечественные предприятия, что послужило мощным толчком к их серийному производству.

Ученик Бетанкура Адольф Андреевич Розенкампф создал одно из лучших высших учебных заведений России, до сих пор идущее в авангарде подготовки инженерных кадров.

ОТЧИСЛЕННЫЙ КУРСАНТ

С 1819 по 1820 год в Институте Корпуса инженеров путей сообщения учился Николай Михайлович Языков, впоследствии близкий друг Александра Сергеевича Пушкина и Николая Васильевича Гоголя. Русский поэт эпохи романтизма, автор многочисленных песен и романсов, один из ярких представителей золотого века русской поэзии, называвший себя «поэтом радости и хмеля», а также «поэтом разгула и свободы».

Однако за систематическую неуспеваемость по многим дисциплинам приказом Бетанкура он был безжалостно и без сожаления отчислен из института. Хотя кто знает, может быть, в Языкове Россия потеряла нового Розенкампфа?

ОСНОВОПОЛОЖНИК СРЕДНЕТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Первая половина XIX века стала новым этапом в развитии путей сообщения Российской империи: строятся новые водные и сухопутные коммуникации, расширяется сеть дорог, связывающих Петербург и Москву с другими регионами России. Осуществляется переход от грунтовых дорог к шоссейным. По настоянию Бетанкура большие государственные дороги полностью передаются в ведение ведомства путей сообщения. Для финансирования строительства и поддержания их в надлежащем состоянии учреждается особый сбор — двадцать пять копеек с ревизской души. Бетанкур первым в России в государственном масштабе вводит дорожный налог. Главный директор путей сообщения использует богатый опыт, накопленный в бытность главным инспектором путей сообщения Испании.

Бетанкур продолжает строительство шоссейной дороги, связывающей Санкт-Петербург с Москвой, начатое его предшественником де Волланом в 1817 году. Наряду с Московским шоссе, Бетанкур начинает многочисленные строительства; их удастся завершить только к началу второй половины XIX века. К таким проектам можно отнести шоссе Петербургковенское, Московское-Нижегородское, Тульское, Смоленское, Рязанское, Ярославское…

Для строительства искусственных сооружений на шоссе Бетанкур специально создал Управление по строительству мостов, а во главе его поставил Вильгельма фон Треттера. Управление возводило малые каменные мосты и трубы, а также большие мосты с деревянными пролётными строениями на каменных устоях и быках.

Инженеру Треттеру принадлежат проекты однопролётного деревянного моста в Бабине, трехпролётного деревянного моста через канал Любани и однопролётного каменного моста через реку Полисть на Московском шоссе. Все они были спроектированы и построены по заданию Бетанкура. Ряд работ на Московском шоссе под руководством Бетанкура выполнил инженер путей сообщения Фёдор Иванович Рерберг (мост через Волхов, Бронницкий мост). Контроль и наблюдение за качеством всех производимых работ на шоссе Санкт-Петербург — Москва Бетанкур производил лично.

Однако, столкнувшись с большой нехваткой специалистов, прежде всего среднего звена — техников и мастеров по отдельным видам строительных работ, Бетанкур решил сформировать Строительный отряд военно-рабочей бригады (апрель 1819 года) и открыть две новые школы: Военно-строительную (подготовка младших специалистов строителей) и Школу кондукторов путей сообщения (подготовка десятников, мастеров-чертёжников). По представлению Бетанкура в мае 1820 года Школа кондукторов путей сообщения разместилась в здании бывшей Армейской семинарии на Царскосельском проспекте. Таким образом, Бетанкур стал основоположником среднетехнического образования в России.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ МЕЛЬНИКОВ

В 1819 году по инициативе Бетанкура был создан Строительный отряд военно-рабочей бригады, куда зачислялись выпускники Военно-строительной школы в чине прапорщика. Лучшие из выпускников школы имели право продолжить обучение в институте. Так, в 1822 году после окончания школы и с личного одобрения Бетанкура в институт, сразу на третий курс, был принят Павел Петрович Мельников. Генерал-лейтенанту очень понравился этот молодой, красивый человек невысокого роста, блестяще говоривший по-французски и имевший выдающиеся результаты в учёбе.

Через несколько лет ученик Бетанкура Павел Мельников начнёт читать курс прикладной механики, получит звание профессора и станет заведующим кафедрой в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. В 1835 году он выпустит книгу «О железных дорогах» — первое в России учебное пособие по железнодорожному транспорту, а с 1842 по 1851 год в качестве автора проекта примет участие в строительстве двухпутной железнодорожной магистрали Петербург — Москва. С 1866 по 1869 год Мельников будет возглавлять Министерство путей сообщения Российской империи. За этот период сеть железных дорог России увеличится на 7062 километра.

МОСКОВСКОЕ ШОССЕ

А пока, ввиду предстоящего пуска нового шоссе, связавшего две столицы, князь Михаил Семёнович Воронцов с друзьями организует в Петербурге акционерное общество и закупает многоместные кареты — дилижансы. И хотя строительные работы на отдельных участках шоссе ещё продолжаются, осенью 1820 года в путь отправляются два первых дилижанса. Дорога занимает четверо суток с остановками в Новгороде, Вышнем Волочке и Твери. В середине 20-х годов XIX столетия между Санкт-Петербургом и Москвой началось постоянное движение дилижансов, отправлявшихся от главного почтамта каждый день строго по расписанию.

Московское шоссе стало выдающимся сооружением не только в России, но и в Европе. Учёные института и его питомцы впервые встретились с проблемами сооружения земляного полотна на болотах, с устройством постоянных мостов и труб, с осушением болот. Поэтому после строительства Московского шоссе в «Правила по производству работ» были введены три стадии проектирования: «общий проект», «нормальный проект» и «исполнительный проект», что соответствует современной стадийности проектирования: «проектное задание», «технический проект» и «рабочие чертежи».

Таким образом, по инициативе Бетанкура в Главном управлении путей сообщения в 1820 году была создана Комиссия проектов и смет — первая проектная организация отечественного транспорта. А в Институте Корпуса инженеров путей сообщения для воспитанников был введен самостоятельный курс составления проектов. Сама же Комиссия проектов и смет работала в тесном контакте с Комитетом для строений и гидравлических работ. Комиссия рассматривала и утверждала проекты различных инженерных сооружений и мостов на всей территории России. Позже комиссия была преобразована в Департамент проектов и смет, сыгравший важную роль в развитии проектного дела.

Опыт строительства Московского шоссе позволил разработать и принять в 1833 году «Основные правила об устройстве и содержании дорог в государстве». Создание такого документа способствовало расширению сети шоссейных дорог, которых так не хватало России.

В 1819 году Бетанкур подготовил царю рапорт с приложением двух записок о недостаточном содержании и устроении дорог. Когда 15 сентября 1819 года Бетанкур писал

одну из записок, два русских шлюпа — «Восток» и «Мирный» — под командованием Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева подошли к Канарским островам, а точнее, к его родному городу Санта-Крус.

РУССКИЕ МОРЯКИ НА КАНАРАХ

Шлюпы совершали кругосветную антарктическую экспедицию и отправлялись на разведку в южнополярные моря, куда ещё не проникало ни одно морское судно. По дороге русские корабли должны были зайти на Канарские острова для заправки питьевой водой. Из дневника Фаддея Беллинсгаузена можно узнать, что воды в этот день было куплено на одиннадцать фунтов стерлингов и два шиллинга, а за тенерифское вино лучшего качества заплачено сто тридцать пять талеров за пину. Молодое же вино русскому флоту обошлось по девяносто талеров за пину. [14]

Комендант крепости Святого Христофора в Санта-Крусе Хосе-де-Монтеверди был женат на одной из родственниц Августина де Бетанкура и очень обрадовался внезапной встрече с русскими моряками. Уже через час к крепости стали стекаться многочисленные родственники русского генерал-лейтенанта. Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен знал, что главный директор путей сообщения Российской империи по происхождению испанец, но он даже представить себе не мог, что Бетанкур родом с Канарских островов.

Радость от пришедших в Санта-Крус российских кораблей была обоюдной. Родственники Бетанкура всем сошедшим на берег русским морякам устроили незабываемый прием — лучшие испанские вина текли рекой. Младшие офицеры и матросы, что на русском военном флоте в начале XIX века было практически невозможно, сидели за одним столом, хотя и на разных его концах. Старшие же офицеры во главе с капитаном Беллинсгаузеном от угощения отказались. Они отправились осматривать остров: гору Тейд и Драконовое дерево, возраст которого приближался к 2500 годам.

Оставшиеся за столом моряки этому были только рады — вино потекло рекой в два раза быстрее, чем при Беллинсгаузене. Оказалось, что один из матросов был двоюродным братом кучера Бетанкура, а у другого тётка служила кухаркой в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. Не зная никаких иностранных языков, матросы очень быстро нашли общий язык с родственниками Бетанкура и, пока старшие офицеры осматривали остров, пили за здоровье Августина Августовича несколько часов подряд, время от времени оглашая испанский остров русскими песнями.

На корабли российские моряки возвращались увешанные различными экзотическими фруктами. Каждый держал в руках

какой-нибудь подарок, полученный от семьи Бетанкура. Всем было жаль покидать чудесный остров и гостеприимных родственников генерал-лейтенанта Российской империи, которым гордились и испанцы, и русские, считая его своим.

Историческая справка

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна лично следила за продвижением капитана Беллинсгаузена к Антарктиде и с большим интересом получала любую информацию из Адмиралтейства. Со стороны могло показаться, что это занимает её ничуть не меньше, чем развод её сына цесаревича Константина Павловича с великой княгиней Анной Фёдоровной, ещё в 1801 году удалившейся за границу и с тех пор в России более не появлявшейся. Однако в марте 1820 года всё же последовал манифест о расторжении этого брака.

С 9 июля 1820 по май 1821 года Александр I в Петербурге отсутствовал. Он посещал Тверь, Москву, Воронеж, Курск, Харьков, Полтаву, а затем отбыл в Варшаву, где планировал открыть Второй польский сейм.

После убийства во Франции герцога Беррийского 1 февраля 1820 года роялисты по всей Европе начали считать, что «нож, поразивший герцога Беррийского, — это не что иное, как либеральные идеи». Молодой поэт Александр Пушкин назвал это убийство «уроком царям».

Реакция со стороны Александра I не заставила себя ждать. Во время его выступления на польском сейме присутствующие в зале поняли, что никакие свободы, обещанные полякам ранее, реализованы не будут, а Третий сейм, может быть, уже никогда и не состоится. Все чувствовали, что своей политикой Александр уводит народы в лабиринт и из него можно будет выйти только кровавым путём.

Однако на финансирование всех видов работ, за которые отвечал Бетанкур, внешняя политика русского царя пока не влияла. Уже в самом начале 1820 года двести тысяч рублей на нужды Главного управления водных и сухопутных путей сообщения были выделены из казначейства.

ПЁТР ДАНИЛОВИЧ ГОТМАН

В это время в ведомство водных и сухопутных путей сообщения поступил на службу выпускник Института Корпуса инженеров путей сообщения Пётр Данилович Готман, брат Андрея Даниловича — одного из самых любимых учеников Бетанкура. Пётр Данилович по личному распоряжению Августина Августовича был направлен в Нижний Новгород на строительство ярмарки. Ему было поручено построить сразу несколько кирпичных заводов. Нескольких лет на разных должностях он работал на Нижегородской ярмарке, а в 1836 году стал председателем Строительного комитета Нижнего Новгорода. Руководящий пост помог проявиться талантам ученика Бетанкура. Усилиями Готмана в Нижнем Новгороде было осуществлено коренное переустройство: спроектированы дамбы, мосты, набережные, доходные дома и два самых знаменитых здания — военно-губернаторский дворец в кремле и казармы на Нижегородской набережной. Только в 1844 году, получив назначение в Киев на должность председателя Киевской строительной комиссии, генерал-майор Готман покинет Нижней Новгород, воплотив в жизнь почти все замыслы Бетанкура.

СТРОИТЕЛЬСТВО СТОЛИЦЫ

В 1820 году архитекторы Росси, Стасов, Михайлов, а также инженер Базен под руководством Бетанкура окончательно утвердили «Проект о каменных и деревянных строениях в Санкт-Петербурге», сыгравший впоследствии большую роль в исторической застройке Северной столицы в первой половине XIX века. Проект содержал пять разделов: I. В каких частях города должны быть каменные строения и в каких — деревянные; II. О каменных строениях; III. О деревянных строениях; IV. О печах; V. Общие правила. Оформленный проект подписали: А. Бетанкур, П. Базен, А. Готман, А. Михайлов, А. Модюи, К. Росси, В. Стасов и В. Треттер.

Проект отражал требования и рекомендации по превращению Санкт-Петербурга в парадный столичный город. Этой цели был подчинён и ряд крупных градостроительных мероприятий. Основное внимание архитекторов комитета сосредоточивалось на реконструкции отдельных районов центра Петербурга и на планировании окраин. Фронт строительных работ был весьма широк, поэтому неудивительно, что в первой половине XIX века иностранные инженеры и архитекторы рвались на работу в Россию — попытаться воплотить свои творческие идеи или просто заработать, однако отбор был самым тщательным, и принимали далеко не всех.

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

В том же 1820 году наконец разрешился многолетний спор между Александро-Невской лаврой и Комитетом для строений и гидравлических работ о прохождении Обводного канала. В первоначальном проекте канал делил территорию церковных земель на две части. По заданию Бетанкура Базен составил новый проект головной части канала, по которому тот прокладывался южнее лавры.

Историю строительства Обводного канала можно разделить на два периода: конец 1760-х — 1770-е годы и 1805—1833 годы. Первоначально он был задуман как городской ров для таможенных и пограничных целей. Заставы, расположенные на главных магистралях, ведущих в столицу, осуществляли паспортный контроль и проводили таможенный досмотр товаров. Одновременно канал мог служить и санитарным щитом города на случай эпидемий.

К концу XVIII века городская застройка значительно продвинулась за Фонтанку, первоначально служившую также пограничной чертой Петербурга. По её берегам, кроме усадеб, располагались обширные слободы гвардейских полков. Вдоль южных границ участков Семёновского и Измайловского полков была проложена трасса канала или выгонного рва, а к его строительству приступили в конце 1760-х годов. Спустя примерно десять лет он был доведён почти до Лиговского канала.

Второй этап строительства начался по указу Александра I. Согласно новому проекту Обводный канал представлял собой транспортную магистраль, соединявшую Неву со взморьем, минуя её дельту и городской центр. Строительству сопутствовали сложные инженерные работы по его углублению и расширению, засыпке части русла реки Волковки и сооружению каменного акведука в месте пересечения с Лиговским каналом, а также устройство нового русла реки Монастырки. Руководство работами было поручено генерал-инженеру Ивану Кондратьевичу Герарду. Однако Отечественная война 1812 года прервала их. Вернулись к ним только в 1816 году, когда под руководством Бетанкура работы продолжались до 1821 года.

Открыли же Обводный канал для судоходства 25 октября 1833 года в присутствии ближайшего друга и коллеги Бетанкура Петра Петровича Базена — он на последнем этапе строительства руководил всеми инженерными и техническими работами. В это время канал представлял собой сложное гидротехническое сооружение с земляными откосами, укреплёнными шпунтовым

рядом и булыжной бермой. Через канал были перекинуты чугунные и деревянные мосты, выполненные по новейшим проектам, в том числе мост-акведук — по нему Лиговский канал протекал над Обводным. Тот, в свою очередь, расширялся около Александро-Невской лавры, где находилась гавань для речных судов.

К открытию судоходства северный берег канала был уже достаточно освоен. На планах того времени выделяются большие корпуса Измайловских провиантских магазинов (1819—1821, арх. В.П. Стасов), Ямская слобода с Крестовоздвиженской церковью, комплекс Духовной академии (главное здание — 1817—1821, арх. Л. Руска, И.И. Шарлемань 1-й). На южном берегу, кроме П-образного здания Скотопригонного двора (1823—26, арх. И.И. Шарлемань 1-й), обозначены обширные пустые участки, используемые под выгоны. Каждая постройка проходила через экспертный совет в Комитете для строений и гидравлических работ и тщательным образом согласовывалась с Бетанкуром.

В дальнейшем новая судоходная магистраль значительно способствовала развитию города. Оба берега канала стали активно застраиваться: были созданы условия для возникновения промышленных предприятий — многим современным производствам требовалось большое количество оборотной воды. Канал стал удобной и дешёвой транспортной артерией для перевозки сырья и промышленных товаров. Уже к середине XIX века вдоль него начали интенсивно строиться заводы и фабрики, склады.

Таким образом, Обводный канал, так же как река Мойка, Екатерининский канал и Фонтанка, определил дальнейшее развитие столицы во второй половине XIX века. Участие в этом деле Августина Августовича Бетанкура как главы Комитета для строений и гидравлических работ стало заметным событием в гидростроительстве Санкт-Петербурга.

ПЕРЕПИСКА БЕТАНКУРА И СВАДЬБА ДОЧЕРИ

Бетанкур писал одной из своих сестёр на Канарские острова: *«Моя жизнь благополучна, и я не перестаю радоваться тому, что принял решение приехать сюда и поступить на службу к этому великому Государю, он так выделяет меня среди прочих, что мне нечего более и желать. Три мои дочери по-прежнему живут со мной, но есть некие признаки того, что две старших вскоре покинут отцовский дом. Год тому назад из Англии приехал мой сын Альфонсо. Он — чудесный юноша, хорош собой, у него добрый характер, хорошие способности к учёбе, много умения, или, как Вы говорите, у него хорошая сноровка».*

В своих предсказаниях Бетанкур не ошибся. Весной 1820 года его старшая дочь Каролина вышла замуж за испанского инженера Хоакина Эспехо. После скромной свадьбы новобрачные сели в повозку и уехали в Нижний Новгород, где молодого мужа ожидал широкий фронт строительных работ, щедро предоставленный ему новоиспечённым тестем.

В одном из своих писем сестре Бетанкур писал: *«Скажи своему сыну Мануэлю, чтобы он написал мне, чем занимается в Испании, какой у него чин, жалованье. Если я увижу, что могу улучшить его положение, я сделаю это с превеликим удовольствием, я могу пригласить его сюда, у меня есть полномочия нанимать любого инженера, который мне нужен. В моём распоряжении свыше пятидесяти миллионов реалов в год для проведения работ по сооружению дорог и каналов, а у меня не хватает людей, которым можно доверить такие работы. Любой, кого я предложу Императору, будет хорошо принят. Так уже было с четырьмя испанскими офицерами, которых я рекомендовал. Если бы все твои дети изрядно учили бы математику и черчение, я бы без труда помог им сделать здесь хорошую карьеру. В других ведомствах это невозможно, как обычно, везде предпочитают своих. Да, я учредил здесь Школу, где изучают математику, но если молодой человек не имеет никакого инженерного образования, то, поступая сюда, он должен проучиться четыре года прежде, чем его примут в Корпус с чином лейтенанта. А до тех пор ему придётся содержать себя за свой счёт, так как при Школе нет пансиона. Если же человек уже имеет инженерное образование, то его могут принять в Корпус с тем чином, который у него есть».*

НИЖНИЙ НОВГОРОД. 1820 ГОД

На лето все уважающие себя люди покидали Петербург. Не оставалась в городе и семья Бетанкура. В мае 1820 года Бетанкур с женой и двумя дочерьми, Аделиной и Матильдой, снова поехал в Нижний Новгород. Комитетом для строений и гидравлических работ в своё отсутствие он поручил управлять директору Института Корпуса инженеров путей сообщения Степану Францовичу Сеноверу — тот в этих делах ничего не понимал, но зато был доверенным человеком генерал-лейтенанта, считавшим, что на него можно положиться.

По прибытии в Нижний Новгород Анна Джордейн сблизилась с женой генерал-губернатора Александра Семёновича Крюкова, как известно, англичанкой по происхождению. Очень часто к ним на чаепитие (конечно, не с пустыми руками, а принося самый изысканный китайский чай) захаживал Фома Яковлевич Ранд — от влиятельных женщин он узнавал все последние новости о высшем эшелоне власти приволжского города. Дамы всегда были очень любезны с ним и, сидя в чепцах за тульским самоваром, с восхищением спрашивали:

— А скажите-ка нам, Фома Яковлевич, как это вам удаётся доставать такой превосходный чай. И всегда разный. Сколько бы мы наших мужей ни просили — принесите нам чай хоть немного похожий на ваш, — не могут!

— Секрет заключается в любви, — пояснял Ранд. — Для любимых людей я готов сделать всё, что угодно. Именно этот чай, что вы пьёте сегодня, я заказал у китайских купцов ровно год назад. Этот жасминовый чай привезён из провинции Фуцзянь, расположенной на востоке Китая. Чай имеет лечебные свойства и омолаживает организм. Сегодня мы пьём чай, собранный в начале апреля. Цена чая, собранного в начале мая, уже в три-четыре раза ниже, чем того, что собран в начале апреля.

— Они сильно различаются по вкусу? — заинтересованно спросила жена генерал-губернатора.

— Ещё как, — с видом чайного знатока ответил Ранд и отвалился на спинку плетёного кресла (они войдут в моду и появятся в Англии только через два десятилетия). — В следующий раз я обязательно принесу вам несколько сортов жасминового чая, собранного в разных провинциях и в разное время. Мы устроим дегустацию и посмотрим, чем один чай отличается от другого.

— А можно мне пригласить на неё своих дочерей? — робко поинтересовалась у Ранда мадам Бетанкур.

— Конечно, — польщённый таким вниманием, ответил Фома Яковлевич. — Я буду вам за это только признателен.

Через три дня Ранд сдержал своё обещание. Он принёс около десяти сортов превосходного китайского чая и устроил дегустацию, объясняя, чем один чай отличается от другого. На дегустацию по настоянию жены пришел сам Бетанкур. Ранд первым определял на вкус качество продукта и, объясняя то или иное его свойство, сразу сделался центром внимания. Тоном немецкого профессора ботаники он доходчиво пояснял:

— Для обработки берутся только верхние два листочка на нежном ростке с молодых чайных кустов. Чайные листья в процессе изготовления скручивают вручную и делают из них маленькие шарики.

Ранд продемонстрировал собравшимся несколько таких шариков, а затем, бросив их в фарфоровый чайник, залил кипятком из угольного самовара. Кончилась дегустация глубокой ночью распитием хорошего Канарского вина — видуэньо, присланного Бетанкуру в бочонке с острова Тенерифе его сестрой Марией дель Кармен.

После чаепития генерал-лейтенант стал более внимательно относиться к китайскому павильону и попросил Ранда при встрече с Монферраном провести архитектору точно такую же дегустацию, чтобы француз понял важность Китайских рядов на Нижегородской ярмарке и прочувствовал всю значимость китайского чая для российского рынка.

А тульский самовар с инкрустированными ручками и ажурным краником, из которого гостей потчевали чаем, привёз в подарок Бетанкуру Андрей Карлович Боде, специально вызванный из Тулы для занятия должности главного смотрителя паровых машин на разных объектах ярмарки. Августин Августович хорошо знал этого талантливого инженера, назначенного ещё в 1811 году по его рекомендации на пост директора «по искусственной части» на оружейном заводе в Туле.

СПАСЕНИЕ СОБОРА

В 1820-х годах ярмарка значительно повлияла на формирование прибрежной зоны Нижнего Новгорода, особенно на застройку Рождественской улицы. На ней стали возводить многочисленные каменные дома, использовавшиеся в ярмарочное время под гостиницы и трактиры. Очень благодарны Бетанкуру были представители Русской православной церкви и нижегородские прихожане — генерал-лейтенант спас от неминуемого разрушения собор Пресвятой Богородицы, более известный в Нижнем Новгороде под названием Рождественский, или Строгановский, построенный в самом начале XVIII века в стиле русского барокко. Бетанкур с архитектором Ефимовым возвёл под церковью стенку-крепиду из кирпича, а колокольню, ранее стоявшую отдельно, по уровню второго яруса соединил с папертью крытым переходом. Таким образом церковь была спасена.

ЯРМАРКА

В 1820 году на ярмарке работало не менее восьмисот мастеров. По приказу Бетанкура одновременно были заложены сразу два десятка новых лавочных рядов, а также завершена кладка стен собора и трёх главных административных корпусов. Некоторые лавки устраивали по сторонам наплавного моста через Оку, соединявшего город с ярмарочной территорией. Вот что об этом писал в своём дневнике будущий статский советник Гавриил Васильевич Гераков: *«13-го июня. — Напившись кофе, переехали на лодке через Ячмень… В половине восьмого пополудни приехали в Нижний Новгород на пароме. Вид от реки Оки — прелесть: на горе — уступами дома, домики, лачужки; для новой ярмарки строения по виду хорошие, но ещё строятся. На ярмарку стекаются до двухсот тысяч человек с 20 июля по 20 августа. Кто из россиян не знает, что 32 губернии соединяются Волгою?»*

Только российского товара на ярмарку в 1820 году было привезено на 52 миллиона 550 тысяч рублей, иностранного — на 41 миллион 800 тысяч.

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Жизнь летом кипела не только на ярмарке, но и вокруг неё. Например, жена генерал-губернатора Крюкова и мадам Бетанкур, как правило, посещали по вторникам балы в Благородном собрании — на них съезжалось по нескольку сот человек. Иногда число собравшихся достигало тысячи. Если кто-то из молодых людей или барышень проходил без поклона мимо жены генерал-губернатора, та обязательно делала замечание.

— Молодой человек, — говорила она, — скажи мне, кто ты такой и как твоя фамилия.

Обращалась она только на «ты». Узнав анкетные данные неучтивого субъекта, она с лёгкостью могла прервать карьеру его родителя. Поэтому большинство молодых людей всегда были с ней очень вежливы и учтивы. Многие из них уже знали, что «в России ранг не заслуживают, а получают».

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Тёплыми летними вечерами дочь Бетанкура Матильда часто музицировала — она прекрасно играла на рояле. Девушка могла читать самые сложные ноты без подготовки. Сидя за инструментом, она всегда имела щегольскую кавалерийскую выправку: корпус назад, затылок назад. В последнее время две дочери Бетанкура, Каролина и Матильда, особенно после замужества первой, сильно не ладили. Они были полными противоположностями: первая походила на отца, вторая — на мать, в отличие от Аделины и Альфонсо, похожих на обоих родителей.

Бетанкур не обращал внимания на ссору дочерей — он каждый день занимался строительством ярмарки, которую современники описывали так: *«Мы нашли большую часть сего огромного предприятия совершенным. Главные корпуса, определённые для жительства губернатора, для помещения банков, биржевой залы, ресторации и пр. и пр., кончены, равномерно и значительная половина гостиного двора; нет сомнения, что ярмарка перейдет из балаганов в новый гостиный двор».*

Своей сестре Марии дель Кармен (её Бетанкур не видел с 1777 года) в 1820 году он писал: *«Ты знаешь, что дочь Каролину я выдал замуж за дона Хоакина Эспехо, молодого испанца, человека одарённого и с блестящей репутацией. В Испании он служил в артиллерии, а здесь поступил в Корпус инженеров путей сообщения, который я возглавляю, и получил чин старшего сержанта. Он прибыл сюда в силу тех обстоятельств, которые переживает наша Испания, и работает, вместе с другими испанцами и под моим началом, на сооружении знаменитой Макарьевской ярмарки, которую я перенёс в Нижний Новгород. Эта ярмарка станет одним из любопытнейших сооружений Европы, ты бы сумела это оценить, если бы я располагал временем, чтобы описать её. Пока же скажу тебе, что она находится при слиянии двух извилистых рек: Оки и Волги. Торговые здания рассчитаны на три тысячи просторных лавок и магазинов, вдоль них протянется галерея с тремя тысячами двумястами железными колоннами. Кроме того, предусмотрены несколько строений с помещениями для губернатора, биржи, ресторацией, залов для общих заседаний, три церкви и т.д. и т.п. Для этих сооружений я запросил 24 миллиона реалов, и они уже получены, но для завершения работ потребуются ещё пять или шесть миллионов. Думаю, что в будущем году всё будет закончено. Но это лишь малая часть того, что мне поручено. Под моим управлением все дороги и каналы империи,*

навигация по всем рекам, все строения города Санкт-Петербурга, три школы по обучению инженеров и т.д. В этом году для всех работ в моё ведение переданы более шестидесяти миллионов реалов, суди сама, сколько времени у меня останется на самого себя…» Действительно, всё лето с раннего утра до позднего вечера Августин Августович проводил на строительстве ярмарки, а она росла прямо на глазах. Вечерами же, сидя на пологом берегу Волги и любуясь неповторимым закатом, он обдумывал и набрасывал чертежи и планы машин и механизмов для усовершенствования подъёма колонн Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. В 1834 году, благодаря этим инженерным изобретениям, будет поднята Александровская колонна на Дворцовой площади.

ИНСПЕКЦИЯ РОССИЙСКИХ ДОРОГ

В конце августа 1820 года главный директор путей сообщения генерал-лейтенант Бетанкур из Нижнего Новгорода отправился с инспекцией по городам России. Семья же его поехала в Санкт-Петербург, куда и прибыла в 20-х числах сентября.

Маршрут Августина Августовича был таким: сначала водным путём он собирался добраться до Казани и Астрахани, оттуда через Кавказ и Крым — в Одессу. В дороге Бетанкур вспомнил некогда сказанные ему князем Румянцевым слова: «В России чиновники больше всего боятся досуга, так как не знают, чем себя занять. Отсюда у них такая страсть к путешествиям».

После вояжа Бетанкур представил царю «Обзор различных вопросов, касающихся путей сообщения России», состоявший из трёх частей и ставший отчётом об инспекционной поездке по России. В «Обзоре» генерал-лейтенант в резкой форме поставил вопрос об улучшении судоходства в бассейне рек Волги и Камы; предложил соединить Волгу с Доном и начать строительство Военно-Грузинской дороги. Он также рекомендовал расширить черноморские порты: Одессу, Николаев, Херсон, Севастополь, Феодосию и Керчь. Исходя из новейшей экономической теории Арсеньева, Бетанкур предложил начать разработку богатств Кавказа и Крыма. Один только перечень чертежей, приложенных к отчёту, показывал, какая огромная проделана работа.

ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ

Во время поездки по Кавказу Бетанкур остановился в Кизляре — городе в Дагестане, основанном в 1735 году как русская крепость на реке Терек. Здесь он неожиданно встретил испанского офицера на русской службе Хуана Ван-Галена (ещё в Петербурге он помог ему, несмотря на то что Александр I издал указ, запрещающий зачислять иностранных офицеров в русскую армию). Бетанкур принял участие в судьбе земляка, попавшего в затруднительное финансовое положение, и свёл его с теми, кто помог эмигранту устроиться на службу к генералу Ермолову в чине майора Нижегородского драгунского полка, пребывавшего на Кавказе.

До этого Ван-Гален был испанским революционером, инсургентом, доверенным лицом и другом генерала и политического деятеля Антонио Квироги, участвовавшего в национальной войне против Наполеона и пытавшегося установить конституционное правление в Испании. За эту деятельность Ван-Гален оказался в тюрьме, откуда бежал к своим союзникам, либералам-англичанам, не подозревая, что те руками испанских революционеров старались ослабить могущество Испании и отделить от неё колонии в Южной Америке. Оказавшись в Лондоне, Ван-Гален принялся искать службу в стране, «которая никогда бы не была замешана в борьбе против Испании». Так в 1818 году он приехал в Петербург, а затем и на Кавказ.

Ван-Гален специально прибыл в Кизляр из Тифлиса, чтобы от имени генерала Алексея Петровича Ермолова пригласить Бетанкура посетить Грузию и осмотреть построенные под его командованием дороги. Особенно интересовало генерала Ермолова направление из Тифлиса в Кахетию через горный хребет Гомбори. По мнению Алексея Петровича, эту дорогу *«множество источников, растворяя глубокую грязь, местами делают весьма неудобною»*. А жизнеспособность её была весьма актуальна — она сокращала чуть ли не наполовину расстояние от Тифлиса до города Телави, имевшего важное стратегическое значение. Генерал Ермолов хотел заручиться поддержкой Бетанкура, чтобы доложить Государю о своих успехах и на этом поприще.

Главный директор путей сообщения очень ласково встретил своего соотечественника в Кизляре, однако предложенная поездка в Тифлис поставила генерал-лейтенанта в затруднительное положение: маршрут был согласован на высшем уровне — он ехал в Крым и Одессу по особому указу Его Императорского

Величества. Однако, узнав подробности путешествия и рассчитав время, Бетанкур всё же решился исполнить просьбу командира Отдельного Грузинского корпуса, управляющего гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, генерала от инфантерии Алексея Петровича Ермолова.

Немного отдохнув с дороги, выехал он с Ван-Галеном, усадив того рядом с собой в экипаж, из Кизляра в Тифлис. Путешествовал Бетанкур с большим комфортом, оберегая себя от малейших дорожных неприятностей. Современники заметили, что после назначения на пост главного директора путей сообщения Российской империи характер Бетанкура резко изменился в худшую сторону — он стал требовать к себе повышенного уважения.

Вот что оставил в своих записках его секретарь Филипп Филиппович Вигель: *«Сделавшись главным директором путей сообщения, сказать правду, мой Бетанкур слишком зазнался. Он не видел границ ни доверенности к нему царя, ни покорности первых лиц в государстве к сему последнему и почитал всё себе дозволенным. Он не хотел сделать никаких связей, которые бы во дни напасти некоторым образом могли служить ему опорой. Россия казалась ему также неисчерпаемым кладезем, и оттого предприятиям его, скажем лучше, его строительным затеям не было конца; на всё требовал он миллионы и гневался на министра финансов, который не умел их находить».*

Бетанкур уже давно освоился с придворной жизнью и хорошо знал, что в Петербурге все за всеми следят, а многочисленная чиновничья мелюзга почитает только богатство и власть, экипаж же — визитная карточка любой персоны. Почти каждый прохожий в Петербурге бегло осматривал встреченную карету и мысленно отмечал, сколько лошадей в упряжке, сколько фонарей, как одет кучер и есть ли впереди форейтор, а на запятках лакей. Бетанкуру с получением должности главного директора путей сообщения очень нравилось быть значительной и важной персоной. И его поездка на юг России здесь не была исключением. Наоборот, он с ещё большей помпой хотел всем продемонстрировать, что на Кавказ прибыл сам главный директор путей сообщения Российской империи. Помимо нескольких колясок, для Бетанкура и его приближённых за обозом следовал огромный рыдван со всевозможной провизией, кухонной посудой и прочим. На всех станциях для главноуправляющего были заранее приготовлены лошади и конвой во избежание каких-либо проволочек.

ТИФЛИС

Генерал Ермолов принял Бетанкура с большим почётом и сам показал ему все сделанные им в городе и окрестностях улучшения. Увиденным Бетанкур остался весьма доволен, хотя и высказал несколько критических замечаний. В Тифлисе генерал-лейтенант провёл четыре дня и по совету Ермолова принял несколько раз минеральные ванны, оказавшие на него благотворное воздействие. Во время одного из купаний Бетанкур узнал от Алексея Петровича, что у его земляка Ван-Галена в эти четыре дня случились большие неприятности.

Александр I, находившийся на очередном польском сейме в Варшаве, был очень раздосадован внешней и внутренней политикой Испании. Второй Варшавский сейм также стал провальным для русского самодержавия, и все чувствовали, что в польском обществе складывается гнетущая атмосфера, направленная против восточного соседа. В петербургских салонах ещё не закончили обсуждать восстания в военных поселениях Чугуевского уланского и Таганрогского полков, как заговорили о неаполитанской революции под предводительством одного из самых видных вождей итальянских карбонариев — Гульельмо Пепе.

Все эти проблемы непосредственно касались послевоенной политики Александра I — он был очень озабочен своей репутацией, продолжая считать себя первым среди монархов Европы. По не совсем понятным причинам Александр I решил выслать Ван-Галена из России. Генерал Ермолов получил об этом специальное послание, но не захотел сам знакомить с ним испанского офицера, отличившегося храбростью в недавних боях во время Казикумыхской экспедиции, а попросил сделать это его земляка — Бетанкура.

За час до отъезда главного директора путей сообщения Хуан Ван-Гален пришёл проститься. Августин Августович окинул соотечественника печальным взглядом и, подойдя к раскрытому окну с цветущими на подоконнике красными гиацинтами, с сожалением произнёс:

— Мой дорогой друг, несчастья преследуют вас. Скоро вы узнаете неприятную новость; её нельзя было ни предвидеть, ни предупредить. Вам выдадут паспорт и под конвоем отправят за границу. Не нужно ли вам денег?

Деньги Ван-Галену были нужны, даже очень. Когда он уезжал из Петербурга, его друзья, с которыми его познакомил Бетанкур, подарили ему маленького негра. (Иностранцы в России не имели

права иметь крепостных, а денщик новоиспечённому майору был необходим.) Однако по прибытии в Тифлис Ван-Гален заболел перемежающейся лихорадкой, через пять недель превратившей его в совершенный скелет. Маленький негр, посчитав, что офицер не выживет, воспользовался беспомощным положением своего господина и, прихватив все его платье и деньги, бежал в Персию. Ван-Гален остался ни с чем. Но от предложенной Бетанкуром помощи всё-таки решил отказаться.

Прочтя мысли собеседника и не дожидаясь ответа, Августин Августович вынул записную книжку и, вырвав из неё страничку, написал несколько слов. Затем, сложив бумажку вчетверо, сунул её в руку Хуана со словами:

— В какой бы из европейских столиц вы ни очутились без средств, воспользуйтесь этой запиской. Вы получите требуемую сумму.

Сказав это, Бетанкур простился с земляком и со слезами на глазах сел в экипаж, покативший по Военно-Грузинской дороге в сторону Минеральных Вод. Затем были Керчь, Феодосия, Севастополь, Херсон и Николаев. До некоторых городов, которые планировал посетить Бетанкур, он так и не доехал. Вернулся Августин Августович в Петербург только глубокой осенью.

ОСЕНЬ

В Петербурге в это время кипела работа. Ещё до отъезда в Нижний Новгород генерал-лейтенант распорядился, чтобы Андрей Данилович Готман приступил к сооружению на левом берегу Невы Петровской и Дворцовой пристаней — широких гранитных лестниц с промежуточными площадками. В том же 1820 году, в отсутствие Бетанкура, вдоль Адмиралтейского бульвара уложили гранитный тротуар и установили чугунные фонари на гранитных пьедесталах. В Институте Корпуса инженеров путей сообщения Габриэль Ламе впервые начал читать курс физики. А на Московском шоссе по проекту Бетанкура построили мосты через реки Ижору и Славянку. При участии главы Комитета для строений и гидравлических работ тогда же были составлены «Правила о содержании улиц по городам и селениям».

Сразу же по возвращении в Петербург Бетанкуру пришлось решать одну сложную задачу. Осенью сильный порыв ветра повредил крест на куполе Казанского собора: символ христианской веры погнулся, а яблоко у его основания деформировалось. Архитектор П.С. Филиппов (к нему сначала обратились городские власти) рекомендовал выправить крест и яблоко на месте, не снимая их, что потребовало бы минимальных средств. Однако генерал-губернатор граф Милорадович усомнился и обратился за консультацией к Бетанкуру.

Августин Августович, изучив проблему, через несколько дней вынес следующее суждение: *«Для устранения сего креста нужно: 1) снять оный, чего невозможно сделать без лесов, расположа их на верхней части купола; 2) главную полосу, коей утверждается крест в куполе, сковать из цельного куска и 3) разрезать лучи, окружающие оный».* Исправление креста по предложениям Бетанкура было поручено архитектору Андрею Алексеевичу Михайлову. Через несколько недель крест занял прежнее место.

Историческая справка

Когда Александр I был на конгрессе Священного союза в Троппау, в Петербурге начались беспорядки в лейб-гвардии Семёновском полку — любимом детище императора. В конце концов полк в полном составе — три тысячи человек — оказался заточён в Петропавловской крепости.

2 ноября 1820 года Государь подписал приказ по российской армии, в котором повелевал: «Всех нижних чинов лейб-гвардии Семёновского полка распределить по разным полкам армии, дабы они, раскаясь в своём преступлении, потщились продолжением усердной службы загладить оное. Виновнейiие же и подавшие пагубный пример прочим, преданные уже военному суду, получат должное наказание по всей строгости закона».

Штаб- и обер-офицеров Семёновского полка было приказано перевести в армейские части.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Царский приказ и долгое отсутствие Бетанкура в Петербурге вызвали лёгкое брожение в умах воспитанников Института Корпуса инженеров путей сообщения — некоторые из них втайне были солидарны с «бунтовщиками».

Сам Александр I считал, что без подстрекательства радикалов здесь не обошлось. С Троппауского конгресса началась новая эпоха его правления: он полностью простился с остатками либерализма, сделавшись решительным сторонником реакционных мер.

15 декабря 1820 года Александр I покинул австрийскую Силезию и через Вену, где остановился на несколько дней, направился в Лайбах — там конгресс продолжил работу. Тем временем революционная ситуация в Европе нарастала: в Пьемонте вспыхнуло восстание. Русский царь, не задумываясь, предоставил для усмирения революции своим союзникам — австрийцам помощь — сто тысяч солдат. Главнокомандующим Александр I решил назначить генерала Ермолова, у которого этой осенью в Тифлисе гостил Бетанкур. Но Алексей Петрович до северной Италии так и не добрался. Революцию в Пьемонте австрийцы подавили без русских штыков.

Не успели европейские правители справиться с пьемонтским революционным движением, как в Лайбах пришло новое известие — восстание в Греции. Генерал-майор русской армии Александр Ипсиланти, собрав в Бессарабии отряд из греков, арнаутов и русских, *22* февраля 1821 года перешёл Прут и вступил в Яссы, что послужило поводом для восстания греков, живущих в Османской империи.

Примерно в это же время Бетанкур из газет узнал, что в Испании ушло в отставку конституционное правительство, а в Мексике, наоборот, — под предводительством генерала Агустина де Итурбиде сторонники конституционного правления одержали победу.

Русский император выехал из Лайбаха 1 мая 1821 года. В Варшаве он узнал, что начавшееся в Греции восстание послужило поводом для избиения христиан в Константинополе. Семидесятичетырёхлетнего патриарха Григория в день Святой Пасхи турки схватили у алтаря и в полном облачении повесили у входа в храм, а затем, протащив несколько сот метров по улицам города, бросили на берег моря к телам других убитых. Это событие стало сигналом к избиению христиан на всей территории Порты. Три митрополита: Ефесский, Никомидийский и

Ахиольский — и ещё восемь представителей высшего греческого духовенства были зверски замучены и убиты. Бетанкур внимательно следил за политическими событиями в мире, понимая, что если Россия ввяжется в войну с Турцией, то о строительстве Нижегородской ярмарки, Исаакиевского собора, шоссе Петербург — Москва можно будет забыть на долгие годы.

НАРАСТАЮЩЕЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Александр I прибыл в Царское Село 24 мая 1821 года после почти годового отсутствия. От поборника либерализма в нём уже ничего не осталось. Русский царь стоял во главе европейской реакции, опережая австрийского и прусского монархов, вместе взятых. Всё это не могло не повлиять на внутреннюю жизнь страны — она стала совершенно другой после Заграничного похода 1812—1815 годов. Русские офицеры, по воле судьбы очутившиеся за границей и узнавшие европейские порядки, поняли, что в России царило полнейшее неуважение к правам личности. Военные поселения, созданные Александром I, были просто чудовищны. Реформы в образовании, проводившиеся в стране, — катастрофическими. Исключением был только Институт Корпуса инженеров путей сообщения.

Из многих университетов изгонялись лучшие профессора, отказывавшиеся проповедовать преимущество Священного Писания над наукой. Некоторые ортодоксальные головы при дворе планировали даже закрыть Казанский и Харьковский университеты. И всё это происходило при полном расцвете крепостного права. Бетанкур однажды поймал себя на мысли, что в Испании любой человек для него никогда не был технологическим элементом механизированного труда, а в России к простому народу он стал относиться по-другому — точно так же, как и все остальные царские сановники. И если на Нижегородской ярмарке на мастеровых он смотрел с некоей симпатией, подчас любуясь их работой, то при строительстве шоссейной дороги Петербург — Москва крестьяне для него были такой же производственной массой, как кирпич или песок. Жизнь и здоровье черни его совсем не волновали — просто выход из строя «человеческого материала» удорожал смету и требовал дополнительных расходов. При этом, занимая пост главного директора путей сообщения, Бетанкур понимал, что, пока он в этой должности, к нему в Институт Корпуса инженеров путей сообщения никто с реформой образования не придёт, и продолжал совершенствовать свои стандарты.

ГИДРАВЛИЧЕСКАЯ СМЕСЬ И АНРИ ДЕ СЕН-СИМОН

В 1821 году Клапейрон и Ламе разработали теорию купольных сводов, столь необходимую для научного обоснования постройки Исаакиевского собора. Выполнив, по заданию Бетанкура, экспертную оценку грандиозного сооружения, молодые учёные свои теоретические выводы опубликовали в работе «Об устойчивости сводов» и сразу начали читать факультативно этот курс в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. В том же году в учебные стандарты были введены такие предметы, как химия и геодезия, открыта химическая учебная лаборатория. А курс умозрительной механики с ведома Бетанкура разделили на два самостоятельных: прикладной механики и теоретической. Прикладная механика предполагала изучение паровых машин, строительных и дорожных механизмов, а также других механических устройств для строительства и эксплуатации транспортных сооружений и водоснабжения. Теоретическая — изучение законов механического движения и взаимодействия материальных тел.

Строительство мостов и каналов усложняло отсутствие полноценных вяжущих растворов. Известно, что цемент изобрели ещё в Риме, но в России как гидравлическая смесь в начале XIX века он почти не применялся. Портлендский цемент пришёл на берега Невы только в середине 40-х годов XIX века. Поэтому Бетанкур обратил внимание коллег на производство гидравлических цементов. Для этого он организовал исследование месторождений извести на Северо-Западе России. Бетанкур поручил Антуану Рокур де Шарлевилю, наряду с чтением лекций и проектированием моста через реку Нарву, исследовать различные сорта извести. Результаты этих исследований — две тысячи пятьсот опытов над Нарвской плитой, проведённых под руководством Рокура де Шарлевиля русскими мастерами, — легли в основу его научного трактата, тогда же опубликованного. Была получена специальная гидравлическая известь, пригодная при строительстве подводных устоев Нарвского моста.

Позднее трактат Рокура де Шарлевиля не раз переиздавался не только в России, но и во Франции и Германии. Кроме того, Рокур де Шарлевиль был одним из первых приверженцев Анри де Сен-Симона в России и широко пропагандировал его взгляды. Он хотел, чтобы Бетанкур прочел «Введение в научные труды XIX

века», но Августин Августович только отмахнулся от книги, сказав, что знает её автора, — ещё в Париже его познакомил с ним Гаспар Монж, и, по его мнению, от этого проходимца ничего путного ждать нельзя.

— Когда-то, — обращаясь к Рокуру де Шарлевилю, сказал Бетанкур, — граф Анри де Сен-Симон приезжал в Испанию с проектом канала для соединения Мадрида с морем. Думаю, сегодня у него такие же идеи, только не в науке, а в философии. Не советую вам увлекаться этим человеком, — добавил Августин Августович. — Всё, что он предлагает, — утопия.

Историческая справка

После возвращения Александра I из Лайбаха в Петербург все заговорили о близкой войне с турками. Англия, Франция, Австрия, с одной стороны, хотели ослабить Оттоманскую Порту руками русских, с другой — боялись, что война христиан против мусульман пробьёт революционную брешь в Европе и её очень сложно будет заделать.

В самой России после избиения христиан в Константинополе взор многих православных был устремлён на царя в ожидании наказания иноверцев. Однако император оставался верен политическим договорённостям, достигнутым в Троппау и Аайбахе, что позволяло Бетанкуру получать стабильное финансирование для строительных проектов.

ВСТРЕЧА С ИМПЕРАТОРОМ

В последних числах мая 1821 года Александр I принял Бетанкура в Царском Селе и выслушал его доклад. Император был любезен с главным директором путей сообщения, хотя и очень утомлён. Все предложения Бетанкура по строительству Нижегородской ярмарки и шоссе Петербург — Москва император одобрил. Список военных инженеров, представленных Бетанкуром к наградам, был безоговорочно принят и подписан. Однако наградной лист гражданских чиновников (их Бетанкур также хотел поощрить) Государь оставил у себя для дальнейшего рассмотрения.

Августин Августович передал Государю отчёт о деятельности Главного управления путей сообщения в 1821 году, состоявший из трёх частей и включавший работу по девяти округам. В нём рассматривались дорожная часть, водные коммуникации, прилагались чертежи шоссейных дорог, водных путей и сооружений. Всё это император оставил у себя для изучения.

Через несколько дней после встречи с царём Бетанкур отправился в Нижний Новгород, где в день приезда узнал, что 23 апреля на острове Святой Елены после долгих страданий, вызванных раком желудка, скончался Наполеон Бонапарт.

НИЖНИЙ НОВГОРОД. 1821 ГОД

Августин Августович не любил французского императора и с радостью перекрестился.

1821 год для Нижегородской ярмарки стал самым напряжённым. Несмотря на то что кирпичная кладка большинства строений уже завершилась, требовалось заложить ещё двадцать шесть корпусов и начать отделку главных зданий. Торжественное открытие ярмарки было назначено на 15 июля 1822 года. Работы шли полным ходом, а денег катастрофически не хватало. Бетанкур запросил у правительства ещё полтора миллиона рублей, что дало его многочисленным врагам и недоброжелателям в Петербурге повод для активных действий против него, в то время как в столицу постоянно поступала информация о плохом качестве работ по укреплению береговой линии реки Оки.

Бетанкуру то и дело приходилось оправдываться. *«Мне неизвестно,* — писал он в объяснении, — *почему Комитет гг. министров сомневается в прочности работ?.. чтоб возложить на меня ответственность за сию работу? В таком случае при проведении оной я должен был бы устраивать оную вновь на свой счёт, иначе ответственность сия была бы мнимой, но я признаюсь, что для того будет недостаточно всего моего имущества…»*

В 1821 году стало ясно, что, когда в 1817-м начинали строить ярмарку, не было точных смет, никто не знал, во что обойдётся строительство. Бетанкур решил сыграть на добрых отношениях с императором и не стал объяснять ему, во сколько в конечном счёте обойдётся ярмарка, посчитав, что, когда первые транши будут потрачены, ему всё равно выдадут из казны деньги для завершения работ. Но за четыре года произошло многое: во-первых, сам Александр стал другим; во-вторых, благодаря ближайшему окружению, его отношение к Бетанкуру изменилось в худшую сторону; в-третьих, положение внутри России сделалось таким, что царь не мог не знать, что сидит на пороховой бочке, — в армии и в обществе зрели революционные настроения.

Первоначально Бетанкур планировал истратить на строительство ярмарки шесть миллионов рублей, но доподлинно известно, что к 1824 году на неё уже ушло 9 210 781 рубль. Другие министры, от кого эти деньги были отобраны, возненавидели Бетанкура и постоянно жаловались на него Аракчееву и царю, когда последний бывал в Петербурге. Бетанкура называли плохим организатором и ротозеем, которого постоянно обворовывают, завышая цены на строительные

подряды. Но главный повод для своего избиения Бетанкур дал Александру сам, когда в 1821 году представил царю записку о состоянии дорог в Российской империи.

ПОВОД

В этой записке генерал-лейтенант изложил своё мнение о чудовищном положении дорожного хозяйства в стране и предлагал меры по наведению порядка, для чего требовал немалые казённые средства. Деньги же Бетанкуру никто давать не хотел. Департамент государственного казначейства категорически отказывался выдавать новые миллионы на строительство Нижегородской ярмарки — в то же время прекратить его никто не осмеливался. Но выдавать деньги на новые «безумные» идеи господина Бетанкура никто не собирался. Все хорошо знали: «откатов» генерал-лейтенант никому не даёт, а покровителей из сильных мира сего у него уже нет, так как он ни перед кем не заискивает.

— Дороги — зеркало Отечества, — нашёптывали недоброжелатели Аракчееву, — а Бетанкур говорит, что за последний двадцать лет ничего не сделано. Разве Александр I плохой руководитель? Разве он уделял мало внимания дорогам? Бетанкур очень много на себя берёт и думает, что только он один разбирается в деле. Он ни с кем не считается! И при этом ему всё мало. За деньги, что он получил, можно не одну, а две ярмарки построить.

А Бетанкур был всё ещё уверен, что сохранил царскую милость. Между тем Аракчеев, получая из разных источников отрицательные сведения о Бетанкуре, начал постепенно формировать у царя негативное отношение к главному директору путей сообщения. При дворе стали поговаривать, что Бетанкур строит не Нижегородскую ярмарку, а бессмертный памятник самому себе. В подтверждение приводили «факты»: царь находится в Петербурге, а главный директор путей сообщения, вместо того чтобы обсуждать с императором развитие дорог империи, качество коих он сам определил как очень низкое, бросает всё и отправляется на Волгу возводить себе рукотворный мемориал за казённые деньги.

Врагов у Бетанкура с каждым днём становилось всё больше.

КАНУН

Первым сигналом того, что генерал-лейтенант попал в опалу, была передача царём списка гражданских чиновников, представленных к различным наградам по управлению путей сообщения, в Комитет министров, где его могли рассматривать годы. Кроме прочего, генерал-майор Вельяшев, строивший дорогу от Чудова до Грузина, где находилось знаменитое имение Аракчеева, был уличён в крупной растрате. Вместо того чтобы наказать виновного, Бетанкур наградил его лентой. Это ещё больше озлобило Аракчеева, но до поры до времени самый влиятельный вельможа Российской империи не подавал виду и об этом инциденте царю не докладывал. Притаившись, хитрый царедворец ждал своего часа. И он пробил в канун Рождества 1821 года.

СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР

Всё тот же Вельяшев, спасённый Бетанкуром, вместе с многолетним его врагом генералом Карбонье написал в самых дерзких тонах бумагу о самоуправстве генерал-лейтенанта Бетанкура и нецелевом расходовании казённых средств. А также сообщал о тотальной коррупции и взяточничестве помощников и секретарей генерал-лейтенанта. Что, по сути, во многом соответствовало истине.

Бетанкур возвратился из Нижнего Новгорода в конце сентября 1821 года и три месяца не мог попасть на приём к Государю. Только после того, как император ознакомился с доносом и обсудил его с Аракчеевым, он пригласил к себе Бетанкура. Впервые за всю историю их отношений Александр I говорил с ним сурово и холодно.

— Я вас ни в чём не виню, — отстранённо сказал император. — Во всем виноват только один человек — я сам. Я определил вас на должность, к которой вы не способны и от которой вы отказывались с самого начала. Я виноват во всём.

После этих слов Бетанкур должен был попросить у царя отставку, но он этого не сделал, а продолжал работать. Враги его остались в полном недоумении. При этом оба генерала, Вельяшев и Карбонье, за то, что осмелились написать донос на главного директора путей сообщения, то есть на вышестоящее должностное лицо, были привлечены к суду: Карбонье вскоре оправдали, а Вельяшев, действительно замешанный в хищении казённых средств, до суда так и не дожил, умерев под следствием. Что касается самого Бетанкура, то по нему был нанесён сокрушительный удар, и от него он уже никогда не оправился.

ЛЮБОВНАЯ СТРАСТЬ

О том, что происходит на службе, Августин Августович дома никому не рассказывал. Каждый вечер он входил в гостиную и хмуро наблюдал, как его жена сидит возле камина и вышивает. Казалось, никакие переживания не отражались на её лице. Светлые, живые глаза устремлены в пространство; тонкий, слегка заострённый нос вытянут, рот плотно сжат, верхняя губа чуть-чуть приподнята, подбородок опущен. Она уже далеко не первой молодости. Однако цвет лица чистый, слегка румяный, что придаёт ей ещё большую миловидность. Главная же прелесть Анны Джордейн заключалась в глазах, карих, больших, всегда широко открытых, излучавших необыкновенную доброту и осенённых длинными чёрными ресницами.

Неожиданно Бетанкур вспомнил, как впервые увидел её в Париже. На ней было белое платье, без всякой отделки. Тогда такие носили почти все столичные дамы республиканской Франции: от тонкой талии, перехваченной широкой лентой, до самого пола ниспадали лёгкие складки с тускло-золотой каймой. На руке тонкий обруч-браслет из стали. Раньше Бетанкур никогда не видел, чтобы женщины, да и мужчины тоже, носили украшения из этого прочного и вовсе не ювелирного металла. Мода на них только-только дошла из Англии до Парижа, но испанцы ещё не знали об этом. Увидев Анну, он тут же понял, что это женщина его мечты. Каждый волосок, каждая пора на её коже, густые высокие брови, слегка обнажённая высокая, пышная грудь — всё возбуждало в нём безумную страсть.

И сегодня вечером он так же захотел свою жену и, невзирая на её легкое сопротивление, попытался овладеть ею прямо в гостиной. Но, боясь, что кто-то из детей может неожиданно войти, Анна взяла Бетанкура за руку и отвела в спальню, где в канделябрах горели лишь три свечи. В комнате, обитой штофом и устланной шёлковым ковром, стояла широкая кровать, тяжелая шёлковая занавесь которой была продета у потолка в толстое стеклянное кольцо. Как много лет назад, Бетанкур и его жена слились в любовном экстазе. Это было, когда он по инерции ещё продолжал играть ключевую роль в Российской империи, а она всё ещё оставалась женой главного директор путей сообщения.

ОТСТАВКИ

В самом начале 1822 года тучи сгустились не только над Бетанкуром. Своего поста весной лишился министр иностранных дел Иоанн Каподистрия, верой и правдой служивший интересам России. После этого события Россия на несколько лет перестала играть самостоятельную роль в европейской политике. 19 мая Меттерних с большим апломбом докладывал императору Австрии и Священной Римской империи Францу, что они одержали крупную победу, когда-либо выигранную одним королевским двором у другого.

— Русский кабинет одним ударом низверг великое творение Петра Великого и всех его преемников, — сказал в одной из бесед австрийский канцлер.

И это было действительно так. Александр I разгромил не только Наполеона, но и самого себя вместе с Россией. Первыми жертвами стали русский народ, министр иностранных дел Каподистрия, главный директор путей сообщения Августин де Бетанкур…

В июне 1822 года Александр I выехал из Петербурга осматривать военные поселения в Новгородской губернии, а заодно заехал со своим братом, великим князем Николаем Павловичем, в село Грузино, где жил Аракчеев. Больше всего русского царя заботила надвигавшаяся революция. И в то же время он боялся дворянства, в свою очередь напуганного тем, что у него могут отобрать собственность — крестьян. В Грузине Александр I обсудил с Аракчеевым дальнейшую судьбу Бетанкура.

2 августа 1822 года Августин де Бетанкур был отстранён от должности главного директора путей сообщения. Точнее, как всегда, Александр поступил по-иезуитски. Бетанкур остался на прежней должности, но вместе с ним на точно такой же должности главноуправляющего путей сообщения Российской империи оказался и герцог Александр-Фридрих Вюртембергский — родной брат вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, для этой миссии вызванный из Витебска и сразу, в отсутствие Бетанкура, приказавший вскрыть его рабочий кабинет. Ровно в полночь на нескольких подводах вывезли всю документацию, таким образом не только оскорбив генерал-лейтенанта, но и оставив его без всяких рычагов управления.

Сам же Александр I 3 августа 1822 года покинул Петербург, выехав в Варшаву, а 26-го был уже в Вене, где в течение трёх недель проходил очередной конгресс.

Историческая справка

4 октября Государь прибыл в Верону, где собрались итальянские государи, австрийский император и прусский король. На повестке дня стояло несколько вопросов, но самый главный — будущее Испании и восстановление законного, с тонки зрения европейских монархов, правительства страны. Австрия, Пруссия и Россия потребовали от Испании изменений в политической системе, а Франция даже начала предпринимать военные действия, получив полную поддержку со стороны России.

НИЖНИЙ НОВГОРОД. 1822 ГОД

Летом 1822 года Бетанкур в Нижний Новгород не поехал, а послал туда Монферрана, чтобы тот самостоятельно проконтролировал ход работ по возведению Спасо-Преображенского собора и Китайских рядов. Иконостас в соборе по настоянию Монферрана был расписан итальянцем Торричелли, но так, что многие купцы отказывались молиться перед иконами с обнажёнными частями тела. Доходило до парадокса: некоторые приходили в православный храм со своими иконами и молились. В конце концов было решено создать новый иконостас, что благополучно и выполнил русский архитектор Василий Стасов.

В 1822 году от купцов поступило очень много жалоб. Торговый народ писал: *«Надеялись видеть удобные и безопасные лавки, а нашли в них многие недостатки и неисправности, так что, по неимению в лавках сих ни дверей, ни полов, ни потолков, принуждены были, для предохранения товаров своих от дождей и течи, употребить на исправления помещений более 300 000 рублей».* Испанский инженер Бауса, руководивший отделочными работами, отбивался от нападок как только мог, но и он должен был признать, что недоделок на ярмарке оставалось очень много. «2,5 *миллиона рублей уже израсходованы,* — докладывал он в Петербург, — *а на следующий год нужно как минимум ещё 2».*

В АПАРТАМЕНТАХ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

В последних числах сентября 1822 года герцог Александр Вюртембергский приказал всем инженерам, живущим в Петербурге и находившимся в его подчинении, собраться в отведённых для него сестрой и племянником апартаментах Зимнего дворца. Перед тем как принять собравшихся, он специально заставил всех военных и гражданских чиновников ждать его в маленькой приёмной более часа. Генералы, полковники, и Бетанкур в их числе, стояли, чуть ли не касаясь друг друга, в ожидании аудиенции, которая наконец-то состоялась.

Александр Вюртембергский пригласил к себе Бетанкура не отдельно, а со всеми вместе — гурьбой. Смутившись, Бетанкур стал представлять герцогу своих сослуживцев, но тот в грубой форме перебил его.

— Довольно, — сказал новый главноуправляющий. — Я знаю, что в вашем корпусе огромное количество беспорядков — открытых и ещё больше скрытых. Вы — мошенники. Мне на вас жалко смотреть, так как мундир ваш выпачкан. Порядочному человеку его даже стыдно носить. И пока вы его не очистите, я его не надену. Ясно вам? — зарычал на подчинённых немецкий герцог.

Всё это было сказано только для одной цели — чтобы растоптать и унизить в глазах инженеров Корпуса путей сообщения их бывшего начальника — Бетанкура. Оскорблённый до глубины души, Августин Августович едва промолвил:

— Когда прикажете представить гражданских чиновников? Ответ был краток:

— Никогда, они вообще не достойны меня видеть.

После этих слов герцог Вюртембергский повернулся ко всем спиной и вышел из зала.

ИСПЫТАНИЕ СУДЬБОЙ

Положение Бетанкура с каждым днём становилось всё более удручающим. Наверное, не было ещё в мировой практике такого, чтобы министр, оставшийся на своей должности, подчинялся бы своему преемнику. Роль Бетанкура в обществе сделалась даже не двусмысленной, а карикатурной. Однако по типу темперамента он оставался классическим холериком, человеком пытливым и деятельным, не представляющим жизни без кипучей работы. Его заботят проблемы транспортных коммуникаций Санкт-Петербурга. Вместе с Треттером он работает над усовершенствованием сразу нескольких мостов.

У Бетанкура оставался ещё Комитет для строений и гидравлических работ, а также его детище — Институт Корпуса инженеров путей сообщения, в деятельность которого пока ещё никто никогда не вмешивался: ни Александр I, ни принц Ольденбургский, ни де Воллан. Герцог Александр Вюртембергский решил положить этому конец. В сопровождении многочисленной свиты он нагрянул без предупреждения в институт и произвёл там ревизию. Не понимая ровным счётом ничего в образовании, основное внимание он уделил внешнему осмотру зданий и аудиторий. Нашёл в одних лабораториях отвалившийся от стены кусок штукатурки, в других — водяные разводы на потолке…

Несмотря на то что стояла поздняя осень и выпал первый снег, новый главноуправляющий заставил сделать ремонт фасадов, а также побелить потолки и перекрасить стены нескольких лабораторий и учебных классов. А за ненадлежащее сохранение вверенного здания Бетанкуру и Сеноверу был объявлен выговор.

Потом Александр Вюртембергский послал комиссию в Шлиссельбург, чтобы разобраться, почему так скверно работают шлюзы и по чьей вине произошла задержка прибытия последних транспортных судов. Комиссия очень быстро обнаружила виновного — им оказался генерал Бетанкур. Несмотря на свой испанский взрывной характер, Августин Августович с выдержкой францисканского монаха терпеливо сносил все оскорбления, сыпавшиеся в его адрес. Некоторые его бывшие подчинённые, ещё недавно заискивающие перед ним, переметнулись на сторону герцога Вюртембергского и перестали здороваться с бывшим начальником.

Бетанкур очень сильно переживал своё отрешение: было видно, как он похудел и осунулся. Вот что по этому поводу писал

его секретарь Филипп Филиппович Вигель: *«Я не понимал, я не узнавал Бетанкура; правда, повиновение его было молчаливое и сердитое, но не менее того безответное. В поступках герцога он находил нечто чудовищное, так что надеялся по возвращении царя видеть сердце его тронутым такими против него несправедливостями».*

Однако надежды на Александра I не оправдались. Именно император в пику Бетанкуру поставил своего дядюшку, скверный характер которого очень хорошо знал. Полученная в своё время записка о состоянии дорог в Российской империи так раздосадовала царя, что он полностью разочаровался в Бетанкуре. «Верноподданный, любящий своего Государя, никогда не напишет ему такой отчёт», — первое, что подумал император, прочитав записку.

После этого Александр I уже не считал Бетанкура преданным себе человеком, тем более что многочисленные враги генерал-лейтенанта вели непрерывную атаку на него через Аракчеева, доказывая, что бывший главный директор путей сообщения до сих пор продолжает разорять российскую казну такими безумными проектами, как Исаакиевский собор и особенно Нижегородская ярмарка. Для травли Бетанкура такая персона, как герцог Александр Вюртембергский, была самой подходящей.

ГЕРЦОГ АЛЕКСАНДР-ФРИДРИХ ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ

Александр-Фридрих родился в 1771 году в семье правящего герцога Вюртембергского. В двадцать лет он уже полковник, участник войны Австрии с Францией. В 1796 году получает чин генерал-майора, с 1798-го — генерал-лейтенант. Без понижения в звании 7 мая 1800 года принят на русскую службу и назначен шефом Рижского кирасирского полка. С 1811 года Александр Вюртембергский военный губернатор в Белоруссии. Во время наполеоновского вторжения в Россию проявил себя как храбрый офицер и умелый военачальник. Дрался при Витебске, Смоленске, Бородине, Тарутине, награждён многочисленными орденами, в том числе и двумя орденами Святого Георгия 3-й и 2-й степеней. Отличился при осаде Данцига и во время пленения корпуса Раппа, одного из самых преданных Наполеону генералов.

Однако, несмотря на всю свою храбрость, в инженерном и строительном деле он ничего не понимал, хотя в юности и имел большие способности к математике. Также в молодые годы герцог имел склонность к живописи, поэтому уже в зрелом возрасте, разбогатев за счёт своей сестры в России, начал собирать коллекцию картин.

Привезя её с собой в Петербург, первое время он не знал, где её разместить. Юсуповский дворец, где проживал Бетанкур с семьёй, показался ему подходящим местом. Дело оставалось за малым — найти предлог для выселения генерал-лейтенанта с занимаемой площади. И он был найден.

Ещё при жизни принца Ольденбургского из казны был выделен значительный капитал на покупку дома в Петербурге для департамента и канцелярий. Но из-за постоянного пребывания принца в Твери капитал этот не был использован по назначению, а положен под проценты в Заёмный банк. Кроме того, на содержание департамента и канцелярий в Петербурге казна каждый год отпускала определённую сумму, половину её бережливый де Воллан не использовал, а переводил в тот же Заёмный банк. Таким образом, за несколько лет накопилась кругленькая сумма — её Бетанкур и решил использовать на постройку нового здания для департамента и канцелярий. В своей докладной записке царю он написал: *«Есть место, есть деньги, и Вашему Величеству копейки это не будет стоить».*

Александр I тут же дал добро на начало работ, но уже через несколько месяцев пожалел. В невыгодном свете ему доложили,

что для завершения проекта, затеянного Бетанкуром, потребуется ещё триста тысяч рублей ассигнациями сверх того, что уже отпущено на строительство. Здание, построенное на свободном участке земли по Обуховскому проспекту по проекту любимого ученика Бетанкура Андрея Даниловича Готмана, на взгляд герцога Вюртембергского, оказалось настолько просторным, что он решил переселить туда не только департамент и канцелярии, но и весь Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Следовательно, семья Бетанкура не смогла бы одна оставаться в огромном дворце, и ей пришлось бы искать себе новое жильё.

План герцога Вюртембергского был до гениальности прост. Однако исполнить его без согласования с Его Величеством он не посмел. Пришлось несколько месяцев ждать, пока Александр I вернётся из очередного заграничного вояжа в Санкт-Петербург. Произошло это 23 января 1823 года. Сразу по приезде в столицу, в полдень того же дня, Александр I отправился на молебен в Казанский собор, а потом на семейный обед к своей матушке Марии Фёдоровне, где и встретился с её братом и своим дядюшкой герцогом Александром Вюртембергским. Во второй раз судьба Бетанкура была решена.

Царь поручил главноуправляющему путей сообщения подготовить новый проект реформы Корпуса и Института Корпуса инженеров путей сообщения, за что герцог с большим рвением и взялся. Первое, что хотел сделать Александр-Фридрих, — это переселить Институт Корпуса инженеров путей сообщения в новое здание и освободить для себя и своей коллекции картин Юсуповский дворец. Это с хозяйственной виртуозностью и было исполнено. Бетанкуру срочно пришлось искать новую съёмную квартиру. Её с большим трудом нашли на Большой Морской улице, недалеко от шумной площадки строящегося Исаакиевского собора.

ЦАРСТВУЮЩИЕ ОСОБЫ

На следующий день по приезде в Санкт-Петербург Александр I принимал министров и членов Государственного совета. Ни один из высоких сановников, допущенных Аракчеевым к императору, не пробыл у него и пяти минут. После чего помазанник Божий, отстояв молебен, отправился в Царское Село, где в полном уединении провел шесть дней.

Несмотря на плохое настроение царя, в Петербурге придворная жизнь продолжалась. Особую роль в ней играла вдовствующая императрица Мария Фёдоровна: по воскресеньям она давала балы, а по четвергам спектакли: они, как правило, шли на французском языке, но иногда и на русском. По окончании представления всегда подавали ужин, куда приглашались министры, члены Государственного совета, чиновники первых трёх классов, а также генерал- и флигель-адъютанты, дежурные камергеры и камер-юнкеры. Иногда в число приглашённых попадали и сенаторы. Но начиная с 1823 года среди них уже никогда не появлялся генерал-лейтенант Бетанкур.

НОВЫЕ ОТСТАВКИ

В марте того же года Александр I возымел намерение отправиться к Аракчееву в Грузино и по дороге снова осмотреть свои детища — ближайшие военные поселения. После этой встречи на реке Волхов опять последовали отставки: сначала Александр I удалил от себя наиболее влиятельного человека в Российской империи князя Волконского, затем министра финансов графа Гурьева.

А в департаменте принца Александра Вюртембергского за спиной Бетанкура полным ходом шла перестройка Института Корпуса инженеров путей сообщения. По мнению принца, институт должен был стать закрытым учебным заведением с обширным курсом военных наук. Главноуправляющий отлично знал, что Бетанкур всегда выступал против этого. Один из современников писал: *«Чем отличается немец от француза? Перед тем как сделать очередную глупость, немец ещё очень продолжительно размышляет».* Наверное, поэтому переаттестация института продолжалась год.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

В 1823 году по проекту Бетанкура в Петербурге возводится новая каменная церковь Святого великомученика Георгия Победоносца на Георгиевском (ныне Большеохтинском) кладбище. К сожалению, церковь не сохранилась до наших дней. При советской власти, в 1938 году, она была разрушена.

ПЕРВЫЙ В РОССИИ СИДЕРОМЕТР

На механическом заводе Бреда по заказу Бетанкура изготовлен сидерометр — первая русская машина для проведения испытаний металла на разрыв. Эта работа положила начало механической лаборатории в Институте Корпуса инженеров путей сообщения.

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

На базе «Курса построения машин» Бетанкура—Ланца профессор Дмитрий Семёнович Чижов выпускает «Записки о приложении начал механики к исчислению действия некоторых из машин наиболее употребительных». Книга быстро расходится и занимает важное место в инженерно-технической жизни России.

«ЖУРНАЛ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ»

По заданию Бетанкура Пётр Петрович Базен в 1823 году составляет проект переустройства мостовых и новые правила мощения улиц. Базену принадлежит и разработка системы ливневой канализации в Санкт-Петербурге.

Ещё в декабре 1822 года Бетанкур задумал издание «Журнала путей сообщения». В состав специального комитета (редколлегии журнала) вошли Базен, Резимон, Севастьянов, Сеновер, Клапейрон, Ламе. Но по настоянию герцога Вюртембергского (а издавать журнал планировалось в его ведомстве) председателем комитета был назначен злейший враг Бетанкура Лев Львович Карбоньер. Комитету пришлось подчиниться, и только после этого в сентябре 1823 года Александр I подписал указ об издании журнала.

В дальнейшем, благодаря Петру Петровичу Базену, журнал будет выходить на базе Института Корпуса инженеров путей сообщения и иметь следующие отделы: исторические сведения; статистические данные и описания; учёные статьи; проекты новых сообщений и сооружений; военные дороги, мосты, архитектура гражданская, военная и морская; известия промышленного характера; судоходство; законы; построения, распоряжения и т.д. Правда, первый номер журнала (под редакцией Мориса Гуговича Дестрема) выйдет только в 1826 году.

Вот что по этому поводу можно прочесть у одного из авторов: *«“Журнал путей сообщения” сразу приобрёл популярность среди инженерной и научной общественности. За первые 10 лет вышло 36 номеров журнала, в которых было опубликовано более 50 научных работ (главным образом инженеров путей сообщения) по проектированию и строительству различных инженерных сооружений в России и зарубежных странах)».*

В первом номере был помещён и некролог Бетанкура с его портретом.

НОВОВВЕДЕНИЯ

29 апреля 1823 года, несмотря на плохие отношения с начальством, Бетанкур всё же добился подписания указа, по которому прапорщикам, проходившим курс в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, выплачивалось жалованье в размере трехсот рублей, а поручикам — четыреста пятьдесят. Кроме того, тем учащимся, кто жил в городе и снимал квартиру, полагалось ещё дополнительно двести рублей так называемых квартирных. Не одно поколение воспитанников будет благодарно Бетанкуру за такую материальную поддержку.

Но, несмотря на мелкие победы, необъяснимое гнетущее чувство всё время мучило и раздражало Бетанкура. Например, принимая в институт на должность профессора архитектуры специально приглашённого из Франции господина Поля Жако, Августин Августович разговаривал с ним очень рассеянно, чего раньше с ним никогда не бывало. В будущем этот молодой, двадцатипятилетний профессор построит в Петербурге здание Дворянского собрания (ныне Большой зал филармонии) и перестроит дом баронессы О.М. Энгельгардт (ныне Малый зал филармонии), а также возведёт голландскую реформаторскую церковь на Невском проспекте.

Раньше с любым новым преподавателем, тем более прибывшим из Франции, Бетанкур обязательно побеседовал бы пару часов. С Полем Жако он не проговорил и десяти минут.

ЛИЧНАЯ ПРОСЬБА МИЛОРАДОВИЧА

Порученный Бетанкуру проект реконструкции Екатерингофского парка тоже не радовал его. Весной 1823 года он рвался из душного чиновничьего Петербурга на просторы Волги, в Нижний Новгород. Но по просьбе генерал-губернатора графа Михаила Андреевича Милорадовича ему пришлось заняться Екатерингофским парком, очень сильно запущенным. По желанию Милорадовича он должен был стать одним из самых любимых увеселительных садов Санкт-Петербурга. По указанию Бетанкура Огюст Монферран, отложив все дела, срочно взялся за восстановление дворцово-паркового ансамбля. Надзор за всеми работами, проводимыми в Екатерингофе, генерал-лейтенант возложил на специально созданный комитет. За 1823—1824 годы восстановили Петровский дворец, устроили кольцевые пруды и разные увеселительные заведения.

Жемчужиной парка стал павильон Вокзал, или Вокальный зал, предназначенный для проведения музыкальных вечеров и балов. Вокальный зал представлял собой одноэтажную ротонду, перекрытую деревянным куполом и опоясанную лёгкой ажурной балюстрадой. С обеих сторон к ротонде примыкали два павильона, соединённые с ней крытыми галереями. В центре был круглый танцевальный зал.

В парке по проекту Монферрана устроили также оригинальный Львиный павильон, двухэтажную рубленую ферму с четырёхугольной башней, «Русскую избу» с просторным двором, галерею для игр, кофейный домик и кондитерскую. Уже в первый год по приказу Бетанкура расчистили Петровский канал, ведущий от реки Екатерингофки к дворцу, и пустили по нему лодки (на них мастеровые с противоположной стороны Невы приплывали на работу).

После восстановления креста на куполе Казанского собора Милорадович проникся к Бетанкуру особой любовью и однажды доверительно поделился с генерал-лейтенантом личными планами относительно Екатерингофского парка, а заодно рассказал его историю.

Парк назывался Ekaterinhoff, что в дословном переводе с немецкого означало «двор Екатерины», жены Петра I. Ещё за месяц до основания Петербурга, 3 мая 1703 года, на месте, где сегодня парк, Пётр I со своим сподвижником Александром Меншиковым захватил два шведских корабля, восьми- и десятипушечный, «по причине низкой воды» вставшие на якорь. Пётр I приказал солдатам-преображенцам сесть на лодки и взять

на абордаж вражеские корабли, что и было исполнено. Так впервые во время Северной войны пехотинцам удалось захватить сразу два военных судна неприятеля. В честь этого события была выбита медаль с трогательной надписью — «Небываемое бывает».

В 1711 году в память о победе русский царь решил заложить на этом месте дворец и посвятить его супруге — будущей императрице Екатерине I. Но какой дворец без парка? Поэтому за дворцом было решено разбить парк. Поручено это было двум французам: архитектору Жану Батисту Леблону и личному садовнику Петра Денису Брокету. Но после смерти Петра I его супруга парк этот больше не посещала.

Только во времена царицы Елизаветы Петровны к нему снова частично вернулись: очистили от мусора пруды и каналы, отремонтировали дворец. С 1755 года по четвергам и воскресеньям его позволили посещать опрятно одетым горожанам. Но в 80-х годах XVIII столетия парк снова приходит в запустение.

В 1823 году новую жизнь парку попытался дать генерал-губернатор Петербурга Михаил Андреевич Милорадович. В его служебные обязанности входил надзор и за столичными театрами. Поэтому Милорадович решил приглашать на сцены парка лучших актёров Санкт-Петербурга и на лето даже сам поселился здесь.

Бетанкур от Милорадовича, долго прожившего во Франции и при этом очень плохо говорившего по-французски, узнал театральные сплетни столицы и получил приглашения на лучшие постановки и концерты (билеты на них генерал-губернатор для своих друзей распределял сам). Правда, из разговора с Милорадовичем Бетанкуру хотелось узнать об отношениях генерал-губернатора с Аракчеевым или герцогом Вюртембергским, но об этих персонах собеседник не проронил ни слова, хотя и много знал, особенно в той части, что касалась герцога Вюртембергского и «презренных» женщин, — их член царской семьи обожал и щедро оплачивал. На этой ниве герцог сошёлся с некогда любимцем Бетанкура Маничаровым. Тот стал у Александра-Фридриха секретарём по особым поручениям и бесперебойно поставлял своему новому шефу самых красивых женщин, которых для этой цели нередко привозили даже из других городов.

Не лучше оказался и другой фаворит Бетанкура — бывший адъютант Варенцов. Всюду, где только можно, он дурно отзывался о своём прежнем начальнике, понося его, к большой радости герцога Вюртембергского, самыми последними словами.

Любимым же адъютантом герцога стал один из братьев

Бестужевых — Александр, будущий декабрист и писатель.

БУМАЖНЫЙ МОСТИК

Однако Августин Августович не сдавался и не унывал. Его спасала работа. В Екатерингофском парке по совместному проекту с Базеном и Клапейроном он построил над Бумажным каналом однопролётный деревянный арочный мост очень изящной конструкции. К сожалению, до наших дней мост не дожил — в 1862 году его перестроили. Но название сохранилось — Бумажный. Дело в том, что к Екатерингофскому парку примыкал промышленный район, где ещё при Петре I была построена бумажная фабрика[15].

ЛЮБИМЫЙ АРХИТЕКТОР РУССКОГО ЦАРЯ

Многие архитекторы в России ненавидели Бетанкура за то, что на протяжении многих лет, являясь главой Комитета для строений и гидравлических работ, ко всем самым интересным, с их точки зрения, проектам он постоянно привлекал только одного человека — Огюста Монферрана. Вот и сейчас для реконструкции Екатерингофского парка он также пригласил французского «выскочку». Однако злопыхатели не знали, что с мая 1820 года Монферран стал любимым архитектором и русского царя.

Случилось это так. С одобрения Бетанкура и при его финансовой помощи Монферран выполнил деревянный макет Исаакиевского собора, обошедшийся казне в восемьдесят тысяч рублей ассигнациями. Макет был так искусно сделан, что вызывал восхищение и трепет у каждого, кто его видел. Вот что по этому поводу оставил в своих записках Вигель: *«Купол как жар был вызолочен; лакированное дерево можно было принять за гранит и мрамор: до того оно им уподоблялось. Посредством рукоятки модель раздвигалась надвое и давала выход во внутренность храма. Там всё было: и штучный пол, и раззолоченный иконостас, и миниатюрные иконы, его украшающие, и всё чудесно было отделано»*.

Увидев конструкцию, сочетающую в себе простоту и величие, Александр I пришёл в восторг. На встрече в мастерской архитектора были только сам хозяин, Бетанкур, его секретарь Вигель и Александр I. Государь с величайшим вниманием рассмотрел макет, поинтересовался каждой деталью фасада и интерьера. Несколько раз наклонялся, чтобы лучше рассмотреть мельчайшие закоулки храма, а потом задал Бетанкуру несколько вопросов, касающихся возведения колонн и установки купола. В заключение Государь сказал:

— Многие художники до сих пор ропщут, что заказ без всякого конкурса достался вам. Но, увидев эту красоту, все поймут, что мой выбор оказался правильным.

После этих слов Монферран на многие годы получил «царскую архитектурную индульгенцию», и Бетанкур ставил его на все последующие работы без всякого согласования с кем бы то ни было.

БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО

В 1823 году по проекту Бетанкура на шоссе Санкт-Петербург — Новгород — Москва возводят сразу несколько мостов. Августин Августович участвует также в строительстве Исаакиевского собора и продолжает помогать Монферрану, часто вникая в самые мелкие детали возводимого здания. Параллельно он согласовывает с другими архитекторами и инженерами сооружение новых чугунных и цепных висячих мостов через Фонтанку, Мойку, Екатерининский канал. С Андреем Даниловичем Готманом занимается устройством пристаней на Неве — Дворцовой и Петровской. Продолжает расширять Адмиралтейскую набережную. Каждый день рассматривает в Комитете для строений и гидравлических работ массу предварительных проектов, поступающих в Петербург со всей страны.

Уделяет много времени Комиссии проектов и смет, считая её важным звеном в подготовке проектов. Ведёт обширную переписку с учениками, сообщающими ему о реальном положении дел в строительстве шоссейных дорог и гражданских зданий в империи. Следит за строительством Военно-Грузинской дороги на Кавказе и Варшавского монетного двора (непосредственное наблюдение осуществляет испанский инженер Рафаэль Бауса).

Бетанкур обращает внимание Монферрана на молодого чертёжника Андрея Ивановича Штакеншнейдера, работающего в Комитете для строений и гидравлических работ с 1821 года и привлёкшего к себе внимание начальника.

Наконец весной 1823 года Августин Августович снова отправляется в Нижний Новгород. Он трогательно прощается с дочерью Каролиной — она на седьмом месяце беременности. Два первых ожидания у неё закончились трагически. Поэтому в этот раз вся семья с особой заботой опекает старшую дочь. Августин Августович пригласил лучших врачей, чтобы они всё время наблюдали её, и не жалел на это никаких денег: он очень хотел счастья и благополучия для любимой, больше всего похожей на него дочери.

ПОПУТЧИК

Бетанкур поехал в Нижний Новгород с архитектором Василием Ивановичем Гесте. С ним он намеревался закончить второй этап строительства ярмарки. Настоящие имя и фамилия Василия Ивановича были William Hastie. Гесте был русским инженером и архитектором шотландского происхождения. В Россию его пригласил ещё при Екатерине II Чарльз Камерон — для работы чертёжником на строительстве дворцов в Царском Селе. Затем Гесте занимался реконструкцией Адмиралтейских Ижорских заводов. Построил первые чугунные мосты в Петербурге: Красный, Зелёный, Поцелуев и некоторые другие. Кроме того, Гесте возглавлял группу архитекторов, проектировавших замену мостов на реке Мойке в месте истока Екатерининского канала. Однако проект осуществлён не был — комиссия отдала предпочтение варианту Бетанкура (сегодня он известен как Тройной мост)[16].

В 1808 году Александр I назначил Гесте городским архитектором и поручил ему переустройство Царского Села. Гесте начал с составления генерального плана города, включающего четыре площади: торговую, административную, полукруглую и Знаменскую. Благодаря Василию Ивановичу Гесте только с 1814 по 1815 год в Царском Селе были построены Дом Канобио, Дом Теппера, комплекс зданий больницы, Гостиный двор, прачечный двор, материальный двор, торговые бани, а также многие дома горожан.

Архитектор Гесте находился в самых дружеских отношениях со своим земляком, тоже шотландцем, хозяином литейно-механического предприятия Чарльзом Бердом (он и свёл его с генерал-лейтенантом Бетанкуром). Правда, Августин Августович и Василий Иванович знали друг друга и раньше. Но их прежние встречи всегда носили сугубо деловой характер. Чарльз Берд внес в их отношения совсем другую ноту. Кроме того, Василий Иванович сразу понравился госпоже Бетанкур.

Шотландец имел большой опыт составления генеральных планов. Среди уже осуществлённых проектов можно назвать такие города, как Уфа, Саратов, Москва после пожара 1812 года, Черкассы…

Поэтому неудивительно, что, когда стал вопрос о генеральном плане Нижнего Новгорода, выбор Бетанкура пал на Василия Ивановича. Да и путешествовать с ним было одно удовольствие.

НИЖНИЙ НОВГОРОД. 1823 ГОД

Ярмарка, официально и торжественно открытая ещё 15 июля 1822 года, произвела на Гесте ошеломляющее впечатление. Это был целый город, занимавший огромную территорию и имевший плотную застройку. С трёх сторон ярмарку окружал широкий подковообразный канал, а с четвёртой открывался сказочный вид на Оку. Площадь достигала 500 тысяч квадратных метров. Торговая зона имела размеры 338 х 688 метров.

Особый интерес представляли четыре корпуса Китайских рядов, построенные Монферраном. Именно здесь на второй день приезда Августин Августович столкнулся с испанскими купцами, впервые приехавшими на Нижегородскую ярмарку за китайским чаем и поражёнными её размерами.

Но Бетанкуру было не до встреч с земляками. У него снова начались неприятности. Весенний паводок 1823 года оказался настолько сильным, что смыл несколько значительных построек на ярмарке. В Петербург посыпались письма: в них говорилось, что Бетанкура предупреждали об опасности вешних вод ещё несколько лет назад, но он не внял разумным советам и не укрепил берег Оки, что и привело к большим разрушениям и немалому урону для царской казны. Все доносы, действительно содержавшие большую долю правды, были истолкованы герцогом Вюртембергским в нужном ему ключе и доведены до Его Императорского Величества.

Александр I последние месяцы и так находился в затруднительном финансовом положении, и любое упоминание о том, что согласованный и подписанный проект требует дополнительного финансирования, приводило его в неописуемую ярость. Нижегородская ярмарка на тот момент была самым дорогим проектом в России, и каждое упоминание о ней и дополнительных расходах сильно раздражали Государя.

ПАВОДОК

Ликвидация ущерба от весеннего половодья 1823 года, даже по самым скромным подсчётам, требовала очень больших средств. Прежде всего нужно было убрать огромные камни — валуны, брёвна и прочий мусор, которые сильный паводок вместе с огромным льдинами обрушил на территорию ярмарки. Многие недавно отстроенные корпуса также нуждались в значительном ремонте и покраске. Спасо-Преображенский собор, построенный по проекту Монферрана, вообще попал в пикантную ситуацию. Купцы, в прошлом году не успевшие распродать свой товар — несколько десятков бочек вина и водки, договорились со священнослужителями, что те за определённую плату оставят до лета бочки в подвале собора. Паводок, накрывший всю территорию ярмарки, не пощадил и церковное имущество, затопив все подвальные помещения храма. От частых перепадов температуры металлические обручи на дубовых бочках лопнули, и вино и водка разлились по подвалам собора, по капиллярам каменной кладки пропитав винным запахом все стены.

Современники шутили, что в собор, построенный испанским инженером Бетанкуром, лучше не заходить: с ног сшибает запах крепкого вина — визитной карточки Испании. Над священниками начали подтрунивать: почему они не пахнут спиртным так же, как их церковь? Православный клир во всём обвинил Бетанкура, послав длинное письмо с объяснениями в Синод и возложив всю вину на строителей ярмарки.

Однако Бетанкур не унывал. Фронт работ у него был широкий, а казна всё же хоть и неохотно, но продолжала регулярно финансировать строительство.

АРХИТЕКТОР АНТОН ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ЛЕЕР

В 1823 году Бетанкур и Гесте включили стрелицу Оки и Волги в общий план развития города. Внесли существенные изменения в генеральный план и наметили этапы работы. Что касается самой ярмарки, то там, кроме православного храма, решено было построить ещё два культовых здания — армянскую церковь и мусульманскую мечеть. Все градостроительные преобразования в Нижнем Новгороде по распоряжению Бетанкура выполнял Василий Иванович Гесте, а проектирование и строительство новых торговых рядов и зданий на ярмарке было поручено Антону Лаврентьевичу Лееру, к которому Бетанкур относился с особой симпатией.

Антон Лаврентьевич Леер родился в 1771 году в семье немецкого архитектора в Баден-Бадене. В 1804 году приехал в Россию и сразу же включился в работу по строительству главного корпуса Дерптского университета (ныне Тарту). Очень хорошо себя зарекомендовал, когда в 1810 году сопровождал Бетанкура во время поездки в Тулу, где они устанавливали паровые машины на Тульском оружейном заводе. Лютеранин по вероисповеданию, Леер с блеском воплотил в жизнь два архитектурных проекта, украсившие нижегородский ярмарочный комплекс, — армянскую церковь и мусульманскую мечеть.

СКОРБНАЯ ВЕСТЬ

Бетанкур был поглощён генеральным планом Нижнего Новгорода, когда из Петербурга пришло печальное известие: 20 июня во время родов скончалась его старшая дочь Каролина…

Только что Бетанкур был счастлив и гордился перед сослуживцами успехами своего сына Альфонсо, поступившего на службу в императорскую гвардию, — и вот новое известие. Бетанкур несколько раз перечитал письмо, пока оно не выпало у него из рук. Присутствующие инженеры и архитекторы не понимали, что происходит. Из-за тактичности они боялись потревожить или спросить о чём-либо своего начальника. Бетанкур попытался приподняться и встать из-за стола, заваленного бумагами и чертежами, но неожиданно почувствовал сильное головокружение. Он побледнел, как будто ему за одну секунду выпустили всю кровь: спазматический припадок повалил его на пол. Стоявший рядом архитектор Гесте едва успел поддержать его. Генерал на какие-то доли секунды потерял сознание.

Все бросились к нему, бережно подхватили и положили на большой кожаный диван в соседней комнате. Кто-то даже успел подложить ему под голову мягкий валик-подушечку из штофа. Пришедший лекарь поставил генерал-лейтенанту за уши пиявки, холодные примочки и заставил выпить какую-то мутную и неприятно пахнущую микстуру. Домой Бетанкура увезли в специальном санитарном экипаже на английских рессорах, чтобы тряской не тревожить больного.

БОЛЕЗНЬ

Несколько дней, со стеклянным взглядом, учащённым пульсом и высокой температурой, больной пролежал в постели в своей усадьбе на берегу Волги. Лихорадка бросала его то в жар, то в холод. Другой местный лекарь, срочно вызванный к генералу, поставил диагноз — обезвоживание организма. По внешнему виду больного домашние не могли определить, находится он в забытьи или бодрствует. Разговаривать Бетанкур ни с кем не хотел. Лёжа на спине, он постоянно поворачивался лицом к окну и смотрел в одну точку. Он пытался представить себе Каролину, свою дочку, в том состоянии, в каком оставил её в Петербурге, и не мог! Он видел её то юной, то маленькой, то совсем крохотной девочкой. Он вспоминал Лондон, первые дни их встречи, как со смехом забиралась она сначала на кровать, а потом к нему на живот и с таким громким визгом и упоением прыгала на его тогда ещё молодом, упругом прессе. Он видел её на зимнем катке Сент-Джеймского парка, на коньках, а потом в семилетнем возрасте, когда обучал её рисовать, зажимая в детской ручонке грифельный карандаш.

Бетанкур пытался, но никак не мог представить дочь в зрелом возрасте, хотя и расстался с ней всего полтора месяца назад. Образ расплывался и таял, все время отбрасывая его на двадцать лет назад. Полученное трагическое известие, словно кислота, за одну неделю разъело его душу. Когда он поправился и вернулся к работе, это был совсем другой человек. Нервное расстройство сильно отразилось на его слухе. Врачи посоветовали ему приобрести серебряный рожок, и он начал вставлять его в ухо при разговоре с подчинёнными.

Несколько дней во время болезни и сразу после неё он почти ничего не ел. А затем перешёл только на русскую пищу: щи, каша, кулебяка, блины, квас… Ни к чему другому он больше не прикасался. В августе полюбил бруснику, хотя раньше она ему никогда не нравилась. Перед обедом и ужином стал обязательно выпивать рюмку горькой можжевеловой водки, к которой на протяжении многих лет был абсолютно равнодушен.

Гесте и Лееру предоставил полную самостоятельность, только изредка интересуясь их достижениями. Однако окончательный план застройки города он всё же тщательно проработал со всеми архитекторами, и в первую очередь с Гесте.

Вот что было написано в докладной записке, которая должна была рассматриваться в правительстве России осенью 1823 года: *«Имея возвышенное местоположение и будучи пересечён оврагами*

глубиною от 10 до 30 саженей, распределяется на две части: нижнюю и верхнюю. Нижняя часть от моста до середины крепости довольно регулярна, застроена купеческими домами, лавками и амбарами, большей частью каменными. Вверху, по берегу Оки, где Благовещенская слобода, находятся купеческие и мещанские дома, большею частью деревянные и между собой стеснённые. Немалая часть строений находится даже на скалах, от чего в случае пожара подвергнутся они неизбежной гибели».

Генеральный план Бетанкура—Гесте коренным образом изменял градостроительный ландшафт Нижнего Новгорода. После его утверждения 28 января 1824 года он на несколько десятилетий стал основой развития самого крупного русского города на Волге.

ПРИГЛАШЕНИЕ ГРАФА ГУДОВИЧА

Проводя почти каждое лето в Нижнем Новгороде, Бетанкур не раз получал приглашение от графа Гудовича посетить его имение. Раньше это Августину Августовичу было неинтересно, да и некогда. Но летом 1823 года, после смерти дочери, он решил развеяться и навестить графа, уж очень настаивавшего на визите и хваставшегося своими превосходными скакунами.

Хотя имение графа располагалось не так уж и близко, примерно в ста верстах от Нижнего Новгорода, Бетанкур всё же решился на путешествие. Может быть, потому, что Гудович был в довольно тесных отношениях с Аракчеевым, — когда-то они служили в одном полку.

Бетанкур отправился к графу через неделю после Ильина дня, не забыв при этом выписать подорожную у генерал-губернатора, — так полагалось для любой дальней поездки в пределах России. Дорога оказалась настолько ухабистой, что, наверное, генерал-лейтенант впервые после смерти дочери не думал о ней, а старался только не выпасть из брички, запряжённой четвёркой лошадей. Рядом с ним ехали ещё два экипажа: в одном Бетанкура сопровождал его преданный товарищ и друг инженер Андрей Карлович Боде, близко к сердцу принявший несчастье Бетанкура.

Когда ухабы кончились, Бетанкур выглянул из экипажа и увидел, что ехал по равнине вдоль поймы реки. По обеим сторонам дороги паслись коровы и овцы, а на пригорке, сидя на изогнутой иве, совсем юный, босой пастушок весело играл на рожке. За ближайшим поворотом показался каменный православный монастырь, синие купола его на фоне опаловой белизны неба блестели золотыми звёздами. Бетанкур заметил, что кресты на луковицеобразных маковках стягивали едва заметные ажурные цепи.

Навстречу экипажам попались монахи, на ходу осенившие пассажиров крестным знамением, за что и получили, под невообразимое карканье монастырских ворон, по двугривенному. Перед входом в монастырь, в каменной нише часовни, располагалась иконка, перед которой днём и ночью горела лампадка. Проезжая мимо неё, кучер Бетанкура собрал поводья в одну руку и, приподняв шапку, скороговоркой молясь, перекрестился.

Живя четырнадцать лет в России, Бетанкур наблюдал разный быт русского крестьянства: деревни были богатые и бедные, крестьяне умные и глупые, трудолюбивые и ленивые, развратные и религиозные. «Правильно заметил Вольтер, — думал Бетанкур.

— “Quand Auguste buvait, la Pologne etait Ivre!”[17] Правда, в России говорят по-другому: “Каков поп, таков и приход”, но это не меняет дела. Каков сегодня Александр I, таково и его окружение. Может быть, пора уезжать в Испанию? На Канарские острова? У хорошего героя, как, например, у царя Итаки Одиссея, всё завершено. Он возвращается на родину. Я уже сделал всё для этой страны и скоро совсем стану ей не нужен. Может быть, прав герцог Вюртембергский, когда говорит: “В России нужно иметь хороший желудок, а с хорошей головой пусть убираются в Европу”».

ИМЕНИЕ

В имение графа Гудовича экипажи прибыли, когда темнота окутала близстоящие предметы так, что они совсем исчезли из поля зрения. В полной тишине (даже стрекотание кузнечиков давно закончилось) Бетанкур, в генеральской форме, въехал на пустынный двор, на глазах за несколько минут оживший: бабы заохали, куры закудахтали, дворовые мужики забегали, собаки залаяли.

Очень скоро появился сам граф, пьяный, с ружьём в руках, и начал палить в воздух. Два часа назад он отчаялся дождаться гостей и принялся трапезничать в одиночестве. Неизвестно, сколько он выпил шампанского, но радость от того, что к нему приехал такой высокий гость, он ни от кого не скрывал. Всем прибывшим без обсуждений тут же вручили по бокалу отменного розового игристого вина и заставили выпить до дна. Кучерам налили водки.

На следующий день Бетанкур осмотрел имение графа Гудовича, имевшего обширные земельные владения и слывшего богатым торговцем зерном, — он напрямую, без всяких посредников, отправлял его в Англию. Графа интересовали поставки красного десертного вина с Канарских островов: их можно было бы осуществлять через Лондон с помощью родственников Бетанкура. Тему эту обсуждали на берегу искусственного пруда за чашкой чая, слегка подкреплённого коньяком, пока их не обступили цыгане.

Мужчины в зелёных и малиновых шёлковых рубахах, держа в руках гитары, стали перебирать струны. На танцующих и поющих женщинах были яркие полосатые накидки. Юбки усеяны звёздами и украшены оборками. На груди стеклянные или янтарные бусы. Полчаса цыгане пели, плясали, свистели, щебетали, пока им не приказали удалиться.

У Гудовича было около семи тысяч крепостных, и Бетанкуру захотелось посмотреть, как они живут у такого «образцового» барина. В первой избе, куда они зашли, было тесно, шумно и грязно. Стены покрыты сплошным слоем насекомых. Босые дети бегали по двору в лохмотьях. Многие имели грыжу, были простужены и часто кашляли. На печи лежали две умирающие старухи. Было видно, что люди здесь о лекарствах не только ничего не знали, но даже и не слышали. У одного из мальчиков был кровавый понос, и он оставлял за собой повсюду след с неприятным запахом.

Следующим объектом посещения была конюшня, где

содержалось около трёхсот лошадей графа Гудовича общей стоимостью больше миллиона рублей ассигнациями. Она была отделана мрамором, зеркалами, изящной бронзой и украшена шёлковыми занавесками. Некоторые верховые лошади даже надушены самыми изысканными арабскими духами. Никогда ещё Бетанкур не видел такой роскошной конюшни. Все конюхи были причудливо разодеты: одни по-берейторски, другие жокеями, третьи по-персидски, четвертые в фесках, словно турки. Граф, с хлыстом в руках, подходил к любимым лошадям, заботливо бил их рукой по богатым гривам, а потом гладил, словно утешая. Двух, серо-стальной масти, встретивших его неприветливо, он слегка отстегал.

Увидев всё это, Бетанкур не остался обедать у хозяина конюшни, а, сославшись на слабое здоровье и срочные дела, отбыл в Нижний Новгород. Через несколько дней граф Гудович жаловался соседям:

— Этот испанец несносный человек. Я пригласил его в гости, хотел накормить обедом, а он, осмотрев мою конюшню, холодно попрощавшись, тут же уехал. Каков подлец! Наверное, зависть его так и сжирает изнутри. Мне об этом уже не раз говаривали.

ПРИВОЛЖСКИЕ ПОМЕЩИКИ

И действительно, приволжские помещики к Бетанкуру относились плохо. Вот как описывает одну из встреч с Августином Августовичем в своих заметках Екатерина Николаевна Львова: *«Нижегородская ярмарка несколько уже десятков лет находилась всегда в селе Лыскове, принадлежащем князю Грузинскому: дошло до сведения Государя Александра Павловича, что в этом месте делались дурные дела: князь принимал у себя всех людей беспаспортных, позволял им грабить и бунтовать, так что многие купцы возвращались с трудом с ярмарки, продавши товар. Нижний стоит на двух реках, на Волге и на Оке; они разливаются на большое пространство, но перед самым городом через Оку оставалось большое место, которое водой не поднимало.*

Государь и дал приказание генералу путей сообщения Бетанкуру ехать туда, осмотреть место и если найдёт, что оно годно, то перевести ярмарку туда из села Аыскова. Бетанкур приехал и, найдя, что место удобно, и узнав, что земля принадлежит многим помещикам, созвал их по именному повелению и предложил им купить их земли за дорогую цену или обмениться на другую. Помещики ни за что не согласились продать её или обменить, и тогда Бетанкур сказал им, что закон даже приказывает взять земли, если это может быть полезно целому государству, но не делает этого, а от мая месяца до сентября даёт им время хорошенько обдумать о его предложении и что в сентябре он приедет за ответом. Наступил сентябрь: Бетанкур возвращается в Нижний, узнав, что помещики всё ещё не соглашаются ни на что, пригласил их на другой день к себе и просил доставить все планы и крепости, какие они имели на свои земли. Бее явились на другой день; Бетанкур, отобрав от них все бумаги, опять стал уговаривать на обмен, представляя им большие выгоды и что они должны бы были даже и так землёю пожертвовать для общественной пользы, и видя, что они никак ни на что не соглашаются, изъял все бумаги и бросил в камелёк, который сильно горел у него в гостиной: тут помещики увидели, как они глупо поступили, что не соглашались с первым предложением генерала Бетанкура; стали просить его, чтобы он своим ходатайством испросил у Государя им прощение, и были чрезмерно довольны, что Царь приказал отдать им всё то, что было назначено для них».

Но, подчинившись воле Бетанкура в 1818 году, приволжские помещики очень жестоко отомстили ему в 1822 и 1823 годах,

забросав Петербург жалобами о безобразиях, творящихся на Нижегородской ярмарке.

ПОПОЛНЕНИЕ В СТАНЕ ВЮРТЕМБЕРГСКИХ

Вернулся Бетанкур в 1823 году в Петербург из Нижнего Новгорода в середине сентября. Город жил ожиданием предстоящего бракосочетания великого князя Михаила Павловича с принцессой Фредерикой Шарлоттой Марией Вюртембергской. Шестнадцатилетняя принцесса приходилась родной племянницей вдовствующей императрице Марии Фёдоровне и злейшему врагу Бетанкура герцогу Александру-Фридриху Вюртембергскому. По материнской линии она была правнучкой английского короля Георга III. Миропомазание (принятие православия) вюртембергской принцессы было назначено на декабрь. Поэтому по заданию Бетанкура Карло Росси ускорил строительство Михайловского дворца, возводившегося специально для сына Павла I и брата Александра I великого князя Михаила Павловича.

Герцог Вюртембергский вообще относился ко всем людям с легким презрением, но среди всех национальностей особенно не любил русских. *Для* него понятие die Russen никогда не являлось составной частью понятия die Menschen[18]. Русские для герцога были какой-то отдельной породой, вылупившейся из азиатского варварства. И его, как европейца, раздражало, когда некоторые иностранцы причисляли себя к русским, а иногда даже демонстративно бравировали этим, убеждая всех, что русские — одни из самых одарённых народов. К таким «выродкам» иностранцам он относил и Бетанкура, утверждавшего, что русские просто сегодня ещё находятся на той стадии исторического развития, когда их можно сравнить с необработанным алмазом, но придёт время — он превратится в настоящий бриллиант и ослепит своим сиянием все государства мира. «А добиться этого, — заявлял Бетанкур, — можно только через образование и воспитание всех слоев населения».

ПРОШЕНИЕ ОБ ОТСТАВКЕ

3 ноября 1823 года Государь из Европы снова вернулся в Царское Село. Бетанкур сделал несколько попыток попасть к нему на приём, но все они не увенчались успехом.

19 декабря, после реформ Корпуса и Института Корпуса инженеров путей сообщения, институт стал закрытым учебным заведением с обширным курсом военных наук. Обязанности директора поручили исполнять Петру Петровичу Базену. А Бетанкур всегда выступал против того, чтобы слушателей готовили только для военных целей. Он стремился дать своим воспитанникам самое широкое инженерное образование, а не сводить его к прагматической постройке того или иного военного объекта. Бетанкур подаёт прошение об отставке с должности инспектора Института Корпуса инженеров путей сообщения. Казённую квартиру в Юсуповском дворце, которую Бетанкур занимал двенадцать лет и в которой Александр-Фридрих Вюртемберский планировал разместить свою коллекцию картин, Августин Августович с семьёй покинул ещё осенью 1822 года, после того как Государь подписал указ о назначении герцога главноуправляющим путей сообщения. Бетанкур переехал в дом на Большой Морской улице, рядом со строящимся Исаакиевским собором. Семья сняла квартиру на втором этаже, достаточно скромную для человека такого ранга.

4 февраля 1824 года император подписал отставку Бетанкура и отстранил его от должности инспектора созданного им Института Корпуса инженеров путей сообщения. Но Бетанкур продолжал оставаться главой Комитета для строений и гидравлических работ, а также членом Комиссии по строительству Исаакиевского собора. Несмотря на то что в последнее время генерал-лейтенант неважно себя чувствовал (его постоянно преследовали головная боль и тошнота с рвотой), он каждый день ездил на службу и несколько раз в месяц обязательно посещал могилу своей дочери Каролины, похороненной на лютеранском кладбище рядом с великим швейцарским математиком Леонардом Эйлером.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА

Февраль 1824 года выдался на редкость снежным, холодным, температура в отдельные дни достигала —28,5° по Реомюру. Невский проспект замело, и дворники не успевали убирать снег, хотя и старались. Среди простого люда служить дворником в Петербурге считалось очень почётно.

Карету Бетанкура зимой, как и все, поставили на полозья, и ему казалось, когда он ехал по заснеженной столице Российской империи, что цивилизация опустилась на более низкий уровень. Люди забыли, что они когда-то придумали колесо. Мужики же ездили только на санях. Неожиданно для себя Бетанкур решил рассчитать, какую энергию каждая лошадь экономит зимой, проезжая одно и то же расстояние и таща не колёсный экипаж, а санный. Но потом он об этом быстро забыл.

С января 1824 года Александр I чувствовал себя очень скверно. Осенью прошлого года вместе с братьями, великими князьями Константином и Николаем, он присутствовал на смотре польской армии и литовского корпуса в городе Брест-Литовске. 19 сентября, на манёврах, во время проезда русского императора по фронту польской кавалерии, один полковник по приказанию Александра I подъехал к нему верхом. Получив распоряжение, офицер развернул лошадь, чтобы встать в строй, но в этот момент животное подковой задней ноги лягнуло императора, восседающего на вороном жеребце, в правую голень. Удар был достаточно сильный, и многие офицеры это видели, но Государь сделал вид, что ничего не произошло. Польский полковник даже не был наказан.

Однако к вечеру ушибленное место так распухло, что личному лекарю императора шотландскому медику Якову Васильевичу Виллие для осмотра ноги пришлось разрезать сапог Государя. (Это был тот самый врач, удостоверивший, что император Павел I скончался от апоплексического удара, а затем ставший основоположником военного медицинского образования в России). Несколько ночей подряд, несмотря на постоянные примочки, император не мог спать. Перемещаться в карете пришлось держа ногу в горизонтальном положении. Через неделю боли затихли, но к январю возобновились. Доктору Виллие пришлось констатировать, что Государь заболел горячкой с сильным рожистым воспалением левой ноги.

Из кризисного состояния Александр I вышел только 1 февраля и уже 4-го подписал указ, подсунутый ему Аракчеевым, — об увольнении Августина де Бетанкура с поста инспектора

Института Корпуса инженеров путей сообщения.

А 8 февраля состоялось бракосочетание великого князя Михаила Павловича с принцессой Фредерикой Шарлоттой Марией Вюртембергской, получившей имя великой княгини Елены Павловны. Присутствовать на свадьбе Александр I не мог, так как не имел сил ходить. Но он наблюдал за ней, сидя в кресле в дверях кабинета, за занавесом.

ПАНТЕЛЕЙМОНОВСКИЙ МОСТ

После выздоровления Государь решил отправиться в открытом экипаже на прогулку по Петербургу и осмотреть Цепной мост через Фонтанку, построенный по проекту инженера Вильгельма Треттера и ученика Бетанкура Василия Александровича ХриАвгустиановича, выпускника Института Корпуса инженеров путей сообщения 1821 года. После Пантелеймоновского цепного моста (его металлическая конструкция была собрана всего за восемнадцать дней — рекордный срок для того времени) Василий Христианович примет участие в создании Египетского — через Фонтанку, Львиного и Банковского — через Екатерининский канал и некоторых других.

Увиденным возле Летнего сада новым мостом император остался весьма доволен и приказал открыть его, даже не поставив об этом в известность Бетанкура, всё ещё являющегося председателем Комитета для строений и гидравлических работ. Такое поведение Государя, конечно, было оскорбительным для испанского инженера, и Августин Августович очень болезненно переживал. Многие его недруги, зная взрывной характер канарца, ожидали, что генерал-лейтенант подаст в отставку, но этого не произошло. Бетанкуру отступать было некуда: комитет оставался, по сути, единственным источником существования для его семьи.

Некоторые полагали, что, занимая такие видные посты в Российской империи, он, например, как доктор Виллие, сколотил миллионное состояние, но это было не так. Позднее, в 1842 году, его сын в одном из писем родственникам на Канарские острова напишет: *«Отец умер, не накопив никакого капитала, он всегда жил только на жалованье».*

ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС АРАКЧЕЕВА

15 мая 1824 года в отставку ушёл министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Николаевич Голицын, друг детства великих князей Александра и Константина, бессменный участник их забав и игр. Ещё недавно князь, так же как и Аракчеев, был самым доверенным лицом Государя. Если Аракчеев приезжал к императору каждый день с докладом в семь часов вечера и проводил у него не менее двух часов, то Голицын имел высочайшее позволение являться к Его Величеству к десяти часам утра и пребывать с Государем в течение нескольких минут. Больше Александр I в это время вообще никого не принимал. Все важные документы для подписи к царю могли попасть только через двух этих людей.

И вот 15 мая 1824 года из них остался только один. Аракчеев и так был всемогущим фаворитом, а с этого дня стал единственным. Все должны были заискивать перед ним, а кто этого не делал, как Бетанкур, например, отправлялись в отставку. При этом Аракчеев, в отличие от Мануэля Годоя, за своё покровительство не требовал денег. Напротив, как сказали бы сегодня, он был чужд коррупционной составляющей. Но он хотел и добивался, чтобы все решения, касающиеся государственного правления в Российской империи, проходили через его руки. И такое положение вещей вполне устраивало Александра I, признавшегося в интимной беседе своей матушке, что «Аракчеев — это второе Я, но об этом никто не должен догадываться».

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Раньше Бетанкур никогда не ходил пешком по улицам Санкт-Петербурга. В России это было не принято для человека в чинах. Единственный, кто позволял себе пешие прогулки по городу, был царь.

Карета существовала не только как признак богатства, роскоши, но и как предмет первой необходимости. Поэтому Бетанкур постоянно пользовался ею. Но, живя на новом месте около Невского проспекта, он стал иногда позволять себе ходить пешком. Ему даже стало интересно наблюдать за людьми из общества, гуляющими по улице. Казалось, что они не так уж и многим отличаются от тех, что гуляли по мадридскому бульвару Прадо или улице Алкала. *«С* развитием цивилизации обязательно исчезнет и национальный колорит», — думал Бетанкур, глядя на прохожих: многие из них были итальянцы, французы, немцы, поляки, шведы… Около некоторых витрин, слабо подсвеченных северным заходящим солнцем, он останавливался и рассматривал товары.

На углу Невского проспекта и Большой Морской располагалась бакалейная лавка, в её витрине с особым изяществом были разложены фрукты: яблоки, ананасы, лимоны, португальский виноград, киви, турецкие гранаты, итальянские груши, сливы и мандарины. Цены были очень высокие, но люди всё равно умудрялись покупать фрукты. Рядом с бакалейной лавкой разместился только что отремонтированный зоомагазин, где Бетанкур увидел клетку с канарейками. Первым желанием его было купить птиц и выпустить на волю, но он сообразил, что в холоде они быстро погибнут. Птицы напомнили ему Канарские острова, где вдвоём с братом они ловили их и продавали английским морякам.

«Может быть, этих птичек тоже поймали какие-нибудь мальчишки с моего любимого Тенерифе», — подумал он, стоя на Невском проспекте и мысленно представляя Атлантический океан, побережье острова, когда спускаешься с дороги в сторону усадьбы Рамбо-де-Кастро.

Однако наслаждаться далёкими пейзажами Канарских островов Бетанкуру долго не пришлось. На углу Большой Морской и Невского проспекта с ним поздоровался его ученик, недавно окончивший Институт Корпуса инженеров путей сообщения, Николай Осипович Крафт, в будущем один из главных технических организаторов (в соавторстве с Павлом Петровичем Мельниковым) проекта двухпутной железной дороги

Петербург — Москва, открытой в 1851 году.

Николай Осипович рассказал Бетанкуру об их общем знакомом мсье Газане, выпускнике Парижской политехнической школы, зачисленном в Институт Корпуса инженеров путей сообщения в 1820 году, но волею случая оказавшемся на Кавказе и принимавшем участие в строительстве Военно-Грузинской дороги под началом генерала Ермолова. Николай Осипович находился в переписке со своим другом, регулярно сообщавшим о развитии дорог в Кавказкой губернии, не забывая упомянуть при этом, что политическая ситуация на юге России складывается так, что русско-персидская война в ближайшем будущем неизбежна. Всё это очень интересовало Бетанкура — от этого зависело финансирование проектов в Петербурге.

ДОМ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ

Августин Августович пригласил Крафта к себе домой — продолжить беседу в кабинете, а затем и за чаем. В квартире Бетанкура Николай Осипович обмолвился, что совсем недавно Александр I посетил с инспекцией Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Все друзья и знакомые тщательно скрывали это от Бетанкура. Генерал-лейтенант тут же с большой дотошностью начал допытываться у Крафта, чем был вызван визит и как он проходил. Николай Осипович понял, что совершил ошибку и расстроил учителя, но отступать было поздно. Крафт признался, что у него с собой опубликованный рескрипт, предназначенный Его Королевскому Высочеству главноуправляющему путями сообщения герцогу Александру Вюртембергскому. Он достал из кожаной папки, оставленной у лакея в передней, личное письмо императора, разосланное по всем служебным ведомствам Петербурга.

Понимая, что Бетанкур не может прочесть текст по-русски, Крафт перевёл его на французский. В рескрипте говорилось: *«При осмотре МОЁМ Института Корпуса инженеров путей сообщения и Военно-строительного училища, Я, к совершенному Моему удовольствию, нашёл в них отличную чистоту, устройство и порядок; особенно же сим отличается Институт. Отдавая полную справедливость попечению и распоряжениям Вашего Королевского Высочества к приведению в такое положение сих заведений после их преобразования, Я в приятный долг себе вменяю изъявить Вашему Королевскому Высочеству за оное МОЮ искреннюю признательность. На подлинном собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукой написано: АЛЕКСАНДР».*

После всего услышанного Бетанкур совсем расстроился — на глазах его показались слёзы. Этот указ унизил его больше, чем отставка. Ведь в нём говорилось, что настоящая жизнь учебного заведения началась только после перестройки его герцогом Вюртембергским. Из документа следовало, что всё сделанное в институте ставилось в заслугу одному человеку — Александру-Фридриху. Это он построил новые корпуса, пригласил преподавателей из Европы, а потом подготовил и своих, ввёл новые образовательные программы и стандарты. Все лавры за многолетнюю, поистине титаническую работу достались ему — «преобразователю».

Когда лакей на серебряном подносе принёс в хрустальной вазочке взбитые сливки к чаю, Бетанкур трясущейся рукой никак не мог в неё попасть. Ничего не добившись, он положил

маленькую ложечку обратно на белоснежную скатерть. Николай Осипович заметил, что по щеке генерала прокатилась слеза. Однако Бетанкур быстро проглотил застрявшую в горле досаду и взял себя в руки.

Через полчаса после ухода Крафта Августину Августовичу сделалось плохо. Не помогла и горькая можжевеловая водка — её Бетанкур по совету нижегородского лекаря принимал перед обедом и ужином каждый день. Послали за доктором Рейнгольдом, но тот оказался в отъезде. Пришлось воспользоваться услугами малоизвестного немецкого врача Шмидта, недавно прибывшего в Санкт-Петербург, но уже успевшего помочь профессору Базену.

Осмотрев больного, доктор посоветовал принимать в малых количествах хинную соль в виде порошка и раствора, а также слабительные пилюли. Но и это не помогало. С каждым днём Бетанкуру становилось всё хуже и хуже. Через три дня наступил пароксизм лихорадки. Появилась испарина. Затем в один из вечеров отнялись ноги, и Августин Августович не смог самостоятельно передвигаться даже по квартире.

Семья окружила больного самой нежной заботой. Дочки заранее предупреждали малейшее желание отца. Сын Альфонсо приходил редко (он был на казарменном положении в гвардейском императорском полку), но и он при малейшей возможности стремился попасть домой. Кухарки под наблюдением Анны готовили для Бетанкура отвар из риса: его доктор также порекомендовал принимать больному.

Наконец наступило утро понедельника 14 июля. Лицо в этот день у Бетанкура было жёлтосерого цвета и с более глубокими, чем обычно, морщинами, залёгшими по углам рта. Обычно мутные во время болезни, глаза смотрели в потолок строго, сердито и страдальчески. Последнее, что видел Бетанкур, лёжа на низкой постели, — изображение святого Франциска, стоящее на тумбочке вверх ногами.

Это была старинная испанская традиция: только так можно было повлиять на святого, чтобы он сотворил чудо и исцелил больного. Наверное, Августин Августович не был суеверным и хотел было попросить жену перевернуть образ, но говорить ему было уже трудно. Он захрипел, а потом, протянув руку вперед, закашлялся, и тут всё его тело пронзили сильные судороги, рука задрожала и скрючилась, а затем безжизненно упала на кровать. Агония кончилась.

Жизнь великого человека оборвалась, но душа, как казалось Анне Джордейн, была ещё в теле. Женщина упала на его маленькую, уже стариковскую грудь и тихо заплакала. Аделина,

Матильда и только что ворвавшийся в спальню Альфонсо обступили тело отца: лицо его было значительным, как у настоящего испанского гранда, однако глаза не блестели, а скорее казались истлевшими.

ЗАБВЕНИЕ

Траурная церемония состоялась через несколько дней. Ни одна влиятельная газета Санкт-Петербурга не написала об этом. Царская семья и всё её окружение не высказали ни слова соболезнования семье покойного. Это был знак светскому обществу, что Бетанкур в немилости у царской фамилии и о его существовании нужно забыть как можно скорее. Всё это напоминало описание русского двора при Николае I, сделанное немного позже французским путешественником и публицистом маркизом Астольфом де Кюстином: *«Ещё недавно князь Репнин управлял государством и Государем, но два года назад он впал в немилость, и с тех пор в России не произносится его имя, бывшее до того у всех на устах. С вершины власти он был низвергнут в глубочайшую пропасть, и никто не осмелился ни вспомнить, ни думать о его жизни, не только настоящей, но и прошлой. В России в день падения какого-либо министра его друзья должны стать немыми и слепыми. Человек считается погребённым тотчас же, как только он кажется попавшим в немилость».*

Всё это в полной мере можно отнести и к Бетанкуру.

ЛЮТЕРАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Во время траурной церемонии, устроенной только на деньги родственников, Бетанкур лежал в обитом парчой гробу в генеральском мундире, с перчатками в руках, но без орденов. Ноги его были покрыты кисеёй. Впереди процессии вели верховую лошадь под траурной попоной, за ней шло несколько выпускников и воспитанников Института Корпуса инженеров путей сообщения, державших в руках бордовые подушечки с наградами генерала.

Затем следовала траурная колесница, запряжённая шестёркой лошадей, на которой помещался гроб с телом усопшего. Рядом с родственниками шли Пётр Петрович Базен и Павел Петрович Мельников, показывая всем своим видом близость к опальному генералу, которому Государь за многолетнюю преданную службу России не высказал даже соболезнования.

Уже на следующий день после похорон герцог Вюртембергский приказал своим секретарям и адъютантам, чтобы имя Августина де Бетанкура, по его мнению, запачкавшего коррупционными аферами своих подчинённых мундир путейского инженера, было забыто. Упоминание о генерал-лейтенанте в любом контексте, плохом или хорошем, во всех департаментах путей сообщения стало считаться моветоном. Даже любимый архитектор Бетанкура Огюст де Монферран, чтобы не попасть в немилость к сильным мира сего, отречётся на какое-то время от своего благодетеля.

ОТРЕЧЕНИЕ

12 апреля 1828 года Монферран скажет членам Комиссии по строению Исаакиевского собора, что все конструкции лесов и способы подъёма колонн при строительстве храма, *«изобретение сего способа и приготовление модели принадлежит исключительно мне»,* а не какому-то Бетанкуру. И только 30 мая 1858 года, когда имя Бетанкура будет забыто, Монферран признается, что только благодаря гению Августина де Бетанкура возможна была постройка грандиозного сооружения мирового масштаба, связавшего в единое архитектурное пространство Петербург с Римом и Лондоном.

Монферран публично подтвердит, что именно благодаря конструкциям и механизмам Бетанкура была поднята Александровская колонна на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. Хотя для специалистов, принимавших участие в строительстве Петербурга, это не было откровением. Ещё Филипп Филиппович Вигель в своих записках писал: *«Нужен был в Бетанкуре гений механика у чтобы поднять такую тяжесть и, как простую палку, воткнуть перед зданием. Выдуманные им машины служили великой помощью Монферрану, а после смерти его сделались его наследием».*

Не отреклись от Бетанкура только нижегородские купцы и выпускники Института Корпуса инженеров путей сообщения, несмотря на все старания герцога Вюртембергского, пытавшегося в своём ведомстве вытравить любое воспоминание о Бетанкуре. Но ему это не удалось.

ПАМЯТЬ

Даже когда все свечи на целых семнадцать десятилетий в память о Бетанкуре были потушены, одна свеча в Институте Корпуса инженеров путей сообщения горела всегда, и именно от неё зажгут десятки, а затем и сотни свечей по всей России в память об этом выдающемся человеке.

Нижегородцы тоже помнили создателя своей знаменитой ярмарки, но после того, как в 1930 году её не стало, о Бетанкуре и там забыли на несколько десятилетий. В августе 1824 года, узнав о смерти Бетанкура, нижегородские купцы сначала в Спасо-Преображенском соборе, а потом и во многих других храмах заказывали богатые панихиды по усопшему. Никто в России не ожидал, что нижегородское купечество, несмотря на немилость царской семьи, продолжит так любить и почитать Бетанкура. Здоровые, сильные, крепкие, бородатые мужики плакали, стоя перед иконостасом и вспоминая человека, создавшего на пустом месте самую крупную торговую ярмарку Европы, связав тем самым два континента — Европу и Азию.

В отличие от трусливых петербургских чиновников эти люди прежде всего ценили не должность и звание, а умение делать что-нибудь, а не служить. Авторитет Бетанкура в купеческой среде России был незыблемым. Ещё много десятилетий купцы от отца к сыну пересказывали истории и легенды о выдающемся испанце, пока советская власть не уничтожила русское купечество как класс.

В 1824 году нижегородские купцы объявили подписку на сбор средств для памятника на могиле Бетанкура на лютеранском кладбище Санкт-Петербурга. Когда деньги были собраны, они обратились к Огюсту Монферрану — его они знали по работе в Нижнем Новгороде. После долгого согласования памятник высотой 6,85 метра по рисункам французского архитектора изготовили на чугунолитейном заводе Нижнего Новгорода и отправили в Петербург. Это был подарок нижегородских купцов и знак особой благодарности испанскому инженеру на русской службе за создание такого грандиозного сооружения, как Нижегородская ярмарка.

Надгробный монумент представлял собой колонну, увенчанную траурной урной. На гранях могильного постамента были укреплены чугунные доски, на одной из них надпись на латыни: «Здесь лежит знатный и учёный господин Августин де Бетанкур. Род. на Канарских островах в лето Господне 1758. Ск. в Петербурге в лето Господне 1824. Прохожий, помолись о его

спасении». А на другой доске — вид Нижегородской ярмарки с надписью на французском: «Ярмарочный подарок от Нижнего Новгорода».

Однако мало кто навещал эту могилу в течение многих лет.

ЭПИЛОГ

В 1828 году, в связи с болезнью второй дочери Бетанкура — Аделины, врачи посоветовали ей покинуть Санкт-Петербург и отправиться на воды. Анна Джордейн с двумя дочерьми, Аделиной и Матильдой, уехала в Германию. В Россию они уже больше никогда не вернутся. В 1832 году Аделина умерла в Брюсселе. Матильда вышла замуж за графа Гарданна, французского офицера, родила ему двоих сыновей и двух дочерей. Долгое время они одной семьёй, с Анной Джордейн, жили сначала в Брюсселе, а затем в Версале.

В России остался только единственный наследник Бетанкура — Альфонсо, дослужившийся до генерал-адъютанта Александра II, но женат он не был и потомства после себя не оставил. Точнее, в гражданском браке у него была дочь, умершая в раннем возрасте. Одно время Альфонсо был дружен с Жоржем Шарлем Дантесом, смертельно ранившим на дуэли Александра Сергеевича Пушкина, а потом ставшим во Франции сенатором.

Во время свадьбы Дантеса (Георга Карла де Геккерена) и Екатерины Николаевны Гончаровой, родной сестры жены Пушкина Натальи Николаевны, 10 января 1837 года Альфонсо Бетанкур вместе с сотрудником французского посольства виконтом д'Аршиаком был поручителем (шафером) со стороны жениха. Именно виконт д'Аршиак будет потом составлять условия дуэли Дантеса с Пушкиным, очень жёсткие.

В год смерти великого русского поэта построили первый участок Царскосельской железной дороги — от Павловска до Кузьмина. 24 января 1837 года, к одиннадцати часам утра, на первые пробные рейсы приехали сотрудники французского посольства, в санях, с друзьями. Среди них были Жорж Шарль Дантес и Альфонсо де Бетанкур. По дороге все рассуждали о преимуществе чугунных дорог и паровых карет. Говорили, что Российское государство должно выработать особую систему субсидий, ссуд, ипотек, концессий, привилегий и гарантий, чтобы начать финансирование частных компаний и отдельных предприимчивых людей.

Один из французских дипломатов сказал, что Джеймс Ротшильд уже удвоил свой капитал акциями Версальской железной дороги, а в России тех, кто займётся железными дорогами, ждут несметные богатства. Все мечтали приобщиться к этому источнику неслыханной наживы, и каждый из присутствующих видел себя уже состоявшимся миллионером. За четыре дня до дуэли с Пушкиным Дантес рассуждал, как можно

заработать крупные деньги в России и в каком направлении для этого нужно двигаться. Когда прибыли в Павловск, то у огромного полукруглого павильона — увеселительного вокзала с рестораном стояло более сотни саней. Прокатиться на паровой карете из Петербурга приехало около тысячи человек. По этому поводу министр финансов Российской империи Егор Францевич Канкрин заметил: «В других государствах железными дорогами связываются важные промышленные пункты, — у нас выстроили такую в трактир».

Отвоевать себе место при таком скоплении народа в одном из вагонов паровой кареты оказалось делом непростым, но всё же французам во главе с Альфонсо Бетанкуром это удалось со второй попытки. Паровую машину с печью, котлом, цилиндрами и насосами гениального английского изобретателя Стефенсона привёл в движение не менее талантливый австрийский инженер-механик Франц Антон фон Герстнер.

В 1852 году Альфонсо Бетанкур уже с большим комфортом ехал по железной дороге Санкт-Петербург — Москва, построенной двумя учениками его отца — Павлом Петровичем Мельниковым и Николаем Осиповичем Крафтом. Он сопровождал прусского принца Вильгельма, который в 1861 году станет королем Пруссии, а в 1871-м — первым императором объединённой Германии. У Альфонсо и прусского принца Вильгельма найдутся общие знакомые, ведь именно с его рекомендательным письмом к генералу Адлербергу в 1834 году Жорж Шарль Дантес приехал на русскую службу.

В 1866 году Альфонсо Бетанкур получит звание генерал-лейтенанта. Умрёт он 14 декабря 1875 года в Санкт-Петербурге. После этого могила его отца будет забыта на тридцать лет, и вспомнят о ней ненадолго в 1909 году, в дни столетия Института Корпуса инженеров путей сообщения: на празднование приедут многочисленные гости из Германии, Франции и Италии. На могилу Бетанкура возложат венки. Выступая, директор Национальной школы мостов и дорог Парижа скажет: «В настоящее время благодаря тому, что сделано русскими инженерами вообще и проведением Великого Сибирского пути в частности, русские инженеры превзошли своих учителей и не имеют соперников».

ПОСТСКРИПТУМ

До Октябрьской революции лютеранское кладбище находилось в ведении церкви Святой Екатерины, но в 1919 году оно было национализировано и перешло в подчинение Комиссариата по внутренним делам. Затем закрыто и территориально сокращено: многие захоронения были уничтожены. Однако могилам Бетанкура, архитектора Тома де Томона и математика Эйлера повезло. Их перезахоронили в некрополь XVIII века на том же лютеранском кладбище (ныне часть Смоленского кладбища), а не смешали с землёй, как это произошло с сотнями других захоронений. Случилось это по разным причинам. Математика Эйлера и архитектора Тома де Томона большевики уважали. А Бетанкуру надгробный памятник исполнил Монферран — его они тоже почитали, как двоих первых. И хотя Августин Августович завещал похоронить себя рядом с дочерью, перезахоронили его отдельно. Могила дочери была уничтожена в 30-х годах XX столетия.

Тайными тропами после Второй мировой войны к могиле Бетанкура ходили только отдельные сотрудники Ленинградского института железнодорожного транспорта (правопреемника Института Корпуса инженеров путей сообщения), помня, где похоронен основатель их альма-матер.

Вспомнили о могиле Бетанкура только после смерти каудильо Франко в 1975 году, когда между Испанией и Советским Союзом возобновились дипломатические отношения. В1979 году в Ленинград должна была приехать большая правительственная делегация из Мадрида, пожелавшая в официальной части посетить могилу Бетанкура и возложить на неё венки. Министерство иностранных дел СССР обратилось в Ленинградский обком КПСС с просьбой срочно отыскать могилу, о которой уже все забыли. И только редкие сотрудники Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта знали, где она находится.

Когда официальные лица из обкома её отыскали, то ужаснулись. Не только могила, но и само кладбище находились в таком удручающем состоянии, что о посещении его испанской делегацией не могло быть и речи. Правительство города приняло срочное решение — второй раз перезахоронить останки Бетанкура, на сей раз со Смоленского кладбища в некрополь Александро-Невской лавры. Таким образом, прах Бетанкура пошёл на повышение: ведь некрополь лавры после Петропавловского собора самое почётное место захоронения в

Санкт-Петербурге.

Испанская делегация торжественно возложила венки в некрополе Александро-Невской лавры — ей продемонстрировали, как в городе на Неве чтут знаменитого испанского инженера.

А почему испанцы вспомнили о человеке, которого после его отъезда в 1808 году из Мадрида на родине тоже успели забыть? Дело в том, что в этой истории большую роль сыграл академик Иван Иванович Артоболевский (1907—1977), крупный советский учёный-механик, автор книги «Теория пространственных механизмов». В ней описаны и систематизированы четыре тысячи механизмов, применявшихся на тот момент (1937) в технике. Артоболевский заинтересовался биографией создателя науки ТММ (теория механизмов и машин): о нём он почти ничего не знал, но созданной им науке посвятил всю жизнь.

Академик поручил своему коллеге, историку естествознания и техники, свободно владевшему испанским языком, профессору Алексею Николаевичу Боголюбову собрать материал и написать книгу о выдающемся испанском учёном. Напомним, что ни международных, ни культурных отношений между Советским Союзом и Испанией времён Брежнева и Франко не существовало. Испанским историкам невозможно было изучать наследие Бетанкура в Советском Союзе, а русским — в Испании. Хотя в Испании всё же нашлось несколько энтузиастов. С ними-то и связался профессор Боголюбов.

В 1969 году появилась первая монография о творческом пути Августина де Бетанкура. За неё Алексея Николаевича Боголюбова испанское правительство наградило орденом «За заслуги».

В Испании изучением научно-технического наследия Бетанкура занимались такие учёные и историки, как Jose Antonio Gar-cia-Diego, Pedro Garcia Ormaechea y Casanovas, Sebastian Padron Acosta, Antonio Remeu de Armas, Fernando Saenz Ridruejo, Jose Luis Pedro Perez, Jose Fernandez Gonzalez, Abelardo Cabrera Gonzalez, Jose Antonio Curbelo Cruz.

В России для изучения биографии Августина де Бетанкура много сделали ректор Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС) с 1989 по 1999 год профессор Владимир Егорович Павлов; искусствовед, доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского Николай Филиппович Филатов; доцент ПГУПС Дмитрий Валентинович Никольский, а также первый проректор ПГУПС, профессор Александр Петрович Ледяев. Благодаря его усилиям 24 июня 2003 года в сквере на Обуховской площади установлен памятник Августину де Бетанкуру работы известного петербургского скульптора

Владимира Горевого.

На торжественном открытии бюста по приглашению правительства города присутствовал наследник испанского престола Его Королевское Высочество дон Фелипе Хуан Пабло де Борбон, принц Астурийский.

Значительный вклад в изучение научно-технической деятельности Бетанкура внесли франко-российские учёные Дмитрий и Ирина Гузевич.

Неоценимую помощь автору этой книги в сборе фактического материла на Канарских островах, в Мадриде и в шахтах Альмадена оказали президент Международного общественного фонда культуры и образования Геннадий Николаевич Попов (Россия, Санкт-Петербург) и президент Фонда «А.С. Пушкин» Александр Александрович Черносвитов (Испания, Мадрид), а также хранитель архива писем на острове Тенерифе и прямой наследник по линии старшего брата Августина де Бетанкура Хосе — испанский адвокат Хуан Кульен Салазар, предоставивший сохранившуюся переписку Бетанкура со своими родственниками.

Сегодня уже никто не сомневается, что Россия и Испания никогда не забудут своего благородного сына, сделавшего так много для процветания двух стран и продолжающего сближать их народы — Бетанкур остаётся самой яркой личностью в истории испано-российских отношений.

9 октября 1978 года сотрудник Крымской астрофизической лаборатории Л.В. Журавлёва между Марсом и Юпитером открыла новую планету, получившую порядковый номер 11446. По просьбе учёного совета одного из петербургских вузов 14 июня 2003 года ей присвоили имя Бетанкур. Официальное свидетельство о присвоении имени малой планете на основании решения Российской академии наук подписал лауреат Нобелевской премии, вице-президент РАН, академик Ж.И. Алфёров и директор ИПА РАН, член-корреспондент РАН А.М. Финкельштейн.

Благоприятные для наблюдения периоды:

июль — август 2004 года в созвездии Стрельца;

ноябрь — декабрь 2005 года в созвездии Тельца;

февраль — март 2007 года в созвездии Девы;

апрель — май 2008 года в созвездии Девы.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АВГУСТИНА ДЕ БЕТАНКУРА

1758, 1 февраля родился на острове Тенерифе Канарского архипелага

1777, 21 июля зачисляется в полк провинциальной милиции. Идёт по стопам отца, который служил капитаном провинциальной милиции.

1778, 12 мая присвоено звание лейтенанта. В этом же году вместе со своей сестрой Марией на острове Тенерифе сконструировал и построил прядильную машину.

1779, 7 января приступает к занятиям в школе Сан-Исидоро в Мадриде. В течение года изучает арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию. С июля одновременно с занятиями в школе Сан-Исидоро посещает Академию изящных искусств Сан-Фернандо, где обучается до 1783 года.

1780, начинает работать с Министерством по делам Индии, пенсионером в котором был на протяжении всей учёбы.

1783, направлен для определения работ, необходимых для исправления Имперского канала в Арагоне. В этом же году откачивает воду из рудников Альмадена.

29 ноября в Мадриде запускает первый в истории Испании «аэростатический глобус».

1784, 20 января избран почётным академиком Академии изящных искусств Сан-Фернандо.

В конце марта вместе с группой пенсионеров-соотечественников выезжает в Париж для продолжения учёбы. Основными учителями во Франции становятся Гаспар Монж (1746—1818) и Жан-Родольф Перроне (1706—1794).

1785, в июле из Франции возвращается в Мадрид и уже в сентябре снова отправляется в Париж.

1786, учёба в Париже в Школе мостов и дорог. Основной упор делается на изучение механики и гидравлики. Учителя Гаспар Франсуа де Прони, Адриан Лежандр, Лазар Карно… Знакомство с часовщиком Абрахамом Луи Бреге.

1787, посещает Парижский политехнический институт, собирает коллекцию моделей механизмов и машин, полезных для публичных работ в промышленности. Вблизи Вандома приобретает мельницу, строит в Париже совместно с Бреге обувную фабрику и механизирует её своими изобретениями. Начинает серьёзно заниматься паровыми машинами.

1788, испанский король Карл III назначает Бетанкура

директором Королевского кабинета машин в Мадриде с окладом 20 тысяч реалов в год. Кабинет становится первым техническим музеем в истории человечества. С 13 марта по 7 апреля с братом Хосе путешествует по Бретани и собирает информацию стратегического значения о портах. 11 ноября из Франции отправляется в Англию для ознакомления с паровой машиной на фабрике Уатта и Болтона. Занимается промышленным шпионажем.

1789, 15 июля Бетанкура посвящают в рыцари ордена Сантьяго. Знак ордена он всегда носит на своём мундире. Собирает сведения о промышленном потенциале Франции.

1790, в Париже заключает гражданский брак с англичанкой Анной Джордейн. Рождается дочь Каролина. Публикует результаты своих научных исследований в области термодинамики в материалах Парижской академии наук. Совместно с Бреге предлагает новую конструкцию телеграфа.

1791, 28 июля покидает Париж и возвращается в Мадрид. Занимается созданием Королевского кабинета машин во дворце Буэн-Ретиро. К этому времени каталог собрания насчитывает 271 модель и 327 чертежей. Рождение второй дочери Аделины.

1792, завершает устройство Королевского кабинета машин и открывает его для широкой публики. Готовит проект по организации в Испании первой Школы дорог, каналов и портов.

1793, первые серьёзные конфликты с трибуналом священной канцелярии инквизиции. Получает королевское разрешение на отъезд в Англию.

1794, в качестве представителя фирмы Бреге живёт в Лондоне. Интересуется вопросами электричества. Занимается проектированием паровых машин и механических трансмиссий. Становится членом Королевского сельскохозяйственного общества в Лондоне.

1795, от Лондонского королевского общества поощрения промышленности и торговли за проект машины для очистки водоемов от водорослей получает премию.

1796, в связи с разразившейся войной между Англией и Испанией и с подозрением в промышленном шпионаже бежит из Лондона. Осенью совместно с БрегеДиректории Французской республики представляет проект нового оптического телеграфа.

1797, поселяется в Мадриде в резиденции Буэн-Ретиро и получает разрешение короля на официальный брак с Анной Джордейн. Начинает подготовку для отъезда на Кубу, где ему предложено заняться устройством дорог и каналов, а также реорганизацией сахарного производства. Неожиданный отъезд во Францию.

1798, живёт в Париже. Первая встреча с Наполеоном, заинтересовавшимся оптическим телеграфом Бреге — Бетанкура. В декабре возвращается в Мадрид.

1799, занимается проектированием и строительством оптического телеграфа между Мадридом и Кадисом, а также созданием первой испанской Школы дорог, каналов и портов.

1800, в августе начинает функционировать линия оптического телеграфа между Мадридом и Кадисом.

1801, назначен генеральным инспектором дороги каналов Испании. В семье появляется ещё один ребёнок — дочь Матильда.

1802, получает чин министерского советника. В Мадриде открывается Школа дорог, каналов и портов.

1803, получает звание интендант армии, что по Табели о рангах соответствует гражданскому чину губернатору провинции или военному — полевому маршалу.

1804, состоялся первый выпуск инженеров Школы дорог, каналов и портов в Мадриде. Конфликт с профессором Хосе Мария де Ланцем. Рождение сына Альфонсо.

1805, встреча с русским посланником в Мадриде Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом. Получение очередного приглашения на русскую службу.

1806, усовершенствование учебного процесса в Школе дорог, каналов и портов. Конфликт между Бетанкуром и королевским фаворитом Мануэлем Гадоем.

1807, в мае навсегда покидает Мадрид. Отъезд во Францию. Первое знакомство с Россией.

1808, встреча с Александром I в Эрфурте, 30 ноября принят на русскую службу в чине генерал-майора.

1809, работает в Твери по спасению города от наводнений. Производит реконструкцию Тульского оружейного завода. 30 августа произведён в генерал-лейтенанты. 15 сентября назначен «особым инспектором» создаваемого Института Корпуса инженеров путей сообщения. 20 ноября царём подписан указ о преобразовании Департамента водных коммуникаций и об организации Корпуса инженеров путей сообщения и Института Корпуса инженеров путей сообщения.

1810,1 ноября начало занятий в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. Занимается реконструкцией крупных водных систем России (Вышневолоцкой, Мариинской и Тихвинской).

1811, приступает к строительству Каменноостровского моста через Малую Невку, долгое время в народе называвшимся Бетанкуровским. Награждён орденом Святого Александра Невского.

1812, создаёт уникальную механическую землечерпалку, производительность которой превысила показатели самых лучших европейских аналогов в 50 раз. Работает над реконструкцией Таицкого водопровода — система водоснабжения в Царском Селе, приступает к созданию «Царь-ванны» в Баболовском дворце.

1813, весной состоялся первый выпуск инженеров путей сообщения.

1814, уделяет внимание выпуску новых ассигнаций. Усовершенствует учебный процесс в Институте Корпуса инженеров путей сообщения.

1815, приступает к проектированию и строительству здания Экспедиции по заготовлению государственных бумаг. Вводит в России на деньгах новые водные знаки.

1816, назначен главой Комитета для строений и гидравлических работ. Формирует команду архитекторов, в которую входят: Карло Росси, Огюст Монферран, Антон Модюи, Василий Стасов, Андрей Михайлов… Построил первый паровой лесопильный завод в России. Занимается проектированием пушечно-литейного завода в Казани и Монетного двора в Варшаве.

1817, приступает к строительству Нижегородской торговой ярмарки и возводит в Москве Манеж (экзерциргауз).

1818, Александр I окончательно утверждает проект, предложенный Бетанкуром по переустройству центральной части Санкт-Петербурга и по строительству Исаакиевского собора. Состоялась закладка Спасского собора и строительство Китайских торговых рядов на Нижегородской ярмарке. Разрабатывает проект лесов и механизмов для подъема колонн Исаакиевского собора и Александрийской колонны.

1819, закладка нового наплавного Исаакиевского моста через Неву. Назначение на пост главного директора путей сообщения Российской империи. Разработка генерального плана Нижнего Новгорода.

1820, строительство шоссе Петербург — Москва. Создание Военно-строительной школы и Школы кондукторов путей сообщения. Спасение уникального Рождественского собора в Нижнем Новгороде. Поездка с инспекцией на Кавказ и по городам Российской империи.

1821, Бетанкур передаёт царю отчёт о состоянии водных и сухопутных дорог Российской империи. Первые немилости Александра I.

1822, 15 июля состоялось торжественное открытие Нижегородской ярмарки. 2 августа Бетанкур отстранён от

должности главного директора путей сообщения. Ревизия в Институте Корпуса инженеров путей сообщения.

1823, выселение Бетанкура из Юсуповского дворца. Постройка по проекту Бетанкура в Петербурге каменной церкви великомученика Георгия Победоносца на Георгиевском кладбище. Изготовление сидерометра —первая русская машина для проведения испытания металла на разрыв. Реконструкция Екатерингофского парка в Петербурге. Работа в Нижнем Новгороде и смерть старшей дочери Каролины.

1824, 4 февраля Александром I подписан указ об отставке Бетанкура с должности инспектора Института Корпуса инженеров путей сообщения. 14 июля Августин де Бетанкур скончался.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Августин Бетанкур. Неизвестный художник

Мануэль Годой, герцог Алсудия, победитель Португалии. Художник Ф. Гойя

Александр I. Художник С.С. Щукин

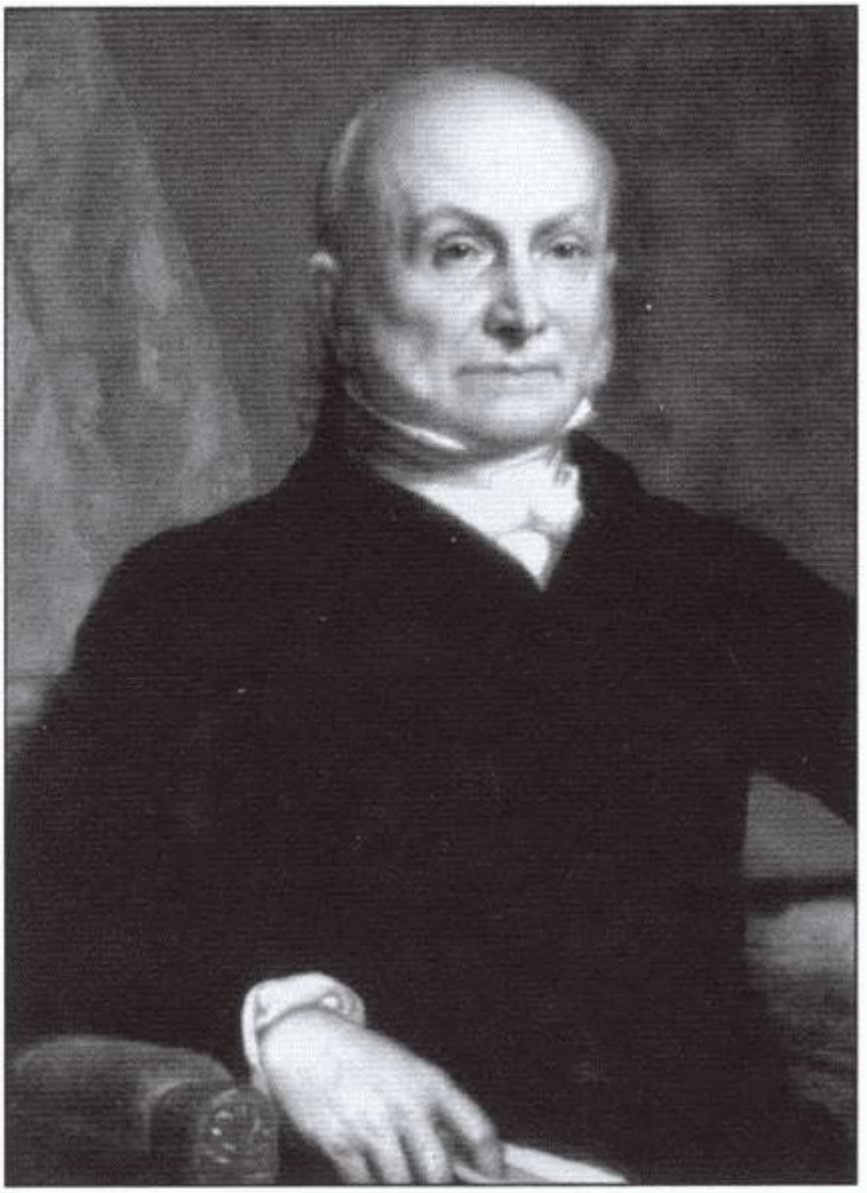
Канцлер Н.П. Румянцев. Художник Дж. Доу

А.-Л. Бреге — часовщик, создатель марки Breguet

Ф.П. де Волан. Неизвестный художник

Джон Куинси Адамс. Неизвестный художник

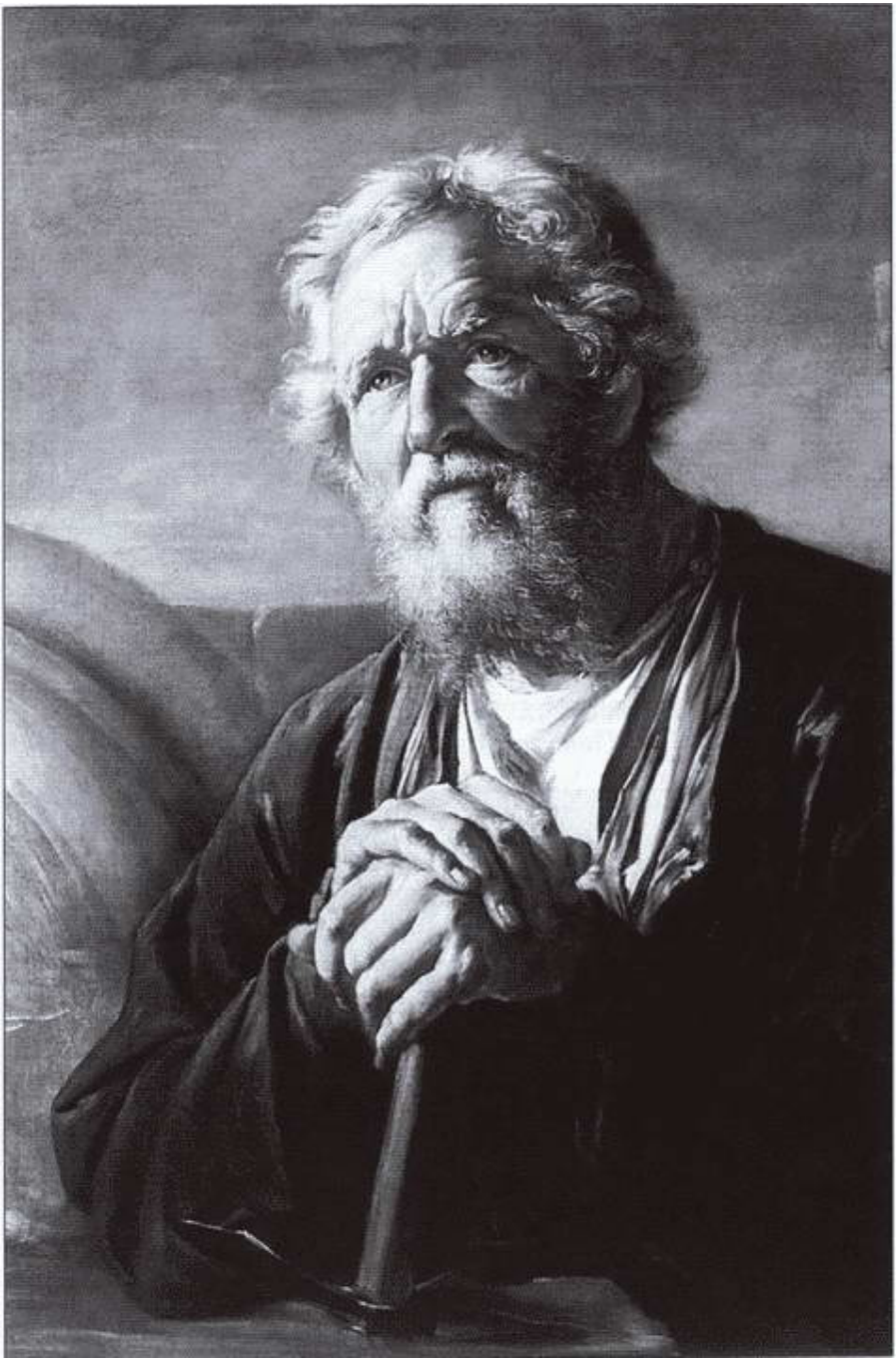
М.М. Сперанский. Художник А.Г. Варнерок

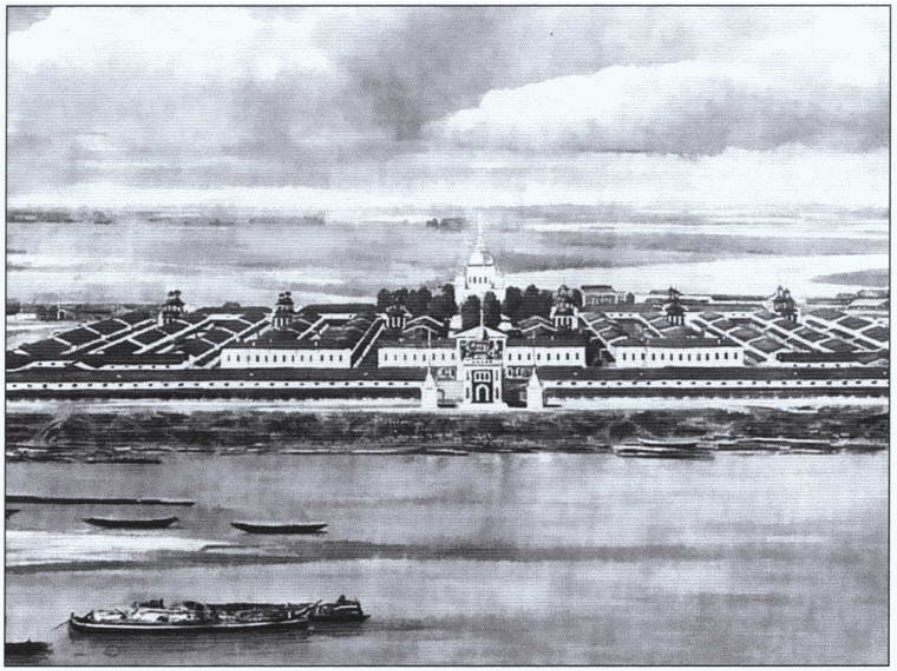
А.Б. Куракин. Художник Л. Гуттенбрунн

Великая княгиня Екатерина Павловна. Художник Ф. Штирбранд

С.К. Суханов. Художник В.А. Тропинин

Вид Нижегородской ярмарки в 1824 году. Неизвестный художник

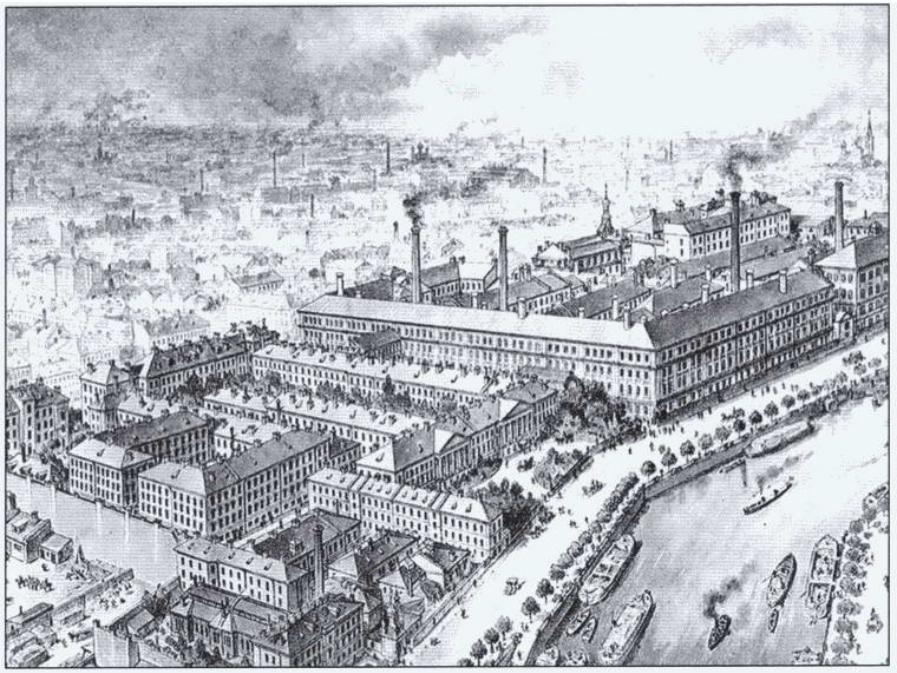
Китайские павильоны на Нижегородской ярмарке. Неизвестный Художник

Мост в Нижнем Новгороде. Старинная открытка

Староярмарочный собор в Нижнем Новгороде. Современный вид

Экспедиция заготовления государственных бумаг на Фонтанке в Санкт-Петербурге

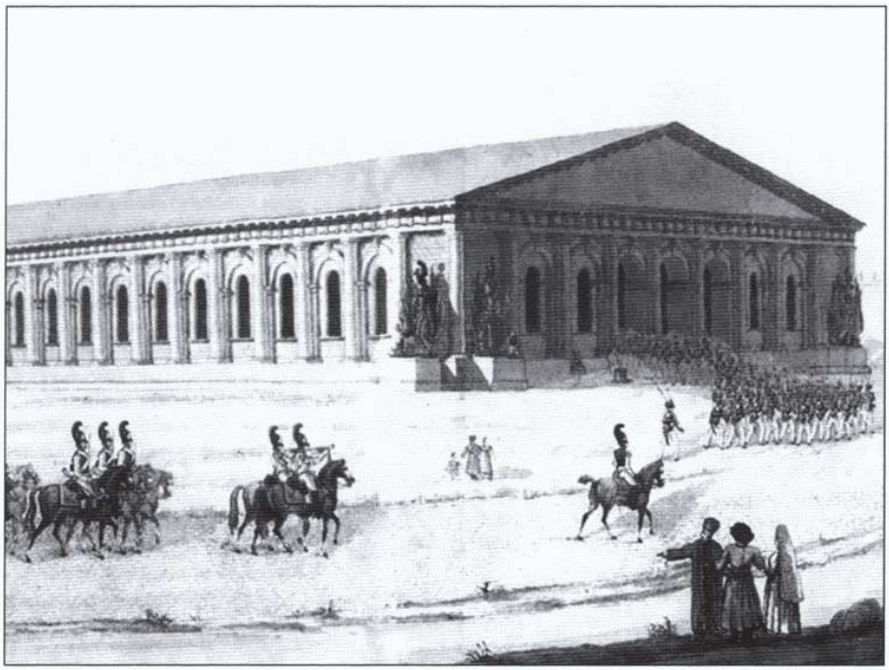
Вид строящегося Исаакиевского собора. Художник В.С. Садовников

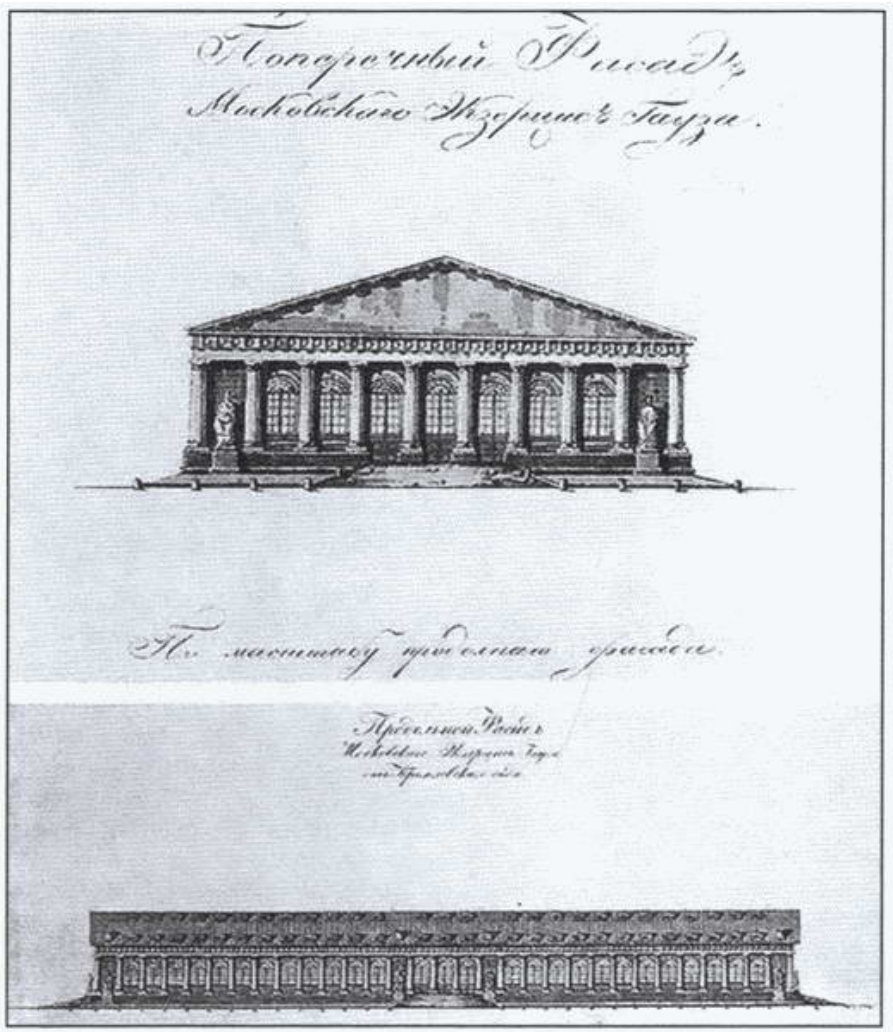
Наплавной мост через Неву. Неизвестный художник

ЗДЕСЬ НАХОДИЛСЯ ПЕРВЫЙ В ГОРОДЕ
НАПЛАВНОЙ ИСААКИЕВСКИЙ МОСТ.
БЕРЕГОВЫЕ УСТОИ СООРУЖЕНЫ В 1819-1821
ПО ПРОЕКТУ ИНЖЕНЕРА А.А. БЕТАНКУРА.

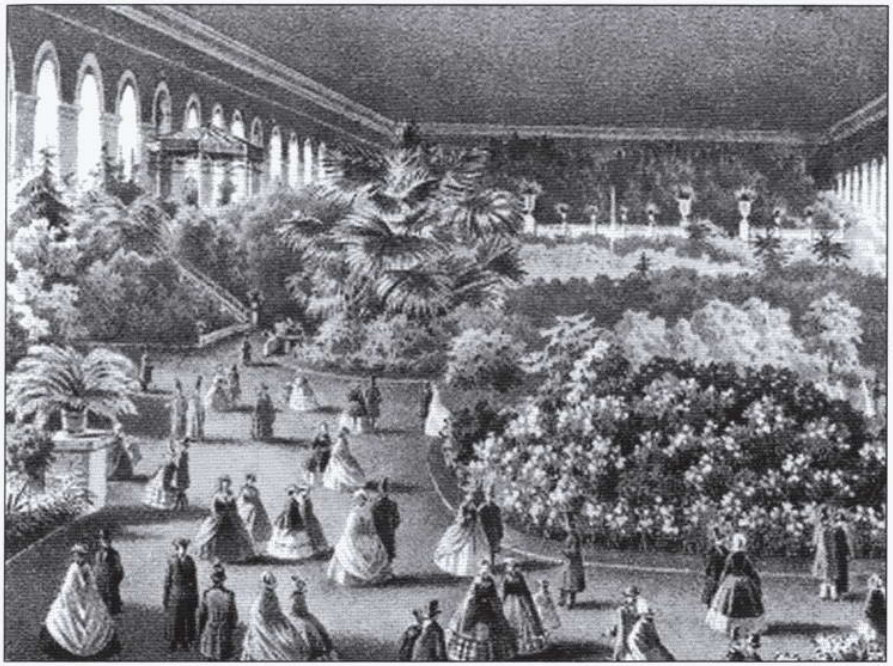
Памятная надпись об Исаакиевском наплавном мосте

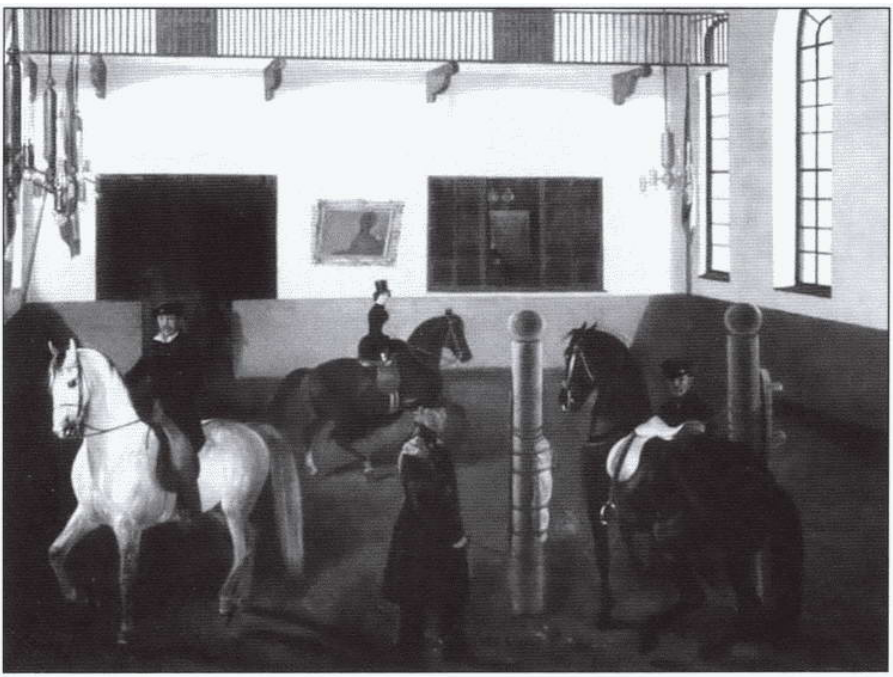
Московский Манеж. Акварель А.А. Бетанкура

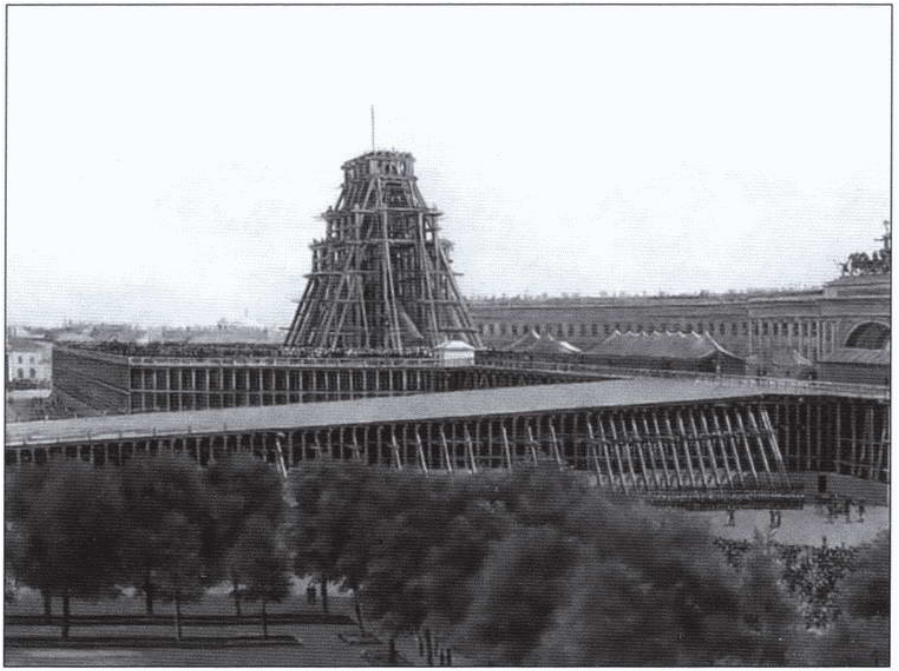
Московский Манеж. Чертеж из «Альбома комиссии для строений». А.А. Бетанкур. 1825 г.

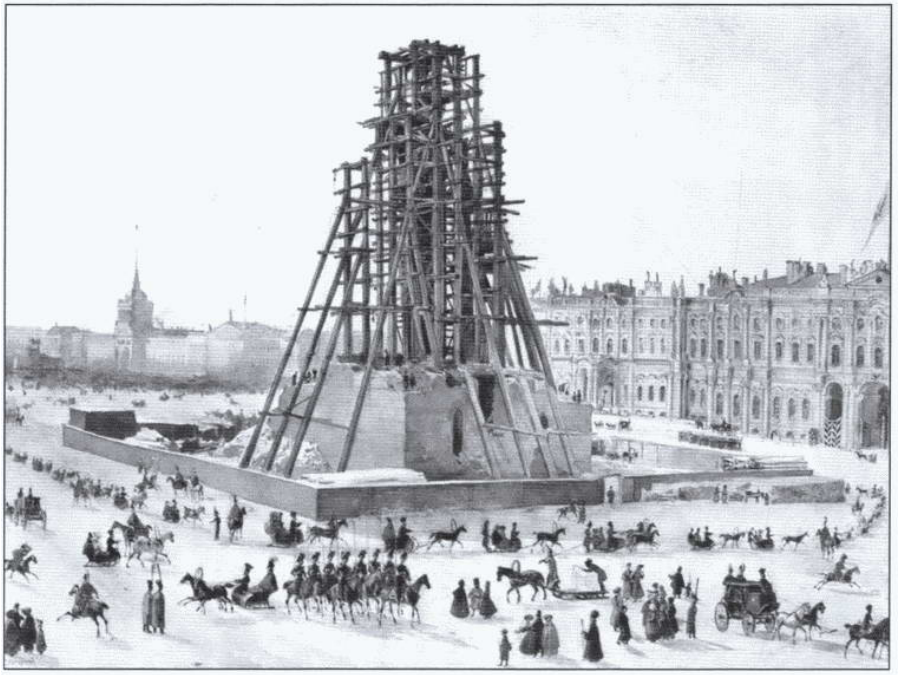
Гуляние в московском Манеже. Гравюра XIX в.

В манеже. Художник Н.Е. Сверчков

Подъем Александровской колонны. Художник А.Г. Денисов

Александровская колонна в лесах. Художник Г.Г. Гагарин

Памятник Бетанкуру на Обуховской площади в Санкт-Петербурге

Могила Бетанкура в некрополе Александро-Невской лавры

Бетанкур

Эта книга рассказывает о судьбе удивительного человека — Августина де Бетанкура (1758—1824), учёного, архитектора и инженера, организатора строительства и транспорта в Российской империи. Только перечень его изобретений может занять не одну страницу. Он жил в России в эпоху Александра I, когда создавались главные архитектурные ансамбли города на Неве.

Имя Бетанкура окружено многими загадками, причём совершенно неожиданными. Автор книги Дмитрий Кузнецов, используя подчас детективные методы расследования, попытался разгадать их и рассказать о том, что, казалось бы, навсегда осталось спрятанным в истории.

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

ISBN 978-5-4444-1071-4

notes

Примечания

1

Нет, ничего *(фр.)*.

2

Нащупывать брод *(исп.)*.

3

Клопы *(исп.)*.

4

Очищенная и отвердевшая пена сахара *(исп.)*.

5

Терпение *(исп.)*.

6

Читатель, если хочешь найти памятник, оглянись вокруг *(лат.)*.

7

Мадридский воздух свечу не задует, а человека убьет *(исп.)*.

8

В Испании короли обращаются к подданным на «ты».

9

Широкое применение на Кубе паровых машин по переработке сахара началось с 1817 по 1840 год, но первый шаг в этом направлении сделал именно Августин де Бетанкур.

10

Если верно, что быть счастливым… *(фр)*.

11

Высшая знать *(фр.)*.

12

Ливрейный лакей *(фр.)*.

13

Учтив, как великий барин *(фр.)*.

14

Одна пина равна примерно 546 литрам.

15

Слово «бумага» в ту эпоху имело и другое значение — «хлопок или изделия из него».

16

Мост, расположенный в месте соединения канала Грибоедова и реки Мойки; состоит из сходящихся в одной точке Мало-Конюшенного, Театрального и сухопутного моста-дамбы между двумя реками — Пешеходного.

17

Пример царствующего утверждает нравы народа *(фр.)*.

18

Человечество *(нем.)*.